„ЛЕВІАѲАНЪ“ Т. ГОББЗА.

ЛЕВІАѲАНЪ

или

О СУЩНОСТИ, ФОРМѢ И ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВА.

сочиненіе

ТОМАСА ГОББЗА МАЛЬМЕСБЕРІЙСКАГО.

Подобія ему нѣтъ на землѣ...
Іовъ, XLI, 25.

ПЕРЕВОДЪ,

по Гаагскому латинскому изданію 1674 г. и по англійскому подлиннику изданія Молесворта,

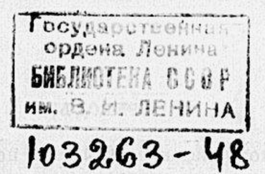
СЕРАФИМА АВТОКРАТОВА и ВАРѲОЛОМЕЯ ЗАЙЦЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Leviathan, sive De Materia, Forma et Potestate civitatis ecclesiasticae et civilis. Authore Thoma Hobbes, Malmesburiensi. Haag. 1674.

Leviathan: or, the matter, form and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil. By Thomas Hobbes of Malmesbury. (The english works of Thomas Hobbes of Malmesbury; now first collected and edited by sir William Molesworth, Bart. London. MDCCCXXXIX. Vol. III.)



Типографія Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова). В. О., 8 л., № 25.

Содержатель типографіи Николай Андреянович Неклюдовъ жительство имѣетъ по Фонтанкѣ между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, д. № 87.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

О ХРИСТІАНСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

О ЦАРСТВѢ МРАКА.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ДРУГУ МОЕМУ

МИСТЕРУ ФРЭНСИСУ ГОДОЛЬФИНУ ГОДОЛЬФИНСКОМУ,

КАВАЛЕРУ ОРДЕНА БАНИ.

Уважаемый сэръ,

Вамъ извѣстно, какъ нравились мои труды Вашему достойному брату, м-ру Сидни Годольфину, какъ почтилъ онъ меня своимъ одобреніемъ, какъ, наконецъ, въ самое тяжелое для меня время помогъ мнѣ своей благотворительностью. Я упоминаю объ этомъ не съ тѣмъ, чтобы ставить себѣ въ заслугу расположеніе ко мнѣ друзей, а потому, что я дорожу пріязнью столь доблестнаго мужа, обладавшаго всѣми совершенствами, какихъ требуетъ и божественная религія, и польза отечества или гражданскаго общества, и частная дружба. Чтобы почтить его память и засвидѣтельствовать Вамъ мою благодарность и уваженіе, я почтительнѣйше посвящаю Вамъ настоящій трактатъ о государствѣ. Не знаю, какъ приметъ его общество и какъ взглянетъ оно на сочувствующихъ ему. Конечно, трудно пробраться невредимо среди обнаженныхъ мечей, поднятыхъ съ одной стороны за безграничную сво-

боду, съ другой—за безграничную власть. Однако я право не знаю, за что могла бы возненавидѣть меня та или другая партія. Вѣдь я только возвеличиваю, сколько могу, государственную власть, а противъ этого ни тѣ, ни другіе не могутъ имѣть ничего, потому что всѣ они стремятся къ этой власти. Кромѣ того, я говорю не о власти извѣстныхъ людей, а о власти вообще, подобно тѣмъ простодушнымъ и безпристрастнымъ тварямъ, которые спасли римскій Капитолій своимъ крикомъ, вовсе не помышляя, кому они окажутъ услугу; стало-быть никто не можетъ негодовать на меня, а кому-нибудь я навѣрно угожу. Быть можетъ, инымъ не понравится, что я рѣшился толковать нѣкоторые тексты Священнаго Писанія иначе, чѣмъ какъ ихъ обыкновенно объясняютъ. Но я былъ вынужденъ необходимостью, потому что въ своемъ обыкновенномъ толкованіи эти тексты—батареи, сокрушающія государственную власть. Притомъ въ толкованіяхъ моихъ нѣтъ ничего непочтительнаго или противнаго религіи.

Но если, несмотря на всѣ эти доводы, мой трудъ подвергнется порицанію, то Вы легко можете устранить себя отъ всѣхъ нападокъ. Вы скажете только, что я человѣкъ, преданный своимъ убѣжденіямъ, рѣшился изъ привязанности къ памяти Вашего брата, посвятить Вамъ, не спрашивая Вашего согласія, идеи, которыя считаю истинными, и подписаться подъ ними Вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою

ТОМАСОМЪ ГОББЗОМЪ.

Парижъ, апрѣля 15/25, 1651 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Человѣческое искусство до такой степени подражаетъ природѣ, т. е. тому искусству, которымъ Богъ создалъ міръ и управляетъ имъ, что между прочимъ можетъ произвести искусственное животное. Жизнь есть ни что иное, какъ движеніе членовъ, главное начало котораго находится внутри, въ какой-нибудь главной части тѣла; если это такъ, то развѣ нельзя сказать, что искусственною жизнью обладаютъ всѣ автоматы или всѣ машины, приводимыя въ движеніе посредствомъ пружинъ и колесъ, расположенныхъ въ ихъ внутренности. Что такое сердце, какъ не пружина; нервы—какъ не проволоки; суставы — какъ не колеса, сообщающія всему тѣлу то движеніе, которое имѣлъ въ виду художникъ? Но искусство идетъ дальше и подражаетъ нетолько животному, но и благороднѣйшему изъ животныхъ — человѣку. Тотъ великій **ЛЕВІАѲАНЪ**, который называется Государствомъ, по-латинѣ Civitas, есть произведеніе искусства; это искусственный человѣкъ; по массѣ и по силѣ онъ гораздо больше естественнаго человѣка и устроенъ для его покровительства и защиты. Въ немъ державная власть есть искусственная душа, дающая жизнь и движеніе всему тѣлу; судьи и другіе чины юстиціи и администраціи — искусственные члены; награды и наказанія, принадлежащія верховной власти и побуждающія каждый членъ и каждый суставъ исполнять свое назначеніе,—нервы, которые производятъ тоже самое въ естественномъ организмѣ; богатство всѣхъ

частныхъ членовъ служитъ силой; общественная безопасность, salus populi—отправленіемъ; совѣтники, представляющіе организму все, что ему необходимо знать, соотвѣтствуютъ памяти; правосудіе и законы—разуму и волѣ. Согласіе есть здравіе; возмущеніе—болѣзнь; междоусобіе—смерть. Наконецъ, договоры, которыми первоначально связуются части этого политическаго тѣла, подобны словамъ: «да будетъ!» или «сотворимъ человѣка!» произнесеннымъ Богомъ при міротвореніи.

Я намѣренъ описать этотъ искусственный организмъ и съ этой цѣлью разсмотрю:

1) его сущность и создавшаго его художника, т. е. человѣка;

2) какъ и на какихъ условіяхъ онъ устроенъ; чѣмъ онъ охраняется и черезъ что разрушается; каковы права и власть или авторитетъ державности;

3) что такое христіанское государство;

4) что такое царство тьмы.

Относительно перваго предмета моихъ изслѣдованій многіе утверждаютъ, что познаніе человѣка пріобрѣтается чтеніемъ не книгъ, а людей. Если разсуждающему такимъ образомъ удастся проникнуть въ чужія мысли, онъ очень доволенъ собой и обнаруживаетъ свое удовольствіе безпощаднымъ порицаніемъ ближняго. Но есть другое, болѣе древнее правило, которое могло бы научить этихъ людей правильнѣе читать другихъ: это правило—nosce te ipsum,—познай самого себя. Нѣкоторые полагаютъ, будто оно поощряетъ владычествующихъ варварски относиться къ подчиненнымъ или, наоборотъ, оправдываетъ дерзкое поведеніе низшихъ въ отношеніи высшихъ: какъ то, такъ и другое несправедливо; правило это выражаетъ только ту мысль, что страсти каждаго человѣка такъ сходны со страстями другаго, что, присматриваясь къ самому себѣ и разсуждая о своихъ собственныхъ поступкахъ, мысляхъ, мнѣніяхъ, сужденіяхъ, надеждахъ, опасеніяхъ и пр.—и о причинахъ ихъ, можно вмѣстѣ съ тѣмъ читать и понимать мысли и страсти всѣхъ людей, вызываемыя подобными же причинами. Я утверждаю, что подобны страсти,—какъ то: желаніе, надежда, опасеніе,—а не объекты страстей, т. е. не предметы желанія, надежды и опасенія; послѣдніе такъ разнообразны, смотря

по личному темпераменту и воспитанію, и такъ затаенны, что въ этомъ отношеніи сердца людей, испорченныя и омраченныя притворствомъ, скрытностью, ложью и заблужденіями, можетъ читать лишь одинъ Сердцевѣдецъ. Хотя иногда мы можемъ узнавать намѣренія людей по ихъ поступкамъ, однако такое познаніе затруднительно безъ сравненія съ нашими собственными намѣреніями и поступками и безъ разбора обстоятельствъ, часто очень измѣняющихъ частныя послѣдствія. Такъ, еслибы кто хотѣлъ прочесть письмо неизвѣстнаго начертанія, не имѣя въ рукахъ его алфавита, то неизбѣжно впалъ бы въ ошибку или по крайнему легковѣрію, или по излишней подозрительности, смотря по тому, честенъ ли онъ самъ, или подлъ. Чтобы пріобрѣсти знаніе людей, достаточно узнать близкихъ къ себѣ лицъ, а ихъ всегда бываетъ немного. Но кому предстоитъ управлять цѣлымъ народомъ, тотъ необходимо долженъ на самомъ себѣ изучить не того или другаго частнаго человѣка, а весь человѣческій родъ. Хотя достичь этого трудно, труднѣе, чѣмъ изучить новый языкъ или усвоить себѣ какую-нибудь науку, но когда я разъясню результаты моихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ ясно и въ правильномъ порядкѣ, то трудность уменьшится для тѣхъ, кто займется этимъ послѣ меня; имъ останется только одинъ трудъ—изслѣдовать, согласны ли мои мысли съ ихъ мнѣніями. Въ подобныхъ вопросахъ другаго рода доказательствъ быть не можетъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

О ЧЕЛОВѢКѢ.

КНИГА I

О ЧЕЛОВѢКѢ.

ГЛАВА I.

Объ ощущеніи.

Я разсмотрю человѣческія мысли сперва отдѣльно, потомъ въ зависимости однѣ отъ другихъ — въ связи. Всякая мысль есть изображеніе или представленіе какого-нибудь качества или принадлежности извѣстнаго предмета, который обыкновенно называется объектомъ. Этотъ объектъ, дѣйствуя на органы человѣческаго тѣла, какъ-то глаза, уши и пр., возбуждаетъ различныя представленія, смотря по различію въ дѣйствіи. Начало всякаго представленія есть то, что мы называемъ ощущеніемъ, потому что въ душѣ нѣтъ ни одного понятія, которое не родилось бы предварительно въ какомъ-нибудь изъ органовъ чувствъ, или все сразу цѣликомъ, или въ частностяхъ. Всѣ дальнѣйшія представленія происходятъ изъ этого первоначально возникшаго ощущенія. Знаніе естественной причины ощущеній не безусловно необходимо для цѣли настоящаго сочиненія; притомъ мы разсуждали объ этомъ довольно пространно въ другомъ мѣстѣ. Тѣмъ неменѣе, для полноты настоящаго разбора, мы снова скажемъ о томъ же предметѣ, впрочемъ вкратцѣ. Ощущеніе.

Причина ощущенія есть внѣшнее тѣло или объектъ, который производитъ давленіе на какой-либо органъ, или непосредственно, какъ въ чувствѣ осязанія и вкуса, или посредственно, какъ въ зрѣніи,

слухѣ, обонянiи: произведя давленiе, онъ (посредствомъ нервовъ и полостей) непрерывнымъ путемъ доходитъ до мозга, а изъ него до сердца. Вслѣдствiе этого возбуждается противодѣйствiе сердца и противоположное давленiе или ἀντιτυπία. т. е. старанiе сердца освободиться отъ давленiя посредствомъ движенiя, направленнаго кнаружи. Движенiе это представляется намъ какъ-бы внѣшнимъ. Оно-то и называется ощущенiемъ. Въ отношенiи глаза оно называется свѣтомъ или цвѣтомъ, въ отношенiи уха — звукомъ, въ ноздряхъ — запахомъ, въ нёбѣ — вкусомъ, а въ остальномъ тѣлѣ — теплотой, холодомъ, твердостью, мягкостью и другими названiями, которыя относятся къ чувству осязанiя. Всѣ эти качества обыкновенно называются ощущаемыми. Въ объектѣ они ни что иное, какъ движенiя матерiи, которыми объектъ различнымъ образомъ влiяетъ на органы чувствъ. Точно такъ и въ самомъ субъектѣ всѣ представленiя о качествахъ и свойствахъ ни что иное, какъ движенiя; потому что движенiе производитъ только движенiе же, и представленiя эти, нетолько у спящихъ, но и у бодрствующихъ, не болѣе какъ созданiя воображенiя. Кромѣ того, подобно тому, какъ давленiе на осязанiе возбуждаетъ ощущенiе тренiя, впечатлѣнiе на глазъ—представленiе свѣта, давленiе на ухо — звукъ; такъ и всѣ объекты, которые мы видимъ или слышимъ, возбуждаютъ представленiя посредствомъ давленiя, впрочемъ незамѣтнаго. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы цвѣта и звуки существовали въ самыхъ объектахъ, то не могли бы отдѣляться отъ нихъ; между тѣмъ они отдѣляются, какъ доказываетъ отраженiе свѣта отъ зеркалъ и звуковъ въ гористой мѣстности. Въ этихъ случаяхъ мы знаемъ, что объектъ находится въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, тогда какъ качество его является на многихъ другихъ. Иногда на небольшихъ разстоянiяхъ объектъ кажется, правда, (какъ-бы) облеченнымъ въ свой образъ; но тѣмъ менѣе ясно, что онъ есть нѣчто совершенно другое, отличное отъ его представленiя (образа). Итакъ, ощущенiе и первоначальное представленiе тожественны во всѣхъ отношенiяхъ и происходятъ, какъ я сказалъ, отъ давленiя на глазъ или другой органъ со стороны внѣшняго объекта.

Схоластическiе философы, основываясь на нѣкоторыхъ выраженiяхъ Аристотеля, учатъ во всѣхъ христiанскихъ университетахъ иначе: а именно, они говорятъ, что видимые образы (т. е. явленiя или виды), испускаемые объектомъ въ глазъ, составляютъ сущность зрѣнiя; точно также слышимые образы (т. е. явленiя или звуки), испускаемые объектомъ въ ухо, служатъ причиной слуха; наконецъ, причина разумѣнiя заключается будто-бы въ разумныхъ образахъ (т. е. явленiяхъ или идеяхъ), испускаемыхъ понимаемымъ предметомъ. Я говорю

это не для того, чтобы только порицать университетскiе обычаи, а потому, что буду говорить о нихъ ниже въ отдѣлѣ «о государствѣ», гдѣ покажу, что въ нихъ должно исправить. Только поэтому я и счелъ нужнымъ упоминать о нихъ, потому что иначе, сами по себѣ, они не стоили бы упоминовенiя.

ГЛАВА II.

О воображенiи.

Воображенiе.

Несомнѣнно для всѣхъ, что тѣло, находящееся въ полномъ покоѣ, пребудетъ въ немъ вѣчно, если не будетъ приведено въ движенiе другимъ тѣломъ. Но большинству далеко не такъ очевидно, что и движущееся тѣло будетъ вѣчно двигаться, если движенiе его не будетъ прекращено чѣмъ-нибудь постороннимъ. Однако оба эти положенiя въ основанiи тожественны, будучи основаны на той истинѣ, что ничто не можетъ приводить само себя въ движенiе. Эта разница въ понимании происходитъ оттого, что люди нетолько о другихъ людяхъ, но и вообще о всѣхъ тѣлахъ разсуждаютъ по самимъ себѣ. Замѣчая у себя послѣ движенiя усталость и утомленiе, они предполагаютъ эти слѣдствiя при всякомъ другомъ движенiи, думая, что за утомленiемъ само собою должно явиться желанiе успокоиться. При-этомъ имъ и на мысль не приходитъ подумать, что есть движенiя совершенно иного рода, и спросить себя, въ чемъ состоитъ желанiе покоя. Такимъ образомъ въ школахъ учатъ, что тяжелыя тѣла потому опускаются, что желаютъ успокоиться и сохранять свою природу въ мѣстахъ, наиболѣе для нихъ удобныхъ. Въ этомъ случаѣ бездушнымъ предметамъ нелѣпо приписывается способность желать и знать, что для нихъ благо и что зло (тогда какъ этого знанiя лишено даже большинство людей).

Тѣло, однажды пришедшее въ движенiе, будетъ продолжать его вѣчно, если не встрѣтитъ препятствiя со стороны другаго тѣла; притомъ препятствiе останавливаетъ движенiе не мгновенно, а уничтожаетъ его постепенно, во времени. Подобно тому, какъ на морѣ волненiе прекращается не тотчасъ послѣ того, какъ утихнетъ вѣтеръ, такъ и движенiе, которое совершается внутри человѣка, когда онъ видитъ, спитъ и пр.; образъ видѣннаго предмета удерживается имъ и сохраняется нѣко-

торое время послѣ того, какъ предметъ уже удаленъ или глазъ сомкнутъ; вся разница въ томъ, что этотъ образъ дѣлается тогда нѣсколько менѣе яснымъ. Эта способность человѣка удерживать образы называется воображенiемъ оттого, что здѣсь образы дѣлаются видимыми; это названiе прилагается—впрочемъ неправильно — и къ представленiямъ другихъ ощущенiй. Греки гораздо вѣрнѣе называютъ эту способность фантазiей, что̀ можетъ относиться къ представленiю всякаго ощущенiя, изъ какого бы чувства оно ни проистекало, тогда какъ «воображенiе» должно относиться только къ видимымъ предметамъ (къ ощущенiямъ зрѣнiя). Итакъ, воображенiе есть ни что иное, какъ слабѣющее ощущенiе; оно обще людямъ почти со всѣми прочими животными и дѣйствуетъ въ нихъ и во снѣ, и на яву.

По удаленiи объекта, образъ слабѣетъ и сглаживается не потому, чтобы движенiе, совершающееся въ актѣ ощущенiя, ослабѣвало само по себѣ, а потому, что органы заняты впечатлѣнiями другихъ объектовъ. Такъ блескъ звѣздъ помрачается несравненно сильнѣйшимъ сiянiемъ солнца: однако звѣзды и днемъ точно также какъ и ночью сохраняютъ тотъ свѣтъ, который дѣлаетъ ихъ видимыми. Но днемъ, вслѣдствiе преобладанiя солнечнаго свѣта, мы не замѣчаемъ блеска звѣздъ, и точно также изъ всѣхъ многоразличныхъ впечатлѣнiй, производимыхъ внѣшними предметами на наши глаза, уши и прочiе органы чувствъ, мы ощущаемъ только одно преобладающее впечатлѣнiе. Удаляясь отъ насъ, объектъ оставляетъ произведенное имъ впечатлѣнiе; но такъ какъ за этимъ впечатлѣнiемъ слѣдуютъ другiя, отъ другихъ объектовъ, то образъ перваго предмета ослабѣваетъ и помрачается послѣдующими, какъ напримѣръ голосъ человѣка въ уличномъ шумѣ. Вслѣдствiе этого, чѣмъ больше времени прошло послѣ созерцанiя или ощущенiя какого-нибудь объекта, тѣмъ слабѣе его образъ. Кромѣ того постоянное измѣненiе самихъ органовъ тѣла, съ теченiемъ времени разрушаетъ нѣсколько частицъ, двигавшихся въ ощущенiи. Такимъ образомъ разстоянiе во времени производитъ на наши ощущенiя то же дѣйствiе, какъ и разстоянiе въ пространствѣ: на большомъ разстоянiи въ пространствѣ видимые нами предметы кажутся менѣе ясными, мелкiя части ихъ вовсе непримѣтны, звуки менѣе громки и членораздѣльны; точно также и на большомъ разстоянiи во времени—впечатлѣнiе прошлаго слабѣетъ, и мы, напримѣръ, забываемъ многiя улицы видѣнныхъ нами городовъ и многiя обстоятельства событiй. Представляемое ощущенiе называется, какъ мы уже сказали, воображенiемъ, когда рѣчь идетъ о самомъ предметѣ или о самомъ образѣ его; но желая обозначить ослабленiе его, желая сказать, что ощущенiе прошлое, старое, ослабленное,

—мы называемъ его воспоминанiемъ. Поэтому воображенiе и воспоминанiе въ сущности тожественны и означаютъ лишь различныя стороны одного и того же предмета.

Память. Память многихъ вещей называется опытомъ. Воображать можно только тѣ вещи, которыя мы когда-либо воспринимали чувствами, или цѣликомъ, или по частямъ. Когда мы вдругъ воображаемъ весь объектъ цѣликомъ, то это воображенiе простое, — когда, напримѣръ, кто-нибудь вообразитъ себѣ человѣка или коня, котораго видѣлъ прежде. Сложнымъ называется то воображенiе, которое слагается изъ нѣсколькихъ различныхъ ощущенiй, когда, напримѣръ, изъ человѣка, видѣннаго въ одно время, и коня, видѣннаго въ другое, мы составляемъ въ умѣ Центавра. Соединяютъ также образъ своего собственнаго лица съ образомъ дѣйствiй другаго человѣка, когда, напримѣръ, кто-нибудь воображаетъ себя Геркулесомъ или Александромъ (что случается иногда съ людьми, много читающими о подвигахъ героевъ). Такое сложное воображенiе ни что иное, какъ вымыселъ ума. Нерѣдко образы фантазiи возникаютъ у людей нетолько во снѣ, но и на яву, подъ влiянiемъ сильнаго впечатлѣнiя, произведеннаго ощущенiемъ; такъ напр., если долго и напряженно смотрѣть на солнце, то послѣ того предъ глазами носится небольшое изображенiе солнца въ видѣ пятна; отъ продолжительнаго и сильнаго занятiя геометрическими фигурами человѣку въ потьмахъ, на яву представляются углы и линiи. Я не знаю, имѣетъ ли этотъ родъ фантазiи особое названiе: о немъ упоминаютъ рѣдко.

Сны. Образы фантазiи, являющiеся во снѣ, называются сновидѣнiями. Подобно всѣмъ другимъ, эти образы существовали прежде въ ощущенiи, или вполнѣ, или по частямъ. Во снѣ мозгъ и нервы,—необходимые органы ощущенiя, — такъ нѣмѣютъ, что дѣйствiе внѣшнихъ предметовъ не легко приводитъ ихъ въ движенiе; поэтому образъ фантазiи, а слѣдовательно и сновидѣнiе, можетъ возникнуть у спящаго только отъ дѣйствiя внутреннихъ частей чувствующаго организма. Эти внутреннiя части, по своей связи съ мозгомъ и другими органами, приводятъ иногда органы своимъ напряженiемъ въ движенiе и вызываютъ образы, бывшiе прежде въ умѣ. Но во снѣ способность представленiя недоступна внѣшнимъ впечатлѣнiямъ, такъ что другiе, новые объекты уже не могутъ помрачать представленiя прежнихъ; поэтому, при такомъ молчанiи чувствъ, сновидѣнiе естественно всегда яснѣе образовъ бодрствующей фантазiи. Установить различiе между ощущенiемъ и сновидѣнiемъ очень трудно и многимъ кажется невозможнымъ. Я съ своей стороны принимаю въ соображенiе слѣдующiя обстоятельства: въ сно-

видѣніи человѣкъ думаетъ большею частью не о тѣхъ предметахъ, мѣстахъ, лицахъ и дѣйствіяхъ, какъ на яву; въ сновидѣніяхъ онъ не можетъ имѣть такого длиннаго ряда связныхъ мыслей, какъ на яву; на яву человѣкъ часто видитъ нелѣпость своихъ сновидѣній, а въ сновидѣніи не видитъ нелѣпости своихъ мыслей на яву: изъ всего этого можно заключить, что все видимое бодрствующимъ человѣкомъ — не сонъ, хотя, наоборотъ, во снѣ ему кажется, будто онъ бодрствуетъ. Причина сновидѣнія заключается въ напряженіи нѣкоторыхъ внутреннихъ органовъ тѣла; поэтому сны бываютъ различны, смотря по тому, въ какомъ органѣ происходитъ напряженіе. Такъ ознобъ во время сна сопровождается испугомъ и страшными видѣніями. Движеніе совершается одинаково: и отъ мозга къ другимъ внутреннимъ органамъ и, наоборотъ, отъ нихъ — къ мозгу. Поэтому если напр. гнѣвъ возбуждаетъ на яву въ извѣстныхъ органахъ жаръ, то во время сна, наоборотъ, излишняя теплота въ тѣхъ же частяхъ возбуждаетъ гнѣвъ и вызываетъ въ мозгу образъ какого-нибудь врага. Подобнымъ же образомъ любовь на яву возбуждаетъ жаръ въ нѣкоторыхъ органахъ, и, наоборотъ, жаръ въ этихъ органахъ возбуждаетъ у спящаго образъ любви. Вообще сновидѣнія и представленія, возникающія на яву, находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу: на яву движеніе начинается съ одного конца, а во снѣ съ противоположнаго.

Явленіе призраковъ. Отличить сновидѣніе отъ представленій бодрствующаго человѣка бываетъ особенно трудно, когда мы по какому-нибудь случаю заснули непримѣтно для насъ самихъ, что часто случается, когда мы засыпаемъ съ мыслью о сдѣланномъ или предпринимаемомъ дѣлѣ, причемъ засыпаніе наше не сопровождается обыкновенными обстоятельствами раздѣванья и отхожденья ко сну, — когда, напримѣръ, кто-нибудь засыпаетъ на каѳедрѣ, сидя или наклонившись. Точно также, когда человѣкъ чѣмъ-нибудь озабоченъ и ложится спать встревоженный, то, если ему приснится что-нибудь странное и поразительное, онъ можетъ легко подумать, что видѣлъ это не во снѣ. Такъ разсказываютъ, что Маркъ Брутъ (который былъ другомъ Юлія Цезаря, былъ помилованъ имъ отъ смертной казни и неблагодарно убилъ его) въ ночь передъ битвой съ Августомъ Цезаремъ при Филиппахъ имѣлъ страшное видѣніе. Историки увѣряютъ, что это было настоящее видѣніе; но, принявъ въ соображеніе частныя его обстоятельства, мы приходимъ къ заключенію, что это было не видѣніе, а сонъ. Брутъ сидѣлъ въ палаткѣ, задумчивый и смущенный своимъ безумнымъ поступкомъ и хотя не заснулъ крѣпко, но погрузился въ дремоту; холодный воздухъ располагалъ его къ страшнымъ грезамъ, а изъ нихъ ему всего естественнѣе было увидѣть то, что болѣе всего занимало и ужасало его мысль на яву; подъ вліяніемъ этой страшной грезы онъ то пробуждался и размышлялъ о являвшемся ему призракѣ, то опять забывался и — не зная, что спалъ — не зналъ и того, было ли то сновидѣніе, или призракъ, являвшійся на яву. Подобные случаи нерѣдки: люди робкіе, суевѣрные, наслушавшись страшныхъ басенъ и оставшись наединѣ впотьмахъ, подвергаются опасности увидѣть видѣніе такого рода даже въ совершенно бодрствующемъ состояніи; они увѣряютъ и сами вѣрятъ, что видѣли тѣни и души умершихъ, блуждающія по кладбищамъ. На самомъ же дѣлѣ они не видятъ ничего кромѣ произведеній своей фантазіи или подвергаются обману со стороны плутовъ, злоупотребляющихъ ихъ суевѣрнымъ страхомъ, чтобы пробираться переодѣтыми ночью по кладбищамъ и другимъ освященнымъ мѣстамъ, посѣщенія которыхъ желаютъ сохранить въ тайнѣ.

Религія древнихъ язычниковъ возникла главнымъ образомъ изъ неумѣнія отличать сновидѣнія и другія порожденія фантазіи отъ представленій и ощущеній; вслѣдствіе этого язычники вѣрили въ сатировъ, фавновъ, химеръ и въ тому подобные призраки; въ наше время изъ того же источника проистекаютъ грубыя народныя вѣрованія въ ламій и лемуровъ, оборотней и въ могущество чародѣевъ. Хотя я не считаю колдовство дѣйствительною силою, однако полагаю, что волшебниковъ по справедливости слѣдуетъ наказывать, потому что они сами вѣрятъ, что могутъ причинять зло, и всѣми силами стараются причинить его. Колдовство же, по моему мнѣнію, вовсе не какое-нибудь истинное могущество, знаніе или искусство, а просто родъ религіи или суевѣрія. Что касается оборотней и привидѣній, то я полагаю, что представленія, господствовавшія о нихъ доселѣ, распространены или оставлены безъ опроверженія нарочно, чтобы поддержать употребленіе заклинаній и другихъ подобныхъ изобрѣтеній касты распространителей невѣжества. Правда, несомнѣнно, что Богъ можетъ производить неестественныя явленія; онъ и производитъ ихъ, когда ему нужно, такъ что ихъ скорѣе можно опасаться, чѣмъ остановки или измѣненія божественной силой законовъ природы, что̀ вовсе не составляетъ догмата христіанскаго ученія. Но дѣло въ томъ, что злонамѣренные люди, ссылаясь на всемогущество Божіе, осмѣливаются утверждать все, что имъ нужно для ихъ выгодъ, хотя сами знаютъ, что говорятъ ложь. Умный человѣкъ не долженъ, слушая ихъ, забывать здраваго смысла. Покорность гражданъ государственной власти весьма упрочилась бы и увеличилась, еслибы разсѣялся этотъ страхъ призраковъ, эта вѣра въ снотолкованія и другія послѣдствія

этого страха, злоупотребляемыя хитрыми и честолюбивыми людьми, чтобы обманывать простой народъ.

Это обязанность университетовъ, а между тѣмъ они чаще распространяютъ, чѣмъ опровергаютъ, подобныя вѣрованія. Не зная, въ чемъ состоитъ сущность представленій и ощущеній, университеты проповѣдуютъ заученныя положенія: будто представленія происходятъ сами собою, т. е. безъ причины, или—будто они происходятъ большею частью отъ воли, или наконецъ, будто добрыя мысли внушаются человѣку Богомъ, а злыя—діаволомъ, добрыя вливаются въ человѣка Богомъ, а злыя—діаволомъ. Другіе говорятъ, что чувства, воспринимая образы вещей, передаютъ ихъ общему чувству, общее чувство—фантазіи, фантазія—памяти, память—разсудку: словъ здѣсь, правда, много, но смысла никакого.

Понятіе. Представленіе, порождаемое въ человѣкѣ или въ другомъ животномъ рѣчью или другими произвольными знаками, называются понятіемъ; оно обще человѣку съ животными. Собака, наученная привычкой, понимаетъ, что хозяинъ зоветъ ее или гонитъ; точно также и многія другія животныя. Собственно человѣческое понятіе отличается тѣмъ, что воспринимаетъ нетолько волю, но и мысли другихъ людей, и соединяетъ ихъ посредствомъ выводовъ и комбинацій въ положенія, отрицанія и другія формы рѣчи. Объ этомъ родѣ понятія мы скажемъ ниже.

ГЛАВА III.

О послѣдовательности или порядкѣ представленій.

Говоря о порядкѣ представленій, я разумѣю переходъ отъ одной мысли къ другой, и, въ отличіе отъ послѣдовательности словъ, я называю его послѣдовательностью мыслей.

Когда человѣкъ мыслитъ о какомъ-нибудь предметѣ, ближайшая мысль его вовсе не такъ случайна, какъ кажется, и послѣдовательность мыслей далеко непроизвольна. Какъ нѣтъ ни одного представленія, не побывавшаго предварительно въ ощущеніи, цѣликомъ или по частямъ; такъ нѣтъ ни одного перехода отъ одной мысли къ другой, которому не соотвѣтствовалъ бы прежде подобный же переходъ въ ощущеніяхъ. Это зависитъ отъ того, что представленія суть внутреннія движенія, про-

должающіяся отъ движеній, сообщенныхъ при ощущеніи. Поэтому движенія въ воображеніи должны слѣдовать другъ за другомъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ возникли въ ощущеніи. Такимъ образомъ, когда прежняя мысль возвращается и получаетъ преобладаніе, то за ней необходимо явится и послѣдующая, по причинѣ сцѣпленія движущейся матеріи, подобно тому, какъ вода на плоскомъ и гладкомъ столѣ течетъ по пути, проведенному пальцемъ. Но въ ощущеніи за однимъ воспріятіемъ слѣдуетъ различно или то, или другое; поэтому и въ представленіи мы не всегда можемъ знать, какая мысль должна за какой послѣдовать. Извѣстно только, что та, которая послѣдуетъ, будетъ соотвѣтствовать порядку, существовавшему нѣкогда въ ощущеніи.

Неправильный порядокъ мыслей. Порядокъ мыслей бываетъ двоякаго рода. Неправильный порядокъ мыслей чуждъ всякой предположенной цѣли и непостояненъ, потому что не зависитъ ни отъ какой страсти, которая вела и направляла бы мысль къ желаемой цѣли. Въ этомъ случаѣ мысли какъ будто блуждаютъ безъ всякаго отношенія другъ къ другу, какъ во снѣ. Таковы большею частью мысли людей, проводящихъ время нетолько въ одиночествѣ, но и безъ всякой цѣли или заботы о чемъ бы то ни было. Хотя мысли и въ этомъ случаѣ не перестаютъ быть мыслями, но не имѣютъ гармоніи, подобно звукамъ лиры подъ рукой человѣка неискуснаго въ игрѣ. Однако и въ этомъ блужданіи ума мы можемъ иногда замѣтить извѣстный методъ или послѣдовательность, въ которой мысли возникаютъ одна изъ другой. Напримѣръ, въ разговорѣ о нашей междоусобной войнѣ могъ ли быть вопросъ повидимому болѣе неумѣстный, чѣмъ вопросъ о цѣнѣ римскаго динарія? Однако связь мыслей по моему мнѣнію, довольно очевидна. Отъ войны мысль перешла къ королю, преданному врагамъ подданными. Эта мысль породила мысль о предательствѣ Іисуса Христа, которая въ свою очередь возбудила мысль о 30 динаріяхъ, цѣнѣ этого предательства, и наконецъ за ней легко возникъ упомянутый вопросъ. Всѣ эти переходы мысли совершились мгновенно, потому что мысль чрезвычайно быстра.

Правильный порядокъ мыслей. Второй порядокъ постояннѣе, такъ какъ онъ управляется какой-нибудь желаемой цѣлью. Впечатлѣніе, производимое предметами, которыхъ мы желаемъ или опасаемся, бываетъ живо и постоянно, и если даже на короткое время прекращается, то скоро снова возвращается; иногда оно бываетъ такъ сильно, что нетолько мѣшаетъ сну, но и прерываетъ его. Желаніе порождаетъ мысль о средствѣ достичь желаемой цѣли, причемъ мы руководствуемся опытомъ. Мысль о средствѣ для достиженія цѣли возбуждаетъ мысль о

средствѣ достичь это средство, и такъ далѣе, пока мы не дойдемъ до какого-нибудь первоначальнаго средства, непосредственно состоящаго въ нашей власти. Предположенная цѣль производитъ на насъ столь сильное, постоянное впечатлѣніе, что можетъ возвратить мысли на надлежащій путь въ томъ случаѣ, если онѣ начнутъ заблуждаться и спутываться. Отсюда одинъ изъ семи славныхъ мудрецовъ вывелъ опошленное нынѣ правило: Respice finem—смотри, чѣмъ кончится; оно значитъ, что должно во всемъ почаще вспоминать цѣль, чтобы направлять всѣ мысли свои по цѣлесообразному пути.

Правильный порядокъ мыслей также двоякаго рода: въ одномъ случаѣ мы стараемся узнать, какія причины и средства производятъ извѣстное замѣченное нами дѣйствіе; этотъ родъ мышленія свойственъ и человѣку, и животнымъ. Въ другомъ случаѣ мы изслѣдуемъ, какія дѣйствія могутъ быть произведены даннымъ въ представленіи нашемъ предметомъ, т. е. отыскиваемъ, какое употребленіе можно сдѣлать изъ этого предмета. Мышленіе этого рода замѣчается только у человѣка, и сомнительно, чтобы подобная любознательность была свойственна какому-нибудь животному, потому что животное не имѣетъ иныхъ страстей, кромѣ чувственныхъ, каковы голодъ, жажда, любовь и гнѣвъ. Послѣдовательность мыслей, управляемая какой-нибудь предназначенной цѣлью, есть ни что иное, какъ догадливость или изобрѣтательность, по-латинѣ sagacitas или solertia, называемая иногда также остроуміемъ или способностью изслѣдованія; она походитъ на охоту или преслѣдованіе по слѣдамъ какой-нибудь причины дѣйствія или настоящаго или прошедшаго. Положимъ, что человѣкъ отыскиваетъ потерянную имъ вещь. Съ мѣста, на которомъ онъ замѣтилъ потерю, онъ послѣдовательно возвращается въ умѣ къ тому мѣсту и времени, гдѣ и когда утраченный предметъ былъ еще при немъ; найдя такое время и мѣсто, онъ беретъ ихъ за исходную точку своихъ розысковъ. Съ этой точки онъ мысленно возвращается назадъ чрезъ тѣ же мѣста и времена, которыя проходилъ, чтобы найти на пути какое-нибудь происшествіе или другой случай могущій быть причиною потери. Это то, что называется припоминаніемъ, по-латинѣ reminiscentia.

Припоминаніе.

Иногда это изслѣдованіе имѣетъ извѣстные предѣлы, которыми оно должно ограничиться. Въ такомъ случаѣ мысли пробѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ и частямъ этого опредѣленнаго пространства. Такъ напримѣръ, когда человѣкъ перевертываетъ вверхъ дномъ комнату, чтобы найти потерянную драгоцѣнность, или когда охотничья собака бѣгаетъ взадъ и впередъ по полю, пока не почуетъ запахъ дичи, или когда стихотворецъ пробѣгаетъ въ мысли алфавитъ, отыскивая риѳму.

Желая знать предстоящій исходъ какого-нибудь дѣла, мы размышляемъ о послѣдствіяхъ подобнаго же прошедшаго дѣла, возстановляя весь ходъ его въ томъ порядкѣ, въ которомъ видѣли его съ его послѣдствіями; мы прибѣгаемъ къ этому методу, зная, что одинакія дѣйствія сопровождаются одинакими слѣдствіями. Напримѣръ, желая узнать, что ожидаетъ виновнаго въ уголовномъ преступленіи, мы вспоминаемъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя имѣло подобное преступленіе въ другихъ, прежнихъ случаяхъ, и мысли наши текутъ въ такомъ порядкѣ: вина, полиція, тюрьма, судья, эшафотъ. Этотъ порядокъ мыслей называется предвидѣніемъ, предусмотрительностью, прозорливостью, а иногда и мудростью, хотя въ сущности есть лишь предположеніе и нерѣдко довольно ошибочное, по трудности наблюсти всѣ обстоятельства. Однако, чѣмъ кто богаче опытомъ, тѣмъ тотъ мудрѣе и тѣмъ рѣже обманывается въ своихъ ожиданіяхъ. Въ природѣ существуетъ только настоящее; прошедшее существуетъ лишь въ памяти; будущее же вовсе не существуетъ, потому что оно ни что иное, какъ вымыселъ ума, прилагающаго послѣдствія прошедшаго дѣйствія къ дѣйствію настоящему; всего вѣрнѣе судитъ, такимъ образомъ, тотъ, кто имѣетъ больше всего опытности, хотя и при этомъ условіи сужденіе часто небезошибочно. Сколько бы разъ событія ни подтвердили ожиданіе, но способность, заранѣе открывающая ихъ и называемая прозорливостью, въ сущности не болѣе какъ догадка. Предвидѣніе будущаго—Провидѣніе—принадлежитъ Одному Тому, по волѣ Котораго оно совершится, и Онъ сверхъестественнымъ образомъ даруетъ его пророкамъ. Обыкновенно же, въ естественномъ порядкѣ, лучшій пророкъ тотъ, кто лучше соображаетъ; а лучше соображать можетъ тотъ, кто больше занимался предметомъ соображенія, потому что въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ больше данныхъ для соображенія.

Прозорливость.

Указаніемъ на предъидущее событіе служитъ послѣдующее и, наоборотъ, предъидущее указываетъ на послѣдующее, если подобныя слѣдствія уже были наблюдаемы прежде. Указаніе это тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ чаще наблюдались составляющіе его признаки. Поэтому чѣмъ кто опытнѣе въ извѣстномъ дѣлѣ, тѣмъ больше имѣетъ онъ признаковъ, по которымъ можетъ дѣлать соображенія о будущемъ, а слѣдовательно тѣмъ онъ мудрѣе, и особенно мудрѣе всякаго, кто приступаетъ къ дѣлу вновь: послѣдній никакъ не можетъ сравниться съ первымъ въ мудрости, какъ бы рано и сильно ни развился его естественный умъ; впрочемъ многіе молодые люди думаютъ вѣроятно иначе.

Прозорливость вовсе не составляетъ отличительной способности че-

ловѣка отъ животнаго. Нѣкоторыя животныя на первомъ году жизни гораздо наблюдательнѣе и умнѣе десятилѣтняго ребенка.

Соображеніе о прошломъ. Прозорливость есть соображеніе о будущемъ, составляемое на основаніи опыта прошедшаго; кромѣ того бываютъ соображенія о прошломъ на основаніи фактовъ не будущаго, а также прошлаго. Напримѣръ, зная, при какихъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе какихъ причинъ какое-нибудь цвѣтущее государство впало въ междоусобіе и какимъ образомъ дошло оно до паденія, можно, при видѣ развалинъ другаго государства, предположить, что и тамъ междоусобію предшествовали подобныя обстоятельства. Но конечно и эта догадка можетъ быть такъ же ошибочна, какъ и догадка о будущемъ времени, потому что обѣ онѣ основаны только на опытѣ.

Всѣ названныя способности человѣка не требуютъ для существованія своего ничего, кромѣ нормальнаго пользованія пятью чувствами. Но, кромѣ этихъ, другихъ такихъ врожденныхъ человѣку способностей я не знаю. Способности, о которыхъ я буду говорить ниже, хотя и кажутся врожденными человѣку и присущими его природѣ, но въ дѣйствительности пріобрѣтаются, умножаются трудомъ и стараніемъ, берутъ начало въ обученіи и воспитаніи и зависятъ отъ изобрѣтенія словъ и рѣчи. Въ человѣкѣ нѣтъ иного движенія, кромѣ ощущенія, представленія и послѣдовательности мыслей. Но при помощи благодѣтельнаго дара слова и правильнаго пользованія этими способностями онѣ могутъ быть развиты дотого, что человѣкъ посредствомъ ихъ можетъ отличиться отъ всѣхъ прочихъ животныхъ.

Безконечное. Въ представленіяхъ нашихъ все конечно. Поэтому при словѣ «безконечное» въ насъ не можетъ явиться никакого представленія или понятія. Человѣческій разумъ не можетъ объять образъ безконечной величины, не можетъ понять безконечную скорость, безконечное время или безконечное могущество. Говоря, что такой-то предметъ безконеченъ, мы обозначаемъ только, что не можемъ представить себѣ границу и предѣлъ этого предмета, но не разумѣемъ подъ этимъ ничего, кромѣ собственнаго нашего безсилія. Поэтому имя Бога поминается не для того, чтобы мы старались понять его, — Онъ непостижимъ и Его величіе и могущество необъятны нашимъ разумомъ, — а только для того, чтобы мы чтили Его. Какъ выше сказано, все понимаемое нами воспринимается предварительно ощущеніемъ; поэтому человѣкъ не можетъ представить себѣ предметъ, котораго не можетъ воспринять чувствами. Итакъ, слѣдовательно, мы можемъ понимать только то, что находится въ опредѣленномъ мѣстѣ, что имѣетъ какую-нибудь конечную величину и что дѣлится на части. Когда говорятъ, что ничто не можетъ существовать вполнѣ и одновременно въ различныхъ мѣстахъ, или что два предмета никакъ не могутъ существовать одновременно въ одномъ мѣстѣ, то все это утверждается безъ всякаго основанія, потому что не можетъ быть подтверждено ощущеніемъ; все это нелѣпости, взятыя безъ всякаго смысла на вѣру отъ заблуждающихся или обманывающихъ философовъ и схоластовъ.

ГЛАВА VI.

О рѣчи.

Происхожденіе рѣчи. Какъ ни геніально изобрѣтеніе книгопечатанія, но оно ничто въ сравненіи съ изобрѣтеніемъ письменъ. Неизвѣстно, кто изобрѣлъ письмена. Говорятъ, что Кадмъ, сынъ Агенора, царя финикійскаго, первый ввелъ ихъ въ Грецію. Это изобрѣтеніе дало людямъ возможность увѣковѣчивать память прошлаго и соединило человѣчество, разсѣянное на такихъ разстояніяхъ, въ столькихъ странахъ земнаго шара. Такимъ образомъ оно было самое полезное и вмѣстѣ съ тѣмъ и самое трудное, потому что, чтобы выразить въ различныхъ знакахъ все безконечное разнообразіе движеній языка, нёба, губъ и прочихъ органовъ слова, необходимо было самое тщательное наблюденіе всего этого. Но самымъ благороднѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ всѣхъ изобрѣтеній было изобрѣтеніе рѣчи, состоящей изъ именъ или названій и изъ соединенія ихъ: посредствомъ рѣчи люди могутъ утверждать и возбуждать въ памяти свои мысли и сообщать ихъ другъ другу для взаимныхъ сношеній и пользы. Безъ рѣчи у людей не было бы ни государства, ни общества, ни договоровъ, ни мира, какъ нѣтъ ничего подобнаго у львовъ, медвѣдей и волковъ. Первымъ творцомъ рѣчи былъ самъ Богъ, научившій Адама наименованіямъ всѣхъ тварей, которыя представилъ его взорамъ. Священное писаніе упоминаетъ только о наименованіи Адамомъ звѣрей, и для Адама въ первое время этого было достаточно. Впослѣдствіи онъ могъ точно также давать имена другимъ предметамъ, по мѣрѣ требованій опыта и употребленія, которое дѣлалъ изъ нихъ, а изъ именъ постепенно составить рѣчь; этимъ способомъ онъ могъ создать вполнѣ достаточное для себя богатство рѣчи, хотя, конечно, оно было бы недостаточно для какого-нибудь оратора или философа. Я не нахожу въ священномъ писаніи ничего, что давало бы

поводъ прямо или косвенно заключить, что Адамъ далъ названія всему разнообразному множеству фигуръ, чиселъ, мѣръ, цвѣтовъ, звуковъ, идей и отношеній, а тѣмъ менѣе, что онъ далъ названія различнымъ видамъ словъ и рѣчей, каковы: общая, частная, утвердительная, отрицательная, вопросительная, изъявительная, неокончательная, которыя всѣ теперь употребляются, или наконецъ будто онъ изобрѣлъ безсмысленные школьные термины въ родѣ сущности, субстанціальности, преднамѣренности и т. п.

Но все богатство, пріобрѣтенное и умноженное Адамомъ и его потомками, погибло при Вавилонскомъ столпотвореніи, когда Богъ, за возмущеніе, поразилъ людей забвеніемъ рѣчи. Люди были вынуждены разсѣяться по различнымъ странамъ міра и, по мѣрѣ того, какъ ихъ научала нужда (мать всѣхъ изобрѣтеній), изобрѣли новые языки, существующіе понынѣ; каждый изъ этихъ языковъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обогащался словами.

Употребленіе рѣчи.

Общее употребленіе рѣчи состоитъ въ томъ, что послѣдовательность или порядокъ мыслей переводится на послѣдовательность или порядокъ словъ. При этомъ въ виду имѣются двѣ цѣли: во первыхъ, выразить мысли, а во вторыхъ, посредствомъ выражающихъ мысли словъ снова вызывать ихъ въ памяти, когда онѣ исчезнутъ изъ нея. Итакъ, названія служатъ вопервыхъ примѣтами или признаками для памяти. Вовторыхъ, согласившись принять извѣстную рѣчь (или языкъ) за общую и запомнивъ ее, люди могутъ посредствомъ ея порядка и связи сообщать другъ другу свои представленія и мысли о всякомъ предметѣ, свои желанія, опасенія и пр. Сообразно этому употребленію, слова называются знаками. Кромѣ того есть еще спеціальныя употребленія рѣчи. Такъ, мы изслѣдуемъ причины и слѣдствія прошедшихъ и настоящихъ явленій и фактовъ; посредствомъ рѣчи исчисляемъ и обозначаемъ ихъ и чрезъ это пріобрѣтаемъ знаніе, создаемъ науку. Пріобрѣтенное такимъ образомъ знаніе мы посредствомъ рѣчи передаемъ другимъ—совѣтуемъ и учимъ. Далѣе, при помощи рѣчи мы сообщаемъ другъ другу наши намѣренія и желанія съ цѣлью помогать другъ другу. Наконецъ рѣчь представляетъ намъ также средство къ наслажденію и къ украшенію нашей жизни.

Злоупотребленіе рѣчи.

Этимъ видамъ употребленія рѣчи соотвѣтствуютъ ея различныя злоупотребленія. Рѣчью злоупотребляютъ—во первыхъ, когда слова, имѣющія различныя значенія, берутъ не въ томъ смыслѣ, который долженъ соотвѣтствовать выражаемой мысли; злоупотребляя такимъ образомъ непостоянствомъ значенія словъ, люди обманываютъ самихъ себя; во вторыхъ, слова употребляются метафорически,

т. е. произвольно берутся слова, вовсе не идущія къ предмету рѣчи; этимъ способомъ люди обманываютъ другихъ; въ третьихъ, словами выражаютъ желанія, которыхъ на самомъ дѣлѣ не имѣютъ; въ четвертыхъ, пользуются рѣчью во вредъ ближнимъ. Природа вооружила животныхъ, чтобы они могли, когда нужно, вредить врагамъ,—однихъ зубами, другихъ рогами, а человѣка руками. Вредить же рѣчью съ его стороны есть уже злоупотребленіе, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда намъ приходится кѣмъ-нибудь управлять: тогда рѣчью мы уже не вредимъ и не оскорбляемъ, а исправляемъ.

Рѣчь служитъ запоминанію послѣдовательности причинъ и слѣдствій тѣмъ, что посредствомъ ея мы называемъ предметы и обозначаемъ существующую между ними связь.

Имена собственныя и общія.

Имена бываютъ или собственныя, т. е. обозначающія одинъ извѣстный предметъ, напримѣръ: Петръ, Джонъ, этотъ человѣкъ, это дерево; или общія многимъ предметамъ, напримѣръ: человѣкъ, конь, дерево; потому что каждое изъ нихъ, хотя и единично, но служитъ названіемъ для многихъ отдѣльныхъ предметовъ. Въ отношеніи ко всѣмъ частнымъ, они называются всеобщими; въ мірѣ нѣтъ ничего всеобщаго, кромѣ именъ, потому что самые предметы, которымъ они придаются, всегда индивидуальны и единичны.

Всеобщія.

Извѣстное число предметовъ получаетъ одно общее имя по сходству ихъ между собой въ какомъ-нибудь качествѣ или признакѣ. Поэтому, какъ собственное имя возбуждаетъ въ умѣ представленіе объ одномъ извѣстномъ предметѣ, такъ общее имя возбуждаетъ представленіе объ одномъ изъ многихъ предметовъ.

Изъ всеобщихъ именъ одни имѣютъ болѣе обширное, другія болѣе тѣсное значеніе, и тѣснѣйшее имя содержится въ обширнѣйшемъ. Нѣкоторыя же изъ нихъ имѣютъ равный объемъ и обнимаются другъ другомъ; напримѣръ, имя тѣла обнимаетъ имя человѣка и кромѣ того еще нѣчто: имена же человѣкъ и разумное существо равны и обнимаютъ одно другое. Здѣсь должно замѣтить, что подъ именемъ мы понимаемъ не всегда одно слово, подобно грамматикамъ; иногда одно имя выражается описаніемъ, состоящимъ изъ многихъ словъ; такъ слова—соблюдающій во всѣхъ своихъ поступкахъ законы своей страны, составляютъ одно имя, равносильное одному слову—добросовѣстный.

Посредствомъ этого образованія именъ съ обширнѣйшимъ и тѣснѣйшимъ значеніемъ мы переводимъ сочетанія порядковъ идей въ сочетаніе порядковъ названій. Напримѣръ, если передъ человѣкомъ, не вла-

дѣющимъ даромъ слова (каковы глухонѣмые отъ рожденія), положить треугольникъ и два прямыхъ угла, то, начавъ размышлять, разсматривать и сравнивать, онъ можетъ найти, что въ этомъ случаѣ три угла треугольника равны лежащимъ подлѣ нихъ двумъ прямымъ угламъ. Но человѣкъ, одаренный рѣчью, замѣтивъ, что это равенство вытекаетъ не изъ долготы сторонъ и не изъ какой-нибудь исключительной особенности даннаго треугольника, а изъ того, что стороны прямы и угловъ три,—вслѣдствіе чего фигурѣ и дано названіе треугольника,—смѣло сдѣлаетъ обобщеніе и скажетъ общее правило, что три угла треугольника равняются двумъ прямымъ. Обстоятельство, подмѣченное относительно одного извѣстнаго предмета, утверждается въ памяти, какъ общее правило, такъ что впослѣдствіи уже не нужно будетъ повторять всей умственной работы для каждаго новаго случая въ пространствѣ и во времени; найденное истиннымъ здѣсь и теперь, признается истиннымъ во всякомъ другомъ мѣстѣ и времени.

Ничто такъ очевидно не показываетъ пользу рѣчи для утвержденія мыслей въ памяти, какъ числовыя представленія. Идіотъ, который не можетъ запомнить названія чиселъ, — разъ, два, три и пр., хотя и можетъ замѣтить послѣдовательно, одинъ за другимъ, удары часовъ и отмѣчать ихъ киваніемъ: разъ, разъ, разъ, но никогда не будетъ знать, сколько часовъ пробило. Было, кажется, время, когда числительныхъ именъ не существовало, такъ что при исчисленіи приходилось накладывать на считаемые предметы пальцы сперва одной руки, а потомъ обѣихъ; вотъ отчего числительныхъ именъ почти у всѣхъ народовъ никогда не бываетъ больше десяти, а у нѣкоторыхъ только пять, такъ что послѣ пяти счетъ начинается сызнова. Даже владѣя десятью численными именами необходимо, чтобы сосчитать до десяти, называть ихъ въ извѣстномъ порядкѣ; тѣмъ болѣе это необходимо для сложенія, вычитанія и другихъ ариѳметическихъ дѣйствій. Если безъ словъ вообще невозможенъ счетъ, то тѣмъ болѣе невозможны безъ нихъ вычисленія величинъ, скоростей, силъ и другія математическія соображенія, необходимыя для блага и пользы человѣчества.

Соединяя два имени въ утвержденіе или выводъ, какъ напримѣръ: человѣкъ есть животное, или: если это человѣкъ, то, слѣдовательно, это животное,—мы получимъ утвержденіе или выводъ истинный, когда послѣдующее имя (животное) означаетъ собой все, означаемое предъидущимъ именемъ (человѣкъ); въ противномъ случаѣ выводъ или утвержденіе ложны. Ложное и истинное—качества не вещей, а рѣчи. Гдѣ нѣтъ рѣчи, тамъ нѣтъ ни истиннаго, ни ложнаго, хотя можетъ быть ошибка. Мы ошибаемся, когда напримѣръ

ожидаемъ того, чего не будетъ, или подозрѣваемъ то, чего не было,—но за это насъ еще нельзя обвинить во лжи.

Такъ какъ истина состоитъ въ правильномъ расположеніи именъ въ предложеніяхъ, то отъискивающій точную истину не долженъ упускать изъ виду, какое значеніе на какомъ мѣстѣ имѣетъ каждое имя; ему необходимо стараться правильно размѣщать употребляемыя имъ имена. Иначе онъ запутается въ словахъ, какъ птица въ тенетахъ, которая тѣмъ больше запутывается, чѣмъ больше старается освободиться. Поэтому въ единственной почти точной наукѣ, геометріи, учителя обыкновенно сначала установляютъ значеніе именъ, которыя намѣрены употреблять; они называютъ это опредѣленіемъ и обыкновенно ставятъ ихъ въ началѣ своихъ изслѣдованій. Необходимость опредѣленій.

Отсюда ясно, что желающему овладѣть истиннымъ знаніемъ необходимо разсмотрѣть опредѣленія прежнихъ авторовъ, исправить тѣ, которыя окажутся составленными небрежно, или составить новыя. Во всякой наукѣ, по мѣрѣ того, какъ изслѣдованіе идетъ впередъ, умножаются ошибки въ опредѣленіяхъ; читатели постепенно приводятся къ нелѣпымъ заключеніямъ, и хотя бы наконецъ замѣтили ихъ, не могутъ освободиться отъ нихъ, если не примутся переизслѣдывать вопросъ съ самаго начала, которое служитъ основаніемъ всѣхъ ошибокъ. Поэтому люди, слишкомъ довѣряющіе чужимъ авторитетамъ, подобны тому, кто сталъ бы дѣлать сложеніе не зная или не изслѣдовавъ слагаемыхъ. Они могутъ наконецъ замѣтить ошибку, но, не питая ни малѣйшаго сомнѣнія къ принципамъ своего учителя, не могутъ освободиться отъ нея и въ недоумѣніи тратятъ время на перевертываніе листовъ книги. Они напоминаютъ этимъ птичекъ, которыя, залетѣвъ черезъ трубу въ комнату, видятъ себя въ неволѣ, но, забывъ, откуда влетѣли, тщетно бьются крыльями у обманчиваго свѣта оконнаго стекла. Итакъ, первое употребленіе рѣчи въ наукахъ состоитъ въ правильномъ опредѣленіи именъ и первое злоупотребленіе — въ ложномъ опредѣленіи или въ отсутствіи всякаго опредѣленія: это источникъ всѣхъ ложныхъ и нелѣпыхъ мнѣній философовъ; эти мнѣнія ставятъ людей, которые черпаютъ просвѣщеніе не изъ собственнаго размышленія, а изъ книгъ, настолько же ниже невѣждъ, насколько люди, обладающіе истиннымъ знаніемъ, стоятъ выше ихъ, такъ что невѣжество занимаетъ средину между истиннымъ знаніемъ и ложной ученостью. Естественный смыслъ и воображеніе не подлежатъ нелѣпости. Природа сама не можетъ заблуждаться. Но человѣкъ, одаренный богатою рѣчью, тѣмъ умнѣе или тѣмъ глупѣе толпы, чѣмъ больше это богатство его. Безъ грамотности люди обыкновенно бываютъ не особенно умны и не осо-

бенно глупы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда умъ поврежденъ недугомъ или неправильнымъ строеніемъ органовъ. Слова для умныхъ—костяшки на счетахъ; слова для глупыхъ—монеты со штемпелемъ, цѣнимыя по выбитому на нихъ знаменитому имени—Аристотеля, Цицерона, Аквината или какого-нибудь другаго авторитета.

Предметы именъ.

Предметомъ именъ бываетъ то, что можетъ быть объектомъ мышленія или разсужденія, т. е. то, что можетъ быть придано къ другому предмету и составить съ нимъ сумму, или вычтено изъ другаго предмета и дать разность. По-латыни итоги денегъ называются rationes, самое считаніе ихъ — ratiocinatio, счетныя книги, называемыя нами items,—nomina, т. е. именами. Отсюда слово ratio перенесено на способность разсужденія о всѣхъ прочихъ предметахъ. У Грековъ λόγος значитъ и рѣчь, и разумъ, не потому, чтобы они думали, будто рѣчь непремѣнно предполагаетъ разумъ, а, наоборотъ, потому, что разумъ, по ихъ мнѣнію, предполагаетъ рѣчь. Самый актъ мышленія они называли силлогизмомъ (συλλογισμός), что̀ значитъ связный переходъ отъ одного рѣченія къ другому. Такъ какъ одна и та же вещь входитъ въ разсчетъ различно, на основаніи своихъ различныхъ качествъ, то, смотря по этому различію, она и обозначается въ разныхъ случаяхъ различными именами. Однако все это разнообразіе именъ сводится къ четыремъ главнымъ видамъ:

Во первыхъ, предметъ можетъ входить въ разсчетъ, какъ вещество или тѣло; какъ-то: живой, чувствующій, разумный, теплый, холодный, движущійся, спокойный; подъ всѣми этими именами подразумѣваются слова вещество или тѣло; все это названія вещества.

Во вторыхъ, предметъ можетъ входить въ разсчетъ или разсматриваться по свойствамъ или качествамъ, которыя мы ему приписываемъ; напримѣръ, предметъ, находящійся въ движеніи, имѣющій количество или согрѣвающій и пр. Въ этомъ случаѣ мы нѣсколько измѣняемъ имя предмета и вмѣсто живой говоримъ—жизнь, вмѣсто движущійся—движеніе, вмѣсто теплый—теплота, вмѣсто долгій—долгота и т. д.; всѣ эти имена суть наименованія не самаго вещества или тѣла, а свойствъ и качествъ, которыми тѣла отличаются другъ отъ друга. Имена такого рода называются отвлеченными, потому что отвлекаются отъ качества вещества, а не отъ самаго вещества.

Въ третьихъ, мы принимаемъ въ разсчетъ тѣ свойства нашего собственнаго организма, которыми мы различаемъ предметы; такъ, когда мы видимъ что-нибудь, то разсматриваемъ не самую видимую вещь, а видѣніе, цвѣтъ или идею, образъ видимой вещи; точно также, когда слышимъ, то, вмѣсто самой звучащей вещи, представляемъ только звукъ или слышаніе. Тоже относится и къ представленіямъ отъ прочихъ чувствъ.

Въ четвертыхъ, мы принимаемъ въ разсчетъ и разсматриваемъ имена самихъ именъ и рѣчей, какъ-то: общее, частное, одногласное, двугласное. Это наименованія именъ. Другіе, какъ-то: утвержденіе, вопросъ, приказаніе, ритмъ, силлогизмъ, проповѣдь и т. д., служатъ наименованіями рѣчей.

Имена положительныя.

Всѣ эти категоріи именъ суть имена положительныя или то, что̀ существуетъ въ природѣ вещей, или то, что̀ создается умомъ, т. е. или самыя существующія видимыя тѣла, или ихъ свойства, или, наконецъ, слова и рѣчи.

Кромѣ того есть другія имена — отрицательныя, означающія, что извѣстное имя не принадлежитъ данному предмету, каковы: ничто, никто, безконечное, неспособное, три менѣе четырехъ и под. Эти слова также употребляются въ рѣчи для поправокъ и отрицаній: посредствомъ ихъ мы исправляемъ неправильную разстановку или невѣрное употребленіе именъ.

Слова безсмысленныя.

Всѣ прочія имена суть звуки безъ значенія. Ихъ два рода. Одни изобрѣтены вновь, но не объяснены опредѣленіемъ; ихъ въ изобиліи выдумываютъ занимающіеся этимъ головоломные философы и схоласты.

Другія безсмысленныя имена производятся посредствомъ сочетанія двухъ именъ съ несовмѣстными значеніями, напримѣръ: безтѣлесное тѣло, или, что̀ тоже, безтѣлесная субстанція и т. п. Когда утвержденіе ложно, а между тѣмъ изъ двухъ именъ, составляющихъ его, образуется новое, то послѣднее будетъ такъ же безсмысленно, какъ и равносильное ему утвержденіе; напримѣръ: если ложно утверждать, что четыреугольникъ бываетъ круглый, то и выраженіе круглый четыреугольникъ будетъ просто безсмысленный звукъ. Если ложно утверждать, что добродѣтель можетъ вливаться или вдыхаться, то и выраженіе влитая добродѣтель, вдохнутая добродѣтель такъ же нелѣпы и безсмысленны, какъ и круглый четыреугольникъ. Но замѣтимъ, что рѣдко удается встрѣтить безсмысленное и лишенное значенія выраженіе, которое было бы составлено изъ національныхъ, а не изъ латинскихъ или греческихъ словъ. Французы рѣдко называютъ Слово—parole, обыкновенно же verbe; между тѣмъ parole и verbe разнятся только тѣмъ, что одно французское слово, а другое латинское.

Разумъ.

Слушая правильно составленную рѣчь, мы получаемъ представленіе о ея предметѣ, и тогда говорится, что мы понимаемъ, разумѣемъ эту рѣчь: разумъ есть, стало быть, ни что иное какъ

пониманіе, порожденное рѣчью. Поэтому если рѣчь, какъ кажется, составляетъ исключительную принадлежность человѣка, то и разумъ свойствененъ ему одному. Изъ этого слѣдуетъ, что ложныя и нелѣпыя утвержденія, особенно обобщенныя, не могутъ быть понимаемы; хотя нѣкоторые и думаютъ, что понимаютъ ихъ, но на самомъ дѣлѣ они только повторяютъ про себя услышанныя нелѣпыя слова.

О видахъ рѣчи, выражающихъ желаніе, отвращеніе и прочія страсти человѣческой природы, о пользѣ и злоупотребленіи ихъ я скажу, когда буду говорить о страстяхъ.

Непостоянныя имена. Имена предметовъ, возбуждающихъ удовольствіе или неудовольствіе, не имѣютъ постояннаго значенія, потому что не всѣмъ одинаково нравятся одни и тѣ же предметы, даже одному человѣку не во всякое время нравится одно и тоже.

Такъ какъ всѣ имена образуются для означенія понятій, то, не всегда одинаково чувствуя вещи, мы необходимо должны измѣнять и наименованія ихъ. Хотя природа вещей не измѣняется, но по различію во взглядахъ на нихъ (различіе это происходитъ отъ различія индивидуальныхъ характеровъ и отъ предвзятыхъ мнѣній) всякій даетъ вещамъ имена, нѣсколько окрашенныя цвѣтомъ его личнаго ощущенія. Такія непостоянныя имена относятся большей частью къ добродѣтелямъ и порокамъ. Одинъ именуетъ благоразуміемъ то, что другой называетъ трусостью; жестокость для одного—есть справедливость для другаго; щедрость для одного—есть расточительность для другаго; важность по мнѣнію одного, есть чванство по мнѣнію другаго. Поэтому имена этого рода не могутъ служить основаніемъ разсужденія, равно какъ и метафоры и другія тропы рѣчи. Впрочемъ послѣднія не столь опасны, такъ какъ непостоянство ихъ значенія слишкомъ очевидно для всѣхъ.

ГЛАВА V.

О разсудкѣ и наукѣ.

Разсуждая, мы ищемъ или сумму посредствомъ сложенія частей, или остатокъ посредствомъ вычитанія части изъ цѣлаго; когда это дѣлается на словахъ, то представляетъ собой ни что иное, какъ умственный послѣдовательный переходъ отъ имени частей къ имени цѣлаго и отъ имени цѣлаго и части къ имени другой части. Относительно нѣкоторыхъ предметовъ (какъ напр. чиселъ) есть, кромѣ того, другія дѣйствія, а именно умноженіе и дѣленіе, но и они сводятся къ двумъ первымъ: умноженіе есть сложеніе величинъ равныхъ между собой, а дѣленіе есть многократное вычитаніе одного и того же числа. Дѣйствія эти свойственны нетолько числамъ, но и вообще всякимъ предметамъ, изъ которыхъ одинъ можетъ быть сложенъ съ другимъ или вычтенъ изъ него. Ариѳметика слагаетъ и вычитаетъ числа, а геометрія учитъ производить тоже самое относительно линій, фигуръ, угловъ, пропорцій, временъ, степеней, скоростей, силъ и пр. Тоже дѣлаетъ логика въ отношеніи порядковъ словъ; она слагаетъ два имени для составленія утвержденія, два утвержденія—для составленія силлогизма и нѣсколько силлогизмовъ—для составленія доказательства; изъ суммы, т. е. изъ заключенія силлогизма, она вычитаетъ одно утвержденіе, чтобы найти другое. Точно также политика слагаетъ договоры, чтобы найти обязанности человѣка, а законовѣдѣніе слагаетъ законы и факты для отысканія права и безправія въ поступкахъ частныхъ людей. Разсуждать можно всюду, гдѣ можно слагать и вычитать; а гдѣ этого невозможно, тамъ нѣтъ мѣста и для разсудка.

Опредѣленіе разсудка. На основаніи сказаннаго мы можемъ опредѣлить смыслъ слова разсудокъ, когда оно употребляется для обозначенія способностей ума. Въ этомъ смыслѣ разсудокъ есть ни что иное, какъ вычисленіе, т. е. сложеніе или вычитаніе общихъ именъ, которыми отмѣчаются или выражаются наши мысли: отмѣчаются — въ томъ случаѣ, когда мы вычисляемъ наединѣ, и выражаются — въ томъ, когда намъ приходится доказывать или излагать наше вычисленіе другимъ.

Когда разсудокъ правъ. Въ ариѳметическихъ вычисленіяхъ нетолько неопытные люди, но даже учители нерѣдко дѣлаютъ ошибки; такъ и въ разсужденіяхъ о другихъ предметахъ самые искусные, опытные и внимательные люди могутъ ошибаться и дѣлать ложныя заключенія. Это происходитъ не отъ невѣрности самого разсудка, который всегда такъ же правъ, какъ права и непогрѣшима ариѳметика,—а оттого, что правда не зависитъ отъ разсудка одного человѣка и даже нѣсколькихъ, какъ вѣрное ариѳметическое вычисленіе вѣрно не потому, что многіе единодушно признали его вѣрнымъ. Поэтому когда какое-нибудь вычисленіе или разсужденіе подаетъ поводъ къ спору, то спорящія стороны должны, по обоюдному согласію, признать правымъ разсудокъ посредника или судьи; его рѣшенію должны покорится обѣ стороны, потому что иначе споръ ихъ, за недостаткомъ праваго разсудка, установ-

леннаго природой, или вовсе не рѣшится, или приведетъ ихъ къ дракѣ, что мы и видимъ во всякаго рода преніяхъ. Люди, считающіе себя умнѣе всѣхъ, громко требуютъ, чтобы судья разсуждалъ правильно; но разсуждать правильно, по ихъ мнѣнію, значитъ судить согласно ихъ собственному разсудку; подобное требованіе такъ же нетерпимо въ человѣческомъ обществѣ, какъ въ карточной игрѣ поведеніе того, который вздумалъ бы считать козырною непремѣнно ту масть, которой у него больше на рукахъ. Люди, желающіе, во что бы то ни стало, придать своимъ господствующимъ страстямъ значеніе праваго разсудка во всѣхъ спорахъ, поступаютъ совершенно такъ, какъ этотъ игрокъ; но это самое требованіе ихъ уже обнаруживаетъ несостоятельность ихъ мнимо-праваго разсудка.

Употребленіе и назначеніе разсудка состоитъ нетолько въ томъ, чтобы узнавать итогъ или вѣрность одного или нѣсколькихъ выводовъ, отдаленныхъ отъ первыхъ опредѣленій и установленныхъ значеній именъ, а въ томъ, чтобы, начавъ съ этихъ опредѣленій, вывести изъ нихъ послѣдовательно одинъ выводъ за другимъ. Дѣло въ томъ, что послѣднее заключеніе не можетъ быть вѣрно, если невѣрны всѣ утвержденія и отрицанія, на которыхъ оно основано и изъ которыхъ выведено. Если домохозяинъ, просматривая счеты своего управителя и сводя частныя суммы въ общіе итоги, не станетъ провѣрять эти суммы, то трудъ его будетъ совершенно безполезенъ, и онъ безъ всякаго для себя ущерба могъ бы положиться на ловкость и честность своего управителя и не требовать отъ него счетовъ. Это относится и ко всякому другому предмету: кто принимаетъ какіе-нибудь выводы на вѣру, со словъ чужаго авторитета, а не самъ выводитъ ихъ изъ извѣстныхъ положеній, тотъ напрасно тратитъ время, потому что получаетъ не знаніе, а только вѣру.

Ошибка и нелѣпость. Когда, разсуждая о частныхъ предметахъ про себя, мы соображаемъ, что за даннымъ фактомъ, по всей вѣроятности, послѣдуетъ то-то или что ему должно было то-то предшествовать, а между тѣмъ ничего подобнаго не предшествовало и не послѣдуетъ, то наше разсужденіе называется ошибочнымъ. Заблужденію подвержены даже самые умные и осторожные люди. Но когда, разсуждая объ общихъ предметахъ, мы приходимъ къ ложному общему заключенію, то, хотя это называется ошибкой, однако на самомъ дѣлѣ есть уже нелѣпость, т. е. безсмыслица. Ошибка или заблужденіе только невѣрная догадка относительно прошедшаго или будущаго, догадка, хотя оказавшаяся невѣрной, но предполагавшая все-таки вещь возможную. Что же касается заключенія относительно общихъ понятій, то, будучи ложнымъ, оно необходимо должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ никому непонятнымъ. Слова же или рѣчи, которыя не производятъ на насъ никакого впечатлѣнія, кромѣ простаго звука, называются безсмысленными и нелѣпыми, какъ напр. круглый четыреугольникъ, нематеріальное вещество; превращеніе хлѣба въ сыръ; свободный подданный; свободная воля и вообще что бы то ни было свободное чтò по существу своему ограничено и обставлено препятствіями. Слушая подобныя фразы, я не скажу, что онѣ ошибочны, а скажу прямо, что онѣ нелѣпы. Во второй главѣ я сказалъ уже, что человѣкъ имѣетъ предъ прочими животными то преимущество, что, мысля о какомъ-нибудь предметѣ, можетъ находить его слѣдствія и дѣйствія. Теперь я могу указать на другую ступень того же преимущества, а именно, что посредствомъ ряда заключеній и выводовъ человѣкъ можетъ находить общія правила, обыкновенно называемыя теоремами и афоризмами, т. е. можетъ производить счетъ не только чиселъ, но и вообще всякихъ понятій, которыя могутъ слагаться между собой или вычитаться одно изъ другаго.

Но это преимущество уменьшается другой исключительной принадлежностью человѣка, именно его способностью къ нелѣпостямъ, которымъ другія животныя не подвержены. Изъ людей же нелѣпостямъ болѣе всѣхъ подвержены такъ-называемые философы. Цицеронъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что нѣтъ такой нелѣпости, которую нельзя было бы найти въ философскихъ сочиненіяхъ. Причина этого очевидна: философы никогда не предпосылаютъ своимъ разсужденіямъ опредѣленія или объясненія тѣхъ словъ, которыми намѣрены пользоваться. Этотъ методъ свойственъ исключительно геометрамъ, отчего заключенія ихъ всегда неоспоримы.

Причины нелѣпости. I. Въ прочихъ наукахъ нелѣпость заключеній я приписываю ложности метода, т. е. тому, что онѣ не начинаютъ своихъ разсужденій съ опредѣленій, не установляютъ предварительно значенія словъ; это все равно, что хотѣть считать не зная значенія числительныхъ именъ одинъ, два, три и т. д. Такова общая причина нелѣпостей. Но кромѣ того, такъ какъ мы разсматриваемъ тѣла съ разныхъ сторонъ (о чемъ было сказано въ предъидущей главѣ), то многія нелѣпости происходятъ отъ неумѣнія различать эти стороны, вслѣдствіе чего составляются неправильныя предложенія. Такимъ образомъ:

II. Вторая причина нелѣпостей заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что названія тѣлъ переносятся на ихъ свойства, или названія свойствъ тѣлъ на самыя тѣла; напримѣръ говорятъ: вѣра вли-

вается или вдыхается, между тѣмъ какъ вливаться или вдыхаться можетъ только какое-нибудь тѣло; или: протяженіе есть тѣло,— фантастическій образъ есть духъ и т. п.

III. Третья причина зависитъ отъ того, что названія внѣшнихъ явленій въ тѣлахъ переносятся на внутреннія свойства тѣлъ, какъ напр.: цвѣта существуютъ въ нашемъ организмѣ; звукъ принадлежитъ воздуху и пр.

IV. Четвертая причина—отъ того, что названія тѣлъ даются словамъ или рѣчамъ и наоборотъ; напримѣръ: всеобщіе предметы, общая вещь, животное есть родъ и т. д.

V. Пятая—отъ того, что названія свойствъ даются именамъ и рѣчамъ и наоборотъ; напримѣръ: природа вещи есть ея опредѣленіе, воля каждаго—его законъ и пр.

VI. Шестая — отъ того, что настоящія наименованія замѣняются метафорами, тропами и другими реторическими фигурами; въ обыкновенномъ разговорѣ можно, пожалуй, сказать: эта дорога идетъ туда-то, пословица — говоритъ то-то, хотя дорога не можетъ ходить, а пословица — говорить; но въ серьёзныхъ изысканіяхъ подобныя выраженія не должны допускаться.

VII. Седьмая причина — употребленіе безразсудно принятыхъ словъ безъ всякаго смысла, каковы напр.: пресуществленный, предвѣчный, ѵпостасный, вѣчно-новый и тому подобные схоластическіе термины.

Кто можетъ избѣжать этихъ подводныхъ камней, тотъ не легко впадетъ въ нелѣпость, и то развѣ только въ очень пространномъ разсужденіи, когда наконецъ забудетъ эти предосторожности. Само собой разумѣется, что люди разсуждаютъ правильно и хорошо только въ томъ случаѣ, если исходятъ изъ истинныхъ и ясныхъ началъ. Едвали можно найти человѣка дотого тупаго, чтобы, сдѣлавъ геометрическую ошибку и получивъ со стороны указаніе на нее, онъ немедленно не сознаъ бы ее.

Наука. Изъ всего сказаннаго видно, что разсудокъ не прирожденъ намъ, подобно чувствамъ и памяти. Онъ пріобрѣтается не только опытомъ, подобно предусмотрительности, но и трудомъ, состоящимъ въ томъ, что сперва мы должны правильно назвать вещи, а потомъ правильнымъ методомъ переходить отъ названій предметовъ къ предложеніямъ, соединяя эти названія; отъ предложеній къ силлогизмамъ, соединяя предложенія, пока не достигнемъ знанія всѣхъ выводовъ, какіе можно сдѣлать изъ данныхъ предметовъ. Это знаніе называется наукой. Чувство и память знаютъ только фактъ, т. е. вещь совершившуюся и невозвратную, а наука знаетъ и послѣдствія фактовъ и ихъ взаимную зависимость. При помощи науки мы изъ того, что можемъ дѣлать теперь, научаемся дѣлать, если захотимъ, нѣчто другое, подобное, въ другое время: видя условія и причины явленій и способъ ихъ происхожденія, мы научаемся въ размѣрѣ нашихъ средствъ производить подобныя причины и подобныя явленія.

Итакъ, дѣти лишены разсудка, пока не научатся говорить; ихъ называютъ разумными животными только по способности ихъ пріобрѣсти современемъ разсудокъ. Большинство людей обладаютъ способностью разсужденія въ незначительной степени, напримѣръ, могутъ считать до извѣстной цифры; въ обыкновенной жизни этого достаточно, потому что въ ней разсудокъ имѣетъ небольшое примѣненіе: люди поступаютъ такъ или иначе, лучше или хуже, смотря по своей опытности, силѣ, памяти и наклонностямъ; но больше всего они зависятъ отъ счастливыхъ и несчастныхъ обстоятельствъ и взаимныхъ ошибокъ. Что касается науки, т. е. вѣрныхъ правилъ для своихъ поступковъ, то люди такъ далеки отъ нея, что не понимаютъ иного руководства въ жизни, кромѣ своихъ страстей. Они считаютъ геометрію чародѣйствомъ. Что же касается до другихъ наукъ, то, не изучивъ ихъ началъ, они не могутъ понять, какимъ образомъ онѣ зарождаются и развиваются. Они похожи въ этомъ отношеніи на дѣтей, которыя не имѣютъ понятія о рожденіи людей и вѣрятъ нянькамъ, что младшіе братья и сестры ихъ не рождены, а найдены въ саду.

Люди, незнакомые съ наукой и обладающіе однимъ природнымъ умомъ, находятся въ лучшемъ положеніи, нежели тѣ, которые, разсуждая плохо или вѣря плохимъ разсужденіямъ, приходятъ къ ложнымъ и нелѣпымъ общимъ правиламъ. Незнаніе основаній и правилъ влечетъ за собой меньше ошибокъ, чѣмъ вѣра въ ложныя основанія и правила.

Итакъ, ясная рѣчь, основанная на правильныхъ опредѣленіяхъ и очищенная отъ двусмысленностей, есть свѣтъ человѣческаго ума. Разсудокъ есть шествіе, научный методъ — путь, а благо человѣчества—цѣль. На пути этомъ метафоры и двусмысленныя или безсмысленныя слова — блудящіе огни; слѣдуя за ними, люди впадаютъ въ безчисленныя нелѣпости, которыя наконецъ приводятъ къ несогласію, возмущенію или презрѣнію.

Предусмотрительность и мудрость; различіе ихъ. Какъ высшая степень опытности есть предусмотрительность, такъ высшая степень знанія — мудрость. Чтобы яснѣе показать ихъ разницу, предположимъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ очень способенъ отъ природы къ военнымъ упражненіямъ, а другой, при равной способности,

изучилъ кромѣ того военное искусство и въ совершенствѣ знаетъ, какъ, чѣмъ и въ какомъ положеніи всего легче поразить врага и уберечься отъ его ударовъ. Способности этихъ двухъ людей относятся другъ къ другу точно такъ же, какъ предусмотрительность и мудрость: и та, и другая — полезны, но вторая непогрѣшима. Человѣкъ же, руководствующійся только авторитетомъ книгъ, слѣпо слѣдуетъ за слѣпымъ и похожъ на того, кто, довѣряя ошибочнымъ правиламъ какого-нибудь фехтовальнаго учителя, при встрѣчѣ съ искуснымъ врагомъ лишается жизни или оружія.

Признаки знанія. Есть признакъ знанія вѣрный и непогрѣшимый; и другой — невѣрный. Вѣрный признакъ знанія тотъ, что человѣкъ, приписывающій его себѣ, можетъ научать тому же другаго и ясно доказать истину. Признакъ бываетъ невѣренъ, когда слова человѣка, приписывающаго себѣ знаніе, оказываются истинными только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а во многихъ другихъ ложными. Поэтому всѣ признаки предусмотрительности для знанія недостаточны, потому что никакъ нельзя наблюсти опытомъ и запомнить всѣхъ обстоятельствъ, существенно необходимыхъ для извѣстнаго исхода дѣла. Но если мы не имѣемъ о чемъ-нибудь достаточнаго знанія, то поступимъ въ высшей степени безразсудно положившись на книжныя мнѣнія по недовѣрію къ собственному сужденію. Въ государственныхъ совѣтахъ многіе любятъ блистать своей начитанностью въ политическихъ и историческихъ сочиненіяхъ и постоянно ссылаются на ихъ авторитетъ; но изъ этихъ людей мало кто будетъ поступать такимъ образомъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Въ своемъ частномъ дѣлѣ каждый полагается самъ на себя, но въ общественномъ—обыкновенно больше заботится о репутаціи своего ума, чѣмъ о дѣлѣ.

ГЛАВА VI.

О внутреннихъ основаніяхъ произвольныхъ движеній, обыкновенно именуемыхъ страстями, и о названіяхъ, которыми онѣ обозначаются.

Движеніе жизненное и душевное. Животнымъ свойственны два рода движеній. Одни называются жизненными; они начинаются съ самаго рожденія и непрерывно продолжаются всю жизнь. Сюда относятся: движеніе крови, біеніе пульса, дыханіе, пищевареніе, питаніе, выдѣленія. Этотъ родъ движеній не нуждается въ содѣйствіи воображенія. Движенія другаго рода называются душевными или произвольными. Сюда принадлежатъ: ходьба, рѣчь и движеніе членовъ. Этотъ родъ движеній предшествуется мыслью о немъ въ умѣ. Въ первой и второй главѣ было уже сказано, что ощущеніе есть движеніе въ органахъ и внутреннихъ частяхъ тѣла, производимое видимыми, слышимыми и пр. объектами, а представленіе составляетъ продолженіе этого движенія по прекращеніи ощущенія. Такъ какъ ходьба, рѣчь и тому подобныя произвольныя движенія всегда зависятъ отъ какой-нибудь предшествующей мысли, то очевидно, что представленіе есть первое внутреннее начало всѣхъ произвольныхъ движеній. Хотя нѣкоторые совершенно отвергаютъ всякое движеніе тамъ, гдѣ движущееся вещество невидимо, или тамъ, гдѣ пространство, въ которомъ оно движется, по краткости своей не подлежитъ ощущенію, однако это не мѣшаетъ существовать движеніямъ такого рода. Какъ бы мало ни было пространство, но предметъ, проходящій большее пространство, часть котораго оно составляетъ, необходимо движется и чрезъ него. Эти тончайшія движенія, которыя, прежде чѣмъ обнаружатся въ ходьбѣ, рѣчи, ударѣ и прочихъ видимыхъ актахъ, происходятъ въ человѣческомъ тѣлѣ, называются побужденіями. Побужденіе.

Хотѣніе. Желаніе. Побужденіе, направленное на свою причину, называется желаніемъ или хотѣніемъ. Желаніе имѣетъ общее значеніе; хотѣніе часто говорится для обозначенія какого-нибудь частнаго желанія, напримѣръ голода, жажды. Если цѣль побужденія — удалиться отъ какого-нибудь предмета, то оно Голодъ. Жажда. называется отвращеніемъ. Отвращеніе. Эти два слова — желаніе и отвращеніе—Греки гораздо вѣрнѣе называютъ ὁρμή и ἀφορμή (*). Такъ природа иногда сама наталкиваетъ людей на истину, противъ которой такъ часто грѣшатъ желающіе быть умнѣе природы. Школьные ученые думаютъ, что въ желаніи нѣтъ никакого движенія, а такъ какъ нѣкоторое движеніе необходимо слѣдуетъ допустить, то называютъ желаніе метафорическимъ движеніемъ, что нелѣпо, потому что метафорическими могутъ быть слова, а не тѣла и движенія.

Любовь. Ненависть. То, чего люди хотятъ, они любятъ; чего избѣгаютъ, то ненавидятъ. Поэтому желаніе и любовь тожественны, съ тою только разницею, что въ желаніи объектъ всегда

(*) Ὁρμή первоначально означаетъ всякое сильное движеніе.

предполагается отсутствующимъ, а въ любви большею частью присутствующимъ. Подобнымъ же образомъ мы означаемъ отвращеніемъ отсутствіе, а ненавистью — присутствіе объекта.

Изъ числа желаній и отвращеній нѣкоторыя врождены намъ, напримѣръ желаніе ѣсть и испражняться или совершать другія выдѣленія; желанія послѣдняго рода можно назвать и отвращеніями въ томъ смыслѣ, что они направлены къ удаленію веществъ, переполняющихъ и обременяющихъ тѣло. Прочія желанія, относящіяся къ частнымъ предметамъ, возбуждаются въ насъ опытомъ надъ дѣйствіями, которыя они производили или на насъ самихъ, или на другихъ людей; вещей, которыхъ мы вовсе не знаемъ или считаемъ несуществующими, нельзя желать, а можно только желать испытать ихъ. Отвращеніе мы можемъ чувствовать нетолько къ тѣмъ вещамъ, которыя наносили намъ вредъ, но и къ такимъ, о которыхъ мы еще не знаемъ, вредны онѣ или нѣтъ.

Пренебреженіе. Мы пренебрегаемъ тѣмъ, чего не хотимъ и къ чему не питаемъ однако ненависти; потому что пренебреженіе есть ни что иное, какъ нѣкоторая неподвижность сердца, которое не поддается впечатлѣнію нѣкоторыхъ объектовъ; она зависитъ отъ того, что сердце бываетъ занято другими, болѣе сильными впечатлѣніями, или отъ того, что мы еще не испытали пренебрегаемой нами вещи.

Такъ какъ составъ человѣческаго тѣла подлежитъ постоянному измѣненію, то однѣ и тѣ же вещи не могутъ возбуждать всегда одинаковаго желанія и отвращенія; тѣмъ менѣе люди когда-нибудь могутъ согласиться всѣ въ желаніи одного и того же предмета.

Добро. Зло. Человѣкъ называетъ добромъ то, что служитъ объектомъ его желанія, и, наоборотъ, зломъ то, что составляетъ объектъ его отвращенія и предметъ ненависти; пренебрегаемое имъ носитъ у него имя плохаго и ничтожнаго. Слова — доброе, злое, плохое всегда имѣютъ смыслъ только личный, относящійся единственно къ лицу, употребляющему ихъ; внѣ этого отношенія ничего подобнаго нѣтъ; доброе, злое и плохое сами по себѣ не существуютъ, и изъ сущности вещей качествъ этихъ вовсе не вытекаетъ; тамъ, гдѣ нѣтъ государства, они вполнѣ обусловлены свойствами разсуждающей личности, а въ государствѣ—свойствами лица, служащаго его представителемъ или установленнаго въ государствѣ посредника или судьи, съ которымъ всѣ должны соглашаться и мнѣніе котораго — общій законъ.

Прекрасное. Гнусное. Прекрасное и гнусное значатъ почти, но не вполнѣ, тоже, что доброе и злое. Прекрасное означаетъ то, что внѣшними признаками обѣщаетъ добро, а гнусное—то, что обѣщаетъ зло. Прекрасное обнимаетъ собою красивое, хорошее,

честное, приличное, пріятное, любезное, достойное; гнусное обнимаетъ безобразное, грязное, безчестное, скверное, подлое, вредное. Всѣ эти слова только обѣщаютъ какое-нибудь добро или зло. Итакъ, существуетъ три вида добра: одинъ въ обѣщаніи—прекрасное, другой на дѣлѣ—благое или полезное, третій въ результатѣ—пріятное. Подобнымъ образомъ зло, въ обѣщаніи называемое гнуснымъ, въ дѣйствіи и при достиженіи называется печальнымъ, непріятнымъ, безполезнымъ, вреднымъ. Полезное. Вредное. Какъ въ ощущеніи одно и то же внутреннее движеніе, происшедшее отъ дѣйствія объекта, можетъ быть по отношенію къ зрѣнію то свѣтомъ, то цвѣтомъ, по отношенію къ слуху—звукомъ, по отношенію къ обонянію—запахомъ и пр.; такъ и продолженное дѣйствіе объекта на глаза, уши и другіе органы чувствъ возбуждаетъ всетаки движеніе или побужденіе, состоящее въ хотѣніи или въ избѣжаніи объекта. Но сознаваемое проявленіе этого движенія, т. е. представленіе, возбуждаемое имъ въ умѣ, называется наслажденіемъ или досадой. Наслажденіе. Досада.

Такъ какъ наслажденіе, повидимому, благотворно вліяетъ на жизненное движеніе, то все возбуждающее его называется пріятнымъ или отраднымъ, а противное—враждебнымъ, ибо оно препятствуетъ жизненному движенію и нарушаетъ его. Пріятное. Враждебное. Итакъ, пріятное или удовольствіе есть явленіе или представленіе добра, а непріятное или досада — явленіе зла; всякое желаніе и любовь соединены съ какимъ-нибудь наслажденіемъ, а отвращеніе и ненависть съ какой-нибудь досадой.

Одни наслажденія возбуждаются ощущеніями присутствующихъ предметовъ и могутъ быть названы чувственными наслажденіями. Чувственныя наслажденія. Въ нихъ нѣтъ ничего преступнаго, пока законъ не осудилъ ихъ. Сюда принадлежатъ наслажденія наполнять и испражнять свой организмъ, зрѣть, слушать, обонять, вкушать и осязать что-нибудь пріятное. Другія наслажденія происходятъ отъ ожиданія, т. е. отъ предвидѣнія результатовъ или слѣдствій, пріятныхъ для чувствъ. Эти наслажденія доступны только тѣмъ, кто способенъ предвидѣть слѣдствія. Это наслажденія умственныя, и называются общимъ именемъ радости. Умственныя наслажденія. Радость. Точно также и неудовольствія могутъ заключаться или непосредственно въ ощущеніи и тогда называются болью, Боль. или зависѣть отъ усматриванія и предвидѣнія результатовъ, слѣдовательно, заключаются въ умѣ,—неудовольствія умственныя или печаль. Печаль.

Эти простыя страсти — желаніе, хотѣніе, любовь, отвраще-

*

ніе, ненависть, радость и печаль—называются иногда иначе, смотря по тому, съ какой стороны ихъ разсматриваютъ, а именно, во первыхъ, смотря по тому, насколько надѣемся мы достичь предмета нашей страсти; во вторыхъ, по самому предмету ея; въ третьихъ, по тому, что иногда нѣсколько страстей разсматриваются вмѣстѣ въ связи; наконецъ, въ четвертыхъ, смотря по тому, какъ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ, переходятъ одна въ другую.

Надежда. Желаніе, соединенное съ мыслью о достиженіи желаемаго, называется надеждой.

Отчаяніе. Желаніе, сопровождаемое противоположной мыслью, есть отчаяніе.

Страхъ. Отвращеніе въ соединеніи съ мыслью о вредѣ, который послѣдуетъ отъ его объекта,—страхъ.

Храбрость. Отвращеніе съ мыслью объ отраженіи вреда сопротивленіемъ,—храбрость.

Гнѣвъ. Мгновенная вспышка храбрости — гнѣвъ.

Самоувѣренность. Робость. Постоянная надежда на свои силы—самоувѣренность; постоянное отчаяніе—робость.

Негодованіе. Гнѣвъ на вредъ, нанесенный другому человѣку, когда мы видимъ, что онъ ничѣмъ не заслужилъ этого оскорбленія, — негодованіе.

Благоволеніе. Доброта. Желаніе добра другому—благоволеніе, добрая воля, милосердіе. Обыкновенно это называется добротой.

Любостяжаніе. Желаніе богатства—любостяжаніе. Вслѣдствіе того, что люди постоянно враждуютъ изъ-за богатства, слово это почти всегда принимается въ дурномъ смыслѣ; но желаніе богатства подлежитъ порицанію или одобренію только смотря по средствамъ, которыми богатство пріобрѣтается.

Честолюбіе. Желаніе общественныхъ должностей—честолюбіе. По причинѣ раздора, возбуждаемаго между людьми предметомъ этого желанія, слово это также очень часто принимается въ дурномъ смыслѣ.

Малодушіе. Желаніе предметовъ, мало содѣйствующихъ достиженію нашихъ цѣлей, и страхъ передъ предметами, мало препятствующими имъ, называются малодушіемъ.

Великодушіе. Пренебреженіе незначительными выгодами и препятствіями—великодушіе.

Мужество. Великодушіе въ отношеніи опасности насильственной смерти или ранъ—мужество, отвага.

Щедрость. Великодушіе въ употребленіи богатствъ—щедр сть.

Скупость. Малодушіе въ ихъ употребленіи—скупость; ее то хвалятъ, то порицаютъ.

Мстительность. Желаніе повредить кому-нибудь за то, что онъ осудилъ какой-нибудь нашъ поступокъ,—мстительность.

Любознательность. Желаніе знать, что и какимъ образомъ бываетъ,—любознательность. Эта страсть свойственна одному человѣку. Итакъ, человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ нетолько разсудкомъ, но и любознательностью. Въ прочихъ животныхъ преобладаютъ желаніе пищи и другія чувственныя наслажденія; они не заботятся о познаніи причинъ. Эта страсть, порождающая постоянное и неистощимое наслажденіе, доставляемое новыми знаніями, даетъ человѣку гораздо больше удовольствія, чѣмъ быстро проходящія чувственныя наслажденія.

Дружба. Симпатія. Любовь къ лицамъ ради ихъ общества—дружба. Любовь къ лицамъ ради удовольствія, доставляемаго ими нашимъ чувствамъ,—симпатія.

Сладострастіе. Любовная страсть. Ревность. Любовь къ лицамъ, возбуждаемая воспоминаніемъ или воображеніемъ чувственнаго наслажденія,—сладострастіе. Любовь къ одному лицу, которымъ мы хотимъ быть исключительно любимы, есть любовная страсть. Не будучи взаимной, она порождаетъ ревность.

Религія. Суевѣріе. Истинная религія. Боязнь невидимыхъ силъ, вымышленныхъ или изобрѣтенныхъ умомъ и принятыхъ всѣмъ обществомъ на историческомъ основаніи, называется религіей. Если эти силы не признаны всѣмъ обществомъ, то боязнь эта—суевѣріе. Если же вымышленныя силы на самомъ дѣлѣ таковы, какими ихъ воображаемъ, то боязнь эта будетъ истинная религія.

Паническій ужасъ. Страхъ безъ представленія о томъ, откуда угрожаетъ опасность и въ чемъ она состоитъ, называется паническимъ ужасомъ; онъ названъ такъ по имени Пана, который считается въ миѳологіи виновникомъ этого страха. Но въ дѣйствительности бываетъ такъ, что кто-нибудь увидитъ нѣчто страшное и испугается, а прочіе бѣгутъ по примѣру перваго, и каждый думаетъ, что причина общаго бѣгства достаточно извѣстна всѣмъ другимъ бѣгущимъ. Эта страсть возникаетъ только въ многолюдной толпѣ.

Удивленіе. Радость, возбуждаемая новымъ знаніемъ, есть удивленіе; оно свойственно одному человѣку, потому что возбуждается познаніемъ причинъ.

Гордость. Радость, возбуждаемая въ человѣкѣ мыслью о своей мощи и добродѣтели, является въ немъ какъ восторженное состояніе ума, называемое гордостью. Если радость эта вытекаетъ изъ опыта надъ

Тщеславіе. своими поступками, то она тожественна съ самоувѣренностью. Но будучи основана на посторонней лести или возбуждена собственной фантазіей ради выгодныхъ результатовъ ея, она называется тщеславіемъ. Самоувѣренность порождаетъ энергію, тщеславіе же не даетъ ничего.

Упадокъ духа. Печаль, порождаемая мыслью о своемъ безсиліи, называется упадкомъ духа.

Тщеславіе, т. е. желаніе приписывать или придавать себѣ видъ добродѣтелей, которыхъ въ насъ нѣтъ, свойственно почти однимъ молодымъ людямъ и большею частью исправляется возрастомъ и дѣловой жизнью.

Самодовольство. Насмѣшливость. Мгновенный припадокъ радости, называемый самодовольствомъ, производитъ насмѣшливость; онъ возбуждается или какимъ-нибудь неожиданнымъ собственнымъ поступкомъ, въ которомъ совершившій его нравится самому себѣ, или зрѣлищемъ чужаго неприличнаго поступка, съ которымъ мы сравниваемъ свои дѣйствія и сознаемъ свое превосходство. Это всего свойственнѣе тѣмъ, кто, сознавая за собой очень мало достоинствъ, можетъ сохранять доброе о себѣ мнѣніе только подмѣчая чужіе недостатки. Поэтому самодовольство и насмѣшливость—знакъ малодушія. Великія души напротивъ того помогаютъ другимъ и избавляютъ ихъ отъ презрѣнія, а себя сравниваютъ только съ величайшими людьми.

Уныніе. Плачъ. Мгновенный упадокъ духа производитъ плачъ. Онъ вызывается какими-нибудь случаями, губящими дорогія надежды или подрывающими силу. Чаще всего плачутъ тѣ, кто больше всего нуждается во внѣшней помощи, какъ напр. женщины, дѣти. Одни оплакиваютъ потерю друзей, другіе ихъ неблагодарность; иные иногда плачутъ при примиреніи съ ними, потому что оно неожиданно разрушаетъ надежду отмстить. Во всякомъ случаѣ, какъ смѣхъ, такъ и плачъ—движенія внезапныя; привычка ослабляетъ ихъ; поэтому никто не смѣется надъ старыми шутками и никто не оплакиваетъ старыхъ несчастій.

Стыдъ. Печаль, возбуждаемая мыслью о своемъ неприличномъ поступкѣ, называется стыдомъ и обнаруживается краской въ лицѣ. Страсть эта похвальна въ молодыхъ людяхъ, какъ признакъ желанія не дѣлать ничего недостойнаго; но въ старикахъ она не заслуживаетъ похвалы, потому что ихъ труднѣе извинить за неприличные поступки.

Безстыдство. Пренебреженіе къ доброй славѣ называется безстыдствомъ.

Сострадание. Печаль по поводу чужаго несчастья называется состраданіемъ и возбуждается мыслью о возможности и съ нами такого же

несчастія; вотъ почему она и называется состраданіемъ. Поэтому если мы видимъ, что человѣкъ самъ виноватъ въ своемъ несчастіи, то бѣда его пробуждаетъ въ насъ меньше состраданія, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше его вина. Кто считаетъ себя болѣе огражденнымъ отъ несчастія, подобнаго тому, которое постигло другаго, тотъ менѣе склоненъ въ этомъ случаѣ къ состраданію.

Пренебреженіе къ чужому несчастью называется жестокостью и возбуждается увѣренностью въ собственной безопасности. Жестокость. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы кто-нибудь безъ этой увѣренности могъ не только оставаться равнодушнымъ при видѣ чужихъ страданій, но и наслаждаться ими.

Печаль объ успѣхѣ соперника въ пріобрѣтеніи почета, богатства или другаго блага называется соревнованіемъ, если сопровождается стараніемъ сравняться съ нимъ или превзойти его; если же она возбуждаетъ только стараніе уронить соперника или повредить ему, то будетъ уже зависть. Соревнованіе. Зависть.

Иногда въ умѣ человѣка попеременно возникаютъ желаніе, отвращеніе, надежда, страхъ относительно одного и того же предмета; ему одно за другимъ представляются добрыя и худыя послѣдствія извѣстнаго поступка, причемъ онъ то желаетъ, то отвращается; то надѣется, то страшится. Все это соединеніе страстей продолжается до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ приведено въ исполненіе или отвергнуто, и называется размышленіемъ. Размышленіе.

Вещи прошлыя не могутъ вызывать размышленія, потому что прошедшее неизмѣнно; мы не размышляемъ также о томъ, что̀, какъ мы знаемъ или полагаемъ, совершенно невозможно, потому что размышлять объ этомъ было бы напрасно. Но невозможное, которое мы считаемъ возможнымъ, можетъ быть предметомъ размышленія, если мы не знаемъ, что оно напрасно. Размышленіе, т. е. послѣдовательная смѣна въ умѣ желаній, отвращеній и пр., обще человѣку съ прочими животными, которыя также размышляютъ.

Размышленіе оканчивается тѣмъ, что предметъ его или осуществляется, или оказывается невозможнымъ: до тѣхъ поръ мы сохраняемъ свободу сдѣлать или не дѣлать, послѣдовать ли желанію или послушаться отвращенія.

Послѣднее желаніе или отвращеніе въ размышленіи, непосредственно примыкающее къ дѣйствію, бывшему предметомъ размышленія, есть то, что мы называемъ волей. Воля есть актъ, а не способность. Отсюда слѣдуетъ, что и животныя, обладая способностью размышлять, одарены также и волей. Схоластическое опредѣленіе воли, что Воля.

она есть разумное желаніе, ложно, потому что еслибы это было такъ, то никогда не совершалось бы произвольныхъ дѣйствій, противныхъ разуму. Произвольное дѣйствіе есть то, которое происходитъ отъ воли, а не иначе. Итакъ, если изъ опредѣленія воли какъ «разумнаго желанія» выкинуть слово «разумное», то схоластическое опредѣленіе воли совпадаетъ съ моимъ, какъ «послѣднее желаніе въ ряду размышленія». Хотя въ обыденной жизни мы часто говоримъ, что человѣкъ хотѣлъ что-нибудь сдѣлать, но не сдѣлалъ; однако по-настоящему это хотѣніе его не было волей, а просто желаніемъ, еще не дающимъ дѣйствію характера произвольности: произвольное дѣйствіе есть результатъ не всякаго, а именно только послѣдняго желанія въ ряду размышленія. Всѣ прочія желанія или склонности въ этомъ ряду еще далеко не воля; еслибы они были ею, то всѣ дѣйствія были бы вмѣстѣ и произвольны, и непроизвольны.

Отсюда очевидно, что произвольны нетолько тѣ дѣйствія, которыя порождаются какимъ-нибудь желаніемъ, но и тѣ, которыя проистекаютъ изъ отвращенія или страха предъ событіями, которыя воспослѣдуютъ за неисполненіемъ какого-нибудь дѣла.

Формулы рѣчи, выражающія страсти.

Формулы рѣчи, служащія для выраженія страстей, отчасти тожественны съ тѣми, которыми мы означаемъ другія понятія. Вопервыхъ, всѣ вообще страсти могутъ быть выражаемы изъявительно, напримѣръ: люблю, страшусь, радуюсь, размышляю, желаю и пр. Но нѣкоторыя страсти имѣютъ свои особыя выраженія, которыя впрочемъ бываютъ утвердительными только въ томъ случаѣ, когда входятъ въ составъ умозаключеній. Размышленіе выражается сослагательно, а именно въ предположеніяхъ, изъ которыхъ мы выводимъ слѣдствія; напримѣръ: если будетъ это, то воспослѣдуетъ то. Отъ умозаключенія размышленіе отличается только тѣмъ, что въ первомъ мы употребляемъ общія имена, а во второмъ преимущественно частныя. Желанію и отвращенію свойственна повелительная рѣчь, напримѣръ: дѣлай это, воздерживайся отъ того. Такія рѣчи, будучи обращены къ тому, кто обязанъ дѣлать или воздерживаться, называются приказаніемъ; въ другихъ случаяхъ—просьбой или совѣтомъ. Тщеславіе, негодованіе и сострананіе выражаются желательной рѣчью. Любознательности свойственна вопросительная рѣчь; напримѣръ: что такое? когда это будетъ? какимъ образомъ это сдѣлалось? почему такъ? Другихъ рѣчей для выраженія страстей я не нахожу. Борьба, оскорбленія и брань не имѣютъ значенія рѣчи; это просто привычныя фразы.

Эти формулы, будучи произвольны, не всегда вѣрно выражаютъ

страсти. Всего вѣрнѣе страсти обнаруживаются выраженіемъ лица, жестами, поступками, цѣлями и занятіями людей.

Кажущееся добро и зло.

Въ размышленіи смѣняются желанія и отвращенія, возбуждаемыя добрыми или злыми слѣдствіями того дѣйствія, которое служитъ предметомъ размышленія, и образуютъ собой длинную цѣпь, гдѣ часто не видно конца. Если въ этой цѣпи оказывается болѣе добрыхъ, чѣмъ злыхъ слѣдствій, то вся ея совокупность кажется добромъ; если же злыхъ слѣдствій болѣе, чѣмъ добрыхъ, то цѣлое кажется зломъ. Поэтому кто размышленіемъ или опытомъ научился обозрѣвать самые длинные ряды слѣдствій, тотъ и размышлять будетъ всего вѣрнѣе и можетъ служить лучшимъ совѣтникомъ для другихъ.

Счастье.

Постоянная удача въ достиженіи желаемыхъ предметовъ называется счастьемъ; я разумѣю здѣсь счастье въ настоящей жизни. Пока мы живемъ, духъ нашъ никогда не пользуется постояннымъ спокойствіемъ, потому что самая жизнь есть движеніе, и человѣкъ не можетъ жить безъ желаній, опасеній и другихъ страстей, какъ и безъ ощущеній. Человѣкъ не можетъ ни знать, ни предвидѣть, какого рода блаженство Богъ приготовилъ тѣмъ, кто благочестиво почитаетъ Его; поэтому нѣтъ ничего нелѣпѣе схоластическихъ разсужденій о такъ-называемомъ блаженномъ созерцаніи.

Похвала. Прославленіе.

Формула рѣчи, выражающая мнѣніе о хорошихъ свойствахъ даннаго предмета, называется похвалой. Формула, означающая силу и величіе вещи, называется прославленіемъ. Формула, выражающая мнѣніе о чьемъ-нибудь счастьи, называется Μακαρίσμος. по-гречески μακαρίσμος, а въ другихъ языкахъ не имѣетъ соотвѣтствующаго выраженія.

Сказаннаго о страстяхъ достаточно для цѣли настоящаго сочиненія.

ГЛАВА VII.

О цѣляхъ или заключеніяхъ разсужденія.

Всякое разсужденіе, руководимое желаніемъ знанія, оканчивается тѣмъ, что извѣстная мысль принимается или отвергается. Поэтому если цѣпь разсужденія прерывается, то его еще нельзя назвать заключеннымъ.

Чисто умственное разсужденіе состоитъ въ смѣнѣ мыслей о томъ, что̀ будетъ или чего не будетъ, или о томъ, что̀ было или чего не было. Поэтому гдѣ бы мы ни прервали цѣпь разсужденія, мы всегда встрѣтимъ предположеніе о томъ, что будетъ или чего не будетъ, или о томъ, что было или чего не было. Все это называется мнѣніемъ.

Въ изслѣдованіи истины въ прошедшемъ или въ будущемъ смѣна мнѣній соотвѣтствуетъ смѣнѣ желаній въ разсужденіи о добрѣ и злѣ. Какъ въ размышленіи послѣднее желаніе является волей, такъ въ изслѣдованіи истины въ прошломъ или будущемъ послѣднее мнѣніе на-
Сужденіе. зывается сужденіемъ, рѣшеніемъ или приговоромъ. Рядъ смѣняющихся желаній въ вопросѣ о добрѣ и злѣ называется разсужденіемъ; въ вопросѣ же объ истинѣ или лжи рядъ смѣняющихся
Сомнѣніе. мнѣній называется сомнѣніемъ.

Рядъ мыслей никогда не можетъ привести къ полному знанію фактовъ прошлаго или будущаго, потому что познаніе факта есть прежде всего ощущеніе, а далѣе память. Поэтому и познаніе соотношеній между понятіями, называемое, какъ я уже сказалъ, наукой, далеко не безусловно, а лишь относительно. Посредствомъ ряда мыслей нельзя узнать, что есть, было или будетъ, а можно только познавать, что если есть одно, то есть и другое, если было одно, то было и другое, если будетъ одно, то будетъ и другое. Но только первый родъ знанія могъ бы, еслибы существовалъ, назваться безусловнымъ; знаніе же втораго рода условно и относится не къ соотношеніямъ самихъ предметовъ, а къ соотношеніямъ понятій объ нихъ.

Наука. Разсужденіе въ словесной формѣ начинается съ опредѣленій словъ; потомъ, связуя слова, переходитъ къ предложеніямъ, отъ предложеній къ силлогизмамъ и наконецъ оканчивается общимъ итогомъ, называемымъ заключеніемъ; идея, выражаемая въ заключеніи, и будетъ именно этимъ условнымъ знаніемъ, т. е. знаніемъ соотношеній, обыкновенно называемымъ наукою. Но если разсужденіе не начинается съ опредѣленій, или если опредѣленія соединяются въ силлогизмы неправильно, то оно окончится нелѣпымъ, безсмысленнымъ и совершенно
Мнѣніе. непонятнымъ мнѣніемъ.

Когда двое или много людей знаютъ одно и тоже, совѣдаютъ
Совѣсть. одинъ и тотъ же фактъ, то они могутъ взаимно служить лучшими свидѣтелями.

Всегда считалось и будетъ считаться большой подлостью свидѣтельствовать противъ своей совѣсти, а также склонять или принуждать къ тому другаго, и потому свидѣтельство и защита лица совѣдающаго во всѣ времена принимались въ уваженіе. Такимъ образомъ совѣсть значитъ собственно совѣдѣніе, знаніе одного и того же факта разными лицами. Но слово это часто употребляется и метафорически, въ смыслѣ вѣдѣнія или знанія всѣхъ собственныхъ тайныхъ поступковъ и мыслей. Такъ напр. реторически говорятъ, что совѣсть тысячеокій свидѣтель. Иные изъ пристрастія къ своимъ неслыханнымъ мнѣніямъ упорно защищаютъ ихъ, какъ бы нелѣпы они ни были, прикрывая ихъ почтеннымъ именемъ совѣсти, чтобы внушить, что измѣнять или возражать имъ было бы преступно. Они увѣряютъ, что имъ извѣстна истина этихъ мнѣній, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они знаютъ только, что думаютъ такъ, а не иначе.

Когда сужденіе начинается не съ опредѣленія, а съ какой-нибудь другой мысли, то всегда оканчивается мнѣніемъ; если оно начинается съ мысли другаго лица, въ которомъ мы не сомнѣваемся, что оно знаетъ истину и слишкомъ честно, чтобы обманывать насъ, то разсужденіе наше приводитъ насъ, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о вещи или о лицѣ, къ убѣжденію или къ вѣрѣ въ человѣка,—къ убѣж-
Убѣжденіе. денію и въ человѣкѣ, и въ истинѣ того, что̀ онъ го-
Вѣра. воритъ. Такимъ образомъ въ убѣжденіи выражается два мнѣнія: увѣренность въ истинѣ словъ человѣка и увѣренность въ его достоинствѣ. Вѣрить въ человѣка, довѣрять ему, быть увѣреннымъ въ немъ выражаетъ одно и тоже, а именно мнѣніе объ искренности этого лица; но вѣрить тому, что̀ онъ говоритъ, значитъ быть убѣжденнымъ въ истинѣ его словъ. Нужно замѣтить, что выраженіе вѣрю въ кого-нибудь, по-латынѣ credo in, по-гречески πιστεύω εἰς, употребляется очень рѣдко, за исключеніемъ богословскихъ книгъ: прочіе писатели говорятъ: вѣрю ему; довѣряю ему, имѣю къ нему довѣріе; по-латынѣ credo illi, fido illi, по-гречески πιστεύω αὐτῷ; эта разница въ выраженіяхъ нерѣдко возбуждала разныя несогласія насчетъ предметовъ христіанской вѣры.

Но дѣло въ томъ, что выраженіе символа христіанской вѣры «вѣрую въ» не относится къ самому Богу, а означаетъ только признаніе или исповѣданіе извѣстнаго ученія. Въ Бога вѣрятъ не одни христіане, а вообще всѣ люди; всѣ признаютъ истиннымъ все, что Онъ сказалъ или скажетъ, хотя бы даже слова Его были имъ непонятны; иной вѣры, больше этой, и быть не можетъ. Ученію же символа вѣры вѣрятъ только одни христіане.

Итакъ, когда что-нибудь считается истиннымъ не на основаніи доказательствъ, заимствованныхъ изъ самой вещи или изъ началъ естественнаго разума, а по авторитету говорящаго лица и по доброму о немъ

мнѣнію, то въ этомъ случаѣ предметомъ вѣры служитъ говорящее лицо, и честь, воздаваемая вѣрой, относится только къ нему. Слѣдовательно, вѣруя, что Св. Писаніе есть истинное слово Божіе, мы, если только не имѣемъ особаго откровенія, относимъ нашу вѣру, наше довѣріе къ церкви, на свидѣтельство которой въ этомъ случаѣ совершенно полагаемся. Точно также, если кто вѣритъ тому, что̀ говорится во имя Божіе какимъ-нибудь пророкомъ, то вѣра его относится къ пророку. Онъ вѣритъ и довѣряетъ именно ему и чтитъ его авторитетъ, все равно—истинный ли это пророкъ или ложный. Тоже и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Еслибы напр. я отказался вѣрить разсказамъ историковъ о доблестяхъ Александра или Цезаря, то тѣни ихъ не имѣли бы никакого основанія оскорбляться этимъ; остаться недовольными мною могли бы только историки. Если Ливій говоритъ намъ, что во-время-оно корова по волѣ боговъ заговорила, и мы не вѣримъ этому, то не вѣримъ мы не Богу, а Ливію. Ясно, стало быть, что если мы вѣримъ чему-нибудь безъ всякихъ доказательствъ, кромѣ основанныхъ на человѣческомъ авторитетѣ, то вѣра наша относится не къ Богу, а все-таки къ людямъ.

ГЛАВА VIII.

О достоинствахъ, обыкновенно называемыхъ умственными и о соотвѣтствующихъ имъ порокахъ.

Опредѣленіе умственныхъ достоинствъ. Достоинство въ каждомъ предметѣ есть нѣчто высоко въ немъ цѣнимое на основаніи сравненія. Еслибы у всѣхъ было всего по ровну, то ничто не считалось бы достоинствомъ. Подъ именемъ умственныхъ достоинствъ разумѣются тѣ способности ума, которыя люди хвалятъ, цѣнятъ и желаютъ усвоивать себѣ. Обыкновенно ихъ называютъ общимъ простымъ именемъ хорошаго ума или просто ума, хотя умъ въ иныхъ случаяхъ означаетъ особенную сторону человѣческой природы.

Умъ естественный и пріобрѣтенный. Достоинства человѣка могутъ быть естественныя или пріобрѣтенныя. Естественный умъ не значитъ врожденный, потому что послѣдній ни что иное, какъ чувство, и по отношенію къ нему люди немного превосходятъ нетолько другъ друга, но даже и животныхъ. Естественный умъ. Подъ именемъ естественнаго ума я разумѣю умъ также пріобрѣтаемый людьми, но пріобрѣтаемый съ лѣтами помощью одного навыка и опыта, безъ пособія метода, развитія и просвѣщенія. Онъ состоитъ преимущественно изъ двухъ качествъ: изъ быстроты воображенія, т. е. изъ скорости переходовъ отъ одной мысли къ другой, и изъ постояннаго преслѣдованія одной предположенной цѣли. Напротивъ медленное воображеніе составляетъ тотъ недостатокъ мыслительной способности, который обыкновенно называется слабоуміемъ, тупоуміемъ и другими именами, выражающими затрудненное или замедленное движеніе.

Различіе въ быстромъ воображеніи происходитъ отъ различія страстей человѣческихъ; потому что люди любятъ и ненавидятъ не одно и тоже; мысли у людей идутъ различными путями; и они различно смотрятъ на мысли, являющіяся въ ихъ представленіи и различно относятся къ нимъ. Поэтому разсматривая послѣдовательное теченіе мыслей у людей, должно обращать вниманіе не на содержаніе ихъ, а на то, сходны ли онѣ или несходны между собой, а также—къ чему и какъ могутъ онѣ служить. Кто особенно вѣрно подмѣчаетъ сходства, обыкновенно упускаемыя другими изъ виду, о томъ говорятъ, что онъ обладаетъ сильнымъ умомъ, т. е. сильнымъ воображеніемъ. Сильный умъ или воображеніе. Кто, напротивъ, вѣрно подмѣчаетъ различія и несходства въ объектахъ мысли, т. е. кто вѣрно различаетъ, обособляетъ и отличаетъ предметы другъ отъ друга, о томъ говорится, что онъ обладаетъ разсудительностью или умомъ. Разсудительность. Въ иныхъ же случаяхъ въ разговорѣ или въ дѣлахъ умѣніе разбирать время, мѣсто и лица называется смѣтливостью. Смѣтливость. Воображеніе, хотя бы и сильное, но безъ разсудительности рѣдко заслуживаетъ похвалы; разсудительность же или смѣтливость хороши и сами по себѣ, безъ сильнаго воображенія. Кромѣ способности различать времена, мѣста и лица, необходимой воображенію, для ума нужно еще частое направленіе мыслей къ опредѣленной цѣли. Конечно, хорошо имѣть способность подмѣчать сходства; часто это нетолько поясняетъ мысль, но и украшаетъ рѣчь новыми мѣткими метафорами, которыя тѣмъ болѣе нравятся, чѣмъ неожиданнѣе и рѣже употребляются. Однако если мысли не будутъ направляться къ одной опредѣленной цѣли, сильное воображеніе будетъ только однимъ изъ видовъ безумія: такой именно характеръ имѣетъ оно у тѣхъ, кто, заговоривъ о чемъ-нибудь, безпрестанно отвлекается отъ своей предположенной цѣли всякой посторонней мыслью и такъ запутывается наконецъ въ разныхъ отступленіяхъ и вводныхъ предложеніяхъ, что уже не можетъ вернуться къ предмету своего разсужденія. Безуміе это, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ особаго названія. Причина же его бываетъ или недостатокъ опытности,

вслѣдствіе котораго люди считаютъ новыми и замѣчательными мысли, не имѣющія въ глазахъ другихъ никакой цѣны, или малодушіе, которое заставляетъ людей считать великимъ то, что для другихъ ничтожно. Дѣйствительно великое и новое рѣдко заставляетъ людей нарушать порядокъ рѣчи. Въ хорошей поэмѣ, эпической и драматической, а также въ сонетахъ, эпиграммахъ и другихъ поэтическихъ произведеніяхъ нужны и разсудительность и воображеніе; но послѣднее должно преобладать, потому что поэтическія творенія нравятся главнымъ образомъ именно причудливостью; впрочемъ, конечно, имъ не слѣдуетъ идти наперекоръ разсудку.

Хорошая исторія требуетъ прежде всего разсудительности, потому что достоинство исторіи состоитъ въ методѣ, въ истинѣ, въ выборѣ предмета повѣствованія, и воображеніе допускается здѣсь только для украшенія разсказа.

Въ похвальныхъ рѣчахъ и полемическихъ сочиненіяхъ воображеніе должно господствовать, потому что цѣль ихъ не истина, а похвала или укоризна; цѣли эти лучше всего достигаются сравненіемъ съ предметами знаменитыми, ничтожными или смѣшными. Разсудокъ, въ этомъ случаѣ нуженъ только для выясненія основаній, отъ которыхъ зависитъ достоинство или порочность извѣстнаго поступка.

Въ рѣчахъ, цѣль которыхъ убѣдить, обвинить или оправдать, требуется или больше разсудительности, или больше воображенія, смотря по тому, что лучше можетъ служить успѣху дѣла.

Въ разсужденіяхъ на совѣщаніяхъ и при всякомъ изслѣдованіи истины нужна только разсудительность, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно прибѣгнуть къ какому-нибудь мѣткому сравненію, чтобы возбудить вниманіе слушателей. Что касается до метафоръ, то въ этомъ случаѣ ихъ должно совершенно избѣгать. Лживость ихъ слишкомъ очевидна и употреблять ихъ въ серьезномъ совѣщаніи или разсужденіи было бы очевидной глупостью. Какъ бы ни плѣняла рѣчь богатствомъ воображенія, она всегда сочтется глупой, если въ ней будетъ замѣтенъ недостатокъ разсудительности; но если разсудительность ея очевидна, то, какъ бы ни было слабо воображеніе, рѣчь непремѣнно заслужитъ одобреніе.

Тайная человѣческая мысль безъ стыда и безъ вины бродитъ по всѣмъ предметамъ—священнымъ, пошлымъ, чистымъ, сальнымъ, важнымъ и мелочнымъ. Но рѣчь сдерживается въ этомъ отношеніи разсудительностью, которая принимаетъ въ соображеніе время, мѣсто и лица. Врачу или анатому можно писать и говорить о срамныхъ предметахъ все, что угодно, потому что онъ имѣетъ цѣлью не забаву, а пользу. Но если кто-нибудь другой станетъ говорить объ этомъ для потѣхи или забавы, то впадетъ въ пошлость, нетерпимую въ порядочномъ обществѣ. Въ пріятельскомъ кружкѣ, въ небрежной болтовнѣ можно, пожалуй, острить, т. е. играть звуками и значеніемъ словъ, и забавляться иногда причудами и шутками; но въ публичной рѣчи, въ обществѣ, предъ людьми незнакомыми или такими, которымъ мы обязаны почтеніемъ, всякія шутки и остроты покажутся глупостью. Разсудительность должна указывать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ себя держать, что когда можно говорить и когда нельзя. Недостатокъ ума есть собственно недостатокъ разсудительности, а не воображенія. Разсудительность безъ воображенія все-таки умъ, а воображеніе безъ разсудительности—глупость.

Благоразуміе.

Если обозрѣвая мысленно множество предметовъ съ какой-нибудь предположенной цѣлью, человѣкъ быстро соображаетъ, какимъ образомъ предметы эти ведутъ къ его цѣли или которые изъ нихъ могутъ служить ей, то его называютъ благоразумнымъ. Благоразуміе зависитъ отъ опыта и памяти. Въ этомъ отношеніи люди меньше различаются другъ отъ друга, чѣмъ въ отношеніи разсудительности и воображенія; потому что у людей равнаго возраста, не можетъ быть большой разницы въ количествѣ опытности, а если есть, то развѣ только въ качествѣ, смотря по роду занятій, которыя такъ разнообразны. Нужно столько же благоразумія для хорошаго управленія государствомъ, какъ и для завѣдыванія своими семейными дѣлами; разница не въ степени нужной для этого опытности, а въ родѣ ея. Это все равно, что рисовать миніатюры или большія картины: степень искусства нужна одинаковая и вся разница только въ родѣ. Вотъ почему самый невѣжественный земледѣлецъ умнѣе въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ членъ тайнаго совѣта— въ чужомъ.

Хитрость.

Умъ направленный къ пріобрѣтенію несправедливыхъ или безчестныхъ средствъ, часто указываемыхъ страхомъ или бѣдностью, есть ложный умъ и называется хитростью. По большей части онъ служитъ признакомъ малодушія, потому что великодушный человѣкъ презираетъ несправедливыя и безчестныя средства. Другой видъ близорукой хитрости, называемый изворотливостью, по-латынѣ versutia, состоитъ въ отсрочиваніи на короткое время опасности или неудобства, что всегда приводитъ къ худшему еще положенію. Латинское названіе этого недостатка происходитъ отъ слова versura, что значитъ брать деньги въ ростъ, чтобы заплатить проценты текущаго долга.

Пріобрѣтенный умъ.

Умъ, пріобрѣтенный методомъ и изученіемъ, ни что иное, какъ разсудокъ: онъ основанъ на правильномъ упо-

требленіи рѣчи и создаетъ науки. О разсудкѣ и о наукахъ мы уже говорили въ V и VI главахъ.

Разница въ умахъ зависитъ отъ различія страстей, которыя въ свою очередь обусловливаются частью физической организаціей, а частью привычками и воспитаніемъ. Еслибы разница эта зависѣла отъ устройства мозга и внѣшнихъ или внутреннихъ органовъ чувствъ, то было бы замѣтно различіе въ зрѣніи, слухѣ и другихъ человѣческихъ чувствахъ, а не въ представленіяхъ и разсудкѣ. Разница въ этомъ отношеніи зависитъ, стало быть, отъ страстей, которыя различны, смотря не только по условіямъ тѣлосложенія, но и по обстоятельствамъ привычекъ и воспитанія. Изъ страстей особенно сильное вліяніе на умственныя способности оказываютъ страсти къ власти, богатству, знанію и почестямъ. Но всѣ эти страсти можно подвести подъ понятіе властолюбія, потому что корыстолюбіе, жажда знанія, честолюбіе—ни что иное, какъ видъ страсти властвовать.

Не обладающій этими страстями и равнодушный къ предметамъ ихъ конечно сочтется человѣкомъ добрымъ и будетъ безопасенъ отъ крупныхъ обидъ и нападеній; но его никто не признаетъ человѣкомъ большаго ума. Мысли не болѣе какъ развѣдчики желаній, высылаемые для изслѣдованія путей, по которымъ мы стремимся къ желаемымъ предметамъ; направленіе же и скорость движеніямъ души сообщаютъ страсти. Только мертвые ничего не желаютъ; желаютъ слабо только тупоумные.

Вѣтренность. Кто желаетъ безразлично всего, считается легкомысленнымъ, вѣтреннымъ. Наконецъ страсти, необычайно сильныя и пылкія, какихъ обыкновенно не встрѣчается, составляютъ то, что называется безуміемъ.

Безуміе.

Безуміе проявляется почти въ столькихъ же видахъ, сколько существуетъ страстей. Иногда необычайныя и дикія страсти происходятъ отъ неправильнаго строенія или поврежденія органовъ тѣла; но съ другой стороны подобныя страсти и сами служатъ причиной тѣлесныхъ поврежденій и недостатковъ. Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ безуміе принадлежитъ къ одному и тому же виду.

Къ числу страстей, которыя своей силой или продолжительностью порождаютъ безуміе, прежде всего принадлежитъ тщеславіе, обыкновенно называемое гордостью, и самопрезрѣніе или упадокъ духа.

Ярость. Гордость дѣлаетъ склоннымъ къ гнѣву, а высшая степень гнѣва есть уже видъ безумія, называемый бѣшенствомъ или яростью. Такимъ образомъ сильное и постоянное желаніе мести дѣйствуетъ вредно на организмъ и доводитъ до бѣшенства; къ тѣмъ же

послѣдствіямъ приводитъ и сильная любовь, особенно сопровождаемая ревностью. Слишкомъ высокое мнѣніе о самомъ себѣ, о своей мудрости, учености, красотѣ, божественномъ вдохновеніи и тому подобное ведетъ къ легкомыслію, а въ соединеніи съ завистью—къ бѣшенству; сильная вѣра въ какую-нибудь истину, встрѣчая противорѣчіе, обращается въ ярость.

Меланхолія. Упадокъ духа заставляетъ человѣка, безъ всякой причины, пугаться и трепетать; такимъ образомъ является безуміе, обыкновенно называемое меланхоліей. Она обнаруживается различно у людей, которые слишкомъ предаются уединенію, у суевѣрныхъ, у робкихъ.

Сумасшествіе. Вообще всѣ страсти, вызывающія странное и необычайное поведеніе, называются сумасшествіемъ. Различныхъ видовъ сумасшествія, которое составляетъ разныя болѣзни, можно насчитать цѣлый легіонъ. Но если такимъ образомъ излишество страсти составляетъ сущность сумасшествія, то очевидно, что самая страсть уже составляетъ нѣкоторую степень его, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда она направлена ко злу.

Напримѣръ, если кто-нибудь вообразитъ себя вдохновеннымъ свыше, то въ отдѣльной личности мы, пожалуй, и не замѣтимъ этого безумія, если ей не представляется повода обнаружить его какимъ-нибудь несообразнымъ поступкомъ, вытекающимъ изъ ея нелѣпаго о себѣ мнѣнія. Но когда подобная идея овладѣваетъ многими людьми вдругъ, то бѣшеное состояніе цѣлой толпы прямо бросается въ глаза. Какихъ еще искать доказательствъ безумія, если мы видимъ, что люди вопятъ, дерутся, бросаютъ камнями въ друзей? А между тѣмъ это далеко еще не все, что иногда совершаютъ подобныя толпы. Онѣ убиваютъ тѣхъ, кто всю жизнь покровительствовалъ имъ и защищалъ ихъ отъ обидъ. Если такіе поступки составляютъ безуміе въ толпѣ, то ихъ нельзя иначе назвать и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, хотя бы въ немъ безуміе и не бросалось въ глаза такъ явно. Это какъ на морѣ: хотя мы не воспринимаемъ звука, издаваемаго ближайшею къ кораблю частью воды, но, слыша общій шумъ моря, знаемъ, что и эта часть шумитъ одинаково съ прочими; такъ и въ толпѣ, хотя въ каждомъ человѣкѣ особо мы не замѣчаемъ признаковъ сильнаго безпокойства, но можемъ быть увѣрены, что страсти каждаго порознь участвуютъ въ общемъ мятежномъ шумѣ взволнованнаго общества. Еслибы даже не было другихъ признаковъ безумія, то уже одно притязаніе на божественное вдохновеніе доказываетъ его вполнѣ достаточно. Положимъ, вы встрѣчаете въ домѣ умалишенныхъ человѣка, который начинаетъ толковать съ вами очень разумно; но вдругъ на вопросъ вашъ, кто онъ такой, онъ отвѣ-

чаетъ вамъ, что онъ Богъ Отецъ: не сочтете ли вы этого достаточнымъ доказательствомъ безумія?

Идея о собственномъ вдохновенномъ состояніи, обыкновенно называемомъ одержимостью духами, очень часто начинается съ того, что человѣку посчастливится замѣтить ошибочность какого-нибудь общепринятаго мнѣнія; не сознавая или не припоминая, какимъ разумнымъ путемъ удалось ему напасть на такую необыкновенную истину (хотя часто открытіе его оказывается далеко не истиною), онъ начинаетъ удивляться самъ себѣ и считать себя избранникомъ, которому Богъ, по особой благодати, сверхъестественно открылъ истину черезъ посредство Святаго Духа.

Послѣдствія излишества въ употребленіи спиртныхъ напитковъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ, что безуміе есть крайность страсти; опьянѣніе приводитъ органы въ такое же напряженіе, какъ и страсть. Люди, преданные пьянству, также рѣзко отличаются своими поступками отъ остальныхъ, какъ и безумные: одни предаются неистовству, другіе—любви, третьи плачутъ, и притомъ во всемъ этомъ страсть проявляется необыкновенно. Я думаю, что тѣ же самые люди въ трезвомъ состояніи, оставаясь одни, безъ всякихъ душевныхъ заботъ и занятій, не захотѣли бы обнаружить передъ другими пустоту и странность своихъ мыслей въ это время. Это ясно доказываетъ, что страсти, ничѣмъ неуправляемыя, составляютъ сущность безумія.

Причина безумія и въ новое, и въ древнее время всегда разсматривалась съ двухъ точекъ зрѣнія. Одни приписывали его страстямъ, а добрымъ другіе или злымъ демонамъ или духамъ, думая, что они могутъ входить въ человѣка, овладѣвать имъ и приводить органы его тѣла въ то необыкновенное движеніе, какое замѣчается у безумныхъ. Слѣдовательно тѣхъ, которыхъ одни называютъ безумными, другіе считаютъ одержимыми бѣсами. Итальянцы называютъ ихъ pazzi, т. е. безумные, и piritati, т. е. бѣсноватые.

Въ греческомъ городѣ Абдерѣ народъ толпами шелъ однажды въ театръ на представленіе миѳа объ Андромедѣ. Это было въ жаркое лѣтнее время. Отъ жары и впечатлѣнія зрѣлища огромной толпой зрителей овладѣло лихорадочное состояніе. Съ этихъ поръ они не могли произносить ни слова кромѣ ямбовъ съ именами Персея и Андромеды, которые слышали въ тотъ день въ театрѣ. Это безуміе продолжалось у абдеритовъ до наступленія зимы и было очевидно произведено страстью, возбужденною въ нихъ трагедіею. Въ другомъ греческомъ городѣ былъ другой видъ безумія: ему подвергались только молодыя дѣвушки; оно побуждало ихъ вѣшаться. Многіе думали тогда, что это дѣло дьявола

но кто-то сообразилъ, что причина такого презрѣнія къ жизни можетъ заключаться въ какой-нибудь душевной страсти, и, предположивъ, что, можетъ быть, онѣ не рѣшились бы такъ пренебречь честью, какъ жизнью, посовѣтовалъ начальникамъ города раздѣвать повѣсившихся донага. Тогда, говоритъ исторія, безуміе прекратилось. Греки обыкновенно приписывали безуміе дѣйствію Эвменидъ или Фурій, а также Цереры, Феба и другихъ боговъ. Въ то время порожденіямъ воображенія приписывали столько реальности, что вѣрили въ существованіе воздушныхъ живыхъ существъ и называли ихъ духами. Римляне и евреи раздѣляли это мнѣніе. Іудеи считали безумныхъ или пророками, или одержимыми демонами, смотря по тому, какого духа предполагали въ нихъ, добраго или злаго. Иные же считали одного и того же человѣка и пророкомъ, и бѣсноватымъ. Со стороны язычниковъ это неудивительно: у нихъ болѣзни и здоровье, пороки и добродѣтели, всѣ явленія природы считались и назывались демонами, такъ что у нихъ демонъ столько же означаетъ лихорадку, сколько и дьявола. Но странно, что также думали и евреи. Моисей и Авраамъ приписывали свой пророческій даръ не духамъ, а голосу Божію, видѣніямъ и снамъ. Въ законахъ Моисеевыхъ, ни въ нравственномъ, ни въ обрядовомъ, нѣтъ даже намека на энтузіазмъ или одержимость духами *). Если въ книгахъ стараго завѣта Богъ говоритъ о духѣ, который онъ возвысилъ въ Моисеѣ и далъ семидесяти старѣйшинамъ (Числ. XI, 25), то подъ духомъ Божіимъ здѣсь разумѣется не субстанція Божія, которая недѣлима, а просто духъ человѣка, служащаго Богу. Когда говорится объ исполненномъ духа Божія художникѣ, которому поручено было сдѣлать одежды Аарона, то здѣсь должно разумѣть не особаго влитаго въ него духа, искуснаго въ дѣланіи одеждъ, а самое искусство въ этомъ дѣлѣ. Въ этомъ же смыслѣ духъ человѣка, совершающаго нечистыя дѣла, называется въ писаніи нечистымъ духомъ. Въ другихъ мѣстахъ подъ словомъ духъ подразумѣваются просто добродѣтель и порокъ, если они особенно велики, такъ что превышаютъ обыкновенную мѣру. Послѣ Моисея, пророки ветхаго завѣта также не приписывали себѣ энтузіазма: по словамъ ихъ, Богъ говорилъ не въ нихъ, а къ нимъ, именно въ видѣніяхъ и снахъ. Точно такъ и бремя Господне есть не вещественная тяжесть, а повелѣніе. Поэтому трудно понять, какъ могли евреи прійти къ мысли объ энтузіазмѣ? Я могу объяснить себѣ это только слѣдующимъ образомъ: Большинство людей не слишкомъ вдается

*) Энтузіазмъ—ἐνθουσιασμός отъ ἐν—(въ) и θεός—(Богъ) буквально значитъ: присутствіе Бога въ человѣка.

въ изслѣдованіе естественныхъ причинъ и ставитъ все свое счастіе въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ вещахъ, которыя ближайшимъ образомъ ведутъ къ нимъ. Видя необыкновенную добродѣтель или необыкновенный порокъ и не замѣчая, откуда они происходятъ, они не могутъ отнести ихъ къ естественнымъ причинамъ и приписываютъ сверхъестественнымъ. Они разсуждаютъ такъ: кто можетъ войти въ человѣка, кромѣ Бога или дьявола? Такъ напримѣръ, увидя Спасителя, окруженнаго толпой, бывшіе въ домѣ подумали, что Онъ неистовствуетъ, и вышли изъ дома, чтобы удержать Его. Книжники же стали утверждать, что въ Немъ присутствуетъ Вельзевулъ, силою котораго Онъ изгоняетъ бѣсовъ (Марк. III, 21). Иные говорили, что въ Немъ демонъ и что Онъ бѣснуется; другіе, признававшіе Его пророкомъ, отвѣчали на эту хулу, что слова Его не могутъ принадлежать бѣсноватому (Іоан. X, 20). Такъ и въ ветхомъ завѣтѣ, когда для помазанія царя Іиуя былъ посланъ пророкъ, то нѣкоторые изъ бывшихъ при Іиуѣ сочли этого пророка безумнымъ (2 Цар. IX, 11). Очевидно, стало быть, что евреи считали одержимымъ добрымъ или злымъ духомъ всякаго, кто велъ себя необыкновеннымъ образомъ и рѣзко отличался отъ другихъ. Впрочемъ Саддукеи составляли въ этомъ отношеніи исключеніе; но зато они такъ уклонились отъ истины въ другую сторону, что вовсе не вѣрили въ существованіе духовъ, что̀ прямо приближается къ атеизму. Быть можетъ, Фарисеи потому старались выдавать безумныхъ за одержимыхъ демонами, что такъ рѣзко отличались отъ Саддукеевъ въ мнѣніи о духахъ.

Если все сказанное справедливо, то можно спросить, почему же Спаситель, исцѣляя безумныхъ, говоритъ о нихъ какъ объ одержимыхъ демонами? На это можно отвѣтить, что выраженія еще далеко недостаточное доказательство. Напр. теперь всѣ философы, на основаніи вѣрнѣйшихъ данныхъ, принимаютъ движеніе земли, а между тѣмъ Писаніе неоднократно говоритъ о ней какъ о неподвижной. Но пророки и апостолы писали священныя книги не съ цѣлью учить философіи, которую Богъ для упражненія естественнаго человѣческаго разума предоставилъ человѣческимъ умозрѣніямъ и спорамъ, а для поученія благочестію и наставленія къ достиженію вѣчной жизни. Для благочестія и спасенія неважно, что̀ производитъ день и ночь — движеніе ли земли или солнца; отъ чего человѣческія дѣйствія утрачиваютъ свой естественный ходъ — отъ вліянія ли страстей или діавола. При врачеваніи болѣзней словомъ обыкновенно употребляется повелительная фраза: — «выйди»! или что-нибудь въ этомъ родѣ. Такъ дѣлалъ Христосъ и такъ поступаютъ шарлатаны, ложно приписывающіе себѣ этотъ чудный даръ. Въ этой формѣ Христосъ обращался и къ вѣтру (Матѳ. VIII, 26), и къ горячкѣ (Луки IV, 39). Но

слѣдуетъ ли изъ этого, что горячка—демонъ? Притомъ въ священномъ писаніи одно и то же выраженіе не всегда имѣетъ одинаковое значеніе. Въ началѣ бѣ Слово — означаетъ вѣчность Слова, а изрѣченіе: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю—вовсе не значитъ, чтобы небо и земля существовали вѣчно. Когда Спаситель говоритъ о нечистомъ духѣ, который, выйдя изъ человѣка, блуждаетъ по пустыннымъ мѣстамъ, ищетъ покоя и, не найдя его, возвращается въ того же человѣка въ сопровожденіи семи другихъ злѣйшихъ духовъ, то весь этотъ разсказъ ничто иное, какъ притча; смыслъ ея тотъ, что если человѣкъ, потерпѣвъ пораженіе въ слабомъ усиліи освободиться отъ страсти, останется при ней, то сдѣлается всемеро хуже прежняго. Итакъ, слова писанія нельзя всегда принимать въ буквальномъ смыслѣ, а слѣдовательно нельзя и выводить изъ нихъ, что безумные, сумасшедшіе, вообще поврежденные въ умѣ должны быть одержимы бѣсами.

Безсмыслицы.

Къ числу признаковъ безумія можно причислить нелѣпыя, безсмысленныя рѣчи нѣкоторыхъ людей, о чемъ мы говорили въ пятой главѣ.

Этотъ родъ безумія свойственъ только тѣмъ, кто рѣшается толковать или писать о предметахъ недоступныхъ разуму. Такъ поступаютъ схоласты и философы, тогда какъ всѣ прочіе рѣдко говорятъ непонятнымъ языкомъ, за что эти привиллегированные безумцы презираютъ ихъ и считаютъ профанами. Можно привести тысячи доказательствъ того, что въ философскихъ и схоластическихъ разсужденіяхъ безпрестанно употребляются слова, которымъ не соотвѣтствуетъ въ умѣ ни малѣйшаго представленія; для этого стоитъ только взять любой схоластическій трактатъ и попробовать перевести какую-нибудь главу касательно такихъ вопросовъ, какъ Троица, Божество, природа Христа, пресуществленіе, свобода воли и т. п., на который-нибудь изъ новыхъ языковъ или на удобопонятную латынь. Возьмемъ, напримѣръ, заглавіе 6 главы книги Суареса «De concursu, motu et auxilio Dei» — «О содѣйствіи, поддержкѣ и помощи Божіей». Переведя заглавіе этой главы, мы получимъ слѣдующее: «Первая причина, въ силу существеннаго подчиненія ей второй причины, не имѣетъ необходимаго вліянія на вторую, посредствомъ котораго помогала бы ей дѣйствовать». Не безумны ли люди, наполняющіе подобными фразами цѣлые томы, и не хотятъ ли они сдѣлать безумными и другихъ? Въ вопросѣ о такъ-называемомъ пресуществленіи схоласты утверждаютъ, будто, по произнесеніи извѣстныхъ словъ, идеи бѣлизны, круглоты, величины, качества, словомъ разныя отвлеченія отъ всѣхъ свойствъ хлѣба выселяются изъ него и входятъ въ тѣло Спасителя нашего Іисуса Христа; разсуждая подобнымъ образомъ, эти сумасшедшіе

считаютъ всѣ эти отвлеченія какими-то духами, притомъ безтѣлесными, хотя и приписываютъ имъ передвиженіе съ мѣста на мѣсто. Столь нелѣпыя фразы, по справедливости, могутъ считаться признакомъ безумія. Если же мы видимъ, что въ иныхъ случаяхъ умалишенные, употребляющіе эти фразы, выражаютъ свои мысли толково, когда рѣчь идетъ о какихъ-нибудь свѣтскихъ предметахъ, которыхъ они желаютъ, то это ни что иное, какъ свѣтлые моменты, бывающіе у всѣхъ помѣшанныхъ.

На этомъ можно покончить рѣчь объ умственныхъ достоинствахъ и порокахъ.

ГЛАВА IX.

О Раздѣленіи Наукъ.

Есть два рода знанія: одно относится къ фактамъ, а другое имѣетъ предметомъ послѣдовательность выводовъ однихъ предложеній изъ другихъ. Первое ничто иное, какъ чувство и память и есть безусловное знаніе; оно состоитъ въ томъ, что мы видимъ или помнимъ извѣстный фактъ; такимъ знаніемъ обладаетъ напр. свидѣтель. Второе называется наукою; оно условно; таково напр. наше знаніе о томъ, что если данная фигура—кругъ, то прямая, проведенная черезъ центръ его, раздѣлитъ его на двѣ равныя части. Такимъ знаніемъ обладаетъ философъ, который именно такимъ образомъ долженъ знать то, о чемъ хочетъ разсуждать. Знаніе.

Перечень фактическихъ знаній называется исторіей. Мы имѣемъ два рода исторіи: во первыхъ, естественную исторію, т. е. исторію фактовъ или явленій природы, независящихъ отъ воли человѣка, какъ напр. исторія металловъ, растеній, животныхъ, областей и т. п. Другая—гражданская исторія, т. е. исторія произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій въ государствѣ.

Списки науки, т. е. книги, содержатъ въ себѣ разсужденія о выводахъ однихъ предложеній изъ другихъ; такія разсужденія обыкновенно называются философскими трактатами; содержаніе ихъ можетъ быть чрезвычайно разнообразно, смотря по предмету, т. е. по наукѣ, которую они разсматриваютъ. Раздѣленіе же наукъ изображается слѣдующей таблицею:

НАУКА, т. е. знаніе выводовъ, называемая также *философіею*.

- Выводы изъ свойствъ физическихъ тѣлъ; философія природы.
  - Выводы изъ свойствъ, общихъ всѣмъ естественнымъ тѣламъ, каковы *количество* и *движеніе* . . .
    - Выводы изъ *неопредѣленныхъ* количества и движенія; это знаніе есть первое начало или основаніе философіи и называется *Philosophia Prima* . . . . — PHILOSOPHIA PRIMA.
    - Выводы изъ *опредѣленнаго* количества и движенія.
      - Выводы изъ количества и движенія опредѣленныхъ: — *Математика.*
        - Фигурою . . . — ГЕОМЕТРІЯ.
        - Числомъ . . . — АРИѲМЕТИКА.
      - Выводы изъ движенія и количества большихъ частей міра, каковы *земля* и *звѣзды*. — *Космографія.*
        - АСТРОНОМІЯ.
        - ГЕОГРАФІЯ.
      - Выводы изъ *спеціальныхъ* количества и движенія въ тѣлахъ.
        - Выводы изъ движенія спеціальныхъ видовъ и фигуръ тѣлъ. — *Механика.* Ученіе о *тяжести.*
          - ИНЖЕНЕРНАЯ НАУКА.
          - АРХИТЕКТУРА.
          - МОРЕПЛАВАНІЕ.
  - *Физика* или выводы изъ качествъ.
    - Выводы изъ *временныхъ* качествъ тѣлъ, т. е. то появляющихся, то снова исчезающихъ, *Метеорологіи* . . . . — МЕТЕОРОЛОГІЯ.
    - Выводы изъ *постоянныхъ* качествъ тѣлъ.
      - Выводы изъ качествъ *свѣтилъ*.
        - Выводы изъ *свѣта* свѣтилъ . . . . . — УЧЕНІЕ О СВѢТѢ.
        - Выводы изъ *вліянія* свѣтилъ . . . . . — АСТРОЛОГІЯ.
      - Выводы изъ качествъ *жидкихъ* тѣлъ, наполняющихъ пространство между свѣтилами, т. е. *воздуха* и эфирообразныхъ веществъ.
      - Выводы изъ качествъ *земныхъ* тѣлъ.
        - Выводы изъ частей земли, лишенныхъ *чувства*.
          - Выводы изъ качествъ *минераловъ, металловъ, камней* и проч.
          - Выводы изъ качествъ *растеній*.
        - Выводы изъ качествъ *животныхъ*.
          - Выводы изъ качествъ *животныхъ вообще*.
            - Выводы изъ *зрѣнія* . . — ОПТИКА.
            - Выводы изъ *слуха* — МУЗЫКА.
            - Выводы изъ другихъ *чувствъ*.
          - Выводы изъ качествъ, принадлежащихъ спеціально *человѣку*.
            - Выводы изъ *страстей* человѣка. — ЭТИКА.
            - Выводы изъ *рѣчи*.
              - *Возвеличеніе, униженіе.* — ПОЭЗІЯ.
              - *Убѣжденіе.* — РЕТОРИКА.
              - *Разсужденіе.* — ЛОГИКА.
              - *Соглашеніе.* — ПОЗНАНІЕ СПРАВЕДЛИВАГО И НЕСПРАВЕДЛИВАГО.
- Выводы изъ свойствъ *политическихъ* тѣлъ, политика или гражданская философія.
  1. Выводы изъ *учрежденія Государства*, т. е. знаніе *правъ и обязанностей политическаго организма и государя*.
  2. Выводы касательно *обязанностей* и *правъ подданныхъ*.

ГЛАВА X.

О власти, достоинствѣ и чести.

Власть. Власть человѣка, въ обширномъ смыслѣ, есть совокупность всѣхъ его средствъ, служащихъ къ достиженію какого-нибудь имѣющагося въ виду блага. Власть можетъ быть естественная или искусственная.

Естественная власть дается превосходствомъ душевныхъ или тѣлесныхъ способностей, силою, красотою, искусствомъ, краснорѣчіемъ, щедростью, благородствомъ. Искусственная власть или пріобрѣтается посредствомъ естественной власти, или дается счастьемъ; орудіями или средствами къ пріобрѣтенію и усиленію ея служатъ богатство, слава, друзья и тайное содѣйствіе Божіе, которое люди обыкновенно называютъ счастьемъ. Въ этихъ случаяхъ власть возрастаетъ, какъ слава, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, или какъ скорость паденія тяжелыхъ тѣлъ.

Высочайшая человѣческая власть та, которая составляется изъ совокупности личныхъ произволовъ большаго числа людей, соединенныхъ между собою общимъ согласіемъ; она сосредоточивается въ физической или гражданской личности. Употребленіе этой власти зависитъ или отъ воли этой личности, какъ въ государственной власти, или отъ произвола каждаго частнаго лица, какъ въ партіи или въ союзѣ партій. Поэтому извѣстная степень власти дается даже обладаніемъ рабами или многочисленными друзьями, потому что въ обоихъ случаяхъ обладающій ими располагаетъ соединеніемъ извѣстнаго числа частныхъ произволовъ.

Богатство при щедрости даетъ власть, потому что доставляетъ слугъ и друзей. Но безъ щедрости оно не приноситъ этой выгоды, потому что не только не защищаетъ своего обладателя, а напротивъ, возбуждаетъ противъ него зависть и желаніе ограбить его. Человѣкъ, пользующійся репутаціей могущественнаго, пріобрѣтаетъ черезъ это и дѣйствительную власть, потому что къ нему привязываются всѣ нуждающіеся въ защитѣ. По той же причинѣ власть доставляется и добрымъ именемъ, репутаціею патріота, такъ-называемою популярностью.

Вообще, всякое качество, возбуждающее любовь или страхъ во многихъ людяхъ, и даже предположеніе о существованіи такого качества доставляетъ власть, потому что служитъ средствомъ пріобрѣсти содѣйствіе и услуги многихъ людей. Удача также доставляетъ власть, порождая высокое мнѣніе объ умѣ или счастьи этого человѣка и возбуждая во многихъ страхъ или довѣріе къ нему.

Привѣтливостью люди, обладающіе властью, еще болѣе усиливаютъ ее, потому что пріобрѣтаютъ приверженцевъ. Репутація благоразумія въ дѣлахъ войны и мира доставляетъ власть, потому что всякій охотнѣе подчинится управленію человѣка благоразумнаго, чѣмъ иного. Благородство происхожденія даетъ власть, но не вездѣ, а только въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно пользуется особыми преимуществами; въ этихъ преимуществахъ заключается власть аристократіи.

Краснорѣчіе ведетъ къ власти, потому что даетъ хорошее мнѣніе объ умѣ краснорѣчиваго человѣка. Красота также даетъ власть, служа человѣку хорошей рекомендаціей и располагая заранѣе въ его пользу. Знаніе хотя содѣйствуетъ пріобрѣтенію власти, но въ ограниченныхъ размѣрахъ, потому что истинное знаніе рѣдко, и притомъ весьма немногіе могутъ оцѣнить его. Знаніе, по самой сущности его, могутъ достойно оцѣнить только тѣ, кто самъ обладаетъ имъ.

Искусства, значительно содѣйствующія общественному благосостоянію, доставляютъ власть, какъ напр. искусство строить укрѣпленія, машины и разныя военныя орудія: все это очень сильно содѣйствуетъ успѣху обороны и нападенія.

Значеніе. Подъ словомъ значеніе человѣка разумѣется цѣнность или стоимость его или, вѣрнѣе, его власти. Оно условно и всегда зависитъ отъ чужаго мнѣнія. Хорошій полководецъ цѣнится выше во время войны или передъ войною, чѣмъ въ мирное время. Ученый и неподкупный судья имѣетъ больше цѣны въ мирное время, чѣмъ въ военное. Цѣна на людей, какъ и на все остальное, опредѣляется не продавцомъ, а покупателемъ. Во сколько бы кто ни цѣнилъ себя, но въ дѣйствительности цѣнность его зависитъ отъ мнѣнія о немъ другихъ.

Сказать, во сколько мы цѣнимъ данную личность, значитъ почтить ее или обезчестить; оцѣнивъ высоко, мы почтимъ ее; цѣня же низко—безчестимъ. Впрочемъ высоко и низко здѣсь должно разумѣть только сравнительно съ тою оцѣнкою, которую человѣкъ самъ себѣ дѣлаетъ.

Почесть. Если оцѣнка личности дѣлается не человѣкомъ, а государствомъ, которое, цѣня ее высоко, даетъ ей власть, санъ или общественную должность, почетное имя или титулъ, то это называется почестью.

Почеть и оскорбленіе. Просить у кого-нибудь помощи значитъ воздавать ему почетъ, потому что этимъ мы признаемъ его могущество, и чѣмъ больше опасность, отъ которой онъ призванъ защищать насъ,

тѣмъ больше ему почетъ. Повиновеніе выражаетъ почитаніе, потому что мы повинуемся только тѣмъ, кто можетъ принести намъ вредъ или пользу. Слѣдовательно, ослушаніе есть оскорбленіе. Щедрые дары выражаютъ почетъ, потому что этимъ мы признаемъ могущество лица и какъ-бы покупаемъ его покровительство. Но небольшіе подарки оскорбительны, потому что похожи на милостыню и показываютъ, что, по оцѣнкѣ дающаго, принимающій многаго не стоитъ.

Услужливость и лесть значатъ почтеніе, потому что выражаютъ заискиваніе покровительства или помощи.

Уступка какой-нибудь желанной вещи выражаетъ почтеніе, потому что ею мы признаемъ преимущество надъ нами того, кому уступаемъ. Выраженія любви или страха непремѣнно почтительны, потому что и тѣмъ, и другимъ выражается признаніе власти.

Хвалить, возвеличивать, называть счастливымъ—все это знаки почитанія, потому что добродѣтели, могущество и счастье цѣнятся людьми выше всего. Напротивъ, порицаніе, насмѣшка, сожалѣніе—оскорбительны. Съ кѣмъ мы говоримъ обдуманно, къ кому относимся прилично и съ уваженіемъ, того мы, значитъ, почитаемъ; потому что все это служитъ знакомъ желанія понравиться. Напротивъ, говорить съ кѣмъ-нибудь легкомысленно и поступать передъ нимъ неприлично или безстыдно значитъ оскорблять его.

Вѣра, довѣріе выражаютъ почтеніе, потому что ими мы признаемъ добродѣтель и власть лица, которому вѣримъ и на которое полагаемся. Недовѣріе есть оскорбленіе. Выслушивать чьи-нибудь совѣты или просто рѣчь есть знакъ почтенія, потому что этимъ мы признаемъ мудрость, умъ или краснорѣчіе говорящаго.

Наоборотъ, засыпать и выходить во время рѣчи, прерывать ее и мѣшать ей значитъ наносить оскорбленіе.

Оказывать кому-нибудь почести, которыхъ онъ или самъ требуетъ, или которыя принадлежатъ ему по закону или обычаю, значитъ почитать его, потому что этимъ мы подтверждаемъ почтеніе, воздаваемое ему другими и признаемъ его власть, признаваемую другими. Отказывать ему въ этихъ знакахъ почета значитъ оскорблять его.

Соглашаясь съ человѣкомъ въ мнѣніи, мы оказываемъ ему почтеніе, потому что этимъ признаемъ его разсудительность и умъ. Несогласіе во мнѣніи имѣетъ противное значеніе, потому что выражаетъ порицаніе, значитъ, что мы считаемъ человѣка заблуждающимся или глупымъ, если несогласіе простирается слишкомъ далеко.

Подражаніе, какъ высшая степень согласія, выражаетъ почтеніе.

Почитать тѣхъ, кого другой почитаетъ, значитъ почитать его самого, потому что этимъ также выражается согласіе съ его мнѣніемъ. Пользоваться содѣйствіемъ лица въ какомъ-нибудь трудномъ дѣлѣ значитъ оказывать ему почтеніе, потому что этимъ мы признаемъ его умъ или могущество.

Таковы естественные знаки почета, которыми онъ можетъ выражаться и въ государственныхъ, и въ частныхъ отношеніяхъ.

Но государственная власть можетъ установлять особые знаки почета.

Государь оказываетъ подданному почетъ, давая ему титулъ, санъ, должность или порученіе, если въ государствѣ принято считать все это знаками почета.

Персидскій царь почтилъ Мардохая, повелѣвъ провести его по городу въ царскомъ одѣяніи, на царскомъ конѣ, съ вѣнцомъ на головѣ и въ сопровожденіи принца, который долженъ былъ восклицать по пути: «Такъ воздается каждому, кого царь захочетъ почтить».

Напротивъ того, если государь повелитъ что сдѣлать для позора, то́ и будетъ считаться позорнымъ. Другой царь согласился на просьбу одного человѣка, который, въ награду за свои услуги, просилъ позволенія одѣться въ царскія одежды; но царь прибавилъ, что онъ будетъ носить это одѣяніе въ качествѣ царскаго шута и такимъ образомъ обратилъ эту почесть въ позоръ. Государство служитъ источникомъ гражданскихъ почестей, которыя зависятъ отъ воли верховной власти. Поэтому гражданскія почести, какъ-то чины, общественныя должности, титулы, а въ иныхъ странахъ мантіи и гербы, не имѣютъ постояннаго значенія. Люди, украшенные этими знаками, пользуются почетомъ только потому, что знаки служатъ выраженіемъ милости къ нимъ общественной власти, а эта милость даетъ имъ власть.

Почетно все, что служитъ знакомъ или выраженіемъ власти.

Поэтому быть для многихъ предметомъ любви, страха, уваженія—почетно, потому что служитъ признакомъ власти. Противное безчеститъ. Господство и побѣда почетны, потому что даютъ власть; рабство и подчиненіе позорны.

Постоянное, продолжительное счастье приноситъ честь, какъ знакъ милости Божіей; напротивъ того, несчастье позорно. Богатство почетно, потому что даетъ власть; нищета позорна. Великодушіе, щедрость, надежда на будущее, мужество, довѣрчивость—почетны, потому что происходятъ изъ сознанія своей силы. Противное позорно.

Рѣшительность и умѣніе своевременно оканчивать дѣла, т. е. не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно, почетно, потому что для этого нужно презирать труды и опасности. Нерѣшительность безчеститъ, какъ

признакъ робости передъ помѣхами и препятствіями. Если человѣкъ взвѣсилъ и обдумалъ дѣло, сколько позволяло время, и не рѣшился по своимъ разсчетамъ, то это неважно; но если онъ не рѣшился, испугавшись препятствій, то это малодушіе.

Всякій поступокъ или рѣчь, вытекающіе изъ опытности, знанія, разсудительности или ума, пользуются уваженіемъ, почитаются, потому что доказываютъ силу человѣка. Позорны, наоборотъ, поступки и рѣчи, вытекающіе изъ заблужденія, невѣжества и глупости.

Важность въ человѣкѣ почитается и уважается, если предполагается, что она вытекаетъ изъ серьезныхъ занятій, такъ какъ важность занятій есть признакъ власти. Но если она поддѣльна, если это не важность, а чванство, то она постыдна. Человѣкъ важный похожъ на корабль, плывущій медленно, потому что нагруженъ дорогими товарами; а чванный человѣкъ похожъ на корабль, нагруженный однимъ пескомъ для балласта. Знаменитость, т. е. обширная извѣстность по богатству, дѣламъ или по какому-нибудь иному достоинству, приноситъ почетъ, потому что служитъ знакомъ власти.

Происхожденіе отъ знаменитыхъ родителей почетно, потому что такіе люди легко пріобрѣтаютъ приверженцевъ и привлекаютъ къ себѣ друзей своихъ родителей.

Справедливые поступки, идущіе во вредъ самому себѣ, почетны, потому что свидѣтельствуютъ о великодушіи. Хитрость, лукавство, несправедливость—позорны.

Корыстолюбіе и честолюбіе бываютъ иногда почетны, когда служатъ признаками того, что человѣкъ съ этими свойствами считаетъ себя способнымъ достичь предмета своихъ желаній.

Великіе и трудные подвиги доставляютъ честь, потому что доказываютъ силу. При этомъ неважно, справедливы ли они или нѣтъ, потому что во всякомъ случаѣ удостовѣряютъ въ могуществѣ лица, совершившаго ихъ. Поэтому древніе язычники, воспѣвая прелюбодѣяніе, убійства и другіе хотя великіе, но несправедливые, нечистые поступки своихъ боговъ, вовсе не думали позорить ихъ этимъ, а напротивъ, думали прославить. Такъ Юпитера они больше всего прославляли за его любовныя похожденія; Меркурія за плутни и обманы. Гомеръ, величайшій изъ древнихъ поэтовъ, говоритъ въ одномъ гимнѣ Меркурію, что утромъ онъ родился, въ полдень изобрѣлъ музыку, а прежде чѣмъ настала ночь, уже укралъ у пастуха табунъ Аполлона.

До образованія большихъ государствъ разбой и тиранія не только не считались безчестными, но напротивъ—очень почетными и самыми естественными занятіями, какъ показываетъ вся исторія древности, особенно Греціи. Даже теперь, у насъ въ Европѣ, частные поединки хотя незаконны, но считаются дѣломъ благороднымъ и честнымъ и будутъ считаться, пока не будетъ придумано такого закона, который налагалъ бы безчестіе на вызывающаго и, наоборотъ, ставилъ бы въ честь отказъ отъ дуэли. Но едвали можно этого достигнуть, потому что готовность къ бою всегда служитъ признакомъ мужества, этой величайшей, если не единственной добродѣтели въ естественномъ состояніи людей; тогда какъ уклоненіе отъ боя—добродѣтель не естественная, а законная; но природа все-таки сильнѣе законовъ.

Мантіи и гербы почетны тамъ, гдѣ съ ними соединены привиллегіи, но безъ этого условія въ нихъ нѣтъ никакой чести. Это не болѣе какъ внѣшніе знаки могущества и разныхъ преимуществъ, напр. богатства и проч., что имѣетъ вѣсъ въ глазахъ людей. Почетъ этого рода обыкновенно называется знатностью или благородствомъ происхожденія и, кажется, происходитъ отъ древнихъ германцевъ. Онъ извѣстенъ только тѣмъ народамъ, которые могли наслѣдовать нравы германцевъ, и даже теперь не существуетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ прежде германцы не жили. У древнихъ грековъ вожди носили на войнѣ разрисованные щиты, но какой кому вздумается, такъ что они не имѣли особеннаго значенія. Бѣдный рядовой воинъ имѣлъ простой щитъ. Изображенія на щитахъ не переходили наслѣдственно къ сыновьямъ. У римлянъ были семейные знаки, переходившіе изъ рода въ родъ; но это были не щиты, а изображенія предковъ. Въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ не существуетъ ничего подобнаго. Этотъ обычай принадлежитъ однимъ германцамъ, и отъ нихъ перешелъ въ Англію, Францію, Испанію и Италію, когда германцы большими толпами стали приходить въ эти страны, сначала въ качествѣ римскихъ союзниковъ, а потомъ на покореніе ихъ.

Подобно всѣмъ прочимъ странамъ, Германія въ древности раздѣлялась на множество владѣній, управляемыхъ мелкими князьками или главами родовъ. Эти владѣтели постоянно воевали между собой, и чтобы воины могли распознавать ихъ подъ покровомъ брони, а также для украшенія, изображали на щитахъ или плащахъ какого-нибудь звѣря или другой предметъ; кромѣ того на вершинѣ шлема утверждался какой-нибудь замѣтный значекъ. Эти украшенія и значки переходили отъ отцовъ къ сыновьямъ; старшій сынъ наслѣдовалъ ихъ безъ измѣненія, а прочіе добавляли къ нимъ какую-нибудь отличительную примѣту по назначенію главы семейства, который по-германски назывался Here-alt. Но по соединеніи родовъ и по образованіи большихъ монархій назначеніе гербовъ или щитовъ перешло къ особому должностному лицу, называемому теперь герольдомъ. Германская аристократія, знатнѣйшая

и древнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ теперь въ Европѣ, представляетъ собою потомство этихъ древнихъ владѣтелей. Въ гербахъ ея изображены хищныя и смѣлыя животныя, лагери, валы, копья и другія военныя принадлежности; это объясняется уваженіемъ, которымъ въ древности пользовалась военная доблесть. Впослѣдствіи нетолько короли, но и большіе города давали своимъ воинамъ разрисованные щиты въ награду или для поощренія храбрости. Древніе греческіе и латинскіе историки упоминаютъ обо всемъ этомъ, говоря о германцахъ и объ ихъ правахъ.

Почетные титулы.

Почетные титулы, какъ то герцогъ или дюкъ, графъ, маркизъ, баронъ, почетны, потому что служатъ внѣшнимъ признакомъ высокаго положенія и могущества въ государствѣ. Титулы эти возникли изъ названій общественныхъ должностей у римлянъ, германцевъ и галловъ. Герцоги или дюки (dux—вождь) были полководцами. Графы или конты (comes—товарищъ) сопровождали дюковъ, которые, возвращаясь въ отечество, поручали имъ охраненіе и управленіе завоеванныхъ и усмиренныхъ мѣстностей. Маркизы, маркграфы (Marchiocomites—пограничные графы) управляли марками или границами имперіи. Титулы дюка, графа, маркиза въ римской имперіи заимствованы изъ обычаевъ германской военной службы около времени Константина Великаго. Титулъ барона, повидимому, галльскаго происхожденія; онъ означаетъ важнаго человѣка, магната, королевскаго приближеннаго, состоящаго на войнѣ при особѣ короля, и происходитъ, какъ кажется, отъ латинскаго vir (мужъ), отсюда гальское ber и bar, однозначущія съ vir; отъ нихъ легко уже произвести bero и baro, во множественномъ berones, потомъ barones, а по-испански varones. Обо всемъ этомъ подробно говоритъ Джонъ Сельденъ въ своей превосходной книгѣ de Titulis Honoris. Съ теченіемъ времени могущество нѣкоторыхъ титулованныхъ людей оказалось въ Англіи несовмѣстнымъ съ государственными цѣлями; поэтому оно или само собою пало, или было уничтожено, а титулы были переданы людямъ богатымъ или оказавшимъ какія-нибудь заслуги; притомъ за ними осталось только значеніе общественныхъ отличій. Такимъ образомъ явились герцоги, графы, маркизы и бароны такихъ мѣстъ, въ которыхъ они не имѣли ни власти, ни владѣній.

Достоинство.

Достоинство не означаетъ истинной стоимости человѣка, его цѣны, заслугъ или качествъ, а лишь извѣстную степень власти; иногда оно значитъ также способность; такъ напр. власти или должности достоинъ тотъ, кто къ ней способенъ, т. е. кто болѣе другихъ одаренъ качествами, необходимыми для властвованія или отправленія должности. Богатства достоинъ тотъ, кто умѣетъ пользоваться имъ.

Всякій, конечно, называется достойнымъ того, чего онъ заслуживаетъ. Но заслуга никогда не называется достоинствомъ: разница между ними та, что заслуга даетъ пріобрѣвшему ее право на обѣщанную за нее награду; достоинство же не предполагаетъ никакого особеннаго права.

ГЛАВА XI.

О различіи нравовъ.

Нравы.

Подъ нравами я разумѣю здѣсь не обычаи — причесываться, одѣваться, привѣтствовать другъ друга и другія мелочи моды и общежитія, которымъ учатъ дѣтей, а тѣ условія, принятыя въ человѣческихъ обществахъ, которыми обезпечивается миръ и охраняется согласіе въ общественной жизни.

Счастье настоящей жизни состоитъ вовсе не въ спокойствіи и невозмутимости удовлетвореннаго духа, какъ учатъ древніе моралисты. Finis ultimus, конечная цѣль, и Summum bonum, высшее благо, о которыхъ они толкуютъ, совершенно неземные идеалы. Человѣкъ, достигшій всѣхъ своихъ цѣлей, такъ что уже не можетъ имѣть ни одного желанія, не можетъ и жить, какъ не можетъ жить тотъ, кто лишился всѣхъ чувствъ и памяти. Счастье состоитъ въ постоянномъ стремленіи впередъ отъ одного желанія къ другому, такъ что удовлетвореніе одного желанія составляетъ путь къ удовлетворенію слѣдующаго. Это зависитъ оттого, что большая часть предметовъ человѣческаго желанія по природѣ своей такого рода, что человѣкъ можетъ воспользоваться ими не однажды и не на одинъ мигъ; поэтому онъ желаетъ нетолько достигнуть ихъ въ данный моментъ, но и обезпечить себѣ пользованіе ими въ будущемъ и черезъ нихъ открыть себѣ путь къ достиженію другихъ желаемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ воля и наклонности человѣка направлены нетолько къ минутному достиженію, но и къ пріобрѣтенію на извѣстный срокъ или навсегда. Конечно, не всѣ поступаютъ въ этомъ отношеніи одинаково, потому что люди не въ одинаковой степени обладаютъ страстями и знаніемъ средствъ достичь желаемыхъ цѣлей.

Общая всѣмъ страсть властолюбія.

Прежде всего признаемъ несомнѣннымъ, что всѣ люди постоянно и непрестанно стремятся до самой смерти пріобрѣтать власть степень за степенью. Это зависитъ не оттого только,

что каждый непремѣнно надѣется достигнуть большей власти, чѣмъ та, которой онъ уже пользуется, и не оттого также, что человѣкъ не можетъ довольствоваться умѣренною властью, а главное потому, что имѣющейся власти и благосостоянія нельзя сохранить, не пріобрѣтая большей. Поэтому короли, обладая величайшею властью, все-таки принуждены постоянно заботиться объ увеличеніи ея—у себя въ государствѣ законами, а за предѣлами его — оружіемъ. И сколько бы ни достигали они своей цѣли, сколько бы власти и завоеваній ни пріобрѣтали, но каждый успѣхъ родитъ новое желаніе: то славы и новыхъ побѣдъ, то удовольствій и чувственныхъ наслажденій, то удивленія и льстивыхъ похвалъ ихъ искусству и уму.

Браннолюбіе вслѣдствіе алчности.

Корыстолюбіе, честолюбіе, властолюбіе, словомъ, желаніе всякаго рода могущества располагаетъ людей къ распрямъ, непріязни и войнамъ; оно и понятно, потому что для человѣка, одержимаго этими страстями, средство достичь своей цѣли состоитъ въ томъ, чтобы убить, побѣдить, унизить и вообще уничтожить всѣхъ другихъ соискателей.

Славолюбіе порождаетъ кромѣ того уваженіе къ древности, потому что живые соперничаютъ не съ мертвыми, а съ живыми же, и охотно готовы приписать мертвымъ болѣе достоинствъ, чѣмъ слѣдуетъ, если этимъ сравненіемъ можно унизить живыхъ соперниковъ.

Покорность — слѣдствіе любви къ спокойствію.

Любовь къ покою и къ чувственнымъ наслажденіямъ располагаетъ людей къ повиновенію общественной власти, потому что такіе люди предпочитаютъ свое спокойствіе той власти, которую могли бы пріобрѣсти цѣною опасностей и усилій.

Также трусости.

Трусость, т. е. боязнь насильственной смерти или ранъ, ведетъ къ тому же по той же причинѣ. Бѣдные и притомъ храбрые люди всегда недовольны своимъ жребіемъ. Такъ люди, одержимые военнымъ честолюбіемъ, всегда расположены возбуждать войны и мятежи и какъ можно больше поддерживать ихъ, потому что безъ этого имъ невозможно пріобрѣсти воинской славы.

И страсти къ наукѣ и искусствамъ.

Любовь къ наукѣ и мирнымъ искусствамъ также располагаетъ къ повиновенію общественной власти, потому что для цѣлей ея необходимо спокойствіе, которое человѣкъ можетъ имѣть только въ подчиненіи.

Добродѣтель ради славолюбія.

Славолюбіе побуждаетъ человѣка къ добродѣтельнымъ поступкамъ, которые нравились бы тѣмъ, сужденіемъ которыхъ мы дорожимъ; что касается до людей, которыхъ мы презираемъ, то мы пренебрегаемъ и похвалами ихъ. Тотъ же результатъ дастъ и желаніе пріобрѣсти посмертную славу. Конечно, по смерти мы не бу-

демъ чувствовать никакого удовольствія отъ человѣческихъ похвалъ; эта радость, еслибы мы и могли ее чувствовать, будетъ заглушена неизреченными наслажденіями или невыразимыми муками. Тѣмъ не менѣе славолюбіе—понятная страсть: слава хороша и сама по себѣ, для того кто ею пользуется, и по отношенію своему къ потомству, на благо котораго служатъ славные подвиги; поэтому потомство обязано воздавать этимъ подвигамъ хвалу, и хотя виновникъ ихъ по смерти не будетъ чувствовать этихъ похвалъ, но онъ заранѣе насладится мыслью о нихъ; въ сущности же все равно, наслаждаться ли ощущеніемъ или воображеніемъ.

Ненависть вслѣдствіе невозможности отблагодарить.

Полученіе отъ лица равнаго такихъ большихъ выгодъ, что отблагодарить его невозможно, хотя побуждаетъ человѣка притворно изъявлять любовь, но въ дѣйствительности внушаетъ ему тайную ненависть. Положеніе его въ этомъ случаѣ похоже на роль несостоятельнаго должника, который, конечно, ненавидитъ заимодавца и втайнѣ желаетъ подальше убѣжать отъ него. Дѣло въ томъ, что благодѣянія обязываютъ; а обязательство есть рабство; обязательство, которое нельзя уплатить, есть вѣчное рабство, а быть въ рабствѣ у равнаго конечно ненавистно. Напротивъ того, благодѣянія, получаемыя отъ высшаго лица, располагаютъ къ любви, потому что обязательство, которое оно на насъ налагаетъ, не составляетъ для насъ новаго рабства; притомъ въ этомъ случаѣ вездѣ и всегда считается со стороны облагодѣтельствованнаго достаточнымъ вознагражденіемъ своему благодѣтелю, если онъ съ благодарностью пріиметъ его даръ. Благодѣянія, получаемыя отъ равнаго или даже отъ низшаго, съ надеждою отплатить за нихъ, располагаютъ къ любви, потому что служатъ обязательствомъ взаимно помогать и одолжать другъ друга. Иногда изъ этого возникаетъ соревнованіе въ благотворительности и та полезнѣйшая и благороднѣйшая борьба, гдѣ каждый старается побѣдить великодушіемъ; въ ней побѣдитель также счастливъ своей побѣдой, какъ побѣжденному выгодно пораженіе.

Или вознаградить за обиду.

Если оскорбленіе такъ велико, что оскорбитель не можетъ или не хочетъ вознаградить за него, то оно располагаетъ его ненавидѣть оскорбленнаго; ему приходится ждать отъ него или прощенія, или мести; но и то, и другая равно ненавистны.

Страхъ и недовѣріе къ своему уму побуждаютъ къ быстрому разрыву.

Боязнь угнетенія побуждаетъ предупреждать врага въ нанесеніи вреда или искать союзниковъ, такъ какъ нѣтъ другаго пути для обезпеченія своей жизни и свободы.

Во время мятежа или возмущенія люди, недовѣряющіе своему уму, могутъ скорѣе разсчитывать на побѣду, чѣмъ тѣ, кото-

*

рые считаютъ себя умниками или хитрецами. Умники любятъ разсуждать, а простаки, опасаясь, чтобы ихъ не обманули, спѣшатъ завязать бой. Но такъ какъ въ смутное время люди всегда находятся какъ-бы въ готовности къ битвѣ, то, кто первый, сговорившись и воспользовавшись всѣми средствами, какія найдутся подъ рукой, начнетъ бой, тотъ скорѣе всѣхъ можетъ одержать верхъ, и такимъ образомъ поступокъ, внушенный недовѣріемъ въ себѣ, можетъ оказаться умнѣе всего, что могли придумать первые умники.

Разница между тщеславными. Тщеславіе, основанное на совершенно мнимыхъ достоинствахъ, существующихъ только въ воображеніи тщеславнаго, побуждаетъ его не къ дѣлу, а только къ хвастовству; передъ дѣйствительной опасностью онъ робѣетъ, потому что онъ не ожидаетъ отъ себя ничего, кромѣ того, что обнаружится его ничтожество.

Напротивъ того, тщеславіе, основанное или на лести постороннихъ, или на какой-нибудь прежней совершенно случайной удачѣ, побуждаетъ тщеславнаго дѣйствовать, но въ разгарѣ дѣятельности и среди опасности внезапно покидаетъ его. Онъ блѣднѣетъ, трепещетъ и бѣжитъ, болѣе дорожа жизнью, которую нельзя вернуть, чѣмъ честью, которую надѣется какимъ-нибудь образомъ возстановить—всего скорѣе ложью.

Люди, считающіе себя искусными политиками, расположены къ честолюбію, потому что политическая ловкость, если кто дѣйствительно обладаетъ ею, открываетъ человѣку путь къ почету, если онъ займется общественными дѣлами. Такъ ораторы бываютъ обыкновенно честолюбивы, потому что и сами они, и многіе посторонніе часто принимаютъ краснорѣчіе за мудрость.

Малодушіе дѣлаетъ нерѣшительнымъ и заставляетъ большею частью пропускать удобные случаи; если размысливъ, сколько можно, не теряя времени, мы все-таки не могли ничего придумать и найти лучшаго способа дѣйствій, то затѣмъ уже очевидно намъ прійдется поступать наугадъ, и дальнѣйшее обдумываніе не можетъ ни къ чему привести, кромѣ потери времени. Слѣдовательно, въ раздумываніи о пустякахъ мы только теряемъ случаи къ важнымъ дѣламъ.

Бережливость, добродѣтель въ частномъ человѣкѣ, иногда мѣшаетъ общественнымъ дѣламъ, потому что исключаетъ возможность того усиленнаго рвенія, которое возбуждается въ людяхъ надеждой на награду.

Льстивое краснорѣчіе внушаетъ человѣку довѣріе къ самому себѣ, потому что краснорѣчіе считается мудростью, а лесть принимается за любовь. Человѣкъ, пользующійся военной славой и осыпаемый лестью, твердо увѣренъ въ своемъ могуществѣ, потому что считаетъ себя без-

опаснымъ и отъ собственныхъ промаховъ и недостатковъ, и отъ внѣшнихъ враговъ.

Невѣжество располагаетъ или, скорѣе, принуждаетъ людей слѣдовать чужимъ совѣтамъ и авторитетамъ, потому что, желая знать истину и не довольствуясь своими собственными заключеніями, человѣкъ вынужденъ слѣдовать совѣтамъ посторонняго, котораго считаетъ умнѣе себя и со стороны котораго не имѣетъ основанія ожидать обмана. Незнаніе настоящаго значенія словъ или, что тоже, непониманіе ихъ заставляетъ насъ принимать на вѣру въ чужой авторитетъ все, что намъ скажутъ, нетолько истину, но и ложь и даже слова, неимѣющія никакого смысла; понятно, что, не понимая словъ, нельзя и разобрать, что̀ въ нихъ истина, что̀ ложь и что̀ безмыслица.

Точно также, смотря поверхностно или не умѣя понять явленіе, нельзя отличить одно дѣйствіе цѣлаго общества отъ нѣсколькихъ дѣйствій нѣсколькихъ человѣкъ. Напримѣръ, большая разница между общимъ поступкомъ всѣхъ римскихъ сенаторовъ, убившихъ Катилину, и поступками нѣсколькихъ сенаторовъ, убившихъ Цезаря; такъ частные поступки толпы людей часто принимаются за общее народное дѣло, хотя на самомъ дѣлѣ эти поступки внушены толпѣ какимъ-нибудь однимъ человѣкомъ. Не зная, изъ чего вытекло право, откуда произошли правосудіе, законы и суды, люди принимаютъ за правило своихъ дѣйствій привычку и предшествующіе примѣры; такимъ образомъ они думаютъ, что несправедливо то, что обыкновенно подвергается наказанію, а справедливо то, что остается безнаказаннымъ. Въ этомъ случаѣ люди похожи на дѣтей, для которыхъ единственнымъ правиломъ хорошаго и дурнаго поведенія служатъ исправительныя мѣры родителей и учителей. Зато дѣти уже постоянно руководствуются своимъ правиломъ, а взрослые, какъ вздумается, слѣдуютъ то привычкѣ, то разсудку, и вступаютъ въ борьбу съ разсудкомъ, какъ скоро онъ начнетъ противорѣчить ихъ выгодамъ. Вслѣдствіе этого вѣчно ведется споръ и перьями, и оружіемъ о томъ, что̀ считать справедливымъ и что несправедливымъ, тогда какъ геометрія напримѣръ никогда не подавала повода къ спорамъ. Причина этого то, что очень немногихъ интересуетъ геометрическая истина, и притомъ она не мѣшаетъ ничьимъ выгодамъ, желаніямъ или честолюбію. Я не сомнѣваюсь, что еслибы Эвклидова теорема: «три угла треугольника равняются двумъ прямымъ»—противорѣчила интересамъ властвующихъ, то и ее, если не оспаривали бы, то во всякомъ случаѣ подвергли бы запрещенію.

Не зная отдаленныхъ причинъ, люди приписываютъ всѣ событія непосредственнымъ и ближайшимъ причинамъ, потому что другихъ не ви-

дятъ. Напримѣръ, народъ, обремененный податями и налогами, обращаетъ свою ярость на откупщиковъ, сборщиковъ податей и на другихъ чиновниковъ государственнаго казначейства; затѣмъ уже онъ начинаетъ порицать правительство и наконецъ, потерявъ надежду на прощеніе или стыдясь принять его, возстаетъ противъ самой верховной власти.

Незнаніе физическихъ причинъ порождаетъ легковѣріе, доходящее иногда до вѣры въ невозможное, такъ какъ не всякій умѣетъ отличить возможное отъ невозможнаго. Легковѣріе въ свою очередь дѣлаетъ легковѣрнаго лжецомъ вслѣдствіе того, что большинство людей очень любитъ, чтобы ихъ слушали въ собраніяхъ. Такимъ образомъ невѣжество само по себѣ, помимо всякихъ другихъ недостатковъ, располагаетъ человѣка вѣрить лжи и пересказывать ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и придумывать ее.

Боязнь будущаго побуждаетъ людей изслѣдовать причины вещей, потому что это знаніе дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ располагать въ свою пользу настоящимъ.

Любознательность или страсть познавать причины побуждаетъ человѣка смотрѣть не на послѣдствія, а на причины и, познавъ причину, искать далѣе причину причины; такимъ образомъ онъ долженъ наконецъ дойти до послѣдней причины, которая сама уже не имѣетъ другой причины и существуетъ вѣчно; это—то, чтò люди зовутъ божествомъ. Невозможно глубоко изслѣдовать естественныя причины безъ способности вѣрить въ вѣчное божество, хотя мы не можемъ имѣть о немъ и о его природѣ никакого представленія въ нашемъ умѣ. Такъ слѣпой отъ рожденія, слыша, что люди грѣются у огня и подойдя по примѣру ихъ грѣться, легко можетъ понять и убѣдиться, что есть нѣчто, называемое людьми огонь, чтò составляетъ причину теплоты; но онъ не можетъ представить себѣ свѣта огня; онъ не можетъ имѣть объ этомъ представленія въ умѣ, если не увидитъ огня. Точно также, видя міръ и его удивительный порядокъ, человѣкъ можетъ предположить причину его, называемую людьми божествомъ; но онъ не можетъ имѣть ни представленія, ни образа божества.

Страхъ, зависящій отъ невѣдѣнія того, что имѣетъ силу посылать человѣку добро и зло, отвращаетъ людей отъ изслѣдованія естественныхъ причинъ вещей. Вслѣдствіе этого страха люди дѣлаются склонны воображать и придумывать всевозможныя невидимыя силы и страшиться собственныхъ вымысловъ, въ минуту нужды призывать ихъ на помощь, а въ случаѣ успѣха благодарить ихъ, дѣлая себѣ такимъ образомъ боговъ изъ произведеній своего воображенія. Такимъ образомъ люди населили міръ безчисленнымъ множествомъ разныхъ боговъ, чтò зависитъ отъ безконечнаго множества фантазій, могущихъ являться въ умѣ ихъ. Эта боязнь невидимыхъ вещей есть естественное зерно того, чтò люди называютъ религіей; почитаніе же или страхъ, относимые къ инымъ силамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ принято относить ихъ, зовется суевѣріемъ.

Это зерно религіи было нѣкоторыми подмѣчено; подмѣтившіе его вздумали вспоить, вскормить его и облечь его произрастенія въ извѣстныя законныя формы; къ этому они присовокупили разныя мнѣнія собственнаго измышленія касательно причинъ вещей и будущихъ судебъ, посредствомъ которыхъ имъ было всего удобнѣе управлять прочими и присвоить себѣ высшую власть.

ГЛАВА XII.

О религіи.

Религія проявляется и выражается только въ человѣкѣ; несомнѣнно, стало быть, что и зерно религіи заключается только въ человѣкѣ и состоитъ въ какомъ-нибудь исключительномъ качествѣ его или въ исключительно высокой степени какого-нибудь свойства, какихъ не существуетъ въ остальныхъ животныхъ.

Желаніе познавать причины.

Во первыхъ, человѣку исключительно свойственно допытываться причинъ видимыхъ имъ явленій; одни допытываются больше, другіе меньше, но во всякомъ случаѣ каждый любопытствуетъ отыскать причины своего благоденствія или несчастья.

Изслѣдованіе начала вещей.

Во вторыхъ, видя возникновеніе вещи, человѣкъ тотчас заключаетъ, что была какая-нибудь причина, вызвавшая ея появленіе теперь, а не въ иное время.

Наблюденіе связи между вещами.

Въ третьихъ, звѣри не знаютъ иного наслажденія, кромѣ удовлетворенія своихъ насущныхъ физическихъ потребностей, голода, жажды, половаго влеченія; они почти или вовсе не имѣютъ представленія о будущемъ по недостатку способности наблюдать и запоминать порядокъ, связь и зависимость вещей между собой. Но человѣкъ замѣчаетъ, что одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, и запоминаетъ, чтò предшествовало и что слѣдовало; не имѣя возможности удостовѣриться въ истинныхъ причинахъ вещей (потому что

обыкновенно не видитъ истинныхъ причинъ своего благоденствія или несчастья), онъ предполагаетъ причины въ вымыслахъ своего воображенія или въ вымыслахъ другихъ людей, которымъ вѣритъ, питая къ нимъ дружбу или считая ихъ умнѣе себя.

Естественная причина религіи — страхъ будущаго.

Два первыя свойства человѣка порождаютъ въ немъ страхъ. Будучи увѣренъ, что все, что случается или случится съ нимъ, имѣетъ свою причину, человѣкъ при своемъ постоянномъ стремленіи обезпечить себя отъ зла, котораго опасается, и добыть себѣ благо, котораго желаетъ, по необходимости находится въ постоянной заботѣ о будущемъ. Такимъ образомъ каждый человѣкъ, и чѣмъ онъ предусмотрительнѣе, тѣмъ болѣе, напоминаетъ миѳъ о Прометеѣ. Прометей, что значитъ мудрый или предвидящій, былъ прикованъ къ горѣ Кавказу, откуда ему открывался обширный видъ, и къ нему днемъ прилеталъ орелъ, пожиравшій его внутренности, которыя ночью опять выростали. Такъ страхъ смерти, нищеты или другаго бѣдствія постоянно грызетъ сердце человѣка, который смотритъ вдаль будущаго въ безпрестанной заботѣ о немъ; страхъ этотъ не даетъ ему ни отдыха, ни покоя, которые онъ находитъ только во снѣ.

Этотъ вѣчный страхъ, преслѣдуя человѣка во мракѣ невѣжества, когда онъ не знаетъ причинъ явленій, долженъ непремѣнно къ чему-нибудь относиться, имѣть что-нибудь въ предметѣ. Когда человѣкъ не видитъ ничего, чему онъ могъ бы прямо приписать свое счастіе или несчастіе, онъ приписываетъ ихъ невидимымъ силамъ или дѣятелямъ. Въ этомъ смыслѣ справедливо говоритъ одинъ древній поэтъ, что боги созданы человѣческимъ страхомъ; это вполнѣ вѣрно, потому что сказано о многочисленныхъ богахъ язычниковъ. Что касается познанія Единаго Бога, вѣчнаго, безконечнаго и всемогущаго, то оно происходитъ отъ другой причины, а именно, отъ стремленія человѣка познавать причины физическихъ явленій, ихъ свойствъ и дѣйствій. Видя какое-нибудь явленіе, человѣкъ ищетъ его ближайшую и непосредственную причину; потомъ причину этой причины и такъ углубляется все далѣе въ изслѣдованіе причинъ, пока наконецъ не доходитъ до такой, которую вынужденъ признать послѣднею; языческіе философы называли эту послѣднюю причину первымъ двигателемъ, т. е. первою и вѣчною причиной всѣхъ вещей, а мы называемъ ее Богомъ. Во все это изслѣдованіе не входитъ мысли о собственномъ благѣ; напротивъ того, забота о благѣ вселяетъ въ человѣкѣ страхъ и препятствуетъ изслѣдованію причинъ вещей, такъ что нерѣдко даетъ поводъ считать благомъ то, что вовсе не благо.

Мы воображаемъ себѣ невидимыя силы имѣющими вещество или особую субстанцію. Но въ сущности онѣ ничто иное, какъ представленія, подобно призракамъ, являющимся во снѣ или въ зеркалѣ; видя призракъ во снѣ или въ зеркалѣ, мы знаемъ, что это только созданія нашего воображенія, неимѣющія дѣйствительной, внѣшней сущности; поэтому мы называемъ ихъ образами, imagines, тѣнями, umbrae; мы знаемъ, что они являются и исчезаютъ по нашему произволу. Но невидимыя силы мы называемъ духами, т. е. воздушными тѣлами, и боимся ихъ, зная, что они являются и исчезаютъ по собственной волѣ. Но считать невидимыя силы духами и въ тоже время предполагать ихъ безтѣлесными или невещественными — противно здравому смыслу, который не допускаетъ сочетанія въ одномъ понятіи такихъ противорѣчащихъ другъ другу словъ, какъ духъ и безтѣлесный. Духъ имѣетъ опредѣленное очертаніе, занимаетъ опредѣленное мѣсто, имѣетъ величину и предѣлы: стало быть, онъ все-таки тѣло; поэтому никакое воображеніе не можетъ представить себѣ что-нибудь соотвѣтствующее такому противорѣчивому понятію, какъ безтѣлесный духъ. Если человѣкъ собственнымъ умомъ дошелъ до познанія единаго, безконечнаго, всемогущаго и вѣчнаго Бога, то лучше ему сознаться, что Богъ непостижимъ или что разумъ его слишкомъ ограниченъ для пониманія Его, чѣмъ опредѣлять Бога безтѣлеснымъ духомъ и сознаваться потомъ, что это опредѣленіе непонятно. Наконецъ, если даже давать Богу такое опредѣленіе, то не догматически, не съ претензіей объяснить божественную природу, а развѣ въ знакъ его превосходства надъ всѣмъ видимымъ міромъ.

Что касается средствъ, которыми невидимыя силы производятъ свои дѣйствія, т. е. тѣхъ непосредственныхъ причинъ, которыми онѣ вызываютъ явленія, то люди не могутъ знать, въ чемъ состоитъ эта такъ-называемая причинность; судить о ней большинство людей можетъ только наблюдая и запоминая послѣдовательность событій, замѣчая, что извѣстное явленіе всегда предшествуетъ другому или слѣдуетъ за нимъ, но не видя настоящей связи или зависимости между предшествующимъ и послѣдующимъ. Видя явленіе, подобное замѣченному раньше, люди ожидаютъ, что за нимъ послѣдуетъ другое явленіе, подобное тому, которое послѣдовало въ первомъ случаѣ. Поэтому люди впадаютъ въ суевѣріе, ожидая себѣ добра или зла отъ вещей, которыя никакъ не могутъ быть причиной ни счастья, ни несчастья. Такъ у Аѳинянъ Форміонъ одержалъ надъ Спартанцами побѣду при Навпактѣ; по смерти его Аѳиняне назначили начальникомъ другаго Форміона; у Римлянъ Сципіонъ побѣдилъ въ Африкѣ Аннибала; на этомъ основаніи партія Помпея по-

слала въ Африку противъ Цезаря другаго Сципіона; но въ обоихъ случаяхъ разсчетъ былъ ложный. Такимъ образомъ люди приписываютъ свою судьбу извѣстному времени, мѣсту, словамъ, особенно выговариванію имени Божьяго и такъ-называемымъ заговорамъ и заклинаніямъ; имъ приписываютъ даже силу превращать камень въ хлѣбъ, хлѣбъ въ человѣка, словомъ, все что угодно во все что угодно. Далѣе люди естественно не могутъ иначе выражать свое почтеніе невидимымъ силамъ какъ тѣми же знаками почтенія, съ которыми они обращаются къ своимъ начальникамъ и вообще старѣйшинамъ, какъ напр. дары, моленія, благодаренія, приношенія, уничижительныя слова и тѣлодвиженія, обѣты, т. е. разныя обѣщанія, если будетъ оказано покровительство и т. п. Иныхъ знаковъ почтенія здравый смыслъ не указываетъ; однако люди придумываютъ разные обряды, сами измышляя ихъ или принимая измышленія другихъ людей, которыхъ считаютъ особенно мудрыми.

Наконецъ, здравый смыслъ не допускаетъ думать, чтобы эти невидимыя силы могли какъ-нибудь предсказывать людямъ будущее, могли предвѣщать имъ счастье или несчастье вообще, успѣхъ или неудачу въ предпріятіяхъ въ частности; но люди склонны принимать случайныя событія за предвѣстія грядущихъ на основаніи одного или двухъ случайныхъ прежнихъ совпаденій; поэтому они готовы вѣрить подобнымъ предсказаніямъ нетолько невидимыхъ силъ, но даже другихъ людей, о которыхъ имѣютъ хорошее мнѣніе.

Четыре естественныя основанія религіи. Итакъ, вотъ четыре естественныя основанія религіи: вѣра въ духовъ, незнаніе непосредственныхъ причинъ, почитаніе того, что внушаетъ страхъ, и принятіе случайныхъ совпаденій за предвѣстія. Но по различію человѣческихъ понятій, представленій и страстей обряды религіи такъ разнообразны, что́ одинъ считаетъ священнымъ то, что́ для другаго смѣшно, хотя сущность религіи вездѣ одинакова.

Два рода людей возращали эти сѣмена религіи, посѣянныя въ человѣкѣ природой. Одни возращали и обрабатывали ихъ, т. е. учреждали религію, по собственному усмотрѣнію. Другіе направляли ихъ по указанію Бога. Но и тѣ, и другіе имѣли въ виду подчинить себѣ людей, сдѣлать ихъ болѣе склонными къ повиновенію, къ уваженію законовъ, мира, братства и гражданственности Перваго рода учредители религіи обращали ее въ орудіе земной политики, человѣческихъ учрежденій, въ средство подчинять людей долгу въ отношеніи земныхъ владыкъ. Религія втораго рода учредителей направлена къ небесной политикѣ, къ божественнымъ цѣлямъ и заключаетъ въ себѣ наставленія для подданныхъ царства Божія. Таковы были Авраамъ, Моисей, нашъ Спаситель, преподавшіе намъ законы царства Божія. Учредителями религіи перваго рода были всѣ основатели государствъ и языческіе законодатели.

Касательно природы невидимыхъ силъ у язычниковъ господствовали самыя нелѣпыя мнѣнія; не было вещи, имѣющей какое-либо названіе, въ которой язычники не предполагали бы присутствія какого-нибудь бога или демона и которую поэты ихъ не представляли бы одушевленной, населенной или одержимой какимъ-нибудь духомъ.

Неустроенная міровая матерія была богомъ подъ именемъ Хаоса.

Небо, океанъ, планеты, огонь, земля, вѣтеръ были боги.

Человѣкъ, женщина, крокодилъ, быкъ, собака, змѣя, лукъ—все было обоготворено. Сверхъ того всѣ мѣста были населены духами подъ именемъ демоновъ: въ долинахъ жили Паны и Панизіи или Сатиры; въ лѣсахъ Фавны и Нимфы; въ водахъ Тритоны и другія Нимфы; всякая рѣка, всякій ручей имѣлъ особаго соименнаго духа или нимфу; въ каждомъ домѣ были свои Лары или домовые; при каждомъ человѣкѣ былъ свой геній; въ аду были особые духи или духовные служители, каковы Харонъ, Церберъ и Фуріи; въ ночное время всюду являлись ларвы и лемуры, лѣшіе, привидѣнія, цѣлое царство фей и гномовъ. Язычники обоготворяли даже свойства вещей и отвлеченныя качества ихъ и строили имъ храмы, какъ напр. времени, ночи, дню, миру, согласію, любви, рвенію, добродѣтели, чести, побѣдѣ, здоровью, болѣзни, лихорадкѣ и т. п. Всему этому они молились, какъ духамъ, постоянно пребывающимъ надъ ихъ главами и могущимъ доставить имъ благо или нанести зло, смотря по тому, будутъ ли они молить ихъ или не будутъ. Такимъ образомъ они молились своему собственному уму подъ именемъ Музъ, своему собственному невѣжеству подъ именемъ Фортуны, своей собственной похоти подъ именемъ Купидона, своему собственному гнѣву подъ именемъ Фурій, своему дѣтородному члену подъ именемъ Пріапа; они приписывали свои поллюціи особымъ божествамъ—Инкубамъ и Суккубамъ; словомъ не было ничего, что поэтъ въ поэмѣ можетъ олицетворить, чего они не считали бы богомъ или демономъ.

Учредители языческой религіи извлекали ее преимущественно изъ втораго основанія религіознаго чувства—изъ невѣдѣнія причинъ; пользуясь склонностью человѣка приписывать свою судьбу причинамъ, не имѣющимъ никакой связи съ явленіями, они прикрывали свое незнаніе настоящихъ причинъ, приписывая всѣ явленія дѣйствію второстепенныхъ боговъ, находящихся въ услуженіи у высшихъ. Такъ плодородіе приписывалось Венерѣ; искусства—Аполлону, ловкость и хитрость—Меркурію, бури и ураганы—Эолу, и такимъ же образомъ всѣ прочія есте-

ственныя явленія—другимъ божествамъ, такъ что боговъ было столько же, сколько въ природѣ явленій. Кромѣ знаковъ богопочитанія, предписываемыхъ человѣку здравымъ смысломъ, каковы: приношенія, молитвы, благодаренія и прочее, что мы указали выше, языческіе законодатели завели еще поклоненіе изображеніямъ боговъ, писаннымъ, изваяннымъ и литымъ; приэтомъ имѣлось въ виду, чтобы невѣжды, т. е. громадное большинство народа, считали эти изображенія самими богами или дѣйствительно содержащими въ себѣ боговъ и давали бы имъ непосредственно земли, дома, служителей и доходы; чтобы все это, предназначенное въ пользованіе людямъ, поступало бы въ собственность жрецовъ, но считалось бы собственностью боговъ и потому священнымъ и неприкосновеннымъ. Идоламъ посвящались пещеры, рощи, поля, горы и острова, которые послѣ того считались уже обителью этихъ боговъ. Богами были разные люди, звѣри, чудовища; имъ приписывали разныя человѣческія страсти и качества, какъ полъ, рѣчь, алчность, размноженіе; ихъ считали способными размножаться нетолько между собой, но и воспроизводить ублюдковъ отъ людей, каковы напр.: Бахусъ, Геркулесъ и др. Боговъ этихъ считали подверженными страху, способными къ мести и одаренными всѣми животными страстями и всѣми пороками, вытекающими изъ нихъ, какъ обманъ, воровство, прелюбодѣяніе, содомскій грѣхъ, словомъ,—всѣми недостатками, происходящими отъ жажды наслажденія, отъ злоупотребленія властью и противорѣчащими чести, а главное человѣческимъ законамъ.

Предсказаніе будущаго бываетъ естественное, когда о будущемъ судятъ на основаніи прошлаго опыта, и сверхъестественное, когда будущее открывается свыше; учредители языческой религіи изобрѣли безчисленное множество суевѣрныхъ средствъ предсказывать будущее, основываясь на мнимомъ опытѣ или на мнимомъ откровеніи. Такъ люди вѣрили, что могутъ узнать свою судьбу по двусмысленнымъ или безсмысленнымъ изрѣченіямъ жрецовъ дельфійскихъ, делосскихъ, аммонійскихъ и другихъ знаменитыхъ оракуловъ. Изреченія ихъ были или умышленно двусмысленны, чтобы годились на всякій случай, или нелѣпы, потому что давались въ сѣрнистыхъ пещерахъ и вообще мѣстахъ, наполненныхъ одуряющими испареніями. Вѣрили въ Сивиллины гаданія, которыя были собраны, записаны и пользовались большимъ уваженіемъ къ римской республикѣ; они были похожи на нынѣшнія предсказанія Нострадамуса, сочиненныя уже въ новѣйшее время. Далѣе, судьбу узнавали изъ безсмысленной болтовни сумасшедшихъ, полагая ихъ одержимыми божественнымъ духомъ и называя ихъ бѣснованіе энтузіазмомъ; этотъ родъ гаданія назывался теомантіей или пророчествомъ. Гадали

также по блеску и положенію свѣтилъ и называли это гороскопіей, которая составляла часть науки астрологіи. Предвѣстниками будущаго считали собственныя надежды и тревоги, и это гаданіе называлось тумомантіей или предчувствіемъ. Спрашивали о будущемъ колдуновъ, полагая, что они узнаютъ его изъ разговоровъ съ умершими; это называлось некромантіей, заклинаніемъ или колдовствомъ, но въ сущности было шарлатанское плутовство. О будущемъ судили еще по случайному полету птицъ, и это называлось авгуріей; по внутренностямъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву—аруспиція; по снамъ, по карканью воронъ, по щебетанью птицъ; по чертамъ лица—метероскопія, по линіямъ руки, по случайно-сказаннымъ словамъ—omina; по рожденію уродовъ и вообще по всякимъ необыкновеннымъ явленіямъ природы, каковы: затмѣнія, явленія кометъ и рѣдкихъ метеоровъ, землетрясенія, наводненія, неурожаи; эти явленія раздѣлялись на portenta и ostenta, смотря по тому, приносили ли съ собой несчастье, или только предвѣщали его; гадали также по разнымъ играмъ, напр. четъ или нечетъ, стихамъ Гомера и Виргилія, которые случайно открывались, и по множеству другихъ пустяковъ. До такой степени легко заставить человѣка вѣрить во что угодно и заслужить его довѣріе, если искусно и плутовски пользоваться его страхомъ и невѣжествомъ.

Чтобы держать народъ въ послушаніи и мирѣ, основатели и законодатели языческихъ государствъ всегда старались о слѣдующемъ: Во первыхъ, внушить людямъ вѣру, что предписываемыя ими религіозныя правила выдуманы не самими законодателями, а открыты имъ какимънибудь богомъ или духомъ, или что сами законодатели по природѣ своей выше всѣхъ остальныхъ смертныхъ, такъ что законы ихъ должно уважать; такъ Нума Помпилій увѣрялъ, что обряды, которые онъ вводилъ у римлянъ, указаны ему нимфой Эгеріей; первый царь и основатель Перуанскаго государства утверждалъ, что самъ онъ и жена его— дѣти Солнца; Магометъ, чтобы утвердить свою новую религію, говорилъ, что бесѣдуетъ съ святымъ духомъ, который будто бы является ему въ видѣ голубя. Во вторыхъ, они старались внушить людямъ, что запрещаемое ихъ законами неугодно также и богу или богамъ. Въ третьихъ, учреждали разные обряды, церемоніи, жертвоприношенія и празднества, которыми будто бы укрощается гнѣвъ боговъ, что военныя пораженія, моровыя язвы, землетрясенія и частная нищета происходятъ отъ гнѣва боговъ за несоблюденіе, забвеніе или искаженіе ихъ законовъ и обрядовъ. Впрочемъ у древнихъ римлянъ не воспрещалось отрицать то, что разсказывали поэты о загробныхъ наказаніяхъ и наградахъ, такъ что самые уважаемые и серьёзные люди высказывали это отри-

ніе въ публичныхъ рѣчахъ; однако большинство все-таки предпочитало вѣрить всему этому.

Этими и другими подобными учрежденіями достигалась цѣль законодателей — сохранять въ государствѣ миръ. Народъ приписывалъ всѣ свои бѣдствія какимъ-нибудь ошибкамъ или упущеніямъ въ обрядахъ и своему собственному ослушанію законовъ и вслѣдствіе этого былъ не такъ склоненъ осуждать своихъ правителей и возставать противъ нихъ. Торжественность праздниковъ и общественныхъ игръ, даваемыхъ въ честь боговъ, доставляла ему развлеченіе и отвлекала отъ ропота, неудовольствія и волненія противъ правительства. Завоевавъ большую часть извѣстнаго въ то время свѣта, римляне не находили предосудительнымъ дать терпимость въ самомъ Римѣ всевозможнымъ религіямъ, лишь бы онѣ не противорѣчили ихъ государственному порядку; поэтому изъ всѣхъ тогдашнихъ религій у нихъ была запрещена только іудейская, потому что іудеи, считая себя исключительно народомъ Божіимъ, находили беззаконнымъ повиноваться смертнымъ царямъ или правительствамъ. Все это доказываетъ, что у язычниковъ религія была политическимъ учрежденіемъ.

Но гдѣ самъ Богъ сверхъестественнымъ откровеніемъ установилъ религію, тамъ онъ самъ учредилъ свое исключительное царство и далъ людямъ законы не только касательно обязанностей ихъ къ нему, но и другъ къ другу. Въ такомъ Божіемъ царствѣ всѣ гражданскіе законы и политическія учрежденія составляютъ часть религіи, и здѣсь не можетъ существовать различія между властью духовною и свѣтскою. Богъ—царь вселенной; но кромѣ того онъ соблаговоляетъ быть царемъ исключительно какого-нибудь избраннаго народа. Въ этомъ нѣтъ никакой несообразности; такъ главнокомандующій арміи можетъ въ тоже время быть непосредственнымъ начальникомъ какого нибудь полка или отряда. По своему всемогуществу Богъ — царь вселенной; но надъ избраннымъ народомъ онъ царствуетъ на основаніи договора. Впрочемъ ниже (глава XXXV) мы будемъ говорить подробно о царствѣ Божіемъ, основанномъ на договорѣ.

Причины религіозныхъ перемѣнъ.

Понявъ, какъ распространяется религія, нетрудно понять и то, какъ она распадается на свои первоначальныя начала; сами эти начала, а именно, вѣра въ божество, въ невидимыя, сверхъестественныя силы, неистребимы въ человѣкѣ, и потому изъ нихъ тотчасъ возникаютъ новыя религіи, соотвѣтствующія понятіямъ людей.

Какъ мы видѣли, религія основана прежде всего на довѣріи толпы къ какой-нибудь личности, которую считаютъ мудрѣйшею всѣхъ, полагаютъ, что она заботится доставить всѣмъ счастье и что она дотого свята, что Богъ удостоиваетъ ее сверхъестественнаго откровенія своей воли. Стало быть, люди, управляющіе религіей, необходимо должны стоять внѣ всякаго сомнѣнія въ мудрости, честности и любви къ ближнимъ; какъ скоро возникнетъ такое сомнѣніе, ихъ сочтутъ недостойными получать божественное откровеніе; религія, которую они проповѣдуютъ, будетъ также заподозрена и отвергнута, если ее не поддержитъ гражданская власть.

Слава мудрости учредителя религіи или того, кто дополняетъ и представляетъ ее, погибаетъ, если онъ потребуетъ вѣры въ положенія противорѣчащія, потому что противорѣчіямъ нельзя вѣрить и, стало быть, требовать вѣры въ нихъ значитъ обнаруживать невѣжество. Требуя вѣры въ нихъ, представитель религіи заслуживаетъ презрѣнія и утрачиваетъ вѣру во все, что онъ выдаетъ за сверхъестественно открытое ему; ибо откровеніе можетъ противорѣчить явленіямъ природы, но не можетъ идти противъ разсудка.

Слава честности представителей религіи погибаетъ, когда оказывается, что они требуютъ отъ другихъ людей вѣры въ то, чему сами не вѣрятъ. Поступки и слова, которыми обнаруживается это невѣріе, называются соблазнительными, потому что представляютъ собою соблазны, отвлекающіе людей съ пути религіи; таковы несправедливость, жестокость, лицемѣріе, алчность, развратъ. Видя, что такіе поступки совершаются самими представителями невидимыхъ силъ, кто повѣритъ, что силы эти такъ страшны и что онѣ грозятъ прочимъ людямъ карой за проступки гораздо менѣе важные?

Слава любви къ ближнимъ погибаетъ, когда открывается, что представители религіи заботятся не о паствѣ своей, а о собственныхъ выгодахъ, т. е. когда они проповѣдуютъ то, что полезно только имъ или преимущественно имъ, что служитъ ихъ власти или обогащенію; замѣтивъ это, ихъ начинаютъ подозрѣвать въ стремленіи къ личнымъ выгодамъ, даже когда они ищутъ общей пользы.

Подлинность божественнаго откровенія свидѣтельствуется только чудесами, каковы напр. вѣрное пророчество или сверхъестественное дѣяніе. Кто, желая установить новыя вѣрованія, не будетъ совершать при-этомъ чудесъ, тотъ не будетъ имѣть успѣха; онъ можетъ разсчитывать только на ту степень уваженія къ себѣ, которая предоставляется ему государственными законами или пріобрѣтена имъ примѣрной, святой жизнью. Оно и понятно: разсудительный человѣкъ требуетъ въ естественныхъ дѣлахъ естественныхъ доказательствъ, а въ сверхъественныхъ—чудесъ.

Эти причины упадка вѣры представляются во многихъ примѣрахъ ис-

торіи. Таково напр. поведеніе Израильтянъ; когда Моисей, доказавшій призваніе свое чудесами и благополучно выведшій народъ изъ Египта, пробылъ только сорокъ дней въ отсутствіи, народъ возмутился, оставилъ истиннаго Бога и, сдѣлавъ золотаго тельца, предался египетскому идолослуженію (Исходъ, XXXIII, 1, 2), отъ котораго такъ недавно отсталъ. По смерти Моисея, Аарона, Навина и всего поколѣнія, видѣвшаго величіе Божіе въ пустынѣ (Суд. II, 11), новое поколѣніе послужило Ваалу. Такимъ образомъ, едва прекращались чудеса, прекращалась и вѣра.

Самуилъ поставилъ своихъ сыновей судьями въ Вирсавіи (Сам. I, VIII, 3); но они судили неправо и принимали дары; тогда израильскій народъ пересталъ признавать своимъ царемъ Бога, который дотолѣ владычествовалъ надъ нимъ непосредственно, не такъ, какъ надъ другими народами, и потребовалъ, чтобы Самуилъ далъ ему царя наподобіе прочихъ народовъ. Такъ съ упадкомъ справедливости падаетъ и вѣра, и народъ отрекается отъ Бога и хочетъ управляться безъ него.

Такъ при распространеніи христіанства оракулы въ Римской Имперіи всюду умолкаютъ, число христіанъ удивительно возрастаетъ съ каждымъ днемъ вслѣдствіе проповѣди апостоловъ и евангелистовъ;—этотъ успѣхъ несомнѣнно зависѣлъ большею частью оттого, что языческіе жрецы сдѣлались въ то время презрѣнны своими пороками, алчностью и угодливостью предъ царями; по той же причинѣ Римская церковь была уничтожена въ Англіи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ; съ одной стороны, вѣра пала отъ упадка добродѣтели въ пастыряхъ, а съ другой схоласты ввели въ религію философію Аристотеля и сплели на основаніи ея такія противорѣчія и безсмыслицы, что духовенство сдѣлалось типомъ невѣжества и лжи; тогда народъ возсталъ на него и свергнулъ его иго—во Франціи и Голландіи противъ воли своихъ государей, а въ Англіи—заодно съ королемъ.

Наконецъ, въ числѣ догматовъ, объявленныхъ Римской церковью необходимыми для спасенія души, многіе были явно направлены къ выгодѣ папы и его духовенства, разсѣяннаго по владѣніямъ всѣхъ христіанскихъ государей. Этимъ государямъ было бы также легко освободиться отъ посторонней власти папы, какъ англійскому королю; но имъ мѣшаетъ взаимное соперничество. А между тѣмъ всякій очень хорошо понимаетъ, въ чью пользу изобрѣтено вѣрованіе, что власть царя не исходитъ отъ Христа, если его не короновалъ епископъ; что царь не можетъ жениться безъ согласія священника; что римской куріи принадлежитъ судить, законно или нѣтъ рожденіе царя, что папа можетъ отрѣшить царя отъ престола, какъ папа Захарій Хильперика французскаго;

и отдать его царство одному изъ его подданныхъ; что Римъ можетъ разрѣшить подданныхъ отъ присяги, если признаетъ царя еретикомъ; что духовенство и монахи, совершившіе преступленіе, не подлежатъ гражданскому суду. Всякій понимаетъ къ чему все это направлено, равно какъ и индульгенціи, тайныя миссіи и многое другое, совершенно чуждое дѣлу спасенія. Такія ученія могли бы уничтожить самую живую вѣру, еслибы она не поддерживалась гражданской властью и привычкой, потому что подвергаютъ сомнѣнію мудрость, благочестіе и честность ея представителей.

Такимъ образомъ единственной причиной религіозныхъ переворотовъ служитъ испорченность духовенства, которую мы находимъ нетолько у католиковъ, но и въ церквахъ, вышедшихъ изъ реформаціи.

ГЛАВА XIII.

О естественномъ состояніи человѣческаго рода по отношенію къ его благополучію и бѣдствію.

Природа создала людей равными какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Правда, есть различія въ степеняхъ силы и ума, но, говоря вообще, эти различія не такъ значительны, чтобы ктонибудь могъ одинъ разсчитывать пріобрѣсти преимущество, совершенно недоступное другимъ. Такъ напр. относительно тѣлесной силы рѣдко можно найти человѣка до такой степени слабаго, чтобы онъ не могъ убить самаго сильнаго обманомъ или въ сообществѣ съ другими, которымъ грозитъ таже опасность, что и ему. *Люди по природѣ равны.*

Духовныя способности представляютъ еще больше равенства. Единственное исключеніе составляетъ преимущество, основанное на искусствѣ соединять слова, т. е. на знаніи общихъ правилъ наукъ. Оно дѣйствительно принадлежитъ немногимъ и притомъ въ отношеніи весьма немногихъ предметовъ, потому что это искусство не есть врожденная способность и пріобрѣтеніе его не зависитъ ни отъ ума, ни отъ труда. Умъ пріобрѣтается опытомъ и одинаково дается природой всѣмъ; въ данную эпоху всѣ одинаково умны въ отношеніи предметовъ своихъ занятій. Подвергать это равенство умовъ сомнѣнію можетъ только тщеславіе. Всякому

человѣку свойственно думать, что онъ умнѣе толпы, т. е. всякаго другаго, за исключеніемъ немногихъ, передъ которыми онъ привыкъ благоговѣть за ихъ знаменитость или за согласіе ихъ съ его мнѣніями. Человѣкъ готовъ признать другаго ученѣе или краснорѣчивѣе себя, но никто не согласится признать другаго умнѣе себя. Всякій смотритъ на собственный умъ вблизи, а на чужой—издали. Между тѣмъ это довольство каждаго своимъ умомъ и служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ, что въ способностяхъ людей больше равенства, чѣмъ неравенства, и что люди одарены умомъ въ равной степени. Равенство людей въ способностяхъ уравниваетъ и надежды ихъ.

Равенство рождаетъ недовѣріе.

Когда двое желаютъ одного и того же, что̀ не можетъ принадлежать одновременно обоимъ, то одинъ дѣлается врагомъ другаго. Стремясь къ своимъ цѣлямъ, изъ коихъ главная—самосохраненіе, одинъ старается подчинить себѣ или убить другаго. Напр. человѣкъ овладѣлъ порожней землей, засѣялъ ее, усадилъ деревьями и обстроилъ; сосѣдъ его получаетъ желаніе напасть на него и ограбить; если его останавливаетъ только страхъ физической силы своего врага, то онъ соединится съ другими людьми и отниметъ у владѣльца не только всѣ плоды его труда, но и самую жизнь или свободу и потомъ въ свою очередь потерпитъ тоже отъ людей болѣе сильныхъ.

Недовѣріе рождаетъ войну.

Такимъ образомъ всякій человѣкъ не довѣряетъ прочимъ и боится ихъ. Чтобы обезопасить себя, онъ старается подчинять себѣ всѣхъ прочихъ насиліемъ или обманомъ и дѣлаетъ это, пока остаются лица, которыхъ ему приходится опасаться. Это не болѣе того, чего требуетъ самосохраненіе и что обыкновенно всѣми допускается. Правда, есть люди, которые по страсти, ради славы, желали бы завоевать весь міръ; но большинство довольствуется заботой о собственной безопасности. Однако они не могли бы долго сохранить свое существованіе, еслибы ограничивались только защитой себя и своихъ владѣній и не старались бы увеличить свое могущество, нападая на прочихъ. Весьма законно, стало быть, чтобы всякій пріобрѣталъ владѣнія насиліемъ, ибо это необходимо для самосохраненія каждаго. Но такимъ образомъ общественная жизнь, въ которой нѣтъ силы, могущей всѣхъ сдерживать, доставляла бы людямъ по закону природы не наслажденіе, а бѣдствіе. Всякій хотѣлъ бы, чтобы другіе цѣнили его во столько, во сколько онъ самъ себя цѣнитъ, и старался бы за всякій знакъ пренебреженія мстить по мѣрѣ силъ своихъ, нападая на врага и избивая его, дабы этимъ примѣромъ мщенія заставить остальныхъ уважать себя.

Слѣдовательно, человѣческая природа заключаетъ въ себѣ трոякій источникъ распрей — соискательство, самосохраненіе и честолюбіе. Соискательство имѣетъ своимъ предметомъ владѣніе, самосохраненіе—безопасность, честолюбіе—общественное мнѣніе. Первое прибѣгаетъ къ насилію ради корысти, чтобы овладѣть чужой личностью, чужой женой, чужими дѣтьми, чужимъ скотомъ; второе обращается къ силѣ, чтобы защищать все это; третье насильствуетъ изъ-за пустяковъ, какъ-то слава, мнѣніе, разные знаки неуваженія къ себѣ, къ своимъ родственникамъ, друзьямъ, отечеству, званію или имени.

Внѣ государственнаго порядка существуетъ война всѣхъ противъ всѣхъ.

Очевидно, стало быть, что, пока нѣтъ никакой высшей принудительной силы, человѣчество, какъ я сказалъ, находится въ состояніи войны всѣхъ противъ всѣхъ. Сущность войны состоитъ не въ дракѣ, а въ постоянной непрерывной, явно обнаруживаемой наклонности рѣшать всѣ споры насиліемъ. Война, какъ ненастье, опредѣляется временемъ. Одинъ дождливый день не дѣлаетъ дурного климата; такъ и одна драка еще не составляетъ войны. Время, въ которомъ драка составляетъ отрывочное, исключительное явленіе, есть миръ.

Неудобство такого состоянія.

Въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ каждый пользуется только той безопасностью, какую ему доставляютъ личная сила и умъ. Въ такихъ условіяхъ не можетъ существовать ни промышленности, ни земледѣлія, ни мореплаванія, ни удобныхъ зданій, ни машинъ, приводимыхъ въ движеніе большими силами, ни изученія земной поверхности, ни счисленія времени, ни искусствъ, ни общества, и, что̀ всего важнѣе, здѣсь господствуетъ страхъ насильственной смерти и грозитъ постоянная опасность, а человѣческая жизнь одинока, бѣдна, груба и коротка.

Кто никогда не размышлялъ объ этомъ, быть можетъ, найдетъ страннымъ, что природа разобщила людей и произвела ихъ наклонными къ взаимной борьбѣ. Тѣмъ не менѣе это справедливо, прямо вытекаетъ изъ сущности страстей и подтверждается опытомъ. Подумайте, почему, отправляясь въ путь, вы берете проводниковъ и оружіе, почему, ложась спать, замыкаете двери и запираете свои вещи. Вы дѣлаете это теперь, когда знаете, что законъ и его вооруженные служители готовы наказать всякое насиліе. Каково же должно быть ваше мнѣніе о согражданахъ, о сосѣдяхъ, о домашнихъ. Не обвиняете ли вы человѣчество этими мѣрами предосторожности, какъ и я? Впрочемъ я не думаю обвинять его, потому что нельзя обвинять природу. Страсти людей, всѣ поступки, вытекающіе изъ нихъ, сами по себѣ не могутъ быть преступны, пока не существуетъ запрещающей ихъ власти. Не можетъ быть беззаконія, пока не предписанъ законъ, а онъ не можетъ быть предписанъ, пока общимъ согласіемъ не избранъ законодатель. Но неужели стоитъ доказывать все

*

это образованнымъ людямъ, когда это извѣстно даже собакамъ: которыя ночью лаютъ на всѣхъ, а днемъ только на чужихъ.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что войны всѣхъ противъ всѣхъ никогда не было. Я согласенъ, что она никогда не была общимъ явленіемъ, повсемѣстнымъ въ мірѣ. Но въ нѣкоторыхъ странахъ люди и теперь живутъ въ подобномъ состояніи. Такова напр. жизнь американскихъ дикарей, кромѣ тѣхъ, которые живутъ небольшими племенами, гдѣ согласіе поддерживается родственными узами. Какова была бы жизнь людей, неподчиненныхъ общей власти, можно судить по примѣрамъ междоусобныхъ войнъ.

Хотя никогда не бывало такого состоянія, гдѣ всякій находился бы въ войнѣ со всякимъ, но необходимость его при полной свободѣ людей подтверждается тѣмъ, что всѣ, кто пользуется независимостью, какъ напр. цари и вообще властители, постоянно враждуютъ между собой, всегда стоятъ другъ противъ друга въ положеніи бойцовъ: впер ивъ другъ въ друга глаза и поднявъ оружіе; они держатъ на границахъ крѣпости и арміи, а въ непріятельскомъ станѣ соглядатаевъ. Такое положеніе есть уже война. Но иначе нельзя обезпечить благосостояніе подданныхъ, и притомъ война между государствами не такъ бѣдственна, какъ послѣдствія полной свободы частныхъ лицъ.

Это состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ доказываетъ, что нѣтъ ничего само по себѣ несправедливаго. Въ такомъ состояніи не существуетъ понятій справедливаго и несправедливаго. На войнѣ главными достоинствами считаются сила и хитрость. Притомъ справедливость и несправедливость не принадлежатъ къ числу способностей тѣла и души. Въ противномъ случаѣ онѣ, подобно страстямъ и чувствамъ, проявлялись бы въ человѣкѣ и внѣ общества, внѣ сообщества съ другими людьми. Но этого не бываетъ: эти качества принадлежатъ человѣку только въ обществѣ; въ одинокомъ человѣкѣ ихъ не существуетъ. Далѣе, изъ этого состоянія человѣчества слѣдуетъ, что въ сущности нѣтъ никакого права владѣнія, никакой собственности, ни моего, ни твоего, и что всякому принадлежитъ то, что онъ пріобрѣлъ, пока можетъ сохранить свое пріобрѣтеніе.

Сказаннаго о естественномъ состояніи человѣчества достаточно.

Страсти располагаютъ человѣка къ миру.

Отъ этого состоянія человѣчество освобождается частью посредствомъ разума, частью посредствомъ страстей. Страсти, располагающія людей къ миру, суть страхъ, особенно страхъ насильственной смерти, желаніе предметовъ, необходимыхъ для благосостоянія, и надежда пріобрѣсти ихъ трудомъ. Разумъ также содѣйствуетъ миру, указывая условія, на которыхъ онъ можетъ состояться. Условія эти иначе называются законами природы. Мы будемъ говорить о нихъ подробнѣе въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА XIV.

О первомъ и второмъ естественныхъ законахъ и о договорѣ.

Естественное право.

Естественное право, называемое юристами jus naturale, есть свобода каждаго пользоваться по своему произволу своими способностями для сохраненія своей природы, т. е. своей жизни—и слѣдовательно, дѣлать все, что его разумъ и разсудокъ указываютъ ему для этой цѣли.

Свобода.

Свобода, въ настоящемъ значеніи этого слова, значитъ отсутствіе всякихъ внѣшнихъ препятствій. Впрочемъ и при свободѣ могутъ быть препятствія, лишающія человѣка возможности достичь желаемаго, но не можетъ существовать такихъ, которыя препятствовали бы ему располагать по своему разумѣнію и усмотрѣнію всѣми средствами, имѣющимися въ его распоряженіи.

Естественный законъ.

Естественный законъ, lex naturalis, есть общее правило или принципъ, вытекающій изъ разума и воспрещающій человѣку дѣлать то, что ведетъ къ его вреду, что губитъ его существованіе лишаетъ его средствъ сохранять свою жизнь или заставляетъ упускать то, что служитъ ему въ пользу. Говоря объ этихъ понятіяхъ, часто смѣшиваютъ право съ закономъ, jus и lex; необходимо однако различать ихъ. Право есть свобода дѣлать или не дѣлать; законъ же опредѣляетъ и обязываетъ дѣлать то-то и не дѣлать того-то.

Различіе права и закона.

Такимъ образомъ разница между правомъ и закономъ также велика, какъ между свободой и обязательствомъ; эти понятія одинаково несовмѣстны и въ приложеніи къ одному и тому же предмету взаимно исключаются.

По природѣ всякій имѣетъ право на все.

Въ естественномъ состояніи, гдѣ, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, господствуетъ война всѣхъ противъ всѣхъ, и всякій человѣкъ управляется собственнымъ разсудкомъ. Всякій предметъ можетъ когда-нибудь пригодиться человѣку на защиту жизни

отъ врага; вслѣдствіе этого въ естественномъ состояніи всѣ имѣютъ право на все, не исключая даже чужихъ организмовъ. Ясно, что пока существуетъ это право, никто, даже самый сильный, не можетъ пользоваться ни малѣйшей безопасностью, и никто не можетъ надѣяться прожить столько, сколько человѣку назначено жить по природѣ.

Основной законъ природы. Въ виду этого разумъ выводитъ общее правило: Искать мира, пока есть надежда получить его, а когда нѣтъ ея—пользоваться всѣми средствами и стараться извлечь всѣ выгоды изъ войны. Такимъ образомъ первый основной законъ природы: Искать и домогаться мира. Второй законъ природы есть сущность естественнаго права: Защищать себя всѣми средствами и способами.

Второй законъ природы. Изъ перваго закона природа вытекаетъ второй: Обезпечивъ себѣ миръ и средства обороны, всякій долженъ отказаться отъ своего права на все, если и всѣ прочіе согласны сдѣлать тоже, и довольствоваться тою свободою, которую согласенъ предоставить другимъ. Пока человѣкъ удерживаетъ за собой право дѣлать все, что хочетъ, до тѣхъ поръ продолжается война. Если всѣ не хотятъ отказаться отъ своихъ правъ на все, то и каждый въ частности не обязанъ отказываться отъ него. Отказавшись, онъ не нашелъ бы мира, а только предалъ бы себя въ добычу другимъ, что противно природѣ. Евангеліе выражаетъ этотъ законъ природы своей заповѣдью: Якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, такожде и вы творите имъ. И таковъ общій законъ всѣхъ народовъ: quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris — чего не хочешь самому себѣ, того не дѣлай другимъ.

Отчужденіе права. Отрекаться отъ права на какую нибудь вещь значитъ лишать себя свободы препятствовать другимъ пользоваться правомъ на эту вещь. Отрекаясь отъ своего права и перенося его на другаго, человѣкъ не даетъ этому другому лицу новаго права, котораго бы оно не имѣло по природѣ; по природѣ всѣ имѣютъ право на все. Онъ только уступаетъ другому возможность пользоваться своимъ исконнымъ правомъ, обѣщая не препятствовать съ своей стороны этой возможности, но отнюдь не ручаясь за отсутствіе препятствій со стороны другихъ. Лицо, которому уступается право, пріобрѣтаетъ лишь уничтоженіе препятствій со стороны одного уступающаго.

Отреченіе отъ права. Отказываться отъ права можно или посредствомъ простаго отреченія или посредствомъ перенесенія его на другое лицо. Просто отказываться отъ права значитъ предоставлять его

кому угодно, не передавая никому въ частности. Переносить право значитъ уступать его опредѣленному лицу. Перенесеніе права.

Обязательство. Во всякомъ случаѣ отказавшійся отъ права обязанъ не препятствовать владѣющему пользоваться имъ; онъ долженъ, его долгъ— Долгъ. не уничтожать собственнаго дѣйствія. Въ противномъ случаѣ онъ сдѣлаетъ несправедливость, безправіе (injuria— Несправедливость. sine jure), потому что самъ отрекся отъ своего права или перенесъ его на другаго. Несправедливость въ житейскихъ дѣлахъ похожа на то, что въ школьныхъ диспутахъ называется нелѣпостью. Нелѣпость состоитъ въ противорѣчіи вывода посылкамъ; такъ и несправедливость есть сознательное нарушеніе собственнаго сознательнаго дѣйствія. Отреченіе отъ своего права или его перенесеніе на другаго совершается посредствомъ добровольнаго объявленія извѣстными знаками или знакомъ, что такой-то отказывается или отказался отъ своего права,—переноситъ или перенесъ свое право на такого-то. Знаки эти состоятъ въ словахъ, въ дѣйствіяхъ или (какъ большею частью бываетъ) въ тѣхъ и въ другихъ вмѣстѣ. Эти обязательства, которыми человѣкъ обязуется, сами по себѣ не имѣютъ никакой силы; но силу имъ даетъ страхъ вреда, который послѣдовалъ бы отъ ихъ нарушенія.

Когда человѣкъ отрекается отъ своего права и переноситъ его на другого, то предполагается, что онъ дѣлаетъ это съ цѣлью получить взамѣнъ отъ лица, на которое онъ переноситъ свое право, какое-нибудь другое право или благо. Отреченіе или перенесеніе права было вначалѣ дѣйствіемъ добровольнымъ, а всякое добровольное дѣйствіе всегда имѣетъ въ виду пріобрѣтеніе какого-нибудь блага. Но есть предметы, которые не могутъ быть отчуждаемы ни словами, ни другими знаками.

Права неотчуждаемыя. Во первыхъ, неотчуждаемо право защищаться отъ нападенія, отъ насилія, потому что насиліе никогда не можетъ клониться къ благу терпящаго его. Таковы напр. покушенія на жизнь, на здоровье, на свободу человѣка; страданіе не можетъ быть благомъ; поэтому нельзя добровольно переносить страданіе, каково напр. нанесеніе ранъ или неволя; притомъ, когда человѣкъ подвергается насилію, онъ не можетъ знать, гдѣ оно остановится, кончится ли оно для него смертью или нѣтъ. Наконецъ, самая цѣль отчужденія или перенесенія права состоитъ въ сохраненіи жизни или средствъ къ жизни. Стало быть, когда человѣкъ словами или другими знаками отказывается отъ самой цѣли своего отреченія, то очевидно, что онъ дѣлаетъ это непроизвольно или не понимаетъ значенія этихъ словъ и знаковъ.

Соглашеніе. Взаимное перенесеніе правъ называется соглашеніемъ (contractus). Есть разница между перенесеніемъ права и перенесе-

ніемъ или передачей вещи. Иногда вещь передается одновременно съ перенесеніемъ права, какъ напр. при куплѣ и продажѣ, когда одинъ переноситъ вмѣстѣ съ правомъ деньги, а другой товаръ; иногда же право переносится прежде вещи.

Кромѣ того одинъ изъ соглашающихся на обмѣнъ или на выполненіе соглашенія можетъ выполнить его прежде другаго; въ такомъ случаѣ говорится, что онъ имѣетъ къ другому довѣріе. Соглашеніе, основанное на довѣріи, называется договоромъ, а невыполненіе договора — вѣроломствомъ.

Договоръ.

Дареніе.

Если право переносится не взаимно, и одинъ изъ вступающихъ въ соглашеніе передаетъ другому право или вещь въ надеждѣ пріобрѣсти дружбу или услуги того, кому передаетъ ихъ, или уступаетъ ему ихъ изъ любви къ нему, или для того, чтобы пріобрѣсти уваженіе со стороны другихъ, то перенесеніе называется дареніемъ.

Внѣшними знаками соглашеній служатъ слова; они должны быть сказаны въ настоящемъ или прошедшемъ времени, напримѣръ, даю, далъ; уступаю, уступилъ. Если же они имѣютъ форму будущаго времени, напримѣръ: дамъ, уступлю, то содержатъ въ себѣ только обѣщаніе передать право, но еще не передаютъ ничего. Стало быть, знакъ соглашенія есть выводъ изъ извѣстныхъ словъ. Но такіе же выводы можно дѣлать изъ умолчанія, изъ дѣйствій и даже изъ отсутствія дѣйствій. Вообще знакомъ соглашенія можетъ быть все, что довольно ясно выражаетъ волю войти въ соглашеніе.

Обѣщаніе.

Слова, относящіяся только къ будущему, выражаютъ только обѣщаніе, служатъ недостаточнымъ знакомъ даренія и необязательны. Такъ слова: дамъ завтра — не означаютъ еще, что вещь дана; право еще не перенесено и остается за прежнимъ обладателемъ. Если же слова относятся къ настоящему или къ прошедшему времени, напримѣръ: «даю или далъ съ тѣмъ, чтобы такой-то имѣлъ завтра», то право перенесено и притомъ единственно въ силу этихъ словъ, хотя бы воля не была обнаружена инымъ знакомъ. Большая разница сказать: «хочу, чтобы это было завтра твоимъ», и «дамъ тебѣ это завтра». Первое выражаетъ настоящую положительную волю, а второе — будущую, невѣрную или, скорѣе, вовсе не выражаетъ воли, потому что завтрашней воли нельзя предписать себѣ сегодня. Но выраженіе «хочу, чтобы завтра это было твоимъ» обозначаетъ настоящую волю.

Человѣкъ устроилъ бѣгъ и обѣщаетъ награду тому, кто первый достигнетъ цѣли. Обѣщаніе его относится къ будущему; тѣмъ неменѣе побѣдитель на бѣгу долженъ получить награду, хотя она дается ему даромъ. Обѣщаніе хозяина бѣга, хотя относилось къ будущему, выражало однако настоящую его волю, потому что еслибы онъ не хотѣлъ теперь побѣды, то не устроилъ бы бѣга.

Въ соглашеніяхъ право можетъ переходить посредствомъ словъ въ формѣ будущаго времени, если перенесеніе права взаимно. Обѣщавшій выражаетъ своимъ обѣщаніемъ, что хочетъ перенести право, потому что уже получилъ благо, за которое имѣетъ уступить свое право, а если не сдержитъ обѣщанія, то лишается полученнаго блага. Таковы обѣщанія при куплѣ и продажѣ, которыя имѣютъ такую же силу, какъ и договоръ.

Когда двое вступаютъ въ соглашеніе, основанное на взаимномъ обѣщаніи, то первый, кто выполнилъ обѣщаніе, заслуживаетъ, чтобы и второй выполнилъ свое, и второй обязанъ выполнить его. Также, если обѣщана награда за состязаніе въ борьбѣ или въ ловлѣ подбрасываемыхъ монетъ, то награда эта, хотя подарокъ, однако по праву принадлежитъ побѣдителю, который заслуживаетъ ее, и ему обязаны дать ее, потому что въ самомъ назначеніи состязанія уже заключается отчужденіе права хозяина на вещь, служащую наградой. Но между этими двумя заслугами та разница, что въ договорѣ я пріобрѣтаю заслугу моими собственными средствами, и договаривающійся со мной нуждается въ ней, а въ случаѣ даренія я могу имѣть заслугу только по милости дарящаго; въ договорѣ я заслуживаю, чтобы договаривающійся отказался отъ своего права; въ случаѣ же даренія я не заслуживаю, чтобы дарящій отказывался отъ своего права, а только чтобы право, отъ котораго онъ отказался, перешло на меня, а не на другаго. Вотъ въ чемъ, я полагаю, состоитъ сущность схоластическаго различія между meritum congrui и meritum condigni. Всемогущій Богъ обѣщалъ рай всѣмъ людямъ, которые побѣдятъ плотскія желанія и будутъ слѣдовать въ этой жизни его заповѣдямъ и предписаніямъ; схоласты говорятъ, что поступающій такимъ образомъ заслуживаетъ рая ex congruo. Но человѣкъ не можетъ требовать себѣ рая по праву, потому что самъ по себѣ не имѣетъ на него права, не можетъ получить его собственными средствами, а единственно по благодати Бога; поэтому говорятъ, что человѣкъ не можетъ заслуживать рая ex condigno. Разница эта, какъ я сказалъ, состоитъ вѣроятно въ различіи между договоромъ и даромъ; но спорящіе сами хорошенько не понимали собственныхъ словъ, оттого такъ долго спорили. Впрочемъ я не утверждаю, что они разумѣли именно это. Какъ бы то ни было, но обѣщанный даръ, назначенный въ награду за заслугу, можетъ быть заслуженъ, и тогда обязаны дать его.

Заслуга.

Соглашеніе, гдѣ обѣ стороны обязуются выполнить свои обязатель-

ства не тотчасъ, а въ извѣстный день въ будущемъ, въ естественномъ состояніи, т. е. въ состояніи войны, не имѣетъ никакой силы. Здѣсь тотъ, кто первый выполняетъ обязательство, не можетъ быть увѣренъ, что и другой выполнитъ его. Но въ государствѣ существуетъ принудительная власть, которая обезпечиваетъ выполненіе такихъ соглашеній. Безъ нея тотъ, кто первый выполняетъ обязательство, самъ предалъ бы себя въ добычу врагу, вопреки естественному праву защищать себя и свое имущество.

Договоръ теряетъ силу, когда возникаетъ сомнѣніе въ выполненіи его одной стороной. Сомнѣніе это должно быть основано на какомъ-нибудь обстоятельствѣ, слѣдующемъ за заключеніемъ договора и служащемъ выраженіемъ намѣренія не выполнять его; иначе оно не можетъ отнять у договора силу. Что не мѣшало обѣщанію, не должно мѣшать и исполненію его.

Перенесеніе права на предметъ предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и перенесеніе пользованія предметомъ, насколько оно возможно. Такъ, продавая поле, продаютъ вмѣстѣ и траву и вообще все, что на немъ родится или построено: продавъ мельницу, не должно отводить воду, приводящую ее въ движеніе; перенесеніе на извѣстное лицо верховной правительственной власти предполагаетъ въ тоже время дарованіе ему права требовать денегъ на содержаніе войскъ и права назначать государственныхъ чиновниковъ.

Заключать договоры съ животными невозможно, потому что они не понимаютъ человѣческой рѣчи и сами не могутъ выразить намъ свою волю принять или перенести какое-нибудь право; а безъ взаимнаго разумѣнія и соглашенія договоръ невозможенъ.

Невозможно также вступать въ договоръ съ Богомъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда мы можемъ сноситься съ нимъ чрезъ непосредственное откровеніе или чрезъ намѣстниковъ его, говорящихъ и управляющихъ его именемъ; иначе мы не можемъ знать, принялъ ли Богъ договоръ или нѣтъ. Притомъ изъ сущности договора слѣдуетъ, что давать Богу обѣты, противные естественному закону, нелѣпо, потому что непозволительно; давать же обѣты, согласные съ естественнымъ закономъ, безполезно, потому что такіе обѣты и безъ того предписаны естественнымъ закономъ.

Предметомъ договоровъ всегда служитъ нѣчто такое, о чемъ можно разсуждать: договоръ есть актъ воли, т. е. актъ и именно послѣдній актъ разсужденія; поэтому договоръ всегда относится къ чему-нибудь имѣющемуся въ виду и почитаемому доступнымъ для заключающаго договоръ.

Стало быть, обѣщать завѣдомо невозможное не значитъ договариваться.

Но бываетъ, что почитаемое возможнымъ окажется невозможнымъ. Тогда договоръ сохраняетъ свою силу и обязываетъ къ выполненію обѣщанія развѣ только съ нѣкоторымъ ограниченіемъ; а если и это невозможно, то хоть къ старанію по возможности выполнить его.

Мы освобождаемся отъ обязательствъ, возлагаемыхъ на насъ договорами, двумя способами: посредствомъ выполненія ихъ и даровой уступки. Выполненіе составляетъ естественный конецъ всякаго договора; а уступка есть возвращеніе обязавшемуся свободы или отреченіе отъ права, пріобрѣтеннаго по договору.

Договоръ, вынужденный страхомъ, въ естественномъ состояніи человѣческаго рода сохраняетъ силу; такъ, если кто обѣщаетъ врагу денегъ за сохраненіе жизни, то обязанъ выполнить этотъ договоръ. Здѣсь одинъ пріобрѣтаетъ жизнь, а другой деньги или какую-нибудь другую выгоду: стало быть, это вполнѣ законный договоръ, имѣющій полную силу, и нѣтъ никакого закона, который запрещалъ бы выполнять его. Равнымъ образомъ плѣнникъ, освобождаемый съ условіемъ заплатить выкупъ, обязанъ заплатить его. Государь, вынужденный страхомъ заключить съ другимъ невыгодный миръ, долженъ соблюдать его, пока не возникнетъ (какъ сказано выше) какой-нибудь новой и справедливой причины для нарушенія договора. Даже въ государствѣ человѣкъ, вынужденный выкупить у разбойника жизнь обѣщаніемъ денегъ, обязанъ заплатить выкупъ, если законы этого государства не запрещаютъ такихъ договоровъ. Все, что дозволительно дѣлать помимо обязательства, можетъ служить предметомъ всякаго договора, хотя бы вынужденнаго; но недозволительно не выполнять того, о чемъ дозволительно договариваться.

Предъидущій договоръ лишаетъ послѣдующій силы, потому что, перенеся вчера мое право на другого, я сегодня уже не могу располагать имъ, и второе обѣщаніе будетъ уже недѣйствительно. Договоръ, заключающій въ себѣ обязательство не защищаться противъ насилія, не имѣетъ силы. Никто не можетъ (какъ показано выше) отрекаться отъ права защиты противъ покушеній на свою жизнь, здоровье, свободу и т. п., потому что всѣ отреченія отъ естественнаго права каждаго на все имѣютъ въ виду именно избѣжаніе этихъ золъ. Можно пожалуй заключить такой договоръ: если я не сдѣлаю того-то, то убей меня, но никакъ нельзя заключать такого договора: если я не сдѣлаю того-то, то не буду противиться отнятію у меня жизни. Человѣкъ естественно предпочитаетъ меньшее зло, т. е. опасность, ко-

торой подвергается, сопротивляясь,—большему, т. е. вѣрной смерти. Это знаютъ всѣ, и потому осужденныхъ водятъ въ тюрьму или на казнь не иначе какъ съ вооруженной стражей. Договоръ, заключающій обѣщаніе обвинить самого себя безъ увѣренности въ прощеніи, не имѣетъ силы. Въ естественномъ состояніи, гдѣ нѣтъ судовъ, обвиненій не существуетъ; но въ гражданскомъ быту за обвиненіемъ слѣдуетъ наказаніе, которому никто не можетъ обязаться не противиться, если имѣетъ силу. Тоже относится и къ обвиненію лицъ, осужденіе которыхъ было бы для обвинителя несчастьемъ, напр. отца, жены и другихъ близкихъ. Стало быть, свидѣтельства ихъ нельзя принимать: оно дается противъ воли, и должно предполагать, что сама природа заставляетъ его быть пристрастнымъ. Обвиненія, вынужденныя пытками, также не должны считаться свидѣтельствами: подъ пыткой обвиняемый дѣлаетъ признанія только для облегченія мукъ, а не для сообщенія истины мучителямъ. Будетъ ли показаніе, данное подъ пыткой, истинно или ложно, во всякомъ случаѣ оно дѣлается только ради сохраненія жизни.

Какъ я сказалъ, слова сами по себѣ не имѣютъ силы вынуждать людей къ выполненію договоровъ. Для достиженія этого есть только два средства, именно—страхъ вреда, который произойдетъ отъ нарушенія договора, и презрѣніе къ обману, какъ къ признаку безсилія. Вторая причина, благородство, такъ рѣдка, что ее нельзя принимать въ разсчетъ. Въ настоящемъ случаѣ я долженъ принимать въ соображеніе одинъ страхъ.

Страхъ бываетъ двухъ родовъ: во первыхъ страхъ передъ невидимыми силами; во вторыхъ, страхъ передъ человѣческимъ могуществомъ. Въ первомъ случаѣ люди боятся болѣе сильнаго могущества; во второмъ больше боятся. Первый страхъ внушается религіей и существовалъ въ людяхъ раньше всякаго гражданскаго быта. Второй возникъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ государства; внѣ государства онъ не можетъ заставить людей выполнять договоры, потому что въ естественномъ состояніи только борьба рѣшаетъ, кто сильнѣе. Такимъ образомъ внѣ государства или когда дѣятельность государства нарушена войной, договоры обезпечиваются противъ человѣческихъ страстей только страхомъ передъ невидимыми силами, которыя называются Богомъ.

Клятва. Вотъ почему признано необходимымъ утверждать договоры клятвами, призваніемъ въ свидѣтели грозныхъ невидимыхъ силъ. Клятва есть родъ молитвы, соединенной съ обѣщаніемъ, при чемъ обѣщающій призываетъ Бога въ мстители, если не выполнитъ своего обязательства. Такъ римляне клялись: Mactet me Jupiter, sicut ego macto hanc bestiam—да убьетъ меня Юпитеръ, какъ я убиваю это животное,—а мы говоримъ: Клянусь Божіей ко мнѣ

благодатью сдѣлать то-то. Всякій клянется по обрядамъ своей религіи, чтобы тѣмъ болѣе страшиться нарушенія клятвы. Клятва, произносимая въ иной формѣ, чѣмъ та, которую предписываетъ религія присягающаго, не имѣетъ силы. Извѣстно также, что клясться можно только Богомъ. Правда, нѣкоторые язычники клялись своими царями; но дѣло въ томъ, что они считали своихъ царей богами. Произвольная божба, употребляемая безпрестанно и безъ надобности, въ сущности не клятва, а злоупотребленіе именемъ Божіимъ, происходящее отъ дурной привычки утверждать все слишкомъ сильно.

Извѣстно также, что клятва не прибавляетъ ничего къ обязательству. Договоръ, если онъ дозволителенъ, обязываетъ по силѣ естественнаго закона безъ клятвы; если же недозволителенъ, то и клятва не даетъ ему обязательной силы.

ГЛАВА XV.

О другихъ естественныхъ законахъ.

Третій законъ природы: Справедливость. Изъ перваго естественнаго закона, повелѣвающаго отказываться отъ правъ, препятствующихъ миру въ обществѣ, вытекаетъ третій законъ природы: Должно выполнять договоры. Иначе не стоило бы отказываться отъ права на все, и продолжалась бы война всѣхъ противъ всѣхъ.

Справедливое и несправедливое. Въ этомъ законѣ состоитъ сущность **справедливости**. Гдѣ не существуетъ договора, тамъ нѣтъ перенесенія правъ, и все принадлежитъ всѣмъ; слѣдовательно, нѣтъ ничего справедливаго. Отсюда само собой вытекаетъ опредѣленіе несправедливости: несправедливость есть несоблюденіе договоровъ или (что тоже) нарушеніе принятаго обязательства. Противное — справедливо.

Понятія справедливости и собственности возникаютъ вмѣстѣ съ государствомъ. Выше было показано, что договоры, основанные на взаимномъ довѣріи, утрачиваютъ свою силу, если одна сторона опасается обмана другой. Невыполненіе договора вслѣдствіе такого опасенія не составляетъ несправедливости, хотя справедливость зависитъ отъ соблюденія договора. Такое опасеніе существуетъ постоянно, пока всѣ сохраняютъ право на

все. До возникновенія гражданской власти, могущей наказывать за нарушеніе договоровъ и обезпечивать собственность каждаго, пріобрѣтенную по договорамъ, не существовало ни понятій, ни словъ: справедливый и несправедливый. Школьное опредѣленіе справедливости: справедливость есть постоянное желаніе воздавать каждому свое. (Justitia est voluntas constans suum cuique tribuendi). Но гдѣ нѣтъ своего, т. е. собственности, тамъ не можетъ быть и несправедливаго; а гдѣ нѣтъ государства, тамъ нѣтъ и собственности. Итакъ, сущность справедливости состоитъ въ выполненіи договоровъ, которые получаютъ силу только съ учрежденіемъ государства. Стало быть, государство, собственность и справедливость возникаютъ одновременно.

Справедливость согласна съ разумомъ.

Мерзавецъ говоритъ: нѣтъ справедливости. Каждый за себя—вотъ его правило. Справедливость для него—безсмыслица; каждый можетъ дѣлать все, что ему кажется выгоднымъ; можетъ по произволу заключать или не заключать договоры, соблюдать или нарушать ихъ. Мерзавецъ не отрицаетъ, правда, существованіе договоровъ; онъ согласенъ, что договоры могутъ быть соблюдаемы или нарушаемы; что соблюденіе ихъ называется справедливостью, а нарушеніе несправедливостью. Но, утверждаетъ онъ, несправедливость, помимо страха Божія, вовсе не противорѣчитъ разуму, который предписываетъ только заботиться о личной выгодѣ. Если бы человѣкъ имѣлъ возможность пренебрегать ненавистью и презрѣніемъ прочихъ и не бояться ихъ силы, онъ могъ бы дѣлать все, что ему выгодно. Еслибы даже можно было пріобрѣсти насиліемъ Царствіе небесное, отчего бы не пріобрѣсти его несправедливымъ насиліемъ? Если этимъ путемъ невозможно пріобрѣсти его, то, конечно, безразсудно такъ дѣйствовать; но еслибы это было возможно, еслибы это не противорѣчило разсудку, то стоитъ ли обращать вниманіе на справедливость? Что за справедливость такая, которая противорѣчитъ собственной выгодѣ? Она противорѣчитъ, стало быть, разуму.

Такія умствованія ведутъ къ прославленію успѣха; величайшія злодѣянія въ случаѣ удачи называются подвигами добродѣтели; одни и тѣ же люди готовы порицать мелкое мошенничество и прославлять подлѣйшее вѣроломство, если имъ достигнута царская власть. Такъ язычники считали Юпитера карателемъ неправды, а про него самого думали, что онъ силою свергнулъ съ неба Сатурна. Такъ и наши правовѣды, напр. Кокъ въ комментаріяхъ на Литтльтона, утверждаетъ, что наслѣдникъ престола, совершившій измѣну, дѣлается невиннымъ eo instante, когда вступаетъ на престолъ. Если напр. наслѣдникъ престола убьетъ царствующаго государя, хотя бы то былъ его отецъ, то можно, пожалуй,

назвать этотъ поступокъ несправедливостью или какъ угодно, но разумъ одобряетъ его, потому что каждый человѣкъ направляетъ свои произвольныя дѣйствія къ своему благу, и дѣйствія бываютъ тѣмъ разумнѣе, чѣмъ ближе направлены къ этой цѣли. Все это разсужденіе ложно, хотя на первый взглядъ можетъ показаться основательнымъ.

Въ естественномъ состояніи, гдѣ нѣтъ принудительной власти, не возникаетъ и вопроса объ исполненіи взаимныхъ обѣщаній; потому что здѣсь такія обѣщанія еще не составляютъ договора. Но при существованіи принудительной власти, когда одинъ выполнилъ договоръ, возникаетъ вопросъ, можетъ ли другой не выполнить его, согласно ли будетъ нарушеніе его съ разумомъ и съ собственною выгодою нарушителя? Я утверждаю, что нарушеніе договора противно разуму и личной выгодѣ, и это очень легко доказать. Всякій поступокъ, обращенный во вредъ себѣ, насколько вредъ этотъ можно предвидѣть, считается безразсуднымъ, хотя бы какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство и дало ему счастливый исходъ. Въ естественномъ состояніи, гдѣ каждый—врагъ всякаго и всѣхъ, никто не можетъ жить безопасно, не имѣя союзниковъ. Союзы основаны на договорахъ, и безопасность отдѣльныхъ лицъ обезпечивается соблюденіемъ этихъ договоровъ. Если такъ, то приметъ ли общество въ свою среду человѣка, о которомъ извѣстно, что онъ считаетъ благоразумнымъ нарушать договоры? А если приметъ, то удержитъ ли его у себя, узнавъ, что онъ такъ думаетъ? Стало быть, онъ или будетъ извергнутъ изъ общества и погибнетъ, или будетъ принужденъ скрывать свой образъ мыслей—что безсмысленно. Что касается до пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства путемъ насилія, то это самая вопіющая нелѣпость.

Пріобрѣтеніе царской власти посредствомъ возмущенія также противно разуму; во первыхъ, успѣхъ въ этомъ случаѣ очень сомнителенъ; во вторыхъ, похититель престола научаетъ своимъ примѣромъ другихъ поступать и съ нимъ такимъ же образомъ. Стало быть, во всякомъ случаѣ справедливость или соблюденіе договоровъ есть предписаніе разума, запрещающаго дѣйствовать во вредъ себѣ; она составляетъ слѣдовательно естественный законъ. Иные говорятъ, что естественный законъ предписываетъ не сохранять настоящую жизнь, а достигать вѣчнаго блаженства; если для достиженія его нужно нарушить договоръ, то нарушеніе справедливо. Подъ предлогомъ религіи эти люди считаютъ дѣломъ благочестивымъ возставать противъ своихъ монарховъ, низлагать и убивать ихъ. Относительно состоянія людей по смерти мы судимъ только на основаніи вѣры, а не знанія; эта вѣра въ свою очередь основана на свидѣтельствахъ достойныхъ довѣрія людей, утверж-

дающихъ, что узнали сверхъестественнымъ путемъ разныя истины или получили ихъ отъ другихъ, которымъ истины эти были открыты также сверхъестественно и т. д. На основаніи этого утверждаютъ, что несоблюденіе договоровъ, хотя бы и нарушало естественный законъ, но зато можетъ быть согласно съ сверхъестественнымъ. На это мы возразимъ, что сверхъестественный законъ существуетъ для насъ только въ Св. Писаніи, а оно вездѣ заповѣдуетъ повиновеніе царямъ и соблюденіе договоровъ.

Иные, соглашаясь, что договоры должно соблюдать, исключаютъ изъ этого правила договоры, заключенные съ еретиками. Но и это несправедливо: если какой-нибудь недостатокъ лица можетъ служить достаточной причиной для нарушенія договора, то онъ долженъ былъ прежде всего воспрепятствовать заключенію договора.

Слова—справедливое и несправедливое въ приложеніи къ людямъ имѣютъ не то значеніе, что въ приложеніи къ дѣйствіямъ. Въ приложеніи къ людямъ они означаютъ извѣстное нравственное состояніе— напримѣръ, добродѣтель или порокъ. Такъ человѣкъ, имѣющій постоянное желаніе воздавать всякому свое, остается справедливымъ, хотя бы его дѣйствія и были иногда несправедливы: для этого необходимо только, чтобы онъ любилъ справедливость, т. е. осуждалъ бы собственные несправедливые поступки, хотя бы оставшіеся тайными, желалъ бы не дѣлать ихъ и старался бы по возможности загладить нанесенное ими зло. Наоборотъ, несправедливый человѣкъ тотъ, кто пренебрегаетъ справедливостью, хотя бы изъ страха или по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ ему никогда не случалось нарушать чужихъ правъ. Истинная справедливость происходитъ и зависитъ отъ благородства духа, вслѣдствіе котораго человѣкъ считаетъ ниже своего достоинства быть чѣмъ-нибудь обязаннымъ обману и вѣроломству. Человѣкъ справедливый въ этомъ смыслѣ называется добродѣтельнымъ; а несправедливый въ этомъ смыслѣ—порочнымъ. Судя о людяхъ по поступкамъ ихъ, называютъ человѣка, у котораго преобладаютъ справедливыя дѣйствія невиннымъ, а при преобладаніи несправедливыхъ поступковъ—виновнымъ.

Человѣкъ, имѣющій наклонность нарушать чужія права, несправедливъ помимо своихъ несправедливыхъ поступковъ; онъ несправедливъ раньше, чѣмъ совершилъ несправедливое дѣйствіе; его можно назвать несправедливымъ, не имѣя въ виду никакой совершенной имъ несправедливости. Напротивъ того, несправедливый поступокъ непремѣнно предполагаетъ какое-нибудь нарушеніе права. Бываютъ случаи, что при нарушеніи права одной стороны вредъ, происходящій отъ этого нару-

шенія, наноситъ ей не другая сторона, а третье лицо, постороннее договору; такъ если господинъ приказалъ своему слугѣ отнести кредитору долгъ, а слуга присвоилъ деньги себѣ, то права кредитора нарушены господиномъ, а права господина—слугой, потому что не слуга, а господинъ заключалъ договоръ съ кредиторомъ. Вслѣдствіе этого въ гражданскомъ быту частные люди могутъ прощать свои долги, но не могутъ прощать грабежа, потому что грабежъ нарушаетъ право всего государства.

Все, что дѣлается въ отношеніи человѣка по его волѣ, не составляетъ нарушенія его правъ: если съ нимъ не было договора о томъ, что бы этого не дѣлать, то не можетъ быть и нарушенія права; если же былъ такой договоръ, то онъ уничтожается позднѣйшей волей человѣка.

Юристы различаютъ два вида справедливости въ дѣйствіяхъ: справедливость взаимную, justitia commutativa и справедливость распредѣляющую, justitia distributiva. Формула первой—уравненіе; второй—пропорція. Первую мы находимъ въ обмѣнѣ, и она состоитъ въ равенствѣ стоимости обмѣниваемыхъ вещей; вторая обнаруживается въ распредѣленіи благъ и заключается въ его равенствѣ. Однако нѣтъ несправедливости продавать вещь дороже, чѣмъ она заплочена: цѣна всѣхъ вещей опредѣляется волею лицъ, заключающихъ соглашеніе, и всякая цѣна справедлива, которую добровольно приняли и продавецъ, и покупатель. Что касается до распредѣленія, то оно должно дѣлаться по заслугамъ, а заслуга зависитъ не отъ права, а отъ милости, кромѣ того случая, когда первый выполнившій договорное обязательство можетъ быть признанъ заслужившимъ исполненіе обязательства со стороны другаго. Итакъ, юридическое раздѣленіе справедливости въ его обыкновенномъ значеніи нельзя принять за вѣрное. Справедливость въ обмѣнѣ есть общая справедливость, обязательная при всякаго рода соглашеніяхъ; это ни что иное какъ соблюденіе договоровъ о продажѣ и куплѣ, о взаимномъ дареніи, наймѣ, мѣнѣ и тому подобномъ. Справедливость въ распредѣленіи есть въ сущности безпристрастіе; это справедливость посредника, оправдывающаго возложенное на него довѣріе и присвоивающаго каждой сторонѣ то, что ей принадлежитъ по праву.

Четвертый законъ природы: Благодарность.

Какъ справедливость относится къ предшествовавшему договору, такъ благодарность относится къ предшествовавшему благодѣянію или дару. Она составляетъ четвертый естественный законъ, который можно выразить слѣдующей формулой: Получившій даръ долженъ стараться, чтобы даритель не имѣлъ справедливой причины раскаяться въ своемъ благодѣяніи.

Никто ничего не даетъ, не имѣя въ виду какой-нибудь выгоды для себя, потому что цѣль всякаго акта воли — пріобрѣсти личную пользу. При отсутствіи надежды на полученіе выгоды не существуетъ разумнаго основанія ни для благодѣянія, ни для взаимнаго довѣрія, ни для взаимной помощи, ни для примиренія между врагами. При такихъ условіяхъ люди оставались бы въ состояніи войны, противномъ первому естественному закону, который предписываетъ искать мира. Нарушеніе этого четвертаго закона называется **неблагодарностью** и относится къ благодѣянію, какъ несправедливость къ договору.

Пятый естественный законъ: Уступчивость или снисходительность.

Пятый естественный законъ—**уступчивость**. Онъ гласитъ, что **должно быть уступчивымъ въ отношеніи прочихъ**. Чтобы объяснить это, надо замѣтить, что люди по различію своихъ страстей неодинаково способны къ общественной жизни. Различіе ихъ въ этомъ отношеніи можно сравнить съ различіемъ камней, собранныхъ для постройки дома. Строители отбрасываютъ въ сторону за негодностью тотъ камень, который по своей неровности и неправильности отнимаетъ у другихъ больше мѣста, чѣмъ самъ занимаетъ и который такъ крѣпокъ, что его нельзя обтесать. Точно также приходится извергать изъ общества того человѣка, который по мерзости своего нрава захватываетъ себѣ вещи для него излишнія, а для сосѣда необходимыя, и который такъ упоренъ, что его нельзя исправить. Всякій по закону природы, т. е. по необходимости, заботится о своемъ сохраненіи и о всемъ, что необходимо для этого; но кто добивается излишняго, дѣлается виновникомъ войны и нарушаетъ первый законъ природы. Кто соблюдаетъ законъ уступчивости, называется **общежительнымъ**, по-латынѣ—commodus, а нарушитель его называется **упорнымъ, антисоціальнымъ, несноснымъ, безпокойнымъ**.

Шестой законъ: Прощеніе.

Принявъ предосторожности за будущее, должно прощать прошлыя обиды, если обидчикъ раскаивается и проситъ прощенія: таковъ шестой законъ природы. Простить обиду значитъ дать миръ просящимъ его. Но если и послѣ прощенія продолжается непріязнь, то это не миръ, а страхъ. Отказъ въ прощеніи на просьбы раскаянія есть признакъ души, чуждой мира, и потому противорѣчитъ первому закону природы.

Седьмой законъ: Немстительность.

Седьмой законъ говоритъ, что **при мщеніи должно обращать вниманіе не на степень причиненнаго зла, а на степень пользы, которую доставитъ месть**. Этотъ законъ запрещаетъ всякія наказанія, кромѣ имѣющихъ исправительную или предостерегательную цѣль. Онъ вытекаетъ изъ предъидущаго, который повелѣваетъ прощать прошлыя обиды, если приняты достаточныя предосторожности за будущее. Мщеніе безъ мысли о будущемъ благѣ есть то, что называется επιχαιρεκακία — злорадство, т. е. глупая и безцѣльная радость по поводу чужаго несчастія; оно противно разуму и закону природы, который запрещаетъ домогаться безполезныхъ и излишнихъ вещей. Нарушеніе седьмаго закона природы называется **жестокостью**.

Осьмой законъ: Уваженіе къ человѣческому достоинству.

Всѣ знаки презрѣнія и ненависти возбуждаютъ вражду и борьбу. Поэтому осьмымъ естественнымъ закономъ полагается **не оскорблять никого ни дѣломъ, ни словомъ, ни взглядомъ, ни жестомъ**. Нарушеніе этого закона называется **нахальствомъ**.

Девятый законъ: Равенство.

Въ естественномъ состояніи не возникало вопроса о томъ, который человѣкъ лучше, который хуже; понятіе неравенства людей введено гражданскими законами. Аристотель въ первой книгѣ своей политики для объясненія неравенства говоритъ, будто природа создала одних людей мудрыми (какъ напримѣръ я самъ, — желаетъ намекнуть философъ), предназначивъ ихъ для господства, а другихъ слабыми духомъ, но сильными тѣломъ—для рабства. Такимъ образомъ выходитъ, будто господство и рабство зависятъ прямо отъ врожденнаго различія способностей. Мнѣніе Аристотеля противно и разсудку, и опыту. Послѣдній дуракъ и тотъ желаетъ самъ управлять другими, а не повиноваться. Еслибы умные и сильные стали спорить о власти и рѣшать споръ силою, то побѣда очень рѣдко доставалась бы первымъ или, вѣрнѣе, никогда. Такъ какъ природа создала людей равными, то и сами они должны признавать это равенство. Но еслибы даже она создала ихъ неравными, то миръ между ними возможенъ только при равенствѣ условій. Такимъ образомъ равенство есть девятый законъ природы, который гласитъ, что всѣ люди по природѣ равны. Нарушеніе этого закона называется **гордостью**.

Десятый законъ: Умѣренность.

Изъ девятаго вытекаетъ десятый законъ: **Заключая миръ, никто не долженъ требовать себѣ правъ, которыхъ не желаетъ предоставить всѣмъ прочимъ**. Для сохраненія жизни было необходимо, съ одной стороны, отречься отъ нѣкоторыхъ естественныхъ правъ, а съ другой—удержать нѣкоторыя другія, какъ-то право заботиться о своемъ тѣлѣ, пользоваться огнемъ, водой, воздухомъ и прочими вещами, необходимыми для человѣческаго существованія. Но кто хочетъ удержать за собой больше правъ, чѣмъ соглашается предоставить прочимъ, нарушаетъ предъидущій законъ. Нарушеніе

этого право есть притязательность, по-гречески—πλεονεξία, а по-латынѣ— arrogantia. Соблюденіе его—умѣренность.

Одиннадцатый законъ: Правосудіе. Когда въ спорѣ о правѣ рѣшеніе предоставляется добросовѣстности посредника, то одиннадцатый естественный законъ предписываетъ ему быть безпристрастнымъ къ обѣимъ сторонамъ. Иначе споръ не можетъ кончиться. Поэтому кто не оказываетъ спорящимъ по мѣрѣ своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ безпристрастія, тотъ нарушаетъ миръ, вопреки первому закону природы. Соблюденіе этого закона, т. е. воздаяніе каждому своего, называется правосудіемъ и относится къ распредѣляющей справедливости; нарушеніе его есть προσωποληψια—лицепріятіе.

Двѣнадцатый законъ: Общинность. Двѣнадцатый законъ повелѣваетъ: Чего нельзя дѣлить, тѣмъ должно пользоваться сообща и безъ ограниченія, если это возможно по количеству вещей, а въ противномъ случаѣ—пропорціонально числу пользующихся. Иначе дѣлежъ неравенъ, и происходитъ лихоимство.

Тринадцатый законъ: Жребій. Есть предметы, которыхъ нельзя ни дѣлить, ни пользоваться ими сообща. Тринадцатый естественный законъ повелѣваетъ, чтобы полное право на эти вещи или (если предпочитается очередное пользованіе) первое владѣніе ими опредѣлялось жребіемъ. Равный дѣлежъ предписывается закономъ природы; но въ этомъ случаѣ нельзя придумать иного средства соблюсти равенство. Жребіи бываютъ двоякаго рода: произвольные и естественные. Произвольный жребій тотъ, который избирается сторонами, участвующими въ дѣлѣ. Естественный жребій состоитъ или въ первородствѣ, или въ первомъ овладѣніи предметомъ.

Четырнадцатый законъ: Первородство и первое овладѣніе. Итакъ, вещи, которыя нельзя ни дѣлить, ни пользоваться ими сообща, будучи пріобрѣтаемы по жребію, принадлежатъ или перворожденному, или тому, кто первый овладѣлъ ими. Это четырнадцатый законъ природы.

Законы посредничества: Пятнадцатый. Пятнадцатый естественный законъ говоритъ, что посредники должны пользоваться полной безопасностью. Законъ, повелѣвающій искать мира, какъ цѣли, повелѣваетъ покровительствовать и посредникамъ, потому что это служитъ средствомъ для достиженія цѣли.

Шестнадцатый. Между людьми, соблюдающими естественные законы, могутъ рождаться вопросы о томъ, вопервыхъ, совершенъ ли извѣстный поступокъ, вовторыхъ, если совершенъ, то совершенъ ли по праву, или безъ права. Первый изъ этихъ вопросовъ называется споромъ о фактѣ, второй—споромъ о правѣ. Если спорящіе не условятся между собой подчиниться рѣшенію третьяго лица, то между ними будетъ продолжаться война. Это третье лицо называется посредникомъ. Итакъ, шестнадцатый естественный законъ повелѣваетъ подчиняться рѣшенію посредника.

Семнадцатый. Такъ какъ при всякомъ дѣйствіи имѣется въ виду собственная польза, то никто не можетъ быть посредникомъ въ собственномъ дѣлѣ. Это—семнадцатый законъ природы.

Осьмнадцатый. По той же причинѣ ни въ какомъ спорѣ не должно быть избираемо въ посредники лицо, которому побѣда одной стороны очевидно доставитъ выгоду, честь или удовольствіе. Это осьмнадцатый естественный законъ.

Девятнадцатый законъ: О свидѣтеляхъ. Девятнадцатый естественный законъ говоритъ, что при вопросѣ о фактѣ должно судить на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Вѣрить одной сторонѣ болѣе, чѣмъ другой — противно безпристрастію, т. е. одиннадцатому закону природы.

Таковы естественные законы, охраняющіе въ обществахъ миръ.

Нѣкоторыя обстоятельства влекутъ за собой погибель частныхъ лицъ: такова, напримѣръ, неумѣренность во всѣхъ ея видахъ. Но такъ какъ они касаются индивидуальной природы и потому не относятся къ нашему предмету, то мы не будемъ говорить о нихъ.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что выведенные мною законы природы слишкомъ утонченны, такъ что ихъ пойметъ далеко не всякій, ибо большинство заботится только о пропитаніи и наслажденіи. Чтобы сдѣлать это понятнымъ самымъ слабоумнымъ людямъ, Св. Писаніе выразило эти законы въ одномъ краткомъ, но ясномъ положеніи: Якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, такожде и вы творите имъ. Философія выражаетъ это правило такъ: Чего не хочешь самому себѣ, того не дѣлай и другимъ. Для постояннаго соблюденія естественнаго закона надо класть на вѣсы наши и чужія дѣйствія и, взвѣшивая ихъ между собою, стараться, чтобы наши страсти не перетянули чашу съ нашими собственными дѣйствіями.

Естественные законы обязательны предъ внутреннимъ судилищемъ человѣка. Преступленіе ихъ называется не виной, а порокомъ. Предъ внѣшнимъ судилищемъ они, напротивъ, не всегда обязательны. Кто соблюдаетъ ихъ, когда всѣ прочіе нарушаютъ, тотъ дѣлается жертвой остальныхъ вопреки основному естественному закону самосохране-

нія. Но кто не соблюдаетъ естественныхъ законовъ, хотя обезпеченъ за соблюденіе ихъ прочими, тотъ ищетъ не мира, а войны.

Законъ, обязательный предъ внутреннимъ судилищемъ, можетъ нарушаться не только поступкомъ, противнымъ ему, но и согласнымъ съ нимъ, если совершитель поступка самъ считаетъ его противнымъ закону. Въ этомъ случаѣ хотя дѣйствіе и согласно съ закономъ, но воля противна ему. А предъ внутреннимъ судилищемъ виновно не дѣйствіе, а намѣреніе.

Вѣчность и удобоисполнимость естественныхъ законовъ.

Естественные законы вѣчны и непреложны: несправедливость, гордость, неблагодарность, неравенство, лицепріятіе, притязательность и проч. никогда не могутъ быть справедливы. Война никогда не можетъ служить къ сохраненію жизни, а миръ—къ разрушенію ея.

Естественные законы обязываютъ только постоянно и искренно желать выполнять ихъ; для этого достаточно одной доброй воли. Кто старается по мѣрѣ силъ своихъ соблюдать эти законы, тотъ уже соблюлъ ихъ и долженъ быть признанъ справедливымъ.

Наука о законахъ природы есть истинная этика.

Наука о естественныхъ законахъ есть единственная истинная этика. Иными словами, этика есть наука о томъ, что̀ считается добромъ и зломъ въ человѣческихъ обществахъ. Подъ именемъ добра и зла разумѣются желанія и отвращенія людей; желанія и отвращенія людей бываютъ различны, сообразно различію темпераментовъ, привычекъ и ученій; человѣкъ называетъ предметъ добромъ или зломъ, смотря по тому, хорошее или дурное впечатлѣніе онъ производитъ на его осязаніе, вкусъ, слухъ, обоняніе и зрѣніе. Предметы производятъ не на всѣхъ людей одинаковое впечатлѣніе; поэтому люди расходятся между собой въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, и даже одинъ и тотъ же человѣкъ называетъ одну и ту же вещь то хорошей, то худой, смотря по своему расположенію. Разница въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ порождаетъ споры, распри и наконецъ войну. Пока опредѣленіе этихъ понятій предоставлено частному произволу, человѣчество пребываетъ въ состояніи войны всѣхъ противъ всѣхъ. Но всѣ признаютъ благо мира и ищутъ его. Если самъ миръ есть благо, то и средства, необходимыя для достиженія его, также благо. Эти средства состоятъ въ справедливости, благодарности, умѣренности и другихъ естественныхъ законахъ. Стало быть, добродѣтели составляютъ нравственное благо, а пороки зло. Наука о добродѣтеляхъ и порокахъ есть нравственная философія—этика. Слѣдовательно, ученіе о законахъ природы есть истинная этика. Писатели нравственной философіи, моралисты, хотя признаютъ добродѣтелями и пороками тоже, что

и мы, но не видятъ, въ чемъ состоитъ достоинство добродѣтелей и почему онѣ похвальны; отъ этого они не признаютъ иныхъ добродѣтелей, кромѣ страстей, находящихся въ средней степени своего развитія, какъ будто мужество есть не причина, а степень храбрости, щедрость не причина, а количество дара.

Всѣ эти предписанія разума называются законами, но не въ собственномъ смыслѣ. Это ничто иное, какъ теоремы, имѣющія предметомъ вещи, служащія ко благу людей. Законъ въ собственномъ смыслѣ есть слова повелителя, произнесенныя или написанныя такимъ образомъ, что всѣ обязанные повиноваться ему признаютъ ихъ подлинными словами его.

ГЛАВА XVI.

О лицахъ и олицетворенныхъ вещахъ.

Лицо.

Лицомъ называется тотъ, кто отъ своего или чужаго имени ведетъ дѣло. Если онъ ведетъ его отъ своего имени, то бываетъ лицомъ собственнымъ или естественнымъ; если отъ чужаго, то представительнымъ лицомъ того, именемъ кого дѣйствуетъ.

Греки называютъ лицо πρόσωπον, что̀ означаетъ естественное человѣческое лицо. Латинское слово persona значитъ собственно маска, larva, т. е. изображеніе человѣческаго лица, употреблявшееся актерами на театрахъ. Съ театра это слово перешло на форумъ, и какъ въ театрѣ, такъ и на форумѣ означало лицо, которымъ представляется другая личность; человѣкъ, ведущій чужое дѣло, назывался актеромъ, actor. Въ этомъ смыслѣ Цицеронъ употребляетъ слово лицо въ письмѣ къ Аттику, говоря, что одинъ представлялъ три лица: свое, судьи и противника. Такимъ образомъ депутаты, представители, намѣстники, викаріи, адвокаты, уполномоченные, прокуроры, актеры—все это различныя названія исполнителей чужихъ обязанностей.

Повѣренный. Довѣритель.

Если представляемыя лица признаютъ слова и дѣйствія своихъ представителей своими, то представитель называется уполномоченнымъ, повѣреннымъ (actor), а лице представляемое—довѣрителемъ (author), и представитель дѣйствуетъ по его полно-

мочію (authoritas). Кто въ отношеніи къ имуществу называется владѣтелемъ, тотъ въ отношеніи къ словамъ и дѣйствіямъ называется довѣрителемъ, и какъ имущественное право называется владѣніемъ, такъ и право дѣйствованія носитъ имя полномочія.

Полномочіе.

Договоръ, заключенный представителемъ на основаніи даннаго ему полномочія, обязателенъ для довѣрителя и подвергаетъ его всѣмъ своимъ послѣдствіямъ, какъ еслибы онъ самъ заключилъ его. Стало-быть, все сказанное о сущности договоровъ въ главахъ XIV и XV вполнѣ относится и къ договорамъ, заключеннымъ представителемъ на основаніи полномочія.

Заключающій договоръ съ представителемъ, полномочія котораго не знаетъ, подвергается опасности, потому что договоръ, заключенный безъ полномочія, необязателенъ для того, отъ имени котораго заключенъ. Если представитель, дѣйствуя по полномочію, нарушаетъ естественный законъ, то нарушителемъ должно считать не представителя, а довѣрителя, потому что, договорившись чрезъ представителя совершить противозаконное дѣйствіе, довѣритель нарушилъ бы договоръ, еслибы не совершилъ его, стало-быть, опять поступилъ бы противозаконно.

Кто заключаетъ договоръ съ представителемъ, не видя его полномочія и вѣря ему на слово, тотъ не налагаетъ на себя никакого обязательства на тотъ случай, если окажется, что полномочія не существовало. Но зато такой договоръ имѣетъ силу противъ мнимаго представителя, который безъ всякаго права присвоилъ себѣ власть представляемаго лица. Такимъ образомъ, если существуетъ полномочіе, то договоръ обязателенъ для довѣрителя, а если его не было—для представителя.

Олицетворенныя вещи.

Мало вещей, которыя не могутъ быть фиктивно олицетворяемы. Большинство же неодушевленныхъ предметовъ, какъ напр. церковь, госпиталь, мостъ, могутъ быть представляемы священникомъ, смотрителемъ, управляющимъ. Но довѣрителями неодушевленные предметы не могутъ быть; поэтому священникъ или смотритель, представляющіе лица неодушевленныхъ предметовъ, должны имѣть полномочіе отъ того, кому принадлежатъ эти вещи. Такого рода лица внѣ гражданскаго быта не существуютъ.

Лица ребенка и умалишеннаго могутъ быть представляемы опекуномъ. Но опекунъ имѣетъ полномочіе, пока ребенокъ не владѣетъ умомъ, только по волѣ государства; опекуны и попечители получаютъ полномочіе только на основаніи гражданскаго права.

У язычниковъ идоламъ, т. е. неодушевленнымъ или вымышленнымъ

предметамъ, были посвящены движимыя и недвижимыя имущества и права, которыми владѣли нарочно установленныя для этой цѣли лица; сами по себѣ идолы, какъ вещи или вымыслы, не могли дать полномочія; его давало государство.

Лицо Истиннаго Бога также всегда только представляется. Въ собственномъ лицѣ Богъ создалъ міръ; при искупленіи человѣческаго рода лицо Божіе представлялъ Іусусъ Христосъ; при освященіи избранныхъ это лицо представляетъ Св. Духъ. Такъ и катихизисъ учитъ насъ вѣровать въ Бога Отца, создавшаго меня и весь міръ, въ Бога Сына, искупившаго меня и весь человѣческій родъ, и въ Св. Духа, освятившаго меня и весь избранный народъ Божій.

Собирательное лице.

Лицомъ можетъ быть также цѣлое собраніе людей, когда всѣ члены общества поручаютъ одному изъ своихъ членовъ представлять каждаго изъ нихъ. Единство лица зависитъ отъ единства представителя, а не довѣрителей; иного способа придавать собранію людей единство нельзя и придумать. Но собраніе—понятіе собирательное; оно состоитъ изъ многихъ людей; поэтому договоры его обязательны не для одного человѣка, а для всѣхъ, т. е. для каждаго порознь, ибо каждый даетъ общему представителю полномочіе отъ себя. Если данное полномочіе ограничено, то каждый отвѣтственъ только за тѣ дѣйствія, на которыя имъ дано полномочіе.

Если представителемъ или лицомъ служитъ не одинъ человѣкъ, а собраніе людей, то голосомъ этого собирательнаго лица считается голосъ большинства. Если напримѣръ, меньшинство утверждаетъ, а большинство отрицаетъ, то излишекъ отрицательныхъ голосовъ, какъ невстрѣчающій противорѣчія, служитъ выраженіемъ мнѣнія собирательнаго лица, т. е. всѣхъ; иначе лицо оказалось бы нѣмо, что противоестественно.

Если собирательное лицо составляетъ четное число и притомъ небольшое, то ему часто приходится быть нѣмымъ и потому безполезнымъ и неспособнымъ къ дѣятельности; здѣсь равныя по числу утвердительныя и отрицательныя мнѣнія взаимно уничтожаются. Иногда впрочемъ при равенствѣ голосовъ отдается предпочтеніе одной сторонѣ, и тогда самое равенство рѣшаетъ вопросъ въ эту сторону: такъ при судебныхъ процессахъ обвиняемый оправдывается, если голоса за и противъ него раздѣляются поровну.

Тоже бываетъ, когда идетъ споръ о томъ, сдѣлать ли то-то немедленно, или отложить; тѣмъ самымъ, что не постановляется немедленно выполнить дѣло, вопросъ рѣшается въ пользу отсрочки.

При нечетѣ вопросъ можетъ рѣшить одинъ голосъ; давать вѣсъ противнымъ голосамъ невозможно, потому что тогда собраніе не могло бы

быть лицомъ или было бы лицомъ нѣмымъ и неспособнымъ къ дѣятельности, потому что мнѣнія и желанія людей почти всегда расходятся.

Довѣрители бываютъ двухъ родовъ. Объ однихъ мы говорили выше; другіе служатъ довѣрителями только условно, какъ напримѣръ тотъ, кто принимаетъ на себя выполненіе договора только на случай, если договаривающійся не выполнитъ его въ извѣстный срокъ. Хотя они также уполномочиваютъ располагать въ извѣстномъ случаѣ ихъ довѣріемъ, стало-быть, даютъ довѣренность, но въ отличіе ихъ называютъ удостовѣрителями, поручителями, заложниками и т. д.

КНИГА ВТОРАЯ

О ГОСУДАРСТВѢ.

КНИГА II

О ГОСУДАРСТВѢ

ГЛАВА XVII.

Причина, происхожденіе и опредѣленіе государства.

Хотя по природѣ люди любятъ свободу и стяжаніе, однако подчинились законамъ, которые и господствуютъ въ гражданскомъ быту. Причина и цѣль этого явленія есть забота о самосохраненіи и объ удобствахъ жизни. Естественное состояніе свободы есть бѣдственная война всѣхъ противъ всѣхъ, при чемъ не существуетъ дѣйствительной, видимой власти, которая могла бы страхомъ наказанія умѣрять страсти и принуждать къ соблюденію естественныхъ законовъ и договоровъ. Законы природы,—справедливость, безпристрастіе, однимъ словомъ, **о к а з а н і е д р у г и м ъ т о г о, ч е г о ж е л а е м ъ с е б ѣ,** побѣждаются естественными страстями, каковы гнѣвъ, гордость и вообще желаніе, если эти страсти не сдерживаетъ гроза принудительной власти.

Цѣль государства—частная безопасность.

Законы и договоры сами по себѣ не даютъ исхода изъ состоянія войны всѣхъ противъ всѣхъ. Все это въ сущности только слова и потому не внушаютъ страха и сами по себѣ, безъ помощи посторонней силы не обезпечиваютъ человѣку безопасности. Какъ мы видѣли,

законы эти могутъ соблюдаться каждымъ въ частности только при соблюденіи ихъ всѣми. Слѣдовательно, безъ страха принудительной власти они необязательны и не возбраняютъ никому обезпечивать себѣ безопасность собственными силами и искусствомъ. Исторія древней Греціи показываетъ, что пока не было иной власти, кромѣ отеческой, разбой на морѣ и на сушѣ считался нетолько дозволеннымъ, но даже почетнымъ промысломъ, ибо избавлялъ отъ тяжелыхъ трудовъ земледѣлія.

Равнымъ образомъ въ первобытныя времена роды и мелкія племена, а теперь государства, т. е. большія племена, подозрѣвая опасность или ожидая непріятельскаго нападенія, распространяютъ для безопасности свои владѣнія и стараются по возможности ослабить или уничтожить своихъ враговъ или ихъ союзниковъ силой или хитростью. И они правы, потому что при иномъ образѣ дѣйствій не пользовались бы безопасностью.

Союзъ небольшаго числа людей еще не даетъ каждому изъ нихъ безопасности, потому что чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ сомнительнѣе, чтобы они устояли противъ враговъ, которые тѣмъ смѣлѣе. Впрочемъ малочисленность или многочисленность союза, т. е. его слабость или сила,— понятія относительныя и зависятъ отъ сравненія съ силами непріятеля; даже будучи слабѣе врага, можно пользоваться безопасностью, если между непріятелями господствуютъ такіе раздоры, что имъ приходится избѣгать войны.

Какъ бы ни былъ союзъ многочисленъ, но если дѣйствіями его членовъ управляютъ сужденія и рѣшенія толпы, члены его не могутъ ожидать обезпеченія ни противъ общаго врага, ни противъ возникающихъ въ самомъ союзѣ нарушеній правъ. Расходясь въ мнѣніяхъ объ употребленіи своихъ силъ, люди не только не будутъ помогать другъ другу, но, напротивъ того, своими противоположными стремленіями будутъ уничтожать эти силы. Вслѣдствіе этого внѣшній врагъ легко побѣдитъ ихъ, и кромѣ того они будутъ постоянно воевать между собой изъ-за частныхъ выгодъ. Еслибы толпа людей могла соблюдать справедливость и другіе естественные законы безъ внѣшняго принужденія со стороны общей власти, то такое согласіе могло бы существовать и въ цѣломъ человѣчествѣ; тогда гражданскій порядокъ былъ бы ненуженъ, потому что люди жили бы въ мирѣ и безъ принужденія.

Чтобы достигнуть постоянной безопасности, какой желаютъ люди, недостаточно подчиненія ихъ на извѣстный опредѣленный срокъ, какъ напр. въ сраженіи или вообще на войнѣ.

Такое временное подчиненіе при единодушномъ стараніи можетъ доставить побѣду надъ врагомъ, но какъ скоро опасность минуетъ и повиновеніе прекратится, общество распадется. Одни помирятся съ врагомъ, другіе будутъ продолжать враждовать, и произойдутъ столкновенія, которыя возобновятъ общую войну между членами общества.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что нѣкоторыя неразумныя животныя, напримѣръ пчелы и муравьи, уживаются мирно въ одномъ ульѣ или муравейникѣ; Аристотель называетъ такихъ животныхъ политическими; каждое такое животное управляется своимъ разсудкомъ и желаніемъ, но тѣмъ не менѣе они живутъ въ мирѣ, хотя не могутъ сообщать другъ другу посредствомъ рѣчи, что считаютъ полезнымъ или вреднымъ для своего общества. Отчего бы, кажется, и людямъ не поступать такимъ же образомъ?

На это я отвѣчаю. Вопервыхъ, люди постоянно спорятъ между собой о почестяхъ и достоинствахъ, тогда какъ животнымъ эта причина распрей неизвѣстна. Между людьми же она часто порождаетъ взаимную зависть, ненависть и войну.

Вовторыхъ, у животныхъ общее благо тождественно съ частнымъ. Поэтому, повинуясь естественному влеченію къ частному благу, они тѣмъ самымъ достигаютъ и общаго. Но человѣкъ именно то и цѣнитъ въ личномъ благѣ, что оно исключительно и что другіе не пользуются имъ, такъ что оно даетъ ему превосходство надъ другими.

Втретьихъ, эти животныя не замѣчаютъ, или повидимому не замѣчаютъ, въ управленіи своими общими дѣлами ничего достойнаго порицанія; но между людьми очень многіе, считая себя умнѣе и способнѣе другихъ къ управленію государствомъ, стремятся преобразовать его, каждый на свой ладъ. Это служитъ поводомъ къ разногласію и возбуждаетъ войну.

Вчетвертыхъ, животныя одарены, правда, способностью выражать свои желанія голосомъ въ размѣрѣ своихъ потребностей; но они лишены того словеснаго искусства, посредствомъ котораго люди имѣютъ способность представлять другъ другу добро—зломъ, зло—добромъ, великое—малымъ, малое—великимъ. Эта способность ведетъ къ взаимнымъ порицаніямъ и враждѣ, вслѣдствіе чего возникаютъ безпорядки.

Впятыхъ, неразумныя животныя не дѣлаютъ различія между несправедливостью и вредомъ и потому не завидуютъ другимъ, пока самимъ хорошо. Люди же становятся особенно нетерпимыми именно тогда, когда въ полномъ изобиліи пользуются досугомъ и довольствомъ. Тогда они любятъ выказывать свою мудрость, порицая дѣйствія правительства.

Наконецъ, союзъ животныхъ — дѣло самой природы, а союзъ лю-

дей — искусственный, основанный на договорахъ. Вотъ почему для его прочности и продолжительности, кромѣ договора, нужна общая власть, которая внушала бы страхъ отдѣльнымъ лицамъ и направляла бы дѣйствія всѣхъ и каждаго къ общему благу.

Происхожденіе государства. Чтобы учредить такую общую власть, которая охраняла бы людей какъ отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и отъ внутреннихъ взаимныхъ нарушеній права, которая доставляла бы каждому возможность жить въ довольствѣ и питаться плодами земли и собственнаго труда, — нѣтъ иного средства, кромѣ того, чтобы каждый членъ общества перенесъ всю свою личную власть и силу на какое-нибудь одно лицо, единичное или коллективное. Въ такомъ случаѣ этотъ человѣкъ или это собраніе будетъ представлять лицо каждаго члена общества въ частности, и каждый долженъ признавать себя отвѣтственнымъ виновникомъ (author) всѣхъ дѣйствій этого лица и подчинять свою волю его волѣ и сужденію. Такимъ образомъ государство есть нѣчто большее, чѣмъ союзъ или согласіе, потому что представляетъ дѣйствительное соединеніе всѣхъ въ одно лицо. Это соединеніе достигается посредствомъ договора всѣхъ со всѣми, причемъ каждый какъ-бы говоритъ каждому: я даю этому человѣку или этому собранію полномочіе или уступаю ему мое право самому управлять собою съ тѣмъ, чтобы и ты также далъ ему полномочіе и уступилъ бы ему твое право управлять тобой. По заключеніи такого договора все множество людей обращается въ одно лицо и называется государствомъ или республикой. Таково происхожденіе того великаго ЛЕВІАѲАНА или того смертнаго бога, которому мы, по милости Безсмертнаго Бога, обязаны миромъ и безопасностью. Когда всѣ и каждый даютъ свои полномочія одному лицу, оно пріобрѣтаетъ такое могущество и такія силы, что посредствомъ внушаемаго имъ страха можетъ соглашать всѣхъ къ миру и къ союзу противъ враговъ. Въ этомъ и состоитъ сущность государства, которое стало-быть опредѣляется такъ: Государство есть лицо, дѣйствія котораго признаны своими множествомъ людей посредствомъ взаимныхъ договоровъ каждаго съ каждымъ, съ тѣмъ, чтобы это лицо по своему усмотрѣнію пользовалось силами всѣхъ и каждаго для охраненія общаго мира и безопасности.

Опредѣленіе государства.

Правительство и подданные. Представляющій лицо государства называется правителемъ или правительствомъ, а всѣ прочіе члены общества—подданными и гражданами. Власть пріобрѣтается двумя способами. Первый способъ состоитъ въ насиліи: такъ пріобрѣтаютъ власть, напримѣръ, отецъ, который заставляетъ своихъ сыновей повиноваться себѣ, грозя отнять у нихъ жизнь, лишивъ ихъ пропитанія; побѣдитель, дарующій побѣжденнымъ врагамъ жизнь съ условіемъ, чтобы они исполняли его приказанія. Другой способъ состоитъ въ томъ, что люди, въ надеждѣ пріобрѣсти безопасность и защиту, добровольно даютъ верховную власть человѣку или собранію людей. Этотъ способъ можно назвать учрежденіемъ государства, а первый — пріобрѣтеніемъ государства. Поговоримъ сначала о государствѣ учрежденномъ.

ГЛАВА XVIII.

О правахъ правительства въ учрежденномъ государствѣ.

Учрежденіе государства. Учрежденіе государства состоитъ въ томъ, что люди, собравшись по своей волѣ, заключаютъ каждый съ каждымъ договоры, полагая повиноваться всѣмъ одному человѣку или собранію, который или которое назначается большинствомъ голосовъ представлять лица всѣхъ и каждаго. Каждый обязывается повиноваться тому, кого изберетъ большинство, и долженъ считаться отвѣтственнымъ виновникомъ (author) всѣхъ его дѣйствій, не взирая на то, подалъ ли голосъ въ его пользу или нѣтъ. Если люди предварительно не согласятся принять большинство голосовъ за общій голосъ всѣхъ и каждаго, то сходка ихъ будетъ напрасна и не приведетъ ихъ къ цѣли, которую имѣлъ въ виду каждый, т. е. доставить себѣ миръ и защиту.

Послѣдствія этого учрежденія. Изъ учрежденія государства вытекаютъ всѣ права и полномочія правительства, т. е. того, кому ввѣрена верховная власть собраніемъ народа.

1. Подданные не могутъ измѣнять формы правленія. Во первыхъ, заключеніе договора доказываетъ, что заключившіе его не были обязаны прежними договорами къ чему-нибудь несогласному съ настоящимъ договоромъ. Поэтому люди, уже состоящіе гражданами государства, не могутъ безъ дозволенія своего правительства вступать въ новые договоры, обязывающіе ихъ передать право представлять ихъ другому или вообще повиноваться въ какомъ-нибудь дѣлѣ кому-нибудь иному; слѣдовательно, граждане, подчиненные монарху, не имѣютъ права ни отвергнуть монархію, ни воз-

вратиться къ естественной свободѣ, если этого не захочетъ самъ монархъ, потому что каждый изъ нихъ обязанъ договоромъ съ каждымъ признавать все, что дѣлаетъ существующая верховная власть, какъ будто всѣ поступки ея исходятъ непосредственно отъ него самого. Стало-быть, никто не имѣетъ права не соглашаться съ дѣйствіями верховной власти, потому что это значило бы нарушать договоръ съ прочими, т. е. поступать несправедливо. Верховная власть есть уполномоченный представитель каждаго гражданина; поэтому, свергая ее, каждый поступаетъ самъ противъ себя, что также несправедливо. Если человѣкъ покусится свергнуть верховную власть и будетъ за это покушеніе убитъ или наказанъ ею, то самъ и будетъ виновникомъ (author) этого убійства или наказанія, т. е. самъ себя убьетъ или накажетъ, ибо верховная власть дѣйствуетъ по его же полномочію; но несправедливо поступать такъ, чтобы самому себя наказывать; стало-быть, возстаніе противъ верховной власти и съ этой стороны несправедливо. Иногда стараются оправдать возстаніе противъ верховной власти ссылаясь на заключеніе новаго договора уже не съ людьми, а съ Богомъ. Но это также несправедливо, потому что съ Богомъ нельзя вступать въ договоръ непосредственно; здѣсь непремѣнно долженъ быть какой-нибудь посредникъ, представляющій Бога, а представителемъ Бога можетъ быть лишь тотъ, кто по милости Божіей обладаетъ верховною властью. Стало быть, ссылаясь на договоръ съ Богомъ, люди очевидно лгутъ и сами понимаютъ, что эта ложь нетолько несправедлива, но сверхъ того презрѣнна и позорна.

2. Верховную власть нельзя отнимать за преступленія.

Во вторыхъ, верховная власть получаетъ полномочіе на основаніи договоровъ каждаго съ каждымъ, а не каждаго съ нею; стало-быть, со стороны верховной власти не можетъ быть нарушенія договора. Отсюда слѣдуетъ, что подданные не могутъ пользоваться преступленіями верховной власти, какъ предлогомъ къ ослушанію. Дѣйствительно, очевидно, что получающій верховную власть не заключаетъ предварительно договоровъ съ подданными; иначе ему пришлось бы заключать договоръ или со всей толпой, или съ каждымъ человѣкомъ порознь. Съ толпой нельзя заключать договора, потому что пока нѣтъ верховной власти, толпа еще не лицо; если же онъ заключилъ договоры съ частными людьми, то договоры эти уничтожаются, какъ скоро онъ получаетъ верховную власть, и на нихъ нельзя ссылаться для нарушенія послѣдующихъ договоровъ каждаго съ каждымъ, въ силу которыхъ каждый признаетъ верховную власть своимъ представителемъ, а себя отвѣтственнымъ за всѣ ея поступки. Притомъ, если одни станутъ утверждать, что верховная власть нарушила обязательства, принятыя при своемъ учрежденіи, а другіе или сама она будутъ говорить, что не нарушала, то этого спора нельзя будетъ ничѣмъ рѣшить, кромѣ меча; стало быть, возстановляется право каждаго отстаивать себя собственными силами, что противно цѣли учрежденія верховной власти. Итакъ, невозможно основывать верховную власть на прежнихъ договорахъ ея съ членами общества. Думать, что монархъ получаетъ власть на основаніи договора, т. е. условно, значитъ не понимать той простой вещи, что договоры сами по себѣ, т. е. слова или звуки, не имѣютъ силы обязывать, сдерживать, принуждать или защищать, а силу эту имѣетъ только общественная власть. Эта общественная власть и есть тотъ человѣкъ или то собраніе, которымъ ввѣрены верховныя права, которые уполномочены всѣми на все, дѣйствія которыхъ всѣми признаются и выполняются общими силами, сосредоточенными въ нихъ. Замѣчательно, что когда верховная власть принадлежитъ не одному человѣку, а собранію, никому въ голову не приходитъ говорить, что она основана на договорѣ. Никто не скажетъ напримѣръ такой глупости, что римскій народъ получилъ верховную власть по договору съ римлянами на такихъ-то условіяхъ, такъ что за дурное управленіе римляне могли низложить его. Если безсмысленно предполагать верховную власть условною въ республикѣ, то также безсмысленно основывать ее на договорѣ и въ монархіи; но на это не обращаютъ вниманія, потому что изъ честолюбія предпочитаютъ республику, гдѣ каждый можетъ разсчитывать на участье въ управленіи,—монархіи, гдѣ этой надежды не существуетъ.

3. Частные протесты противъ правительства, учрежденнаго большинствомъ, несправедливы.

Въ третьихъ, когда большинство установило правительство, каждый обязанъ принять его, т. е. признать всѣ его дѣйствія какъ-бы собственными, хотя бы учрежденное правительство не нравилось ему, и прочіе имѣютъ право уничтожить протестующее лицо. Добровольно принимая участіе въ обществѣ, каждый достаточно выражаетъ этимъ свою волю принять все, что постановитъ большинство, хотя бы воля эта не выражалась прямо словами; отвергая постановленія большинства, протестующій нарушаетъ свое прежнее согласіе и, стало-быть, поступаетъ несправедливо. Сверхъ того, хотя бы онъ не участвовалъ въ избирательномъ собраніи, хотя бы мнѣнія его не спрашивали, онъ долженъ или покориться постановленію собранія, или остаться въ первобытномъ состояніи войны со всѣми и съ каждымъ, а тогда каждый имѣетъ право уничтожить его.

4. Подданные не могутъ осуждать правительство.

Въ четвертыхъ, учреждая верховную власть, каждый тѣмъ самымъ принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ ея дѣйствія; очевидно, стало-быть, что правительство не можетъ на-

носить несправедливость подданнымъ, и подданные не могутъ обвинять его въ несправедливости. Лицо, дѣйствующее по полномочію другаго, не можетъ своими поступками нанести несправедливости своему довѣрителю. Учрежденіе государства дѣлаетъ каждаго отвѣтственнымъ за всѣ поступки правительства; стало-быть, жалуясь на несправедливость правительства, подданный жалуется на свои собственные поступки. Но нелѣпо и невозможно осуждать самого себя за несправедливость къ себѣ, потому что самому себя обижать нельзя. Правда, правительство можетъ поступать безнравственно; но это не будетъ несправедливость или оскорбленіе въ собственномъ смыслѣ. Безнравственный поступокъ тотъ, который противорѣчитъ естественному закону. Но законамъ гражданскимъ поступки правительства не могутъ противорѣчить, потому что оно само источникъ правосудія, и безъ него не существовало бы и понятій справедливости и несправедливости.

5. Подданные не могутъ наказывать правительство. Отсюда слѣдуетъ, что, въ пятыхъ, подданные не могутъ казнить правительство ни смертью, ни иными наказаніями. Будучи сами виновниками дѣйствій правительства, они не могутъ наказывать другихъ за собственные проступки.

6. Правительству принадлежитъ судить, что необходимо для мира и защиты подданныхъ и какія ученія полезны для этого. Въ шестыхъ, цѣль государства—миръ и безопасность, а кто имѣетъ право на цѣль, тотъ имѣетъ право и на средства. Отсюда слѣдуетъ, что кому бы верховная власть ни принадлежала, человѣку ли, или собранію, ему же принадлежитъ и право судить, какія средства необходимы для мира и защиты. Какъ въ минуту опасности, такъ и раньше, для предупрежденія опасности, правительству принадлежитъ рѣшать, что нужно сдѣлать для охраненія мира между гражданами, для доставленія имъ безопасности противъ враговъ и для вознагражденія потерь, понесенныхъ государствомъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что правительству принадлежитъ право судить обо всемъ, что имѣетъ отношеніе къ сохраненію или нарушенію мира, въ томъ числѣ и о мнѣніяхъ и ученіяхъ, распространяемыхъ въ обществѣ,—рѣшать, что, когда, какъ и кому можно проповѣдывать народу, разсматривать книги до обнародыванія ихъ и судить, можно ли выпустить ихъ въ свѣтъ. Поступки вытекаютъ изъ мнѣній; поэтому, направляя мнѣнія, можно давать и поступкамъ гражданъ направленіе, которое приведетъ ихъ къ миру и согласію. Цѣль ученій—найти и возвѣстить истину. Хотя это единственная цѣль ихъ, но если они истинны, то не противорѣчатъ миру. Ученія, противорѣчащія миру, не могутъ быть истинными, если только допустить, что миръ и согласіе основаны на законахъ природы. Заблужденія, терпимыя въ обществѣ по

нерадивости или неспособности правителей, съ теченіемъ времени могутъ быть приняты за истину, а истина, наоборотъ, можетъ утратить свое значеніе. Истина не можетъ возбудить войны, потому что первое свойство истины—вносить миръ; если внезапное открытіе новой истины возбуждаетъ смуты, это значитъ, что между людьми былъ не миръ, а глухая война. Если правительство такъ слабо, что люди дерзаютъ поднимать оружіе для введенія новаго мнѣнія, это значитъ, что и прежде они были проникнуты духомъ мятежа и хотя изъ страха не нападали, но жили въ постоянной готовности къ борьбѣ. Итакъ, для охраненія мира и предотвращенія раздоровъ и войнъ верховной власти долженъ принадлежать контроль надъ всѣми мнѣніями и ученіями.

Въ седьмыхъ, верховной власти принадлежитъ право предписывать правила, на основаніи которыхъ всякій зналъ бы, что принадлежитъ ему, что онъ можетъ дѣлать, чѣмъ можно пользоваться, не нарушая правъ согражданъ, словомъ, правила, опредѣляющія собственность. До учрежденія верховной власти всѣ имѣли право на все, и это было причиной войны. Стало-быть, опредѣленіе собственности необходимо для сохраненія мира и должно принадлежать верховной власти, назначеніе которой—учреждать въ обществѣ миръ. Правила, опредѣляющія собственность, мое и твое, хорошее, дурное, дозволительное и недозволительное, называются гражданскими законами, т. е. законами того государства, гражданамъ котораго предписываются. Впрочемъ теперь подъ именемъ гражданскаго права разумѣются также исключительно древніе римскіе законы, потому что, когда Римъ завоевалъ большую часть свѣта, его законы сдѣлались гражданскими законами всѣхъ покоренныхъ государствъ. 7. Правительству принадлежитъ законодательная власть.

Въ восьмыхъ, верховная власть имѣетъ право судить, т. е. разбирать и рѣшать всѣ споры какъ о правахъ гражданскихъ и естественныхъ, такъ и о фактахъ. Иначе правительство не могло бы оказывать защиты противъ взаимныхъ правонарушеній; законы собственности не имѣли бы никакого значенія; каждый по естественному чувству самосохраненія былъ бы принужденъ и имѣлъ бы право отстаивать свое собственными силами, и такимъ образомъ не достигалась бы цѣль государства, потому что продолжалась бы война всѣхъ противъ всѣхъ. 8. Правительству принадлежитъ судебная власть.

Въ девятыхъ, верховной власти принадлежитъ право начинать войну и заключать миръ съ другими государствами; т. е. ей предоставляется судить, полезна ли война для государства или вредна, а также собирать сколько нужно войска, вооружать, содержать его и брать съ подданныхъ деньги на эти расходы. 9. Правительству принадлежитъ право войны и мира.

Безопасность гражданъ зависитъ отъ силы войска, сила войска — отъ единства гражданъ, а единство гражданъ отъ единства власти. Верховное начальство надъ войсками само по себѣ даетъ верховную власть надъ всѣмъ государствомъ, потому что подразумѣваетъ право распоряжаться всѣми силами государства.

10. Правительству принадлежитъ выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ.

Въ десятыхъ, верховная власть имѣетъ право избирать совѣтниковъ, чиновниковъ, судей, словомъ, всѣхъ должностныхъ лицъ, гражданскихъ и военныхъ. Такъ какъ на правительство возложено бремя заботы о мирѣ и безопасности государства, то ему должно принадлежать также право по своему усмотрѣнію выбирать средства, облегчающія ему нести это бремя.

11. Правительство можетъ по произволу награждать и наказывать.

Въ одиннадцатыхъ, верховная власть имѣетъ право раздавать награды, богатства и почести и подвергать наказаніямъ, тѣлеснымъ, денежнымъ или лишающимъ чести, руководясь законами, опредѣляющими эти награды и наказанія, или, если такихъ законовъ еще нѣтъ, самой издавать правила, какія сочтетъ нужными, для поощренія заслугъ и устрашенія злонамѣренныхъ.

12. Правительству принадлежитъ право раздавать почести и достоинства.

Наконецъ извѣстно, какъ человѣкъ высоко цѣнитъ себя, какъ онъ желаетъ, чтобы его почитали прочіе и какъ онъ нерасположенъ оказывать почтеніе другимъ. Это обстоятельство составляетъ немаловажный источникъ вражды, распрей и наконецъ войны. Стало-быть, споры гражданъ о чести и достоинствѣ могутъ вести къ нарушенію мира и разрушенію государства, и потому верховная власть должна сдерживать честолюбіе подданныхъ въ надлежащихъ границахъ. Отсюда очевидна необходимость законовъ, опредѣляющихъ, какая кому принадлежитъ честь и достоинство, какъ кого чествовать въ собраніяхъ и разговорахъ. Итакъ, верховной власти принадлежитъ право раздавать титулы и установлять между подданными общественныя различія.

Нераздѣльность верховныхъ правъ.

Таковы права, составляющія сущность верховной власти. То лицо или собраніе, въ которомъ они сосредоточены, и есть верховная власть, такъ что они служатъ какъ-бы признаками, аттрибутами ея. Эти права нераздѣльны, и верховная власть не можетъ отчуждать ихъ.

Кромѣ этихъ правъ верховная власть имѣетъ и другія, какъ напр. право чеканить монету, назначать себѣ преемниковъ и опредѣлять ихъ совершеннолѣтіе, разные акцизы и монополіи и тому подобныя узаконенныя прерогативы; но эти права могутъ быть отчуждаемы безъ ущерба для самой цѣли правительства—защищать подданныхъ. Но напр.

лишиться права распоряжаться войскомъ значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ потерять судебную и законодательную власть, потому что безъ поддержки военной силы невозможно приводить въ исполненіе законы; безъ права взимать налоги невозможна власть надъ войскомъ; безъ права контроля надъ ученіями нельзя предотвратить возмущенія гражданъ суевѣрными умами. Словомъ, какъ скоро теряется одно изъ этихъ правъ, утрачиваются и всѣ остальныя, а съ ними миръ и справедливость, въ виду которыхъ учреждено самое государство. Раздѣлъ этихъ правъ ведетъ къ тому, о чемъ сказано: царство, раздѣльшееся на ся, не можетъ стояти; при нераздѣльности ихъ и народъ не раздѣлится на враждебные лагери. Въ Англіи раздѣлъ правъ верховной власти между королемъ, перами и палатой общинъ былъ причиной гражданской войны, особенно благодаря спорамъ о свободѣ религіи. Впрочемъ какъ ни прискорбно было это междоусобіе, но зато оно содѣйствовало распространенію въ народѣ истинныхъ понятій о верховныхъ правахъ, такъ что теперь всѣ поняли ихъ нераздѣльность. Можно надѣяться, что какъ скоро возстановится миръ, нераздѣльность эта будетъ признана и установлена; но пока не возвысится народное развитіе, нельзя ожидать, чтобы принципъ нераздѣльности установился прочно; едва забудутся бѣдствія, которыя навлекло его нарушеніе, какъ онъ снова подвергнется оспариванію. Итакъ, верховныя права нераздѣльны и неотчуждаемы. Отсюда слѣдуетъ, что недѣйствительна никакая форма раздѣла или отчужденія ихъ безъ одновременнаго и ясно выраженнаго отреченія отъ нихъ самой верховной власти. Еслибы даже правительство уступило всѣ эти права, но если оно удержало за собой значеніе верховной власти, т. е. представительство государства, то всѣ эти уступки будутъ недѣйствительны и всѣ права верховной власти останутся за правительствомъ.

Передъ правительствомъ власть и достоинство подданныхъ не существуютъ.

Если верховная власть нераздѣльна и права ея неразрывно съ ней связаны, то не нелѣпо ли утверждать, что государи и правители—singulis majores, sed universis minores, т. е. выше частныхъ лицъ порознь, но ниже цѣлаго общества? Если подъ именемъ общества здѣсь разумѣется лицо государства, то, стало-быть, вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣется и лицо государя, какъ представителя государства; слѣдовательно, выходитъ, что государь ниже самого себя—явная нелѣпость. Если же подъ именемъ общества понимается просто толпа, несоединенная государственнымъ союзомъ, то не можетъ быть и рѣчи о государѣ и государственныхъ отношеніяхъ.

Впрочемъ сами защитники этого мнѣнія видятъ нелѣпость его въ

приложенiи къ государству, управляемому народнымъ собранiемъ, но не замѣчаютъ ея въ приложенiи къ монархiи, какъ будто верховная власть мѣняетъ свою сущность, смотря по тому, кто ею владѣетъ.

Какъ верховная власть больше власти каждаго гражданина, такъ и честь ея больше чести гражданъ, и правительство есть источникъ всѣхъ почестей и достоинствъ. Какъ предъ главой семейства рабы и дѣти всѣ равны между собой и не имѣютъ никакой чести, такъ предъ правительствомъ равны всѣ граждане и предъ его лицомъ не существуетъ ихъ чести и достоинства. Въ отсутствiи его одни блистаютъ больше другихъ и пользуются особеннымъ почетомъ. Но предъ нимъ этотъ блескъ померкаетъ, какъ блескъ звѣздъ при сiянiи солнца.

Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что такое состоянiе подданныхъ позорно и несчастно, потому что они преданы въ жертву произволу и страстямъ правителей. Подданные монарха обыкновенно проклинаютъ за это монархическiй произволъ, а граждане республики жалуются на деспотизмъ демократiи. Дѣло, конечно, не въ формѣ правленiя, потому что сущность верховной власти всегда одинакова, лишь бы она оказывала обществу защиту. Всякое правительство, какова ни была бы его форма, представляетъ, конечно, большое зло. Но такова уже судьба человѣка, что ни одно человѣческое дѣло не обходится безъ зла. Однако неудобства, возникающiя отъ государства, ничтожны въ сравненiи съ бѣдствiями войны, тяготѣющими надъ естественнымъ состоянiемъ людей, когда они живутъ грабежемъ безъ власти и безъ закона. Притомъ надо замѣтить, что верховная власть отягощаетъ гражданъ не столько для того, чтобы сдѣлать ихъ бѣдными и слабыми (для нея лучше, чтобы они были богаты и сильны), а потому, что сами граждане отказываются своевременно давать ей необходимое для ихъ обороны и для охраненiя мира. Это упорство вынуждаетъ правителей требовать во время мира какъ можно больше денегъ на случай войны. Вообще подданные смотрятъ на налоги точно въ увеличительное стекло, которое представляетъ имъ всякую подать страшнымъ притѣсненiемъ; гораздо лучше имѣть бы имъ вмѣсто того телескопъ, т. е. научное знанiе, которое издалека показывало бы имъ бѣдствiя, грозящiя въ будущемъ и неустранимыя безъ помощи налоговъ.

ГЛАВА XIX.

О государственныхъ формахъ и о преемствѣ верховной власти

Государства имѣютъ различныя формы, смотря по тому, кому принадлежитъ верховная власть. Верховная власть можетъ принадлежать одному лицу или многимъ, и въ послѣднемъ случаѣ или всѣмъ, такъ что всякiй имѣетъ право являться въ правительственное собранiе, или только нѣкоторымъ лицамъ, отличеннымъ отъ прочихъ. Слѣдовательно, государственныхъ формъ три; а именно: монархiя, гдѣ верховная власть принадлежитъ одному человѣку;—демократiя, гдѣ она принадлежитъ собранiю всѣхъ гражданъ безъ исключенiя, и аристократiя, гдѣ верховная власть принадлежитъ собранiю извѣстнаго числа гражданъ, отличенныхъ отъ прочихъ подъ именемъ знати. Иныхъ государственныхъ формъ не существуетъ, потому что верховная власть необходимо принадлежитъ или одному человѣку, или нѣсколькимъ, или всѣмъ. *Три формы государства.*

Въ исторiи и политическихъ сочиненiяхъ встрѣчаются разныя другiя названiя государственныхъ формъ, напр. тиранiя, олигархiя; но они выражаютъ не какой-нибудь особенный видъ правленiя, а только взглядъ писателя на извѣстныя государственныя формы. Такъ, враги монархiи называютъ ее тиранiей; враги знати называютъ ея правленiе олигархiей; враги демократическаго правительства называютъ его анархiей; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы анархiя была какой-нибудь особенный видъ правленiя. *Тиранiя или монархiя и олигархiя или аристократiя.*

До учрежденiя государства общество могло по произволу избрать ту или другую форму правленiя, ввѣрить верховную власть одному человѣку или собранiю. Отъ его воли зависѣло подчиниться монарху или собранiю. Но разъ учредивъ монархiю, общество уже не можетъ избирать другихъ представителей, помимо монарха; ихъ можно избирать развѣ только для отправленiя извѣстныхъ обязанностей, указанныхъ имъ монархомъ, но не иначе, какъ по его повелѣнiю. Иначе будетъ два правительства, такъ что каждый гражданинъ будетъ имѣть разомъ двухъ противоположныхъ другъ другу представите- *Нелѣпость конституцiоннаго правительства.*

лей; верховная власть раздѣлится, а извѣстно, что раздѣлъ ея разрушаетъ миръ; стало быть, общество возвратится въ состояніе войны, что противорѣчитъ самой цѣли государства. Верховная власть, представляемая народнымъ собраніемъ, также иногда повелѣваетъ собраться депутатамъ отъ гражданъ для занятія дѣлами, опредѣленными правительствомъ, напр. для совѣщанія въ особенно затруднительныхъ обстоятельствахъ или для уничтоженія какого-нибудь общественнаго зла: но никому не войдетъ же въ голову подумать, что эти депутаты получили верховную власть и представляютъ собой лицо государства. Точно также безумно вообразить, что въ монархіи собраніе депутатовъ, созванное по повелѣнію монарха для подобныхъ же цѣлей, представляетъ собой лицо государства и имѣетъ верховную власть. Это такъ очевидно, что нельзя не удивляться безтолковости нашихъ современныхъ политическихъ дѣятелей, которые не понимаютъ такой простой вещи. Нашъ король, представитель рода, владѣвшаго престоломъ въ теченіе шестисотъ лѣтъ, былъ безспорно законнымъ государемъ; законность его признавали всѣ, и никому не приходило на мысль оспаривать у него его санъ и величество; но въ тоже время его не признавали представителемъ государства, и депутаты, созванные по его же повелѣнію, рѣшались присвоивать себѣ право представлять все англійское королевство. Это доказываетъ, что правительствамъ необходимо разъяснить своимъ подданнымъ права народныхъ депутатовъ и прежде всего изучить ихъ, если хотятъ удержать за собой верховную власть.

Какъ мы показали, верховная власть всегда одинакова, какова бы ни была форма правленія. Если существуютъ различныя формы правленія, то не потому, чтобы верховная власть могла мѣнять свою сущность, а потому, что граждане не вездѣ одинаково способны достигать своей цѣли, т. е. доставлять себѣ миръ и безопасность. Кому бы ни принадлежала верховная власть, монарху или собранію, во всякомъ случаѣ правители—люди; представляя лицо государства, они все-таки вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ свою естественную личность, а потому, подобно всѣмъ прочимъ, заботятся о своихъ личныхъ интересахъ, семейныхъ дѣлахъ, о дѣлахъ своихъ родственниковъ и друзей, и весьма часто, если общее благо несогласно съ ихъ частнымъ, предпочитаютъ частное общему. Страсти большею частью побѣждаютъ въ людяхъ разсудокъ. Стало быть, общее благо всего вѣрнѣе достигается тогда, когда оно тѣснѣйшимъ образомъ связано съ личнымъ интересомъ дѣятеля. Сравнивая съ этой точки зрѣнія монархію съ другими формами правленія, мы видимъ, что въ ней общее благо тождественно съ частнымъ: потому что богатство, могущество и слава монарха зависятъ отъ силы гражданъ и того ува-

женія, которое они внушаютъ къ себѣ. Монархъ, подданные котораго бѣдны, слабы и не пользуются уваженіемъ другихъ народовъ, не можетъ быть ни богатъ, ни силенъ, ни обезпеченъ. Напротивъ того, въ демократіи общіе интересы нерѣдко забываются ради частныхъ выгодъ людей алчныхъ, подлыхъ или честолюбивыхъ, которые достигаютъ своихъ корыстныхъ цѣлей посредствомъ коварныхъ совѣтовъ, предательствъ и возбужденія смутъ.

Во вторыхъ надо замѣтить, что монархъ совѣтуется съ кѣмъ хочетъ, когда и гдѣ хочетъ. Онъ имѣетъ возможность, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, выслушать тайно совѣты свѣдущихъ людей, къ какому бы званію они ни принадлежали, и они дадутъ ему нужныя свѣдѣнія безъ всякихъ ораторскихъ прикрасъ.

Зато собраніе, нуждаясь въ совѣтѣ, принуждено обращаться къ своимъ же собственнымъ членамъ, которые большею частью посвящены только въ искусство наживаться и, кромѣ умѣнія благопріобрѣтать, другихъ свѣдѣній не имѣютъ. Вмѣсто дѣльнаго совѣта они могутъ только наболтать ученой ерунды, не идущей ни къ селу, ни къ городу, или блеснуть цвѣтами безплоднаго краснорѣчія, которое только смущаетъ умы, но никому не приноситъ пользы. Пламя страстей не просвѣщаетъ, а ослѣпляетъ разсудокъ. Притомъ собраніе, какъ толпа, не имѣетъ никакой возможности получать нужныя свѣдѣнія тайно, что часто бываетъ очень важно.

Въ третьихъ, человѣкъ уже по природѣ непостояненъ; поэтому и въ монархіи правительственныя распоряженія непрочны и перемѣнчивы; въ собраніяхъ къ этому еще присоединяется непостоянство, зависящее отъ условій толпы. Здѣсь достаточно, чтобы нѣсколько членовъ выбыло или не явилось, и постановленное нынѣ будетъ завтра отмѣнено.

Въ четвертыхъ, монархъ не можетъ изъ алчности или вражды противорѣчить самъ себѣ, а собраніе можетъ проявить въ самомъ себѣ такое разногласіе, что споръ доводитъ до гражданской войны.

Въ пятыхъ, въ монархіи со стороны правительства возможны гнусные поступки. Напр. монархъ для обогащенія друга можетъ лишить хорошаго гражданина всего имущества. Но тоже самое можетъ сдѣлать и правительственное собраніе. Права верховной власти вездѣ одинаковы, какъ одинаковы и люди; стало-быть, если лесть придворныхъ можетъ вводить въ заблужденіе монарха, то риторы и льстецы также легко и даже еще легче могутъ вводить въ ошибку собраніе; здѣсь члены взаимно служатъ честолюбію и алчности другъ друга. Монархъ имѣетъ разныхъ родственниковъ и друзей и можетъ дѣлать подлости для обогащенія ихъ. Но у членовъ собранія родственниковъ и друзей конечно

еще больше, потому что монархъ одинъ, а ихъ много. Любимцы монарха могутъ оказывать несправедливыя услуги друзьямъ и вредить врагамъ; но и ораторы, имѣющіе вѣсъ въ собраніи, могутъ вредить очень достаточно; зато имѣютъ мало возможности быть полезными. Они уже потому болѣе склонны къ злу, чѣмъ къ добру, что, по свойству человѣческой, природы обвинять гораздо легче, чѣмъ защищать и что осужденіе болѣе походитъ на правосудіе, чѣмъ оправданіе.

Въ шестыхъ, важное неудобство монархіи состоитъ въ томъ, что верховная власть можетъ перейти къ ребенку или къ человѣку глупому, неспособному различать пользу отъ вреда. Тогда права власти должны перейти въ руки другаго лица или собранія, которое будетъ править отъ имени государя въ званіи опекуна или протектора. Но такое званіе и такая выгодная должность возбудитъ соперничество между знатнѣйшими гражданами, а соперничество можетъ произвести смуты и войну. Стало-быть, это неудобство монархіи заключается именно въ томъ, что разрушаетъ государство, возбуждая междоусобіе. Но сущность монархическаго правленія въ этомъ нисколько невиновата. Такіе случаи въ монархіи исключительны и ненормальны. Обыкновенный порядокъ монархій таковъ, что государь, оставляющій малолѣтняго наслѣдника, заранѣе распоряжается, посредствомъ завѣщанія, учрежденіемъ регентства или молчаніемъ своимъ подтверждаетъ обычный порядокъ опеки. Если, несмотря на такія мѣры, возникаютъ соперничество, распри и война, то въ этомъ уже виновата не сущность монархіи, а несправедливость и честолюбіе гражданъ. Если граждане не подвержены этимъ порокамъ, то естественное право устранитъ между ними смуты даже въ томъ случаѣ, когда умершій монархъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій объ опекѣ; естественное право прямо указываетъ, кому ввѣрить опеку, а именно тому, кому по природѣ всего полезнѣе охранить права несовершеннолѣтняго монарха и кому всего невыгоднѣе его погибель или потеря правъ. Всѣ ищутъ личной пользы, и потому если опеку надъ несовершеннолѣтнимъ поручить человѣку, для котораго смерть ребенка была бы средствомъ возвыситься, то это будетъ не опека, а предательство; это все равно, что поручить ягненка попеченію голоднаго волка. Итакъ, если были приняты мѣры, чтобы опека надъ несовершеннолѣтнимъ не послужила поводомъ къ соперничеству и если, несмотря на то, миръ будетъ нарушенъ, то нарушеніе его прійдется приписать не сущности монархіи, а честолюбію и несправедливости гражданъ или непониманію ими своего долга. Напротивъ, обширное государство, управляемое собраніемъ, почти всегда нуждается въ опекунѣ. Прежде всего въ каждомъ собраніи роль опекуна играетъ большинство. Какъ несо-

вершеннолѣтній по незнанію дѣлъ не можетъ не соглашаться съ своимъ опекуномъ, такъ и собранію невозможно не соглашаться съ мнѣніемъ своего большинства. Притомъ какъ несовершеннолѣтнимъ даются опекуны, такъ собраніямъ въ трудныхъ обстоятельствахъ даются диктаторы, протекторы, такъ называемые стражи свободы, custodes libertatis. Эти лица правятъ въ теченіе извѣстнаго срока по-монархически и чаще лишаютъ собранія верховной власти, чѣмъ опекуны несовершеннолѣтнихъ монарховъ.

Я сказалъ, что есть только три государственныя формы: монархія, демократія и аристократія. Но разсматривая государства современныя и древнія, мы встрѣчаемъ такое разнообразіе учрежденій, что намъ кажется, будто государственныхъ формъ гораздо больше. Напримѣръ, въ такъ-называемомъ избирательномъ правленіи монархъ получаетъ верховную власть на извѣстное время; въ другихъ власть монарха, хотя наслѣдственна, но ограничена; тѣмъ не менѣе обѣ эти формы правленія обыкновенно называются монархіей; напротивъ того, государство, завоеванное другимъ, управляемымъ демократіей или аристократіей, и управляемое префектомъ, прокураторомъ или другимъ правителемъ, считается демократическимъ или аристократическимъ. Но въ дѣйствительности все это наоборотъ. Избирательные и ограниченные государи не монархи, потому что не имѣютъ верховной власти, а служатъ ей. Государство, покоренное демократіей или аристократами, но управляемое правителемъ, имѣющимъ въ немъ неограниченное полномочіе, есть монархія.

Избирательный государь съ пожизненной властью, какъ нѣкоторые современные христіанскіе государи, или съ временной, срочной властью, какъ были римскіе диктаторы, обращается въ настоящаго монарха, какъ скоро получаетъ право назначить себѣ преемника, и тогда и самъ онъ, и преемники его пріобрѣтаютъ верховную власть. Но если онъ не имѣетъ этого права, то, стало-быть, оно принадлежитъ кому-нибудь другому, человѣку или собранію, которые уполномочены по смерти его избрать новаго государя. Но, слѣдовательно, этому избирателю или избирательному собранію верховная власть въ государствѣ принадлежитъ еще при жизни государя, потому что иначе они не могли бы дать ее избранному на томъ простомъ основаніи, что нельзя дать того, чего самъ не имѣешь. Изъ этого слѣдуетъ, что если преемство власти не опредѣлено кѣмъ-нибудь заранѣе, то царствующій по выбору государь можетъ и даже долженъ удержать власть за собой, если она дана ему на срокъ, и назначить себѣ преемника, дабы не допустить гражданъ, ввѣренныхъ его заботамъ, возвратиться вопреки закону природы за отсутствіемъ верховной власти въ естественное состояніе войны, гдѣ ихъ ждетъ ги-

бель; короче, избирательный государь долженъ обратиться въ неограниченнаго монарха.

Во вторыхъ, ограниченный государь очевидно имѣетъ меньше власти, чѣмъ тотъ, кто его ограничиваетъ, будетъ ли то одинъ человѣкъ или собраніе. Другими словами, ограниченный государь не имѣетъ верховной власти. Слѣдовательно, эта форма правленія собственно не монархія, а демократія или аристократія. Такъ было въ древней Спартѣ, гдѣ цари имѣли привилегію командовать войсками, но верховная власть принадлежала эфорамъ. Римляне подъ начальствомъ Помпея покорили Іудею. Какимъ же именемъ назвать форму іудейскаго правленія подъ властью римскаго народа? Это не была ни аристократія, ни демократія, потому что іудеями не управляло собраніе ихъ единоплеменниковъ. Но неужели то была монархія, несмотря на то, что верховная власть принадлежала не одному человѣку, а всему римскому народу? Да, именно такъ. Хотя верховная власть римскаго народа въ отношеніи къ римлянамъ была аристократіей или демократіей, но въ отношеніи къ іудеямъ она была монархіей: потому что верховная власть одного государства надъ многими, какъ и власть одного человѣка надъ многими, есть монархія.

Какова бы ни была форма государства, но то, что составляетъ его, т. е. люди, смертно. Умираетъ и отдѣльный человѣкъ, вымираетъ и все общество. Поэтому какъ для учрежденія государства былъ необходимъ искусственный человѣкъ, такъ для сохраненія его необходима искусственная жизнь, безъ которой, по истеченіи срока человѣческой жизни монарха, государство осуждалось бы на погибель. Эта искусственная вѣчность есть то, что называется наслѣдственностью.

Отсюда слѣдуетъ, что государство несовершенно, если государь не обладаетъ правомъ назначать себѣ преемника, ибо если это право не принадлежитъ ему, то, стало-быть, принадлежитъ кому-нибудь изъ подданныхъ, а если такъ, то и самая верховная власть не принадлежитъ государю. Слѣдовательно, это право должно принадлежать или ему, или никому, а въ послѣднемъ случаѣ государство необходимо разрушится вопреки цѣли своего учрежденія.

Въ демократіи правительство могло бы прекратить свое существованіе только въ томъ случаѣ, если-бы всѣ граждане лишились жизни. Стало-быть, вопросъ о наслѣдствѣ верховной власти не касается демократіи.

Въ аристократіи въ случаѣ смерти одного изъ членовъ правительствующаго собранія мѣсто его должно заступить другое лицо по выбору собранія или по назначенію умершаго, если онъ имѣлъ право назначить преемника.

Право наслѣдства представляетъ самыя большія затрудненія въ монархіяхъ. Здѣсь относительно этого права можетъ возникнуть два сомнѣнія: во первыхъ, имѣетъ ли царствующій монархъ право назначать себѣ преемника по своему выбору, и во вторыхъ, какимъ образомъ должно происходить это назначеніе. Но эти сомнѣнія зависятъ только отъ непониманія дѣла. Если вникнуть въ него внимательно, то будетъ очевидно, что, во первыхъ, царствующій государь необходимо имѣетъ право назначать наслѣдника. Иначе по смерти его государство рушится, и останется только толпа, несвязанная государственнымъ союзомъ, гдѣ никто въ частности не можетъ присвоить себѣ право назначить новаго государя, а весь народъ не можетъ ни дѣйствовать, ни говорить, потому что уже не составляетъ единаго лица. Слѣдовательно, общество возвратится въ состояніе войны. Итакъ, самая цѣль учрежденія монархіи доказываетъ, что право назначать преемника принадлежитъ царствующему монарху. Во вторыхъ, назначеніе преемника должно дѣлаться или посредствомъ завѣщанія царствующаго государя, или посредствомъ какого-нибудь иного выраженія его воли.

Монархъ можетъ назначить себѣ преемника письменнымъ завѣщаніемъ или словеснымъ объявленіемъ своей воли, какъ дѣлали первые римскіе императоры. Наслѣдникомъ можетъ быть и не сынъ или ближайшій родственникъ государя, а всякій, кого онъ захочетъ назначить преемникомъ своей власти. Если монархъ яснымъ опредѣленіемъ назначилъ себѣ преемника, то власть переходитъ къ этому наслѣднику тотчасъ послѣ его смерти.

Но если покойный монархъ не оставилъ завѣщанія и не сдѣлалъ никакихъ словесныхъ распоряженій о наслѣдствѣ власти, то надо обратиться къ естественнымъ даннымъ, опредѣляющимъ его волю. Къ числу такихъ данныхъ относится во первыхъ обычай. Въ странѣ, гдѣ власть обыкновенно наслѣдуется ближайшимъ родственникомъ умершаго, этотъ родственникъ долженъ наслѣдовать ее, если умершій государь не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, потому что еслибы онъ хотѣлъ имѣть преемникомъ кого-нибудь другаго, то конечно указалъ бы его. Этотъ законъ наслѣдства власти имѣетъ одинаковую силу какъ въ отношеніи мужеской линіи, такъ и женской. Такимъ образомъ обычай, который легко могъ быть отмѣненъ однимъ словомъ властителя, но остался неотмѣненнымъ, служитъ знакомъ, что онъ и не хотѣлъ отмѣнять его.

Если нѣтъ ни завѣщанія, ни обычая, то существуютъ другія данныя. Во первыхъ, форма правленія должна остаться монархической, потому что умершій властитель одобрилъ ее самымъ дѣломъ — своимъ царствованіемъ, и не оставилъ никакого распоряженія насчетъ ея от-

мѣны; во вторыхъ, должно предполагать, что онъ скорѣе передалъ бы власть своимъ дѣтямъ, чѣмъ кому другому, а изъ дѣтей скорѣе мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ, потому что мужчина по природѣ способнѣе переносить опасности; въ третьихъ, если государь не имѣлъ потомства, то вѣроятно назначилъ бы преемникомъ скорѣе брата, чѣмъ болѣе дальняго родственника, и скорѣе родственника, чѣмъ посторонняго, ибо естественно предположить, что онъ больше любилъ ближайшихъ къ нему людей по крови, если не имѣлъ какихъ-нибудь особенныхъ причинъ измѣнить естественнымъ чувствамъ.

Право монарха назначать преемникомъ кого угодно можетъ, повидимому, оказаться для государства очень опаснымъ. Положимъ напр., что на основаніи этого права монархъ вздумаетъ передать верховную власть иностранному государю. Очевидно, что это можетъ повлечь за собой угнетеніе государства. Притомъ иностранцы обыкновенно незнакомы съ формой правленія и вообще обычаями страны, не знаютъ ея языка, такъ что между государемъ иностранцемъ и подданными легко могутъ возникнуть взаимное презрѣніе и ненависть. На это можно замѣтить, что въ раздорахъ, если они возникнутъ, виноваты будутъ неспособность правителя или своенравіе гражданъ, которые, вопреки своему долгу, возмутятся противъ чужихъ обычаевъ; а если правитель уменъ и граждане покорны, то никакого возмущенія не будетъ. Римляне устраняли возможность такихъ столкновеній въ покоренныхъ государствахъ, давая жителямъ ихъ права римскихъ гражданъ. Такимъ же способомъ нашъ мудрый король Іаковъ хотѣлъ соединить Шотландію съ Англіей, и еслибы ему удалось это, у насъ не могло бы возникнуть гражданской войны, которая подвергла обѣ націи такимъ бѣдствіямъ. Итакъ, назначая преемникомъ иностранца, монархъ нисколько не нарушаетъ права гражданъ, хотя по винѣ правителей и самихъ гражданъ это иногда порождаетъ для государства разныя несчастія. Законность такого назначенія доказывается тѣмъ, что никто не сомнѣвается въ законности перехода государствъ къ иностраннымъ правителямъ по праву наслѣдства, хотя это можетъ дать поводъ къ тѣмъ же невыгодамъ.

ГЛАВА XX.

Правленіе отеческое и деспотическое.

Пріобрѣтенная власть.

Верховная власть можетъ быть учреждена или пріобрѣтена. Она пріобрѣтается насиліемъ, когда граждане, каждый порознь или всѣ большинствомъ голосовъ, обязались повиноваться, вынужденные страхомъ смерти или неволи.

Этотъ родъ владычества или верховной власти отличается отъ власти учрежденной только тѣмъ, что здѣсь граждане подчиняются власти, потому что боятся одного лица, а тамъ потому, что всѣ взаимно боятся другъ друга. Но и здѣсь и тамъ верховная власть основана на страхѣ.

Это должны замѣтить тѣ, кто утверждаетъ, будто договоры, вынужденные страхомъ, недѣйствительны.

Еслибы это было справедливо, то государство ни въ какой формѣ не могло бы по праву требовать повиновенія отъ гражданъ. Недѣйствительность обязательствъ, вынужденныхъ страхомъ, зависитъ не отъ сущности договоровъ, а лишь отъ того, что государство запрещаетъ насиліе и повелѣваетъ доносить о разбояхъ.

Такъ и человѣкъ, у котораго страхомъ вынудили обязательство, освобождается отъ выполненія его не потому, чтобы самый договоръ его былъ недѣйствителенъ, а потому, что верховная власть позволяетъ или приказываетъ ему не соблюдать этого договора. Помимо этого, надо принять за общее правило, что недозволительно нарушать дозволительныя обязательства, при какихъ бы условіяхъ они ни были приняты.

Права верховной власти, какъ учрежденной, такъ и пріобрѣтенной насиліемъ, одинаковы, и безъ согласія обладателя ихъ не могутъ быть ни отняты у него, ни перенесены на другое лице. Слѣдовательно, обладатель ихъ по праву не подлежитъ ни наказанію, ни обвиненію. Онъ заключаетъ миръ, объявляетъ войну, рѣшаетъ, какія ученія должны быть преподаваемы, разбираетъ всѣ споры, назначаетъ военачальниковъ и чиновниковъ, даетъ награды, почести, гражданскія отличія, назначаетъ наказанія и наконецъ составляетъ и издаетъ законы. Все это онъ дѣлаетъ на основаніяхъ, указанныхъ въ предъидущей главѣ.

Отеческая власть.

Власть пріобрѣтается двумя путями—по наслѣдству и завоеваніемъ. Власть, пріобрѣтенная наслѣдственно, подобна власти отца надъ дѣтьми и называется отеческой или патріархальной. Но въ сущности и отеческая власть основана на договорѣ. Отецъ передаетъ свою власть въ наслѣдство сыну не потому, что родилъ его, а потому, что сынъ соглашается на это, выражаетъ свое согласіе прямо или косвенно. Въ рожденіи человѣка участвуютъ двое родителей. Поэтому, еслибы права наслѣдства зависѣли отъ одного рожденія, у человѣка было бы двое властителей, а двумъ властителямъ нельзя повиноваться одновременно. Чтобы устранить такую нелѣпость, нѣкоторые писатели признаютъ только власть отца на основаніи превосходства пола, но это несправедливо. Мужчина не всегда превосходитъ женщину силой и умомъ, чтобы имѣть возможность безъ борьбы присвоивать исключительную власть. Въ государствѣ этотъ споръ рѣшается гражданскимъ правомъ. Если царствуетъ мужчина, то власть надъ царскими дѣтьми принадлежитъ ему, а если царствуетъ женщина, то ей. Въ естественномъ состояніи, гдѣ нѣтъ никакихъ брачныхъ законовъ, кромѣ взаимной любви половъ и естественной заботы о потомствѣ, отецъ и мать или опредѣляютъ свою власть надъ ребенкомъ посредствомъ договора, или вовсе не опредѣляютъ ея. Если существуетъ договоръ, опредѣляющій эту власть, то она принадлежитъ тому, кому предоставлена договоромъ. Такъ Амазонки условились съ сосѣдними мужчинами, чтобы мальчики отсылались къ отцамъ, а дѣвочки оставались у матерей. Но если договора не существуетъ, то власть принадлежитъ матери, потому что въ естественномъ состояніи по отсутствію брачныхъ законовъ отецъ неизвѣстенъ, если на него не укажетъ мать. Поэтому власть зависитъ отъ воли матери, а слѣдовательно ей и принадлежитъ. Съ другой стороны, ребенокъ рождается во власти матери, и отъ нея зависитъ воспитать, бросить или умертвить его. Если мать воспитаетъ ребенка, то этимъ самымъ онъ обязывается повиноваться ей болѣе, чѣмъ комунибудь другому. Итакъ, власть надъ дѣтьми естественно принадлежитъ матери. Но если мать броситъ ребенка, и кто-нибудь другой, найдя его, спасетъ ему жизнь и воспитаетъ его, то власть принадлежитъ воспитателю. Спасшій—непремѣнно господинъ спасеннаго, потому что самосохраненіе составляетъ цѣль, для которой одни подчиняются другимъ.

Если отецъ господинъ матери, то ему принадлежитъ и власть надъ дѣтьми. Но если мать госпожа отца, какъ напримѣръ монархиня, состоящая въ супружествѣ съ подданнымъ, то ребенокъ принадлежитъ ей, какъ госпожѣ своего мужа.

Если мужъ и жена оба монархи двухъ разныхъ государствъ, то власть ихъ надъ дѣтьми опредѣляется договоромъ. Если договора не было, то власть принадлежитъ тому изъ супруговъ, въ монархіи котораго ребенокъ родился, потому что властитель этого государства есть вмѣстѣ съ тѣмъ господинъ всѣхъ рождающихся въ немъ граждана.

Господинъ сына есть вмѣстѣ съ тѣмъ господинъ его дѣтей, потому что кто имѣетъ власть надъ лицомъ, тотъ имѣетъ власть и надъ всѣмъ принадлежащимъ этому лицу.

Отеческое владычество переходитъ отъ одного лица къ другому на основаніи тѣхъ же законовъ наслѣдства, какъ верховная власть въ учрежденной монархіи. Эти законы изложены въ предъидущей главѣ.

Деспотическая власть.

Власть, пріобрѣтенная побѣдой въ войнѣ, называется у нѣкоторохъ писателей деспотической, отъ слова Δεσπότης, господинъ, хозяинъ; стало-быть, это власть господина надъ рабами. Она пріобрѣтается побѣдой, когда побѣжденные во избѣжаніе угрожающей имъ смерти обязуются договоромъ, за дарованіе жизни и физической свободы, повиноваться всѣмъ повелѣніямъ побѣдителя. Такой договоръ дѣлаетъ побѣжденнаго рабомъ побѣдителя. Мы предоставляемъ грамматикамъ разсуждать, происходитъ ли латинское названіе раба—servus отъ servare (спасать) или servire (служить). Но что касается до нашего слова невольникъ, я замѣчу, что оно означаетъ не плѣнника, посаженнаго въ тюрьму или кандалы въ ожиданіи покупщика или хозяина, а человѣка, физически совершенно свободнаго, но принявшаго договорное обязательство поступить въ рабство, т. е. дѣлать все, что прикажетъ господинъ. Невольникъ обязанъ соблюдать свое рабство, тогда какъ плѣнникъ не имѣетъ никакой обязанности, можетъ разбить кандалы, разломать тюрьму, убѣжать, убить побѣдителя или въ свою очередь поработить его.

Слѣдовательно, право господина основано не на побѣдѣ, а на договорѣ съ побѣжденнымъ. Договоръ обязываетъ побѣжденнаго не потому, что онъ взятъ въ плѣнъ, а потому, что онъ подчинилъ себя волѣ побѣдителя. Побѣдитель обязанъ за это даровать побѣжденному жизнь, если таково условіе договора; но если это условіе не входитъ въ договоръ, то онъ можетъ не щадить жизни побѣжденнаго.

Люди обыкновенно просятъ у побѣдителя пощады въ надеждѣ, что, избѣжавъ немедленной смерти, купятъ потомъ жизнь деньгами или рабствомъ. Но побѣдитель вовсе необязанъ принимать этотъ выкупъ. Рабъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности своей жизни только тогда, когда побѣдитель даруетъ ему физическую свободу. Но плѣнникъ въ тюрьмѣ

или въ оковахъ, если дѣлаетъ что-нибудь по приказанію побѣдителя, то не по обязанности, а потому, что боится смерти.

Господинъ раба есть въ тоже время господинъ всего принадлежащаго рабу—имущества, труда, дѣтей, и все пріобрѣтаемое рабомъ принадлежитъ господину. Рабъ покупаетъ жизнь обязательствомъ повиноваться господину; стало-быть, онъ обязуется не владѣть ничѣмъ безъ позволенія господина. Если онъ нарушитъ это обязательство и будетъ за это убитъ, закованъ въ цѣпи или вообще какъ-нибудь наказанъ, то самъ и будетъ виновникомъ своихъ страданій и не можетъ обвинять господина въ несправедливости.

Итакъ, всѣ права и послѣдствія отеческой и деспотической или господской власти одинаковы съ правами учрежденной верховной власти и основаны на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыя мы разсматривали въ предъидущей главѣ. Поэтому, если монархъ владычествуетъ разомъ въ двухъ или болѣе государствахъ и въ одномъ пользуется властью на основаніи учрежденія, а въ другомъ вслѣдствіе завоеванія, то права его и здѣсь, и тамъ совершенно одинаковы; если же онъ управляетъ покореннымъ государствомъ строже, чѣмъ наслѣдственнымъ, то обнаруживаетъ этимъ или пристрастіе, или непониманіе собственныхъ правъ.

Семейство и государство. Отсюда слѣдуетъ также, что семейство или родъ, живущіе внѣ государства, представляютъ собою какъ-бы маленькое государство, въ которомъ дѣйствуютъ тѣ же законы и права, какъ и въ обширномъ политическомъ государствѣ. Такой родъ можетъ состоять или изъ отца и сыновей, или изъ господина и рабовъ, или изъ отца, сыновей и рабовъ; во всякомъ случаѣ отецъ или господинъ имѣютъ всѣ тѣ права, какія принадлежатъ монарху въ государствѣ. Но не смотря на это тождество правъ верховной власти въ семействѣ и государствѣ, семейство далеко не то, что государство, пока численность его такъ слаба, что его можно покорить безъ войны. Очевидно, что если людей такъ мало, что взаимный союзъ не доставляетъ имъ безопасности, то каждый изъ нихъ имѣетъ во время опасности право для сохраненія своей жизни бѣжать или сдаться, не обращая вниманія на этотъ союзъ. Такъ и отрядъ войска, окруженный превосходнымъ непріятелемъ, обыкновенно кладетъ оружіе, проситъ пощады или разбѣгается, а не идетъ на вѣрную смерть.

Права монархіи по св. Писанію. Этимъ мы можемъ закончить наше изслѣдованіе естественныхъ основаній правъ верховной власти. Теперь посмотримъ, чему учитъ объ этомъ Св. Писаніе. Народъ израильскій говорилъ Моисею: Глаголи ты съ нами, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, де не когда умремъ (Исх. XX, 19). Это выражаетъ обязательство повиноваться Моисею безусловно. О правахъ царей самъ Богъ говорилъ черезъ Самуила слѣдующее: Сіе будетъ оправданіе царево, иже царствовати имать надъ вами: сыны ваша возметъ, и поставитъ я колесничники своя, и на кони всадитъ ихъ, и предтекущихъ предъ колесницами его: и поставитъ я себѣ сотники и тысячники, и жателмы жатвы своея, и обимутъ обиманіемъ гроздія его, и творити орудія воинская его, и орудія колесницъ его: и дщери ваша возметъ въ мироварницы, и въ поварницы, и въ хлѣбницы. И села ваша и винограды ваша, и масличины ваша благая возметъ, и дастъ рабомъ своимъ. И сѣмена ваша и винограды ваша одесятствуетъ, и дастъ скопцемъ своимъ, и рабомъ своимъ. И рабы ваша и рабыни ваша и стада ваша благая, и ослы ваша отиметъ, и одесятствуетъ на дѣла своя: и пажити ваша одесятствуетъ, и вы будете ему раби (1 Цар. VIII, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17). Вотъ предписаніе власти безусловной, выраженное въ этихъ заключительныхъ словахъ: И вы будете ему раби. И народъ, выслушавъ слово Божіе о правахъ царя, призналъ ихъ и сказалъ: царь да будетъ надъ нами, и будемъ и мы, яко же вси языцы, и судити имать насъ царь нашъ, и изыдетъ предъ нами, и поборетъ побореніемъ о насъ (1 Цар. VIII, 19, 20). Этимъ народъ подтвердилъ, что царю принадлежитъ верховная власть въ войнѣ и въ судахъ. Это самая безусловная власть, какую люди могутъ дать человѣку. Царь Соломонъ просилъ у Бога слѣдующихъ даровъ: И даси рабу твоему сердце смыслено слышати, и судити люди твоя въ правдѣ, еже разумѣвати посредѣ добра и зла (3 Цар. III, 9). Стало-быть, право судить и право предписывать правила добра и зла, т. е. право законодательства, принадлежитъ обладателю верховной власти. Саулъ искалъ Давида, чтобы убить его; но когда Давидъ могъ убить Саула и служители его убѣждали его сдѣлать это, онъ отвѣчалъ: Ни како же ми отъ Господа, аще сотворю глаголъ сей господину моему христу Господню, еже нанести руку мою нанъ, яко христосъ Господенъ есть сей (1 Цар. XXIV, 7). Этимъ утверждается безнаказанность царей. Апостолъ Павелъ говоритъ о повиновеніи рабовъ: Раби послушайте по всему плотскихъ господій вашихъ (Кол. III, 22); о повиновеніи дѣтей: Чада послушайте родителей своихъ во всемъ (Кол. III, 20). Итакъ, дѣти и рабы обязаны безусловно повиноваться родителямъ и господамъ. Самъ Христосъ говоритъ: На Моусеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите (Матѳ.

XXIII, 2, 3). Стало-быть, вотъ еще заповѣдь о полномъ повиновеніи; и еще: св. Павелъ говоритъ: Воспоминай тѣмъ начальствующымъ и владѣющымъ повиноватися и покарятися (Тит. III, 1). Наконецъ Спаситель показалъ намъ, что должно платить дань, налагаемую верховной гражданской властью; онъ заплатилъ ее самъ и сказалъ: Воздадите убо, яже Кесарева, Кесареви (Лук. XX, 25). Законно все, чего верховная власть требуетъ отъ подданнаго, когда ей нужно, и подданные не имѣютъ права разбирать, дѣйствительно ли ей нужно требуемое или нѣтъ. Это можно доказать словами Христа, который повелѣлъ своимъ ученикамъ: Идита въ весь яже прямо вама: и абіе обрящета осля привязано, и жребя съ нимъ: отрѣшивша приведита ми. И аще вама кто речетъ что, речета, яко Господь ею требуетъ: абіе же послетъ я (Матѳ. XXI, 2, 3). И ученики не спрашиваютъ, дѣйствительно ли нужны Господу этотъ оселъ и жеребенокъ и насколько эта надобность даетъ ему право на нихъ; они безпрекословно повинуются его волѣ.

Кромѣ того въ книгѣ Бытія мы находимъ: И будете, яко бози, вѣдаще доброе и лукавое (Быт. III, 5). Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ сего ялъ еси (Быт. III, 11). Адаму, чтобы испытать его послушаніе, было запрещено отличать добро отъ зла подъ именемъ плодовъ древа познанія. Чтобы возбудить честолюбіе жены, которая уже соблазнялась красотой плодовъ, діаволъ сказалъ ей, что, вкусивъ ихъ, они, какъ боги, будутъ знать добро и зло. Вкусивъ отъ запрещеннаго плода, они захотѣли дѣлать то, что могъ дѣлать одинъ Богъ, захотѣли сами различать добро отъ зла, хотя не пріобрѣли для этого никакой новой способности. Нелѣпо было бы думать, что слова: И отверзошася очи обѣма, и разумѣша, яко нази бѣша (Быт. III, 7) выражаютъ, что прародители были наги, но не видѣли своей наготы. Эти слова выражаютъ, что, вкусивъ запрещеннаго плода, они признали свою наготу, т. е. то состояніе, въ которомъ Богу угодно было создать ихъ,—неприличною, и стыдомъ своимъ осудили дѣло Божіе. Богъ, спрашивая Адама: Кто возвѣсти тебѣ и пр. (Быт. III, 11), говоритъ какъ-бы такъ: какъ ты, обязанный повиноваться Мнѣ, могъ присвоить себѣ право судить Мои дѣйствія? Несмотря на аллегорію, мысль здѣсь очень понятна, а именно, что подданные не должны порицать и осуждать дѣйствій верховной власти.

Верховная власть должна быть безусловной во всѣхъ государствахъ. Итакъ, насколько я понимаю дѣло, не только разумъ, но и Св. Писаніе доказываютъ очевидно, кто верховная власть, принадлежитъ ли она одному человѣку, какъ въ монархіи, или собранію, какъ въ демократіи и аристократіи, должна быть настолько велика, насколько люди могутъ сдѣлать ее великой. Хотя люди находятъ, что неограниченная власть сопровождается для нихъ многими неудобствами, но неудобства, сопровождающія ограниченную власть, т. е. войну всѣхъ противъ всѣхъ, гораздо важнѣе. Полное же счастіе для человѣка невозможно. Притомъ самыя важныя несчастія въ государствахъ происходятъ большею частью отъ своеволія гражданъ и отъ нарушенія договоровъ, въ которыхъ состоитъ сущность государства. Кто, находя верховную власть слишкомъ обширной, будетъ стараться ограничить ее, создастъ этимъ еще болѣе обширную власть, ибо само собою разумѣется, что ограничивающее обширнѣе ограничиваемаго.

Самое сильное возраженіе противъ безусловной власти состоитъ въ вопросѣ, гдѣ и когда подданные даютъ согласіе на подчиненіе верховной власти? Но на это я съ своей стороны спрошу, гдѣ и когда государство, неподчиненное неограниченной верховной власти, было избавлено отъ мятежей и междоусобія? Въ тѣхъ государствахъ, которыя имѣли долгое существованіе и погибли только отъ внѣшней войны, подданные никогда не спорили о правахъ своихъ повелителей. Въ другихъ государствахъ происходили подобные споры и распри; но неужели слѣдовать ихъ примѣру? Если кто-нибудь строилъ домъ на пескѣ, то неужели изъ этого слѣдуетъ, что такъ и должно дѣлать? Наука объ устроеніи и сохраненіи государствъ имѣетъ такія же вѣрныя и безошибочныя основанія, какъ математика и геометрія, и эмпиризмъ въ ней не годится. Но бѣдняки не имѣютъ досуга изучать эти основанія, а тѣ, кто могъ бы этимъ заняться, неспособны понять ихъ.

ГЛАВА XXI.

О свободѣ подданныхъ.

Свобода. Свобода означаетъ собственно отсутствіе противодѣйствія; подъ противодѣйствіемъ я разумѣю внѣшнія препятствія движенію, такъ что свободны могутъ быть и неразумные и неодушевленные предметы, какъ и разумныя и одушевленныя личности. Если предметъ связанъ

или заключенъ во что-нибудь такъ, что можетъ двигаться только въ извѣстномъ пространствѣ, ограниченномъ внѣшними тѣлами, то мы называемъ его несвободнымъ. Такъ напр. животныя, заключенныя въ стѣнахъ клѣтки или привязанныя къ чему-нибудь цѣпями, не имѣютъ свободы идти, куда хотятъ. Но если эта невозможность зависитъ отъ природы самого предмета, то это называется отсутствіемъ не свободы, а силы. Напр. человѣкъ, вынужденный болѣзнью лежать въ постели, не ходитъ по недостатку силы, а не свободы.

Согласно этому коренному и общему значенію слова «свобода», свободнымъ называется тотъ, кому ничто не препятствуетъ дѣлать какое ему угодно употребленіе изъ своихъ силъ и способностей. Въ этомъ смыслѣ свободнымъ можетъ быть названо всякое тѣло; нельзя только придавать этого названія понятіямъ, неотносящимся къ физическимъ тѣламъ, ибо что не можетъ двигаться, то не можетъ и встрѣчать препятствій. Поэтому когда говорятъ, напримѣръ: путь свободенъ, то здѣсь надо разумѣть свободу не пути, а путешественника; въ выраженіи свободный даръ разумѣется не свобода подаренной вещи, а того, кто даритъ ее; свободная рѣчь есть свобода не рѣчи, а говорящаго. Наконецъ, свобода воли значитъ свобода не воли, а того, кто имѣетъ ее.

Сочетаніе свободы съ страхомъ.

Страхъ и свобода совмѣстимы въ одномъ дѣйствіи. Такъ напримѣръ, человѣкъ, страшась кораблекрушенія, бросаетъ въ море свое имущество: онъ дѣйствуетъ здѣсь добровольно и могъ бы не дѣлать этого, еслибы не хотѣлъ; слѣдовательно, онъ дѣйствуетъ свободно.

Другой, боясь тюремнаго заключенія, уплачиваетъ долгъ; онъ дѣйствуетъ свободно, потому что могъ бы и не платить. Стало-быть, всѣ дѣйствія гражданъ, совершаемыя изъ страха передъ закономъ, свободны, если граждане могли по произволу совершать или не совершать ихъ.

Сочетаніе свободы съ необходимостью.

Точно также свобода совмѣстна и съ необходимостью. Вода движется по покатому руслу рѣки свободно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по естественной необходимости. Такимъ же образомъ свободны и въ тоже время необходимы всѣ произвольныя дѣйствія; они совершаются свободно, но вытекаютъ изъ необходимости, потому что обусловливаются данными условіями, независящими отъ воли дѣйствующаго лица. Эти условія вызываются извѣстными причинаи, которыя въ свою очередь имѣютъ свои причины и такъ далѣе, до послѣдней причины, которая есть Богъ. Еслибы мы могли при всякомъ дѣйствіи обозрѣть связь всѣхъ причинъ его, то вполнѣ убѣдились бы въ роковой необходимости каждаго поступка. Богъ, который все видитъ и

всѣмъ располагаетъ, видитъ и эту связь, т. е. необходимость всѣхъ явленій, вызываемыхъ его волей. Люди, правда, часто поступаютъ противъ божественныхъ законовъ, т. е. дѣлаютъ много такого, чего Богъ не можетъ быть виновникомъ. Но тѣмъ неменѣе, у нихъ нѣтъ ни одной страсти, ни одного желанія или намѣренія, которыя не имѣли бы первой причины въ волѣ Божіей. Еслибы человѣческая воля, а слѣдовательно и всѣ зависящія отъ нея дѣйствія не были подчинены волѣ Божіей, т. е. закону необходимости, то свобода человѣческой воли уничтожала бы всемогущество, всевѣдѣніе и свободу Бога, т. е. могла бы противиться всѣмъ законамъ природы. Сказаннаго о естественной свободѣ въ собственномъ смыслѣ достаточно для нашей цѣли.

Искусственныя препятствія или договоры.

Люди въ видахъ самосохраненія и мира изобрѣли искусственнаго человѣка, называемаго государствомъ. Такимъ же образомъ изобрѣтены искусственныя узы, называемыя гражданскими законами. Ихъ можно представить въ видѣ цѣпи, прикрѣпленной однимъ концомъ къ устамъ лица, которому ввѣрена верховная власть, а другимъ—къ ушамъ гражданъ. Расторгнуть эти воображаемыя узы, конечно, очень легко, и если они оказываются прочными, то не по трудности расторгнуть ихъ, а по опасности, съ которой сопряжено это расторженіе.

Этими-то искусственными узами уничтожается свобода подданныхъ. Но такъ какъ невозможно предписать законы для всѣхъ дѣйствій, то подданные имѣютъ свободу въ отношеніи тѣхъ дѣйствій, которыя не опредѣлены законами, но только въ отношеніи ихъ однихъ. Въ этихъ границахъ всякій свободенъ дѣлать все, что ему кажется наиболѣе полезнымъ для него.

Вотъ слѣдовательно, въ чемъ состоитъ гражданская свобода. Еслибы подъ именемъ ея разумѣлась только тѣлесная свобода, т. е. отсутствіе тюрьмы и оковъ, то какъ нелѣпо было бы со стороны людей вопить о свободѣ, которой они и безъ того такъ очевидно пользуются. Если же подъ гражданской свободой разумѣть отсутствіе законовъ, то требовать ея еще нелѣпѣе; въ самомъ дѣлѣ, не безразсудно ли желать того, что предаетъ мое существованіе на произволъ перваго встрѣчнаго? Но какъ это ни нелѣпо, люди требуютъ подобной свободы, не зная, что законы сами по себѣ безсильны защитить ихъ, если нѣтъ вооруженной власти, сосредоточенной въ рукахъ одного или многихъ лицъ, которая приводила бы ихъ въ исполненіе.

Свобода подданныхъ простирается, стало-быть, только на тѣ вещи или дѣйствія, на которыя нѣтъ законныхъ опредѣленій; напр. покупать, продавать, вообще заключать между собой договоры, выбирать

себѣ жилище, пищу, образъ жизни, воспитывать по своему разумѣнію своихъ дѣтей и тому подобное.

Свобода подданныхъ согласна съ неограниченной властью правительства.

Свобода подданныхъ нисколько не уничтожаетъ и не ограничиваетъ права правительства располагать жизнью и смертью гражданъ. Мы доказали выше, что правительство не можетъ нарушать правъ гражданъ, не можетъ совершить несправедливости или безправія въ собственномъ смыслѣ, потому что каждый гражданинъ самъ виновникъ всякаго поступка верховной власти; стало-быть, эта власть никогда не можетъ нарушить права подданнаго, хотя, будучи сама подчинена Богу, обязана въ отношеніи Его соблюдать естественные законы. Итакъ, если, какъ часто бываетъ, верховная власть приказываетъ лишить жизни невиннаго, то здѣсь нѣтъ несправедливости. Такъ напр. Іефѳай принесъ въ жертву дочь; Давидъ погубилъ Урію; здѣсь Давидъ поступилъ безнравственно и тяжко согрѣшилъ предъ Богомъ, но передъ самимъ Уріей былъ правъ, потому что Урія былъ отвѣтственнымъ виновникомъ всѣхъ дѣйствій Давида. Самъ Давидъ сознавалъ это и, раскаяваясь въ поступкѣ, говорилъ Богу: Тебѣ единому согрѣшихъ (Псал. VIII, 6). На томъ же основаніи аѳинскій народъ, изгоняя важнѣйшихъ гражданъ на десять лѣтъ изъ государства, не совершалъ этимъ несправедливости, хотя бы изгнанный былъ невиненъ. Никто не спрашивалъ даже, какое преступленіе совершилъ изгоняемый, а просто полагалось изгнать его. Каждый гражданинъ приносилъ въ собраніе устричную раковину, на которой надписывалъ имя того, кого желалъ изгнать, ни въ чемъ впрочемъ не обвиняя его. Такъ аѳиняне изгнали Аристида, котораго сами прозвали Справедливымъ, потому что онъ слишкомъ прославился, и точно также изгнали низкаго шута Гипербола, потому что захотѣли пошутить надъ нимъ. Но нельзя сказать, что аѳиняне нарушили права этихъ изгнанниковъ, какъ нельзя сказать, чтобы вслѣдствіе этихъ изгнаній всѣ прочіе аѳиняне лишились свободы поступать справедливо и скоморошествовать.

Свобода, которую восхваляютъ древніе греческіе и римскіе историки и философы и нынѣшніе ораторы и писатели, желающіе усвоить себѣ политическій взглядъ грековъ и римлянъ, есть свобода не частныхъ лицъ, а правителей. Ибо это та свобода, какую имѣли бы люди, еслибы не существовало гражданскихъ законовъ, т. е. еслибы не было государства. Послѣдствія такого состоянія извѣстны: здѣсь каждый воюетъ съ сосѣдомъ; отецъ не можетъ оставить наслѣдства сыну, сынъ не ждетъ его отъ отца; нѣтъ никакой собственности; ничто не обезпечено; но каждый пользуется полной и неограниченной свободой. Точно также государства, неподчиненныя другъ другу, пользуются въ отношеніи одно другаго полной свободой дѣлать все, что угодно, т. е. что̀ правители или правительства ихъ считаютъ для себя выгоднымъ. Оттого между государствами всегда господствуетъ военное положеніе; они постоянно держатся наготовѣ къ борьбѣ и грозятъ другъ другу боевыми силами. Итакъ, если говорятъ, что аѳиняне и римляне были свободны, это значитъ, что государства ихъ были независимы; но вовсе не значитъ, чтобы каждый аѳинянинъ или римлянинъ имѣлъ право противиться своему правительству. На воротахъ Лукки написано крупными буквами: СВОБОДА. Тѣмъ неменѣе граждане Лукки пользуются не большей свободой, чѣмъ жители Константинополя; и тѣ, и другіе одинаково подчинены своимъ правительствамъ. Люди легко увлекаются сладкимъ именемъ свободы, потому что смѣшиваютъ права, могущія принадлежать только государству, съ правами гражданъ и воображаютъ, что можно обратить государственныя права въ частное достояніе. Это заблужденіе поддерживается авторитетомъ многихъ знаменитыхъ писателей, такъ что немудрено, если порождаетъ мятежи и государственные перевороты. Мы, обитатели западныхъ странъ, заимствовали свои понятія объ учрежденіи и о правахъ государства изъ сочиненій Аристотеля, Цицерона и другихъ греческихъ и римскихъ писателей. Эти писатели выводили эти понятія не изъ естественныхъ началъ, а просто изъ того, что̀ видѣли. Они заимствовали свои политическіе идеалы изъ своей дѣйствительности, принимая за общее правило то, что представляла имъ ихъ государственная жизнь, какъ грамматики выводятъ общія правила рѣчи изъ сочиненій Гомера и Виргилія. Какъ граждане государствъ демократическихъ или аристократическихъ, они не признавали иной формы правленія. Такъ аѳиняне утверждали, что свободны только граждане государствъ, управляемыхъ народомъ, а всѣ подданные монарховъ — рабы. Аристотель пишетъ въ своей «Политикѣ» (Lib. VI, cap. 2), что свобода существуетъ лишь въ демократіи, а въ другихъ государственныхъ формахъ свободныхъ людей нѣтъ. Тоже проповѣдывали Цицеронъ и другіе писатели. Римскіе писатели основывали свои политическія теоріи на фактахъ римскаго гражданскаго быта; притомъ въ Римѣ ненависть къ монархіи велась по преданію отъ предковъ, которые, низложивъ своего царя, раздѣлили между собой верховную власть. Наши соотечественники, начитавшись этихъ греческихъ и римскихъ авторовъ и съ юныхъ лѣтъ напитавшись ихъ мнѣніями, увлеклись ложнымъ понятіемъ свободы и пріобрѣли страсть заводить мятежи, надзирать за дѣйствіями верховной власти и наконецъ за дѣйствіями самихъ надзирателей. Все это сопровождалось страшнымъ кровопролитіемъ, такъ что смѣло можно

сказать, что ни одна еще вещь не обошлась никому такъ дорого, какъ греческій и латинскій языки западнымъ націямъ.

Теперь посмотримъ, въ чемъ состоитъ истинная свобода гражданъ, т. е., въ какихъ случаяхъ можно, не нарушая справедливости, отказывать верховной власти въ повиновеніи. Чтобы отвѣтить на это, необходимо подробнѣе разсмотрѣть, отъ какихъ правъ мы отрекаемся, учреждая государство. Другими словами: въ какихъ отношеніяхъ связываемъ мы себя, принимая на себя отвѣтственность за всѣ дѣйствія лица или собранія, которому ввѣряемъ верховную власть. Въ самомъ подчиненіи этой власти заключается и обязательство, и свобода: поэтому изъ этого акта подчиненія надо выводить доказательства какъ свободы, такъ и обязательства. Чужое обязательство, т. е. несозданное самимъ лицомъ, принимающимъ его, не можетъ обязывать, потому что по природѣ всѣ люди имѣютъ равную свободу. Стало-быть, чтобы считать человѣка обязаннымъ, надо, чтобы онъ или произнесъ слова: Принимаю на себя отвѣтственность за всѣ дѣйствія лица, которому мы ввѣряемъ верховную власть, или чтобы видна была цѣль, которая должна была возбудить въ немъ желаніе подчинить себя верховной власти, а именно, доставить себѣ миръ и защиту отъ враговъ. Вотъ, стало-быть, откуда проистекаютъ всѣ обязательства гражданъ, и отсюда же должно заимствовать основанія ихъ свободы.

Итакъ, во первыхъ, мы знаемъ, что государство учреждается посредствомъ договоровъ каждаго съ каждымъ. Очевидно при этомъ, что каждый гражданинъ сохраняетъ полную свободу относительно всего, что по существу своему неотчуждаемо и непереносимо, такъ что не можетъ быть уступлено по договору другому лицу. Такимъ образомъ мы видѣли въ XVI главѣ, что даже прямое обѣщаніе не защищать себя противъ насилія не можетъ имѣть обязательной силы. Слѣдовательно, если имѣющій верховную власть повелитъ гражданину, хотя бы справедливо осужденному къ смерти, убить, изуродовать, ранить самого себя, не сопротивляться насилію противъ своей личности, отказаться отъ пищи, лекарства, воздуха или другаго предмета, безъ котораго невозможно жить, то этотъ гражданинъ воленъ не повиноваться.

Если правительство или его уполномоченный спрашиваетъ гражданина о преступленіи, совершенномъ самимъ допрашиваемымъ, то, не получивъ заранѣе прощенія, онъ не обязанъ сознаваться, ибо, какъ показано выше, нельзя обязаться договоромъ обвинять самого себя.

Гражданинъ подчиняетъ себя верховной власти, говоря: я принимаю на себя отвѣтственность за всѣ дѣйствія того, кому мы ввѣряемъ верховную власть. Но эти слова не могутъ ограничить

естественной свободы. Гражданинъ даетъ имъ позволеніе убить себя, но не принимаетъ обязательства убивать самъ себя по повелѣнію верховной власти. Большая разница сказать: убей меня или моего согражданина—и: я убью себя или моего согражданина. Изъ этого слѣдуетъ, что невозможно дать обязательства убить себя или своего согражданина. Слѣдовательно, если человѣкъ оказывается обязаннымъ исполнить по повелѣнію верховной власти какое-нибудь опасное или безчестное дѣло, то этотъ долгъ зависитъ уже не отъ договора при учрежденіи государства. Такая обязанность вытекаетъ, стало-быть, изъ цѣли, ради которой учреждено государство. Еслибы отказъ въ повиновеніи противорѣчилъ этой цѣли, то гражданинъ не воленъ ослушаться. Но если отказъ не противорѣчитъ этой цѣли, то каждый можетъ поступить по своей естественной свободѣ. Напр. получивъ повелѣніе идти сражаться противъ общаго врага, можно, не нарушая справедливости, иногда отказаться отъ этого и поставить вмѣсто себя другаго не менѣе способнаго воина. Поступая такимъ образомъ, человѣкъ все-таки не оставляетъ государство безъ своей помощи. Впрочемъ верховная власть и здѣсь не утрачиваетъ права наказать за непослушаніе. Кромѣ того верховная власть необходимо должна сдѣлать нѣкоторыя уступки естественной робости многихъ людей, нетолько женщинъ, отъ которыхъ никто и не требуетъ исполненія обязанностей, сопряженныхъ съ опасностями, но и мужчинъ, имѣющихъ женоподобный духъ. Въ сраженіи разныя причины могутъ побудить воиновъ къ бѣгству; бѣгущій съ поля битвы не по измѣнѣ, а изъ страха поступаетъ не несправедливо, а постыдно или безчестно. По той же причинѣ человѣкъ, который уклоняется идти въ бой, не дѣлаетъ несправедливости, а только обнаруживаетъ трусость. Но кто самъ добровольно записался въ воины, тотъ уже не имѣетъ права извиняться природной робостью и обязанъ не только вступать въ бой, но и не обращаться въ бѣгство безъ приказанія вождя. Равнымъ образомъ когда для спасенія государства нужно содѣйствіе всѣхъ гражданъ, то никто способный носить оружіе или сколько-нибудь содѣйствовать защитѣ не имѣетъ права отказаться отъ военной службы; если граждане не хотятъ или боятся защищать государство, то безполезно было бы и учреждать его.

Граждане невольны обнажать мечъ противъ государственнаго меча. Никто не имѣетъ права силою защищать другаго, виновнаго или невиннаго, противъ правительства. Иначе верховная власть не могла бы защищать гражданъ, и была бы нарушена самая цѣль государства. Но предположимъ, что значительное число людей совершило какое-нибудь важное преступленіе противъ верховной власти, такъ что должны ожи-

дать себѣ смерти, если сами не защитятъ себя. Вольны ли они защищать другъ друга соединенными силами? Конечно, вольны, потому что защищать жизнь одинаково дозволительно какъ виновнымъ, такъ и невиннымъ. Несправедливостью было только первое нарушеніе долга, т. е. то преступленіе, которое навлекло на нихъ опасность, а въ томъ, что послѣ того они взялись за оружіе для своей защиты, нѣтъ никакой несправедливости. Но если имъ предложено прощеніе, то они уже не могутъ оправдывать себя необходимостью самозащиты, и если продолжаютъ сопротивляться, то поступаютъ несправедливо.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ свобода гражданъ обусловливается молчаніемъ закона. Всякій воленъ дѣлать или не дѣлать все, что не опредѣлено закономъ; свобода эта можетъ быть болѣе или менѣе обширна, смотря по волѣ верховной власти. Такъ напр. въ Англіи прежде человѣкъ могъ силою изгнать изъ своего помѣстья того, кто несправедливо овладѣлъ имъ. Но впослѣдствіи законами, постановленными королемъ въ парламентѣ, граждане были лишены свободы силою расправляться съ своими врагами. Такъ въ нѣкоторыхъ странахъ люди вольны имѣть сколько угодно женъ, а въ другихъ не могутъ имѣть больше одной жены. Если между подданнымъ и правительствомъ возникнетъ споръ о правѣ владѣнія землей или имуществомъ, объ уплатѣ долга, о вознагражденіи за трудъ, о тѣлесномъ или денежномъ наказаніи, основанномъ на существующихъ законахъ, то гражданинъ можетъ дѣйствовать въ этомъ спорѣ противъ правительства точно также, какъ дѣйствовалъ бы противъ согражданина, т. е. начать тяжбу, въ которой судьей будетъ правительство. Правительство можетъ рѣшить тяжбу или взявъ во вниманіе существующіе законы, или просто въ силу своей верховной власти. Въ первомъ случаѣ оно очевидно не хочетъ искать болѣе, чѣмъ ему слѣдуетъ по закону, и, стало-быть, гражданинъ можетъ, не нарушая справедливости, вступить съ нимъ въ тяжбу. Во второмъ случаѣ гражданинъ обязанъ безпрекословно подчиниться его произволу, потому что, рѣшая споръ въ силу своей верховной власти, правительство рѣшаетъ его по уполномоченію самого гражданина, а слѣдовательно, противодѣйствуя ему, гражданинъ будетъ противодѣйствовать самъ себѣ.

Если монархъ или верховное собраніе дастъ одному или многимъ гражданамъ какую-нибудь привилегію, т. е. исключительное право или исключительную вольность, несовмѣстную съ благосостояніемъ всего народа, то эта уступка не имѣетъ силы, когда не сопровождается яснымъ отреченіемъ правительства отъ своей верховной власти или перенесеніемъ ея на другое лицо. Понятно, что правительство, еслибы захотѣло, могло бы въ ясныхъ словахъ отказаться отъ верховной власти или перенести ее на другое лицо. Однако оно не сдѣлало этого, и потому остается заключить, что оно не хотѣло ни отказываться отъ нея, ни переносить ее на другое лицо. Слѣдовательно, уступка его произошла отъ непониманія противорѣчія между дарованной вольностью и правами верховной власти. Такимъ образомъ вольность оказывается недѣйствительной, и верховная власть остается за тѣмъ, кто ее имѣлъ, и при всѣхъ своихъ неотчуждаемыхъ правахъ, каковы право войны и мира, суда, право назначать общественныхъ сановниковъ и служителей и проч., исчисленныя въ XVIII главѣ.

Граждане сохраняютъ свои обязанности въ отношеніи правительства до тѣхъ поръ, пока оно имѣетъ силу защищать ихъ, но не далѣе. Естественное право людей защищать самихъ себя, если никто другой не въ состояніи защитить ихъ, не можетъ быть уничтожено никакимъ договоромъ. Правительство есть душа государства. Какъ скоро душа отдѣлится отъ тѣла, члены перестаютъ получать отъ нея движеніе. Цѣль повиновенія состоитъ въ доставленіи себѣ защиты. Найдя какого-нибудь болѣе вѣрнаго защитника, чѣмъ правительство, человѣкъ естественно оказываетъ ему повиновеніе и старается сохранить его покровительство. Вообще несомнѣнно, что хотя въ намѣреніи учредителей верховная власть предполагается безсмертной, но по своей природѣ она подвержена не только насильственной смерти въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, но и гибели отъ внутреннихъ зародышей смерти, вносимыхъ въ нее при самомъ ея учрежденіи и представляемыхъ человѣческими страстями и заблужденіями.

Гражданинъ, потерявшій на войнѣ свободу или все, что необходимо для его существованія, имѣетъ полное право принять предложеніе врага, если тотъ соглашается даровать ему жизнь и тѣлесную свободу съ условіемъ, чтобы онъ сдѣлался его подданнымъ. Принявъ это предложеніе, онъ дѣлается подданнымъ побѣдителя. Онъ имѣетъ право поступить такъ, потому что иначе не можетъ спасти себя. Если врагъ держитъ человѣка въ тюрьмѣ или въ оковахъ, не довѣряя ему тѣлесной свободы, то плѣнникъ несвязанъ договоромъ и потому можетъ убѣжать или спасти себя какимъ-нибудь другимъ образомъ.

Если монархъ отказывается отъ верховной власти за себя и за своихъ наслѣдниковъ, то граждане возвращаются къ неограниченной естественной свободѣ. Природа опредѣляетъ, кто сынъ или ближайшій родственникъ монарха. Но, какъ показано въ предъидущей главѣ, опредѣленіе наслѣдника зависитъ отъ воли самого монарха. Слѣдовательно, если онъ вовсе не захочетъ имѣть наслѣдника, то верховная власть и подчиненіе поги-

баютъ. Тоже бываетъ если онъ умретъ, не оставивъ родныхъ и не назначивъ наслѣдника. Въ такихъ случаяхъ граждане никому необязаны повиновеніемъ, потому что неизвѣстно, кому оказывать его.

Если правительство пошлетъ подданнаго въ изгнаніе, то изгнанникъ перестаетъ быть его подданнымъ. Но кто посланъ въ чужое государство съ какимъ-нибудь порученіемъ или кто получилъ дозволеніе путешествовать, тотъ остается гражданиномъ и подданнымъ. Впрочемъ и это зависитъ отъ особаго соглашенія между государствами, а не отъ обязанностей подданнаго, потому что всякій вступающій въ предѣлы чужаго государства подчиняется его законамъ, если договоромъ между государствами ему не дарованы исключительныя права.

Если монархъ, будучи побѣжденъ на войнѣ, сдѣлается подданнымъ побѣдителя, то граждане освобождаются отъ обязательствъ въ отношеніи его и должны повиноваться уже побѣдителю. Но если монархъ содержится въ плѣну, не отрекаясь отъ своихъ правъ, то не теряетъ верховной власти въ своемъ государствѣ. Поэтому подданные обязаны оказывать обычное повиновеніе назначеннымъ имъ сановникамъ и начальникамъ. Такъ какъ новыхъ властей онъ не можетъ назначить, то подданные обязаны повиноваться прежнимъ, которыхъ онъ поставилъ до плѣна.

ГЛАВА XXII.

О гражданскихъ союзахъ.

Виды гражданскихъ союзовъ

Мы сказали о происхожденіи, формѣ и власти государства. Теперь разсмотримъ его части и прежде всего то, что связываетъ эти части между собой, какъ связки тѣла. Союзъ есть соединеніе извѣстнаго числа людей на общее дѣло. Союзы бываютъ правильные и неправильные. Правильные союзы тѣ, гдѣ одинъ человѣкъ или собраніе служитъ представителемъ всѣхъ прочихъ членовъ союза. Всѣ другіе неправильны.

Правильные союзы могутъ быть абсолютны или независимы, т. е. не подчинены никому, кромѣ собственнаго представителя; таковы одни государства. О нихъ мы говорили въ пяти предъидущихъ главахъ.

Другіе правильные союзы подчиненные; здѣсь и всѣ члены, и представитель ихъ подчинены общей верховной власти государства.

Изъ подчиненныхъ союзовъ одни бываютъ политическими, другіе — частными. Политическіе союзы, называемые также политическими тѣлами, суть тѣ, которые учреждены верховной государственной властью.

Частные союзы суть тѣ, которые учреждены самими гражданами или какой-нибудь посторонней властью, которая не можетъ считаться общественной, потому что существуетъ внѣ общества.

Частные союзы могутъ быть дозволительны или недозволительны. Дозволительны — одобряемые государствомъ, а прочіе недозволительны.

Неправильные союзы, не имѣя представителя, представляютъ просто толпу, стеченіе людей. Если такіе союзы незапрещены гражданскимъ закономъ и не имѣютъ злаго умысла, какъ напр. стеченіе народа на рынокъ, на празднество или съ тому подобной невинной цѣлью, то они дозволительны. Но если толпа собирается съ злымъ умысломъ или намѣреніе ея неизвѣстно и притомъ она велика, то собраніе недозволительно.

Ограниченность власти союзовъ подчиненныхъ.

Въ подчиненныхъ союзахъ власть представителя всегда опредѣляется верховной гражданской властью; въ противномъ случаѣ союзъ былъ бы не подчиненнымъ союзомъ, а государствомъ. Но государство есть представитель всѣхъ гражданъ, а потому частный союзъ не можетъ присвоить себѣ государственной власти безъ согласія самого государства. Дозволить подчиненному союзу гражданъ имѣть верховное представительство составляющихъ его людей — все равно, что уволить эту часть гражданъ отъ обязанности въ отношеніи государства, т. е. произвести раздѣленіе верховной власти во вредъ миру и благосостоянію всего общества. Правительство не можетъ сдѣлать этого иначе, какъ освободивъ въ ясныхъ словахъ всѣхъ гражданъ отъ повиновенія ему. Безъ полнаго отреченія отъ власти, правительство не можетъ освободить отъ подчиненія себѣ часть гражданъ, какъ бы ясно ни заявляло свое желаніе освободить ихъ. Этимъ словамъ противорѣчитъ его дѣйствіе, т. е. то, что оно удерживаетъ за собой верховную власть. А когда слова противорѣчатъ дѣйствіямъ, то не выражаютъ настоящей воли и только доказываютъ заблужденіе или ложь, которымъ подлежитъ всякій человѣкъ.

Границы власти подчиненнаго союза опредѣляются грамотами правительства и законами государства.

При учрежденіи и пріобрѣтеніи государства нѣтъ надобности засвидѣтельствовать эти акты письменно, потому что здѣсь учреждаемая или пріобрѣтаемая власть не имѣетъ иныхъ границъ, кромѣ естественныхъ законовъ; но въ подчиненныхъ союзахъ необходимо столько ограниченій власти, столько условій, связывающихъ ее относительно образа дѣйствій, времени и мѣста, что если они незаписаны, то ихъ нельзя удержать въ памяти, ни обнародовать, чтобы сдѣлать общеизвѣстными.

Многія изъ этихъ ограниченій нельзя предусмотрѣть и вполнѣ ясно оговорить въ грамотахъ, выдаваемыхъ при самомъ учрежденіи союза. Поэтому права союза опредѣляются еще общими гражданскими законами.

Отсюда слѣдуетъ, что каждое дѣйствіе лица, представляющаго подчиненный союзъ, совершенное хотя бы отъ лица союза, но переступающее предѣлы, опредѣленные союзу грамотами и гражданскими законами, принадлежитъ ему, а не союзу, и кромѣ него никто изъ членовъ союза неотвѣтственъ за такое дѣйствіе. За предѣлами, предписанными грамотами и законами, никто не имѣетъ другаго лица, кромѣ своего собственнаго. Но всякое дѣйствіе, совершаемое представителемъ въ предѣлахъ законовъ и грамотъ, есть вмѣстѣ дѣйствіе каждаго изъ членовъ союза. Каждый гражданинъ есть отвѣтственный виновникъ дѣйствія, совершаемаго по волѣ верховной власти; а если дѣйствіе не отступаетъ отъ грамотъ и законовъ верховной власти, но оно есть дѣйствіе самой верховной власти, и потому всѣ члены союза, какъ граждане, суть его отвѣтственные виновники.

Если союзъ представляется собраніемъ, то все, что сдѣлаетъ и рѣшитъ это собраніе, нарушая свои грамоты и государственные законы, падетъ на отвѣтственность всего союза и, кромѣ того, всякаго, кто подалъ голосъ въ пользу этого дѣйствія или рѣшенія. Но отвѣтственности не будутъ подлежать тѣ, кто подавалъ голосъ противъ и кто отсутствовалъ. Дѣйствіе приписывается всему собранію, потому что принадлежитъ большинству его. Если дѣйствіе преступно, то собраніе должно быть наказано въ размѣрахъ, въ какихъ можетъ подлежать наказанію; напримѣръ, его можно наказать уничтоженіемъ союза, что для такихъ фиктивныхъ тѣлъ равняется смертной казни, или денежнымъ штрафомъ, если собраніе имѣетъ общую казну.

Отъ тѣлесныхъ наказаній сама природа освобождаетъ союзы этого рода. Члены, неподававшіе голосовъ въ пользу преступнаго дѣйствія, рѣшеннаго собраніемъ, невинны, и такъ какъ собраніе на основаніи своихъ грамотъ не можетъ представлять никого въ непозволительныхъ вещахъ, то голоса этихъ невинныхъ не могутъ считаться заодно съ голосами виновныхъ.

Если представитель союза не собраніе, а одинъ человѣкъ, и онъ занялъ деньги у лица, непринадлежащаго къ союзу, то никто, кромѣ него, не обязанъ уплачивать его долгъ. Грамоты и законы не ограничиваютъ его права занимать деньги, предоставляя самимъ людямъ ограничивать себя въ этомъ отношеніи. Однако онъ не можетъ воспользоваться этимъ умолчаніемъ, чтобы заставить другихъ платить свои долги, и члены подчиненнаго союза не обязаны выплачивать деньги, занятыя ихъ представителемъ. Въ отношеніи кредитора, непринадлежащаго къ союзу, должникомъ будетъ только тотъ, кто обѣщалъ заплатить ему долгъ, и кредиторъ не знаетъ иного должника, кромѣ человѣка, занявшаго у него деньги. Итакъ, послѣдній одинъ и есть должникъ и обязанъ заплатить долгъ изъ общей казны или изъ своего частнаго имущества. Точно также долженъ уплачиваться штрафъ, наложенный верховной властью государства на представителя подчиненнаго союза.

Но если союзъ представляется собраніемъ, и оно занимаетъ деньги у человѣка, непринадлежащаго къ союзу, то уплатить долгъ обязаны всѣ, по рѣшенію которыхъ былъ сдѣланъ долгъ. Всякій изъ нихъ тѣмъ самымъ, что подалъ голосъ въ пользу займа, принялъ на себя обязательство уплатить весь долгъ; если долгъ уплатитъ кто-нибудь одинъ, то всѣ прочіе освобождаются отъ уплаты.

Если деньги заняты у кого-нибудь изъ членовъ собранія, то платить ихъ обязано все собраніе, т. е. весь союзъ. Если заимодавецъ подалъ свой голосъ въ пользу займа, то и онъ изъявилъ желаніе уплатить его; впрочемъ хотя бы онъ и подалъ свой голосъ противъ займа или находился во время разсужденій о немъ въ отсутствіи, но тѣмъ самымъ, что далъ деньги, онъ уже выразилъ желаніе сдѣлать заемъ и, стало-быть, уплатить долгъ; такимъ образомъ онъ въ одно и тоже время и беретъ, и даетъ взаймы и потому можетъ требовать уплаты долга только отъ всего союза. Если союзъ не въ состояніи уплатить его изъ общей казны, то заимодавецъ не имѣетъ никакого средства возвратить свои деньги, и ему остается пенять только на самого себя, что такъ неблагоразумно отдалъ свои деньги взаймы.

Отсюда очевидно, что въ союзахъ, подчиненныхъ власти государства, члену нетолько дозволительно, но и должно иногда протестовать противъ рѣшеній собранія, не соглашаться съ ними и требовать, чтобы протестъ его былъ записанъ. Въ противномъ случаѣ ему пришлось бы платить долги, сдѣланные другими. Но въ собраніи, которому при-

надлежитъ верховная государственная власть, такіе протесты недозволительны, потому что они выражали бы отрицаніе верховной власти; притомъ всѣ граждане и каждый порознь суть отвѣтственные виновники всѣхъ дѣйствій верховной власти.

Виды подчиненныхъ союзовъ. Союзы правительственные.

Подчиненные союзы бываютъ различны почти до безконечности. Они различаются нетолько по цѣлямъ учрежденія, которыя могутъ быть очень разнообразны, но и по времени, мѣсту, числу, такъ какъ всѣ эти обстоятельства имѣютъ важное значеніе для опредѣленія сущности союза. Такъ союзы учреждаются для управленія провинціей съ властью, опредѣленной государственными грамотами. Впрочемъ примѣры провинцій, управляемыхъ собраніями, пребывающими въ самой провинціи, рѣдки. Римляне управляли своими провинціями черезъ проконсуловъ, преторовъ, прокураторовъ, а не посредствомъ собраній, какъ управлялся самъ Римъ. Такъ и у насъ верховная власть надъ Виргиніей и надъ Бермудскими островами принадлежитъ лондонскимъ собраніямъ, но этими колоніями управляютъ губернаторы. Всякій человѣкъ естественно желаетъ участвовать въ правленіи той страны, гдѣ живетъ; но въ той странѣ, гдѣ онъ лично не находится, онъ также естественно желаетъ, чтобы общественная власть принадлежала одному лицу, а не собранію. Даже въ частной жизни человѣкъ, обладающій многими помѣстьями, желая облегчить себѣ труды по управленію ими, избираетъ себѣ въ помощники не толпу друзей и слугъ, а одного друга или служителя и ввѣряетъ ему управленіе своимъ имѣніемъ. Однако управленіе провинціей или колоніей можетъ быть поручаемо и собранію. Если такое собраніе сдѣлаетъ долгъ или постановитъ какое-нибудь неправильное рѣшеніе, то, какъ мы объяснили выше, за все это отвѣчаютъ только члены, изъявившіе согласіе на подобное постановленіе, а протестовавшіе или отсутствовавшіе неотвѣтственны. За предѣлами своей колоніи собраніе не имѣетъ никакой власти надъ лицами или имуществами членовъ колоніи, такъ что не можетъ конфисковать за долгъ имущества члена, находящіяся внѣ колоніи; внѣ ея собраніе не имѣетъ и правъ судебной власти. Хотя собраніе имѣетъ право подвергать взысканію своихъ членовъ, если они нарушатъ его законы, но не можетъ производить это взысканіе внѣ колоніи. Сказанное объ управленіи провинціей или колоніей относится и къ управленію городомъ, университетомъ, коллегіей, церковью и т. д.

Въ случаѣ возникновенія тяжбы между подчиненнымъ союзомъ и однимъ изъ членовъ его, разбирательство и рѣшеніе спора принадлежитъ гражданскимъ судьямъ, поставленнымъ верховной государственной властью,

а не самому союзу, который, стало-быть, относится къ каждому изъ своихъ членовъ, какъ одинъ гражданинъ къ другому. Напротивъ того, верховное государственное собраніе бываетъ судьей и въ собственномъ дѣлѣ, потому что кромѣ него некому быть судьей.

Союзы торговые.

Если предстоитъ надобность въ общемъ управленіи торговыми дѣлами многихъ лицъ, то всего удобнѣе поручить его собранію всѣхъ участвующихъ въ этихъ дѣлахъ. Доступъ въ собраніе и право подачи голоса должны принадлежать всякому, кто внесъ деньги на предпріятіе собранія. Мало такихъ богатыхъ купцовъ, которые могутъ купить корабль и нагрузить его своими товарами. Это заставляетъ купцовъ соединяться и составлять союзы или торговыя общества. Цѣль такого союза заключается въ доставленіи составляющимъ его торговцамъ возможности съ большей выгодой и удобнѣе вести торговлю по правиламъ, постановленнымъ ими самими и утвержденнымъ государственной грамотой. Если этой грамотой имъ однимъ дозволяется покупать предметы, которые выгодно вывозить изъ государства, и однимъ продавать предметы, ввозимые въ государство, по правиламъ своего союза, то это называется двойной монополіей. Монополіи выгодны торговцамъ, но отчасти вредны прочимъ гражданамъ. Купцы, покупая у гражданъ товары безъ конкурентовъ, могутъ пріобрѣтать ихъ дешево, что выгодно для нихъ, но убыточно для всѣхъ прочихъ. Точно также, продавая иностранные товары безъ конкурентовъ, они могутъ назначать на нихъ дорогую цѣну, что опять выгодно для нихъ и убыточно для гражданъ. Кромѣ того, такъ какъ они и покупаютъ иностранные товары безъ конкурентовъ, то могутъ платить за нихъ дешево, что также выгодно для нихъ и убыточно для иностранцевъ. Наконецъ, продавая иностранцамъ свои туземныя произведенія безъ конкурентовъ, они продаютъ ихъ дорого, и это опять выгодно для нихъ и вредно для иностранцевъ. Стало-быть, для государства было бы выгодно даровать своимъ торговцамъ монополію на продажу и покупку товаровъ заграницей. Но вредно для гражданъ дозволять купцамъ продавать ввозные товары по произвольной цѣнѣ. Такъ какъ члены торговаго общества внесли въ него свои деньги, и каждый изъ нихъ ожидаетъ прибыли, пропорціональной своему взносу, то имъ полезно присутствовать при совѣщаніяхъ собранія, просматривать отчеты и т. д. Слѣдовательно, въ торговомъ союзѣ власть должна принадлежать общему собранію членовъ его, т. е. такой союзъ долженъ управляться по образцу демократіи.

Если торговое общество состоитъ должнымъ деньги человѣку, не принадлежащему къ нему, то всякій членъ порознь обязанъ въ случаѣ

надобности уплатить весь долгъ: заимодавецъ, не будучи членомъ союза, не имѣетъ никакого понятія объ искусственномъ лицѣ союза и предполагаетъ, что ему должны всѣ естественныя лица членовъ союза; но если заимодавецъ членъ союза, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ должникъ и потому можетъ требовать уплаты долга только отъ союза, т. е. изъ общей казны. Если государство потребуетъ денегъ отъ союза въ силу своей верховной власти, то деньги должны быть уплачены членами и внесены каждымъ пропорціонально своему торговому взносу, потому что торговый союзъ не имѣетъ иныхъ общихъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя вносятся каждымъ членомъ для торговли.

Если торговый союзъ подвергается денежной пенѣ за какое-нибудь преступленіе, то уплатить пеню обязаны только тѣ, кто подавалъ голосъ за совершеніе преступленія или помогалъ его совершенію. Прочіе не участвуютъ въ преступленіи, если не считать преступленіемъ ихъ участіе въ виновномъ союзѣ. Но это не преступленіе, потому что союзъ учрежденъ съ разрѣшенія государственной власти.

Если одинъ изъ членовъ союза долженъ союзу деньги и не платитъ ихъ, то союзъ обязанъ дѣйствовать противъ него по гражданскимъ законамъ. Имущество должника можетъ быть взято, и самъ онъ можетъ быть заключенъ въ тюрьму, но не властью союза, а государственною властью, потому что союзъ относится къ своему члену, какъ одинъ гражданинъ къ другому.

Союзы совѣщательные или депутатскія собранія.

Подчиненные союзы могутъ быть также учреждаемы на извѣстный, заранѣе опредѣленный срокъ. Напримѣръ, монархъ можетъ, если ему угодно, повелѣть разнымъ частямъ своего царства избрать депутатовъ и прислать ихъ въ назначенное время и мѣсто для сообщенія ему свѣдѣній о состояніи его владѣній, для подачи ему совѣта относительно изданія новыхъ законовъ и т. п.; притомъ онъ будетъ говорить съ этимъ собраніемъ депутатовъ, какъ съ однимъ лицомъ, представляющимъ всѣхъ гражданъ по отношенію къ тѣмъ дѣламъ, которыя монархъ представитъ на ихъ разсмотрѣніе, но отнюдь не въ отношеніи какихъ бы то ни было другихъ дѣлъ. Собраніе это, въ томъ мѣстѣ, куда созвано и въ теченіе того срока, на который созвано, есть правильный союзъ, служащій представителемъ всѣхъ гражданъ государства въ отношеніи дѣлъ, которыя монархъ поручитъ ему разсмотрѣть. Но какъ скоро монархъ объявитъ, что болѣе не остается никакихъ дѣлъ для разсмотрѣнія собранія, то этотъ союзъ тотчасъ прекращаетъ свое существованіе. Если бы онъ представлялъ всѣхъ гражданъ въ отношеніи всѣхъ дѣлъ, то, стало быть, имѣлъ бы верховную власть, и такимъ образомъ въ одномъ государствѣ оказалось бы

два правительства, что противорѣчитъ миру и благосостоянію народа. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію такого союза, опредѣлены заранѣе той самой грамотой, которой онъ созывается, и потому народъ можетъ избирать депутатовъ только для той цѣли, которая указана въ грамотѣ монарха.

Частные правильные союзы. Семейство.

Частный правильный и дозволительный союзъ учреждается безъ грамоты или повелѣнія верховной власти, но на основаніи законовъ, общихъ для всѣхъ гражданъ. Онъ правиленъ, если имѣетъ одного общаго представителя. Такой союзъ представляетъ семейство, гдѣ отецъ служитъ представителемъ всего семейства въ той мѣрѣ, въ какой это допускается гражданскими законами; дѣти и рабы обязаны повиноваться ему во всемъ, что не противорѣчитъ гражданскимъ законамъ, потому что до учрежденія государства отецъ имѣлъ верховную власть надъ дѣтьми и рабами, и отцы утратили только ту часть этой власти, которая съ ихъ согласія отмѣнена гражданскими законами.

Частные правильные союзы недозволительные.

Правильные, но недозволительные союзы составляются людьми, соединяющимися подъ однимъ общимъ представительствомъ, но противъ воли верховной власти. Таковы союзы нищихъ и воровъ, составляемые, чтобы удобнѣе нищенствовать и воровать. Непозволительны также тѣ частные союзы или общества, которыя учреждаются какой-нибудь посторонней, внѣшней властью для распространенія извѣстныхъ ученій или для поддержанія извѣстной партіи вопреки волѣ верховной власти.

Неправильные союзы.

Неправильные союзы, т. е. просто сборища или стеченія народа безъ опредѣленной цѣли, безъ взаимнаго обязательства, вызываются только сходствомъ въ желаніяхъ или правахъ толпы. Они позволительны или непозволительны, смотря по тому, позволительны или непозволительны желанія собравшихся лицъ. О желаніяхъ же можно судить на основаніи повода къ сборищу.

Частные союзы между гражданами, обыкновенно заключаемые для взаимной защиты, излишни въ государствѣ, которое есть общій союзъ всѣхъ гражданъ для той же цѣли; поэтому ихъ всегда можно заподозрѣвать въ замыслахъ противъ государства, и, стало-быть, они непозволительны. Ихъ обыкновенно называютъ заговорами и тайными обществами, когда намѣреніе гражданъ, соединяющихъ свои силы, остается неизвѣстнымъ и скрывается, какъ несправедливое и опасное для государства.

Тайныя общества и заговоры.

Если верховная власть принадлежитъ большому собранію, и одна его часть, безъ вѣдома прочихъ, согласится

между собой управлять по своему произволу всѣмъ собраніемъ, то это будетъ тайное общество и непозволительное соглашеніе людей, которые изъ честолюбія желаютъ обманомъ возбудить гражданъ къ мятежу. Но когда въ собраніи обсуждается чей-нибудь частный интересъ, заинтересованное лицо можетъ пріобрѣтать сторонниковъ какъ угодно и сколько угодно, потому что въ этомъ случаѣ оно, хотя бы и было членомъ собранія, дѣйствуетъ уже какъ частное лицо. Оно не дѣлаетъ несправедливости, пріобрѣтая сторонниковъ подкупами, если только это не запрещено закономъ. Если человѣкъ видитъ, что безъ подкупа нельзя добиться правосудія, то можетъ дать взятку: всякій человѣкъ считаетъ свое дѣло правымъ и старается всячески выиграть его.

Частныя вооруженія или кланы.

Во всѣхъ государствахъ признается непозволительнымъ гражданину держать больше слугъ и рабовъ, чѣмъ ему нужно по его состоянію и дѣламъ. Его охраняетъ государство, и потому частная сила не нужна ему для обороны. У народовъ, мало цивилизованныхъ, многочисленныя семьи или роды живутъ въ постоянной враждѣ и дѣйствуютъ другъ противъ друга частными силами этихъ племенныхъ или семейныхъ союзовъ. Но въ государствѣ это немыслимо, и потому такіе союзы недозволительны.

Партіи.

Точно также недозволительны всѣ частные союзы, имѣющіе цѣлью дать извѣстную форму религіи, каковы партіи папистовъ, протестантовъ и проч., или государству, какъ были патриціи и плебеи въ Римѣ или аристократы и демократы въ древней Греціи; всѣ подобныя партіи вредны для мира и безопасности общества и должны быть подавляемы верховной властью.

Стеченіе народа.

Стеченіе народа есть неправильный союзъ, дозволительный или недозволительный, смотря по обстоятельствамъ и потому, какъ велико стеченіе. Если цѣль стеченія извѣстна и дозволительна, оно дозволительно, какъ напр. сходбище въ церкви или въ театрѣ и притомъ въ обычномъ числѣ. Если число значительно больше обыкновеннаго и если люди не могутъ указать законной причины своего присутствія въ толпѣ, то ихъ можно заподозрить въ мятежномъ замыслѣ. Такъ напр. если тысяча человѣкъ подаетъ прошеніе сановнику или судьѣ, то, хотя это, быть можетъ, не запрещено положительно закономъ, однако такое стеченіе есть мятежный безпорядокъ, потому что тоже дѣло могъ бы сдѣлать одинъ или два человѣка. Нельзя указать предѣловъ, за которыми численность толпы становится недозволительной; можно только сказать, что численность толпы недозволительна, если въ случаѣ надобности обыкновенные общественные служители не могутъ справиться съ стеченіемъ, а также если стеченіе очевидно не соотвѣт-

ствуетъ своей цѣли. Напр. если большая толпа людей собирается въ судъ, чтобы кого-нибудь обвинить, это стеченіе непозволительно, потому что обвиненіе очевидно могло быть принесено однимъ человѣкомъ или нѣсколькими. Такъ въ Эфесѣ Димитрій съ огромной толпой пришелъ къ судьѣ, судившему двухъ спутниковъ св. Павла, восклицая: Велика Діана Эфесская! Въ этомъ случаѣ, если принять въ соображеніе законы этого государства, причина стеченія была справедлива; но стеченіе народа было незаконно, и судья порицалъ его: аще убо Димитрій, и иже съ нимъ художницы, имутъ къ кому слово, суды суть и анѳипати суть: да поемлютъ другъ на друга. Аще ли же что о иныхъ ищете, въ законномъ собраніи разрѣшится. Ибо бѣдствуемъ порицаеми быти о крамолѣ днешней, ни единѣй винѣ сущей, о ней же возможемъ воздати слово стремленія сего (Дѣян. XIX, 38, 39, 40). Этимъ мы можемъ закончить наше разсужденіе о гражданскихъ союзахъ. Ихъ можно сравнить съ соотвѣтствующими имъ частями человѣческаго тѣла, именно законные—съ связками, а незаконные—съ нарывами, наростами и опухолями, происходящими отъ скопленія вредныхъ соковъ.

ГЛАВА XXIII.

Объ общественныхъ служителяхъ верховной власти.

Общественные служители.

Общественный служитель есть тотъ, кто въ дѣлахъ, касающихся государства, представляетъ лицо государства по уполномочію верховной власти. Такъ какъ верховный повелитель представляетъ два лица, естественное и политическое, или, какъ многіе выражаются, имѣетъ двѣ способности, естественную и политическую, то служащій обладателю верховной власти, какъ лицу естественному, не есть общественный служитель. Общественный служитель только тотъ, кто служитъ ему по управленію общественными дѣлами. Привратники, разсыльные и другіе люди, только услуживающіе членамъ верховнаго собранія, также мало могутъ считаться общественными служителями, какъ

и рабы и домашніе служители монарха, служащіе ему какъ лицу естественному.

Инымъ общественнымъ служителямъ поручается управленіе всѣмъ государствомъ; такъ напримѣръ, монархъ можетъ поручить протектору или регенту опеку надъ своимъ несовершеннолѣтнимъ преемникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе всѣмъ царствомъ. Тогда всѣ граждане обязаны повиноваться протектору и исполнять его повелѣнія, если они даются именемъ несовершеннолѣтняго монарха и не противорѣчатъ его верховной власти. Другимъ служителямъ поручается управленіе отдѣльной провинціей, когда монархъ или верховное собраніе назначаетъ ихъ губернаторами, намѣстниками, вице-королями какой-нибудь области и страны. Тогда всѣ жители этой провинціи обязаны повиноваться губернатору во всемъ, что онъ приказываетъ именемъ монарха или верховнаго собранія и что непротивно верховной власти. Но приказанія намѣстниковъ и регентовъ, нарушающія права верховной власти, недѣйствительны, потому что помимо верховной власти они не имѣютъ никакихъ правъ. Общественныхъ служителей можно сравнить съ мускулами и сухожиліями, которые приводятъ въ движеніе члены человѣческаго тѣла.

Иные общественные служители имѣютъ спеціальное назначеніе, т. е. имъ поручаются опредѣленныя занятія въ отечествѣ или за границей. Такъ служитель, управляющій государственной экономіей, называется казначеемъ; верховная власть даетъ ему полномочіе принимать, хранить, выдавать государственные доходы, и онъ обязанъ отдавать отчетъ въ своемъ управленіи. Онъ общественный служитель, потому что служитъ верховной власти, какъ лицу государства.

Вовторыхъ, общественнымъ служителямъ поручается завѣдываніе военными дѣлами, приготовленіе и храненіе оружія, устройство крѣпостей, портовъ, вербовка войскъ, командованіе ими, платежъ имъ жалованья, пріобрѣтеніе предметовъ, необходимыхъ для войны на морѣ и на сушѣ. Простой воинъ, хотя сражается за государство, не представляетъ государства ни передъ кѣмъ и потому не можетъ считаться общественнымъ служителемъ. Но полководецъ—общественный служитель, потому что представляетъ государство въ отношеніи воиновъ, которыми начальствуетъ. Лица, уполномоченныя учить народъ, суть общественные служители, потому что занимаются общественнымъ дѣломъ и на основаніи полномочія общественной власти. Но право учить народъ дано Богомъ непосредственно только монархамъ и верховнымъ собраніямъ, и они одни учатъ и повелѣваютъ Божіей милостью. Служители же получаютъ право учить непосредственно отъ верховной власти, хотя посредственно оно дается имъ Богомъ. Стало-быть, они пользуются своей властью

по милости Божіей и царской или по усмотрѣнію Божественнаго промысла и по волѣ государя.

Далѣе, лица, получившія отъ государства судебную власть, т. е. власть разбирать тяжбы, суть общественные служители, потому что они представляютъ въ судахъ верховное правительство, и приговоры ихъ считаются рѣшеніями государства, т. е. верховной власти, которой, какъ мы показали выше, принадлежитъ право разбирать тяжбы. О чемъ бы ни шелъ споръ, о фактѣ ли, или о правѣ, во всякомъ случаѣ судья есть общественный служитель.

Къ числу общественныхъ служителей принадлежатъ также люди, которымъ верховная власть поручаетъ приводить въ исполненіе приговоры судей, обнародывать повелѣнія верховной власти, подавлять волненія, брать и заключать въ тюрьмы преступниковъ и исполнять другія порученія, необходимыя для сохраненія мира: дѣйствія такихъ людей суть дѣйствія государства, и этихъ служителей можно сравнить съ руками человѣческаго тѣла.

За предѣлами отечества общественными служителями считаются всѣ представители монарха или верховнаго собранія въ отношеніи иностранныхъ государствъ. Таковы посланники, нунціи, агенты и герольды, посылаемые въ другія государства по правительственному полномочію съ общественнымъ порученіемъ. Но лица, посылаемыя къ иностраннымъ правительствамъ какой-нибудь мятежной партіей во время смутъ въ государствѣ, не могутъ считаться ни общественными, ни частными служителями, потому что они не посланы государствомъ. Точно также посланникъ, отправляемый какимъ-нибудь государемъ къ другому государю для поздравленія, выраженія соболѣзнованія или для присутствованія при какомъ-нибудь празднествѣ, хотя имѣетъ общественное полномочіе, но не есть общественный служитель, потому что выполняетъ частное дѣло. Нельзя также считать общественнымъ служителемъ посланнаго въ иностранное государство за совѣтомъ и за какими-нибудь свѣдѣніями. Хотя въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ и государственное полномочіе, и общественное порученіе, но остается частнымъ служителемъ, потому что не представляетъ свое правительство. Такого агента можно сравнить съ глазомъ въ человѣческомъ организмѣ. Но если онъ уполномоченъ обратиться къ чужому народу отъ имени своего правительства, то, стало-быть, представляетъ свое правительство и долженъ считаться общественнымъ служителемъ.

Совѣтники и даже собранія совѣтниковъ не принадлежатъ къ числу общественныхъ служителей, если, не имѣя ни исполнительной, ни судебной власти, имѣютъ только право въ затруднительныхъ обществен-

ныхъ обстоятельствахъ дать правительству совѣтъ. Этотъ совѣтъ дается монарху въ его присутствіи, а въ его присутствіи никто не можетъ представлять его. Въ верховномъ правительственномъ собраніи члены также не суть общественные служители, потому что въ собраніи отдѣльный членъ не можетъ представлять все собраніе.

ГЛАВА XXIV.

О питаніи и размноженіи государства.

Питаніе государства зависитъ отъ количества и распредѣленія предметовъ, необходимыхъ для жизни, и отъ ихъ производства, приготовленія и употребленія для общей пользы.

Матеріалъ питанія. Количество этихъ предметовъ, т. е. матеріалъ питанія, зависитъ отъ условій самой природы. Эти предметы—плоды, которые Богъ или даетъ человѣческому роду даромъ, или заставляетъ его покупать трудомъ, добывая изъ лона общей матери нашей, земли, и моря. Богъ такъ щедро осыпалъ поверхность земли всѣмъ нужнымъ для человѣка—животными, растеніями, минералами, что людямъ стоитъ только захотѣть, чтобы взять ихъ. Стало-быть, полученіе необходимыхъ для жизни предметовъ въ изобиліи зависитъ только отъ насъ самихъ, отъ нашего прилежанія и труда.

Всѣ предметы, производимые землей и моремъ, равно какъ и вещи, выдѣлываемыя изъ естественныхъ произведеній, частью производятся въ данномъ государствѣ, частью ввозятся въ него изъ другихъ странъ. Нѣтъ такого обширнаго государства, которое само производило бы все нужное для своихъ обитателей, а съ другой стороны всякое государство и всякая страна производитъ что-либо излишнее. Этотъ излишекъ однако необходимъ, чтобы восполнять недостатокъ въ туземныхъ произведеніяхъ посредствомъ обмѣна, войны и труда. Трудъ, какъ и все прочее, можетъ быть предметомъ обмѣна между людьми.

Распредѣленіе этого матеріала. Распредѣленіе этого матеріала питанія составляетъ сущность понятій моего, твоего, своего, т. е. понятія собственности. Собственность во всѣхъ государствахъ получила свое начало отъ верховной власти. Гдѣ нѣтъ государства, тамъ все принадлежитъ всѣмъ, идетъ непрерывная война, и всякое благо принадлежитъ тому, кто овладѣетъ имъ и сохранитъ его посредствомъ насилія. Это не собственность и не общее владѣніе, а борьба. Это такъ очевидно, что самъ Цицеронъ, пламеннѣйшій защитникъ свободы, относитъ учрежденіе собственности къ гражданскимъ законамъ и говоритъ, что если они будутъ уничтожены или несоблюдаемы, то никто не можетъ быть увѣренъ въ полученіи чего бы то ни было отъ предковъ и въ возможности оставить что-нибудь дѣтямъ. Далѣе онъ выражается такъ: «Уничтожьте гражданскіе законы, и никто не будетъ знать различія между своимъ и чужимъ». Будучи дѣломъ государства, учрежденіе собственности зависитъ отъ того, кто имѣетъ въ государствѣ верховную власть. Собственность опредѣляется гражданскими законами; но верховная власть въ государствѣ нераздѣльна съ властью законодательною. Даже древніе, повидимому, понимали это, потому что называли законъ νόμος т. е. распредѣленіе, и сообразно этому опредѣляли справедливость какъ распредѣленіе между людьми всего такъ, чтобы каждому пришлось принадлежащее ему по праву.

Слѣдовательно, если государство имѣетъ или пріобрѣло войной незаселенную землю, то раздѣлъ ея между гражданами зависитъ отъ воли верховной власти. Ее должно дѣлить не поровну между всѣми гражданами или извѣстнымъ числомъ гражданъ, не такъ, какъ было бы выгоднѣе раздѣлить ее для общаго блага, а такъ, какъ вздумается правительству. Израильскій народъ во время странствованія въ пустынѣ уже составлялъ государство, но еще не владѣлъ обѣтованной землей. Пріобрѣтя ее, онъ раздѣлилъ ее не по своему произволу, а по волѣ первосвященника Элеазара и вождя Іисуса. Такъ и права собственности англичанъ ведутъ своего начало отъ произвола Вильгельма Завоевателя.

Отсюда слѣдуетъ, что право собственности состоитъ въ томъ, что гражданинъ можетъ не дозволять пользоваться своей землей всѣмъ прочимъ гражданамъ, но отнюдь не верховной власти. Его право не исключаетъ собою права верховной власти на ту же землю, и правительство всегда удерживаетъ верховное право на нее кому бы она ни принадлежала, одному ли человѣку, или цѣлому обществу. Всегда должно предполагать, что правительство раздѣлило земли и вообще установило извѣстный порядокъ для блага и мира государства. Я не отрицаю, что монархъ или верховное собраніе можетъ часто поступать во вредъ собственному благу, даже противъ собственной совѣсти и противъ естественныхъ законовъ; но нельзя допустить, чтобы это давало гражданамъ право поднимать противъ него оружіе, обвинять его или даже

порицать его и дурно отзываться о немъ, ибо всѣ они сами отвѣтственные виновники всѣхъ его дѣйствій.

При раздѣлѣ земель правительство можетъ оставить за собою какую угодно часть ихъ и обработывать ее въ свою частную пользу, какъ частный гражданинъ. Но какъ ни была бы велика эта часть, ея недостаточно для покрытія всѣхъ расходовъ государства и для его обороны. Но еслибы даже ея было достаточно, то человѣческія страсти и слабости, у правительственныхъ лицъ ничѣмъ несвязанныя, вскорѣ сдѣлали бы ее недостаточной. Напрасно было бы назначать на государственные расходы какую бы то ни было долю общественнаго достоянія. Тогда, какъ скоро верховная власть попала бы въ руки монарха или собранія, неспособныхъ беречь общественнаго достоянія или безразсудно вовлекающихъ государство въ слишкомъ продолжительную войну, требующую большихъ издержекъ, государство раззорилось бы безвозвратно. Государство требуетъ умѣренности въ расходахъ. Расходы его опредѣляются не имъ самимъ, а внѣшними обстоятельствами, волей сосѣдей. Стало-быть, этими же условіями опредѣляется и общественное достояніе. Такимъ образомъ назначеніе опредѣленной доли общественнаго имущества на государственные расходы ни къ чему не повело бы; первый же государь могъ бы тотчасъ продать или раздарить эту долю, что нерѣдко и случается.

Верховной власти принадлежитъ также право опредѣлять, какіе предметы и въ какія страны можно вывозить и какіе откуда можно ввозить гражданамъ. Если дозволить каждому поступать въ этомъ отношеніи по своему произволу, то найдутся люди, которые станутъ продавать врагамъ предметы, могущіе приносить вредъ государству, и ввозить въ государство вещи, быть можетъ, соблазнительныя, но вредныя или безполезныя. Итакъ, верховной власти принадлежитъ право назначать мѣста и предметы торговли.

Кромѣ того, граждане не могутъ обходиться одними собственными полями и произведеніями одного личнаго труда каждаго. Имъ необходимо закрѣплять за собой то, чѣмъ они овладѣваютъ посредствомъ обмѣна при взаимномъ соглашеніи, причемъ каждый, конечно, ищетъ того, что ему необходимо для жизни и ея удобствъ. Здѣсь также воля верховной власти опредѣляетъ, какимъ образомъ и въ какой формѣ граждане должны дѣлать соглашенія между собой при продажѣ, покупкѣ, мѣнѣ, займахъ, ссудахъ, арендахъ и наймахъ. Всѣ эти соглашенія получаютъ силу только по волѣ верховной власти.

Деньги—кровь государства.

Я называю приготовленіемъ или вареніемъ приведеніе предметовъ потребленія въ такое состояніе, что они,

не уменьшаясь въ количествѣ, могутъ быть не тотчасъ потребляемы, а сберегаемы на будущее время, переносимы съ мѣста на мѣсто въ какомъ угодно количествѣ, не обременяя людей, и представлять каждому человѣку во всякомъ мѣстѣ и во всякое время готовую пищу и все прочее, что ему можетъ понадобиться. Такія удобства представляетъ серебряная и золотая монета, потому что почти на всемъ земномъ шарѣ эти два металла цѣнятся весьма высоко и служатъ самымъ удобнымъ мѣриломъ для оцѣнки всѣхъ прочихъ предметовъ. Въ данномъ государствѣ мѣриломъ цѣнности при обмѣнѣ вещей можетъ служить всякая монета, установленная правительствомъ и отмѣченная государственной печатью; но золото и серебро цѣнятся всюду. Обращаясь въ государствѣ, монета питаетъ гражданъ и такимъ образомъ представляетъ какъ-бы кровь государства; въ естественномъ организмѣ кровь также вырабатывается изъ плодовъ земли и, обращаясь въ тѣлѣ, питаетъ его.

Золотыя и серебряныя деньги цѣнятся по своему матеріалу и потому имѣютъ то преимущество, что повышеніе или пониженіе ихъ цѣны не зависитъ отъ одного или нѣсколькихъ государствъ, тогда какъ деньги изъ болѣе дешеваго вещества легко падаютъ и поднимаются въ цѣнѣ. Вслѣдствіе этого только съ помощью серебра и золота можно, когда нужно, распространить власть государства на другія страны, содержать и вооружать войска за предѣлами отечества и проч. Деньги же изъ дешеваго матеріала какъ будто не терпятъ перемѣны климата и принуждены оставаться дома то въ большей, то въ меньшей цѣнѣ, причемъ владѣльцы ихъ иногда терпятъ убытокъ.

Доходъ и расходъ.

Эта общественная кровь имѣетъ два движенія—одно къ внѣшнимъ частямъ тѣла, другое къ внутреннимъ: первое есть расходъ, второе—приходъ. Доходъ идетъ отъ частныхъ лицъ черезъ сборщиковъ и пріемщиковъ къ казначеямъ; расходъ идетъ отъ казначеевъ къ тѣмъ служителямъ, которые расходуютъ общественныя деньги, а отъ нихъ къ частнымъ лицамъ. И въ этомъ отношеніи искусственный организмъ имѣетъ сходство съ естественнымъ. Въ естественномъ организмѣ вены, принимая кровь отъ внѣшнихъ частей тѣла, доставляютъ ее сердцу; оттуда она опять уносится артеріями, оживляетъ члены и сообщаетъ имъ движеніе.

Размноженіе государства.

Потомство государства составляютъ колоніи или такъ называемыя поселенія. Они состоятъ изъ гражданъ, посылаемыхъ государствомъ подъ начальствомъ вождя или правителя для заселенія и обработки земель, лежащихъ внѣ государства. Колонія можетъ быть или государствомъ, если освобождается отъ власти выславшаго ее правительства, или провинціей метрополіи. Метрополія тре-

бует отъ колоніи того же, чего обыкновенно требуютъ отцы отъ взрослыхъ сыновей, именно, колонія должна оказывать метрополіи уваженіе и помощь. Права колоній опредѣляются грамотами государствъ, которымъ онѣ обязаны происхожденіемъ.

ГЛАВА XXV.

О совѣтѣ.

Совѣтъ. Ничто такъ ясно не показываетъ, дочего привычка къ неправильнымъ выраженіямъ можетъ вводить въ заблужденіе, какъ смѣшеніе понятій совѣта и повелѣнія. Смѣшеніе это зависитъ оттого, что въ обоихъ случаяхъ, въ совѣтѣ и въ повелѣніи, употребляется повелительное наклоненіе. И повелитель, и совѣтникъ говорятъ одинаково: «Сдѣлай то-то». Одинаковая форма рѣчи дотого сбиваетъ людей съ толку, что теперь мало кто понимаетъ разницу между совѣтомъ и повелѣніемъ и, даже зная къ кому обращена рѣчь, не могутъ разобрать дается ли здѣсь совѣтъ или приказъ. Тѣмъ болѣе чтеніе книгъ, гдѣ эти понятія смѣшиваются или недостаточно различаются, приводитъ многихъ къ убѣжденію, что давать совѣтъ все равно что приказывать.

Разница между совѣтомъ и приказомъ. Чтобы дать правильное понятіе о томъ, что значитъ приказывать, совѣтовать и убѣждать, я опредѣляю эти понятія слѣдующимъ образомъ. Повелѣваетъ тотъ, кто говоритъ: сдѣлать то-то, или не дѣлать того-то,— не представляя на это никакихъ основаній, кромѣ своей воли. Очевидно при этомъ, что, давая приказаніе, человѣкъ имѣетъ въ виду собственную пользу, потому что приказаніе есть выраженіе воли, а предметомъ воли всегда бываетъ личная польза.

Совѣтуетъ тотъ, кто говоритъ сдѣлать то-то, или не дѣлать того-то, доказывая, что этотъ поступокъ будетъ полезенъ для человѣка, которому совѣтуется; совѣтующій имѣетъ въ виду не свою пользу, а благо того, кому совѣтуетъ.

Итакъ между приказомъ и совѣтомъ большая разница, а именно, первый направленъ къ собственной пользѣ, а второй къ чужой. Изъ этого различія вытекаетъ другое, а именно, что получающій приказаніе можетъ быть обязанъ къ повиновенію, если съ нимъ заключенъ договоръ, обязывающій его повиноваться, тогда какъ получающій совѣтъ не можетъ быть обязанъ поступить согласно совѣту. Какъ скоро онъ былъ бы обязанъ договоромъ слѣдовать совѣту, то данное ему указаніе было бы уже не совѣтъ, а приказъ. Третье различіе между совѣтомъ и приказомъ состоитъ въ томъ, что никто не можетъ заявлять притязаній на право давать совѣты, потому что по самой сущности совѣта предполагается, что въ немъ не заинтересовано личное благо совѣтника; но каждый имѣетъ право совѣтоваться съ другими, чтобы узнать ихъ мнѣніе и извлечь изъ этого себѣ какую-нибудь пользу, которая, какъ я сказалъ, составляетъ существенную цѣль всякаго желанія.

Изъ сущности совѣта вытекаетъ еще, что просящій его не можетъ по праву ни наказать, ни обвинить дающаго; такимъ образомъ, нельзя наказывать того, кто даетъ совѣтъ правительству, монарху или собранію по ихъ собственной просьбѣ, хотя бы совѣтъ его не понравился имъ. Впрочемъ если гражданинъ посовѣтуетъ другому сдѣлать что-нибудь противозаконное, то правительство можетъ по справедливости наказать его, какъ за злой умыселъ; его не можетъ оправдать даже незнаніе, что внушенный имъ поступокъ запрещенъ закономъ, потому что невѣдѣніемъ закона оправдываться нельзя, и каждый долженъ знать законы, которымъ обязанъ повиноваться.

Уговариваніе и отговариваніе. Уговариваніе или отговариваніе также совѣтъ, но даваемый лицомъ, которое сильно желаетъ, чтобы его послушались; уговаривающій вообще не придерживается въ своихъ совѣтахъ строго логическихъ доводовъ; онъ побуждаетъ къ дѣйствію всѣми средствами, какими только можетъ, заимствуя свои доказательства отъ страстей и изъ общепринятыхъ мнѣній и пользуясь даже для достиженія своей цѣли сравненіями, примѣрами, метафорами и другими средствами ораторскаго искусства.

Изъ этого видно, что уговаривающій и отговаривающій нечужды соображеній о своей личной пользѣ и даже имѣютъ въ виду больше ее, чѣмъ чужое благо, въ противность обязанности совѣтниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ та страстность—характеристическій признакъ уговариванія и отговариванія—которая обнаруживается людьми только тамъ, гдѣ они заинтересованы лично.

Уговариванье и отговариванье имѣютъ силу только въ многочисленныхъ собраніяхъ. Въ разговорѣ вдвоемъ тотъ, кого уговариваютъ или отговариваютъ, будетъ, конечно, возражать, потребуетъ доказательствъ, станетъ строго взвѣшивать ихъ, и такимъ образомъ уговариваніе и от-

говариванiе не будутъ имѣть такого успѣха, какой могутъ имѣть въ собранiи.

Плохой тотъ совѣтникъ, кто принимается уговаривать или отговаривать, когда у него попросятъ простаго совѣта: очевидно, что онъ говоритъ пристрастно и, стало-быть, заинтересованъ въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Еслибы даже совѣтъ его самъ по себѣ былъ хорошъ, совѣтникъ все-таки плохъ, подобно тому, какъ судья, постановляющiй справедливое рѣшенiе за взятку—дурной судья, хотя рѣшенiе его справедливо. Но если уговаривающее или отговаривающее лицо имѣетъ право повелѣвать, какъ напримѣръ, отецъ въ семействѣ или предводитель войска, то, разумѣется, ему необходимо повиноваться. Приказанiе нерѣдко дѣлается въ формѣ уговариванья. Такъ напр. когда подчиненному приказывается взяться за какой-нибудь тяжкiй трудъ, то необходимость иногда требуетъ, а гуманность всегда предписываетъ, чтобы этотъ приказъ былъ выраженъ въ кроткой формѣ совѣта, вмѣсто того, чтобы дѣлать его еще суровѣе, облекая въ грубую рѣчь повелѣнiя.

Примѣры различiя между повелѣнiемъ и совѣтомъ можно заимствовать изъ Св. Писанiя. Да не будутъ тебѣ бози инiи развѣ мене,—не сотвори себѣ кумира и пр.; не возмеши имене Господа Бога твоего всуе; помни день субботный, еже святити его; чти отца твоего и матерь твою; не убiй; не прелюбы сотвори; не укради (Исх. XX, 3—13) и пр.,—все это повелѣнiя, потому что здѣсь основанiе для повиновенiя полагается въ волѣ Бога, которому мы обязаны повиноваться. Но слова: Вся елика имаши, продаждь, и раздай нищымъ, и гряди во слѣдъ мене — только совѣтъ, потому что основанiемъ для повиновенiя здѣсь полагается благо человѣка, которому далѣе говорится: И имѣти имаши сокровище на небеси (Лук. XVIII, 22) Слова Христа: Идита въ весь яже прямо вама: и абiе обрящета осля привязано, и жребя съ нимъ; отрѣшивша приведита ми (Мѳ. XXI, 2) заключаютъ въ себѣ повелѣнiе, потому что это слова господина; но слова: Покайтеся, да крестится кiйждо васъ во имя Iисуса Христа (Дѣян. II, 38) выражаютъ совѣтъ, потому что здѣсь имѣется въ виду не какое-нибудь благо для Бога, который будетъ царствовать вѣчно, какъ бы мы ни сопротивлялись его волѣ, а наше благо, такъ какъ насъ должно постигнуть наказанiе, если мы будемъ грѣшить.

Совѣтники добрые и негодные. Такимъ образомъ мы вывели различiе между приказомъ и совѣтомъ изъ самой сущности совѣта, взявъ въ основанiе этого различiя соображенiе о томъ, предвидится ли отъ указываемаго поступка какая-нибудь выгода для указывающаго; на томъ же

основанiи надо судить и о достоинствахъ самого совѣтника — хорошъ онъ или дуренъ. Совѣтъ замѣняетъ опытъ и память; подобно тому, какъ, наблюдая и запоминая послѣдствiя явленiй, мы руководствуемся этимъ опытомъ и памятью, когда намъ представится другое подобное же явленiе, такъ точно служитъ намъ и совѣтъ за недостаткомъ собственнаго опыта или памяти. Притомъ совѣтникъ самъ руководствуется опытностью и памятью; стало-быть, качества совѣтника прежде всего зависятъ оттого, насколько онъ обладаетъ этими способностями, т. е. отъ качествъ его ума. Такимъ образомъ совѣтники правителя представляютъ собою его умъ и память. Но въ этомъ отношенiи нельзя далеко простирать аналогiю между естественнымъ человѣкомъ и государствомъ. Здѣсь на первыхъ же порахъ открывается важное различiе. Естественный человѣкъ получаетъ опытъ отъ внѣшнихъ предметовъ, дѣйствующихъ на его чувства; въ самомъ этомъ воспрiятiи объектовъ не заключается никакой страстности, никакого соображенiя о личной выгодѣ субъекта. Напротивъ того, совѣтники правителя сами субъекты, а не объекты, и потому имѣютъ свои особыя цѣли и страсти, вслѣдствiе чего и внушенiя ихъ всегда подозрительны, а иногда дѣйствительно совершенно негодны. Итакъ, первое условiе добраго совѣтника состоитъ въ томъ, чтобы его личныя цѣли и выгоды не противорѣчили цѣлямъ и выгодамъ того, кому дается совѣтъ.

Во вторыхъ, совѣтуя совершить какой-нибудь поступокъ, хорошiй совѣтникъ долженъ объяснить всѣ вѣроятныя слѣдствiя этого поступка, такъ чтобы тотъ, кому дается совѣтъ, понялъ ихъ какъ можно лучше; для этого онъ долженъ облекать свой совѣтъ въ такую форму рѣчи, которая самымъ нагляднымъ и удобопонятнымъ образомъ выказала бы истину; онъ долженъ говорить ясно, прямо и повозможности кратко. Стало-быть, всякiя пустыя умствованiя, основанныя не на данныхъ фактахъ, а на какихъ-нибудь постороннихъ соображенiяхъ—напр. вычитанныхъ изъ разныхъ книгъ—всякiя темныя, непонятныя, двусмысленныя выраженiя, всякiя метафоры и воззванiя, служащiя обыкновенно для возбужденiя человѣческихъ страстей съ цѣлью ввести въ заблужденiе и воспользоваться этимъ заблужденiемъ,—все это недостойно добраго совѣтника.

Въ третьихъ, качество совѣта зависитъ отъ опытности и долгаго изученiя предмета; но никто не можетъ имѣть притязанiя на подробное знанiе всего, что относится къ управленiю обширнымъ государствомъ; поэтому хорошимъ совѣтникомъ можно быть только въ отношенiи извѣстныхъ частностей, которыми человѣкъ занимался и о которыхъ долго размышлялъ. Чтобы съ пользою принимать участiе въ государственныхъ дѣлахъ, т. е. знать, какъ охранить внутреннiй миръ и отразить внѣш-

нее нападеніе, надо имѣть большія познанія о природѣ человѣка вообще, о правахъ верховной власти, о сущности справедливости, закона, правды и чести, а такія познанія не даются безъ большой опытности и изученія; далѣе, нужно знать силы, богатства, свойства и проч. какъ своего, такъ и сосѣднихъ государствъ; нужно знать, кто у нихъ союзники, въ чемъ ихъ слабыя стороны, каковы ихъ страсти, намѣренія и партіи; на все это также необходима опытность, продолжительное наблюденіе и изслѣдованіе и развитіе, далеко превышающее общій уровень. Чтобы совѣтовать, надо знать, какъ я сказалъ выше (гл. VIII); но знаніе у людей неодинаково, и степень его зависитъ отъ воспитанія или отъ изученія и занятія или отъ того и другаго вмѣстѣ. Если для даннаго дѣла существуютъ такія же непреложныя правила, какъ напр. законы геометріи для постройки зданій, то никакая опытность въ свѣтѣ не можетъ замѣнить знанія; если же такихъ законовъ для даннаго дѣла нѣтъ, то лучшій совѣтникъ тотъ, кто имѣетъ больше опытности. Но впрочемъ и опытность, и знаніе ничто, если нѣтъ разсудка и здраваго смысла; какъ все прочее, эти качества безполезны человѣку, если онъ неспособенъ пользоваться ими.

Въ четвертыхъ, чтобы давать правительству совѣты касательно отношеній его къ другимъ государствамъ, надо знать всѣ договоры, сношенія, переговоры и дѣла, существующіе между ними. Всего этого нельзя узнать, если само правительство не захочетъ сообщить этихъ свѣдѣній избранному имъ совѣтнику; слѣдовательно, безъ воли правительства даже умный человѣкъ не можетъ дать хорошаго совѣта.

Въ пятыхъ, монарху гораздо лучше выслушивать своихъ совѣтниковъ порознь, чѣмъ всѣхъ вмѣстѣ въ собраніи. На это много причинъ. Во первыхъ, выслушивая ихъ порознь, онъ получаетъ совѣты многихъ, а выслушивая цѣлое собраніе, получаетъ только одинъ совѣтъ. Собраніе есть одно лицо, и члены его высказываютъ мнѣнія не по собственному разумѣнію, а увлекаясь краснорѣчіемъ или вліяніемъ какой-нибудь первенствующей личности, или говорятъ совсѣмъ не то, что думаютъ, и часто даже то, чего сами не понимаютъ, единственно изъ опасенія, чтобы авторитетныя лица не прославили ихъ глупыми. Во вторыхъ, собраніе никакъ не можетъ себѣ представить, чтобы общая выгода всего народа могла расходиться съ частной выгодой этого собранія; поэтому оно страстно преслѣдуетъ свои частныя выгоды и страстнымъ краснорѣчіемъ вводитъ въ заблужденіе даже безпристрастныхъ членовъ своихъ. Вообще въ отдѣльномъ лицѣ страсть всегда умѣреннѣе, чѣмъ въ членахъ собранія, подобно тому, какъ воспламененные предметы горятъ сильнѣе, если ихъ поднести другъ къ другу, чѣмъ порознь. Въ

собраніяхъ люди поджигаютъ другъ друга и раздуваютъ пламя вѣтромъ риторики, такъ что наконецъ все государство охватывается пожаромъ.

Въ третьихъ, гораздо легче открыть основаніе мнѣнія, высказываемаго человѣкомъ съ глазу на глазъ, чѣмъ понять, чѣмъ руководствуются совѣтники въ собраніи, гдѣ отъ множества и разнообразія рѣчей слушатели скорѣе тупѣютъ, чѣмъ уразумѣваютъ дѣло. Кромѣ того въ собраніи люди стараются отличиться ученостью или краснорѣчіемъ и потому часто болтаютъ вздоръ, неидущій къ дѣлу, тогда какъ, давая совѣтъ наединѣ, у нихъ однимъ поводомъ меньше нести чепуху.

Въ пятыхъ, въ собраніяхъ мнѣнія высказываются гласно, а между тѣмъ въ общественныхъ дѣлахъ часто необходима тайна, и потому публичныя совѣщанія могутъ быть опасны; даже правительственныя собранія должны иногда поручать такія дѣла небольшому числу людей, наиболѣе свѣдущихъ и на скромность которыхъ можно положиться.

Наконецъ, видано ли, чтобы въ частныхъ дѣлахъ своихъ человѣкъ обращался за совѣтомъ къ цѣлой толпѣ совѣтниковъ, хотя, конечно, всякій легко могъ бы сдѣлать это? Если отцу семейства предстоитъ выдавать замужъ дочь, женить сына, нанять управляющаго, отдать въ наемъ землю—станетъ ли онъ совѣтоваться съ какимъ-нибудь собраніемъ, особенно если предполагаетъ, что въ этомъ собраніи есть люди, желающіе ему зла? Итакъ, тогда только выгоднѣе совѣтоваться съ нѣсколькими людьми, чѣмъ съ однимъ, когда мнѣнія совѣтниковъ выслушиваются отъ каждаго особо. Это какъ игра въ мячъ, гдѣ всего выгоднѣе принять въ товарищи хорошихъ игроковъ или, положившись на свое искусство, играть одному, вовсе безъ товарищей; но всего хуже набрать толпу неловкихъ партнеровъ, которые только мѣшаютъ другъ другу. Человѣкъ, принужденный во всякомъ случаѣ обращаться за совѣтами къ толпѣ, напоминаетъ игрока, который гонится за мячомъ на тяжелой колесницѣ; вдобавокъ движенія этой колесницы замедляются препирательствами возницъ, направляющихъ ее то въ ту, то въ другую сторону. Говорятъ, правда, что умъ хорошо, а два лучше, но это хорошо, если рѣшеніе все-таки остается въ волѣ человѣка. Иначе эти умы, каждый стремясь къ своей выгодѣ, будутъ только толкать другъ друга, и притомъ лучше одинъ умъ, да свой, чѣмъ два, да чужіе. Въ заключеніе надо замѣтить еще, что ни одно большое государство, хотя бы даже управляемое народнымъ собраніемъ, не руководствуется въ своихъ поступкахъ разноголосными мнѣніями своихъ многочисленныхъ совѣтниковъ, а всегда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ или поступковъ внѣшняго врага, или какой-нибудь выдающейся въ средѣ его личности, или тайными внушеніями горсти интригантовъ, или взаимнымъ опасеніемъ

равносильныхъ партій. Что же касается до слабыхъ государствъ, то никакая человѣческая мудрость не продлитъ ихъ существованія дольше, чѣмъ позволяетъ взаимная зависть ихъ сильныхъ сосѣдей.

ГЛАВА XXVI.

О гражданскихъ законахъ.

Гражданскіе законы.

Естественные законы тѣ, которымъ мы обязаны повиноваться какъ люди; законы же гражданскіе—тѣ, которымъ мы должны слѣдовать какъ граждане извѣстнаго государства. Согласно цѣли этого сочиненія, мы будемъ разсматривать гражданскіе законы вообще, а не какого-нибудь государства въ частности. Въ странахъ, нѣкогда подчиненныхъ Риму, гражданскими законами называются обыкновенно древне-римскіе законы; но мы будемъ говорить не о нихъ, а о законѣ въ общемъ смыслѣ, какъ говорили Платонъ, Аристотель, Цицеронъ и многіе другіе, впрочемъ необнаружившіе большаго понимания этого предмета.

Прежде всего очевидно, что законъ не совѣтъ, а приказаніе, притомъ не приказъ одного человѣка другому, а повелѣніе лица, которому всѣ прочіе обязаны повиноваться; т. е. гражданскій законъ есть приказаніе государства или лица, представляющаго государство.

Принимая это въ соображеніе, я дѣлаю слѣдующее опредѣленіе: Гражданскій законъ есть правило, постановленное государствомъ словесно, письменно или какимъ-нибудь инымъ соотвѣтственнымъ образомъ для обязательнаго руководства гражданъ при различеніи добра и зла, т. е. того, что согласно съ этимъ правиломъ и что противно ему.

Въ этомъ опредѣленіи все понятно само собой съ перваго слова. Очевидно, что законы могутъ относиться или ко всѣмъ гражданамъ вообще, или къ отдѣльнымъ провинціямъ, или къ извѣстному числу людей, или наконецъ только къ одному человѣку. Далѣе, законъ обязателенъ только для тѣхъ, къ кому относится. Какъ единственное руководство къ различію справедливаго отъ несправедливаго, законъ не можетъ быть несправедливъ: это противорѣчитъ самой сущности его, и съ другой стороны, поступки, которые не противорѣчатъ ему, также ни

въ какомъ случаѣ не могутъ быть несправедливы. Кромѣ государства никто не можетъ издавать законовъ, потому что кромѣ него мы никому не обязаны повиноваться; наконецъ очевидно и то, что законъ необходимо долженъ быть выраженъ ясно. Такимъ образомъ изъ нашего опредѣленія закона вытекаютъ слѣдующія положенія:

Правительство—единственный законодатель.

I. Во всѣхъ государствахъ, какъ въ монархіяхъ, такъ и въ аристократіяхъ и демократіяхъ, законодательная власть принадлежитъ исключительно правительству, ибо только государство имѣетъ право повелѣвать гражданамъ. Но государство можетъ что-нибудь предписывать, говорить или вообще дѣлать только посредствомъ своего представителя, т. е. правительства. Слѣдовательно, правительство есть единственный законодатель. По той же причинѣ оно одно можетъ отмѣнять законы, потому что существующій законъ можетъ быть отмѣненъ только посредствомъ другаго закона.

Правительство находится внѣ закона.

II. Правительство не подлежитъ гражданскимъ законамъ. Имѣя власть по своему произволу постановлять и отмѣнять законы, оно можетъ, если ему вздумается, освободить себя отъ ихъ времени и установить новый; слѣдовательно, оно внѣ закона. Тотъ свободенъ, кто можетъ быть свободнымъ, когда захочетъ; обязывать самого себя нельзя, потому что, обязавъ себя, можно и разрѣшить себя отъ обязательства; стало-быть, кто обязанъ только самъ собой, тотъ вовсе необязанъ.

Обязательность обычая — слѣдствіе согласія правительства, а не давности.

III. Законная сила давняго обычая основана вовсе не на давности его, а на волѣ правительства, которое выражаетъ согласіе на него тѣмъ самымъ, что не запрещаетъ его, какъ вообще молчаніе нерѣдко бываетъ знакомъ согласія. Поэтому обычай сохраняетъ силу закона только пока длится это молчаніе. Стало-быть, если между гражданиномъ и правительствомъ возникнетъ вопросъ о правѣ, то гражданинъ не можетъ ссылаться на давность обычая, и вопросъ долженъ быть рѣшенъ по справедливости. Многіе дурные поступки и мнѣнія такъ долго проходятъ незамѣченными и потому—неисправленными, что наконецъ происхожденіе ихъ совершенно теряется во мракѣ временъ; но изъ этого ничего еще не слѣдуетъ, и разумъ вовсе не требуетъ, чтобы дурные обычаи переходили въ законы. Судить же, что разумно и что нелѣпо и потому должно быть уничтожено, принадлежитъ правительству—монарху или верховному собранію.

Сочетаніе естественныхъ законовъ съ гражданскими.

IV. Естественные законы и законы гражданскіе взаимно поддерживаются и согласуются. Каждый естественный законъ составляетъ какую-нибудь нравственную добродѣтель, напр. правосудіе, справедливость, благодарность. Эти добродѣтели, какъ сказано

въ концѣ XV главы, въ сущности не законы, а качества. Онѣ становятся законами, притомъ именно гражданскими законами, какъ скоро государство повелитъ соблюдать ихъ. Слѣдовательно, гражданскіе законы суть въ тоже время и законы природы. Это очевидно изъ того, что нарушеніе договора, а слѣдовательно и гражданскаго закона есть вмѣстѣ съ тѣмъ преступленіе противъ естественнаго закона. Итакъ, законы природы обязываютъ насъ повиноваться гражданскимъ законамъ. Законы природы и гражданскіе законы суть, стало-быть, не различные роды законовъ, а различныя части одного и того же закона; одно есть часть писанная и называется гражданскимъ закономъ, а другое—часть неписанная и называется естественнымъ закономъ. Такимъ образомъ естественные законы не измѣняются и не ограничиваются гражданскими. Гражданскіе законы ограничиваютъ только естественное право, такъ какъ самою цѣлью гражданскихъ законовъ было ограничить естественное право, т. е. право всѣхъ на все, при которомъ миръ невозможенъ.

Мѣстные законы постановляются не обычаемъ, а волей правительства.

V. Если правительство одного государства подчинитъ себѣ оружіемъ или получитъ по наслѣдству другое государство, то становится его законодателемъ, хотя бы не измѣнило существовавшихъ въ немъ законовъ. Дѣло въ томъ, что законодатель каждаго государства не тотъ, кто первоначально постановилъ въ немъ законы, а тотъ, который сохраняетъ ихъ въ силѣ въ данное время. Итакъ, если государство состоитъ изъ разнородныхъ частей, имѣющихъ различные законы, то эти мѣстные законы, какъ бы ни были древни, имѣютъ значеніе не по обычаю, а по волѣ того, кто въ данное время составляетъ правительство.

Нелѣпыя воззрѣнія нѣкоторыхъ юристовъ на законодательство.

VI. Такъ какъ всѣ законы, какъ писанные, такъ и неписанные, получаютъ силу только отъ государства, то слѣдуетъ безусловно отвергнуть мнѣніе, будто какое бы то ни было число гражданъ можетъ исправлять и вообще измѣнять ихъ безъ согласія правительства, хотя многіе знаменитые юристы раздѣляютъ его. Такъ напр. говорятъ, что парламентъ можетъ контролировать гражданское законодательство. Если парламентъ имѣетъ верховную власть и можетъ по собственному произволу собираться и расходиться, то это правда. Но если онъ не имѣетъ этого права, если есть кто-нибудь, кто созываетъ и распускаетъ его, то, стало-быть, этому лицу принадлежитъ и контроль надъ нимъ, т. е. и контроль надъ его контролемъ. Въ дѣйствительности такъ и есть, и законодательная власть принадлежитъ не парламенту, а королю въ парламентѣ. Еслибы парламентъ, имѣя верховную власть, созвалъ другое собраніе изъ мудрѣйшихъ гражданъ и поручилъ имъ разсмотрѣть вопросы законодательства, никто вѣдь не сталъ бы утверждать, что это собраніе можетъ по произволу издавать и измѣнять законы. Точно также нелѣпо и въ монархіи установлять различіе между двумя функціями правительства — силой и справедливостью, и утверждать, что первая сосредоточена въ рукахъ короля, а вторая ввѣрена парламенту. Государство можетъ существовать лишь тогда, если справедливость въ тоже время облечена и силой, дабы ея предписанія соблюдались и исполнялись.

VII. Всѣ юристы согласны, что законъ не можетъ противорѣчить разуму и что сущность закона заключается не въ буквальномъ смыслѣ его, а въ намѣреніи законодателя. Это такъ. Но теперь возникаетъ вопросъ, чей разумъ опредѣляетъ смыслъ закона? Если опредѣленіе смысла закона предоставить частнымъ людямъ, то объ этомъ предметѣ будетъ больше споровъ, чѣмъ было у схоластовъ о философскихъ и богословскихъ вопросахъ. Сэръ Эдуардъ Кокъ (въ комментаріяхъ на Литтльтона, кн. 2, гл. 6, л. 97. 6) полагаетъ, что это должно быть предоставлено высоко развитымъ умамъ, наученнымъ знаніемъ, опытомъ и долгимъ изученіемъ предмета. Но вѣдь возможно, что продолжительное изученіе только подтверждаетъ и укореняетъ ложное воззрѣніе, потому что если исходная точка ложна, то чѣмъ больше развивать ее, тѣмъ глубже будетъ заблужденіе. Нѣсколько человѣкъ, изучающихъ предметъ одновременно и съ одинаковымъ прилежаніемъ, могутъ прійти и приходятъ къ совершенно противоположнымъ воззрѣніямъ на него; стало-быть, такъ-называемая juris prudentia, т. е. судейская мудрость или мнѣніе юристовъ, не можетъ считаться авторитетомъ въ вопросахъ права. Авторитетъ этотъ принадлежитъ исключительно искусственному лицу государства, приказанія котораго и составляютъ законы. Государство, будучи представляемо однимъ лицомъ, не можетъ противорѣчить самому себѣ; поэтому оно одно и можетъ толковать, исправлять и передѣлывать законы. Во всѣхъ судахъ настоящій судья—правительство, а юристы только орудія его; они должны сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ цѣлями, которыя правительство имѣло въ виду, издавая тотъ или другой законъ; рѣшенія, постановленныя безъ вниманія къ этой цѣли, будутъ выражать просто частныя мнѣнія ихъ, неимѣющія законнаго значенія.

Законъ необъявленный не законъ.

VIII. Законъ есть повелѣніе. Но повелѣніе не имѣетъ никакой силы, если оно не объявлено словеснымъ или письменнымъ образомъ или какимъ-нибудь инымъ яснымъ способомъ. Стало-быть, гражданскіе законы имѣютъ значеніе только для тѣхъ, кому были

объявлены и не простираются на дѣтей и умалишенныхъ, которые такъ же неспособны понимать повелѣнія и договоры и знать, что справедливо и что несправедливо, какъ и животныя. Точно также гражданскіе законы необязательны и для тѣхъ, кто, хотя способенъ понимать все это, но кому законъ не былъ объявленъ или остался неизвѣстенъ по независящимъ отъ него причинамъ. Слѣдовательно, необходимо разсмотрѣть, какіе способы должно считать удобными для обнародованія законовъ во всеобщее вѣдѣніе.

Неписанными законами могутъ быть только естественные.

Во первыхъ, законъ, оставаясь неписаннымъ, можетъ имѣть обязательную силу для всѣхъ гражданъ только въ томъ случаѣ, если это законъ естественный. Чтобы имѣть значеніе закона для всѣхъ людей помимо приказаній власти и единственно по указанію собственнаго разума каждаго, принципъ или правило должно согласоваться съ естественнымъ здравымъ смысломъ людей, т. е. быть закономъ природы. Вотъ почему естественные законы имѣютъ силу и безъ объявленій, провозглашеній, обнародованій. Всѣ они заключаются въ одномъ принципѣ: чего желаешь себѣ отъ другихъ, то дѣлай самъ въ отношеніи прочихъ.

Во вторыхъ, законъ неписанный и необнародованный, но тѣмъ не менѣе обязательный, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для извѣстнаго класса или лица, необходимо долженъ быть также закономъ природы. Вообще всякій законъ, имѣющій для кого-нибудь обязательную силу, хотя никѣмъ неписанъ и необнародованъ, есть очевидно законъ природы. Всякое правило обязательно или для всѣхъ людей, или только для гражданъ извѣстнаго государства, или вовсе необязательно. Такимъ образомъ, если государство дастъ своему слугѣ какое-нибудь порученіе, но не снабдитъ его писанными правилами о томъ, какъ дѣйствовать, то руководствомъ ему должны служить указанія его собственнаго естественнаго смысла. Напр. посланникъ и безъ особенной инструкціи долженъ понимать, что цѣль его—выгода его государства; судья и безъ письменнаго наставленія долженъ заботиться объ оказаніи правосудія; ибо само собою понятно, что государство, посылая агента, ищетъ выгоды для себя; назначая судью—хочетъ доставить правосудіе гражданамъ.

Но кромѣ естественныхъ законовъ, всѣ прочіе должны быть обнародуемы во всеобщее вѣдѣніе, а иначе ихъ нельзя соблюдать. Въ древнѣйшія времена, когда письмена были еще неизвѣстны, законы излагались для удобства памяти въ стихотворной формѣ, и народъ запоминалъ ихъ, распѣвая. Съ тою же цѣлью царь Соломонъ (Притчи. VII, 3) совѣтуетъ удерживать десять заповѣдей въ памяти по десяти пальцамъ рукъ: Навяжи ихъ на персты твои.... Моисей повелѣлъ израильтянамъ преподавать дѣтямъ законы завѣта, написывая ихъ на стѣнахъ и дверяхъ домовъ (Второз. XI, 19, 20); въ другомъ мѣстѣ онъ предписываетъ читать законы всему народу, созывая его для слушанія (Втор. XXXI, 12). Вообще законы должны быть такъ обнародованы, чтобы граждане не могли оправдывать нарушенія ихъ незнаніемъ.

Законъ не законъ, если законодатель неизвѣстенъ.

Но для дѣйствительности закона недостаточно, чтобы онъ былъ обнародованъ; нужно еще, чтобы было извѣстно, что онъ дѣйствительно изданъ верховной властью. Въ каждомъ государствѣ извѣстно, кому принадлежитъ въ немъ верховная власть, потому что она дана съ согласія всѣхъ и каждаго. Если же власть учреждена уже такъ давно, что происхожденіе ея забыто, то всякій по здравому смыслу, т. е. на основаніи очевиднаго естественнаго закона можетъ узнать, кто его правительство: понятно, оно есть то лицо, отъ кого каждый гражданинъ ожидаетъ себѣ защиты отъ враговъ и покровительства своей промышленности. Стало-быть, вопросъ о томъ, кто правительство, не можетъ и возникнуть иначе какъ съ злонамѣренной цѣлью, когда злоумышленники нарочно возбуждаютъ подобныя сомнѣнія. Но остается знать, кѣмъ установленъ извѣстный законъ, правительствомъ или кѣмъ-нибудь другимъ, и потому необходимы какіе-либо знаки, т. е. свидѣтельства, удостовѣряющія, что законъ дѣйствительно изданъ верховною властью. Для этой цѣли служатъ государственные архивы, печати, служители, уполномоченные рѣшать подобнаго рода вопросы посредствомъ грамотъ за государственными печатями. Но надо замѣтить, что большая разница между подтвержденіемъ и утвержденіемъ закона: подтвердить значитъ просто засвидѣтельствовать, что такой законъ дѣйствительно существуетъ; утвердить — значитъ постановить законъ, и это дѣло верховной власти.

Напр. законъ подтверждается судьей. Это значитъ, что когда возникаетъ вопросъ о нарушеніи какого-нибудь естественнаго закона, т. е. общей справедливости, судья, поставленный для этого правительствомъ, долженъ только узнать обстоятельства дѣла и указать законъ, подъ который они подходятъ.

Подтвержденіе закона можно находить также въ архивахъ. Если напр. возникнетъ сомнѣніе по какому-нибудь вопросу изъ области гражданскаго права, то слѣдуетъ навести справки въ архивахъ, гдѣ хранятся писанные законы съ нарочною цѣлью, чтобы справляться въ нихъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Если замышляется какое-нибудь дѣйствіе и возникаетъ сомнѣніе, позволительно ли оно, то всякій можетъ и даже долженъ навести такую справку; кто, сомнѣваясь въ законно-

сти предпринимаемаго дѣла, тѣмъ неменѣе дѣлаетъ его, обнаруживаетъ этимъ презрѣніе къ закону.

Наконецъ, можетъ возникнуть сомнѣніе, слѣдуетъ ли повиноваться какому-нибудь лицу, т. е. дѣйствительно ли оно уполномочено правительствомъ давать приказанія; сомнѣніе это разрѣшается свидѣтельствомъ граматъ, государственной печатью или какимъ-нибудь значкомъ, показывающимъ должность лица.

Толкованіе законовъ принадлежитъ верховной власти.

Когда законъ и законодатель извѣстны, нужно еще, чтобы дать закону обязательную силу, сдѣлать понятнымъ истинный смыслъ его, т. е. въ чемъ состоитъ его сущность. Право толковать законы, конечно, принадлежитъ тому же, кто имѣетъ право издавать ихъ. Стало-быть, толкованіе законовъ есть исключительное право верховной власти или ея уполномоченнаго.

Всѣ законы, писанные и неписанные, нуждаются въ толкованіи. Неписанные законы природы, правда, вполнѣ понятны, когда ихъ разсматриваютъ безстрастно со стороны, въ чужомъ дѣлѣ; но въ собственныхъ дѣлахъ пониманію ихъ мѣшаютъ себялюбіе и другія страсти, такъ что они больше другихъ требуютъ посторонняго толкованія. Писанные гражданскіе законы, хотя бы выраженные кратко, могутъ быть непонятны по двусмысленности какого-нибудь слова, а многоглаголаніе, конечно, еще болѣе затемняетъ смыслъ. Такимъ образомъ понять писанный законъ можно, только зная цѣль, которую имѣлъ въ виду законодатель; но само собою разумѣется, что цѣль эта извѣстна только самому законодателю, и онъ одинъ можетъ разрѣшать затрудненія въ пониманіи закона, развязывая или разсѣкая узлы.

Въ государствѣ толкованіе естественныхъ законовъ принадлежитъ правительству, а не ученымъ и писателямъ, разсуждающимъ о морали; они могутъ, пожалуй, говорить и правду; но не истина, а власть возводитъ принципы въ законы.

Итакъ, правильно только то толкованіе естественныхъ законовъ, которое дается правительствомъ или его уполномоченнымъ. Этотъ уполномоченный, т. е. судья, толкуетъ законъ, прилагая его къ фактамъ. Толкованіе его вѣрно не потому, что онъ судитъ истинно какъ частный человѣкъ, а потому, что онъ представитель верховной власти и что его мнѣніе есть рѣшеніе государства; поэтому оно законъ, конечно, не для всѣхъ гражданъ, а для тѣхъ, чье дѣло рѣшено имъ.

Нѣтъ ни одного судьи, ни верховнаго, ни подчиненнаго, который иногда не ошибался бы и не произносилъ бы неправильнаго рѣшенія. Увидавъ свою ошибку, судья обязанъ, когда ему встрѣтится другой подобный случай, постановить рѣшеніе по всей справедливости, потому

что собственная ошибка не можетъ служить для него закономъ и не обязываетъ его упорно оставаться при своей несправедливости. Тѣмъ менѣе она можетъ обязывать другихъ судей. Хотя даже несправедливое рѣшеніе, будучи утверждено молчаніемъ, т. е. согласіемъ верховной власти, становится какъ-бы новымъ закономъ, если тотъ, который нарушенъ имъ, по природѣ своей измѣнимъ; но если нарушенный имъ законъ неотмѣнимъ, какъ напр. всякій законъ природы, то нарушающее его рѣшеніе не можетъ обратиться въ законъ и не обязываетъ ни постановившаго его судью, ни другихъ сообразоваться съ нимъ въ дальнѣйшихъ случаяхъ. Гражданскіе законы, какъ все гражданское, временны и измѣнчивы; но законы природы, какъ божественные, не могутъ измѣняться. Итакъ, предшествующія рѣшенія не должны имѣть значенія для послѣдующихъ и не могутъ извинять позднѣйшихъ несправедливостей. Слѣдовательно, всякій судья долженъ произносить приговоры по своему разумѣнію и совѣсти, согласно съ своими понятіями о справедливомъ и добромъ, а не на основаніи рѣшеній другихъ судей. Напримѣръ, наказаніе невиннаго противно закону природы, и оправданный судомъ невиненъ. Предположимъ теперь, что человѣкъ обвиненъ въ уголовномъ преступленіи; зная силу и злобу своихъ враговъ и обыкновенную продажность и пристрастіе судовъ и потому опасаясь осужденія, этотъ человѣкъ убѣгаетъ; но его берутъ, возвращаютъ и предаютъ суду; однако онъ защищается и оказывается невиннымъ. Но въ государствѣ существуетъ обычай, основанный на прежнихъ рѣшеніяхъ, по которому такой бѣглецъ, хотя бы оказавшійся невиннымъ, тѣмъ неменѣе лишается всего имущества. Такимъ образомъ этотъ обычай подвергаетъ наказанію невиннаго, что противно естественному закону. Правда, гражданскій законъ можетъ запретить человѣку бѣжать и можетъ наказать его, если онъ не послушается; но признать человѣка невиннымъ и все-таки наказать его—безсмысленно. А между тѣмъ одинъ знаменитый юристъ выдаетъ эту безсмыслицу за постановленіе англійскаго гражданскаго права. Если—говоритъ онъ,—человѣкъ невинно обвиненъ въ государственной измѣнѣ и изъ страха убѣгаетъ, то хотя бы судъ оправдалъ его, онъ все-таки наказывается конфискаціей всего имущества, потому что наше право предполагаетъ бѣгство достаточнымъ доказательствомъ его вины. Такимъ образомъ выходитъ, что невинный человѣкъ, которому законъ не запрещаетъ бѣжать, несмотря на свое оправданіе и доказанную невинность, подвергается потерѣ всего имущества, вслѣдствіе какого-то нелѣпаго предположенія! Это несправедливость, которая никакъ не можетъ сдѣлаться законной, на сколькихъ бы примѣрахъ ни основывалась,

потому что есть одинъ вѣчный и непреложный законъ природы, запрещающій наказывать невинныхъ. А здѣсь человѣку никто не запрещалъ убѣгать отъ сильныхъ враговъ; первое подозрѣніе уничтожено оправданіемъ; стало-быть, его лишаютъ имущества несправедливо и вопреки естественному закону. Итакъ, только глупый или безсовѣстный судья можетъ основывать свои рѣшенія на прежнихъ приговорахъ другихъ судей. Изъ этого видно, какъ нелѣпо правило нашихъ юристовъ, что не должно допускать никакого доказательства противъ предположеній закона. Можетъ ли добросовѣстный судья отказать обвиненному выслушать доводы, какіе онъ хочетъ привести въ свою защиту?

Эти нелѣпости, высказываемыя самыми знаменитыми юристами, доказываютъ еще, что плохо было бы положиться на нихъ въ толкованіи законовъ. Комментаріи, которые они сочиняютъ на законы, обыкновенно гораздо темнѣе текста и потому нуждаются въ новыхъ комментаріяхъ; если обращаться къ нимъ за толкованіемъ законовъ, то толкованію не было бы конца. Вотъ почему если верховная власть никому спеціально не поручитъ толковать законы, съ тѣмъ чтобы всѣ судьи слѣпо слѣдовали его указаніямъ, то они обязаны сами толковать законы, и мнѣнія ихъ должны считаться закономъ въ томъ частномъ случаѣ, въ отношеніи котораго произносятся, не простираясь однако на другіе подобные случаи и не имѣя ничего обязательнаго для прочихъ судей.

Въ писанныхъ законахъ обыкновенно различаютъ букву закона отъ духа его. Подъ буквой разумѣютъ тотъ смыслъ, который вытекаетъ прямо изъ словъ закона въ ихъ буквальномъ смыслѣ, безъ вниманія къ чему бы то ни было. Но если берется во вниманіе цѣль, которую имѣлъ законодатель, постановляя законъ, то этимъ выясняется духъ закона. Это различіе правильно. Но какъ узнать, какіе были виды законодателя при изданіи закона? Для этого должно предполагать, что законодатель, т. е. правительство, всегда хочетъ справедливаго. Если буквальный смыслъ не допускаетъ справедливаго рѣшенія, надо послѣдовать предписанію естественнаго закона, какъ скоро иначе нельзя избѣжать несправедливости, ибо опять предполагается, что несправедливость противна цѣли законодателя.

Условія хорошаго судьи.

Отъ толкователя законовъ, т. е. отъ судьи, требуются совершенно иныя достоинства, чѣмъ отъ адвоката. Отъ адвоката прежде всего требуется полное знаніе законовъ. Но судья составляетъ себѣ понятіе о фактѣ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, а въ сужденіи о правѣ долженъ сообразоваться съ существующими законами и учрежденіями государства. Эти законы приводятся и разъясняются передъ нимъ при разборѣ дѣла, и судья при самомъ посредственномъ знаніи законовъ можетъ такимъ образомъ пріобрѣсти свѣдѣнія, необходимыя ему, чтобы произнести рѣшеніе, согласное съ правосудіемъ и справедливостью.

Хорошій судья долженъ имѣть слѣдующія качества. Онъ долженъ ясно сознавать главнѣйшій естественный законъ—справедливость—во всѣхъ разбираемыхъ имъ дѣлахъ. Это сознаніе дается не начитанностію, а природнымъ умомъ и дѣятельной мыслью, живымъ естественнымъ влеченіемъ къ познанію добра и зла и досугомъ для размышленія. Во вторыхъ, хорошій судья долженъ презирать ненужныя богатства и излишнія выгоды; обсуждая дѣло, онъ долженъ быть чуждъ страха, гнѣва, ненависти, любви, состраданія; въ третьихъ, онъ долженъ терпѣливо выслушивать, внимательно слѣдить за дѣломъ, помнить всѣ его обстоятельства и умѣть правильно соображать ихъ.

Раздѣленіе законовъ.

Законы раздѣляются различно, по различію методовъ, употребляемыхъ писателями. Въ Институтахъ Юстиніана различается семь видовъ законовъ:

1) Эдикты, распоряженія и рескрипты государя, т. е. римскаго императора, имѣвшаго верховную власть въ римскомъ государствѣ. У насъ имъ соотвѣтствуютъ приказы, прокламаціи и манифесты королей Англіи.

2) Декреты римскаго народа. Первоначально они были государственными законами, когда верховная власть принадлежала римскому народу; тѣ изъ нихъ, которые не были отмѣнены впослѣдствіи императорами, остались законами въ силу прежняго авторитета. Ихъ можно сравнить съ актами парламента.

3) Плебисциты или постановленія римскаго плебса, безъ участія сената, издававшіяся по предложенію трибуновъ; изъ нихъ неотмѣненныя императорами также сохранили законную силу. Они соотвѣтствуютъ въ Англіи постановленіямъ нижней палаты.

4) Сенатусъ-консульты или приказы сената. Когда народныя собранія по многочисленности своей оказались неудобными, императоръ повелѣлъ замѣнить ихъ собраніями сената. Постановленія сената почти тоже, что акты Тайнаго Государственнаго Совѣта.

5) Эдикты преторовъ и эдилей. Римскіе преторы были почти тоже, что наши верховные судьи.

6) Отзывы правовѣдовъ, т. е. мнѣнія ученыхъ юристовъ, уполномоченныхъ разрѣшать вопросы права. Слѣдовательно, ихъ отзывы становились законами. Такъ и у насъ кромѣ судей есть такъ-называемые

юрисконсульты, т. е. лица, мнѣнія которыхъ имѣютъ вѣсъ въ юридическихъ вопросахъ.

7) Наконецъ силу законовъ имѣли также неписанные обычаи; впрочемъ законное значеніе ихъ обусловливалось исключительно молчаніемъ верховной власти.

Иначе законы раздѣляются на естественные и положительные. Мы сказали уже, что естественные законы тѣ, которые присущи общечеловѣческой природѣ. Ихъ называютъ также нравственными, ибо они состоятъ въ нравственныхъ добродѣтеляхъ и вообще въ душевныхъ свойствахъ, приводящихъ людей къ миру и любви. Мы говорили о нихъ въ XIV и XV главахъ. Положительные законы существуютъ только по волѣ верховной власти и потому всегда временны.

Положительные законы бываютъ человѣческіе или божественные; человѣческіе законы раздѣляются на распредѣлительные и уголовные. Распредѣлительные законы опредѣляютъ права гражданъ и относятся ко всѣмъ гражданамъ.

Уголовные законы опредѣляютъ наказанія за нарушенія распредѣлительныхъ законовъ; они относятся прямо только къ служителямъ власти, которые обязаны приводить въ исполненіе постановленія о наказаніяхъ.

Естественные законы, какъ вѣчные и непреложные, всѣ божественны. Изъ положительныхъ законовъ божественны тѣ, которые установлены самимъ Богомъ, но не отъ вѣчности и не для всѣхъ людей, а въ извѣстное время для извѣстнаго народа. Божественное происхожденіе ихъ основано на свидѣтельствѣ людей, уполномоченныхъ Богомъ возвѣстить его волю.

Но какъ удостовѣриться, дѣйствительно ли они уполномочены объявить божественные законы? Какъ узнать, обязательны ли возвѣщаемые ими законы? Богъ можетъ сверхъестественнымъ образомъ повелѣть человѣку проповѣдывать божественные законы. Но вѣдь по самой сущности законовъ они необязательны, если законодатель неизвѣстенъ или если насчетъ его существуетъ сомнѣніе; какимъ же образомъ божественный законъ можетъ получить обязательную силу? Безъ особеннаго откровенія, обращеннаго лично къ намъ, мы никакъ не узнаемъ, дѣйствительно ли дано другому человѣку полномочіе возвѣстить намъ Божій законъ. За это могутъ свидѣтельствовать чудеса, совершаемыя этимъ лицомъ, его необыкновенная святость, необыкновенная мудрость или необыкновенное счастье. Но всего этого недостаточно, чтобы совершенно увѣрить насъ. Чудесъ теперь не дѣлается, а еслибы мы и слышали о нихъ или видѣли ихъ, то такимъ разсказамъ мы не

обязаны вѣрить и, даже видя ихъ своими глазами, можемъ скорѣе приписать какому-нибудь фокусу. Святость можетъ быть лицемѣріемъ, а счастье можетъ объясняться самымъ простымъ, естественнымъ образомъ. Стало-быть, остается предоставить каждому вѣрить или не вѣрить, смотря по тому, насколько его убѣждаютъ эти свидѣтельства

Но бываютъ случаи, гдѣ законы, проповѣдуемые людьми будто бы по божественному откровенію и полномочію, имѣютъ для гражданъ обязательную силу. Такъ бываетъ, если государство повелитъ признавать предписанія этихъ людей законами. Законъ естественный, который также имѣетъ божественный характеръ, требуетъ, чтобы мы повиновались всему, что повелитъ намъ государство, хотя не обязываетъ насъ вѣрить истинѣ его повелѣній. Вѣра и внутреннее убѣжденіе не подчиняются повелѣніямъ; поэтому невѣріе не есть преступленіе, а просто отрицаніе всѣхъ божественныхъ законовъ, кромѣ естественныхъ. Это можно растолковать яснѣе примѣрами и свидѣтельствами изъ Св. Писанія. Такъ Богъ заключилъ съ Авраамомъ сверхъестественнымъ образомъ такой договоръ: И поставлю завѣтъ мой между Мною и тобою и между потомками твоими въ роды ихъ; ты же соблюди завѣтъ Мой, ты и потомки твои послѣ тебя въ роды ихъ (Бытія, XVII, 7, 9). Очевидно, что потомки Авраама, еще не существовавшіе, не могли знать этого договора непосредственно. Что же обязывало бы израильтянъ признавать божественнымъ закономъ предписанія Авраама, еслибы онъ не имѣлъ верховной власти надъ своими дѣтьми и рабами? Далѣе Богъ говоритъ Аврааму: И благословятся о немъ всѣ народы земные. Ибо Я сталъ знать его ради того, что онъ заповѣдаетъ сынамъ своимъ и дому своему послѣ себя ходить путемъ Господнимъ и быть добрыми и справедливыми. (Быт. XVIII, 18, 19). Это значитъ, что потомство Авраама было обязано принять завѣтъ его съ Богомъ только потому, что онъ имѣлъ надъ нимъ, т. е. надъ своими дѣтьми и рабами, верховную власть. Потомство Авраама не получало непосредственнаго божественнаго откровенія. На Синайскую гору къ Богу восходилъ одинъ Моисей. Народъ, боясь умереть, не пошелъ на Синай, однако принялъ обязательство повиноваться объявленнымъ на горѣ законамъ. Онъ обязанъ былъ соблюдать ихъ, потому что обѣщалъ Моисею исполнять все, что онъ повелитъ имъ: Говори ты съ нами, и мы будемъ слушать; но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть (Исх. XX, 19).

Эти примѣры достаточно доказываютъ, что въ государствѣ каждый гражданинъ, не получившій вѣрнаго непосредственнаго откровенія воли

Божіей, обязанъ повиноваться, какъ истинной волѣ Божіей, законамъ государства. Еслибы граждане вздумали считать божественными повелѣніями свои или чужіе сны, мечты и бредни, то вскорѣ не нашлось бы и двухъ человѣкъ согласныхъ; каждый твердилъ бы свое, презирая повелѣнія государства. Итакъ, граждане обязаны признавать божественнымъ закономъ все, что выдается имъ за таковой гражданскимъ закономъ, если только это не противорѣчитъ законамъ нравственнымъ, т. е. естественнымъ. Согласно этому ни въ одной странѣ не дозволялось и не дозволяется слѣдовать какимъ-нибудь инымъ божественнымъ повелѣніямъ, кромѣ тѣхъ, которыя признаны государствомъ. Христіанскія государства наказываютъ за отступленія отъ христіанской религіи, а нехристіанскія преслѣдуютъ отступничества отъ своихъ вѣръ. Единственный законъ, неподчиняющійся приказамъ государства—это законъ справедливости, тотъ законъ, по которому всѣ люди должны быть равны; ибо это вѣчный, божественный законъ природы.

Законы раздѣляются еще на основные и побочные. Основной законъ въ каждомъ государствѣ тотъ, съ уничтоженіемъ котораго государство рушится. Стало-быть, единственный основной законъ есть долгъ гражданъ повиноваться верховной власти, потому что съ уничтоженіемъ этого закона государство рушится. Я не помню, чтобы кто-нибудь изъ писателей понималъ такимъ образомъ сущность основнаго закона.

Законъ и право. Еще хуже, что всѣ писатели смѣшиваютъ понятіе гражданскаго закона съ понятіемъ гражданскаго права, lex civilis и jus civile. Между тѣмъ понятія эти діаметрально противоположны другъ другу. Право есть свобода, т. е. изъятіе изъ гражданскихъ законовъ; законъ же есть обязательство, уничтожающее или ограничивающее свободу и право. По природѣ всякій имѣетъ право пользоваться своими силами и способностями по своему произволу; но это право отмѣняется гражданскимъ закономъ, и вмѣсто права является обязанность повиноваться закону во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это повиновеніе не противорѣчитъ естественной потребности самосохраненія. Итакъ, законъ и право, lex и jus, также противоположны другъ другу, какъ свобода и обязательство.

Законъ и хартія. Также нелѣпо смѣшивать законъ съ хартіей. Хартія есть даръ верховной власти, стало-быть, не законъ, а изъятіе изъ закона. Законъ гласитъ: jubeo, injungo—повелѣваю, приказываю; рѣчь хартіи: dedi, concessi—дарую, уступаю, т. е. освобождаю отъ законнаго обязательства. Законъ обязываетъ всѣхъ гражданъ; но вольность, льгота или хартія освобождаетъ человѣка или часть народа отъ этой обязанности. Сказать же, что весь народъ имѣетъ въ данномъ случаѣ вольность, значитъ, что на этотъ случай не существуетъ закона или, если законъ существовалъ, то теперь отмѣненъ.

ГЛАВА XXVII.

О преступленіяхъ, оправданіяхъ и смягчающихъ обстоятельствахъ.

Грѣхъ. Грѣхъ, кромѣ нарушенія закона, составляетъ еще оскорбленіе законодателя. Это оскорбленіе равносильно нарушенію всѣхъ его законовъ, а не одного того, который нарушенъ въ данномъ случаѣ. Стало-быть, грѣховно не только совершеніе запрещеннаго поступка или несовершеніе предписаннаго, но и самое намѣреніе или желаніе преступить законъ. Впрочемъ грѣховно только желаніе нарушить законъ, потому что составляетъ оскорбленіе для законодателя, а не желаніе запрещеннаго безъ намѣренія нарушить законъ. Такъ напр. если кто тѣшитъ свое воображеніе, представляя себя обладающимъ женой, рабомъ и имуществомъ своего ближняго, не имѣя однако намѣренія противозаконно, обманомъ или насиліемъ, овладѣть ими, то это еще не составляетъ нарушенія закона, гласящаго: Не пожелай и пр.; или если кто съ удовольствіемъ воображаетъ или видитъ во снѣ погибель своего врага, то тутъ нѣтъ еще грѣха, пока нѣтъ намѣренія осуществить свое беззаконное желаніе. Наслаждаться представленіемъ пріятнаго такъ естественно для человѣка, что законъ, который запретилъ бы это, долженъ былъ бы запретить человѣку быть человѣкомъ. Поэтому я нахожу, что люди, считающіе грѣховными первыя движенія души, какъ напр. желанія и представленія, слишкомъ строги и къ самимъ себѣ, и къ другимъ. Довольно того, что человѣкъ не хочетъ дѣлать зла, которое обѣщаетъ ему наслажденіе;—наслаждаться же представленіемъ чего-нибудь еще не значитъ хотѣть во что бы то ни стало достичь этого.

Преступленіе. Преступленіе есть грѣхъ, состоящій въ совершеніи словомъ или дѣломъ чего-нибудь запрещеннаго закономъ или въ несовершеніи предписаннаго. Такимъ образомъ всякое преступленіе—грѣхъ, но

*

не всякій грѣхъ—преступленіе. Намѣреніе убить или украсть грѣшно, хотя бы не обнаруживалось ни дѣломъ, ни словомъ. Богъ видитъ всѣ намѣренія человѣка, и передъ Нимъ такіе помыслы грѣшны; но люди не могутъ ставить другъ другу въ вину намѣренія, ничѣмъ не обнаруженныя, и потому какъ бы ни были намѣренія грѣшны, но преступленіемъ ихъ нельзя назвать. Итакъ, грѣхъ отличается отъ преступленія тѣмъ, что первый есть всякое нарушеніе закона, а второе только такое, которое обнаружено передъ людьми и можетъ подлежать людскому суду. Греки выражали эти оттѣнки словами ἁμάρτημα, ἔγκλημα и αἰτία; первое переводится словомъ peccatum—грѣхъ, обозначающимъ всякое нарушеніе закона; два послѣднія переводятся словомъ crimen—преступленіе—и обозначаютъ только тѣ грѣхи, въ которыхъ люди могутъ обличать другъ друга. Это выражается самой этимологіей латинскаго термина crimen, который происходитъ отъ глагола cerno—понимаю, различаю, т. е. crimen есть грѣхъ, доступный человѣческому разумѣнію.

Безъ гражданскаго закона нѣтъ преступленія.

Безъ закона нѣтъ и грѣха, т. е. нарушенія закона. Но естественные законы вѣчны; стало-быть, и нарушенія ихъ всегда будутъ грѣхомъ. Напротивъ того, гражданскихъ законовъ можетъ не быть, а тогда нѣтъ и преступленій; потому что гдѣ не существуетъ иного закона, кромѣ естественнаго, тамъ всякій самъ свой судья и судится только своей совѣстью. Съ уничтоженіемъ гражданской власти уничтожается и преступленіе, ибо всѣ имѣютъ право на все, и нѣтъ ничего ни справедливаго, ни несправедливаго. Однако если государство разрушено мятежомъ, то разрушители остаются преступниками, потому что мятежъ, поднятый ими еще при существованіи государства, былъ преступленіемъ. Слѣдовательно, государство по своемъ возстановленіи можетъ судить и наказать ихъ.

Нельзя оправдываться незнаніемъ естественныхъ законовъ.

Преступленія порождаются одной изъ слѣдующихъ трехъ причинъ: невѣдѣніемъ, заблужденіемъ и увлеченіемъ страстями. Невѣдѣніе можетъ относиться или къ закону, или къ законодателю, или къ наказанію. Никто не можетъ оправдываться невѣдѣніемъ естественныхъ законовъ, ибо всякій, кто только обладаетъ естественнымъ смысломъ, долженъ сознавать и знать естественные законы, т. е. понимать, что не слѣдуетъ дѣлать другимъ того, чего не желаешь себѣ. Но такъ какъ гражданскіе законы основаны на естественныхъ, то нельзя оправдываться и незнаніемъ государственнаго закона. Кто бы ни былъ нарушитель его, онъ не можетъ считаться невиннымъ по невѣдѣнію. Такъ, еслибы къ намъ явился какой-

нибудь пришлецъ изъ Индіи и началъ бы проповѣдывать у насъ свою религію, противную нашей, то было бы излишне изслѣдовать истину его ученія; достаточно того, что онъ нарушилъ нашъ законъ, чтобы мы признали его преступнымъ и подвергли законному наказанію; дѣло въ томъ, что онъ самъ не дозволилъ бы намъ смущать умы своихъ согражданъ новыми ученіями.

Но незнаніе гражданскаго закона иногда служитъ оправданіемъ.

Однако если гражданскій законъ неудовлетворительно обнародованъ и неопубликованъ во всеобщее вѣдѣніе, такъ чтобы всякій могъ узнать его; если притомъ нарушеніе его не противорѣчитъ естественному закону, то незнаніе его можетъ служить извиненіемъ даже для гражданъ того государства, которое постановило его.

Незнаніе правительства не извиняетъ.

Никто не можетъ оправдывать свое сопротивленіе правительству незнаніемъ, кто составляетъ правительство, потому что всякій естественно долженъ знать, кто его защищаетъ и охраняетъ и къ кому онъ обратится за покровительствомъ.

Незнаніе наказанія не извиняетъ.

Незнаніе наказанія не извиняетъ никого, потому что если извѣстенъ законъ и извѣстно, что преступленіе влечетъ за собой какое-нибудь, хотя бы и неизвѣстное наказаніе, то совершающій преступленіе добровольно подвергаетъ себя всѣмъ, хотя бы неизвѣстнымъ ему, послѣдствіямъ своего поступка.

Здравый смыслъ требуетъ, чтобы тотъ, кто добровольно рѣшается нарушить законъ, подвергся наказанію, опредѣленному государствомъ за это нарушеніе.

Если наказаніе ограничивается закономъ или обычаемъ, то несправедливо подвергать преступника болѣе строгому наказанію. Притомъ наказаніе, переходящее за предѣлы благоразумной строгости, которая можетъ страхомъ предупреждать преступленія, не только не достигаетъ этой цѣли, но даже вызываетъ на преступленіе.

Намѣреваясь совершить преступленіе, люди взвѣшиваютъ выгоду отъ него съ тяжестью наказанія, которое оно можетъ навлечь на нихъ, и избираютъ то, что находятъ для себя болѣе выгоднымъ — обойтись безъ преступленія или подвергнуться наказанію. Но если ихъ потомъ накажутъ строже, чѣмъ положено закономъ или чѣмъ прежде наказывали другихъ за то же преступленіе, то выйдетъ уже, что законъ обманулъ ихъ и притворной слабостью вовлекъ въ преступленіе, чтобы потомъ поступить жестоко.

Законы не могутъ имѣть обратнаго дѣйствія.

Поступокъ, совершенный до изданія запрещающаго его закона, не можетъ сдѣлаться преступленіемъ въ силу этого новаго закона. Конечно, если этотъ поступокъ противорѣ-

читъ кромѣ того вѣчнымъ законамъ природы, то онъ преступенъ; но тогда уже нельзя сказать, что онъ совершенъ раньше существованія закона. Но гражданскій законъ уже потому не имѣетъ обратнаго дѣйствія, что пока не изданъ, не могъ быть и обнародованъ. Если законъ уже изданъ, но еще не опредѣлено наказанія за его нарушеніе, то по причинѣ, только что указанной, такое нарушеніе подлежитъ наказанію, опредѣленному уже по совершеніи его, лишь бы только оно не превышало степень строгости, полагавшейся доселѣ за подобныя провинности.

Заблужденія, порождающія преступленія, суть ложныя правила, ошибочныя толкованія законовъ или невѣрныя заключенія, выводимыя изъ истинныхъ началъ. Напр. люди видятъ, что законъ, обязательный для всего народа, безнаказанно нарушается сильными; видятъ, что понятія добродѣтели и преступленія ставятся въ прямую зависимость отъ удачи и неудачи. Такія явленія лишаютъ народъ всякаго уваженія къ закону, а софисты извлекаютъ изъ нихъ гнусныя ученія, проповѣдуя какъ неопровержимую истину, какъ аксіомы, что справедливость — пустое слово, что всякому принадлежитъ все, что онъ можетъ захватить и удерживать за собой своими средствами, хотя бы безчестными и опасными; что всякій господствующій обычай, т. е. все дѣйствительно существующее, все выдерживающее практику, не можетъ быть несправедливо; что давность, долговѣчность узаконяетъ все и проч. въ такомъ родѣ. Кромѣ того они измѣряютъ еще качество поступка цѣлью его, такъ что одно и то же дѣйствіе можетъ быть и достоинствомъ, и преступленіемъ, добродѣтелью и порокомъ, смотря по тому, увѣнчается ли успѣхомъ и нравятся ли имъ его результаты. Такъ Марій былъ злодѣй, Сулла, который дѣлалъ тоже самое, — великій человѣкъ, а Цезарь — опять злодѣй, хотя нарушалъ законы не больше Суллы. Словомъ, подобное ученіе должно возвратить человѣчество въ первобытное состояніе дикости и взаимной борьбы. Немудрено, что распространеніе его вызываетъ преступленія, и людей съ такими убѣжденіями можно удерживать отъ зла, какъ бы оно ни было велико, только страхомъ наказаній.

Во вторыхъ, есть люди, которые, приспособляя естественные и положительные божественные законы къ своимъ выгодамъ, толкуютъ ихъ такъ, что это толкованіе прямо противорѣчитъ гражданскимъ законамъ и нарушаетъ спокойствіе народа. Такіе люди представляютъ гражданамъ поводы и предлоги къ сопротивленію власти, заимствуя ихъ изъ религіи или изъ права естественнаго и гражданскаго.

Въ третьихъ, къ преступленіямъ нерѣдко приводятъ даже истинныя начала, если изъ нихъ выводятся неправильныя заключенія. Напр.

положимъ, что человѣкъ имѣетъ самыя вѣрныя понятія о предметахъ вѣры, но соединяетъ съ ними ожесточенную ненависть ко всѣмъ, кто думаетъ иначе. Выдавая свое озлобленіе за ревность къ дѣлу Божію, онъ воображаетъ себя непогрѣшимымъ и имѣющимъ священную обязанность возвращать заблудшихъ на истинный путь, не разбирая средствъ, потому что, по его мнѣнію, божественная цѣль оправдываетъ всѣ средства, даже преступныя. Я хотѣлъ бы поговорить съ однимъ изъ такихъ фанатиковъ, чтобы спросить: — Положимъ, что они заблуждаются; но тебѣ какое до этого дѣло? — Они развращаютъ народъ. — Опять-таки, тебѣ что до этого. Попеченіе о благѣ народа принадлежитъ правительству, а не тебѣ. — Да, но подъ властью правительства, и я могу заботиться о немъ. — Если такъ, то учи. — Учу, но напрасно. — Въ такомъ случаѣ, исполнивъ свое дѣло, перестань учить и ругай, потому что, кромѣ этого, все, что ты ни сдѣлаешь подъ вліяніемъ озлобленія, будетъ преступленіе.

Изъ страстей, къ преступленіямъ всего чаще возбуждаютъ гнѣвъ, алчность и другія сильныя желанія. Впрочемъ они не доводятъ до преступленій, если съ ними не соединяется надежда на достиженіе желаемаго, потому что никто не сдѣлаетъ преступленія ни для какого блага, которымъ не надѣется овладѣть. Иногда эта надежда лишь самообольщеніе, если человѣкъ изъ тщеславія воображаетъ себя сильнѣе и способнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Но въ другихъ случаяхъ она основана на богатствѣ, сильныхъ связяхъ, умѣ, знатности или популярности. Все это даетъ надежду на безнаказанность. Богатствомъ можно подкупить судей и свидѣтелей. Друзья могутъ избавить отъ наказанія заступничествомъ, а въ иныхъ случаяхъ и силой. Популярность можетъ доставить безнаказанность, угрожая карающей власти большимъ кровопролитіемъ, если она захочетъ подвергнуть виновнаго взысканію, а кровопролитіе невыгодно для государства, такъ что власть иногда принуждена отказаться отъ преслѣдованія.

Высокое мнѣніе о своемъ умѣ производитъ желаніе возбуждать удивленіе; такіе люди жаждутъ поклоненія толпы и для этого пускаются въ пересуды объ общественныхъ дѣлахъ и о государственной религіи, объ управленіи гражданами и церковью, что очень часто вызываетъ важныя смуты и безпорядки. Впрочемъ, подобная мудрость, доводящая до такихъ поступковъ, есть самообольщеніе, и упованіе, возлагаемое на нее, обыкновенно обманываетъ. Кромѣ мудрости, люди полагаются еще на свою хитрость, что также побуждаетъ ихъ къ преступленіямъ, потому что они считаютъ остальныхъ слишкомъ ограниченными, чтобы проникнуть ихъ умыслы. Надо замѣтить, что смуты, возбуждаемыя въ госу-

дарствахъ подобными людьми и приводящія къ междоусобіямъ, рѣдко приносятъ выгоду своимъ зачинщикамъ; жизнь человѣческая слишкомъ коротка, чтобы они могли дожить до результатовъ своей дѣятельности, и плоды ихъ преступленій пожинаетъ уже потомство, притомъ такъ, какъ они вовсе не желали бы. Уже одно это доказываетъ, что они далеко не такъ умны, какъ воображаютъ. Что касается до хитростей, то мракъ, въ который хитрецы думаютъ облечь свои козни, есть ничто иное, какъ собственная слѣпота ихъ: они неумнѣе дѣтей, которые, зажмурившись, думаютъ, что спрятались.

Притомъ надо еще замѣтить, что всѣ тщеславные люди непремѣнно трусливы и обидчивы дотого, что готовы перетолковывать въ оскорбительномъ для себя смыслѣ самый обыкновенный разговоръ. А трусость побуждаетъ людей на всевозможныя преступленія.

Что касается самихъ страстей, какъ ненависть, честолюбіе, корысть, сластолюбіе, то всякій по опыту и по разсудку знаетъ, какія преступленія онѣ производятъ. Эти нравственные недуги до такой степени тѣсно связаны съ самой сущностью природы человѣка и всѣхъ животныхъ, что только необыкновенная сила убѣжденія или постоянная угроза наказанія могутъ предотвратить ихъ послѣдствія. Такъ напр. ненависть постоянно и непреодолимо увлекаетъ людей. Чтобы не дойти черезъ нее до преступленія, человѣкъ долженъ или обладать неистощимымъ запасомъ терпѣнія, или найти себѣ выходъ въ устраненіи ненавистной силы. Первое слишкомъ трудно; остается второе, которое невозможно безъ преступленія. Честолюбіе и корысть, какъ страсти, постоянно присутствуютъ въ человѣкѣ и увлекаютъ его, а разсудокъ не всегда на своемъ мѣстѣ, чтобы противиться этому увлеченію, такъ что едва является надежда на безнаказанность, какъ онѣ торжествуютъ, и преступленіе совершается. Сластолюбіе же—страсть столь сильная, что увлекаетъ человѣка при малѣйшей надеждѣ на безнаказанность, при малѣйшей сомнительности наказанія.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ рѣдкихъ особенно возвышенныхъ характеровъ, люди склонны нарушать законы всякій разъ, какъ отъ этого предвидится какая-нибудь выгода или удовольствіе. Рѣже другихъ страстей, но тоже очень часто преступленія вызываются страхомъ. Правда, только страхъ и удерживаетъ людей отъ совершенія всѣхъ преступленій; но во многихъ случаяхъ онъ самъ является причиною преступленій.

Страхъ можетъ иногда также извинять преступныя дѣйствія, но не всякій, а только физическій страхъ, т. е. опасеніе за безопасность своего тѣла. Защищать свое тѣло есть неотъемлемое естественное

право каждаго. Напр. если на человѣка нападаютъ и грозятъ немедленно лишить его жизни, и онъ, отбиваясь, убьетъ нападающаго, то это не преступленіе; ибо хотя каждый предоставилъ государству попеченіе о своей безопасности, но если правительство не можетъ во время прійти на помощь, то остается самому защищать себя. Но если человѣкъ, по чему-нибудь заключивъ, что другой намѣренъ покуситься на его жизнь, самъ убьетъ его, то это будетъ преступленіе, какъ бы ни были основательны его опасенія; здѣсь можно признать, что человѣкъ поступилъ такимъ образомъ не изъ страха, а изъ ненависти, потому что ему не было настоятельной опасности, и онъ имѣлъ время обратиться къ защитѣ государства. Когда гражданинъ, услышавъ отъ другаго оскорбительныя для себя выраженія, за которыя впрочемъ законъ не полагаетъ никакого наказанія, и опасаясь, что его сочтутъ трусомъ, если онъ не отмститъ за обиду оружіемъ, вызоветъ и убьетъ обидчика, то этотъ поступокъ будетъ преступленіемъ, и его нельзя извинять страхомъ. Государство желаетъ, чтобы его слова, т. е. законы, имѣли въ глазахъ гражданъ больше вѣса, чѣмъ слова частныхъ людей. Съ другой стороны оно не положило наказанія за оскорбительныя слова, потому что считаетъ людей, которые не могутъ выносить даже словъ, самыми слабыми и малодушными. Преступленій не извиняетъ даже страхъ передъ Богомъ; тѣмъ болѣе не можетъ извинять ихъ страхъ передъ разными выдумками, пугающими суевѣрныхъ людей, какъ напр. привидѣнія, призраки, оборотни и прочій вздоръ, который мерещится глупцамъ во снѣ и наяву.

Всякое преступленіе противно справедливости, и потому Богу угоденъ не тотъ, кто совершаетъ преступленіе, а тотъ, кто его убѣгаетъ. Стало-быть, кто выполняетъ требованія справедливости, тому нечего бояться божественной кары, хотя бы иные люди старались напугать его этой угрозой подъ предлогомъ религіи, но въ сущности изъ личныхъ видовъ.

Обстоятельства усиливающія и ослабляющія преступленіе.

Изъ различія причинъ, порождающихъ преступленія, очевидно, что древніе стоики ошибочно считали всѣ преступленія равными. Преступленіе можетъ быть не только оправдано, если дѣйствіе, казавшееся преступнымъ, окажется справедливымъ, но и извинено, если проступокъ, казавшійся важнымъ, окажется незначительнымъ. Хотя, конечно, всякое преступленіе несправедливо, какъ всякое уклоненіе отъ прямой линіи есть кривизна, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ преступленія были одинаково несправедливы, какъ не все кривое одинаково криво.

Оправдывающія обстоятельства.

Совершенно оправдывать поступокъ и уничтожать самую сущность преступленія можетъ только то, что вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ и обязательное значеніе закона. Но пока человѣкъ обязанъ соблюдать законъ, всякій противозаконный поступокъ необходимо дѣлаетъ его преступникомъ.

Полная невозможность знать законы совершенно оправдываетъ, и для того, кто не можетъ узнать закона, онъ не существуетъ. Однако, какъ мы сказали выше, невозможностью узнать законы нельзя назвать нежеланіе знать ихъ; всякій человѣкъ, способный завѣдывать своими частными дѣлами, предполагается въ возможности знать законы; эта невозможность существуетъ лишь для дѣтей и умалишенныхъ. Законы утрачиваютъ обязательную силу для того, кто взятъ на войнѣ въ плѣнъ или какъ-нибудь иначе находится во власти непріятеля (я считаю, что человѣкъ находится во власти непріятеля, если его личность или средства къ существованію по независящимъ отъ него причинамъ попали въ руки враговъ). Тогда человѣку предстоитъ выборъ между повиновеніемъ врагу или смертью, а сохранять жизнь позволительно всѣми способами.

Если человѣкъ страхомъ смерти вынужденъ сдѣлать что-нибудь противозаконное, то вполнѣ правъ, потому что сохраненіе жизни дороже всего. Если даже допустить, что онъ обязанъ въ этомъ случаѣ пренебречь жизнью, то нельзя отказать ему въ правѣ разсудить слѣдующимъ образомъ: если я не сдѣлаю того, что мнѣ приказываютъ, то буду убитъ тотчасъ, а если сдѣлаю, то меня убьютъ позже; слѣдовательно, повиновеніемъ я продлю на нѣкоторое время свою жизнь. Такимъ образомъ здѣсь сама природа побуждаетъ повиноваться.

Если кто, не имѣя пищи или другихъ вещей, необходимыхъ для жизни, и не будучи въ состояніи поддержать свою жизнь, не нарушивъ закона, украдетъ или отниметъ чужое добро, то будетъ вполнѣ правъ.

Противозаконныя дѣйствія, совершенныя человѣкомъ по чьему-нибудь полномочію, не составляютъ проступка въ отношеніи уполномочившаго, потому что онъ не долженъ обвинять своего представителя; но они преступны въ отношеніи третьяго лица, которое понесло отъ нихъ вредъ, и въ отношеніи государства, законы котораго нарушены. Стало-быть, если государь или правительствующее собраніе повелятъ подданному нарушить существующій законъ, то онъ будетъ невиненъ. Здѣсь правительство не можетъ осудить дѣйствія, совершеннаго по его же приказу, и должно будетъ признать, что само отмѣнило этотъ законъ въ отношеніи даннаго случая.

Если правительство дастъ гражданину какую-нибудь привилегію или льготу, препятствующую дѣйствіямъ верховной власти и потому несовмѣстную съ ея правами, то, воспользовавшись этой льготой, гражданинъ поступитъ безнравственно и несогласно съ гражданскимъ долгомъ. Всѣ граждане обязаны умѣть отличать, согласно ли данное условіе съ правами государства; они должны заботиться о неприкосновенности этихъ правъ, потому что государство учреждено самими гражданами для собственнаго благосостоянія и съ добровольнаго согласія; слѣдовательно, если выданная льгота очевидно несогласна съ правами верховной власти, то они должны разсудить, что она дана по незнанію опасныхъ слѣдствій, которыя можетъ имѣть для государства. А если сверхъ того гражданинъ на основаніи своей привилегіи не только откажетъ общественному служителю въ повиновеніи, но еще станетъ противиться отправленію имъ своей обязанности, то это будетъ уже положительное преступленіе; ибо онъ могъ защищать свои права законнымъ путемъ, но ни въ какомъ случаѣ не могъ нарушить мира.

Степень важности преступленія зависитъ отъ разныхъ причинъ. Здѣсь должно брать во вниманіе, во первыхъ, что побудило на преступленіе; во вторыхъ, насколько заразителенъ примѣръ; въ третьихъ, какъ великъ причиненный вредъ; въ четвертыхъ, каковы были обстоятельства времени, мѣста и лицъ.

Усиливающія преступленіе обстоятельства.

Преступленіе усиливается, если виновникъ его сопротивляется общественнымъ служителямъ, полагаясь на свою силу, богатство или связи; оно имѣетъ менѣе важности, если виновникъ полагаетъ всю свою надежду на возможность скрыться или бѣжать. Надежда на безнаказанность, порождаемая увѣренностью въ своей силѣ, служитъ зерномъ, изъ котораго во всякое время и при всякомъ удобномъ случаѣ непремѣнно возникнетъ неуваженіе къ законамъ, тогда какъ поступки, совершаемые только въ надеждѣ на возможность скрыться или убѣжать, требуютъ исключительно благопріятныхъ условій для совершенія ихъ, и съ одной этой надеждой люди гораздо менѣе способны на преступленіе.

Человѣкъ, совершающій преступленіе, зная его противозаконность, болѣе преступенъ, чѣмъ тотъ, кто совершаетъ такой же поступокъ, считая его дозволительнымъ. Ибо поступающій противъ собственной совѣсти очевидно разсчитываетъ на свою силу, и можно думать, что онъ и впослѣдствіи всегда будетъ поступать противозаконно по тому же разсчету; напротивъ того, кто дѣйствуетъ преступно по ошибкѣ, тотъ, увидавъ свое заблужденіе, будетъ сообразжаться съ законами.

Кто впадаетъ въ провинность, будучи вовлеченъ въ заблужденіе учителемъ или истолкователемъ законовъ, поставленнымъ отъ прави-

тельства, тотъ менѣе виновенъ, чѣмъ человѣкъ, впадающій въ ту же провинность вслѣдствіе собственныхъ заблужденій и ложныхъ умствованій. Ученіе лица, поставленнаго правительствомъ, есть ученіе самого государства, и пока незапрещено, до нѣкоторой степени равносильно гражданскимъ законамъ. Поэтому заблужденія, въ которыя вводитъ это ученіе, вполнѣ извинительны, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, если не составляютъ отрицанія верховной власти и не противорѣчатъ основнымъ законамъ справедливости. Но поступки, вытекающіе изъ личныхъ убѣжденій, подвергаютъ совершающаго ихъ полной отвѣтственности, если они преступны, какъ съ другой стороны доставляютъ ему полную честь, если честны.

Одно и тоже преступленіе важнѣе, если оно прежде постоянно подвергалось наказанію, чѣмъ тогда, когда преступникъ имѣлъ передъ собой много примѣровъ безнаказанности. Чѣмъ больше было этихъ примѣровъ, тѣмъ виновнѣе само правительство въ существованіи надежды на безнаказанность. Ободряющій совершить преступленіе и подающій надежду на безнаказанность становится этимъ соучастникомъ въ преступленіи, и здравый смыслъ не позволяетъ слагать въ этихъ случаяхъ всю вину на одного совершителя преступленія.

Преступленіе, совершенное подъ вліяніемъ внезапнаго припадка страсти, извинительнѣе, чѣмъ совершенное обдуманно. Въ первомъ случаѣ оно еще можетъ быть нѣсколько извинено общею всѣмъ слабостью человѣческой природы. Но кто совершаетъ преступленіе обдуманно, тотъ—можно предполагать—поступилъ сознательно, безъ увлеченія, обратилъ вниманіе на законъ, сообразилъ грозящее ему наказаніе, зналъ, какой вредъ причинитъ преступленіе обществу и тѣмъ неменѣе презрѣлъ все это и принесъ въ жертву своему желанію. Впрочемъ, страстность также не можетъ вполнѣ оправдать преступленіе. Человѣкъ и въ пылу страсти есть существо разумное, способное разсуждать и, стало быть, подлежащее отвѣтственности за свои поступки; кромѣ того, какъ гражданинъ, онъ былъ обязанъ знать законы и изученіемъ ихъ исправлять неправильность своихъ страстей.

Одно и тоже преступленіе должно разсматриваться строже тамъ, гдѣ законы постоянно читаются и изъясняются народу, чѣмъ тамъ, гдѣ граждане не могутъ этимъ путемъ узнавать законы и должны освѣдомляться о нихъ у частныхъ людей, преодолѣвать для этого различныя затрудненія, прерывать собственныя занятія, не имѣя притомъ возможности убѣждаться въ вѣрности полученныхъ свѣдѣній. Во всякомъ преступленіи отчасти виноваты общіе недостатки человѣческой природы. Но въ первомъ случаѣ преступленіе кромѣ того доказываетъ презрѣніе

къ верховной власти, которая сдѣлала все, чтобы объявить свою волю, но преступникъ не обратилъ на это вниманія.

Преступность противозаконнаго дѣйствія можетъ быть ослаблена, если законодатель молча одобритъ его, выразивъ однако свое одобреніе какимъ-нибудь несомнѣннымъ признакомъ. Всякая воля законодателя, т. е. правительства, составляетъ законъ, который граждане соблюдаютъ даже чаще, чѣмъ писанные законы. Стало-быть, если законодатель говоритъ да, а положительный законъ—нѣтъ, то нарушитель втораго совершенно правъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда волю законодателя нельзя иначе узнать, какъ изъ словъ закона. Наказанію подвергается нетолько нарушеніе закона, но и пренебреженіе къ волѣ правительства (напр. потеря благосклонности государя есть уже нѣкоторое наказаніе); поэтому при противорѣчіи между закономъ и волей правительства преступника несправедливо наказывать. Напримѣръ, законъ запрещаетъ поединки между частными гражданами и полагаетъ за нихъ уголовныя наказанія; общественное мнѣніе считаетъ обезчещеннымъ того, кто, будучи вызванъ на поединокъ, отказывается или уклоняется отъ него, и никакой писанный законъ не возстановитъ потерянной чести; положимъ теперь, что и самъ правитель раздѣляетъ это мнѣніе и признаетъ человѣка, непринявшаго вызова, недостойнымъ никакой военной должности. Если при такихъ условіяхъ человѣкъ принимаетъ вызовъ, такъ какъ дѣлать угодное правителю кажется многимъ нетолько дозволительнымъ, но даже обязательнымъ, то преступленіе его можетъ быть хотя неоправдано, но до нѣкоторой степени извинено, потому что часть вины падаетъ на самого государя, т. е. на того, кто имѣетъ право наказывать. Я говорю это не для того, чтобы оправдать частное мщеніе, а для того, чтобы убѣдить правителей не потворствовать косвенно поступкамъ, которые они сами запрещаютъ въ своихъ законахъ. Примѣръ государя всегда имѣетъ вліяніе на поступки гражданъ и даже гораздо больше, чѣмъ писанные законы.

Измѣряя степень преступленія по вреду, который оно причиняетъ, мы находимъ, что одно и тоже дѣйствіе будетъ тѣмъ преступнѣе, чѣмъ большее число лицъ терпитъ отъ него вредъ. На томъ же основаніи дѣйствіе, которое вредитъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, которое можетъ служить дурнымъ примѣромъ, преступнѣе дѣйствія, вредъ котораго ограничивается настоящимъ, т. е. преступленіе тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ обильнѣе его вредныя послѣдствія.

Преступленія противъ религіи

Если учитель, утвержденный въ этой должности общественною властью, распространяетъ ученія, противныя государственной религіи, то совершаетъ этимъ большее преступленіе,

чѣмъ частный гражданинъ, дѣлающій тоже. Тоже должно сказать о порочной жизни и о всякомъ нечестивомъ дѣйствіи. Подобнымъ же образомъ поддерживать какое-нибудь ученіе или совершать какое-нибудь дѣйствіе, оскорбительныя или вредныя для верховной власти, гораздо большее преступленіе со стороны ученаго законовѣда, состоящаго на государственной службѣ, чѣмъ для всякаго другаго. Такія лица не только сами совершаютъ преступленіе, но своимъ примѣромъ побуждаютъ къ тому же и другихъ. Вообще соблазнъ, подаваемый преступленіемъ, увеличиваетъ его тяжесть, потому что неученые люди, подобно идущимъ въ-потьмахъ, смотрятъ не на дорогу, а на свѣтъ, который учители показываютъ имъ впереди.

Laesa Majestas. Дѣйствія, вредящія всему государству, преступнѣе тѣхъ, которыя вредятъ частнымъ лицамъ, потому что вредъ, наносимый государству, простирается и на всѣхъ гражданъ въ частности. Къ преступленіямъ этого рода относятся измѣнническая сдача крѣпости, преданіе непріятелю государственныхъ тайнъ и всѣ поступки, направленные противъ человѣка или собранія, представляющаго лицо государства, и приносящіе ущербъ верховной власти черезъ насиліе или обманъ. Преступленія этого рода называются **оскорбленіемъ величества** — Laesa Majestas.

Подкупъ и лжесвидѣтельство. Дѣйствія, отнимающія силу у судебныхъ приговоровъ, преступнѣе частныхъ правонарушеній. Такъ продать или купить судебный приговоръ или лжесвидѣтельствовать преступнѣе, чѣмъ выманить посредствомъ обмана такую же сумму денегъ у частнаго человѣка. Несправедливые судебные приговоры не только вредятъ частнымъ гражданамъ, но и дѣлаютъ безполезными самые суды, чѣмъ заставляютъ прибѣгать къ частной расправѣ, т. е. возбуждаютъ войну.

Казнокрадство. Расхищеніе общественной казны—преступленіе болѣе важное, чѣмъ похищеніе или присвоеніе посредствомъ обмана частной собственности, потому что ограбить государство значитъ одновременно ограбить всѣхъ гражданъ.

Самозванство. Самозванно присвоивать себѣ значеніе общественной власти, поддѣлывать государственныя печати или государственную монету—преступленія большія, чѣмъ присвоивать себѣ имя частнаго лица или поддѣлывать частныя печати: потому что въ первомъ случаѣ обманъ вредитъ многимъ гражданамъ, а во второмъ—одному.

Преступленія противъ частныхъ лицъ. Противозаконныя дѣйствія, которыми нарушаются права частныхъ лицъ, тѣмъ преступнѣе, чѣмъ ощутительнѣе наносимый вредъ, и потому:

Противозаконное убійство преступнѣе всякаго другого правонарушенія, несопровождаемаго лишеніемъ жизни;

Изувѣченіе преступнѣе похищенія имущества;

Похищеніе имущества съ покушеніемъ на жизнь и нанесеніемъ ранъ преступнѣе тайной кражи;

Тайная кража преступнѣе присвоенія чужой собственности обманомъ;

Изнасиловать женщину преступнѣе, чѣмъ обольстить; изнасилованіе замужней преступнѣе изнасилованія незамужней.

Такова общая оцѣнка преступленій, хотя одни и тѣ же вредныя слѣдствія ихъ могутъ быть для однихъ болѣе ощутительными, чѣмъ для другихъ. Но законы сообразуются не съ мнѣніями и чувствами частныхъ лицъ, а съ общимъ сознаніемъ человѣчества.

Многіе считаютъ выраженіе презрѣнія словомъ или тѣлодвиженіемъ вредомъ и оскорбленіемъ. Однако ни въ греческомъ, ни въ римскомъ, ни въ современныхъ законодательствахъ подобные знаки презрѣнія не считаются правонарушеніемъ. Эти законодательства хорошо поняли, что здѣсь зло происходитъ не отъ словъ, ибо люди, сознающіе свою правоту, пропускаютъ оскорбительныя слова мимо ушей, не удостоивая ихъ никакого вниманія, а отъ малодушія того, кто способенъ огорчиться пустыми звуками.

Наконецъ степень преступленій противъ частнаго гражданина зависитъ отъ обстоятельствъ лица, времени и мѣста. Убить отца гораздо преступнѣе, нежели убить какого-нибудь посторонняго человѣка; потому что послѣ правительства должно болѣе всего почитать отца, такъ какъ до учрежденія государства ему принадлежала верховная власть надъ дѣтьми. Ограбить бѣднаго преступнѣе, чѣмъ похитить столько же у богатаго; потому что въ первомъ случаѣ вредъ гораздо ощутительнѣе. Тяжесть преступленія увеличивается, если оно совершено во время священнодѣйствія или въ мѣстѣ, посвященномъ богослуженію, потому что здѣсь кромѣ самаго преступленія обнаруживается еще пренебреженіе къ закону и къ религіи.

Можно было бы привести много другихъ примѣровъ усиленія и ослабленія преступленія; но и приведенныхъ достаточно, чтобы судить, какія условія принимаются при этомъ въ разсчетъ.

Общественное преступленіе. Всякое преступленіе нарушаетъ не только право частнаго человѣка, но и цѣлаго государства. Вотъ почему всякое преступленіе, какъ скоро обвинителемъ является правительство, называется **общественнымъ преступленіемъ**, и судебные приговоры надъ общественными преступленіями называются **общественными приговорами**. У насъ ихъ называютъ **рѣшеніями короны**.

ГЛАВА XXVIII.

О наказаніяхъ и наградахъ.

Опредѣленіе наказанія.

Наказаніе есть вредъ, наносимый общественною властью нарушителю закона съ цѣлью страхомъ удерживать прочихъ гражданъ въ повиновеніи.

Право наказывать.

Прежде чѣмъ выводить что-нибудь изъ этого опредѣленія, мнѣ слѣдуетъ отвѣтить на важный вопросъ о томъ, на чемъ основано право наказывать. Очевидно, что никто не можетъ обязаться договоромъ не сопротивляться насилію; поэтому нельзя предположить, чтобы кто-нибудь далъ кому-нибудь право поступать съ нимъ насильственно. При учрежденіи государства всякій отказывается отъ своего права защищать другаго, но никто не уступаетъ своего права защищать самого себя. Каждый обязывается помогать верховной власти наказывать всякаго другаго, но никакъ не самого себя. Притомъ обязаться помогать правительству еще не значитъ дать ему право наказывать кого бы то ни было. Итакъ очевидно, что право наказывать, принадлежащее государству, т. е. правительству, основано не на уступкѣ, т. е. не на согласіи гражданъ. Выше мы показали, что до учрежденія государства всякій имѣлъ естественное право дѣлать все, что ему покажется необходимымъ для своего сохраненія, и въ этомъ-то естественномъ правѣ заключается истинное основаніе государственнаго права наказывать гражданъ. Гражданамъ не было никакой надобности уступать правительству это право, потому что правительство, какъ естественное лицо, имѣло его отъ природы еще до своего учрежденія въ званіи правительства. Стало-быть, граждане и не могли дать ему то, что оно и безъ того уже имѣло. Но между тѣмъ какъ граждане отреклись отъ этого права, правительство удержало его за собой, а отреченіе гражданъ дало праву правительства такую силу, что оно можетъ по своему произволу пользоваться своимъ естественнымъ правомъ для удержанія прочихъ гражданъ отъ враждебныхъ ему поступковъ. Слѣдовательно, это право не дано ему, а оставлено за нимъ, притомъ за нимъ однимъ и въ той же полнотѣ, какую до учрежденія государство имѣло для каждаго частнаго лица.

Частная месть не наказаніе.

Изъ нашего опредѣленія наказанія вытекаетъ, во первыхъ, что частныя оскорбленія и частная месть не могутъ считаться наказаніями въ собственномъ смыслѣ этого слова, потому что происходятъ не отъ государственной власти.

Немилость не наказаніе.

Во вторыхъ, не пользоваться благосклонностью правителя или не получать наградъ не составляетъ для гражданина наказанія, потому что онъ не терпитъ отъ этого никакого вреда и только безъ всякаго для него оскорбленія оставляется въ томъ состояніи, въ какомъ былъ.

Вредъ, наносимый властью безъ суда, не наказаніе.

Въ третьихъ, вредъ, наносимый общественною властью безъ предварительнаго суда, такъ-называемыя административныя мѣры, хотя бы очень вредящія,—не наказаніе, а просто зло, потому что общественная власть должна была прежде изслѣдовать и осудить наказываемый поступокъ.

Вредъ, наносимый похищенною властью, не наказаніе.

Въ четвертыхъ, вредъ, наносимый незаконною властью, похитителемъ власти,—не наказаніе, а просто зло, потому что дѣйствія незаконной власти не могутъ быть вмѣнены осужденному лицу, какъ дѣйствія законнаго правительства, и потому суть дѣйствія частныя, а не общественныя.

Безцѣльный вредъ не наказаніе.

Въ пятыхъ, вредъ, наносимый безцѣльно, безъ мысли о пользѣ его, безъ намѣренія и надежды получить отъ него какіе-нибудь полезные результаты, напр. заставить гражданъ соблюдать законы,—опять-таки просто злобный поступокъ, потому что наказаніе по сущности своей предполагаетъ полезную цѣль.

Естественныя вредныя послѣдствія не наказаніе.

Въ шестыхъ, извѣстныя дѣйствія естественно сопровождаются извѣстными вредными слѣдствіями; такъ, нападающій можетъ быть самъ убитъ или раненъ; разныя запрещенныя излишества влекутъ за собой болѣзни и т. д. Подобныя вредныя послѣдствія, хотя могутъ быть справедливо названы Божеской карой, но наказанія въ общественномъ смыслѣ не составляютъ, потому что здѣсь зло причиняется не гражданской властью.

Вредъ, неуравновѣшивающій выгоды преступленія, не наказаніе.

Въ седьмыхъ, если вредъ наказанія не уравновѣшиваетъ выгоды, естественно вытекающей изъ преступленія, то въ сущности онъ вовсе не наказаніе; это скорѣе плата за преступленіе, чѣмъ наказаніе. Наказаніе по своей сущности имѣетъ цѣлью исправлять гражданъ, а наказаніе, которому выгоднѣе подвергнуться, чѣмъ отстать отъ преступленія, производитъ противный результатъ.

Незаконная строгость не наказаніе.

Въ восьмыхъ, если преступленіе наказывается строже, чѣмъ положено по закону, то излишекъ строгости уже не

наказаніе, а просто зло. Цѣль наказанія не месть, а устрашеніе; стало-быть, если въ законѣ уже опредѣлена извѣстная степень строгости, необходимая для устрашенія, то этимъ самымъ преступникъ обезпечивается отъ большей строгости; если законная степень превышается, то излишекъ будетъ уже месть, т. е. не наказаніе, а просто зло. Но если въ законѣ нѣтъ опредѣленія степени наказанія, то наказаніемъ будетъ все, къ чему правительство присудитъ преступника; ибо совершающій запрещенный поступокъ, но за который еще не опредѣлено размѣра взысканія, идетъ на неизвѣстное, т. е. подчиняется произволу.

Вредъ, наносимый за дѣйствіе законное, не наказаніе.

Въ девятыхъ, вредъ, наносимый за поступки, незапрещенные закономъ, не наказаніе, а просто злобное дѣйствіе. Если нѣтъ закона, то не можетъ быть и преступленія противъ закона; а наказаніе предполагаетъ, что изслѣдованный и осужденный поступокъ составляетъ нарушеніе закона.

Правительство не наказуемо.

Въ девятыхъ, вредъ, наносимый правителъству, не наказаніе, а просто враждебное дѣйствіе, потому что выходитъ не отъ общественной власти.

Покараніе мятежниковъ основано на правѣ войны, а не на правѣ наказанія.

Наконецъ, вредъ, наносимый внѣшнему непріятелю, не можетъ быть названъ наказаніемъ, потому что внѣшніе враги не граждане. Но еслибы даже часть гражданъ, отпавъ отъ правительства, объявила ему вражду, то всякій наносимый имъ вредъ будетъ уже не наказаніемъ, потому что они перестали быть гражданами. На войнѣ всякое зло законно; право войны дозволяетъ наносить непріятелю всяческій вредъ. Стало-быть, если гражданинъ словомъ или дѣломъ заявитъ, что сознательно и обдуманно отвергаетъ правительственную власть, то всякое зло, которому правительство подвергнетъ его, какъ бы ни было произвольно, будетъ вполнѣ законно. Отрицая власть, мятежникъ отрицаетъ и ея законы и потому не можетъ ссылаться на законную степень наказанія. Объявивъ себя врагомъ верховной власти, онъ сталъ внѣ законовъ и подвергается всѣмъ послѣдствіямъ права войны.

Наказанія раздѣляются на божескія и человѣческія. О первыхъ мы будемъ говорить въ болѣе приличномъ для того мѣстѣ ниже.

Человѣческія наказанія тѣ, которыя налагаются людьми и состоятъ въ тѣлесномъ страданіи, денежной пенѣ, лишеніи чести, тюремномъ заключеніи и въ изгнаніи.

Тѣлесное наказаніе.

Тѣлесное наказаніе то, которому по волѣ наказующаго подвергается тѣло виновнаго, каковы побои, раны и лишеніе физическихъ наслажденій.

Уголовныя наказанія.

Важнѣйшія изъ этихъ наказаній называются уголовными. Уголовное наказаніе состоитъ въ лишеніи жизни просто или съ мученіями. Другія тѣлесныя наказанія заключаются въ побояхъ, ранахъ, оковахъ и всякихъ другихъ физическихъ страданіяхъ, которыя сами по себѣ не смертельны. Если бы даже по какому-нибудь случаю отъ такого наказанія непредвидѣнно произошла смерть, то оно все-таки не называется уголовнымъ.

Пеня.

Денежное наказаніе состоитъ въ лишеніи нетолько какой-нибудь суммы денегъ, но и всякой вещи, которую можно обмѣнить на деньги. Но надо замѣтить, что назначать денежное наказаніе единственно съ цѣлью взять съ нарушителя закона извѣстную сумму значитъ въ сущности не наказывать, а брать плату за привиллегію нарушать законъ, продавать изъятіе отъ закона. Выходитъ, что законъ запрещаетъ извѣстное дѣйствіе не всѣмъ гражданамъ безусловно, а только тѣмъ, которые не могутъ заплатить за совершеніе его опредѣленной суммы. Слѣдовательно, при нарушеніи естественныхъ и религіозныхъ законовъ денежное наказаніе не имѣетъ никакого смысла, потому что божественные и естественные законы не допускаютъ никакихъ изъятій.

Безчестіе.

Безчестіе состоитъ въ нанесеніи такого вреда, съ которымъ государство соединяетъ опозоривающее значеніе, или въ отнятіи такого блага, которое дано государствомъ въ знакъ почета. Есть вещи почетныя по самой своей природѣ, какъ храбрость, великодушіе, мудрость и другія тѣлесныя и душевныя достоинства. Другія вещи почетны только потому, что государство опредѣлило ихъ служить знаками почета, какъ ордена, титулы, чины и всякіе особые знаки милости правительства. Государство не можетъ отнимать первыя, но вторыя отнимаются за вины, и лишеніе ихъ составляетъ наказаніе въ собственномъ смыслѣ.

Тюремное заключеніе.

Подъ тюремнымъ заключеніемъ я понимаю всякое лишеніе физической свободы. Государство отнимаетъ ее по двумъ причинамъ: во первыхъ, чтобы преступникъ не убѣжалъ; во вторыхъ, чтобы это послужило ему наказаніемъ. Лишеніе свободы на основаніи первой причины не составляетъ наказанія, потому что справедливость не дозволяетъ наказывать до осужденія. Поэтому естественный законъ запрещаетъ заключать обвиненнаго въ тюрьму, если заключеніе само по себѣ составляетъ большее страданіе, чѣмъ наказаніе, которое грозитъ обвиненному въ случаѣ осужденія. Лишеніе свободы на основаніи второй причины есть наказаніе, потому что свободы лишаетъ государство и притомъ по разсмотрѣніи обвиненія и по осужденіи преступленія.

*

Изгнаніе. Изгнаніе состоитъ въ томъ, что гражданинъ осуждается за преступленіе удалиться изъ предѣловъ государства на извѣстный срокъ или навсегда. Само по себѣ, помимо какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ это не наказаніе, а скорѣе средство спасенія или приказъ правительства преступнику избѣжать наказанія бѣгствомъ.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ римскихъ законовъ, Цицеронъ, утверждаетъ, что въ Римѣ изгнаніе не считалось наказаніемъ; онъ называетъ его прибѣжищемъ гражданъ, находящихся въ опасности. Изгнанникъ, которому дозволяется пользоваться имуществомъ и доходами, вынужденъ только перемѣнить климатъ, что само по себѣ не составляетъ наказанія и ведетъ не къ пользѣ гражданъ, служащей цѣлью наказанія, а скорѣе къ ихъ вреду. Изгнанникъ естественно и законно дѣлается врагомъ государства, ибо онъ уже не членъ его. Но если съ изгнаніемъ соединено лишеніе имущества, то это будетъ уже денежное наказаніе.

Наказаніе невинныхъ. Всякое наказаніе, которому подвергается невинный, будетъ ли оно тяжко или ничтожно, во всякомъ случаѣ противно законамъ природы и составляетъ не наказаніе, а просто злобный поступокъ.

Впрочемъ нанесеніе вреда невинному, если онъ не согражданинъ, если этимъ не нарушается какого-нибудь договора и наконецъ если это дѣлается въ видахъ государственной пользы, не составляетъ преступленія противъ естественнаго закона. Люди относятся другъ къ другу или какъ сограждане, или какъ враги, или какъ друзья, если между государствами ихъ существуетъ союзный договоръ. Но противъ людей, которыхъ государство признаетъ своими врагами и отъ которыхъ можетъ ожидать себѣ вреда, по естественному праву позволительно вести войну. Въ этой войнѣ мечъ не судитъ, и побѣдитель не различаетъ, кто правъ, кто виноватъ. Онъ щадитъ только тогда, если пощада полезна ему самому. Отсюда очевидно, что можно наказывать нетолько тѣхъ гражданъ, которые отвергли правительственную власть, но даже и несуществующихъ еще потомковъ ихъ до третьяго и четвертаго поколѣнія, хотя они невинны въ преступленіи своихъ предковъ. Это объясняется самою сущностью мятежа, которая состоитъ въ томъ, что виновные въ немъ отвергаютъ правительство, т. е. объявляютъ себя врагами государства; стало-быть, ихъ можно не наказывать, какъ гражданъ, а истреблять, какъ враговъ.

Награда есть плата или даръ. Наградой обыкновенно называется то, что дается даромъ или по договору. Если награда дается по договору, то она считается платой и составляетъ вознагражденіе, должное за какую-нибудь оказанную или обѣщанную услугу. Если она дается даромъ, то составляетъ благодѣяніе, оказываемое по милости дающаго, иногда съ цѣлью поощрить прочихъ гражданъ хорошо служить государству. Въ послѣднемъ случаѣ она называется наградой въ собственномъ смыслѣ и отличается отъ обязательной платы.

Хотя всѣ граждане обязаны, если нужно, оставивъ свои домашнія дѣла, служить государству безъ всякаго вознагражденія, но при обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ ни законъ природы, ни цѣль учрежденія государства не требуютъ этого, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда иначе государство не можетъ защищаться. Но зато правительство можетъ располагать имуществомъ всѣхъ гражданъ, чтобы вознаградить тѣхъ, кто, оставивъ свои собственныя дѣла, посвящаетъ свои силы на защиту государства; поэтому самый послѣдній воинъ имѣетъ право требовать, какъ должнаго, платы за свою службу.

Если правительство платитъ гражданину, чтобы отвратить его отъ вредныхъ для государства замысловъ, то эта плата не награда, потому что она вынуждена страхомъ и составляетъ со стороны правительства не милость, а скорѣе жертву, которой оно хочетъ умилостивить злонамѣреннаго и притомъ могущественнаго гражданина. Такого рода плата возбуждаетъ прочихъ гражданъ не къ повиновенію, а, напротивъ, къ большему своеволію.

Вознагражденіе бываетъ опредѣленное и уплачиваемое изъ общественнаго казнохранилища или неопредѣленное и получаемое за исполненіе извѣстной услуги. Послѣднее нерѣдко вредитъ государству. Такъ напр. въ судопроизводствѣ отъ этого обыкновенно возникаетъ двоякое неудобство. Во первыхъ, если судьямъ выгодно, чтобы было какъ можно больше тяжбъ, то они будутъ стараться размножать ихъ. Во вторыхъ, при такомъ порядкѣ вещей каждое судебное мѣсто будетъ стараться о перенесеніи въ него процессовъ изъ другихъ судовъ. Въ исполнительной службѣ этихъ неудобствъ нѣтъ, потому что при опредѣленномъ жалованіи служащимъ нѣтъ никакой выгоды размножать дѣла.

Сказаннаго о наградахъ и наказаніяхъ достаточно. Мы видимъ, что они служатъ нервами, приводящими въ движеніе мускулы государства.

Итакъ, мы разсмотрѣли природу человѣка, видѣли, какъ гордость и другія страсти заставляютъ его подчиняться правительству; мы узнали величіе и несравненное могущество этого правительства, достойнаго сравненія съ тѣмъ Левіаѳаномъ, о которомъ Богъ говоритъ: «Подобія ему нѣтъ на землѣ; онъ сотворенъ безстрашнымъ. На все высокое смотритъ смѣло; онъ царь надъ всѣми сынами гордости» (Іовъ, XLI, 25, 26).

Но и Левіаѳанъ смертенъ и, какъ все земное, подверженъ разрушенію; и надъ нимъ, если не на землѣ, то на небесахъ есть Высшая Власть, которой онъ боится и законамъ которой онъ долженъ повиноваться.

Въ двухъ слѣдующихъ главахъ мы разсмотримъ его болѣзни, причины смерти и естественные законы, которымъ онъ обязанъ повиноваться.

ГЛАВА XXIX.

О причинахъ упадка и разрушенія государствъ.

Государства разрушаются отъ дурнаго устройства.

Хотя смертные не могутъ создать ничего безсмертнаго, однако еслибы люди дѣйствительно дѣлали изъ своего разума такое употребленіе, на какое они имѣютъ притязаніе, то можно бы сдѣлать государство столь прочнымъ, что оно по крайней мѣрѣ не погибало бы отъ внутреннихъ болѣзней. Ибо по цѣли своего учрежденія оно предназначено жить пока живетъ человѣчество, пока не измѣнятся естественные законы, пока существуетъ справедливость, дающая ему жизнь. Стало-быть, если государство разрушается не внѣшней силой, а внутренними безпорядками, то это вина не тѣхъ, кто составляетъ его въ данное время, а самыхъ учредителей его. Утомясь взаимной борьбой и кровопролитіемъ, люди соединяются наконецъ въ одно цѣлое; но они не умѣютъ создавать законовъ, которые прямо и неуклонно вели бы и направляли ихъ къ мирной общественности; они не обладаютъ достаточнымъ терпѣніемъ и смиреніемъ, чтобы снести лишеніе дикихъ и гибельныхъ преимуществъ естественной свободы: поэтому нуженъ необыкновенно искусный художникъ, чтобы соединить ихъ въ прочное государство, которое не задавило бы своими развалинами ни ихъ самихъ, ни ихъ потомковъ.

Такимъ образомъ въ числѣ недуговъ, которымъ подвержены государства, первое мѣсто занимаютъ болѣзни, происходящія отъ дурныхъ учрежденій. Онѣ имѣютъ сходство съ тѣми болѣзнями тѣла, которыя зависятъ отъ врожденныхъ физическихъ недостатковъ.

Ограниченіе верховной власти.

Первый изъ этихъ недуговъ происходитъ оттого, что человѣкъ, стремясь къ верховной власти, соглашается иногда на ограниченіе ея, вредное для благосостоянія государства. Вслѣдствіе этого, когда впослѣдствіи для общественнаго благосостоянія окажется необходимымъ нарушить эти ограниченія, нарушеніе это кажется несправедливымъ и дастъ многимъ гражданамъ поводъ къ возстанію. Подобнымъ образомъ дѣти, рожденныя отъ болѣзненныхъ родителей, или преждевременно умираютъ, или покрываются нарывами и струпьями, вслѣдствіе вредныхъ соковъ, занесенныхъ въ тѣло при самомъ зачатіи. Монархи отказываются отъ необходимыхъ правъ верховной власти не всегда по невѣдѣнію; иногда они дѣлаютъ это умышленно, имѣя въ виду впослѣдствіи пріобрѣсти эти права. Это съ ихъ стороны большая ошибка. Они должны знать, что нарушеніе обѣщаній произведетъ возстаніе, причемъ мятежники найдутъ себѣ поддержку у другихъ государствъ, которыя рѣдко пропускаютъ случай нанести вредъ сосѣду. Такъ Ѳома Бекетъ, архіепископъ кентерберійскій, въ борьбѣ съ Генрихомъ II, получилъ поддержку отъ папы, причемъ ссылался на клятвенное обѣщаніе короля Вильгельма Завоевателя не подвергать духовныхъ суду свѣтской власти, какъ нарушающему вольности Церкви. Точно также Вильгельмъ Рыжій, желая отнять престолъ у своего старшаго брата, до такой степени расширилъ права бароновъ, чтобы пріобрѣсти ихъ содѣйствіе, что ослабилъ этимъ власть короны, и когда впослѣдствіи произошло возстаніе противъ короля Іоанна, Франція поддержала бунтовщиковъ.

Это бываетъ не въ однѣхъ монархіяхъ. Такъ, Римская республика управлялась, по оффиціальному выраженію, сенатомъ и народомъ Римскими; но ни сенатъ, ни народъ не имѣли верховной власти. Вслѣдствіе этого возникали безпрестанныя смуты, какъ напр. тѣ, которыя возбуждали Тиберій и Кай Гракхи, Луцій Сатурнинъ и другіе, и даже междоусобія между сенатомъ и народомъ при Маріи и Суллѣ, потомъ при Помпеѣ и Цезарѣ, пока римская демократія не погибла, и вмѣсто нея основалась монархія.

Частныя пересуды.

Второе мѣсто занимаютъ болѣзни, посѣваемыя ядомъ мятежныхъ ученій; сущность этого зла состоитъ въ томъ, что частные граждане присвоиваютъ себѣ право судить, что хорошо и что дурно. Въ естественномъ состояніи, гдѣ еще нѣтъ гражданскихъ законовъ, иначе и быть не можетъ; но въ государствахъ это допустимо только въ отношеніи такихъ фактовъ, на которые нѣтъ указаній въ законахъ. Относительно же всего прочаго руководствомъ въ сужденіяхъ долженъ служить гражданскій законъ, и судъ надъ ними принадлежитъ верховной власти. Но если граждане усвоютъ себѣ ложное мнѣніе, что каждый можетъ судить обо всемъ, то пойдутъ споры, пересуды, явится склон-

ность осуждать и оспаривать повелѣнія правительства, по своему произволу повиноваться или сопротивляться имъ, и такимъ образомъ государство раздѣлится на партіи и прійдетъ въ упадокъ.

Ложная совѣсть.

Другое ученіе, несогласное съ долгомъ гражданскаго повиновенія, состоитъ въ принципѣ, что гражданинъ не можетъ поступать противъ совѣсти; этотъ принципъ есть слѣдствіе перваго, что гражданинъ вправѣ судить о добрѣ и злѣ. Ибо совѣсть тоже, что разсудокъ и, стало-быть, также подвержена заблужденіямъ. Слѣдовательно, кто внѣ государства поступаетъ противъ совѣсти, совершаетъ возмутительную нелѣпость, потому что кромѣ разсудка ему нечѣмъ руководствоваться; но въ гражданскомъ обществѣ гражданинъ долженъ признавать своей совѣстью не свои частныя мнѣнія, а общественный законъ. Въ противномъ случаѣ, при безконечномъ разнообразіи совѣстей, т. е. частныхъ мнѣній, государство необходимо подвергнется раздѣленію, и всякій будетъ повиноваться верховной власти только въ той мѣрѣ, въ какой ему вздумается.

Мнимое вдохновеніе.

Въ третьихъ, сюда должно причислить и то довольно общепринятое ученіе, что вѣра и благочестіе пріобрѣтаются не усердіемъ и разумомъ, а вдыхаются или вливаются сверхъестественно. Если допустить это, то я не вижу основанія, почему кто бы то ни былъ обязанъ отдавать отчетъ въ своей вѣрѣ, почему не всѣ христіане — пророки и почему нельзя всякому ставить своего вдохновенія выше всѣхъ законовъ государства. Принимать это ученіе значитъ опять присвоивать право суда о добрѣ и злѣ и, презрѣвъ законы государства, управляться собственнымъ произволомъ или произволомъ другихъ частныхъ людей, которымъ вздумается объявить себя вдохновенными свыше. Вѣра поселяется въ насъ какимъ-нибудь слухомъ или разсказомъ; слѣдовательно, зависитъ отъ того случайнаго обстоятельства, кого намъ приходится слушать. Эти обстоятельства, случайныя по отношенію къ намъ, хотя устраиваются волей Божіей, тѣмъ неменѣе вовсе не сверхъестественны; мы только потому не видимъ, какъ они слагаются, что эти естественныя производящія причины слишкомъ многочисленны. Вѣра и благочестіе, правда, рѣдки, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они чудесны; они зависятъ отъ воспитанія, обученія, исправленія и другихъ естественныхъ причинъ, которыми Богъ пользуется, когда Ему угодно, для наставленія своихъ избранниковъ. Въ нашей странѣ эти три мнѣнія, столь гибельныя для гражданскаго мира, поселены языками и перьями невѣжественныхъ ханжей, которыя, вкривь и вкось толкуя Св. Писаніе, увѣрили людей, что благочестіе несовмѣстно съ естественнымъ разумомъ.

Подчиненіе верховной власти закону.

Четвертое ученіе, противное сущности государства, заключается въ идеѣ подчиненія верховной власти гражданскимъ законамъ. Конечно, верховная власть подчинена естественнымъ законамъ, такъ какъ эти законы божественны и не могутъ быть отмѣняемы ни частнымъ человѣкомъ, ни государствомъ; но она не подчинена законамъ, которые даны государствомъ, т. е. ею самою, потому что ей некому подчиняться, кромѣ самой себя. Лицо же, обязанное только собственными законами, вполнѣ свободно. Проповѣдующіе подчиненіе верховной власти упустили изъ вида, что пришлось бы учредить другую власть для наказанія нарушеній первой; противъ этой второй власти надобно было бы создать третью, и такъ далѣе до безконечности; но при такихъ условіяхъ ни одно государство, разумѣется, не можетъ существовать.

Безусловное право собственности гражданъ.

Къ тому же ведетъ и пятое ученіе, состоящее въ томъ, что всякій гражданинъ имѣетъ безусловную власть надъ своимъ имуществомъ, исключающую право государства на тоже имущество. Мы не отрицаемъ, что всякій гражданинъ имѣетъ право на свое имущество, исключающее право на него всѣхъ прочихъ гражданъ. Но онъ получаетъ свое право отъ верховной власти; безъ ея покровительства онъ имѣлъ бы на все, чѣмъ владѣетъ, такое же право, какъ и всякій другой, потому что все принадлежало бы всѣмъ. Еслибы право гражданина исключало право верховной власти, то она не могла бы защищать его ни отъ внѣшнихъ враговъ, ни отъ взаимныхъ обидъ, и государства не существовало бы.

Раздѣленіе власти.

Шестое ученіе, явно нарушающее сущность государства, есть принципъ раздѣленія верховной власти. Раздѣлить государственную власть значитъ уничтожить ее, ибо нѣсколько властей взаимно разрушаютъ другъ друга. Это ученіе распространяется преимущественно юристами, которымъ хотѣлось бы, чтобы дѣла рѣшались ихъ болтовней, а не постановленіями власти.

Подражаніе сосѣдямъ.

Подражаніе сосѣднимъ государствамъ иногда также побуждаетъ къ перемѣнѣ существующаго порядка, какъ и ложныя ученія. Такъ Израильтяне отпали отъ своего царя—Бога изъ подражанія сосѣднимъ язычникамъ и заставили пророка Самуила избрать имъ въ цари человѣка. Въ древней Греціи мелкія государства постоянно смущались распрями аристократической партіи съ демократической, потому что всюду одна часть гражданъ стремилась подражать Лакедемонянамъ, а другая Аѳинянамъ. Я не сомнѣваюсь, что и въ нынѣшнемъ нашемъ междоусобіи немаловажную роль играетъ желаніе подражать Соединеннымъ Провинціямъ; видя ихъ благосостояніе, у насъ при-

писываютъ его тому, что Нидерландцы свергли своего государя, и потому сочувствуютъ перемѣнѣ образа правленія. Вообще люди по природѣ падки на новизну. Вызвавъ у себя тѣ явленія, которыя считаютъ источникомъ сосѣдскаго благосостоянія, они бываютъ очень довольны и съ восторгомъ привѣтствуютъ всякій переворотъ; но восторгъ этотъ непродолжителенъ, и вскорѣ наступаетъ раскаяніе. Въ этомъ отношеніи люди похожи на чесоточныхъ больныхъ, которые царапаютъ себя собственными ногтями, пока, не имѣя болѣе силъ выносить боль, не обратятся къ леченію.

Подражаніе Грекамъ и Римлянамъ. Въ монархіяхъ въ числѣ главныхъ причинъ смутъ надо еще замѣтить увлеченіе политическими и историческими сочиненіями древнихъ Грековъ и Римлянъ. Юноши и другіе люди, неохраняемые противоядіемъ здраваго смысла, начитавшись этихъ разсказовъ о блистательныхъ военныхъ подвигахъ, приходятъ въ восторгъ и приписываютъ величіе этихъ государствъ не доблести ихъ отдѣльныхъ гражданъ, а достоинствамъ ихъ формы правленія. Я смѣло утверждаю, что даже убійство короля вызвано чтеніемъ этихъ книгъ; это понятно, потому что эти писатели называютъ такой поступокъ не злодѣяніемъ, а законнымъ и славнымъ подвигомъ, потому для нихъ всякій монархъ— тиранъ. Они даже всегда говорятъ вмѣсто цареубійство — тираноубійство и доказываютъ, что убить тирана справедливо и доблестно. Кромѣ того, классическіе писатели поселяютъ убѣжденіе, что свободны только граждане республикъ, а подданные монарховъ—рабы. Впрочемъ этому вѣрятъ только въ монархіяхъ; республиканцы же знаютъ, насколько они свободны. Поэтому для монархій ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ дозволять распространять сочиненія классиковъ въ школахъ, особенно если нельзя положиться на умъ учителей, чтобы они вмѣстѣ съ ядомъ давали противоядіе. Результаты распространенія этихъ мнѣній можно сравнить съ тою болѣзнью, которую доктора называютъ hydrophobia — водобоязнь и которая происходитъ отъ укушенія бѣшеной собаки. Какъ укушенный бѣшеной собакой постоянно мучится жаждой, но боится воды и самъ обращается въ состояніе собаки; такъ и человѣкъ, зараженный ложными понятіями классическихъ писателей, безпрестанно лаетъ противъ монархіи, и хотя его можетъ излечить только власть монарха, однако въ своей тиранобоязни, tyrannophobia, онъ питаетъ отвращеніе къ этой власти.

Многовластіе. Бывали ученые, утверждавшіе, что въ одномъ человѣкѣ можетъ быть три души; отчего же не быть и такимъ, которые доказывали бы, что у одного государства нѣсколько душъ, т. е. нѣсколько правительствъ. Такіе ученые точно существуютъ; рядомъ съ самодержавіемъ, автократіей, они ставятъ главенство церкви, супрематію; рядомъ

съ правительствомъ—первосвященника; рядомъ съ гражданскими законами — каноны и рядомъ съ свѣтской властью — духовную. Они успѣли даже убѣдить въ этомъ многихъ своими рѣчами, иногда непонятными для нихъ самихъ; да и трудно понять, что такое за невидимое царство духовъ или лемуровъ нашли они въ человѣческихъ государствахъ. Какъ бы то ни было, они настаиваютъ, что въ государствѣ должны существовать независимо другъ отъ друга двѣ верховныя власти; но это нелѣпо. Раздѣленіе власти на свѣтскую и духовную безсмыслица, потому что въ государствѣ не можетъ быть иной власти, кромѣ правительственной; если же будетъ два правительства, и одно будетъ издавать законы, а другое каноны, то будетъ и два государства, и граждане будутъ одновременно подданными двухъ государствъ; но это невозможно, и потому нельзя дѣлать такой нелѣпости на основаніи разницы пустыхъ словъ свѣтскій и духовный. Въ самомъ дѣлѣ, что будетъ, если духовная власть присвоитъ себѣ право рѣшать, что грѣшно? Этимъ самымъ она присвоитъ себѣ право постановлять законы, потому что грѣхъ ничто иное, какъ нарушеніе закона. Но свѣтская власть также имѣетъ неоспоримое право законодательства, такъ что, слѣдовательно, каждый гражданинъ будетъ обязанъ повиноваться двумъ правительствамъ, что нелѣпо и невозможно. Стало-быть, если въ государствѣ одновременно существуютъ эти двѣ взаимно противоположныя власти, то ему угрожаетъ опасность погибнуть отъ ихъ раздора. Итакъ, или свѣтская власть должна подчиниться духовной, и тогда не будетъ самодержавія, или духовная власть—подчиниться свѣтской, и тогда не будетъ главенства. Во всякомъ другомъ случаѣ государство подвергнется смутамъ. Свѣтская власть относится къ гражданамъ прямѣе, непосредственнѣе; поэтому у ней всегда будетъ больше приверженцевъ. Духовная власть, скрывающаяся подъ спудомъ схоластики и подъ покровомъ безсмыслицы, найдетъ однако также приверженцевъ и успѣетъ если не разрушить, то возмутить государство, потому что многіе больше боятся выдумокъ, чѣмъ дѣйствительности. Этотъ государственный недугъ имѣетъ аналогію съ эпилепсіей—падучей болѣзнью, которую Евреи приписывали поселенію бѣсовъ въ тѣлѣ человѣка. Въ эпилепсіи въ головѣ больнаго заводится какая-то неизвѣстная міазма, которая, поражая корни нервовъ, препятствуетъ ихъ естественнымъ функціямъ и бросаетъ человѣка изъ огня въ воду. Такъ, когда верховная власть страхомъ вѣчныхъ наказаній и обѣщаніемъ загробныхъ наградъ возбуждаетъ органы государства къ аномальнымъ движеніямъ, т. е. такимъ, которыя выходятъ изъ-подъ власти правительства, составляющаго естественный государственный разумъ, то слѣдствіемъ этого являются кон-

вульсіи, — раздоры между гражданами, и государство гибнетъ или въ волнахъ законодательныхъ бурь, или въ пожарѣ междоусобной войны.

Конституціонное правленіе.

Нѣкоторыя государства страдаютъ особеннымъ разладомъ своихъ жизненныхъ отправленій: такъ, питательная функція, сборъ налоговъ, зависитъ отъ собранія депутатовъ; двигательная функція, начальствованіе войсками, принадлежитъ главнокомандующему; умственныя отправленія, законодательная власть, подчинены случайной прихоти какого-нибудь третьяго лица; такое положеніе дѣлъ подвергаетъ государство опасности остаться безъ дѣльныхъ законовъ, но еще чаще остаться безъ питанія, столь необходимаго для жизни, и безъ движенія. Такое правительство не управляетъ, а раздѣляетъ государство на три враждебныя партіи. Оно называется ограниченной монархіей. Оно представляетъ не одно независимое государство, а три независимыя партіи, имѣя, вмѣсто одного, трехъ равноправныхъ представителей. Правда, и Троица состоитъ изъ трехъ независимыхъ лицъ; но эта тройственность ѵпостасей не нарушаетъ единства Бога-Правителя. Въ человѣческомъ же правительствѣ такой раздѣлъ не можетъ обойтись безъ нарушенія единства. Если король представляетъ народъ, и общее собраніе представляетъ народъ, и наконецъ еще другое собраніе представляетъ часть народа, то тутъ будетъ не одинъ, а три представителя, не одно, а три правительства.

Не знаю, съ какой болѣзнью человѣческаго организма сравнить это государственное уродство. Впрочемъ я видѣлъ однажды уродовъ, которые имѣли каждый особую голову, руки, грудь и животъ, но срослись боками; еслибы къ одному изъ нихъ приросъ съ другого бока третій субъектъ, то они изображали бы точное подобіе конституціоннаго государства.

Безденежье.

Я перечислилъ важнѣйшія и опаснѣйшія болѣзни государственнаго организма. Остальныя не такъ важны; однако небезполезно обратить вниманіе и на нихъ. Сюда, вопервыхъ, относится препятствіе получать деньги, необходимыя для государственныхъ расходовъ, особенно при приближеніи войны. Это препятствіе происходитъ главнымъ образомъ отъ преувеличеннаго взгляда на права частной собственности, вслѣдствіе чего граждане полагаютъ, что государство не можетъ распоряжаться ихъ землями и имуществами. Когда наступаетъ минута опасности, и государство, предвидя надобность, хочетъ приготовить свои средства, упрямство народа преграждаетъ деньгамъ доступъ въ общественную казну. Правительство, вмѣсто того, чтобы вовремя принять мѣры противъ грозящей государству опасности, принуждено сначала стѣснять себя, а потомъ, когда уже нельзя обойтись безъ де-

негъ, — добывать ихъ по немногу разными юридическими хитростями; неисправное и недостаточное полученіе денегъ заставляетъ его требовать ихъ чаще, причемъ затрудненія каждый разъ возрастаютъ, а денегъ все-таки получается мало. Наконецъ государству представляется необходимость или погибнуть, или устранить эти препятствія и насильственно открыть деньгамъ путь въ общественную казну. Это болѣзненное состояніе можно сравнить съ перемежающейся лихорадкой, гдѣ органы затекаютъ отъ прилива злокачественныхъ соковъ, такъ что вены закупориваются и не могутъ доставлять кровь изъ артерій въ сердце; отъ этого появляется сперва ознобъ, дрожь и судороги въ членахъ; потомъ сильный жаръ и болѣзненное сжиманіе сердца, которое силится пропустить кровь; соотвѣтственное леченіе прохладительными средствами, помогая природѣ одолѣть болѣзнь, открываетъ крови путь, и вредные соки выходятъ въ видѣ пота; но если болѣзнь побѣдитъ природу, больной умираетъ.

Монополіи и казнокрадство.

Государства подвержены еще недугу въ родѣ воспаленія легкихъ — pleuritis. Онъ состоитъ въ томъ, что общественныя богатства, выходя изъ своего источника, стекаются не въ казну, а въ карманы одного или нѣсколькихъ гражданъ, владѣющихъ монополями или обкрадывающихъ государство. Такимъ же образомъ при воспаленіи легкихъ кровь, вмѣсто того, чтобы разноситься сердцемъ по тѣлу, застаивается въ легочной плевѣ, производитъ въ ней воспаленіе, сопровождаемое общей лихорадкой и болѣзненнымъ колотьемъ.

Популярные люди.

Излишняя популярность какого-нибудь сильнаго гражданина, на вѣрность котораго правительство не можетъ вполнѣ разсчитывать, составляетъ также опасную болѣзнь въ государствѣ. Ласкательства знаменитаго честолюбца побуждаютъ народъ ставить его выше правительства и повиноваться ему больше, чѣмъ законамъ государства. Впрочемъ этой болѣзни больше подвержены республики, чѣмъ монархіи. Особенно опасна она, если въ государствѣ есть сильная и многочисленная армія, которая легко можетъ вообразить себя народомъ и располагать правительствомъ. Честолюбцы пользуются ею, пріобрѣтая ея расположеніе, какъ напр. Юлій Цезарь, поднявшій народъ противъ сената, а потомъ подавившій войсками и народъ, и сенатъ. Такіе поступки, конечно, явный бунтъ и результатами похожи на чародѣйство.

Излишняя многолюдность городовъ и сила корпорацій.

Если городъ или корпорація въ государствѣ станутъ такъ многолюдны, что могутъ собственными средствами выставить многочисленную силу, то для государства это

будетъ опасное болѣзненное явленіе. Такой городъ уподобляется ленточной глистѣ, поселившейся во внутренностяхъ человѣка.

Разсужденія о политикѣ.

Самозванные политики, которымъ позволяется разсуждать о правахъ верховной власти, также очень вредятъ государственному организму. Болтая передъ чернью объ основныхъ законахъ, они нарушаютъ спокойствіе государства; они подобны чесоточнымъ клещамъ, каторыхъ медики называютъ ascarides.

Наконецъ надо еще упомянуть о такъ-называемомъ волчьемъ голодѣ, βουλιμια, т. е. ненасытимомъ желаніи расширять свои владѣнія; эта болѣзнь погубила государства Аѳинское и Карѳагенское; далѣе, о неизлечимыхъ ранахъ, наносимыхъ непріятелемъ; объ истощеніи государства усиліями удержать за собой завоеванныя области, которыя служатъ ему только въ тягость и похожи на нарывы на государственномъ тѣлѣ; о летаргіи или излишней любви къ покою, и объ изнуреніи себя роскошью.

Разрушеніе государства.

Когда государство поражено внѣшнимъ или внутреннимъ врагомъ, такъ что граждане уже не могутъ ожидать отъ него защиты, оно разрушается, и всякій гражданинъ получаетъ право оборонять себя по своему произволу. Правительство есть душа государства, дающая ему жизнь и движеніе. Покинувъ тѣло, душа не можетъ управлять его членами: такъ и ниспровергнутое правительство перестаетъ управлять гражданами. Хотя права верховной власти не могутъ быть уничтожены иначе, какъ ею самой, но обязательства гражданъ въ отношеніи ея вполнѣ уничтожаются разрушеніемъ государства. Если верховной властью былъ государь, онъ обязанъ защищать подданныхъ до послѣднихъ силъ, а если не въ состояніи, то каждому подданному предоставляется самому заботиться о себѣ, не обращая на него вниманія. Если верховной властью было собраніе, то права его погибаютъ вмѣстѣ съ властью, потому что съ разрушеніемъ государства государственное собраніе фактически перестаетъ существовать. Слѣдовательно, ему уже навсегда невозможно снова пріобрѣсти верховную власть.

ГЛАВА XXX.

Объ обязанностяхъ верховной власти.

Попеченіе о народномъ благѣ.

Обязанности верховной власти, монарха или собранія, явствуютъ изъ самой цѣли учрежденія государства, которая

состоитъ въ доставленіи безопасности народу. Правительство естественнымъ закономъ обязано заботиться о народѣ по мѣрѣ силъ своихъ и даетъ въ этомъ отчетъ Богу, но только Богу. Подъ безопасностью народа я разумѣю обезпеченіе нетолько жизни гражданъ, но и тѣхъ удобствъ, которыми владѣютъ частные граждане и которыя пріобрѣтены ими справедливо безъ вреда и безъ опасности для государства.

Но понятно, что правительство должно стремиться къ этой цѣли, соображаясь съ общимъ благомъ, а не съ частными интересами. Оно должно наставлять гражданъ обученіемъ, примѣромъ и благотворными законами, по которымъ граждане могли бы направлять свои дѣйствія.

Такъ какъ съ уничтоженіемъ существенныхъ правъ верховной власти, о которыхъ мы говорили въ XVIII главѣ, государство разрушается, и общество возвращается въ бѣдственное состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ, чтò составляетъ для него величайшее зло, то правительство обязано сохранять въ цѣлости эти права. Итакъ, во первыхъ, оно нарушитъ свой долгъ, если откажется отъ нихъ или отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или передастъ ихъ другому, ибо кто отрекается отъ средствъ, тотъ отрекается и отъ цѣли. Слѣдовательно, несогласно съ долгомъ верховной власти подчиняться гражданскимъ законамъ, отказываться отъ судебной власти, отъ права объявлять войну и заключать миръ, содержать армію, какъ и когда угодно, избирать должностныхъ лицъ, какъ гражданскихъ такъ и военныхъ, и опредѣлять, какія ученія могутъ быть терпимы въ государствѣ. Во вторыхъ, съ долгомъ правительства несогласно допускать, чтобы народъ оставался въ невѣдѣніи основаній этихъ существенныхъ правъ власти, потому что такое невѣдѣніе легко можетъ привести и обыкновенно приводитъ гражданъ къ мятежу.

Основанія этихъ правъ должны тѣмъ тщательнѣе изучаться, что они относятся не къ гражданскому, а къ естественному праву, и нарушеніе ихъ подлежитъ не просто наказанію, какъ нарушеніе гражданскихъ законовъ, а заслуживаетъ мести, какъ вражеское дѣйствіе. Нарушеніе этихъ правъ есть мятежъ, т. е. нарушеніе или скорѣе отрицаніе всѣхъ гражданскихъ законовъ вообще, и потому его напрасно запрещать гражданскими законами.

Нѣкоторые утверждаютъ, что существенныя права верховной власти въ государствѣ ни на чемъ не основаны. Въ доказательство приводятъ, что нигдѣ, никогда и никто не могъ дать имъ прочныя основанія. Это доказательство ничего не доказываетъ. Было время, когда люди не умѣли даже порядочно строить зданій; но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы зодчество было лишено всякихъ основаній и началъ?

Время и усилія человѣческаго ума безпрестанно создаютъ новыя

науки. Это подаетъ надежду, что хотя до сихъ поръ всѣ государственныя устройства были несовершенны и потому всѣ раньше или позже разрушались, однако есть возможность устроить государство такъ, чтобы ему нельзя было погибнуть иначе, какъ отъ внѣшней силы. Не знаю, могутъ ли дать этотъ результатъ начала, выставленныя мною выше; но именно такія начала преподаются намъ Св. Писаніемъ, какъ мы увидимъ, когда я буду говорить о царствованіи Бога черезъ Моисея надъ Израильтянами, избраннымъ народомъ, съ которымъ Богъ заключилъ договоръ или завѣтъ.

Другіе соглашаются, что есть начала, способныя дать прочное основаніе государству; но, говорятъ они, это ни къ чему не ведетъ, потому что зато масса неспособна понять эти начала. Если на то пошло, то нельзя не замѣтить, что люди сильные, богатые и почитаемые учеными обнаруживаютъ не больше пониманія принциповъ гражданства, чѣмъ народная масса. Дѣло въ томъ, что понимать эти принципы препятствуетъ не мудреность ихъ, а собственныя страсти людей, которымъ слѣдуетъ изучать ихъ: могущественные люди не терпятъ надъ собой другаго могущества, которое обуздывало бы ихъ страсти; ученые ненавидятъ другія ученія, которыя могутъ обличить ихъ заблужденія; и тѣ, и другіе опасаются, что это можетъ уронить ихъ значеніе въ глазахъ толпы. Что касается до самой массы—духъ ея есть tabula rasa, бѣлая бумага, готовая воспринимать всякія убѣжденія, какія правительству будетъ угодно начертать на ней, если впрочемъ она еще не испачкана знатью и схоластами. Такъ напримѣръ, мы видимъ, что народныя толпы покорно воспринимаютъ и совершенно удовлетворяются непостижимыми истинами христіанской религіи. Если имъ можно было внушить понятія, до такой степени превышающія всякій здравый смыслъ, то почему нельзя растолковать имъ началъ, вполнѣ согласныхъ съ разсудкомъ? Стало-быть, если права верховной власти, основанныя на естественныхъ законахъ, непоняты народомъ, то въ этомъ виновато само правительство или тѣ, при содѣйствіи которыхъ оно управляетъ государствомъ. Итакъ, правительство обязано заботиться, чтобы гражданамъ внушались правильныя понятія; это не только долгъ его, но прямой интересъ, потому что лучше всего обезпечиваетъ его отъ мятежа и предохраняетъ даже естественное лицо правителя отъ всякихъ покушеній.

Обязанности правительства.

Разсмотримъ теперь въ частности, чему слѣдуетъ учить народъ.

Прежде всего надо стараться, чтобы въ народѣ не являлось мысли предпочитать своей формѣ правленія иныя, которыя онъ видитъ въ

сосѣднихъ государствахъ и не приходило бы желанія подражать имъ, какую бы степень благосостоянія ни видѣлъ онъ у сосѣдей. Благосостояніе всякаго государства зависитъ не оттого, кто управляетъ имъ, аристократія, демократія или монархія, а отъ послушанія и единодушія гражданъ. Если нѣтъ послушанія и единодушія, то не только не будетъ благосостоянія, но даже государство вскорѣ совершенно разрушится. Такимъ образомъ, кто хлопочетъ о благѣ государства помимо правительства, въ сущности губитъ государство, а не помогаетъ ему. Такъ въ баснѣ, безразсудныя дочери Пелея, пожелавъ возвратить молодость своему одряхлѣвшему отцу, по совѣту Медеи разсѣкли его на части и сварили ихъ съ смѣсью какихъ-то травъ; но этимъ, разумѣется не обновили, а убили его. Заповѣдь: Да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене (Исх. XX, 2)—можетъ быть вполнѣ отнесена къ стремленію къ государственнымъ перемѣнамъ.

Во вторыхъ, надо предостерегать гражданъ отъ увлеченія достоинствами какого-нибудь гражданина или собранія (за исключеніемъ правительства), какъ бы высоко они ни стояли и какъ бы ни были достойны удивленія по своимъ добродѣтелямъ. Уваженіе къ нимъ не должно доходить до повиновенія имъ въ ущербъ правительству. Съ любовью неразрывна ревность, такъ что если правительство любитъ свой народъ, то ревнуетъ его. Дозволять гражданамъ увлекаться ласкательствами и потворствомъ демагоговъ значитъ допускать какъ бы проституцію государства. Со стороны народа это составляетъ нарушеніе второй заповѣди: Не сотвори себѣ кумира и т. д.

Въ третьихъ, надо внушать гражданамъ, какъ преступно злословить правительство, будетъ ли оно монархъ или собраніе, спорить съ нимъ о его правахъ, произносить имя правителя съ неуваженіемъ; все это ослабляетъ его значеніе въ глазахъ гражданъ, подрываетъ повиновеніе къ нему, а на повиновеніи основана безопасность государства; это преступленіе есть нарушеніе третьей заповѣди.

Въ четвертыхъ, надо убѣждать народъ, что онъ не можетъ узнать своихъ обязанностей и разобрать кому слѣдуетъ повиноваться, если по-временамъ не будетъ удѣлять отъ своихъ занятій часы для слушанія чтенія и толкованія законовъ и объясненія, кѣмъ они изданы; правительство обязано учредить мѣста, назначить время и опредѣлить учителей для такихъ собраній. У евреевъ гражданскіе законы читались въ храмѣ и объяснялись въ синагогахъ каждый седьмой день, который назывался субботой. Въ эти дни они не работали, чтили Бога, какъ царя своего, возсылали ему благодаренія за избавленіе отъ египетскаго рабства и за другія благодѣянія и наконецъ остатокъ дня

проводили въ незапрещенныхъ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ въ первой таблицѣ десятисловія излагаются основанія безусловной власти Бога не только, какъ Бога, но и какъ царя евреевъ по завѣту или договору.

Въ пятыхъ, Богу было угодно, чтобы люди съ дѣтства научались повиноваться своимъ родителямъ и всегда чтить ихъ, потому что первоначальное воспитаніе ихъ вполнѣ зависитъ отъ родителей. Въ началѣ у всѣхъ народовъ отецъ имѣлъ надъ дѣтьми верховную власть и право располагать жизнью и смертью ихъ. Хотя при учрежденіи государствъ отцамъ было необходимо отказаться отъ такой власти, но не было необходимости отмѣнять почтеніе, которымъ дѣти обязаны имъ за свое питаніе и воспитаніе. Правительство должно поддерживать пятую заповѣдь десятисловія.

Далѣе, долгъ властителя заботиться, чтобы граждане научались справедливости, т. е. тому, что не должно убивать другъ друга и вообще наносить другъ другу тѣлесный вредъ безъ разрѣшенія общественной власти. Это — шестая заповѣдь. Она нарушается нетолько тѣми, кто убиваетъ коварно, разбойнически, но и тѣми, кто ссылается при этомъ на необходимость защищать свою честь. Тщеславные герои дуэлей только и думаютъ, что объ убійствахъ, и всѣ почти государства до сихъ поръ тщетно запрещали дуэли, грозя за нихъ строжайшими наказаніями. Я думаю, что уголовные законы противъ нихъ недѣйствительны; ихъ можно бы прекратить только тогда, еслибы всѣ благородные или желающіе считаться благородными люди обязались клятвой никого не вызывать на поединки и не принимать вызова. Тогда, быть можетъ, умѣрится эта страсть къ Гекторовой славѣ (хотя я не знаю, отчего сюда припутываютъ имя Гектора: онъ никогда не убивалъ ни одного согражданина); дуэлисты не захотятъ подвергаться позору клятвопреступленія, и вызванный будетъ имѣть самый приличный предлогъ отказаться.

Кромѣ того, надо учить гражданъ, какъ преступно нарушать супружескую честь и похищать у согражданина какое-нибудь имущество насиліемъ или обманомъ, какъ вредно для общественной справедливости и для общаго мира подкупать свидѣтелей или судей при разборѣ тяжбъ. Все это запрещается седьмой, восьмой и девятой заповѣдями.

Наконецъ, гражданъ надо наставлять, что несправедливыми могутъ быть не только поступки, но и намѣренія, хотя бы почему-нибудь неисполненныя. Это запрещается десятою заповѣдью. Всѣ заповѣди второй таблицы выражаютъ одинъ общій принципъ: Люби ближняго твоего, какъ самого себя (Лук. X, 27).

Распространять всѣ эти необходимыя ученія должно тѣмъ же путемъ, какимъ теперь распространяются ложныя мнѣнія, нарушающія миръ въ обществахъ. Съ послѣдними мы уже познакомились въ предъидущей главѣ; таковы правила: всякій гражданинъ вправѣ судить о добрѣ и злѣ; для всякаго служитъ закономъ собственная совѣсть; государство не имѣетъ никакого права на имущество гражданъ; тираноубійство дозволительно. Каждое общество раздѣляется на два класса людей, одни, которыхъ нужда или жадность заставляютъ постоянно трудиться, и другіе, которые по богатству, лѣности и сладострастію ведутъ жизнь, посвященную удовольствіямъ; и тѣ, и другіе не имѣютъ ни досуга, ни желанія изслѣдовать правила, которыя берутъ безъ разбора отъ богослововъ, проповѣдниковъ, ораторовъ и писателей, краснорѣчиво разсуждающихъ о вопросахъ законодательства и совѣсти. Значеніе школъ.

Сами же богословы и писатели заимствуютъ свои ученія изъ университетовъ, гдѣ учились, и изъ сочиненій своихъ учителей. Очевидно, стало-быть, что понятія народа зависятъ оттого, чему учатъ въ университетахъ. Слѣдовательно, прежде всего надо преобразовать учебныя заведенія и чрезъ нихъ распространять въ обществѣ здравыя понятія. На это мнѣ, можетъ быть, замѣтятъ, не имѣю ли претензіи преобразовывать университеты и переучивать ученыхъ. Что касается вообще возможности преобразовать университетское направленіе, я замѣчу, что до короля Генриха VIII во всѣхъ школахъ учили, что папа имѣетъ въ Англіи въ духовныхъ дѣлахъ верховную власть, независимую отъ королей. Справедливо ли это? Нѣтъ. Слѣдовательно, они заблуждались, и было необходимо образумить проповѣдниковъ, поучавшихъ въ ихъ духѣ и вызывавшихъ этимъ смуты и безпорядки, хотя они титуловались магистрами и докторами и считались высшими авторитетами. Мы знаемъ, что такое преобразованіе совершилось, и потому если университетское направленіе еще въ чемъ-нибудь заблуждается, то и это заблужденіе устранимо. Что касается до моей личной претензіи быть преобразователемъ, то на это нечего отвѣчать. Всякому читателю понятны мои мнѣнія, и онъ воленъ принять или отвергнуть ихъ.

Для народной безопасности правительство должно заботиться, чтобы наказанія, налагаемыя законами для всѣхъ нарушителей, въ равной мѣрѣ постигали всѣхъ преступниковъ безъ различія. Правительство можетъ, не дѣлая несправедливости, прощать свои собственныя обиды; потерпѣвшій оскорбленіе имѣетъ право простить его. Но обида, нанесенная гражданину безъ его согласія и не вознагражденная, не можетъ быть прощена никѣмъ другимъ. Человѣка, дающаго безна- Правосудіе.

казанность убійцѣ моего сына или отца, я имѣю право нѣкоторымъ образомъ считать участникомъ убійства.

Уваженіе къ народу. Правительство обязано наблюдать, чтобы вельможи не притѣсняли простаго народа, а тѣмъ болѣе самому не притѣснять его по ихъ совѣтамъ, помня примѣръ Ровоама и зная, что простой народъ составляетъ силу государства. Оно должно также смотрѣть, чтобы граждане высшихъ классовъ не раздражали низшихъ грубыми поступками. Человѣкъ, облеченный государствомъ какою-нибудь властью, имѣетъ право упрекнуть безчестнаго гражданина въ его безнравственности; но ставить въ укоризну низость званія — несправедливо и опасно для государства. Если знать станетъ требовать почтенія къ себѣ на томъ основаніи, что она могущественна, то почему и народу не потребовать уваженія къ себѣ за силу, которую даетъ ему многолюдство его и которая могущественнѣе всякой другой. Какъ опасно выказывать низшимъ классамъ презрѣніе, доказываетъ возмущеніе ихъ въ Голландіи, извѣстное подъ именемъ возстанія Сволочи. Неравенство гражданъ зависитъ не отъ какихъ-нибудь природныхъ особенностей, а возникло по волѣ верховной власти, т. е. государства, и слѣдовательно, нечего дурацки гордиться имъ. Самъ монархъ долженъ остерегаться раздражать народъ, а тѣмъ болѣе согражданe, какъ бы ни были могущественны: иначе народъ захочетъ мстить имъ, причемъ возстанетъ и на государство, которое не защитило его отъ обидъ.

Равномѣрное распредѣленіе налоговъ. Безпристрастіе требуетъ также, чтобы правительство равномѣрно распредѣляло подати. Чтобы соблюсти въ этомъ равенство, надо имѣть въ виду не то, чѣмъ каждый владѣетъ, а то, насколько для каждаго важно обезпеченіе, доставляемое ему государствомъ. Чтобы общество могло добывать вещи, необходимыя для жизни, труда его недостаточно; ему надо еще стараться о доставленіи себѣ возможности трудиться. Подобно евреямъ по возвращеніи изъ плѣна, оно принуждено одной рукой обтесывать камни, а другой отражать враговъ. Подати служатъ наградой тѣмъ, кто держитъ мечъ государства, охраняющій трудъ прочихъ. Поэтому бѣдный и богатый должны платить одинаково за сохраненіе своей жизни; но богатый обыкновенно пользуется трудами многихъ, и тогда долженъ платить за сохраненіе всѣхъ ихъ. Все это такъ очевидно, что намъ остается только изслѣдовать, какъ соблюсти это равенство при сборѣ податей. Здравый смыслъ говоритъ, что человѣкъ, который пріобрѣтаетъ средства трудомъ, долженъ платить гораздо меньше, чѣмъ тотъ, кто только расточаетъ ихъ праздностью и роскошью. Но оба они одинаково пользуются покровительствомъ государства. Поэтому равенство въ раскладкѣ общественныхъ податей можетъ состоять только въ томъ, чтобы всякій платилъ пропорціонально своему потребленію, т. е. подати должны налагаться не на лица, а на потребляемыя вещи.

Попеченіе о бѣдныхъ. Но бываетъ, что люди не по своей винѣ, а по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ впадаютъ въ такія несчастія, что никакимъ трудомъ не могутъ пріобрѣсти потомъ средствъ къ существованію. На обязанности правительства лежитъ доставить имъ эти средства. По естественному праву людямъ въ крайней нуждѣ позволительно нетолько похищать, но даже силой отнимать чужое. Поэтому бѣдняки могутъ по справедливости погубить государство, если оно не доставляетъ имъ средствъ къ жизни и предоставляетъ ихъ сомнительной помощи частной благотворительности. Людямъ бѣднымъ, но здоровымъ правительство должно доставлять работу; для доставленія имъ занятій необходимо поощрять мореплаваніе, земледѣліе, рыбныя ловли и другіе промыслы. Если, несмотря на все это, число бѣдныхъ будетъ постоянно возрастать, то ихъ должно переселять въ области, еще недостаточно заселенныя; но при-этомъ надо стараться не погубить прежнихъ жителей этихъ областей, потому что чѣмъ тѣснѣе заселятся онѣ, тѣмъ выгоднѣе для самихъ поселенцевъ; въ противномъ случаѣ они пойдутъ блуждать по обширнымъ полямъ, будутъ питаться плодами, которые родятся сами собой, вмѣсто того, чтобы добывать себѣ пищу прилежной обработкой каждый своего поля. Но если у государства нѣтъ незаселенныхъ областей, и земли недостаточно для пропитанія людей, то послѣднее прибѣжище состоитъ въ войнѣ: она удовлетворитъ всѣхъ побѣдой или смертью.

Законодательство. Правительство обязано заботиться о качествѣ законовъ. Въ чемъ состоитъ доброкачественность законовъ? Говорятъ: въ справедливости; но это не правда. Всякій законъ справедливъ, потому что всякій создается всѣми гражданами для самихъ себя и съ согласія каждаго. Хорошъ тотъ законъ, который даетъ народу безопасность и притомъ выраженъ ясно.

Цѣль законовъ состоитъ не въ томъ, чтобы лишать народъ безвредной свободы, а въ томъ, чтобы предотвратить отъ него и отъ государства опасности и бѣды, происходящія отъ людскихъ страстей, безразсудства и глупости; такъ и дороги огораживаются не для того, чтобы мѣшать путешественникамъ, а для того, чтобы пьяные, слѣпые и малолѣтніе не сваливались съ нихъ въ канавы. Вотъ почему дуренъ всякій законъ, который не имѣетъ въ виду этой цѣли законодательства и который не вызванъ необходимостью—всякій законъ, безъ котораго можно обойтись. Иногда хвалятъ законы, неприносящіе граж-

данамъ никакой пользы, но полезные правительству. Это ошибка: польза народа должна быть нераздѣльна съ пользой правительства. Правительство бѣднаго народа само бѣдно; у слабаго народа и правительство слабо, такъ что не можетъ управлять имъ по своему произволу. Вообще можно сказать, что всякій законъ, безъ котораго народъ могъ бы обойтись, въ сущности ничто иное, какъ силки для ловли денегъ; но дѣло въ томъ, что если народъ повинуется правительству, то такія уловки излишни, а если не повинуется, то онѣ ни къ чему не поведутъ, и во всякомъ случаѣ вредны.

Ясность закона зависитъ не столько отъ удачнаго выбора выраженій, сколько отъ толковаго изложенія причинъ, вызвавшихъ изданіе закона. Изъ этого изложенія граждане узнаютъ, чего желаетъ отъ нихъ законодатель, а узнавъ это, имъ легче понять самый немногословный законъ, чѣмъ, не зная, самый многословный. Всякое слово можно толковать и такъ, и сякъ; поэтому чѣмъ больше словъ, тѣмъ больше двусмысленности. Кромѣ того излишняя заботливость о буквѣ даетъ многимъ поводъ думать, что стоитъ только соблюдать буквальный смыслъ, вслѣдствіе чего возникаетъ множество тяжбъ, которыхъ не было бы, еслибы заботились о соблюденіи духа законовъ. Припомнимъ, какъ кратки были древніе законы и въ какое многословіе пустилось нынѣшнее законодательство. Право, можно предположить, что законодатели только и думаютъ, какъ бы перехитрить адвокатовъ, которые съ своей стороны всѣми силами стараются вывернуться изъ ихъ крючковъ; и надо сказать, что въ этомъ состязаніи побѣда остается на сторонѣ адвокатовъ. Итакъ, законодатель, т. е. верховная власть, долженъ какъ можно яснѣе излагать причины всякаго закона, а самые законы выражать по возможности въ краткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ.

Наказанія. Правительство должно поступать осмотрительно въ наложеніи наказаній и въ раздачѣ наградъ. Цѣль наказанія не мщеніе или изверженіе желчи, а исправленіе виновнаго или, примѣромъ его, другихъ. Стало быть, строже всего надо наказывать преступленія, которыя особенно вредны для государства: таковы преступленія, которыя происходятъ или отъ ненависти къ правительству, или отъ презрѣнія къ справедливости, или возбуждаютъ толпу, или могутъ показаться, что совершаются съ одобренія самого правительства, если оно не накажетъ ихъ. Въ этомъ случаѣ негодованіе народа съ виновныхъ обратится противъ самого правительства, которое, повидимому, поддерживаетъ несправедливость. Напротивъ того, преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ сильной страсти, или подъ вліяніемъ страха, или въ большой нуждѣ, или по незнанію, требуютъ снисхожденія на основаніи

одного изъ естественныхъ законовъ. Напримѣръ, въ возстаніи государству полезно наказать вождей и подстрекателей; но наказывать увлеченную толпу не слѣдуетъ, потому что она сама не знаетъ, что дѣлаетъ, а незнаніе служитъ оправданіемъ или извиненіемъ тѣмъ болѣе, что въ невѣжествѣ народа виновато само правительство.

Награды. Верховная власть обязана вознаграждать хорошихъ гражданъ, но такъ, чтобы награды служили на благо государства. Для этого людей, оказавшихъ государству заслуги, надо повышать такъ, чтобы и прочимъ открывалась надежда достигнуть такой чести, если будутъ хорошо служить государству. Но если, напримѣръ, правительство покупаетъ деньгами или повышеніемъ у честолюбца согласіе не вредить государству, то это будутъ не награда и не милость, а уступка, вынужденная страхомъ, хотя государство сотворено безстрашнымъ и должно быть царемъ надъ всѣми сынами гордости, на все высокое смотрѣть смѣло, (Іова XLI, 25, 26). Такая уступка честолюбцу служитъ не въ пользу, а во вредъ государству, и доказываетъ, что верховная власть должна еще выдерживать борьбу съ гражданами. Въ этой борьбѣ, какъ въ борьбѣ Геркулеса съ Гидрой, у противника его намѣсто каждой отсѣченной головы выростаетъ три. Если подкупъ устранитъ одного честолюбца, то примѣръ его возбудитъ много другихъ, увлекаемыхъ надеждой на тѣ же выгоды, потому что безчестныя дѣйствія, какъ всѣ продажные предметы, умножаются отъ повышенія цѣны на нихъ. Подкупомъ злонамѣренныхъ людей иногда удается отсрочить междоусобіе; но это во всякомъ случаѣ опасное средство, еще вѣрнѣе ведущее государство къ гибели. Итакъ, правительство не должно осыпать наградами людей, которые изъ честолюбія стремятся возбудить безпорядки; гораздо лучше подавить ихъ при самомъ началѣ, пока опасность еще не такъ велика.

Совѣтники. Трудная обязанность правительства состоитъ въ выборѣ совѣтниковъ. Впрочемъ эта трудность существуетъ только въ монархіяхъ, потому что въ республикахъ совѣтниками бываютъ сами члены верховнаго собранія. Хорошими совѣтниками могутъ быть тѣ, кто особенно много занимался общественными дѣлами разнаго рода и кому дурной совѣтъ не можетъ принести нималѣйшей выгоды.

Трудно узнать, кто можетъ ожидать себѣ добра отъ общественнаго несчастья; во всякомъ случаѣ должно остерегаться тѣхъ, кому смуты могутъ быть полезны. Еще труднѣе понять, кто годится въ совѣтники и кому можно съ пользой поручать общественныя дѣла. Во всякомъ искусствѣ нужно самому быть мастеромъ, чтобы отличить искуснаго художника отъ неискуснаго.

Какъ бы искусны ни были совѣтники, они будутъ полезнѣе государству, если будутъ порознь сообщать свои мнѣнія, приводя причины и основанія, вмѣсто того, чтобы разбирать дѣла всѣ вмѣстѣ въ длинныхъ рѣчахъ; притомъ лучше, если они предварительно обдумаютъ вопросъ, чѣмъ толковать о немъ безъ приготовленія. Тогда они будутъ имѣть больше досуга сообразить всѣ вѣроятныя слѣдствія внушаемаго поступка и меньше будутъ увлекаться завистью, соревнованіемъ и другими страстями, порождаемыми разногласіемъ.

Во внутреннихъ дѣлахъ государства, т. е. въ разсужденіи выгодъ, которыя можно доставить гражданамъ, всего лучше руководствоваться желаніями и жалобами самихъ заинтересованныхъ лицъ, которымъ лучше всего извѣстно, что имъ нужно и какъ помочь имъ. Поэтому, если они просятъ чего-нибудь ненарушающаго правъ верховной власти, которыя, какъ мы часто говорили, должны быть сохраняемы въ неприкосновенности, правительство обязано внимать ихъ голосу.

Военачальники.

Непопулярный полководецъ не можетъ внушить войску ни любви, ни страха къ себѣ; а между тѣмъ это необходимо, и безъ этого онъ не выполнитъ надлежащимъ образомъ своего дѣла. Онъ долженъ быть бдителенъ, мужественъ, привѣтливъ, честенъ, счастливъ, чтобы пользоваться славой хорошаго полководца и кромѣ того увѣрить воиновъ въ своей привязанности къ нимъ. Популярность располагаетъ къ нему воиновъ, такъ что онъ не потеряетъ ихъ преданности, если даже обстоятельства заставятъ его поступить строго съ виновными изъ нихъ. Но съ другой стороны полководецъ, любимый войскомъ, можетъ быть опасенъ государству, особенно республикѣ, если вѣрность его не обезпечена. Слѣдовательно, выбирая полководца, правительство должно имѣть въ виду нетолько его способности, но и гражданскую честность.

Если правительство само популярно, то ему неопасна популярность кого бы то ни было изъ гражданъ. Нигдѣ не слыхано, чтобы воины промѣняли своего государя на вождя, какъ бы ни любили послѣдняго, если только первый не возбудилъ къ себѣ ненависти. Верховная власть сама по себѣ вещь дотого популярная, что ея одной достаточно для привлеченія гражданъ.

О взаимныхъ обязанностяхъ правительствъ я не могу сказать ничего, кромѣ указанія на обязанности, вытекающія изъ разсмотрѣнныхъ нами выше законовъ природы. Международное право тождественно съ естественнымъ. Что до учрежденія государствъ могъ дѣлать всякій человѣкъ, то по международному праву можетъ дѣлать всякое государство; и тѣ же законы, которые еще до существованія гражданскихъ законовъ опредѣляютъ, что́ можно дѣлать и чего нельзя, указываютъ и государствамъ ихъ взаимныя обязанности. Здѣсь единственнымъ закономъ служитъ совѣсть правителей; кромѣ этого суда естественной правды, кромѣ совѣсти, управляемой Богомъ, надъ ними нѣтъ ничего: Богъ, Творецъ природы, Царь царей, начерталъ въ сердцахъ человѣческихъ естественные законы, которые одни опредѣляютъ отношенія между государствами. Ниже мы будемъ говорить о царствѣ Бога надъ царями, какъ Бога, и о царствѣ его надъ избраннымъ народомъ, какъ царя.

ГЛАВА XXXI.

О естественномъ царствѣ Божіемъ.

Цѣль слѣдующихъ главъ.

До сихъ поръ я доказалъ, что настоящее естественное состояніе людей, т. е. та полная свобода, которую имѣютъ люди, никѣмъ не управляющіе и не управляемые, есть состояніе анархіи и войны; я доказалъ, что избѣгать такого состоянія и какъ избѣгать его—насъ научаютъ законы самой природы; что государство безъ верховной власти есть пустое слово и въ дѣйствительности не можетъ существовать; что граждане обязаны правительству полнымъ повиновеніемъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ повиновеніе нарушило бы божественные законы. Теперь, чтобы дополнить ученіе о гражданскихъ обязанностяхъ, остается изслѣдовать, въ чемъ состоятъ божественные законы; не зная ихъ, нельзя знать и того, согласны или несогласны съ закономъ Божіимъ повелѣнія правительства, и граждане будутъ или грѣшить предъ Богомъ излишнимъ повиновеніемъ правительству, или, опасаясь согрѣшить предъ Богомъ, будутъ нарушать свои гражданскія обязанности. Во избѣжаніе этихъ двухъ опасностей, необходимо узнать божественные законы. Но познаніе закона, какъ я говорилъ выше, предполагаетъ познаніе законодателя; поэтому намъ нужно теперь познакомиться съ царствомъ Бога.

Всѣ мы — подданные царства Божія.

Господь воцарися, да радуется земля; Господь воцарися, да гнѣваются людіе: сѣдя на херувимѣхъ, да подвижится земля—говоритъ Псалмопѣвецъ (Псал. XCI, 9, 10, XCVIII, 1). Волей, неволей, всѣ мы должны покоряться божественной власти. Даже отрицаніе бытія или провидѣнія Божія не освобождаетъ отъ божественнаго ига, а только лишаетъ упованія. Иногда говорятъ, что Богъ царствуетъ не только надъ людьми, но и надъ всѣми прочими животными и даже надъ неодушевленной природой. Это не болѣе, какъ метафора. Царствовать въ собственномъ смыслѣ слова

значитъ управлять посредствомъ повелѣній, угрозъ и обѣщаній. Поэтому въ строгомъ смыслѣ неодушевленные предметы и неразумныя твари не входятъ въ царство Божіе, потому что не имѣютъ понятія о Богѣ и его законахъ. Подданными царства Божія нельзя считать также атеистовъ, т. е. отвергающихъ участіе Божественнаго промысла въ человѣческихъ дѣлахъ, потому что они не признаютъ заповѣдей Бога, не надѣятся на Его награды и невѣрятъ Его наказаніямъ. Право гражданства въ царствѣ Божіемъ принадлежитъ только вѣрующимъ въ существованіе Бога и въ Его Провидѣніе и признающимъ Его заповѣди; всѣ остальные обыкновенно считаются врагами Его царства.

Чтобы повиноваться словамъ, надо понимать ихъ; иначе они не могутъ служить закономъ; мы знаемъ уже, что самая сущность закона необходимо требуетъ общедоступнаго обнародованія его, что лишаетъ преступниковъ возможности оправдываться невѣдѣніемъ. Богъ возвѣщаетъ людямъ свои законы троякимъ способомъ: чрезъ указанія естественнаго разума ихъ, чрезъ откровеніе и чрезъ пророковъ, внушая людямъ довѣріе къ нимъ посредствомъ чудесъ. Слѣдовательно, мы узнаемъ волю Божію троякимъ путемъ: разумно, чувственно и посредственно отъ пророковъ; этому соотвѣтствуютъ въ насъ три способности внимать голосу Бога—здравый смыслъ, чудесное непосредственное созерцаніе и вѣра. Такъ называемое непосредственное созерцаніе есть прямое сверхъестественное откровеніе; это откровеніе не можетъ служить средствомъ возвѣщенія общихъ законовъ, потому что всегда обращается къ отдѣльному лицу и слѣдовательно, обязательно лишь для него.

Итакъ, остаются только два рода слова Божія, два способа узнавать Его волю: голосъ разсудка и голосъ пророковъ. На основаніи этого различія и самое царствованіе Бога является въ двоякомъ видѣ: естественное царство Его и пророческое. Подданные естественнаго царства Божія узнаютъ Его волю изъ указаній своего здраваго смысла. Пророческое царство его мы находимъ у евреевъ, которыми онъ управлялъ помимо указаній здраваго смысла посредствомъ положительныхъ законовъ, данныхъ чрезъ пророковъ. Въ настоящей главѣ мы поговоримъ о естественномъ царствѣ Божіемъ.

Всемогущество Божіе—основаніе Его верховной власти.

Естественное право Божіе царствовать надъ людьми и наказывать нарушителей Его законовъ природы основано не на томъ, что онъ создалъ ихъ, а на Его всемогуществѣ. Выше мы показали, что у людей верховная власть основана на договорѣ; чтобы понять теперь, какъ могло тоже право возникнуть по природѣ, нужно сообразить, въ какомъ случаѣ оно могло быть вѣчнымъ. По природѣ всякій имѣлъ право на все, и слѣдовательно, по природѣ право царства должно принадлежать тому, кто настолько силенъ, чтобы одержать побѣду

въ войнѣ противъ всѣхъ. Еслибы могъ существовать такой силачъ, онъ, разумѣется, не подумалъ бы подчинять себя законамъ и учреждать для своей обороны гражданское право, вмѣсто того, чтобы просто повелѣвать прочими по произволу. Но такихъ силачей между людьми быть не можетъ. Одна природа всесильна и не допускаетъ никакого сопротивленія себѣ. Поэтому ей принадлежитъ царство и владычество надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ. Вотъ на чемъ основана власть Бога надъ людьми; онъ владычествуетъ надъ ними не потому, что творецъ ихъ, не потому, что всеблагъ, а потому, что всемогущъ. Если онъ по произволу милуетъ и караетъ людей, то не потому, что они грѣшатъ, а потому, что онъ всесиленъ надъ ними. Объ этомъ вопросѣ было много споровъ.

Почему, спрашивали, злые часто бываютъ счастливы, а добрые—несчастны; на какомъ основаніи Богъ посылаетъ однимъ счастіе, а другимъ несчастіе въ здѣшней жизни? Вопросъ этотъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ, казался такъ труденъ, что колебалъ вѣру нетолько народа, но и философовъ и даже — что́ еще важнѣе — святыхъ. Коль благъ Богъ Израилевъ,—говоритъ Псалмопѣвецъ,—правымъ сердцемъ. Мои же въ малѣ не подвижастѣся нозѣ: въ малѣ не проліяшася стопы мои. Яко возревновахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря (Псал. LXXII, 1, 2, 3).

Іовъ смѣло спрашиваетъ Бога, почему, будучи праведнымъ, онъ такъ тяжело страдаетъ. Что же отвѣчаетъ ему Богъ? Онъ не говоритъ, что несчастья навлечены на него грѣхами; въ отвѣтъ онъ только указываетъ ему на свое всемогущество. Про грѣхи Іову говорили друзья и оскорбили его, и онъ возражалъ имъ въ сознаніи своей праведности. Богъ же, явившись произнести свое рѣшеніе, самъ сказалъ, что Іовъ страдаетъ, ибо такъ угодно всемогуществу Божію: Гдѣ ты былъ, когда Я основывалъ землю? (Іовъ XXXVIII, 4). Этими и другими словами Онъ напомнилъ Іову о своемъ всемогуществѣ и наконецъ опровергъ и защиту Іова, хотя призналъ его невинность и осудилъ ошибки друзей его. Спаситель подтвердилъ это, сказавъ о слѣпорожденномъ: Ни онъ не согрѣшилъ, ни родители его; но это для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи (Іоан. IX, 3). Хотя апостолъ говоритъ, что грѣхомъ смерть вошла въ міръ (Римл. V, 12), т. е., что, не согрѣши Адамъ, смерти не было бы; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Богъ не имѣлъ права наказать Адама, если бы онъ и не согрѣшилъ, подобно тому, какъ Онъ наказываетъ прочихъ животныхъ, хотя они не могутъ грѣшить.

Божественные законы.

Теперь разсмотримъ Божественные законы, опредѣляющіе обязанности людей другъ къ другу и къ Богу. Первые

суть тѣ самые естественные законы, о которыхъ мы говорили въ XIV и XV главахъ. Слѣдовательно, теперь остается разсмотрѣть, что предписываетъ намъ естественный разумъ относительно почитанія Божественнаго Величества и служенія Ему.

Почитаніе и служеніе.

Почитаніе есть внутреннее убѣжденіе въ благости и могуществѣ того, къ кому относится. Такъ, почитать Бога значитъ быть вполнѣ убѣжденнымъ въ Его могуществѣ и благости. Внѣшнее выраженіе этого убѣжденія называется служеніемъ; по латынѣ это понятіе выражается яснѣе словомъ cultus, которое употребляется и у насъ—культъ. Слово cultus въ прямомъ смыслѣ значитъ просто трудъ, прилагаемый человѣкомъ къ предмету для извлеченія изъ него какой-нибудь пользы себѣ. Предметъ этотъ можетъ или состоять въ нашей власти, и тогда польза, извлекаемая изъ его обработыванія—культуры—есть непосредственный результатъ нашего труда; или стоять внѣ нашей власти, и тогда наши старанія не прямо создаютъ для насъ полезные результаты, а ведутъ къ нимъ посредственно, съ участіемъ посторонней воли и приводятъ только въ силу логическаго хода вещей. Примѣромъ перваго случая можетъ служить обработка или культура земли и воспитаніе дѣтей, т. е. культура ихъ умовъ. Второй случай бываетъ, если намъ приходится склонять людей на наши желанія не насиліемъ, а услугами, заискиваніемъ или ухаживаніемъ, словомъ, всѣмъ, въ чемъ обнаруживается наше желаніе понравиться имъ; мы воздаемъ имъ культъ, хваля, возвеличивая ихъ, удивляясь имъ и пр.

Почитаніе, т. е. внутреннее убѣжденіе въ высокихъ качествахъ почитаемаго существа, порождаетъ въ насъ три чувства: любовь, которая возбуждается его благостью, надежда и страхъ, возбуждаемые его могуществомъ. Согласно этому естественный культъ проявляется въ троякой формѣ: хвала, величаніе и благословеніе: хвалится благость, величается и благословляется могущество и доставляемое имъ счастье. Хвала и величаніе могутъ выражаться словами или поступками; словами — когда мы говоримъ, что почитаемое существо благо и велико; поступками — когда мы благодаримъ его и повинуемся его власти. Но прославленіе его счастья можетъ выражаться только словами.

Культъ бываетъ естественный и искусственный; къ естественнымъ знакамъ почитанія относятся хвалебныя наименованія благимъ, справедливымъ, щедрымъ и т. п.; далѣе дѣйствія, какъ-то молитва, благодареніе и повиновеніе. Другіе знаки почитанія установлены искусственно человѣческими обычаями, и потому одинъ и тотъ же знакъ въ одномъ мѣстѣ и въ одно время считается достойнымъ,

въ другомъ и въ другое — ничего невыражающимъ, а въ третьемъ и въ третье—недостойнымъ; таковы разныя тѣлодвиженія, формулы, церемоніи и т. д.

Искусственный культъ бываетъ предписанъ или произволенъ, смотря по тому, опредѣленъ ли какимъ-нибудь гражданскимъ закономъ, или придуманъ произвольно частнымъ лицомъ. Въ первомъ случаѣ сущность культа составляютъ не столько сами знаки, сколько послушное соблюденіе ихъ. Во второмъ случаѣ главное дѣло состоитъ во внутреннемъ убѣжденіи служащаго; если онъ дѣлаетъ смѣшные жесты, вызывающіе презрѣніе къ почитаемому, то это не служеніе, потому что не выражаетъ почитанія, ибо знаки тогда только выражаютъ почитаніе, если возбуждаютъ его въ умѣ посторонняго зрителя, а не только въ умѣ самаго поклонника.

Далѣе, культъ бываетъ общественный или частный. Общественный культъ есть культъ всего общества; частный—тотъ, которому слѣдуютъ частные граждане. Общественный культъ свободенъ въ отношеніи государства, но для частныхъ людей обязателенъ. Частный культъ свободенъ, если совершается втайнѣ; но въ присутствіи постороннихъ онъ всегда совершается съ нѣкоторымъ страхомъ, внушаемымъ законами или общественнымъ мнѣніемъ; во всякомъ случаѣ этотъ страхъ лишаетъ его полной свободы.

Люди желаютъ, чтобы ихъ почитали ради могущества, потому что у нихъ почитаемый считается могущественнымъ. Но Богъ и безъ того всемогущъ. Почитать Его наша обязанность, и при этомъ мы должны сообразоваться съ правилами, которыя предписываетъ намъ здравый смыслъ, когда мы хотимъ оказать почтеніе могущественнымъ людямъ для полученія отъ нихъ какой-нибудь милости или для избѣжанія чрезъ нихъ какого-нибудь зла.

Атрибуты Бога.

Естественный разумъ указываетъ намъ, что̀ необходимо признавать въ Богѣ, чтобы достойно почитать Его. Очевидно, прежде всего мы должны признавать бытіе Бога, потому что нельзя почитать того, кого мы считаемъ несуществующимъ.

Во вторыхъ, мы должны признавать его всемогущество и исповѣдывать, что Онъ есть творецъ и правитель вселенной. Стало-быть, философы, отожествляющіе Бога съ природой и, стало-быть, утверждающіе, что Богъ не причина, не творецъ міра, не почитаютъ Его.

Въ третьихъ, утверждать, что міръ вѣченъ, а не сотворенъ, значитъ отрицать существованіе Бога.

Въ четвертыхъ, отрицать, что Богъ печется о человѣчествѣ, зна-

читъ разрушать всякое почитаніе Его, ибо если Его не будутъ любить и бояться, то не будутъ и почитать.

Въ пятыхъ, утверждать, что Богъ конеченъ, значитъ не почитать Его. Приписывать Ему меньше, чѣмъ мы можемъ, доказываетъ нежеланіе воздать Ему полное почитаніе. Такъ поступаютъ тѣ, кто не хочетъ признать Его безконечнымъ. Поэтому недостойно приписывать Богу какой нибудь образъ, ибо всякій образъ имѣетъ предѣлы. По той же причинѣ несогласно съ почитаніемъ Бога думать, что мы можемъ постигнуть Его, вообразить или имѣть о Немъ какое-нибудь представленіе, ибо все, что мы постигаемъ или представляемъ, конечно.

Нельзя также говорить о Богѣ какъ о цѣломъ или о состоящемъ изъ частей, потому что цѣлымъ или состоящимъ изъ частей можетъ быть только конечное. Говорить, что Богъ находится въ томъ или другомъ мѣстѣ, недостойно Его, потому что все занимающее мѣсто имѣетъ предѣлы и потому конечно. Говорить, что Онъ движется или пребываетъ въ покоѣ, также недостойно, потому что все это предполагаетъ, что Онъ занимаетъ извѣстное мѣсто.

Въ шестыхъ, многобожіе не можетъ достойно чтить Бога, потому что множество не можетъ быть безконечно.

Въ седьмыхъ, несогласно съ почитаніемъ Бога приписывать ему въ собственномъ значеніи словъ разныя болѣзненныя чувства, какъ-то, раскаяніе, гнѣвъ, состраданіе, или выражающія страданіе, какъ-то, желаніе, надежду, любовь или какую-нибудь страдательную способность: страданіе доказываетъ, что страждущій находится во власти сильнѣйшаго.

Поэтому, приписывая Богу волю, мы должны разумѣть подъ волей не разумное желаніе, какое свойственно человѣку, а могущество, которымъ Богъ создаетъ все существующее. Изъ этого слѣдуетъ, что говорить, будто Богъ чувствуетъ, знаетъ, понимаетъ,—доказываетъ недостатокъ почитанія.. Всѣ эти способности людей ничто иное, какъ волненіе, возбуждаемое въ душѣ внѣшними дѣятелями посредствомъ органическихъ частей тѣла. Такія выраженія допустимы только тогда, если употребляются метафорически и подразумѣваютъ непостижимое могущество Божіе.

Чтобы достойно чтить Бога по указаніямъ естественнаго разума, должно обозначать его атрибуты только отрицательно, какъ напр. безконечный, вѣчный, непостижимый; или словами въ превосходной степени: высочайшій, величайшій; или неопредѣленными выраженіями: благій, справедливый. Этимъ мы покажемъ, что и не помышляемъ объяснять сущность Божію, а только удивляемся Ему и чтимъ Его. Единственное достойное Его имя — Сущій, а если нужно назвать Его какъ нибудь въ обращеніи къ Нему, то назовемъ Его Богъ; это слово содержитъ въ себѣ понятія Отца, Царя и Господина.

Служеніе Богу, разумѣется, должно выражаться знаками почитанія. Таковы молитвы и благодаренія. Люди въ молитвахъ просятъ у Бога благодѣяній и, получивъ, обращаются къ Нему съ благодареніями; но и молитвы, и благодаренія выражаютъ одно и тоже—именно признаніе Бога виновникомъ всѣхъ прошедшихъ и будущихъ благодѣяній. Далѣе, знаками богопочитанія служатъ дары, и потому также входятъ въ составъ культа; отсюда жертвы и приношенія, выражающія благодарность. Далѣе, богопочитаніе выражается клятвой именемъ Божіимъ, ибо ею мы исповѣдуемъ, что Онъ единственный сердцевѣдецъ. Культъ предписываетъ людямъ говорить о Богѣ съ благоговѣніемъ, потому что оно служитъ знакомъ, что они боятся Его, а страхъ выражаетъ признаніе Божественнаго всемогущества.

Религія запрещаетъ употреблять имя Божіе всуе; призваніе Его допускается только въ судебныхъ дѣлахъ и при заключеніи международныхъ договоровъ. Споры о сущности Бога нарушаютъ должное Ему почтеніе, ибо предполагаютъ, что нѣтъ иного пути познать Бога, кромѣ разума и физическихъ началъ; а между тѣмъ разумъ и знаніе слишкомъ далеки отъ раскрытія намъ Божественной сущности; они не могутъ объяснить намъ даже нашей сущности и природы самой малѣйшей твари, нетолько Творца. Стало-быть, безсмысленно препираться о значеніи словъ, которыми мы выражаемъ наши понятія о божествѣ; лишь бы эти слова выражали, что мы чтимъ Бога, а вѣрно опредѣлить Его сущность намъ нельзя и помышлять. Наконецъ, чтобы достойно чтить Бога, надо служить Ему внимательно и усердно. Если мы будемъ обращаться къ Нему въ нелѣпыхъ, безсмысленныхъ или грубыхъ выраженіяхъ, то это будетъ недостойно.

Язычники заблуждались, конечно, поклоняясь идоламъ; но по крайней мѣрѣ это поклоненіе выражалось у нихъ въ приличной формѣ.

Сверхъ того надо почитать Бога нетолько втайнѣ, но главнымъ образомъ публично предъ людьми, потому что иначе культъ утрачиваетъ одно изъ своихъ лучшихъ назначеній—возбуждать другихъ къ почитанію Бога. Но самый лучшій культъ состоитъ въ повиновеніи естественнымъ законамъ, ибо послушаніе пріятнѣе Богу всѣхъ жертвоприношеній, и наоборотъ—пренебреженіе къ Божественнымъ заповѣдямъ для Него величайшее оскорбленіе. Таковы естественныя основанія богопочитанія. Государство, составляя единое лицо, можетъ имѣть одинъ общій культъ, т. е. культъ, предписываемый гражданскими законами;

этотъ культъ называется государственнымъ и необходимо требуетъ единообразія.

Всякое слово, въ томъ числѣ и тѣ, которыми мы выражаемъ свойства Божіи, имѣетъ тотъ смыслъ, какой люди согласились и положили придавать ему. Внѣ государства каждый воленъ давать своимъ словамъ какое угодно значеніе. Но въ государствѣ, гдѣ возможно выраженіе общей воли, общаго согласія,—значеніе словъ можетъ опредѣляться гражданскими законами. Слѣдовательно, въ государствѣ частные люди должны употреблять для почитанія Бога тѣ выраженія, которыя предписаны правительствомъ, хотя бы оно установило какіе-нибудь безсмысленные знаки богопочитанія. Иные знаки и слова дѣйствительно безсмысленны, особенно въ приложеніи къ богопочитанію, потому что не выражаютъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія. Однако если государство постановитъ употреблять ихъ въ культѣ, граждане должны соблюдать ихъ.

Что касается естественныхъ наказаній за грѣхи, то они составляютъ естественное слѣдствіе грѣховъ. Почти всякій поступокъ человѣка служитъ началомъ цѣлой цѣпи послѣдствій, дотого длинной, что никакая человѣческая прозорливость не можетъ предусмотрѣть ея конца. Въ этой цѣпи пріятныя и скорбныя звенья соединяются такъ неразрывно, что кто беретъ пріятное, тотъ, хотя и непредвидѣнно, но необходимо, беретъ и соединенное съ нимъ непріятное.

Такимъ образомъ совершающій насиліе наказывается насиліемъ же; неумѣренность наказывается болѣзнями и пр. Подобныя наказанія я называю естественными.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать объ учрежденіи государства, о правахъ правительствъ и объ обязанностяхъ гражданъ, которыя вытекаютъ изъ естественныхъ началъ. Все это неопровержимо, ясно и, я думаю, понравится свободнымъ умамъ.

Но когда я подумаю о множествѣ лицъ, которымъ заблужденія выгодны; когда вспомню, что защитниковъ противныхъ ученій не исправилъ даже тяжкій опытъ гражданской войны; когда посмотрю, что лучшіе умы до сихъ поръ напитываются мятежными ученіями древнихъ Грековъ и Римлянъ,—тогда во мнѣ возникаетъ опасеніе, что мое сочиненіе будетъ принято за фантазію въ родѣ Платоновой Республики, Утопіи или Атлантиды. Однако я не отчаяваюсь; быть можетъ, со временемъ короли лучше поймутъ свои права, а ученые постигнутъ обязанности свои и другихъ гражданъ. Тогда это ученіе перестанетъ казаться неосуществимымъ и будетъ принято всѣми къ общему благу.

КНИГА ТРЕТЬЯ

О ХРИСТІАНСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

КНИГА III.

О ХРИСТІАНСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ГЛАВА XXXII.

О началахъ христіанской политики.

Св. Писаніе—источникъ началъ христіанской политики.

Въ двухъ первыхъ частяхъ моей книги я выводилъ права правительствъ и обязанности гражданъ изъ началъ чисто естественныхъ, изъ смысла словъ, утвержденнаго взаимнымъ согласіемъ всѣхъ людей. Но сущность и права христіанскаго государства объяснены кромѣ того сверхъестественнымъ путемъ въ Св. Писаніи. Поэтому обратимся теперь къ нему, чтобы уразумѣть ихъ.

Здравый смыслъ и откровеніе.

Но при этомъ не слѣдуетъ отрекаться отъ руководства чувствъ, опыта и здраваго смысла. Спаситель уподобляетъ ихъ талантамъ, розданнымъ господиномъ рабамъ, и учитъ насъ, что мы не должны зарывать ихъ въ землю, а употреблять на распространеніе правды, мира и истинной религіи. Точно, въ словѣ Божіемъ многое превосходитъ нашъ естественный разумъ, т. е. не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто; но это вина ограниченности нашего разума, который не можетъ постигнуть истинъ откровенія.

Встрѣчая въ Писаніи что-нибудь непостижимое, мы должны заставить молчать нашъ разумъ и подчинить его тайнамъ откровенія. Эти тайны подобны пилюлямъ, которыя врачи приписываютъ труднымъ больнымъ:

онѣ цѣлительны, если ихъ глотать, не разжовывая; но если ихъ раскусить, то организмъ возмутится и заставитъ выплюнуть ихъ.

Впрочемъ невозможно требовать, что бы это подчиненіе здраваго смысла доходило до полнаго согласія съ противнымъ ему положеніемъ. Мы не властны располагать нашими чувствами, памятью, разсудкомъ и умомъ, которые говорятъ намъ то, что отражаютъ въ себѣ отъ самыхъ объектовъ. Обязанность подчинять разсудокъ состоитъ только въ томъ, чтобы не противорѣчить тому, чему намъ велятъ вѣрить лица, имѣющія право повелѣвать.

Богъ говоритъ съ людьми или непосредственно, или посредственно черезъ какого-нибудь человѣка, которому возвѣщаетъ свое откровеніе. Какъ можетъ Богъ говорить съ человѣкомъ непосредственно—понимаютъ, можетъ быть, тѣ, съ которыми Онъ говорилъ такимъ образомъ; но намъ понять этого невозможно или по крайней мѣрѣ очень трудно. Еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что Богъ говорилъ съ нимъ непосредственно и сверхъестественно, и еслибы я усумнился въ этомъ,—я недоумѣваю, какими доказательствами могъ бы онъ убѣдить меня. Но если мнѣ скажетъ это тотъ, кому я обязанъ повиноваться, я долженъ принять его слова какъ правду и ни словомъ, ни дѣломъ не обнаружить моего недовѣрія. Однако даже онъ не можетъ требовать, чтобы я искренно вѣрилъ ему, а тѣмъ болѣе тотъ, кто не имѣетъ никакихъ правъ ни на мое довѣріе, ни на мое повиновеніе.

Если человѣкъ скажетъ, что нашелъ божественное откровеніе въ Св. Писаніи, то ему надо отвѣтить, что это не непосредственное откровеніе, что откровеніе Св. Писанія дано черезъ пророковъ и притомъ одинаково всѣмъ людямъ. Утверждающій, что бесѣдовалъ съ Богомъ во снѣ, свидѣтельствуетъ только, что ему это снилось, и никто не можетъ понять это въ иномъ смыслѣ и принять его слова за дѣйствительное откровеніе, потому что сны, какъ извѣстно, происходятъ совершенно естественнымъ образомъ и зависятъ отъ настроенія и понятій человѣка. Если кто станетъ разсказывать, что видѣлъ Бога или слышалъ Его голосъ, всякій подумаетъ, что ему это приснилось; потому что сновидѣнія часто и легко обманываютъ людей тщеславныхъ и дотого увѣренныхъ въ себѣ, что считаютъ себя достойными особенной милости Божіей. Наконецъ, если человѣкъ объявитъ, что Богъ сообщилъ ему сверхестественнымъ образомъ какое-нибудь ученіе, всѣ благоразумные люди поймутъ, что онъ просто помѣшался отъ самодовольства и благоговѣнія къ самому себѣ. Хотя всемогущій Богъ можетъ говорить съ человѣкомъ посредствомъ сновидѣній, видѣній, голоса и вдохновенія, но никто не обязанъ вѣрить утверждающему, что имѣлъ подобныя откровенія, потому что

человѣкъ можетъ заблуждаться и, что еще хуже, обманывать. Какъ же безъ особеннаго откровенія отличить истиннаго пророка отъ ложнаго? Изъ четырехсотъ прорицателей, которыхъ царь израильскій спрашивалъ, идти ли ему противъ Рамоѳъ-Галаада, одинъ Михей былъ истинный пророкъ (1 Царствъ, XXII). Пророкъ, котораго Богъ послалъ пророчествовать противъ алтаря, воздвигнутаго Іеровоамомъ, былъ истинный пророкъ Божій и совершилъ предъ царемъ чудеса; но и онъ былъ обманутъ другимъ старымъ пророкомъ, убѣдившимъ его, будто бы отъ имени Бога, чтобы онъ ѣлъ и пилъ съ нимъ (I Царствъ, XIII).

Если пророки могутъ обманывать другъ друга, то какое средство остается намъ узнавать волю Божію, кромѣ здраваго смысла? Св. Писаніе указываетъ намъ два признака, по которымъ можно узнать истиннаго пророка, если мы видимъ ихъ въ соединеніи; но каждый порознь еще ничего не доказываетъ. Если, — говоритъ Богъ, — возстанетъ среди тебя пророкъ или сновидецъ, и представитъ тебѣ знаменіе или чудо, и сбудется то знаменіе или чудо, о которомъ онъ говорилъ тебѣ, и скажетъ притомъ: пойдемъ вслѣдъ боговъ другихъ, которыхъ ты не знаешь, и будемъ служить имъ: то не слушай словъ пророка сего, или сновидца сего и пр. А пророка того или сновидца того должно предать смерти за то, что онъ уговаривалъ отступить отъ Іеговы Бога вашего (Второз. XIII, 1, 2, 3, 5). Въ этихъ словахъ должно замѣтить двѣ вещи: во первыхъ, Богу неугодно, чтобы одни чудеса считались признакомъ истиннаго пророка; иногда онъ дозволяетъ совершить чудо для испытанія постоянства своего народа. Чудеса дѣлали и египетскіе волхвы, но имъ не слѣдовало вѣрить. Во вторыхъ, какъ бы велико ни было чудо, но если его совершаютъ съ цѣлью возбудить возстаніе противъ царя, то имъ только испытывается вѣрность народа. Подобнымъ образомъ и нашъ Спаситель Іисусъ Христосъ, когда ученики признали его истиннымъ Мессіей, т. е. Царемъ, не преминулъ указать имъ на опасность чудесъ: Не вѣрьте,—говоритъ онъ — ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки и явятъ великія знаменія и чудеса, такъ чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ (Матѳ. XXIV, 23, 24).

Это доказываетъ, что и лжепророки могутъ совершать чудеса; но ученіе ихъ тѣмъ неменѣе не слѣдуетъ принимать за слово Божіе. И апостолъ Павелъ говоритъ. Но хотя бы и мы, или ангелъ съ неба, сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема, (Гал. I, 8). Сущность же благовѣствованія Павла именно только въ томъ и состояла, что Іисусъ Христосъ есть

Царь. Стало быть, по ученiю св. Павла, всякая проповѣдь противъ царской власти подлежитъ анаѳемѣ.

Но если чудеса не узаконяютъ проповѣдь, противорѣчащую установленному ученiю, то съ другой стороны и проповѣдь, хотя бы истинная, не можетъ считаться откровенною, если не подтверждается чудесами. Слѣдовательно, не должно слушать и того, кто хотя проповѣдуетъ истинное ученiе, но требуетъ, чтобы ему вѣрили, какъ пророку, не доказывая своего призванiя чудесами. Объ этомъ Писанiе говоритъ: Естьли же скажешь въ сердцѣ твоемъ: какъ мы узнаемъ слово, которое не Господь говорилъ? Естьли пророкъ скажетъ именемъ Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорилъ сiе слово, но говорилъ сiе пророкъ по дерзости своей: не бойся его (Второз. XVIII, 21, 22). На это могутъ возразить: «Какъ же узнать, сбудется или нѣтъ пророчество, относящееся къ отдаленному будущему или къ неопредѣленному времени? Въ этихъ случаяхъ мы, стало-быть, лишены этого признака?» Дѣйствительно, необходимо, чтобы предсказанiе было оправдано событiемъ, если не тотчасъ, то по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Итакъ, мы имѣемъ два признака, по которымъ можемъ узнать истиннаго пророка — проповѣданiе установленной религiи и чудеса; но, какъ мы доказали, они имѣютъ значенiе только въ совокупности, а не порознь.

Чудеса давно перестали случаться, такъ что теперь кромѣ Св. Писанiя у насъ нѣтъ другаго руководства къ различенiю истиннаго откровенiя или вдохновенiя и къ обязательному принятiю ученiя частнаго человѣка. Со временъ апостоловъ мѣсто чудесъ заступило Св. Писанiе, которое вполнѣ вознаграждаетъ насъ за прекращенiе пророчествъ. Изъ него мы легко можемъ почерпать заповѣди и правила, необходимыя для познанiя нашихъ обязанностей какъ къ Богу, такъ и къ людямъ; надо только правильно толковать ихъ, обсуждая внимательно и осторожно, не увлекаясь и не приписывая себѣ сверхъестественнаго вдохновенiя. Слѣдовательно, и мнѣ слѣдуетъ выводить изъ Писанiя всѣ начала правъ верховной власти въ христiанскомъ государствѣ, о которыхъ я буду теперь говорить. Но предварительно мнѣ надо сказать о книгахъ, писателяхъ, цѣли и авторитетѣ Св. Писанiя.

ГЛАВА XXXIII.

О числѣ, древности, цѣли, авторитетѣ и толкователяхъ священныхъ книгъ.

Книги Св. Писанiя.

Священными книгами называются тѣ, которыя христiане обязаны принимать за правила или каноны въ жизни. Всѣ правила, которыя люди по совѣсти обязаны соблюдать, составляютъ для нихъ законы; стало-быть, вопросъ о Писанiи составляетъ для всего христiанскаго мiра вопросъ о законахъ, какъ естественныхъ, такъ и гражданскихъ. Правда, въ Св. Писанiи не указано, какiе законы должны постановлять христiанскiя правительства; но въ немъ опредѣлено, какихъ законовъ не должно постановлять. Выше было показано, что право законодательства принадлежитъ только верховной власти; отсюда слѣдуетъ, что въ государствѣ значенiе каноническихъ книгъ или законовъ имѣютъ только книги, утвержденныя правительствомъ. Конечно, Богъ—Царь царей, и граждане должны повиноваться Ему даже вопреки волѣ земнаго царя. Но здѣсь дѣло не въ повиновенiи Богу, а въ томъ, когда и что говорилъ Богъ. Безъ сверхъестественнаго откровенiя это можно узнать только путемъ естественнаго разума, по внушенiю котораго люди для достиженiя мира и справедливости подчинили себя верховной власти. Слѣдовательно, каждый изъ насъ долженъ признавать Св. Писанiемъ только тѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя велитъ считать божественными наша Англиканская церковь. Я полагаю, что нѣтъ надобности перечислять здѣсь эти книги; списокъ ихъ, вѣроятно всѣмъ извѣстенъ. Ученый еврей Iосифъ, жившiй при Домицiанѣ, считаетъ двадцать двѣ книги Ветхаго Завѣта, по числу буквъ еврейскаго алфавита, а именно: пять книгъ Моисея, тринадцать пророковъ и четыре гимновъ и поученiй. Столько же насчитываетъ и святой Iеронимъ, а именно: пять книгъ Моисея, восемь пророковъ и девять такъ-называемыхъ агiографовъ. Оба они исключаютъ изъ канона книги Премудрости Соломона, Экклезiастъ, Юдиѳь, Товiи, первую и вторую Маккавеевъ (которая у евреевъ составляетъ одну) и третью и четвертую Эздры. Св. Iеронимъ признаетъ ихъ апокрифами. Семьдесятъ толковниковъ, т. е. семьдесятъ ученыхъ евреевъ, ко-

торые перевели Библію съ еврейскаго на греческій языкъ по порученію египетскаго царя Птолемея, пропустили эти апокрифы. Англиканская церковь также слѣдуетъ мнѣнію св. Іеронима и Іосифа. Что касается книгъ Новаго Завѣта, то всѣ христіанскія церкви и секты одинаково признаютъ нѣкоторыя изъ нихъ каноническими, а остальныя единодушно отвергаютъ.

Древность св. книгъ.

Кто написалъ священныя книги—исторія не говоритъ, такъ что объ этомъ можно только дѣлать предположенія, основываясь на данныхъ самихъ книгъ, насколько это возможно. Хотя этимъ путемъ нельзя узнать, кто былъ авторомъ какой книги, но можно по крайней мѣрѣ приблизительно опредѣлить время написанія каждой.

Авторъ Пятикнижія не Моисей.

Нельзя утверждать, чтобы Пятикнижіе было написано самимъ Моисеемъ; изъ того, что оно называется книгами Моисея, также невозможно выводить, что Моисей былъ его авторомъ, какъ изъ названій книгъ Іисуса Навина, Судей, Руѳи нельзя заключать, что онѣ сочинены этими лицами. Эти заглавія относятся не къ авторамъ, а къ предметамъ книгъ. Заглавіе: «Исторія Тита Ливія» показываетъ имя автора; но напр. «Исторія Скандерберга» обозначаетъ предметъ сочиненія. Во Второзаконіи (XXXIV, 6) сказано о Моисеѣ: «И никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня». Послѣднія слова очевидно относятся къ тому времени, когда была написана эта книга, и несомнѣнно доказываютъ, что она написана долго спустя по смерти Моисея. Говорятъ впрочемъ, что это Моисей пророчествовалъ самъ о себѣ; но нелѣпѣе этого объясненія нельзя ничего придумать, и Моисей, разумѣется, не могъ толковать о судьбахъ своей могилы въ неопредѣленное время послѣ своей смерти. Другіе объясняютъ, что эта глава прибавлена впослѣдствіи, а все Пятикнижіе все-таки написано Моисеемъ. Однако и въ кн. Бытія сказано: «По землѣ сей Авраамъ прошелъ (по длинѣ ея) до мѣста Сихема, до дубравы Море. Въ землѣ сей тогда жили Хананеи». (Быт. XII, 6). Эти слова могутъ принадлежать только писателю, писавшему въ то время, когда въ этой землѣ уже не было Хананеевъ. Стало-быть, они не принадлежатъ Моисею. Въ книгѣ Числъ (XXI, 14) приводятся слова еще болѣе древней книги подъ заглавіемъ: Книга браней господнихъ, гдѣ будто-бы разсказывается о дѣяніяхъ Моисея на Красномъ Морѣ и на потокахъ Арнонскихъ. Самъ Моисей, конечно, не могъ бы сдѣлать такихъ ссылокъ. Моисей написалъ только то, что приписывается ему въ Пятикнижіи, а именно, двѣ скрижали закона, приводимыя о Второзаконіи въ XI—XXVII главахъ, а вначалѣ начертанныя на камняхъ по повелѣнію Бога при вступленіи въ обѣтованную землю. Эти скрижали были начертаны самимъ Моисеемъ и переданы священникамъ и старѣйшинамъ израильскимъ на храненіе и для чтенія передъ народомъ черезъ каждыя семь лѣтъ въ праздникъ кущей. Священники и левиты переписали эти законы, и Богъ велѣлъ впослѣдствіи еврейскимъ царямъ читать ихъ народу для возобновленія Своего завѣта съ нимъ.

Книга І. Навина написана гораздо позже его.

Книга Іисуса Навина несомнѣнно написана спустя долгое время послѣ его смерти. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самый текстъ ея. Авторъ говоритъ, что Іисусъ поставилъ среди Іордана въ память перехода евреевъ двѣнадцать камней, и прибавляетъ: Они тамъ и до сего дня (Іис. Нав. IV, 9); далѣе говорится, что Богъ сказалъ Іисусу: Нынѣ я снялъ съ васъ посрамленіе Египетское, и авторъ замѣчаетъ: почему и называется то мѣсто Галгалъ даже до сего дня (Іис. Нав. V, 9). Далѣе, разсказывая о смутахъ, возбужденныхъ Аханомъ, онъ говоритъ: И набросали на него большую груду камней, которая уцѣлѣла и до сего дня. Послѣ сего утихла ярость гнѣва Господня. Посему то мѣсто называется долиною Ахоръ даже до сего дня (І. Нав. VII, 29). Сверхъ того тексты гл. VIII, 29, XIII, 13, XIV, 14, XV, 63 доказываютъ, что книга Іисуса написана спустя довольно долгое время послѣ его смерти.

Книги Судей и Руѳи написаны долго спустя послѣ плѣненія.

Книга Судей очевидно написана послѣ плѣна десяти колѣнъ. Это доказывается слѣдующимъ текстомъ: И поставили у себя сыны Дановы истуканъ: Іонаѳанъ же, сынъ Гирсоновъ, сынъ Манассіинъ, самъ и сыновья его, были священниками въ колѣнѣ Дановомъ даже до дня переселенія земли (Суд. XVIII, 30). Кромѣ того объ этомъ свидѣтельствуютъ тексты I, 21, 26, VI, 24, X, 4, X, 4, XV, 19, XVII, 6. Книга Руѳи написана послѣ книги Судей, какъ видно изъ текста ея I, 1.

Книги Самуила также.

Книги Самуила (I и II Царствъ) также написаны уже по смерти Самуила, что явствуетъ изъ слѣдующихъ текстовъ: I Самуила V, 5, VII, 13, 15, XXVII, 6 и XXX, 25, гдѣ разсказывается, какъ Давидъ присудилъ оставовшимся у обоза такую же часть добычи, какъ и участвовавшимъ въ битвѣ, и присовокупляется: И это осталось закономъ и положеніемъ у Израиля даже до сего дня. Кромѣ того во II книгѣ Самуила, послѣ разсказа о томъ, какъ Давидъ былъ опечаленъ смертью Озы, авторъ говоритъ: И это мѣсто называется Пораженіе Озино до сего дня (VI, 8); стало-быть, книга эта писана не только послѣ Самуила, но даже долго послѣ Давида.

Книги Царствъ и Паралипоменонъ.

Подобные же тексты книгъ Царствъ (3 и 4) и Паралипоменона I (3) Цар. IX, 13, 21, X, 12, XII, 19; II (4) Цар. II, 22, VIII, 22, X, 27, XIV, 7, XVI, 6, XVII, 23, 34, 41; 1 Пар. IV, 41, V, 26 доказываютъ, что эти книги написаны долгое время спустя послѣ описанныхъ въ нихъ событій. Онѣ написаны послѣ вавилонскаго плѣна, потому что разсказъ ихъ оканчивается плѣненіемъ. Понятно, что событіе должно предшествовать исторіи; еще понятнѣе, что книга новѣе той, на которую ссылается, а въ этихъ книгахъ мы находимъ ссылки на лѣтописи царей Израилевыхъ, лѣтописи царей Іудейскихъ, на книгу пророка Самуила, пророка Наѳана, пророка Авіи, на видѣнія Іедо, на книги пророка Серуйя и пророка Адды.

Книги Эздры и Неемін.

Книги Эздры и Неемiи написаны по возвращеніи изъ плѣна; въ нихъ разсказывается о возсозданіи стѣнъ и домовъ Іерусалима, о возобновленіи завѣта и объ учрежденіи гражданскаго порядка.

Книга Эсѳири.

Книги Эсѳири написана во время плѣна или позднѣе.

Книга Іова.

Въ книгѣ Іова нѣтъ указанія на время ея сочиненія. Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что Іовъ—лицо дѣйствительное, а не вымышленное (Іез. XIV, 14; Іак. V, 11); но самая книга не имѣетъ историческаго характера, а скорѣе представляетъ нравственный трактатъ о старинномъ вопросѣ: почему злые большею частью бываютъ счастливы въ жизни, а добрые терпятъ несчастіе. Извѣстно, что начало книги до третьяго стиха третьей главы, т. е. до начала жалобы Іова, написано по-еврейски прозой; потомъ до шестаго стиха послѣдней главы идутъ стихи, а въ-заключеніе до конца послѣдней главы опять проза. Стало-быть, все разсужденіе о самомъ вопросѣ изложено въ стихахъ, а прозой написаны только предисловіе и заключеніе. Но понятно, что Іовъ въ своемъ печальномъ положеніи не могъ объясняться стихами, какъ и друзья его не стали бы утѣшать несчастнаго гекзаметрами; въ древнихъ философскихъ трактатахъ, особенно въ сочиненіяхъ по нравственной философіи стихотворная форма—самая употребительная.

Псалмы.

Псалмы написаны большею частью Давидомъ для хора; нѣкоторые приписываются впрочемъ Моисею и другимъ святымъ людямъ, изъ коихъ иные жили уже по возвращеніи изъ плѣна; таковы псалмы CXXVI и CXXXVII; псаломъ LXXIX написанъ во времена Антіоха.

Притчи.

Большая часть Притчей принадлежитъ Соломону, но нѣкоторыя написаны Агуромъ и матерью царя Лемуэля. Невѣроятно впрочемъ, чтобы Соломонъ или Агуръ или мать Лемуэля сдѣлали полное собраніе ихъ. Слѣдовательно, эта книга была составлена послѣ Соломона.

Экклезіастъ и Пѣснь Пѣсней.

Экклезіастъ и Пѣснь Пѣсней безъ всякаго сомнѣнія сочинены не Соломономъ.

Пророки.

Изъ пророковъ всего древнѣе Софонія, Іона, Амосъ, Осія, Исайя и Михей; они жили во времена Амасіи и Азаріи (иначе Озіи), царей Іудейскихъ. Книга Іоны содержитъ въ себѣ не столько его пророчество (пророчество заключается только въ словахъ: еще сорокъ дней, и Ниневія будетъ разрушена, Іон. III, 4), сколько разсказъ о непостоянствѣ и упрямствѣ пророка. Это доказываетъ, что ее писалъ не самъ пророкъ. Книга Амоса содержитъ его пророчества, но неизвѣстно, написана ли она имъ самимъ.

Іеремія, Авдій, Наумъ и Аввакумъ пророчествовали во времена Іосіи. Нельзя рѣшить, сами ли они написали свои пророчества. Тоже должно сказать и объ Іезекіилѣ, Даніилѣ, Аггеѣ и Захаріи, которые жили во времена плѣна.

Время пророчества Іоиля и Малахіи не указано въ ихъ книгахъ.

Впрочемъ несомнѣнно, что все Св. Писаніе Ветхаго Завѣта въ томъ видѣ, какъ мы его теперь имѣемъ, составлено не раньше возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна и не позже временъ Птолемея Филадельфа. Если вѣрить апокрифическимъ книгамъ Эздры, оно составлено самимъ Эздрой. Въ третьей книгѣ его говорится: Законъ твой сгорѣлъ, и потому никто не знаетъ, что тобой сотворено и что ты совершишь. Ибо я обрѣлъ благодать предъ тобою, и ты послалъ въ меня Духъ Святой, дабы я написалъ все, что было сотворено съ самаго начала вѣковъ, что было повелѣно въ законѣ твоемъ, дабы люди могли найти истинный путь, и что дастъ имъ жизнь въ послѣднія времена, если они захотятъ жить (XIV, 21, 22). И далѣе: И по прошествіи сорока дней говорилъ Всевышній и сказалъ: первое, что ты написалъ, сообщи людямъ, дабы достойные и недостойные чтили его; а послѣдніе семьдесятъ сохрани для мудрыхъ изъ людей твоихъ (XIV, 45, 46, 47).

Новый Завѣтъ.

Всѣ писатели Новаго Завѣта жили во времена самого Христа и, за исключеніемъ Павла и Луки, видѣли Его. Однако церковь признала, что книги Новаго Завѣта написаны ими, и приняла ихъ въ употребленіе нѣсколько позднѣе апостольскихъ временъ. Но какъ нельзя считать книги Ветхаго Завѣта древнѣе Эздры, который при помощи Святаго Духа возстановилъ ихъ послѣ утраты ихъ, такъ нельзя относить книгъ Новаго Завѣта далѣе первыхъ вѣковъ церкви, когда ихъ собрали, изслѣдовали и признали писаніями тѣхъ апостоловъ и учениковъ Христа, подъ именами которыхъ онѣ теперь извѣстны.

Первое перечисленіе книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта мы находимъ въ канонахъ апостольскихъ. Но какъ сами каноны эти подлежатъ спору, то первое достовѣрное принятіе Св. Писанія въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь его имѣемъ, надо считать съ Лаодикійскаго собора, происходившаго въ 364 году по Р. Х. Въ это время учителями церкви овладѣло такое честолюбіе, что они стали считать христіанскихъ императоровъ не пастырями, а своими покорными овцами, а языческихъ — волками, хотѣли дать своимъ мнѣніямъ значеніе законовъ, а не совѣтовъ, и начинали уже подумывать о надувательствѣ публики съ благочестивой цѣлью. Однако нѣтъ повода думать, чтобы они исказили книги Новаго Завѣта, которыя въ то время существовали въ немногихъ экземплярахъ почти исключительно въ ихъ рукахъ. Еслибы они захотѣли исказить ихъ, то поддѣлали бы ихъ въ болѣе благопріятномъ для себя видѣ. Итакъ, несомнѣнно, что Ветхій и Новый Завѣтъ въ томъ видѣ, какъ они нынѣ существуютъ, представляютъ подлинное свидѣтельство о словахъ и дѣйствіяхъ пророковъ, апостоловъ и другихъ авторовъ Св. Писанія. Конечно, церковь могла бы причислить къ каноническимъ и другія книги, писанныя Евреями, хотя бы и не поеврейски, еслибы онѣ содержали въ себѣ ученіе, согласное общему духу Св. Писанія. Принятіе книги въ число каноническихъ основывается не на томъ, на какомъ языкѣ она написана, а на томъ, чему она учитъ и отчасти на томъ, когда она написана. И въ Іудеѣ были святые мужи, въ совершенствѣ владѣвшіе греческимъ языкомъ.

Каноническое значеніе дается книгамъ авторитетомъ церкви, а не авторовъ. Сверхъ того священнымъ книгамъ придаетъ большую важность то обстоятельство, что хотя онѣ писаны разными людьми и въ различныя времена, но тѣмъ неменѣе всѣ проникнуты однимъ духомъ и отличаются общимъ направленіемъ, имѣя всѣ въ виду одну цѣль — объяснить права царства Бога Отца, Сына и Святаго Духа. Книга Бытія излагаетъ генеалогію народа Божія отъ сотворенія до переселенія его въ Египетъ. Остальныя четыре книги Моисея повѣствуютъ объ избраніи Бога въ цари народа и о законахъ, которые Онъ предписалъ ему. Книги Іисуса Навина, Судей, Руѳи и Самуила разсказываютъ исторію народа Божія до воцаренія Саула, когда Евреи, выйдя изъ-подъ власти Божіей, потребовали себѣ царя по примѣру сосѣднихъ язычниковъ. Въ остальныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта содержится исторія Давида и его преемниковъ до плѣненія; ибо изъ поколѣнія Давида суждено было произойти нашему Спасителю, пришествіе котораго предсказано въ пророческихъ книгахъ. Его жизнь и дѣянія описаны евангелистами. Наконецъ въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ говорится о

сошествіи Святаго Духа и объясняются власть и благодать, данная церкви Христомъ, призывать людей проповѣдью къ спасенію. Итакъ, все Священное Писаніе имѣетъ общею цѣлью обратить людей къ повиновенію Богу, причемъ Бога преемственно представляли передъ ними сперва Моисей, первосвященники и цари, потомъ Христосъ и наконецъ апостолы и преемники апостольской власти.

Авторитетъ св. Писанія.

Теперь между разными христіанскими сектами поднялись споры о томъ, на чемъ основанъ авторитетъ Священнаго Писанія; иногда этотъ вопросъ предлагается въ другой формѣ, а именно, почему мы знаемъ, что Св. Писаніе есть слово Божіе? И въ томъ и въ другомъ видѣ вопросъ поставленъ нелѣпо и только потому кажется затруднительнымъ. Если мы признаемъ и вѣруемъ, что Св. Писаніе происходитъ отъ Бога, то что тутъ еще спрашивать? Ясно, что это открыто намъ сверхъестественнымъ откровеніемъ Божіимъ, и потому такихъ вопросовъ нельзя задавать. Иное дѣло, если спросить, почему мы вѣримъ, что Св. Писаніе есть слово Божіе?

На вопросъ въ такой формѣ нельзя дать общаго отвѣта, потому что каждый имѣетъ свои индивидуальныя причины вѣрить. Слѣдовательно, истинная постановка вопроса такова: что даетъ Священному Писанію силу закона?

Насколько положенія Св. Писанія совпадаютъ съ естественными законами, настолько оно имѣетъ очевидную и несомнѣнную законную силу для всѣхъ людей, одаренныхъ разсудкомъ. Но такое значеніе имѣетъ всякое положеніе, согласное съ здравымъ смысломъ; это значеніе существуетъ при подобныхъ положеніяхъ вѣчно, и никто не можетъ ни придать его имъ, ни лишить ихъ его.

Но тѣ предписанія Бога, которыя имѣютъ характеръ положительныхъ законовъ, если даны непосредственно Богомъ, безъ вмѣшательства человѣческой власти имѣютъ законную силу только для тѣхъ, кому Богъ также непосредственно объявилъ ихъ, такъ что они никакъ не могутъ отговариваться невѣдѣніемъ.

Но прочіе, кому Богъ не далъ сверхъестественнаго откровенія на этотъ счетъ, кому Онъ не возвѣстилъ непосредственно, что Писаніе исходитъ отъ Него или что проповѣдующіе его посланы Имъ, могутъ быть обязаны принимать Писаніе за истинное слово Божіе только верховною государственною властью. Законодательная власть принадлежитъ одному правительству. Кромѣ государственной власти законное значеніе можетъ давать Писанію какая-нибудь другая власть, частная или общественная. Если частная, то повиноваться обязанъ только тотъ, кому Богъ сверхъ-

естественно вмѣнилъ Писаніе въ законъ. Еслибы всякій обязывался считать божественнымъ закономъ все, что предложитъ ему первый встрѣчный подъ предлогомъ вдохновенія или откровенія, то вмѣсто истинныхъ божественныхъ законовъ люди имѣли бы выдумки и бредни невѣждъ, честолюбцевъ, сумасбродовъ, принимающихъ свои сны, фантазіи и безуміе за откровенія Святаго Духа или завѣдомо обманывающихъ прочихъ, увѣряя, что получаютъ откровенія. Итакъ, Св. Писаніе не можетъ сдѣлаться закономъ безъ помощи общественной власти, которая можетъ принадлежать государству или церкви. Церковь можетъ быть едина, и тогда она тождественна съ государствомъ. Государство называется обществомъ въ знакъ того, что представляетъ общее соединеніе людей въ одномъ лицѣ—въ лицѣ правительства; или оно называется церковью въ знакъ соединенія христіанъ подъ властью христіанскаго правителя. Только въ этомъ смыслѣ церковь можетъ обладать значеніемъ власти, можетъ пользоваться правами, давать предписанія, имѣть волю, разумъ и голосъ—словомъ, всѣ качества лица; если же она лишена единства личности, то не имѣетъ и власти. Точно также не имѣетъ власти Вселенская Церковь, т. е. церковь, обнимающая не одно государство, а весь христіанскій міръ. Она не можетъ давать Писанію законную силу въ отдѣльныхъ государствахъ, потому что правительства этихъ государствъ—независимыя личности, надъ которыми нѣтъ приказывающей, судящей и карающей власти. Еслибы такая власть принадлежала Вселенской Церкви, она обратилась бы въ правительство всего христіанства, которое составило бы тогда одно государство. Стало-быть, вопросъ объ авторитетѣ Писанія сводится на слѣдующій: свободны ли христіанскія правительства въ своихъ владѣніяхъ или подчинены Христову намѣстнику, который можетъ судить, осуждать, низлагать, убивать ихъ, если сочтетъ это полезнымъ или необходимымъ для общаго блага?

Этотъ вопросъ нельзя рѣшить, пока не разсмотрѣны подробнѣе права Царства Божія и не дознано, кому принадлежитъ право толковать Св. Писаніе. Ибо за кѣмъ власть узаконять Писаніе, за тѣмъ и право утверждать или отвергать толкованіе его.

ГЛАВА XXXIV.

О значеніи въ Священномъ Писаніи словъ «Духъ, Ангелъ и Вдохновеніе».

Библейскія понятія тѣла и духа.

Чтобы правильно разсуждать, надо прежде всего правильно понимать слова. Здѣсь я не могу употреблять слова въ произвольномъ значеніи, или въ обыкновенномъ разговорномъ, или въ естественномъ, какъ въ точныхъ наукахъ: я долженъ брать ихъ въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ въ Св. Писаніи. Поэтому прежде, чѣмъ идти далѣе, мнѣ необходимо установить на основаніи Св. Писанія значеніе тѣхъ словъ, двусмысленность которыхъ можетъ сдѣлать темными или сомнительными мои выводы изъ нихъ.

Я начну со словъ тѣло и духъ, которыя на схоластическомъ языкѣ обыкновенно называются субстанціями тѣлесной и безтѣлесной.

Тѣломъ въ обыкновенномъ смыслѣ называется все, что наполняетъ или занимаетъ какое-нибудь пространство и не зависитъ отъ нашего воображенія, а составляетъ реальную часть того, что мы называемъ вселенной. Вселенная, какъ совокупность всѣхъ тѣлъ, не имѣетъ ни одной части, которая не была бы тѣломъ, какъ и тѣломъ не называется ни одна вещь, которая не составляетъ части итога всѣхъ тѣлъ вселенной. Тѣла подвержены измѣненіямъ, т. е. оказываютъ на чувства животныхъ различныя впечатлѣнія и потому называются субстанціями, т. е. субъектами разныхъ качествъ. Такъ они могутъ покоиться или двигаться, казаться то теплыми, то холодными, мѣнять цвѣтъ, запахъ, вкусъ и звукъ. Эти различныя впечатлѣнія происходятъ отъ разницы во вліяніи тѣлъ на наши органы чувствъ; мы приписываемъ эту разницу измѣненіямъ, совершающимся въ тѣлахъ, и называемъ ихъ различныя впечатлѣнія на насъ качествами ихъ самихъ. Согласно этому значенію слова тѣло, оно значитъ тоже, что субстанція, и потому выраженіе безтѣлесная субстанція также безсмысленно, какъ и выраженіе безтѣлесное тѣло.

Но въ понятіяхъ толпы тѣломъ считается далеко не все существующее во вселенной; невѣжды считаютъ тѣлесными только предметы, дѣйствующіе прямо на ихъ чувства, оказывая сопротивленіе ихъ осязанію

или препятствіе зрѣнію. Наприм. воздухъ и воздушныя субстанціи у нихъ не считаются тѣлами, и, ощущая ихъ вліяніе, невѣжды называютъ ихъ вѣтромъ, вѣяніемъ, дыханіемъ или духомъ; воздушныя субстанціи, производящія жизнь и движеніе во всѣхъ животныхъ организмахъ, называются у нихъ жизненнымъ или животнымъ духомъ. Что касается до фантазій мозга или призраковъ, которыя кажутся, но не существуютъ и являются въ зеркалахъ, въ снахъ, а иногда и на яву отъ чрезмѣрнаго раздраженія мозга, то это, какъ выразился апостолъ объ идолахъ,—ничто. Они—ничто, хотя кажутся существующими; въ самомъ мозгу они ничто иное, какъ волненіе, произведенное или сильнымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ, или разстройствомъ самого органа. Большинство, занятое своими заботами, не имѣетъ досуга изслѣдовать причины вещей, не знаетъ даже, какъ называть вещи, и потому принимаетъ безъ разбора мнѣнія людей, которыхъ считаетъ учеными, а эти ученые толкуютъ, что фантазіи должно называть не призраками, а тѣлами, и считать ихъ составленными какой-то сверхъестественной силой изъ воздуха. Иныхъ можно даже убѣдить, что эти фантазіи—духи, потому что ихъ нельзя ощутить осязаніемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ мерещатся. Итакъ, подъ словомъ духъ въ обыкновенной рѣчи разумѣется тонкое, жидкое и недѣлимое тѣло или призракъ, т. е. созданіе воображенія. Иногда оно употребляется и метафорически, напр. для обозначенія наклонности ума; такъ наклонность порицать слова другихъ называется духомъ противорѣчія, наклонность къ сальности—нечистымъ духомъ, порочность—злымъ духомъ, меланхолія—мрачнымъ духомъ, наконецъ наклонность къ благочестію и служенію Богу—духомъ Божіимъ. Наконецъ, духомъ называется какая-нибудь превосходная способность или даже необыкновенная душевная болѣзнь; такъ вмѣсто высокая мудрость говорится духъ мудрости; умалишенные называются одержимыми духомъ.

Другихъ значеній слова духъ я не нахожу въ Св. Писаніи. Если бы намъ встрѣтился текстъ съ этимъ словомъ, къ которому не подходило бы ни одно изъ этихъ значеній, мы были бы принуждены только признать, что смыслъ его превышаетъ наше пониманіе, ибо вѣра состоитъ не въ томъ, чтобы пытаться уразумѣть, а въ подчиненіи своего разсудка откровенію. Напр. въ Писаніи слово Духъ употребляется иногда вмѣсто Богъ, и подъ именемъ Духа Божія разумѣется самъ Богъ. Оно такъ и слѣдуетъ, ибо сущность Божія непостижима, и намъ нечего толковать о томъ, что она такое; называя Бога такъ или иначе, мы не должны имѣть притязанія опредѣлить Его сущность, а только почтить Его, сколько умѣемъ.

Быт. I. 2. И Духъ Божій носился надъ водами. Если здѣсь подъ Духомъ Божіимъ понимать Самого Бога, то придется приписать Ему движеніе, а слѣдовательно и мѣсто, что не можетъ принадлежать безтѣлесному существу. Далѣе (Быт. VIII, 1.) говорится, что вначалѣ земля была покрыта водами, и Богъ, захотѣвъ сбавить ихъ, навелъ духъ на землю, и вода убыла. Здѣсь подъ словомъ духъ, кажется, надобно понимать вѣтеръ. Отчего же бы не толковать подобнымъ образомъ этого слова и въ первомъ текстѣ? Какъ твореніе Бога, вѣтеръ можетъ справедливо называться духомъ Божіимъ.

Быт. XLI, 38. Фараонъ называетъ мудрость Іосифа духомъ Божіимъ. Когда Іосифъ совѣтовалъ ему поставить начальникомъ надъ Египтомъ мудраго и дѣятельнаго человѣка, Фараонъ отвѣчалъ: Найдемъ ли мы такого, какъ онъ, человѣка, въ которомъ былъ бы Духъ Божій? Исх. XXVIII, 3: Скажи всѣмъ искуснымъ художникамъ, которыхъ Я исполнилъ духомъ премудрости и смышленія, чтобы они сдѣлали Аарону священныя одежды для посвященія его въ священники Мнѣ. Здѣсь опять духомъ Божіимъ называется исключительная смышленость и искусство въ шитьѣ платья.

Въ томъ же смыслѣ слово «духъ» употребляется и въ другихъ текстахъ: Исх. XXXI, 3, 4, 5, 6, и Ис. XXXV, 31: И исполнилъ его Духомъ Божіимъ, мудростью, разумѣніемъ, вѣдѣніемъ и всякимъ искусствомъ. Далѣе Исаія (XI, 2,) говоритъ: И почіетъ на немъ Духъ Іеговы, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и мужества, Духъ вѣдѣнія и страха Іеговы. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, не о какихъ-нибудь безплотныхъ духахъ или призракахъ, а о необычайныхъ дарахъ благодати, которые Богъ дастъ Мессіи.

Въ книгѣ Судей Духомъ Божіимъ называется исключительная ревность и мужество въ защитѣ народа Божія (III, 10; VI, 34; XI, 29; XIII, 25; XIV, 6, 19).

1 Цар. XI, 6: когда Саулу возвѣстили о поношеніи, которое Аммонитяне хотѣли нанести жителямъ Іависа Галаадскаго, сказано: И сошелъ Духъ Божій на Саула, когда онъ услышалъ эти слова, и онъ сильно разгнѣвался на нихъ. Подобнымъ образомъ когда говорится, что на Саула, славившаго Бога съ пророками пѣснопѣніями и музыкой, сошелъ Духъ Божій, то здѣсь рѣчь идетъ не о призракѣ, а о внезапномъ и необыкновенномъ усердіи Саула къ Богу.

3 Цар. XXII, 24. Лжепророкъ Цедекія спрашиваетъ пророка Михея: развѣ Духъ Господенъ вышелъ изъ меня, и перешелъ говорить въ тебя? Здѣсь не можетъ быть рѣчи о духѣ въ собственномъ

смыслѣ, потому что Михей пророчествовалъ царямъ объ исходѣ войны по видѣнію, а не по вдохновенію.

Вообще даръ предвидѣнія, которымъ владѣли пророки, по благодати Св. Духа, т. е. по особой милости Божіей, состоялъ не въ томъ, чтобы въ нихъ вливалась какая-нибудь безтѣлесная субстанція, а въ томъ, что они получали сверхъестественное откровеніе во снѣ или въ видѣніи.

Быт. II, 7 читаемъ: И создалъ Богъ человѣка, взявъ пыль съ земли, и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни; это просто значитъ, что Богъ далъ человѣку жизнь.

Іов. XXVII, 3: Пока есть во мнѣ дыханіе, и пока Духъ Божій существуетъ въ ноздряхъ моихъ. Этими словами Іовъ хочетъ только сказать: пока я буду живъ. Іез. I 20: Духъ жизни былъ въ колесахъ; значитъ: колеса были живы. И сошелъ на меня духъ; и взялъ меня, и воздвигъ меня, и поставилъ меня на ноги (Іез. II, 2). Это значитъ, что пророку возвратились его жизненныя силы, но вовсе не значитъ, чтобы въ него вошла какая-то безтѣлесная субстанція.

Числ. XI, 17: И возьму отъ Духа, который на тебѣ и возложу на нихъ, (т. е. на семьдесятъ старѣйшинъ), чтобы они несли съ тобою бремя народа, а не одинъ ты носилъ. Далѣе говорится, что двое изъ семидесяти пророчествовали въ полку. Когда объ этомъ было донесено Моисею, и Іисусъ убѣждалъ его запретить имъ пророчествовать, Моисей оставилъ ихъ въ покоѣ. Слѣдовательно, здѣсь духъ значитъ просто власть.

Въ томъ же смыслѣ во Второз. XXXIV, 9 говорится: И Іисусъ сынъ Навинъ исполнился духа премудрости, потому что Моисей возложилъ на него руки свои, и повиновались ему сыны Израилевы. Дѣло въ томъ, что Моисей назначилъ Іисуса своимъ преемникомъ во власти надъ народомъ Израильскимъ.

Въ словахъ: Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ не его (Римл. VIII, 9)—дѣло, разумѣется, не въ призракѣ Христа, а въ христіанскомъ ученіи. Іоаннъ (I Посл. IV, 2) говоритъ: Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ. Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который признаетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. Апостолъ называетъ духомъ христіанскую вѣру или искреннее исповѣданіе божественности Іисуса Христа, а не безтѣлесную субстанцію. Слова Іисусъ исполненный Духа Святаго (Лук. IV, 1) выражаютъ рвеніе Христа въ совершеніи дѣла, назначеннаго Ему Отцомъ; но едвали можно понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что Христосъ наполнился какой-то безтѣлесной субстанціей. Итакъ, во всѣхъ приведенныхъ текстахъ словомъ духъ

обозначается не безтѣлесная субстанція, а или настоящая реальная субстанція, или, метафорически, какой-нибудь особенный даръ благодати.

Ученики Христа, увидя Его ходящимъ по морю (Мѳ. XIV, 26; Марк. VI, 49), сказали, что Онъ—духъ, но все-таки не считали Его призракомъ: Его всѣ видѣли, чего съ призраками не бываетъ; но они подумали, что передъ ними воздушное тѣло. Тоже думали и люди, видѣвшіе освобожденіе Петра изъ темницы и принявшіе его за ангела. О безтѣлесныхъ субстанціяхъ въ еврейскихъ книгахъ вовсе не упоминается; это выдумка греческихъ философовъ. У Евреевъ духами назывались существа тѣлесныя, но легкія и воздушныя, называемыя ангелами, добрыми и злыми, т. е. то, что у Грековъ называлось демонами. Богъ, конечно, можетъ создавать такія существа (для него все возможно) и пользоваться ими какъ служителями и послами для возвѣщенія своей воли и для исполненія ея чудеснымъ, сверхъестественымъ образомъ. Но все-таки это существа тѣлесныя, имѣющія измѣреніе, занимающія мѣсто въ пространствѣ, способныя двигаться, а не безтѣлесныя, т. е. нигдѣ не существующія и которыя въ сущности ничто, хотя являются какъ нѣчто.

Ангелъ слово греческое и значитъ вообще вѣстникъ, Ангелъ.
а въ Св. Писаніи именно вѣстникъ Божій. Вѣстникомъ Божіимъ можетъ служить все, посредствомъ чего Богъ сверхъестественно открываетъ свое присутствіе или безпредѣльное могущество, особенно въ снахъ и видѣніяхъ.

Священное Писаніе не даетъ ясныхъ свѣдѣній о сотвореніи ангеловъ. Поэтому писатели церкви расходятся въ мнѣніяхъ о природѣ ангеловъ. Многие значительнѣйшие древніе отцы церкви считали ихъ существами тѣлесными; другіе — безтѣлесными. Въ Св. Писаніи они вездѣ называются духами. Но подъ именемъ духовъ и еврейскіе, и греческіе писатели разумѣютъ то тонкія тѣла, какъ-то воздухъ, вѣтеръ и души животныхъ, то призраки, не имѣющіе реальнаго бытія и существующіе только въ снахъ и въ видѣніяхъ, въ которыхъ мерещатся. Подобные призраки не субстанціи, а воображенія, вызываемыя внутреннею дѣятельностью органовъ чувствъ; однако когда Богъ производитъ ихъ сверхъестественно для заявленія своей воли, они, хотя и не существуютъ въ дѣйствительности, называются метафорически вѣстниками Божіими, Ангелами.

Язычники считали сонныя видѣнія реальными субстанціями и вывели отсюда свое ученіе о добрыхъ и злыхъ духахъ. Такъ и Евреи, за исключеніемъ саддукеевъ, питали убѣжденіе, неосновнанное впрочемъ на указаніи Ветхаго Завѣта, будто почти всѣ подобныя явленія суть ангелы

*

и вовсе не зависятъ отъ человѣческаго воображенія, а составляютъ реальныя творенія Божія. Подобно Грекамъ, Евреи считали, что есть добрые ангелы, вѣстники Божіи, и есть злые, какъ Пиѳонъ и какъ тѣ духи, которые мучатъ умалишенныхъ, эпилептиковъ и лунатиковъ, ибо Евреи считали этихъ больныхъ одержимыми духами.

Разсмотрѣвъ тексты Ветхаго Завѣта, въ которыхъ говорится объ ангелахъ, мы увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, слово «ангелъ» значитъ просто идея, возбуждаемая Богомъ въ человѣкѣ и состоящая въ признаніи извѣстнаго факта непосредственнымъ дѣломъ Бога.

Въ главѣ XVI книги Бытія одинъ и тотъ же призракъ называется и ангеломъ, и Богомъ. Именно въ стихѣ 7 онъ называется ангеломъ Господнимъ, а въ стихѣ 10 этотъ ангелъ говоритъ: Умножу потомство твое до неисчислимаго множества, а подобныя слова могли принадлежать только Богу. Итакъ, несомнѣнно, что здѣсь ангеломъ называется явленіе Бога, Который открылъ Свое присутствіе голосомъ съ неба. Ангелы, явившіеся Лоту, названы мужами (Быт. XIX, 13); Лотъ говоритъ съ ними какъ съ однимъ лицомъ, хотя ихъ было двое, и называетъ ихъ Господомъ. Они также были призраками, произведенными въ его воображеніи Богомъ, равно какъ и явленіе Агари, которая слышала голосъ; и это явленіе называется въ Писаніи ангеломъ. Ангелъ, явившійся Аврааму, когда онъ хотѣлъ принести въ жертву сына своего, Исаака, былъ голосъ (Быт. XXII, 11); но онъ прямо названъ ангеломъ, потому что имъ было возвѣщено Аврааму, чтобы онъ не убивалъ своего сына. Ангелы, которыхъ видѣлъ Іаковъ восходившими и нисходившими по лѣстницѣ, простиравшейся отъ земли до неба (Быт. XXVIII, 12), явились ему во снѣ. Слѣдовательно, это видѣніе было сонъ, т. е. произведеніе фантазіи; но такъ какъ это явленіе было сверхъестественное и доказывало присутствіе Бога, то явившіеся призраки имѣли значеніе ангеловъ. Въ томъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и слова Іакова: И сказалъ мнѣ ангелъ Божій во снѣ (Быт. XXXI, 11). Тотъ, кого Іаковъ называетъ здѣсь ангеломъ, самъ называетъ себя Богомъ: Я Богъ, явившійся тебѣ на мѣстѣ Божіемъ. Но изъ этого нельзя заключать, чтобы люди могли во снѣ или на яву видѣть Бога.

Исх. XIV, 19. Ангелъ, который перевелъ Израильтянъ чрезъ Чермное море и сперва предшествовалъ имъ, а потомъ слѣдовалъ за ними, являлся имъ не въ человѣческомъ образѣ, а въ видѣ столба, днемъ облачнаго, а ночью огненнаго; тѣмъ неменѣе это явленіе было ангеломъ, котораго Богъ обѣщалъ Моисею послать сопровождать народъ; о немъ же говорится, что оно опустилось на землю, стало у входа въ скинію и говорило съ Моисеемъ. Такимъ образомъ движеніе и рѣчь, обыкновенно приписываемыя ангеламъ, приписываются и облаку, когда оно служило знакомъ присутствія Божія; облако было ангеломъ, все равно какъ еслибы явилось въ видѣ прекраснаго окрыленнаго ребенка, какъ обыкновенно рисуютъ ангеловъ. Ангельское значеніе дается предмету не формой, а назначеніемъ. А назначеніе ангеловъ состоитъ въ томъ, чтобы свидѣтельствовать о присутствіи Божіемъ въ дѣлахъ и въ людяхъ. Исх. XXXIII, 14: Моисей просилъ Бога, чтобы онъ продолжалъ сопровождать Израильтянъ послѣ поклоненія золотому тельцу, какъ сопровождалъ прежде. Богъ отвѣчалъ ему: Я самъ пойду предъ тобою, говоря, что пошлетъ ангела. По настоянію Моисея Богъ обѣщалъ ему дать народу путеводителя. Когда Моисей устроилъ скинію по заповѣди Божіей, Богъ послалъ облако на скинію; когда облако останавливалось, останавливались и Израильтяне, и отправлялись въ путь, когда оно снова приходило въ движеніе.

Разборъ всѣхъ текстовъ Ветхаго Завѣта, гдѣ говорится объ ангелахъ, потребовалъ бы слишкомъ много мѣста. Поэтому я замѣчу вообще, что въ Ветхомъ Завѣтѣ нѣтъ ни одного текста, изъ котораго можно было бы заключить, что подъ именемъ духа или ангела подразумѣвается существо, неимѣющее количества, недѣлимое разсудкомъ, несостоящее изъ частей, такъ что одна часть его находится въ данномъ мѣстѣ, а ближайшая въ ближайшемъ, короче, безтѣлесное, если подъ тѣломъ понимать нѣчто реальное и гдѣ-нибудь существующее. Вездѣ, гдѣ Св. Писаніе говоритъ объ ангелахъ, подъ этимъ именемъ ясно разумѣется вѣстникъ. Такъ и Іоаннъ Креститель называется Ангеломъ. Христосъ называется Ангеломъ Завѣта. По аналогіи я считаю несомнѣннымъ, что голубь и огненные языки въ Евангеліи также могутъ быть названы ангелами, ибо служили знаками божественнаго присутствія. Въ Св. Писаніи ангелы даже называются по именамъ, Михаиломъ и Гавріиломъ (Дан. VIII, 16; XII, 1); но эти имена даются имъ въ видѣніи пророка. Богъ не имѣетъ нужды различать своихъ небесныхъ служителей именами, изобрѣтенными для пособія памяти смертныхъ.

Въ Новомъ Завѣтѣ также нельзя найти ни одного мѣста, которымъ можно было бы доказать, что ангелы суть реальныя, но безтѣлесныя существа. Что нѣкоторые ангелы суть субстанціи и имѣютъ дѣйствительное бытіе, можно заключить изъ словъ Спасителя: Идите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный, приготованный діаволу и ангеламъ его (Матѳ. XXV, 41). Это доказываетъ, что злые ангелы

дѣйствительно существуютъ, но въ тоже время доказываетъ и то, что они тѣлесны, потому что безтѣлесные призраки, неспособные страдать, нельзя наказывать огнемъ. Развѣ не знаете, что мы ангеловъ судить будемъ (1 Кор. VI, 3). Ибо естли Богъ и ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, но связалъ узами адскаго мрака для сохраненія ихъ на судъ (2 Петр. II, 4). И ангеловъ не сохранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, въ вѣчныхъ узахъ, подъ мракомъ соблюдаетъ на судъ великаго дня (Іуд. I, 6). Всѣ эти тексты, доказывая существованіе ангеловъ, доказываютъ и матеріальность ихъ. Изъ словъ евангелиста: Въ воскресеніи не женятся, ни замужъ не выходятъ, но живутъ какъ Ангелы Божіи на небеси (Матѳ. XXII, 30)—можно также заключить, что какъ ангелы, такъ и люди, по воскресеніи будутъ имѣть не безтѣлесное, а реальное бытіе. Слѣдовательно, ни Ветхимъ, ни Новымъ Завѣтомъ нельзя доказать, что ангелы безтѣлесны.

Вдохновеніе. Значеніе слова вдохновеніе зависитъ оттого, какъ понимать слово духъ. Въ собственномъ смыслѣ оно значитъ вдыханіе какого-нибудь тонкаго тѣла, напримѣръ — воздуха, въ пространство, гдѣ прежде его не было, какъ при надуваніи пузыря. Но въ этомъ смыслѣ слово «вдохновеніе» не можетъ прилагаться къ нематеріальнымъ понятіямъ. Стало-быть, надо заключить, что слово вдохновеніе употребляется въ Св. Писаніи только метафорически. Такъ въ книгѣ Бытія говорится, что Богъ вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни (II, 7). Здѣсь подъ словомъ вдохновеніе разумѣется просто оживленіе. Слова: Все писаніе Богодухновенно—значатъ, что Богъ расположилъ умы или души пророковъ къ тому, что полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности (2 Тим. III, 16). Когда Св. Петръ говоритъ: Ибо никогда пророчество не было произносимо по произволу человѣческому; но изрекали оное святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ (2 Петр. I, 21), то подъ Святымъ Духомъ разумѣется гласъ Божій въ сверхъестественномъ видѣніи или сновидѣніи, ибо такимъ образомъ, а не посредствомъ дыханія Богъ говорилъ съ пророками. Когда Спаситель, дунувъ на своихъ учениковъ, сказалъ: Пріимите Духъ Святой (Іоан. XX, 22), то подъ Духомъ онъ разумѣлъ не свое дыханіе, а божественную благодать. Точно также, когда Спаситель говоритъ, что Онъ исполнился Святаго Духа, то это не значитъ, что въ Него влили божественную субстанцію, ибо Христосъ былъ Богъ отъ вѣка; это надо понимать такъ, что человѣчество Его получило дары божественной благодати. Наконецъ, слова Бога у пророка Іоиля: Излію Духъ мой на всю плоть, и будутъ пророками сыны ваши и дщери ваши; старцамъ вашимъ сны будутъ сниться; юноши ваши будутъ видѣть видѣнія (Іоил. III, 1) должно понимать не въ буквальномъ смыслѣ, будто Святый Духъ можетъ изливаться, какъ вода, а въ томъ, что людямъ будутъ являться сверхъестественные сны и видѣнія.

Итакъ, несогласно съ духомъ Св. Писанія понимать слово вдохновеніе въ томъ смыслѣ, будто Духъ Божій буквально вдувался въ тѣло тѣхъ людей, посредствомъ которыхъ Богъ пророчествовалъ, или будто злые духи входили въ тѣла умалишенныхъ, лунатиковъ и эпилептиковъ. Подъ Духомъ Божіимъ разумѣется благодать или могущество Бога, Который совершаетъ свои дѣла путями для насъ неисповѣдимыми. Внезапно сдѣлался шумъ съ небеси какъ-бы отъ несущагося сильнаго дыханія вѣтра и наполнилъ весь домъ, гдѣ они находились, (Дѣян. II, 2). Этого нельзя понимать такъ, будто Св. Духъ, т. е. Божественная субстанція, есть вѣтеръ; это значитъ только, что вѣтеръ служилъ внѣшнимъ знакомъ Божественнаго присутствія, сообщившаго апостоламъ тѣ священные дары благодати, которые были необходимы для ихъ апостольскаго служенія.

ГЛАВА XXXV.

О значеніи въ Св. Писаніи словъ «Царство Божіе, Святой, Священный и Таинство».

Богословы даютъ выраженію: Царство Божіе — метафорическій смыслъ, а Св. Писаніе—буквальный.

Въ богословскихъ сочиненіяхъ, особенно въ проповѣдяхъ и поученіяхъ, подъ именемъ Царства Божія разумѣется вѣчное блаженство на небѣ, которымъ будутъ наслаждаться избранные и которое называется также Царствомъ Славы. Иногда Царствомъ Божіимъ называется и залогъ этого блаженства,—освящающая благодать; въ такомъ случаѣ Царство Божіе носитъ имя Царства Благодати. Но это слово у богослововъ никогда не имѣетъ значенія монархіи въ собственномъ смыслѣ, т. е. верховной власти надъ гражданами, пріобрѣтенной посредствомъ подачи голосовъ, а между тѣмъ это прямой смыслъ слова Царство. Въ Св.

Писаніи Царствомъ Божіимъ всегда называется царство въ собственномъ смыслѣ, т. е. царство, учрежденное по соглашенію израильскаго народа, который избралъ себѣ Бога въ цари по договору. Условія договора состояли въ томъ, что Богъ долженъ былъ отдать Израильтянамъ Ханаанскую землю въ вѣчное владѣніе, а за это народъ обязался повиноваться Богу. Богъ отъ самаго сотворенія міра царствовалъ надъ всѣми людьми не только естественно или по праву всемогущества, но и потому, что давалъ нѣкоторымъ людямъ повелѣнія непосредственно Своимъ голосомъ. Такъ Онъ царствовалъ надъ Адамомъ, повелѣвъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла и наказавъ его за преступленіе этого повелѣнія, т. е. за присвоеніе себѣ права судить о добрѣ и злѣ не по заповѣди своего Создателя, а по собственному разсудку. За это Богъ лишилъ его вѣчной жизни, которую онъ могъ получить отъ древа жизни. Далѣе Богъ царствовалъ и надъ Ноемъ и его семействомъ. Хотя это семейство состояло только изъ восьми лицъ, однако составляло царство Божіе въ прямомъ смыслѣ слова.

Послѣ того Богъ говорилъ съ Авраамомъ и заключилъ съ нимъ завѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: И поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою, и между потомками твоими въ роды ихъ, завѣтъ вѣчный въ томъ, что Я буду Богомъ твоимъ и потомства твоего послѣ тебя, и дамъ тебѣ и потомству твоему послѣ тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую въ наслѣдіе вѣчное, и буду ихъ Богомъ (Быт. XVII, 7, 8). Въ этомъ договорѣ Авраамъ обѣщаетъ за себя и за свое потомство повиноваться тому Богу, съ которымъ говоритъ. Съ другой стороны, Богъ обязуется этимъ договоромъ дать Аврааму Ханаанскую землю въ вѣчное владѣніе. Знаменіемъ договора Богъ назначилъ таинство обрѣзанія (Быт. XVII, 11). Въ этомъ-то собственно и состоитъ такъ-называемый ветхій договоръ или завѣтъ. Хотя въ немъ не упоминается о царѣ, но сущность дѣла вполнѣ ясна. О царствѣ въ немъ говорится потомъ уже прямо, при возобновленіи его съ Моисеемъ. Таинство обрѣзанія было ничто иное, какъ заявленіе вѣрности: въ Новомъ Завѣтѣ такое значеніе имѣетъ крещеніе.

Этотъ завѣтъ былъ возобновленъ Богомъ на горѣ Синаѣ съ Моисеемъ въ слѣдующихъ словахъ: Итакъ, если вы будете слушать гласа Моего и соблюдать завѣтъ Мой, то будете собственнымъ Моимъ народомъ изъ всѣхъ народовъ; ибо вся земля Моя. Вы будете у Меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ (Исх. XIX, 5, 6). Та же мысль выражается и въ посланіи

къ Титу, гдѣ говорится, что Христосъ предалъ Себя за насъ, дабы очистить себѣ народъ особенный (περιούσιος) ревностный къ добрымъ дѣламъ (II, 14), т. е. собственный народъ Божій, принадлежащій Богу иначе, чѣмъ всѣ прочіе народы. Прочіе народы подчинены Божественному всемогуществу по природѣ, а не по соглашенію или договору, какъ Израильтяне.

Царство, названное въ посланіи къ Титу священническимъ, въ другомъ мѣстѣ Писанія называется царскимъ священствомъ (1 Петр. II, 9), потому что въ немъ послѣ Бога верховную власть имѣли первосвященники. Отсюда видно, что до Саула царствованіе Божіе было настоящимъ царствованіемъ. Съ этимъ согласны даже защитники папской власти, которые выводятъ большую часть своихъ доказательствъ въ пользу папской власти изъ примѣра первосвященниковъ израильскаго народа. Далѣе это положеніе подтверждается и тѣмъ, что Богъ называетъ свой народъ святымъ народомъ. Святымъ называется то, что исключительно принадлежитъ Богу. Вся земля принадлежитъ Богу, но святой называется не всякая земля, а только та, которая отводится и посвящается исключительно для особаго божественнаго назначенія. Слова—царство и царствованіе Божіе значатъ одно и тоже. Богъ учредилъ у Израильтянъ не только обрядовые законы и божественную религію, но и гражданскіе законы, опредѣлявшіе Израильтянамъ ихъ взаимныя обязанности.

Далѣе Богъ сказалъ устами пророка Самуила израильскому народу: «Вы знаете, что когда Наасъ царь Аммонитскій пришелъ на васъ, вы сказали: не покоримся царю, ибо царь нашъ—Господь Іегова (1 Цар. XII, 12). Отсюда очевидно, что Евреи прямо называли Бога своимъ царемъ въ собственномъ смыслѣ слова.

О мѣстѣ царства Божія Исаія говоритъ: И покраснѣетъ луна, и устыдится солнце, когда Іегова воинствъ воцарится въ Сіонѣ и въ Іерусалимѣ (Исаія, XXIV, 23). Отсюда видно, что царство это будетъ на землѣ. И пророкъ Михей говоритъ, что Господь воцарится надъ ними на горѣ Сіонѣ (Мих. IV, 8)—значитъ опять на землѣ. Въ книгѣ пророка Іезекіиля говорится: Живъ Я, говоритъ Господь Іегова, сильною рукою и простертою мышцею, и изліяннымъ гнѣвомъ восцарствую надъ вами (Іезек. XX, 33); и далѣе: и проведу васъ подъ жезломъ, и введу васъ въ узы завѣта (Іез. XX, 37), т. е. заставлю васъ выполнять договоръ, который вы заключили со Мной въ лицѣ Моисея.

Въ Новомъ Завѣтѣ ангелъ Гавріилъ говоритъ о Спасителѣ: «Онъ

будетъ великъ и наречется Сыномъ Всевышняго: и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его, и воцарится надъ домомъ Іаковлевымъ во вѣки (Лук. I, 32, 33). Давидъ же царствовалъ на землѣ, стало-быть, на землѣ будетъ царствовать и Богъ. Наконецъ, надо замѣтить и то, что Іисусъ былъ осужденъ на казнь за притязаніе царствовать надъ Іудеями, какъ врагъ цезаря, и Пилатъ надписалъ надъ Его крестомъ: Іисусъ Назорянинъ Царь Іудейскій (Іоан. XIX, 19); въ насмѣшку Его увѣнчали терновымъ вѣнцомъ, и народъ, обвиняя Его учениковъ, кричалъ: «Эти всесвѣтные возмутители пришли и сюда; всѣ они поступаютъ противъ повелѣній кесаря, почитая царемъ другаго, Іисуса (Дѣян. XVII, 7). Изъ всего этого видно, что въ Писаніи о Царствѣ Божіемъ говорится въ собственномъ, а не въ метафорическомъ смыслѣ. Это признается даже въ молитвѣ Господней: Твое есть царствіе и сила и слава (Матѳ. V, 13). Царское достоинство Господа Іисуса подтверждается и проповѣдью апостоловъ о приближеніи царства небеснаго, и молитвами всѣхъ христіанъ о пришествіи царства Божія.

Текстовъ, подтверждающихъ это, въ Св. Писаніи слишкомъ много; поэтому неудивительно, что ихъ толкуютъ въ противоположномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что они проливаютъ слишкомъ яркій свѣтъ на права христіанскихъ царей въ отношеніи церкви.

Изъ всего этого мы заключаемъ, что Царство Божіе есть царство именно гражданское. Первоначально оно существовало у израильскаго народа, получившаго свои гражданскіе законы отъ Моисея. Намѣстникомъ Царя-Бога былъ сперва Моисей, а послѣ него до избранія Саула, когда царство Божіе было отмѣнено,—первосвященники.

Пророки предсказали возстановленіе Царства Божія.

Объ этомъ-то возстановленіи мы просимъ Бога, говоря въ молитвѣ Господней: Да пріидетъ царствіе Твое. Признаніе правъ этого царства мы выражаемъ словами: Твое есть царствіе и сила и слава во вѣки вѣковъ. Апостолы возвѣстили основаніе этого царства, и люди приготовлены къ нему проповѣдью Евангелія. Но съ другой стороны царство Божіе (называемое по высотѣ небеснаго престола царствомъ небеснымъ) по необходимости управляется теперь намѣстниками и представителями Царя-Бога; иначе не было бы той кровои чернило-пролитной войны, которая свирѣпствуетъ у насъ изъ-за вопроса, черезъ кого Богъ говоритъ съ нами; священники не стремились бы такъ къ власти, и правители не позволяли бы имъ рѣшать небесныхъ вопросовъ.

Святое. Если мы примемъ въ буквальномъ смыслѣ выраженіе

Царство Божіе, то легко поймемъ и значеніе слова—святый. Святое въ Царствѣ Божіемъ соотвѣтствуетъ общественному въ человѣческихъ государствахъ.

Правитель во всякомъ государствѣ есть лицо общественное; въ государствѣ же Божіемъ Богъ называется Святымъ Израилевымъ. Народъ всегда принадлежитъ правителю; стало-быть, Израильтяне—народъ Божій и потому называются народомъ святымъ (Исх. XIX, 6). Въ Св. Писаніи святымъ называется только то, что исключительно принадлежитъ Богу или самъ Богъ,—какъ общественнымъ называется или само правительство, или нѣчто составляющее его исключительную собственность, принадлежность.

Такъ суббота—день Божій называется святымъ днемъ; храмъ Божій, т. е. домъ Божій,—святымъ домомъ; жертвы десятины и приношенія, составляющія подать, уплачиваемую Богу, носятъ имя святыхъ повинностей; священники, пророки, помазанные цари, какъ служители Божіи, называются святыми мужами; небесные духи, служащіе Богу (вѣстники Божіи),—святыми ангелами. Короче, словомъ святое вездѣ, гдѣ оно употребляется въ прямомъ смыслѣ, означается какая-нибудь собственность Божія.

Мірскимъ въ Св. Писаніи называется то, что составляетъ общее достояніе: слѣдовательно, понятія святаго и собственнаго въ Царствѣ Божіемъ тождественны. Метафорически святыми называются и благочестивые люди, которые, отрекшись отъ всего мірскаго, всецѣло посвятили себя Богу.

Священное. Священнымъ называется то, что сдѣлалось святымъ по своему назначенію или по посвященію Богу. Такъ въ четвертой заповѣди десятисловія священнымъ называется седьмой день недѣли. Въ Новомъ Завѣтѣ называются священными избранные люди, если они одарены духомъ благочестія. Священное есть также то, что приносится и посвящается Богу людьми или дѣлается святымъ въ томъ смыслѣ, что употребляется только при богослуженіи: таковы храмы и другіе дома молитвы съ ихъ утварью, служителями, жертвами и приношеніями.

Святость имѣетъ свои степени. Изъ вещей, назначаемыхъ для богослуженія, нѣкоторыя могутъ быть посвящаемы особому служенію или обряду. Всѣ Израильтяне были святой народъ; но колѣно Левіино было особенно свято, а изъ левитовъ святѣе другихъ были священники; изъ священниковъ самымъ святымъ былъ первосвященникъ. Іудейская земля была святою землею; но городъ, въ которомъ было назначено почитать Бога, былъ святѣе остальной земли; храмъ святѣе города, а святѣе самого храма была та часть его, которая называлась Святая Святыхъ.

Таинство. Таинство есть посвященіе Богу чего-нибудь изъятаго изъ общаго употребленія въ знакъ допущенія человѣка и людей въ Царство Божіе, какъ-бы натурализаціи или пріобрѣтенія правъ гражданства; или же въ память такого великаго событія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ знакомъ вступленія въ Царство Божіе служило обрѣзаніе; въ Новомъ Завѣтѣ—крещеніе. Воспоминаніемъ о вступленіи въ Ветхомъ Завѣтѣ служило поѣданіе пасхальнаго агнца въ память той ночи, когда Израильтяне были освобождены отъ египетскаго рабства; въ Новомъ Завѣтѣ такое значеніе имѣетъ совершеніе Господней Вечери, гдѣ воспоминается наше освобожденіе отъ рабства грѣха крестною смертью Спасителя. Таинство принятія въ Царство Божіе совершается только однажды, потому что мы принимаемся въ него однажды. Но воспоминаніе о благодѣяніи, оказанномъ намъ Богомъ, надо вызывать почаще, чтобы напоминать намъ долгъ вѣрности Богу; поэтому таинство воспоминанія должно повторять чаще. Эти два таинства суть таинства по преимуществу и служатъ какъ-бы торжественной присягой нашей въ вѣрности Богу, нашему Царю и Искупителю. Впрочемъ всякое освященіе можетъ быть названо таинствомъ, но въ Царствѣ Божіемъ не было иныхъ таинствъ, т. е. клятвъ въ вѣрности, кромѣ обрѣзанія и пасхи, а въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ иныхъ таинствъ и клятвъ, кромѣ крещенія и Господней Вечери.

ГЛАВА XXXVI.

О Словѣ Божіемъ и о Пророкахъ.

Слово. Когда въ Св. Писаніи встрѣчается выраженіе «слово Божіе» или «слово человѣческое», то подъ нимъ должно разумѣть не часть рѣчи, какъ въ грамматикѣ, а полную рѣчь со смысломъ, гдѣ говорящій утверждаетъ, отрицаетъ, повелѣваетъ, обѣщаетъ, угрожаетъ, желаетъ или спрашиваетъ. Въ этомъ смыслѣ слово уже не просто слово, а цѣлая рѣчь, по-гречески λόγος.

Далѣе, подъ словомъ Божіимъ или человѣческимъ иногда разумѣется нѣчто сказанное Богомъ или человѣкомъ; такъ Евангеліе Матѳея есть слово Матѳея. Иногда словомъ называется предметъ, о которомъ идетъ

рѣчь; такъ подъ словесами дней Царей Іудиныхъ (4 Царс. VIII, 23) должно разумѣть дѣла, совершенныя въ дни этихъ царей, составляющія предметъ писанія.

Въ Новомъ Завѣтѣ, написанномъ по-гречески, словомъ Божіимъ часто называется не то, что сказалъ Богъ, а то, что говорится о Богѣ и о Его царствѣ, т. е. христіанское ученіе.

Въ этомъ смыслѣ λόγος θεοῦ (слово Божіе) значитъ тоже, что богословіе, что очевидно изъ слѣдующихъ словъ: Тогда Павелъ и Варнава смѣло сказали: вамъ вопервыхъ надлежало быть проповѣдану слову Божію; но какъ вы отвергаете оное и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то мы теперь обращаемся къ язычникамъ (Дѣян. XIII, 46). Здѣсь словомъ Божіимъ называется христіанское ученіе. Въ словахъ ангела апостоламъ: Подите, и, ставъ во храмѣ, говорите народу всѣ сіи слова жизни (Дѣян. V, 20) подъ словами жизни также разумѣется евангельское ученіе, какъ видно изъ послѣдняго стиха той же главы, гдѣ говорится, что дѣлали апостолы, а именно: И всякій день въ храмѣ и по домамъ не переставали учить и благовѣствовать о Іисусѣ Христѣ (42). Слѣдовательно, Христосъ былъ предметомъ словъ жизни. Далѣе, слово Божіе называется словомъ благовѣстія (Дѣян. XV, 8), потому что содержитъ ученіе о царствѣ Христовомъ. То же слово называется глаголомъ вѣры (Рим. X, 8), т. е.—какъ объясняется въ той же главѣ—ученіемъ о Христѣ, грядущемъ и воздвигнутомъ изъ мертвыхъ (1—9); оно же называется словомъ царствія (Мѳ. XIII, 19), т. е. ученіемъ Бога о своемъ царствѣ. О словѣ наконецъ говорится, что оно росло и множилось (Дѣян. XII, 24); это легко отнести къ ученію евангельскому, но очень трудно къ голосу Божію. Равнымъ образомъ въ словахъ Св. Павла о бѣсовскихъ ученіяхъ (1 Тим. IV, 1) рѣчь идетъ не о словахъ какого-нибудь демона, а о языческой демонологіи.

Второе значеніе выраженія слово Божіе, т. е. разумѣніе подъ нимъ христіанскаго ученія, преобладаетъ въ св. Писаніи. Напротивъ того, первое, т. е. буквальное, встрѣчается рѣдко. Такъ слова: Азъ есмь Господь Богъ твой и пр. до конца десятисловія (Исх. XX, 2—17) принадлежатъ дѣйствительно самому Богу и были сказаны имъ Моисею; но предисловіе къ десятословію [И сказалъ Господь всѣ эти слова Моисею, говоря (Исх. XX, 1)] принадлежитъ автору Исхода. Даже когда подъ словомъ Божіимъ разумѣются собственныя слова Бога, то и тутъ смыслъ не всегда бываетъ прямой, а часто метафорическій; въ прямомъ смыслѣ это выраженіе употребляется, когда

подъ нимъ разумѣются слова Бога пророкамъ, въ метафорическомъ— когда словомъ называется Божественная премудрость или могущество или предвѣчный совѣтъ Бога о созданіи міра. Въ послѣднемъ смыслѣ словомъ Божіимъ называются слова: Да будетъ свѣтъ (Быт. 1, 3), Да будетъ твердь (Быт. I, 6), Сотворимъ человѣка (Быт. 1, 26). Въ томъ же смыслѣ сказано о словѣ Божіемъ: Все имъ получило бытіе и безъ него не получило бытія ничто, что получило бытіе (Іоан. I, 3). Вѣки устроены словомъ Божіимъ (Евр. I, 3). Сей, будучи сіяніемъ славы и образъ существа Его, держащій все сильнымъ словомъ своимъ, очиствивъ собою грѣхи наши, возсѣлъ одесную престола величія на небесахъ (Евр. XI, 3). Слово въ этомъ смыслѣ есть первое изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ Богомъ отъ начала міра. Тотъ же смыслъ имѣлъ у языческихъ латинянъ fatum— рокъ, міровой порядокъ, ибо fatum значитъ собственно сказанное слово.

Кромѣ того именемъ «слова» въ Св. Писаніи часто называется совершеніе или исполненіе слова, т. е. того, что утверждается, повелѣвается или обѣщается словомъ. Такъ объ Іосифѣ говорится, что смирились во оковахъ ноги его, желѣзо прошло въ душу его, пока не пришло слово его (Псал. CV, 19), т. е. пока не исполнилось предсказаніе его о возвращеніи Фараонову виночерпію должности. Въ томъ же смыслѣ Илія говоритъ Богу: Сотворилъ слова сіи (3 Цар. XVIII, 36), вмѣсто того, чтобы сказать: я исполнилъ всѣ Твои повелѣнія. Выраженіе: Гдѣ слово Іеговы (Іер. XVII, 15)— значитъ: гдѣ же то зло, которымъ угрожалъ Богъ? Въ изреченіи: Всѣ слова Мои уже не будутъ медлить (Іез. XII, 28)—подъ словами разумѣются дѣла, которыя Богъ обѣщалъ совершить для своего народа. Слова Новаго Завѣта: Небо и земля пройдутъ, но слова мои не пройдутъ (Мѳ. XXIV, 35)—значатъ: все, что я обѣщалъ, исполнится. Въ томъ же смыслѣ и Евангелистъ Іоаннъ называетъ Самого Христа Словомъ Божіимъ (Іоан. I, 1) и далѣе говоритъ: и слово стало плотью (Іоан. I, 14). Онъ называетъ Христа словомъ, потому что Онъ былъ обѣщанъ отъ начала (Быт. I), и было искони къ Богу (Іоан. I, 2), т. е. Богъ отъ вѣка опредѣлилъ, что Христосъ придетъ и приметъ человѣческую плоть. Такимъ образомъ Спаситель называется словомъ не какъ обѣщаніе, а какъ предметъ обѣщанія. Тотъ же Іоаннъ называетъ это слово въ своемъ первомъ посланіи словомъ жизненнымъ и жизнью вѣчной, которая была у Отца (I, 2), а въ Апокалипсисѣ говоритъ: Онъ называется словомъ Божіимъ (XIX, 13), желая этимъ какъ-бы сказать, что Богъ отъ вѣчности опредѣлилъ послать Его и обѣщалъ съ начала міра. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ о воплощеніи не голоса или звука, а самого Сына Божія.

Въ Св. Писаніи есть и такія мѣста, гдѣ словомъ Божіимъ называются разумныя и справедливыя слова, хотя бы сказанныя не пророкомъ и не святымъ. Фараонъ Нехао былъ идолопоклонникъ; но когда онъ чрезъ пословъ убѣждалъ Іосію не сопротивляться его нападенію на Хархамисъ, то слова его называются исшедшими изъ устъ Божіихъ, и Іосія, непослушавшій этихъ словъ, былъ убитъ въ сраженіи (2 Парал. XXXV, 21, 22, 23).

Иногда подъ словомъ Божіимъ разумѣется законъ здраваго смысла, когда, напримѣръ, говорится, что онъ написанъ въ сердцахъ человѣческихъ (Псал. XXXVI, 31; Іерем. XXXI, 33 и во многихъ другихъ мѣстахъ).

Словомъ «Пророкъ» въ Св. Писаніи иногда называется посредникъ между Богомъ и людьми, посланный Богомъ говорить съ людьми или говорящій съ Богомъ отъ лица людей. Иногда пророками называются предсказатели, а иногда даже безумные, болтающіе безсвязныя слова. Но всего чаще пророкомъ называется человѣкъ, говорящій съ народомъ отъ имени Бога. Въ этомъ смыслѣ пророками были Моисей, Самуилъ, Илія, Исайя, Іеремія и другіе. Въ томъ же смыслѣ пророкомъ былъ всякій еврейскій первосвященникъ; такъ даже о Каифѣ говорится: сіе же сказалъ не отъ себя, но, будучи на тотъ годъ первосвященникомъ, предсказалъ (Іоан. XI, 51). Пророками называются и люди, поучавшіе народъ въ христіанскихъ церквахъ (1 Кор. XIV, 3). Въ этомъ же смыслѣ Богъ говоритъ Моисею объ Ааронѣ: Онъ будетъ говорить вмѣсто тебя къ народу. Такимъ образомъ онъ будетъ твоими устами, а ты будешь ему вмѣсто Бога (Исх. IV, 16)—и далѣе: Я поставлю тебя Богомъ Фараону, а Ааронъ, братъ твой, будетъ твоимъ пророкомъ (Исх. VII, 1). Авраамъ называется пророкомъ, потому что говорилъ съ Богомъ отъ лица людей; поэтому Богъ сказалъ Авимелеху во снѣ: И такъ возврати жену мужу: ибо онъ пророкъ и помолится о тебѣ (Быт. XX, 7). Изъ этого можно заключить, что люди, призванные въ христіанскихъ церквахъ къ общественной проповѣди, могутъ называться пророками въ этомъ смыслѣ. Пророками были и тѣ люди, которыхъ встрѣтилъ и съ которыми разговаривалъ Саулъ (I Цар. X, 5. 6). Въ томъ же смыслѣ пророчицей называется и Маріамъ (Исх. XV, 20). Также слѣдуетъ понимать и слова Св. Павла: Всякій мужчина, молящійся или пророчествующій съ покрытой головой, безчеститъ голову свою. А всякая женщина, молящаяся или пророчествующая съ открытой голо-

Пророкъ.

вой, безчеститъ свою голову, ибо это тоже, какъ бы она была бритая (1 Кор. XI, 4, 5). Здѣсь пророчествомъ называется просто прославленіе Бога псалмами и священными гимнами, что дозволялось въ церквахъ и женщинамъ.

Пророчество въ смыслѣ предсказанія приписывается не только истиннымъ пророкамъ, но иногда и обманщикамъ; шарлатаны часто приписываютъ себѣ даръ предсказывать будущее при помощи духовъ или посредствомъ суевѣрныхъ гаданій разными способами, о чемъ мы говорили подробно въ XII главѣ. Случайная удача доставляетъ имъ славу пророковъ, которую долго не могутъ разрушить послѣдующія неудачи. Если подъ пророчествомъ понимать истинную способность узнавать будущее, то это не искусство и не постоянная способность, которую можно обратить въ ремесло, а временный необычайный даръ или порученіе, возлагаемое Богомъ обыкновенно на добрыхъ людей, а иногда и на злыхъ. Аендорская волшебница, вызвавшая тѣнь Самуила при помощи дружественнаго ей духа и предсказавшая смерть Саулу, въ сущности не была пророчицей. Она не владѣла какимъ-нибудь особеннымъ искусствомъ производить такія явленія, и Библія не говоритъ, чтобы она произвела его по повелѣнію Божію, хотя Богъ направилъ этотъ обманъ такъ, что Саулъ, устрашенный имъ, палъ духомъ, былъ побѣжденъ и убилъ себя въ битвѣ. Язычники считали пророчествомъ и безсвязныя рѣчи: ихъ оракулы пророчествовали, приведя себя въ безпамятство угаромъ; въ этомъ состояніи они говорили безсвязныя рѣчи, которыя можно было толковать, какъ угодно.

Итакъ, слово пророкъ имѣетъ въ Св. Писаніи много значеній; но чаще всего имъ называется тотъ, кому Богъ непосредственно возвѣстилъ откровеніе, предназначенное для другаго лица или для людей вообще.

Но развѣ Богъ можетъ говорить въ настоящемъ смыслѣ этого слова? Вѣдь у него нѣтъ ни языка, ни другихъ органовъ рѣчи. На это отвѣчаетъ Давидъ: Неужели создавшій ухо не слышитъ и создавшій око не видитъ? (Псал. XCIII, 9). Конечно, Богъ не видитъ и не слышитъ, какъ видитъ и слышитъ человѣкъ; однако Онъ знаетъ все, что мы дѣлаемъ. Эти слова сказаны Давидомъ не для объясненія Божественной природы, а просто для прославленія Бога: даръ видѣть и слышать считается у насъ важнымъ преимуществомъ, и потому псалмопѣвецъ приписываетъ его Богу для вящшаго прославленія Его. Но приписывать эти свойства Богу въ ихъ прямомъ и строгомъ смыслѣ нельзя; тогда такимъ же образомъ пришлось бы приписать Богу и другія человѣческія отправленія, потому что органы ихъ также созданы Богомъ, какъ уши и глаза; но многія

изъ этихъ отправленій непристойны, и приписывать ихъ Богу было бы величайшимъ кощунствомъ. Стало-быть, когда рѣчь идетъ о непосредственной бесѣдѣ Бога съ людьми, это надо понимать въ томъ смыслѣ, что Онъ какимъ-нибудь способомъ открываетъ имъ Свою волю. Такихъ способовъ, какъ доказываетъ Св. Писаніе, можетъ быть много.

Съ Адамомъ, Евою и Каиномъ Богъ говорилъ голосомъ. Въ Св. Писаніи не сказано, какъ говорилъ Богъ съ Авраамомъ передъ выходомъ его изъ отечества въ Ханаанскій Сихемъ; потомъ Господь явился Аврааму (Быт. XII, 7). Итакъ однимъ изъ способовъ, которыми Богъ обнаруживалъ Свое присутствіе, было явленіе или видѣніе. Далѣе, было слово Господне къ Аврааму въ видѣніи ночью (Быт. XV, 1), т. е. Аврааму во снѣ явился какой-нибудь признакъ божественнаго присутствія. Потомъ Господь явился Аврааму въ видѣніи трехъ ангеловъ (Быт. XVIII, 1); съ Авимелехомъ Богъ говорилъ во снѣ (Быт. XXIII, 6); къ Лоту приходилъ въ явленіи двухъ ангеловъ (Быт. XIX, 1); къ Агари—въ видѣ одного ангела (Быт. XXI, 17). Кромѣ того Аврааму онъ являлся въ видѣ голоса съ неба (Быт. XX, 11); Исааку—ночью во снѣ (Быт. XXVI, 24); Іакову— въ видѣніи ангеловъ (Быт. XVIII, 12; XXXII, 1); Моисею Богъ являлся въ видѣ огненной купины (Исх. III, 2). Послѣ Моисея Богъ являлся людямъ непосредственно всегда въ видѣніяхъ или во снѣ: такъ онъ говорилъ съ Гедеономъ, Самуиломъ, Иліей, Елисеемъ, Исаіей, Іезекіилемъ и другими пророками, а въ Новомъ Завѣтѣ—съ Іосифомъ, Петромъ, Павломъ и евангелистомъ Іоанномъ въ Апокалипсисѣ.

Богъ говорилъ сверхъестественнымъ образомъ только съ Моисеемъ па горѣ Синаѣ и въ скиніи, и съ великими первосвященниками въ скиніи и въ Святая Святыхъ. Но Моисей и первосвященники были пророками въ болѣе высокой степени, чѣмъ прочіе, и обрѣли больше благодати у Бога. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Самъ Богъ въ слѣдующихъ словахъ: Если бываетъ у васъ пророкъ, то я Господь открываюсь ему въ видѣніи, во снѣ говорю съ нимъ. Но съ рабомъ моимъ, Моисеемъ, не такъ; онъ вѣренъ во всемъ дому моему: устами къ устамъ говорю я съ нимъ, и даю ему видѣть не въ загадкахъ; но онъ видитъ образъ Господа (Числ. XII, 6, 7, 8); и еще: Господь говорилъ съ Моисеемъ лицомъ къ лицу, какъ бы говорилъ кто съ другомъ своимъ (Исх. XXXIII, 11). Но и съ Моисеемъ Богъ говорилъ не иначе, какъ черезъ ангела или ангеловъ, какъ видно изъ ясныхъ словъ Стефана о Моисеѣ: Это тотъ, который въ собраніи въ пустынѣ былъ съ ангеломъ, говорившимъ ему на горѣ Синаѣ (Дѣян. VII, 38), и изъ словъ Павла о законѣ, посредникомъ котораго

былъ Моисей: онъ преподанъ чрезъ ангеловъ рукою посредника (Гал. III, 19). Стало-быть, и съ Моисеемъ Богъ говорилъ въ видѣніи, только болѣе ясномъ, чѣмъ видѣнія прочихъ пророковъ. Въ словахъ: Если возстанетъ среди тебя пророкъ или сновидѣцъ (Второз. XIII, 1) послѣднее выраженіе служитъ только объясненіемъ перваго. У Іоиля Богъ говоритъ: И послѣ того я излію Духъ Мой на всю плоть, и будутъ пророками сыны ваши, и дщери ваши; старцамъ вашимъ сны будутъ сниться; юноши ваши будутъ видѣть видѣнія (III, 1); здѣсь опять объясняется, что пророчество состоитъ въ снахъ, видѣніяхъ и въ духѣ. Соломону Богъ обѣщалъ мудрость во снѣ, какъ видно изъ словъ: И пробудился Соломонъ и видитъ, что это былъ сонъ (3 Цар. III, 15). Изъ всего этого видно, что пророки Ветхаго Завѣта слышали голосъ Божій не иначе, какъ во снѣ и въ видѣніяхъ, т. е. въ явленіяхъ воображенія. Эти явленія назывались также Духомъ Божіимъ; такъ Богъ говоритъ у Захаріи: И сердце свое сдѣлали адамантовымъ, чтобы не покоряться закону и словамъ, которыя посылалъ Іегова воинствъ Духомъ своимъ посредствомъ пророковъ прежнихъ (VII, 12).

Изъ пророковъ, имѣвшихъ въ Ветхомъ Завѣтѣ постоянное призваніе, одни верховные, а другіе — подчиненные. Первымъ изъ верховныхъ пророковъ былъ Моисей; послѣ него это призваніе принадлежало каждому первосвященнику, пока продолжалось царство священническое. Когда Израильтяне свергли съ себя иго Божіе, и званіе первосвященника сдѣлалось простой должностью, священники, желая вопросить Бога, облекались въ священныя одежды и вопрошали Господа, впрочемъ не по своему произволу, а по приказанію царей, которые даже могли лишать ихъ священства. Саулъ повелѣлъ принести всесожженіе: приведите, яко да сотворю всесожженіе и мирная (1 Царс. XIII, 9); онъ же повелѣлъ священнику сперва принести ефодъ: рече Саулъ Ахіи: принеси ефодъ (1 Цар. XIV, 18),—и потомъ не приносить его: И когда Саулъ говорилъ іерею, въ войскѣ иноплеменническомъ поднялся шумъ; они ходили, приходили и умножались, и сказалъ Саулъ іерею: опусти руки твои (1 Цар. XIV, 19). Въ той же XIV главѣ говорится, что Саулъ вопрошалъ Бога (41, 42, 43, 44). Тоже дѣлалъ и Давидъ послѣ своего помазанія, но еще до овладѣнія царствомъ: онъ спрашивалъ Господа, сражаться ли ему съ Филистимлянами въ Кейлѣ (1 Цар. XXIII, 2). Давидъ также повелѣлъ священнику принести ефодъ, чтобы вопросить Господа. Кромѣ того, царь Соломонъ, отнявъ священство у Авіаѳара, передалъ его Цадоку (3 Цар. II, 27, 35). Слѣдовательно, верховными пророками были

Моисей, первосвященники и благочестивые цари, всегда вопрошавшіе Бога въ трудныхъ обстоятельствахъ. Мы уже показали, какъ говорилъ Богъ съ чрезвычайными пророками. Какъ же говорилъ онъ съ тѣми Пророками, призваніе которыхъ было постоянно? Если сказать, что Богъ говорилъ съ ними или являлся имъ такъ, какъ Онъ существуетъ въ Своей природѣ, то придется отвергнуть ту истину, что Богъ — безконеченъ, невидимъ и непостижимъ. Если сказать, что Богъ говорилъ съ ними черезъ Святаго Духа, и подъ Святымъ Духомъ понимать самое Божество, то придется приравнять Моисея къ Христу, въ которомъ одномъ тѣлесно живетъ всякое исполненіе Божества (Кол. II, 9). Наконецъ, если сказать, что Богъ говорилъ съ этими пророками черезъ Св. Духа, понимая подъ нимъ даръ божественной благодати, то въ ихъ дѣятельности не останется ничего сверхъестественнаго. Богъ располагаетъ людей къ благочестію, справедливости, милосердію, истинѣ, вѣрѣ и всякому роду добродѣтелей, какъ нравственныхъ, такъ и умственныхъ, ученіемъ, примѣромъ и другими естественными и обыкновенными путями.

Въ Писаніи не объясняется, какъ говорилъ Богъ съ пророками постояннаго призванія, когда они вопрошали Его. Извѣстно только, что онъ говорилъ съ первосвященниками голосомъ изъ-подъ херувимовъ въ Святая Святыхъ; но этотъ голосъ, какъ и всѣ прочіе признаки божественнаго присутствія, можетъ быть названъ ангеломъ, подобно снамъ и прочимъ видѣніямъ.

Въ Священномъ Писаніи нигдѣ не говорится, чтобы Богъ говорилъ сверхъестественно съ подчиненными Пророками постояннаго призванія; на основаніи Писанія можно сказать, что Онъ говорилъ съ ними естественно, тѣмъ способомъ, которымъ обыкновенно располагаетъ предопредѣленныхъ къ спасенію, къ благочестію, вѣрѣ и справедливости. Хотя этотъ способъ состоитъ просто въ наученіи и воспитаніи людей, однако, по справедливости, можетъ быть названъ дѣйствіемъ Св. Духа, ибо всякое расположеніе, какъ къ святости, такъ и къ добродѣтели исходитъ отъ Бога. Поэтому когда въ Писаніи говорится о пророкѣ, что онъ сказалъ что-нибудь силою Св. Духа, мы должны понимать это въ томъ смыслѣ, что онъ сказалъ такъ, какъ Богъ повелѣлъ ему устами Своего верховнаго пророка, которому подчиненный пророкъ обязанъ повиноваться.

При жизни Моисея у Израильтянъ, кромѣ него, пророчествовали семьдесятъ мужей. Въ Писаніи объяснено, какимъ образомъ Богъ говорилъ съ ними: Тогда сошелъ Господь въ облакѣ и говорилъ съ нимъ, и взялъ отъ духа, который на немъ, и далъ седмидесяти мужамъ старѣйшинамъ, и когда почилъ на нихъ духъ, они стали пророчествовать, а потомъ перестали (Числ. XI, 25). Во первыхъ,

эти слова показываютъ, что ихъ пророчество народу было служебнымъ и подчиненнымъ пророчеству Моисея, духомъ котораго они пророчествовали (т. е. пророчествовали такъ, какъ онъ хотѣлъ); это подтверждается тѣмъ, что когда Іисусъ Навинъ сказалъ: Господинъ мой, Моисей, запрети имъ, Моисей не согласился запрещать и сказалъ: Неужели ты завидуешь (Числ. XI, 28, 29). Во вторыхъ, изъ этого текста можно заключить, что въ немъ подъ Духомъ Божіимъ разумѣется просто желаніе повиноваться и помогать Моисею въ управленіи народомъ; ибо подъ Духомъ Божіимъ нельзя понимать Божественную субстанцію, которая тѣлесно (Кол. II, 9) жила въ одномъ Христѣ; слѣдовательно, подъ духомъ здѣсь разумѣется даръ или божественная благодать: люди, руководимые ею, помогали Моисею, получивъ часть его духа; нужно замѣтить, что эти семьдесятъ мужей были избраны Моисеемъ, и въ этомъ то избраніи состояла передача имъ Моисеева духа. То же значеніе Духъ Божій имѣетъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ отнятіи Духа Божія у Саула и о перенесеніи его на Давида (1 Цар. XVI, 13, 14), т. е. благодать, необходимая для надлежащаго управленія Царствомъ Божіимъ, была сообщена тому, кого Богъ избралъ для управленія Своимъ царствомъ.

Иногда Богъ открывалъ свою волю посредствомъ жребія, бросаемаго людьми, имѣвшими верховную власть надъ народомъ. Такъ посредствомъ жребія, брошеннаго Сауломъ, Богъ обличилъ вину Іонаѳана, сына Саулова (1 Цар. XIV, 43); земля Ханаанская была раздѣлена по жребіямъ, брошеннымъ Іисусомъ Навиномъ: Іисусъ бросилъ имъ жеребей въ Силомѣ предъ Господомъ (Іис. XVIII, 10). Жребіемъ же, кажется, Господь открылъ воровство Ахана (Іис. VII). Вотъ какъ открывалъ Господь Свою волю въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Тѣми же способами Онъ дѣйствовалъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Съ Дѣвой Маріей Онъ говорилъ посредствомъ ангельскаго явленія; съ Іосифомъ—во снѣ, съ Павломъ на пути въ Дамаскъ—посредствомъ видѣнія; съ Петромъ—въ видѣніи, потомъ посредствомъ ангельскаго явленія; съ апостолами и писателями Новаго Завѣта—посредствомъ различныхъ даровъ благодати Св. Духа; съ апостолами при избраніи Матѳія — посредствомъ жребія.

Всякое пророчество предполагаетъ видѣніе или сонъ или какой-нибудь особенный даръ божественной благодати; но дары благодати, сны и видѣнія могутъ являться нетолько сверхъестественно и непосредственно, но и естественно, отъ естественныхъ причинъ: поэтому нуженъ разсудокъ и здравый смыслъ, чтобы отличать естественные дары благодати, видѣнія и сны отъ сверхъестественныхъ. Мы должны быть осмотрительны, когда человѣкъ называетъ намъ себя пророкомъ и повелѣваетъ слѣдовать за нимъ на путь вѣчнаго спасенія. Кто предлагаетъ себя въ руководители на пути къ блаженству, тотъ хочетъ управлять и царствовать; но всѣ люди по своей природѣ одержимы этимъ желаніемъ: слѣдовательно, всякаго, кто заявляетъ такія притязанія, можно справедливо заподозрить въ честолюбіи и обманѣ. Поэтому надо тщательно испытывать такого претендента въ руководители, если только онъ не самъ правитель государства или не получилъ власти отъ правительства. О томъ, какъ отличать истинныхъ пророковъ, говорится во Второзаконіи (XIII, 1) и въ первомъ посланіи Іоанна (IV, 1); въ обоихъ текстахъ объ этомъ говорится одно и тоже; надо замѣтить, что лжепророковъ гораздо больше, чѣмъ истинныхъ; поэтому, чтобы не подвергать опасности свое спасеніе, необходимо изслѣдовать ученіе пророковъ и тщательно разсудить, можно ли ему слѣдовать. При Ахавѣ изъ четырехсотъ пророковъ истиннымъ пророкомъ былъ только Михей (3 Цар. XII). Пророкъ Іеремія говоритъ о лжепророкахъ отъ лица Божія: Пророки пророчествуютъ ложно именемъ Моимъ; Я ихъ не посылалъ и не давалъ имъ приказанія и не говорилъ имъ: видѣнія ложныя и гаданія, и пустое, вымыселъ сердца своего они вамъ проповѣдуютъ (Іер. XIV, 14); Богъ повелѣваетъ не слушать ихъ: Не слушайте, говоритъ Онъ, словъ пророковъ сихъ, пророчествующихъ вамъ; они васъ обманываютъ, проповѣдываютъ видѣнія сердца своего, а не изъ устъ Іеговы (Іер. XXIII, 16).

Въ Ветхомъ Завѣтѣ между пророками было много распрей; они спорили между собой и спрашивали другъ друга: неужели Духъ Господень вышелъ изъ меня, чтобы говорить въ тебѣ (3 Цар. XXII, 24), называя другъ друга лжепророками. Въ настоящее время, въ Новомъ Завѣтѣ, также возникаетъ множество споровъ между претендентами на Св. Духъ: поэтому и тогда, и теперь необходимо пользоваться своимъ естественнымъ разсудкомъ, чтобы отличать лжепророковъ отъ истинныхъ по правиламъ, даннымъ Богомъ въ Писаніи. Первое правило Ветхаго Завѣта на этотъ счетъ состоитъ въ наблюденіи, чтобы ученіе пророка согласовалось съ ученіемъ Моисея, который имѣлъ верховную власть надъ Израильскимъ народомъ. По второму правилу пророкъ долженъ имѣть чудодѣйственную силу. (Второз. XIII, 1 и пр.). Въ Новомъ Завѣтѣ дается только одно правило для различія пророковъ: именно, истинный пророкъ долженъ проповѣдывать, что Іисусъ есть Христосъ, т. е. царь іудейскій, предсказанный пророками Ветхаго Завѣта. Всякій отрицающій это ученіе долженъ быть признанъ лжепро-

рокомъ, какія бы чудеса, повидимому, ни совершалъ. Евангелистъ Іоаннъ, разсуждая объ испытаніи духовъ, отъ Бога ли они или нѣтъ, говоритъ: Духъ Божій и духъ заблужденія узнавайте такъ: всякой духъ, который признаетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякой духъ, который не признаетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не отъ Бога (1 Іоан. IV, 2, 3); т. е. Божій пророкъ есть проповѣдникъ Евангелія, исповѣдующій и проповѣдующій, что Іисусъ есть Христосъ, будетъ ли онъ благочестивъ или хотя бы нечестивъ. Человѣка дѣлаетъ пророкомъ не нравственность его и не вѣра, а законная власть. Богъ говоритъ иногда устами такихъ пророковъ, которые сами по себѣ осуждены Имъ: такъ Онъ говорилъ устами Валаама и Аендорской волшебницы. Къ приведеннымъ словамъ своимъ Св. Іоаннъ присовокупляетъ: Всякой духъ, который не признаетъ Іисуса Христа пришедшаго во плоти, не отъ Бога, а отъ антихриста (I Іоан. IV, 3). Дѣло, стало-быть, въ томъ, что всякій проповѣдующій уже совершившееся пришествіе Мессіи въ лицѣ Іисуса есть истинный Пророкъ, а всякій отрицающій Его пришествіе и еще ожидающій его въ лицѣ какого-нибудь будущаго обманщика,—ложный пророкъ. Поэтому всякому христіанину, который заботится о спасеніи своей души, слѣдуетъ стараться узнать и внимательно изслѣдовать, кто въ Его государствѣ верховный пророкъ, т. е., какой человѣкъ или какое собраніе людей представляетъ лицо Божіе, и, узнавъ это, признать то ученіе, которое этотъ человѣкъ или это собраніе велятъ ему усвоить: таково правило для изслѣдованія ученій, предлагаемыхъ пророками съ совершеніемъ или безъ совершенія чудесъ. Если кто услышитъ, что какой-нибудь пророкъ учитъ вопреки этому правилу, то не долженъ самъ наказывать его, а поступить по примѣру тѣхъ, которые слушали пророчествовавшихъ въ полку Израильскомъ, т. е. донести о немъ правительству и предоставить ему рѣшить, какъ оно хочетъ, и если оно отвергнетъ ученіе этого пророка,—отвергнуть его, а если оно одобритъ,—принять и слѣдовать, ибо тогда очевидно, что Богъ даровалъ такому проповѣднику часть духа, принадлежащаго правительству. Если христіане будутъ не признавать свое правительство пророкомъ Божіимъ, то необходимо будутъ считать Духомъ Божіимъ собственные сны и волненія своихъ сердецъ и будутъ слѣдовать имъ или подчиняться иностраннымъ правительствамъ, губя этимъ свое государство, или поддадутся честолюбцамъ, которые станутъ возбуждать смуты, подтверждая свое ученіе чудесами иногда дѣйствительно чудесной безнаказанности.

ГЛАВА XXXVII.

О чудесахъ и ихъ пользѣ.

Чудо есть удивительный фактъ

Подъ именемъ чудесъ разумѣются дивныя дѣйствія Божіи. Такъ какъ люди, слѣдуя своему разсудку, обыкновенно сомнѣваются, чтобы повелѣніе, возвѣщаемое пророкомъ, исходило отъ самого Бога, то это подтверждается имъ знаками, называемыми въ Св. Писаніи чудесами. У языческихъ писателей они называются ostentum (диво) и portentum (чудо).

Слѣдовательно, чтобы составить понятіе о чудѣ, нужно обратить вниманіе на то, что люди считаютъ чудеснымъ. Фактъ можетъ казаться чудеснымъ только по двумъ причинамъ. Во первыхъ, если фактъ этотъ—рѣдкость или нѣчто совершенно небывалое; во вторыхъ, если почему нибудь думаютъ, что онъ вызванъ не естественными причинами, а непосредственнымъ дѣйствіемъ Бога. Но если мы знаемъ и понимаемъ естественныя причины даннаго факта, если подобные факты случались прежде, то какъ бы онъ ни былъ рѣдокъ и хотя бы мы не понимали его естественной причины, мы не сочтемъ его чудеснымъ и не назовемъ чудомъ.

Еслибы напр. волъ или лошадь заговорили, мы назвали бы это чудомъ, потому что это явленіе небывалое, и мы не можемъ придумать ему никакого естественнаго объясненія. Равнымъ образомъ чудомъ считается всякое необыкновенное отклоненіе отъ естественнаго пути зарожденія животныхъ. Но мы не сочтемъ чудомъ, если человѣкъ или иное животное родитъ себѣ подобное существо, хотя бы даже не знали, какъ это дѣлается. Еслибы человѣкъ превратился въ камень, это было бы чудомъ, потому что такое явленіе рѣдко. Но если превращается въ камень дерево, мы не считаемъ такого явленія чудомъ, потому что оно совершается часто, хотя мы тоже не знаемъ, какъ совершается это превращеніе.

Первая радуга, увидѣнная на небѣ, показалась чудомъ, потому что была первой, т. е. необыкновенной, и Богъ явилъ ее въ знакъ прекращенія потопа. Но въ настоящее время радуга никому не кажется чудомъ, потому что она является очень часто. Человѣческое искусство производитъ многія чудеса; но такъ какъ мы понимаемъ, какъ это дѣлается, то не считаемъ ихъ чудесами.

Признаніе какого-нибудь факта чудомъ большею частью зависитъ отъ знанія и опыта; поэтому многое, что одному кажется чудомъ, другому представляется обыкновеннымъ явленіемъ. Неопытные и суевѣрные люди считаютъ великими чудесами явленія, которымъ люди опытные и ученые нимало не удивляются. Большинство считало нѣкогда затмѣнія солнца и луны сверхъестественными явленіями; но ученые люди, понявъ естественныя причины этихъ явленій, начали ихъ предсказывать. Иногда опытные люди, сговорившись посмѣяться надъ простакомъ и разузнавъ его тайныя обстоятельства, приводятъ его въ великое удивленіе, разсказывая ему его секреты; но въ осторожныхъ и опытныхъ людяхъ они не возбудили бы удивленія.

Цѣль чудесъ. Кромѣ того, по самой сущности чуда, необходимо, чтобы оно имѣло цѣлью внушить народу довѣріе къ вѣстникамъ, пророкамъ и посланникамъ Божіимъ и доказать ему, что они дѣйствительно посланы Богомъ. Поэтому хотя созданіе міра и всемірный потопъ суть самыя чудесныя дѣйствія Божіи, но такъ какъ они были совершены Богомъ не съ цѣлью внушить довѣріе къ какому нибудь Его служителю, то ихъ обыкновенно и не называютъ чудесами. Зато дѣла Божіи въ Египтѣ, совершенныя рукою Моисея, были чудесами; ибо были совершены съ цѣлью внушить Израильскому народу убѣжденіе, что Моисей пришелъ къ нему не по своему произволу и не для своей выгоды, а посланъ Богомъ. Когда Богъ повелѣлъ ему освободить Израильтянъ отъ египетскаго рабства, онъ сказалъ Богу: А можетъ быть они не повѣрятъ мнѣ и не послушаютъ гласа моего, и скажутъ: не явился тебѣ Господь, что сказать имъ? (Исх. IV, 1) Въ отвѣтъ на это Богъ далъ ему власть превратить въ змѣя жезлъ, который онъ держалъ въ рукѣ, а змѣя опять превратить въ жезлъ; потомъ сдѣлать свою руку прокаженной и исцѣлить ее—все это съ цѣлью внушить Израильтянамъ вѣру, что ему точно являлся Богъ ихъ отцовъ. Когда Моисей совершилъ эти чудеса предъ народомъ, то люди повѣрили (Исх. IV, 31). Однако народъ не пошелъ за Моисеемъ, опасаясь Фараона. Поэтому Богъ совершилъ другія чудеса для пораженія Египтянъ, но въ сущности для того, чтобы Израильтяне повѣрили Моисею. Подобнымъ образомъ, если мы разсмотримъ чудеса, совершенныя по волѣ Божіей Моисеемъ и пророками до плѣненія, а также и тѣ, которыя были совершены Спасителемъ и Его апостолами, то найдемъ, что всѣ они были совершены съ цѣлью возбудить или подтвердить вѣру въ эти лица и доказать, что они приходили не сами по себѣ, а по волѣ Бога. Впрочемъ чудеса вообще имѣли цѣлью вызывать вѣру не во всѣхъ, а только въ избранныхъ, т. е. въ тѣхъ, которымъ предстояло спасеніе. Цѣль египетскихъ язвъ

состояла не въ обращеніи Фараона: Богъ самъ предопредѣлилъ ожесточить сердце Фараона и предсказалъ, что онъ не отпуститъ народъ; и дѣйствительно, Фараонъ отпустилъ Евреевъ не вслѣдствіе чудесъ, а вслѣдствіе язвъ. Такъ и Спаситель не сотворилъ тамъ многихъ чудесъ по невѣрію ихъ (Мѳ. XIII, 58); и еще: и не могъ тамъ сотворить ни единаго чуда, кромѣ того, что исцѣлилъ нѣсколькихъ больныхъ возложеніемъ рукъ. И дивился невѣрію ихъ (Марк. VI, 5. 6). Не слѣдуетъ думать, что у него не достало могущества и что чудеса имѣли иную цѣль, кромѣ обращенія невѣрныхъ. Всѣ чудеса, совершенныя Моисеемъ, пророками, самимъ Христомъ и Его апостолами, были совершены для присоединенія людей къ Церкви. Остается сказать, что и Спаситель, посланный Отцомъ, могъ употреблять могущество, данное Ему Отцомъ, для обращенія тѣхъ только, кого Отецъ предопредѣлилъ спасти. Нѣкоторые утверждаютъ, что въ этомъ текстѣ «не могъ» сказано вмѣсто не хотѣлъ; но такое натянутое толкованіе, неоправдываемое формами греческаго языка, совершенно излишне.

Опредѣленіе чуда. На основаніи сказаннаго о сущности чуда его можно опредѣлить такъ: чудо есть дѣйствіе Божіе, превышающее узаконенныя при твореніи дѣйствія природы и совершаемое съ цѣлью показать избраннымъ чрезвычайнаго посланника Божія, посланнаго для ихъ спасенія.

Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что чудо производится не какимъ-нибудь особеннымъ свойствомъ самого чудотворца, по слову котораго совершается, а непосредственно Богомъ.

Во вторыхъ, ни дьяволъ, ни ангелъ, никакой вообще сотворенный духъ не могутъ совершать чудесъ. Нельзя назвать чудомъ того, что дѣлается силою какого нибудь знанія или заклинаніемъ, т. е. силою словъ. Еслибы заклинатель могъ собственнымъ могуществомъ дѣлать чудеса, то, значитъ, въ мірѣ существовала бы власть, независимая отъ Бога, что всѣ отвергаютъ. Если же заклинатель совершаетъ чудо посредствомъ чрезвычайнаго дара Божія, то чудо не принадлежитъ ему, а творится непосредственно Богомъ.

Нѣкоторые тексты Св. Писанія, повидимому, приписываютъ чудеса заклинаніямъ. Такъ, когда Моисей, бросивъ свой жезлъ на землю, превратилъ его въ змѣя, волхвы Египетскіе своими чарами совершили тоже (Исх. VII, 11); когда Моисей обратилъ египетскія воды въ кровь, и волхвы египетскіе своими волхвованіями сдѣлали тоже (Исх. VII, 22); когда Моисей божественной силой навелъ на Египетъ жабъ, тоже сдѣлали и волхвы египетскіе своими вол-

хвованіями (Исх. VIII, 7). Можно подумать, что эти тексты доказываютъ возможность совершенія чудесъ посредствомъ простыхъ словъ? Но Св. Писаніе нигдѣ не объясняетъ, въ чемъ состоитъ заклинаніе. Стало быть, слѣдуетъ предположить, вопреки общему мнѣнію, что заклинаніе есть не совершеніе чуда посредствомъ словъ и звуковъ, а обманъ и обольщеніе, производимые естественными способами; оно нетолько чуждо всего сверхъестественнаго, но даже можетъ обойтись безъ знанія естественныхъ законовъ; весь успѣхъ обманщиковъ основанъ на невѣжествѣ, тупости и суевѣріи людей. Согласно этому всѣ тексты, которые, повидимому, могутъ благопріятствовать мнѣнію о магіи и заклинаніяхъ, должны имѣть не тотъ смыслъ, который представляется съ перваго взгляда.

Довольно извѣстно, что слова имѣютъ дѣйствіе только на тѣхъ, кто понимаетъ ихъ; и на нихъ они имѣютъ только то дѣйствіе, что объясняютъ имъ мысли говорящаго. Но если людямъ представляется, будто отъ заклинанія вода превращается въ кровь, жезлъ—въ змѣя или совершается какое нибудь другое чудо, и если это совершается не для назиданія народа, то дѣйствію заклинанія подвергаются не вода и не жезлъ и ни что другое, а зрители, и все чудо состоитъ въ томъ, что какой-нибудь обманщикъ обольщаетъ людей, что вовсе не чудо.

Невѣжество и наклонность къ заблужденію въ человѣчествѣ такъ велики, а особенно такъ сильны въ тѣхъ, кто не знаетъ естественныхъ причинъ и не понимаетъ человѣческихъ намѣреній, что люди постоянно подвергаются безчисленнымъ обманамъ. Но было бы слишкомъ утомительно перечислять всѣ роды лжечудотворцевъ: замѣтимъ только, что каждый изъ нихъ совершаетъ свои чудеса посредствомъ своей ловкости. Если подумать, какіе обманы дѣлаются людьми, особенно соединенными силами, то окажется, что нѣтъ такой нелѣпости, которая не нашла бы вѣрующихъ. Если двое плутовъ сговорится, и одинъ притворится хромымъ, а другой исцѣлитъ его, то они обманутъ уже многихъ; а если сговорится больше обманщиковъ, и одинъ изъ нихъ притворится хромымъ, другой исцѣлитъ его, а прочіе засвидѣтельствуютъ это, то обманутыхъ будетъ еще гораздо больше.

При такой наклонности человѣчества безразсудно вѣритъ чудесамъ. Самая лучшая мѣра предосторожности противъ такой довѣрчивости есть та, которой, какъ сказано выше, Богъ научилъ насъ устами Моисея въ началѣ и концѣ XVIII главы Второзаконія: именно мы не должны считать пророками людей, преподающихъ иную религію, кромѣ дозволенной представителемъ Бога въ государствѣ, и даже ихъ мы не должны признавать пророками безъ несомнѣннаго чуда, если они будутъ стараться

ввести какой-нибудь новый догматъ. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ слѣдовало спрашивать Моисея, Аарона и ихъ преемниковъ, такъ въ христіанскомъ мірѣ во всѣ времена должно спрашивать правителей церквей о томъ, какія ученія дозволено преподавать, и потомъ уже вѣрить чудесамъ или пророкамъ. Что касается чудесъ, совершаемыхъ для подкрѣпленія новыхъ ученій, то мы должны ихъ видѣть сами, по возможности разсмотрѣть и изслѣдовать, и судить объ истинѣ чуда, руководствуясь общественнымъ разумомъ, т. е. разумомъ правительства. Напримѣръ, если кто скажетъ, что послѣ произнесенія имъ извѣстныхъ словъ надъ хлѣбомъ хлѣбъ перестанетъ быть хлѣбомъ и сдѣлается человѣкомъ или богомъ, хотя на видъ останется попрежнему хлѣбомъ, то мы еще не имѣемъ причины вѣрить этому и бояться этого человѣка, пока Богъ устами того, кто въ государствѣ занимаетъ Его мѣсто, не рѣшитъ, правда ли это или нѣтъ. Если правительство скажетъ нѣтъ, мы должны вспомнить слова Моисея: Нечестиво говоритъ этотъ пророкъ, не бойтесь его (Второз. XVIII. 22); если же правительство признаетъ дѣйствительность событія, мы должны принять его рѣшеніе. Государственной церкви, т. е. верховной власти, принадлежитъ также рѣшать, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ вѣрить разсказамъ о чудесахъ, которыхъ сами мы не видали и которыя извѣстны намъ только по слухамъ. Это я говорю преимущественно для жителей христіанскихъ государствъ. Въ настоящее время я не знаю ни одного человѣка, который видѣлъ бы чудо, совершенное посредствомъ заклинанія словами или молитвой и до такой степени удивительное, чтобы оно могло показаться сверхъестественнымъ человѣку мало мальски со смысломъ. Поэтому теперь вопросъ не въ томъ, дѣйствительно ли совершилось чудо, которое мы видѣли, а въ томъ, не выдумка ли чудеса, извѣстныя намъ по слухамъ или изъ книгъ. Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ не частному умствованію или совѣсти, а общественному разуму, т. е. разуму того человѣка или собранія, которымъ принадлежитъ право рѣшать всѣ вопросы. Конечно, нельзя ограничить свободу мысли; поэтому каждый всегда воленъ вѣрить или не вѣрить чудесамъ, утвержденнымъ высшимъ авторитетомъ, и судить о нихъ въ глубинѣ своего сердца согласно выгодамъ или невыгодамъ, которыхъ ожидаетъ себѣ отъ этихъ разсказовъ. Но когда дѣло доходитъ до исповѣданія вѣры, то частное сужденіе не имѣетъ мѣста, и рѣшеніе принадлежитъ тому, кто подъ верховной властью Бога владычествуетъ въ Церкви. Ниже я разсмотрю, кому принадлежитъ эта власть. Въ противномъ случаѣ всѣ, кто незнакомъ съ искусствомъ обманщиковъ, были бы готовы повѣрить

всякому фокуснику, чревовѣщателю, хитрому выдумщику, безстыдному вралю, изворотливому клятвопреступнику, шуту, притворяющемуся святымъ, и особенно соединенію подобныхъ плутовъ.

ГЛАВА XXXVIII.

О значеніи въ Св. Писаніи словъ «Вѣчная Жизнь», «Адъ» «Спасеніе», «Будущій Міръ» и «Искупленіе».

Вѣчная жизнь. Существованіе гражданскаго общества, какъ мы уже знаемъ, зависитъ отъ справедливости, а справедливость—отъ права верховной власти давать и отнимать жизнь и налагать другія наказанія; общество не могло бы существовать, еслибы въ немъ кромѣ правительства оказалось еще какое-нибудь лицо, имѣющее право наказывать гражданъ строже, чѣмъ смертью, или награждать больше, чѣмъ жизнью. Но вѣчная жизнь—награда большая, чѣмъ земная жизнь; вѣчное наказаніе страшнѣе, чѣмъ физическая смерть. Вотъ почему такъ важно изслѣдовать, что разумѣется въ Св. Писаніи подъ вѣчной жизнью и вѣчнымъ мученіемъ, за что одни будутъ вѣчно мучиться, а другіе вѣчно наслаждаться; этотъ вопросъ достоинъ полнаго вниманія всѣхъ, кто желаетъ путемъ гражданскаго повиновенія избѣжать смятенія и бѣдствій гражданской войны.

Адамъ, говоритъ Св. Писаніе, былъ созданъ въ состояніи невинности, такъ что еслибы не нарушилъ заповѣди Божіей, то могъ бы вѣчно жить въ раю, гдѣ Богъ поселилъ его вначалѣ. Въ раю росло древо жизни; Адаму было дозволено вкушать его плоды пока онъ будетъ воздерживаться отъ плодовъ древа познанія добра и зла. Когда Адамъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода этого дерева, Богъ изгналъ его изъ рая, сказавъ: Теперь не простеръ бы онъ руки своей, и не взялъ бы плодовъ и съ древа жизни, и не вкусилъ бы, и не сталъ бы жить вѣчно (Быт. III, 22). Итакь, Адамъ не былъ созданъ по природѣ безсмертнымъ, а получалъ безсмертіе по благодати Божіей; онъ не могъ умереть только пока имѣлъ возможность вкушать плоды древа жизни. Еслибы онъ не согрѣшилъ, то жилъ бы вѣчно въ земномъ раю; онъ и его потомки подверглись смерти вслѣдствіе его грѣха, лишившаго его рая и плодовъ древа жизни. Адамъ не умеръ тотчасъ послѣ грѣха; онъ жилъ еще долго и до-

ждался при жизни многочисленнаго потомства. Слова: въ тотъ день, какъ вкусите отъ него, смертью умрете (Быт. II, 17), не значатъ, чтобы они умерли въ тотъ самый день, какъ съѣдятъ, а только возвѣщаютъ имъ, что они станутъ смертны. Сказано не просто умрете, а смертію умрете; по толкованію св. Аѳанасія, это значитъ: если умрешь, то уже не оживешь. Такъ какъ вѣчная жизнь утрачена грѣхомъ, то очевидно, что ее можетъ возвратить тотъ, кто уничтожитъ грѣхъ. Іисусъ Христосъ уничтожилъ грѣхъ Адама и всѣхъ вѣрующихъ и потому снова доставилъ всѣмъ вѣрующимъ вѣчную жизнь, утраченную Адамомъ, т. е. будущую жизнь въ раю. Въ этомъ смыслѣ справедливо говоритъ апостолъ Павелъ: Какъ однимъ преступленіемъ всѣмъ человѣкамъ осужденіе: такъ одною правдою всѣмъ человѣкамъ оправданіе къ жизни (Рим. V, 18); Ибо какъ смерть человѣкомъ, такъ человѣкомъ же и воскресеніе мертвыхъ. Какъ Адамомъ всѣ умираютъ, такъ Христомъ всѣ оживутъ (1 Кор. XV, 21, 22).

Изъ этихъ двухъ текстовъ можно, кажется, заключить, что наслажденіе вѣчной жизнью опредѣлено людямъ на землѣ. Если Адамъ утратилъ рай и вѣчную жизнь на землѣ, то на землѣ же, а не въ иномъ мѣстѣ предстоятъ людямъ и тотъ рай, и та вѣчная жизнь, которые опять доставилъ имъ Христосъ. Это, повидимому, подтверждается и словами Псалмопѣвца: Благословитъ тя Господь отъ Сіона, сотворивый небо и землю (Псал. CXXXIII, 3); въ противномъ случаѣ онъ сказалъ бы: Господь благословитъ тебя съ неба. И св. Іоаннъ говоритъ: побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни, которое посреди рая Божія (Апок. II, 7); а мы знаемъ, что это древо жизни находилось на землѣ. Далѣе св. Іоаннъ говоритъ: И я, Іоаннъ, увидѣлъ святый градъ Іерусалимъ новый, сходящій отъ Бога съ неба, уготованный какъ невѣста, украшенная для мужа своего. И слышалъ я громкій гласъ съ неба, говорящій: се скинія Божія съ человѣками (Апок. XXI, 2, 3); стало-быть, новый Іерусалимъ или гора Сіонъ, т. е. селеніе избранныхъ, сходитъ на землю, а не избранные возносятся въ нихъ на небо. Два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ говорили: Сей Іисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ вы видѣли его восходящимъ на небо (Дѣян. I, 11); эти слова имѣютъ какъ-бы такой смыслъ: Онъ опять придетъ на землю, чтобы управлять народомъ Своего Отца, и теперь возносится на небо не для того, чтобы управлять избранными на небѣ. Это согласно и съ мыслью о возстановленіи того Царства Божія, которымъ управлялъ Моисей: это цар-

ство было ничто иное, какъ земное еврейское государство. Самъ Спаситель сказалъ: Въ воскресеніи не женятся и замужъ не выходятъ, а живутъ, какъ Ангелы Божіи на небесахъ (Мѳ. XXII, 30); дѣйствительно, въ вѣчной жизни, подобной той, которую мы утратили чрезъ Адама, не можетъ быть брака. Еслибы Адамъ и Ева не согрѣшили, то жили бы вѣчно въ земномъ раю безъ потомства, потому что еслибы они рождали безсмертныхъ дѣтей, то вскорѣ людямъ было бы некуда поставить на землѣ ногу. Евреи спрашивали Христа, кому будетъ принадлежать въ воскресеніи жена, бывшая за семью мужами; такой вопросъ доказываетъ, что они не понимали условій вѣчной жизни, и Христосъ отвѣчалъ имъ, что въ воскресеніи люди, подобно ангеламъ, не будутъ плодиться. Между вѣчной жизнью, утраченной Адамомъ, и той, которую опять доставилъ намъ Христосъ своей смертью, есть еще слѣдующая аналогія: какъ Адамъ, хотя утратилъ вѣчную жизнь черезъ грѣхъ, но жилъ еще послѣ того нѣкоторое время, такъ и вѣрующіе христіане, хотя опять пріобрѣли вѣчную жизнь чрезъ Христову смерть, однако умираютъ естественной смертью и остаются нѣкоторое время мертвыми до воскресенія. И какъ для Адама смертью было не осужденіе, а настоящая физическая смерть, такъ и для вѣрующихъ вѣчная жизнь есть не отпущеніе грѣховъ, а воскресеніе къ дѣйствительной жизни.

Сколько мнѣ извѣстно, въ Св. Писаніи нигдѣ не говорится, что спасенные по воскресеніи будутъ вѣчно обитать на небѣ, въ области звѣздъ или въ такъ-называемомъ эмпиреѣ. Богъ обитаетъ на небѣ; поэтому Царство Его называется небеснымъ царствомъ; но граждане этого царства жили на землѣ, и до Самуила Богъ управлялъ ими чрезъ намѣстниковъ, Моисея, Елеазара и прочихъ первосвященниковъ еврейскаго народа. Когда проповѣдь служителей Спасителя возвратитъ Евреевъ къ покорности Богу и призоветъ къ Нему язычниковъ, снова возникнетъ царство небесное; но Св. Писаніе не говоритъ, чтобы человѣкъ могъ когда-нибудь подняться въ своемъ блаженствѣ выше подножія своего Небеснаго Царя. Напротивъ, Писаніе говоритъ, что никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небеси, Сынъ человѣческій, сущій на небеси (Іоан. III, 13). Такъ и апостолъ Петръ въ доказательство вознесенія Христова приводитъ слова Псалмопѣвца: Не оставиши души моея во адѣ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія (Псал. XVI. 10), замѣчая, что они относятся не къ Давиду, а къ Христу, потому что Давидъ не возносился на небо. На это могутъ возразить, что тѣла людей дѣйствительно не восходятъ на небо до дня послѣдняго суда, но что души ихъ возносятся

туда тотчасъ по разлученіи съ тѣлами. Эта мысль, повидимому, подтверждается словами Спасителя, который, доказывая воскресеніе ссылкою на Моисея, говоритъ: А что мертвые воскресаютъ и Моисей показалъ говоря о купинѣ, когда онъ Господа называетъ Богомъ Авраамовымъ и Богомъ Исааковымъ и Богомъ Іаковлевымъ. Богъ же не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, ибо у него всѣ живы (Лук. XX, 37, 38). Если эти слова отнести къ безсмертію души, то они не будутъ доказывать того, что хотѣлъ доказать ими Христосъ, т. е. воскресенія тѣла, въ чемъ и состоитъ истинное безсмертіе человѣка. Спаситель говоритъ, что эти патріархи безсмертны, но не по свойству человѣческой природы, а по волѣ Бога, который одарилъ избранныхъ вѣчною жизнью. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и многіе другіе вѣрные люди давно умерли; но Христосъ называетъ ихъ живыми потому, что имена ихъ записаны въ книгѣ жизни; это и выражается заключительными словами Его: ибо у Него (т. е. у Бога) всѣ живы. Мы не имѣемъ права думать, чтобы душа жила на небѣ до рожденія тѣла. Св. Писаніе нигдѣ не говоритъ о безсмертіи души, а только о вѣчной жизни. Вся XIV глава книги Іова, гдѣ говоритъ онъ самъ, а не друзья его, содержитъ въ себѣ жалобу на смертность человѣка, но не отрицаетъ безсмертія по воскресеніи: Есть надежда дереву, говоритъ Іовъ, если срублено, что снова оживетъ, и отрасли отъ него выходить не престанутъ. Тогда какъ состарѣлся корень его въ землѣ, и пень его умираетъ во прахѣ, отъ вони воды *) оно даетъ отпрыски и пуститъ вѣтви, какъ новопосаженное. А человѣкъ умираетъ... и простерся, и духъ испустилъ человѣкъ, и гдѣ онъ? (Іов. XIV, 7, 8, 9, 10); и далѣе: Человѣкъ ляжетъ и не встанетъ, не пробудятся они до скончанія неба и не воспрянутъ отъ сна своего (12). Св Петръ объясняетъ смыслъ выраженія до скончанія неба: это значитъ воскресеніе: Нынѣшнія небеса и земля, говоритъ онъ, тѣмъ же словомъ содержатся и сберегаются огню на день суда и погибели нечестивыхъ человѣкъ (2 Петр. III, 17); придетъ день Господень, какъ тать ночью, и тогда небеса съ трескомъ прейдутъ, стихіи, раскалившись, растаютъ, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ (10); но мы по обѣтованію его ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда (13). Слѣдовательно, слова Іова: человѣкъ ляжетъ и не

*) Т. е. лишь почуяло воду. *Прим. архим. Макарія.*

востанетъ—значатъ, что безсмертная жизнь начнется по воскресеніи и будетъ имѣть своей причиной не человѣческую природу, а обѣтованіе.

Въ XXXV главѣ мы доказали, что Царство Божіе есть настоящее государство на землѣ, что Богъ имѣетъ въ немъ верховную власть въ силу Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и управляетъ имъ через намѣстниковъ; слѣдовательно, и царство Спасителя, когда Онъ придетъ царствовать во славѣ и величіи, будетъ также на землѣ.

Адъ. Какъ Царство Божіе, такъ и вѣчная жизнь должны осуществиться на землѣ. Мало того, по свидѣтельству Писанія, даже враги Божіи послѣ послѣдняго суда будутъ жить и мучиться на землѣ. Писаніе называетъ адомъ, по-гречески ἅδης, по-латыни infernus или inferi, то мѣсто, гдѣ люди, погребенные или поглощенные землею, пребываютъ до воскресенія. Подъ именемъ ада разумѣется вообще темное мѣсто, какъ могила, такъ и всякая глубокая яма. Но ни Ветхій, ни Новый Завѣтъ не указываютъ, гдѣ будутъ находиться отверженные по воскресеніи. Есть, правда, примѣры необычайной и чудесной смерти, которой Богъ предавалъ нѣкоторыхъ грѣшниковъ и которая состояла въ низверженіи ихъ въ какую-то бездонную пропасть, Тартаръ или Адъ; такъ погибли напр. Корей, Даѳанъ и Авиронъ, провалившіеся сквозь землю. Но разсказывая объ этихъ чудесахъ, Св. Писаніе не имѣетъ, конечно, въ виду увѣрить насъ, что въ земномъ шарѣ, который нетолько конеченъ, но въ сравненіи съ неподвижными звѣздами ничтожно малъ, заключается какой-то бездонный колодезь. Тартаръ—выдумка поэтовъ, а не ученіе Писанія; мы встрѣчаемъ его не въ Библіи, а въ греческой демонологіи (т. е. въ ученіи о демонахъ) и у Виргилія, который говоритъ:

Bis patet in praeceps tantum, tenditque sub umbras
Quantus ad aetherium coeli suspectus Olympum. (Эн. VI, 578, 579).

Но разсказъ Библіи о Коре изображаетъ просто чудесную казнь, которой Богъ предалъ его.

Конгрегація великановъ. Св. Писаніе говоритъ, что передъ потопомъ, во времена Ноя, жили такъ-называемые исполины (у грековъ — герои), происшедшіе отъ совокупленія боговъ съ людьми. Они погибли во всемірномъ потопѣ, и потому Евреи называли впослѣдствіи обитель отверженныхъ обществомъ исполиновъ: Человѣкъ, сбившійся съ пути здравомыслія, будетъ пребывать въ обществѣ исполиновъ (Притч. Сол. XXI, 16); Исполины внизу трепещутъ, воды и живущія въ нихъ (Іов. XXVI 5):—итакъ, обитель отверженныхъ находится подъ водами; Адъ преисподній тревожится для тебя, чтобы встрѣтить тебя при входѣ твоемъ; пробуждаетъ для тебя исполиновъ (Ис. XIV, 9), говоритъ Исайя о царѣ вавилонскомъ, свидѣтельствуя, что обитель отверженныхъ находится въ преисподней, т. е. подъ водами.

Огненное озеро. Города Содомъ и Гоморръ за нечестіе жителей были истреблены огнемъ и жупеломъ съ неба, и сосѣдняя страна обращена въ озеро зловонной смолы; поэтому обитель отверженныхъ часто называется въ Писаніи огнемъ и огненнымъ озеромъ: Боязливымъ же и невѣрнымъ, и сквернымъ, и убійцамъ, и любодѣямъ, и чародѣямъ, и идолослужителямъ, и всѣмъ лжецамъ часть въ озерѣ горящемъ огнемъ и сѣрою. Это есть смерть вторая (Апок. XXI, 8). Изъ всего этого очевидно, что обитель отверженныхъ не составляетъ какого нибудь опредѣленнаго мѣста, гдѣ нечестивые подвергаются мученіямъ, а есть нарицательное имя всякой погибели. Слова Евангелиста:—И смерть, и адъ ввержены въ озеро огненное. — Это есть смерть вторая (Апок. XX, 14), выражаютъ, кажется, что нечестивцы по осужденіи послѣднимъ судомъ умрутъ еще разъ въ огненномъ озерѣ, отчего онъ и называетъ эту смерть второю.

Тьма кромѣшная. Въ числѣ язвъ, постигшихъ Египетъ, была тьма: Не видѣли другъ друга три дня; и никто не вставалъ съ мѣста своего три дня: у всѣхъ же сыновъ Израилевыхъ былъ свѣтъ въ жилищахъ ихъ (Исх. X, 23). Въ честь этой язвы Евреи называли обитель отверженныхъ кромѣшной тьмой, σκότος ἐξώτερον.

Геенна и Тафеѳъ. Наконецъ, близъ Іерусалима было одно мѣсто, называемое дебрью сыновъ Еномлихъ; часть ея называлась Тафеѳъ, и здѣсь Евреи приносили жертвы идолу Молоху; здѣсь же Богъ предалъ погибели своихъ враговъ, и Іосія сжегъ жрецовъ Молоха на ихъ жертвенникахъ (4 Цар. XXIII). Это мѣсто, какъ мѣсто мученія враговъ Божіихъ, Евреи называли Геенной; сюда выбрасывалась потомъ падаль и разныя нечистоты, и для уничтоженія зловонія отъ нихъ постоянно горѣлъ огонь; поэтому оно называлось также неугасимымъ огнемъ.

Теперь никто не воображаетъ, что нечестивые будутъ вѣчно мучиться въ дебри сыновъ Еномовыхъ или будутъ низвергнуты подъ воду или въ бездонную пропасть или будутъ сидѣть въ потьмахъ безъ движенія. Все, что говорится объ этомъ въ Писаніи, имѣетъ метафорическое значеніе, и потому надо искать болѣе точныхъ указаній на мѣсто и родъ вѣчныхъ мученій.

Сатана или Дьяволъ. Что касается мучителей, то самыя названія ихъ—Врагъ или Сатана, Обвинитель или Дьяволъ, Разрушитель

или Абаддонъ, показываютъ намъ, въ чемъ состоитъ ихъ сущность. Это не собственныя имена, не названія какихъ-нибудь индивидумовъ или лицъ, а нарицательныя названія качествъ и назначеній. Впрочемъ глупцы принимаютъ эти слова діаволъ, сатана и проч. за собственныя имена и думаютъ, что подъ этими названіями существуютъ особые призраки или духи. Между тѣмъ подъ именами врага, обвинителя, разрушителя должно понимать вообще враговъ церкви Божіей. Поэтому если Царство Божіе по воскресеніи будетъ находиться на землѣ, то на землѣ же должны находиться и враги его съ своимъ царствомъ: когда Царство Божіе было среди Израильтянъ, сосѣднія языческія царства считались царствами сатаны.

Адскія муки. Адскія мученія называются то плачемъ и скрежетомъ зубовъ (Мѳ. VIII; 12); то червемъ совѣсти (Ис. LXVI, 24; Марк. IX, 44, 4 , 48); то огнемъ неугасимымъ; то вѣчнымъ стыдѣніемъ (Дан. XII, 2). Все это метафорически выражаетъ страданіе отъ зависти, отъ зрѣлища чужого вѣчнаго блаженства, утраченнаго своимъ невѣріемъ и упорствомъ въ грѣхѣ. Эта зависть доказываетъ, что завистники страдаютъ и терпятъ тѣлесныя мученія, въ томъ числѣ и вторую смерть. Св. Писаніе, обѣщая воскресеніе, не говоритъ, однако что и отверженные получатъ вѣчную жизнь. Св. Павелъ, разбирая вопросъ, въ какихъ тѣлахъ мы воскреснемъ, говоритъ: Сѣется тлѣнное, воскресаетъ нетлѣнное; сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное; сѣется немощное, воскресаетъ сильное. Сѣется тѣло душевное, воскресаетъ тѣло духовное (1 Кор. XV, 42, 43, 44). Но тѣламъ отверженныхъ, очевидно, нельзя приписывать ни славы, ни силы, ни духовности; нельзя также приписывать и второй смерти тѣмъ, кто можетъ умереть только однажды. Я знаю, что метафорически можно назвать смертью жизнь въ бѣдствіяхъ и страданіяхъ; но нельзя назвать ее второю смертью.

Огонь, приготовленный нечестивымъ, т. е. наказаніе, которое постигнетъ ихъ по воскресеніи, въ чемъ бы оно ни состояло, можетъ быть непрерывнымъ, и потому его можно назвать неугасимымъ; но изъ этого нельзя заключить, что люди, повергнутые въ этотъ огонь, будутъ вѣчно горѣть или мучиться въ немъ и что существованіе ихъ никогда не прекратится. Напротивъ, Писаніе говоритъ: Тогда отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвецовъ, которые были въ нихъ: и судимъ былъ каждый по дѣламъ своимъ. И смерть и адъ повержены въ озеро огненное. Это есть вторая смерть (Апок. XX, 13, 14).

Спасеніе. Священные писатели называютъ радости вѣчной жизни общимъ именемъ спасенія. Спастись значитъ избавиться или въ частности отъ извѣстныхъ золъ, или вообще отъ всѣхъ золъ, которымъ Адамъ никогда не подвергся бы, благодаря древу жизни, еслибы не согрѣшилъ: эти страданія—нужда, болѣзни и самая смерть. Слѣдовательно, избавиться отъ этихъ золъ значитъ тоже, что спастись отъ грѣха. Въ Св. Писаніи отпущеніе грѣховъ тождественно съ избавленіемъ отъ смерти и бѣдствій, какъ доказываютъ слова Спасителя: Дерзай чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои; и далѣе: что легче: сказать ли прощаются тебѣ грѣхи; или сказать: встань и ходи (Мѳ IX, 2, 5). Оно и понятно: если смерть и бѣдствія служатъ наказаніемъ за грѣхи, то отпущеніе грѣховъ должно отмѣнять смерть и бѣдствія, и потому спасеніе и отпущеніе грѣховъ тождественны. Вотъ почему мы называемъ Спасителемъ Христа, который своей смертью избавилъ насъ отъ грѣха.

Въ Св. Писаніи упоминаются и частные случаи спасенія. Такъ въ словахъ: Живъ Господь, спасшій Израиля (1 Цар. XIV, 39)—рѣчь идетъ о спасеніи Израильтянъ отъ враговъ ихъ, Филистимлянъ. Господи, камень мой, и утвержденіе мое, избавившій меня Богъ мой,... защитникъ мой, и рогъ спасенія моего, заступникъ Мой, и прибѣжище мое спасенія моего, отъ неправеднаго спасшій меня (2 Цар. XXI, 2, 3); И далъ Господь спасеніе Израилю: и избавилъ отъ рукъ Сирійцевъ (4 Цар. XIII, 5).

Все это понятно само собой. Зато трудно отвѣтить на вопросъ, гдѣ именно совершится спасеніе вѣрующихъ. Повидимому, оно должно совершиться на землѣ, потому что царство небесное, какъ мы уже знаемъ, имѣетъ учредиться на землѣ. Спасеніе людей предполагаетъ утвержденіе царства Небеснаго Царя, которое спасетъ насъ не бѣгствомъ, а побѣдой. Чтобы восторжествовать, намъ нужно побѣдить, а передъ побѣдой намъ предстоитъ борьба. Едвали можно предполагать, чтобы эта борьба и побѣда происходили на небѣ. По крайней мѣрѣ, вотъ что учитъ объ этомъ Св. Писаніе: Воззри на Сіонъ, градъ священныхъ собраній нашихъ: очи твои увидятъ Іерусалимъ, жилище мирное, непоколебимую скинію, столпы ея никогда не исторгнутся и не прервется ни одна вервь ея.

Ибо тамъ у насъ великій Іегова будетъ вмѣсто рѣкъ, вмѣсто каналовъ широкихъ, чрезъ которые весельное судно не пройдетъ и не возможетъ пройти корабль великій.

Ибо Іегова судія нашъ, Іегова законодатель нашъ, Іегова царь нашъ. Онъ спасаетъ насъ.

*

Ослабнутъ веревки твои, не возмогутъ удержать мачты на ея основаніи и распростирать вѣтрилъ. Тогда будетъ раздѣлена добыча великаго завоеванія: даже хромые пойдутъ на расхищеніе.

И ниодинъ гражданинъ не скажетъ: «я боленъ»; народу, живущему тамъ, будутъ отпущены согрѣшенія. (Ис. XXXIII, 20, 21, 22, 23, 24).

Въ этихъ словахъ надо замѣтить, во первыхъ, мѣсто спасенія: Іерусалимъ, градъ священный, непоколебимая скинія; во вторыхъ, Спасителя: Іегова судія нашъ, Іегова законодатель нашъ, Іегова царь нашъ; въ третьихъ, самое спасеніе:—рѣки каналы широкіе; въ четвертыхъ, состояніе спасенныхъ: ниодинъ гражданинъ не скажетъ: «я боленъ»; въ пятыхъ, состояніе враговъ: ослабнутъ веревки твои и пр.; наконецъ, все это называется общимъ именемъ отпущенія грѣховъ: будутъ отпущены согрѣшенія. Эти слова несомнѣнно говорятъ, что спасеніе совершится на землѣ, когда по пришествіи Христовомъ Богъ воцарится въ Іерусалимѣ, и что изъ Іерусалима имѣетъ выйти спасеніе народовъ. Пророкъ поясняетъ это: И представятъ всѣхъ братьевъ вашихъ, отъ всѣхъ народовъ въ даръ Іеговѣ, на коняхъ и колесницахъ, и въ крытыхъ возкахъ, и на мулахъ, и на верблюдахъ, на святую гору мою въ Іерусалимъ, говоритъ Іегова, такъ какъ сыны Израилевы приносятъ даръ въ домъ Іеговы въ чистомъ сосудѣ. Изъ нихъ буду брать также въ священники и левиты, говоритъ Іегова (Ис. LXVI, 20, 21). Изъ этихъ словъ можно заключить, что твердынею небеснаго царства, изъ которой явится спасеніе народовъ, будетъ земной городъ Іерусалимъ. Тоже подтверждаетъ, повидимому, и Спаситель въ своей бесѣдѣ съ Самаритянкой о мѣстѣ богослуженія. Спаситель сказалъ, что спасеніе отъ Іудеевъ (Іоан. IV, 22), т. е., что Спаситель явится не изъ Самаріи, а изъ Іудеи; жена отвѣчала: знаю, что пріидетъ Мессія (25). Слова Спасителя: спасеніе отъ Іудеевъ—выражаютъ ту же мысль, которую высказалъ впослѣдствіи ап. Павелъ: Ибо я не стыжусь благовѣствованія Христова, потому что оно есть сила Божія ко спасенію, всякому вѣрующему, вопервыхъ Іудею, потомъ и язычнику. Поелику въ ономъ открывается правда Божія отъ вѣры въ вѣру (Римл. I, 16, 17), т. е. отъ вѣры Іудея въ вѣру Грека. Въ томъ же смыслѣ пророкъ Іоиль, описывая судный день, говоритъ: И выставлю знаменія на небѣ и на земли, кровь, огнь и столпы дыма. Солнце превратится въ тьму, и луна въ кровь, предъ

пришествіемъ дня Іеговы великаго и страшнаго. И будетъ, что всякій, кто призоветъ имя Іеговы, спасется: ибо на горѣ Сіонѣ и въ Іерусалимѣ уцѣлѣвшіе будутъ, какъ говоритъ Іегова; и въ числѣ спасшихся бѣгствомъ будетъ тотъ, кого Іегова призоветъ (Іоил. III, 3, 4, 5); другой пророкъ говоритъ: А на горѣ Сіонѣ будетъ уцѣлѣвшее, и будетъ оно святынею; и наслѣдуетъ домъ Іакова свои наслѣдія (Авд. I, 17); далѣе, пророкъ исчисляетъ эти наслѣдія, именно гору Исавову землю Филистимлянъ, поле Ефремово, поле Самарійское, города Галаадскіе, и заключаетъ слѣдующими словами: И будетъ царство Іеговы (21). Но спрашивается, неужели Царство Божіе въ то время не принадлежало Господу? Да, Господу не принадлежало тогда то царство, которое Онъ пріобрѣлъ по завѣту, заключенному на горѣ Синайской. Когда же будетъ принадлежать Господу новое царство по завѣту? Оно будетъ принадлежать Ему, когда Спаситель придетъ съ величіемъ и славой судить живыхъ и мертвыхъ. Что же касается до царства въ эмпиреяхъ или въ какой-нибудь эѳирной области, то о немъ Св. Писаніе не упоминаетъ. Но это земное царство, о которомъ мы говоримъ, будетъ небеснымъ, потому что престолъ Царя его на небѣ.

Въ Св. Писаніи упоминается о трехъ мірахъ, а именно: о мірѣ древнемъ, настоящемъ и будущемъ. О первомъ св. Петръ говоритъ: И если не пощадилъ первоначальнаго міра, но въ осьми душахъ сохранилъ Ноя, проповѣдника правды, наведши потопъ на міръ нечестивыхъ (2 Петр. II, 5). О настоящемъ мірѣ Христосъ говоритъ: Царство мое не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36). О будущемъ мірѣ св. Петръ говоритъ: Мы по обѣтованію его ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда (2 Петр. III, 13). Это и есть тотъ міръ, въ которомъ Христосъ, сойдя на облакахъ съ неба въ могуществѣ и великой славѣ и пославъ ангеловъ, соберетъ своихъ избранныхъ отъ четырехъ вѣтровъ и отъ предѣловъ земли и будетъ вѣчно царствовать надъ ними.

Спасеніе грѣшника предполагаетъ прежде искупленіе: **Искупленіе.** согрѣшившій долженъ въ уплату за искупленіе подвергнуться наказанію; это наказаніе обязанъ понести или самъ онъ, или кто другой за него. Размѣръ этой уплаты опредѣляется требованіемъ оскорбленнаго. Въ настоящемъ случаѣ оскорбленное лице—Богъ; стало быть, искупленіе должно имѣть такую цѣну, какую Богу будетъ угодно наложить. Нанесенный вредъ можетъ быть заглаженъ или возвращеніемъ отнятаго въ прежнее положеніе, или вознагражденіемъ; но ни то, ни другое не уничтожаетъ грѣха. Однако грѣшникъ можетъ или получить отъ ос-

корбленнаго прощеніе даромъ, или искупить свой грѣхъ какимъ-нибудь наказаніемъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ обыкновенно требовалъ отъ грѣшника въ искупленіе грѣха жертвы или приношенія. Потерпѣвшій обиду имѣетъ право простить обидчика, хотя бы прежде грозилъ ему наказаніемъ. Даже у людей обязательно исполнять только добрыя обѣщанія; исполнять же угрозы, т. е., обѣщанія зла, ни для кого не обязательно, а тѣмъ болѣе, стало-быть, они не могутъ обязывать Бога, милосердіе Котораго безконечно. Спаситель для нашего искупленія принесъ удовлетвореніе Своему Отцу за человѣческіе грѣхи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы послѣ Него наказаніе грѣшниковъ сдѣлалось несправедливостью; напротивъ, Богу угодно принимать смерть Сына въ искупленіе за грѣхи только тѣхъ людей, которые изъявляютъ раскаяніе и вѣруютъ въ своего Искупителя. Вотъ почему слова: искупленіе, жертвоприношеніе, приношеніе и цѣна часто употребляются въ Св. Писаніи другъ за друга въ одномъ смыслѣ.

ГЛАВА XXXIX.

О значеніи въ Св. Писаніи слова «Церковь».

Церковь—домъ Божій. Слово Церковь употребляется въ Св. Писаніи въ различныхъ значеніяхъ. Иногда церковью называется домъ Божій, т. е. храмъ, гдѣ народъ обыкновенно собирается для общаго богослуженія: Жены ваши въ церквахъ да молчатъ (1 Кор. XIV, 34). Въ этомъ смыслѣ греческіе отцы называютъ церковь *κυριακή*, т. е. домъ Господень; отсюда Kirche, church, кирка.

Собраніе. Часто слово Ecclesia—Церковь принимается и въ своемъ этимологическомъ значеніи. Ecclesia слово греческое и значитъ собраніе вызванныхъ людей, именно собраніе гражданъ, законно вызванныхъ начальствующими лицами на общественное совѣщаніе о дѣлахъ; такое собраніе есть законная церковь. Впрочемъ иногда церковью называется и безпорядочное, мятежное собраніе гражданъ; но это церковь смущенная, ибо есть собраніе безпорядочное—*ἡ ἐκκλησία συγκεχυμένη* (Дѣян. XIX, 39).

Очевидно, стало-быть, что не можетъ быть законною та церковь, которая не созвана волею верховной власти.

Иногда церковью называется общество, члены котораго имѣютъ право вступать въ собраніе, хотя бы въ данное время въ дѣйствительности не были собраны; въ этомъ смыслѣ сказано: Савлъ терзалъ церковь (Дѣян. VIII, 3). Иногда церковью называются одни избранные: Чтобы представить ее себѣ славною церковью, не имѣющею пятна или порока (Еф. V, 27): эти слова можно относить только къ торжествующей церкви. Мы остановимся лишь на значеніи церкви въ собственномъ смыслѣ, церкви законной, имѣющей законную власть.

Въ этомъ смыслѣ о ней говорится въ слѣдующихъ словахъ: Объяви церкви: если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь (Мѳ. XVIII, 17). Въ этомъ смыслѣ церковь составляетъ лицо, способное желать, объявлять, повелѣвать, давать законы и вообще дѣйствовать. Дѣйствіе, совершенное собраніемъ людей, неимѣющихъ никакой власти, принадлежитъ въ частности каждому отдѣльному лицу, изъявившему на него согласіе, но не всему собранію, какъ одному лицу, и не тѣмъ, кто не соглашался на него. Поэтому я опредѣляю христіанскую церковь такъ: христіанская церковь есть собраніе людей, исповѣдующихъ христіанскую вѣру и соединенныхъ воедино въ лицѣ верховной власти, по повелѣнію которой они должны собираться, или не собираться. Собранія, неутвержденныя верховной властью, вездѣ признаются незаконными; стало-быть, незаконна и церковь, существующая въ государствѣ вопреки его запрещенію.

Кромѣ того, отсюда очевидно слѣдуетъ, что всеобщей церкви, которой были бы обязаны повиноваться всѣ христіане, не можетъ существовать, ибо ни одно государство не имѣетъ власти надъ всѣмъ міромъ. Въ каждомъ государствѣ христіане обязаны повиноваться его законамъ и, слѣдовательно, не должны подчиняться законамъ другаго. Но если церкви принадлежитъ власть судить, разрѣшать, осуждать или другія подобныя права, то она является тождественною съ государствомъ и составляетъ уже верховную власть, потому что всѣ люди граждане и вмѣстѣ христіане, т. е. составляютъ церковь. Ясно, стало-быть, какъ нелѣпо толковать о свѣтской и духовной власти; это различіе введено злонамѣренно, съ цѣлью поставить людей въ тупикъ, которой власти повиноваться, когда имъ указываютъ двѣ власти. Конечно, по воскресеніи человѣческія тѣла будутъ безсмертны и духовны; но въ настоящей жизни люди немощны, грубы и неспособны подчиняться иному управленію и иной религіи, кромѣ установленныхъ свѣтской государственной

властью. Никто не имѣетъ права распространять ученіе, запрещенное государствомъ. Власть свѣтская и духовная должны быть соединены въ одномъ лицѣ: иначе обѣ погибнутъ, и погибнутъ именно отъ споровъ между церковью и государствомъ, между спиритуалистами (приверженцами духовной власти) и темпоралистами (приверженцами свѣтской власти), между мечомъ правосудія и щитомъ вѣры и (что еще важнѣе) отъ внутренняго колебанія каждаго христіанина между долгомъ вѣрующаго и долгомъ гражданина. Учители церкви называются пастырями; но и правители носятъ это названіе: если одинъ пастырь не будетъ подчиненъ другому и одинъ изъ нихъ не будетъ верховнымъ пастыремъ, то народу будутъ внушаться противоположныя ученія, которыя могутъ быть оба ложны, а одно уже необходимо ложно. Выше мы показали, кто по законамъ природы долженъ быть такимъ верховнымъ пастыремъ: имъ долженъ быть тотъ, кому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, кому должно принадлежать это званіе на основаніи Св. Писанія.

ГЛАВА XL.

О правахъ Царства Божія въ Авраамѣ, Моисеѣ, первосвященникахъ и царяхъ іудейскихъ.

Верховное право Авраама. Отцомъ вѣрующихъ и первымъ членомъ Царства Божія по завѣту былъ Авраамъ. Съ нимъ первымъ былъ заключенъ завѣтъ, которымъ Авраамъ обязался за себя и за свое потомство повиноваться нетолько естественнымъ повелѣніямъ Божіимъ, но и открытымъ сверхъестественно въ снахъ и видѣніяхъ. Законы природы были для него обязательны и до завѣта: поэтому вступать о нихъ въ договоръ было излишне. Слѣдовательно, Авраамъ заключилъ съ Богомъ обязательство считать божественными заповѣдями все, что будетъ повелѣно ему во имя Господне въ снахъ или въ видѣніяхъ, и заповѣдать это и своему семейству, принудивъ его соблюдать заповѣдь.

Въ этомъ завѣтѣ слѣдуетъ замѣтить три обстоятельства, имѣвшія величайшую важность для управленія народомъ Божіимъ. Во первыхъ, при заключеніи этого завѣта Богъ говорилъ съ однимъ Авраамомъ, не договариваясь ни съ его семействомъ, ни съ его потомствомъ; стало быть, Авраамъ имѣлъ право принудить свое семейство исполнять принятое имъ за него обязательство. Согласно этому Богъ говоритъ объ Авраамѣ: **И благословятся въ немъ всѣ народы земные. Ибо Я сталъ знать его ради того, что онъ заповѣдаетъ сынамъ своимъ, и дому своему послѣ себя, ходить путемъ Господнимъ и быть добрыми и справедливыми** (Быт. XVIII, 18. 19). Изъ этого очевидно, что хотя бы Богъ не говорилъ съ людьми непосредственно, однако они должны признавать божественными всѣ законы, предписываемые имъ верховною властью, подобно тому, какъ семейство и потомство Авраама приняли ихъ отъ Авраама, своего отца и господина. Стало-быть, въ государствѣ люди, неимѣющіе сверхъестественнаго откровенія, обязаны во всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ относительно религіи повиноваться законамъ верховной власти. Я говорю: «во внѣшнихъ дѣйствіяхъ», потому что человѣческія мысли и задушевныя вѣрованія не могутъ быть извѣстны человѣческимъ правителямъ; притомъ они непроизвольны и подлежатъ только всемогуществу Божію, а не гражданскимъ законамъ, и потому не подлежатъ и обязательствамъ.

Изъ этихъ соображеній вытекаетъ второе замѣчаніе: еслибы ктонибудь изъ подданныхъ Авраама объявилъ въ оправданіе своего неповиновенія, что самъ имѣетъ видѣнія, обладаетъ духомъ или пользуется откровеніемъ, и подъ этимъ предлогомъ началъ бы проповѣдывать ученія, запрещенныя Авраамомъ, то послѣдній имѣлъ бы право наказать его и сообщниковъ его. Слѣдовательно, верховная власть и теперь имѣетъ право наказывать ослушниковъ и отрицателей государственныхъ законовъ: правительства имѣютъ теперь въ государствахъ такую же власть, какую имѣлъ тогда Авраамъ въ своемъ семействѣ.

Въ третьихъ, какъ Авраамъ одинъ изъ всего своего семейства зналъ, что сказано Богомъ; такъ и теперь одно правительство предполагается знающимъ волю Божію; т. е., ему одному принадлежитъ право толковать слова Божіи.

Власть Моисея. Тотъ же завѣтъ былъ возобновленъ съ Исаакомъ, потомъ съ Іаковомъ, наконецъ съ Моисеемъ и Израильтянами у горы Синайской, гдѣ они сдѣлались собственнымъ народомъ Божіимъ. Подъ верховной властью Бога ими управлялъ Моисей, а чтобы священническое царство не прерывалось, ему должны были наслѣдовать первосвященники.

Въ силу этого учрежденія Богъ пріобрѣлъ израильское царство въ

свою собственность. Но Моисей не получалъ отъ Авраама права повелѣвать Израильтянами, которое обязывало бы народъ признавать его намѣстникомъ Божіимъ; народъ повиновался ему только потому, что вѣрилъ его бесѣдамъ съ Богомъ; власть Моисея, хотя онъ вступилъ за Израильтянъ въ завѣтъ съ Богомъ, основывалась только на уваженіи къ его святости, на вѣрѣ въ его связь съ Богомъ и на довѣріи къ совершеннымъ имъ чудесамъ; еслибы это уваженіе утратилось, Израильтяне были бы необязаны признавать божественнымъ закономъ слова, возвѣщаемыя имъ Моисеемъ отъ имени Бога. Итакъ, надо искать другаго основанія, почему Израильтяне были обязаны повиноваться Моисею. Богъ не приказывалъ имъ повиноваться ему и говорилъ съ ними только черезъ него самого; а Христосъ говоритъ: Если я свидѣтельствую самъ о себѣ, свидѣтельство мое не есть истинно (Іоан. Ѵ, 31). Слѣдовательно, авторитетъ Моисея, подобно авторитету всѣхъ прочихъ властителей, долженъ былъ основываться на согласіи народа, который обѣщалъ повиноваться ему. Дѣйствительно, такъ и было. Весь народъ видѣлъ громы, молнію, гласъ трубный и гору дымящуюся: и видя то, весь народъ отступилъ и сталъ вдали. И сказалъ народъ Моисею: говори ты съ нами, и мы будемъ слушать; но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть (Исх. XX, 18). Эти слова выражаютъ обѣщаніе повиноваться; т. е. Израильтяне обязались исполнять всѣ повелѣнія Моисея, которыя онъ давалъ во имя Божіе.

Хотя царство, учрежденное по завѣту, было священническимъ, т. е., наслѣдственнымъ царствомъ Аарона; но учредитель его, Моисей, имѣлъ въ немъ въ свое время верховную власть, потому что учредитель всякаго государства необходимо долженъ имѣть въ немъ при учрежденіи верховную власть. Но кромѣ того, Моисей положительно удержалъ за собой верховную власть, какъ доказываетъ Св. Писаніе, говоря, что народъ обѣщалъ повиноваться ему, а не Аарону. Самъ Богъ сказалъ Моисею: Взойди ко Господу ты, и Ааронъ Надавъ, и Авіудъ, и семьдесятъ изъ старѣйшихъ Израилевыхъ, и поклонитесь Господу издали: Моисей одинъ пусть приближится ко Господу, а они чтобы не приближались, и народъ чтобы не восходилъ съ ними (Исх. XXIѴ, 1, 2). Это доказываетъ, что Моисей одинъ, безъ семидесяти старѣйшинъ, представлялъ лицо Бога и одинъ имѣлъ въ то время, власть надъ народомъ подъ верховной властью Божіей. Потомъ Моисей, и Ааронъ, и Авіудъ, и семьдесятъ изъ старѣйшинъ Израилевыхъ взошли и видѣли мѣсто стоянія Бога Израилева. Подъ ногами его нѣчто подобное работѣ

изъ чистаго сапфира, подобное самому ясному небу (Исх. XXIѴ, 9, 10). Это происходило уже послѣ бесѣды Моисея съ Богомъ и по возвѣщеніи имъ народу словъ Божіихъ. Одинъ Моисей вопрошалъ Бога о дѣлахъ народа; бывшіе съ Моисеемъ были допущены только изъ чести къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Богъ Израилевъ. Кромѣ того въ Св. Писаніи безпрестанно встрѣчается выраженіе: сказалъ Господь къ Моисею; объ Ааронѣ это говорится рѣже. Обряды религіи, излагаемые въ главахъ XXѴ, XXѴI, XXѴII, XXѴIII, XXIX, XXX и XXXI книги Исхода и во всей книгѣ Левитъ, учреждены однимъ Моисеемъ. Тельца, вылитаго Аарономъ, Моисей бросилъ въ огонь. Наконецъ въ спорѣ о власти Аарона, возникшемъ по поводу возстанія его и Маріамы противъ Моисея, самъ Богъ присудилъ верховную власть послѣднему. Корей, Даѳанъ и Авиронъ съ двумя стами пятидесятью начальниками сонма составили заговоръ противъ Моисея и Аарона; они отвергали, что Моисею принадлежитъ право власти, и говорили: Полно вамъ! все общество, всѣ святы, и среди нихъ Господь; почему же вы ставите себя выше народа Господня? (Числ. XѴI, 3); но, по волѣ Божіей, земля поглотила Корея, Даѳана и Авирона съ женами и дѣтьми живьемъ, а двѣсти пятьдесятъ начальниковъ были пожраны огнемъ. Слѣдовательно, ни Ааронъ, ни народъ, ни аристократія начальниковъ не имѣли верховной власти; она принадлежала одному Моисею, притомъ нетолько въ гражданскихъ дѣлахъ, но и въ божественныхъ. Должно также замѣтить, что Богъ опредѣлилъ наказывать смертью всѣхъ, кто возымѣетъ притязаніе взойти на гору Синай, гдѣ Богъ говорилъ съ Моисеемъ: И положи для народа черту, говоритъ Богъ, со всѣхъ сторонъ, и скажи: берегитесь восходить на гору, и прикасаться къ подошвѣ ея: всякой, кто прикоснется къ горѣ, преданъ будетъ смерти; и далѣе: И сказалъ Господь Моисею: сойди, подтверди народу, чтобы онъ не порывался къ Господу, дабы видѣть; иначе падутъ многіе изъ него (Исх. XIX, 12, 21). Изъ этихъ словъ можно заключить, что только верховный властитель можетъ быть вѣстникомъ Бога и толкователемъ Его повелѣній, и что въ толкованіи Св. Писанія никто не имѣетъ права переступать предѣловъ, положенныхъ верховною властью. Теперь Богъ говоритъ съ людьми въ Св. Писаніи, какъ нѣкогда говорилъ съ Синайской горы; но вокругъ Писанія, какъ вокругъ Синая, положена черта законами представителей Бога на землѣ. Взирать на Писаніе и поучаться изъ него страху Божію—дозволительно; но толковать его, т. е. намѣренно испытывать и изслѣдовать, что говорилъ Богъ нашимъ правителямъ, и дерзко

судить ихъ, такъ ли они управляютъ нами, какъ имъ приказано Богомъ,—значитъ переступать предѣлы, положенные Богомъ.

При жизни Моисея между Израильтянами не было ни одного пророка, который не былъ бы одобренъ Моисеемъ и не получилъ бы отъ него права пророчествовать. Въ Писаніи говорится, что тогда пророчествовали только семьдесятъ старѣйшинъ; но они пророчествовали по полномочію Моисея и были избраны имъ. Богъ говоритъ Моисею: Собери мнѣ семьдесятъ мужей изъ старѣйшинъ израилевыхъ, которыхъ ты самъ знаешь, что они старѣйшины и приставники его (Числ. XI, 16). Богъ далъ имъ духъ, согласный съ духомъ Моисея, какъ видно изъ словъ: Тогда сошелъ Господь въ облакѣ, и говорилъ съ нимъ, и взялъ отъ Духа, который на немъ, и далъ семидесяти мужамъ старѣйшинамъ (Числ. XI, 25). Это значитъ, что семьдесятъ мужей имѣли духъ самого Моисея и въ управленіи Царствомъ Божіимъ были подчинены ему. Стало-быть, въ христіанскомъ государствѣ граждане не имѣютъ права пророчествовать или учить безъ утвержденія верховной власти.

По смерти Аарона царство, бывшее священническимъ, перешло въ силу завѣта къ сыну Аарона, Елеазару, первосвященнику. Богъ, назначая Іисуса военнымъ вождемъ, объявилъ, что верховная власть принадлежитъ Елеазару: Возьми себѣ, сказалъ Господь Моисею, Іисуса сына Навина, человѣка, въ которомъ есть Духъ, и возложи на него руку твою, и поставь его предъ Елеазаромъ священникомъ, и дай ему наставленіе предъ всѣмъ обществомъ, и дай ему наставленіе предъ глазами ихъ, сдѣлай его участникомъ власти твоей, чтобы слушало его все общество сыновъ Израилевыхъ. И пусть предстанетъ предъ Елеазара священника; сей вопроситъ о немъ, посредствомъ урима, предъ Господомъ: и по его слову должны входить, онъ и всѣ сыны Израилевы съ нимъ, и все общество (Числ. XXVII, 19, 20, 21). Итакъ, первосвященнику принадлежала верховная власть какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ. Онъ имѣлъ и верховную судебную власть, потому что ему была ввѣрена на сохраненіе книга закона; судьями были только священники и левиты, какъ видно изъ XVII, 8, 9 и 10 Второзаконія. Богослуженіемъ, конечно, первосвященникъ распоряжался безусловно. Такимъ образомъ гражданская и церковная власть была соединена въ одномъ лицѣ первосвященника.

О верховной власти отъ Іисуса Навина до Саула.

О періодѣ отъ смерти Іисуса Навина до воцаренія Саула Св. Писаніе въ книгѣ Судій очень часто повторяетъ: въ то время не было царя у Израиля, иногда прибавляя: каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ. Слова: не было царя—значатъ, что у Израильтянъ не было верховной власти. Дѣйствительно, во весь этотъ періодъ у Израильтянъ не видно никакой дѣятельности верховной власти. По смерти Іисуса и Елеазара возсталъ другой родъ, который не зналъ Господа и дѣлъ Его, какія Онъ дѣлалъ Израилю. Тогда сыны Израилевы стали дѣлать злое предъ очами Іеговы, стали служить Ваалу (Суд. II, 10 11). По замѣчанію св. Павла, (I, Кор. I, 22) Евреи всегда требовали знаменій, т. е., чудесъ: такъ они просили знаменій у Моисея нетолько прежде, чѣмъ рѣшиться повиноваться ему, но и послѣ того, уже обязавшись повиноваться. Цѣль знаменій и чудесъ—возбуждать вѣру, а не сохранять ее, ибо сохранять вѣру людей обязываетъ естественный законъ. Однако, хотя дѣятельности верховной власти въ этотъ періодъ не проявлялось, но право ея оставалось за первосвященникомъ. Какъ бы ни было велико значеніе судей, которыхъ Богъ избиралъ чрезвычайнымъ образомъ для освобожденія своего народа отъ руки враговъ, но это не мѣшало первосвященнику оставаться верховнымъ властителемъ и въ политическихъ, и въ божественныхъ дѣлахъ. Судьи, въ томъ числѣ даже Самуилъ, имѣли власть чрезвычайную и временную; народъ повиновался имъ не по долгу, а изъ уваженія къ Божественной благодати, сіявшей въ ихъ мудрости, мужествѣ или счастьи. Слѣдовательно, и тутъ право гражданское было нераздѣльно съ церковнымъ.

Права еврейскихъ царей.

Судьямъ наслѣдовали цари; имъ, какъ прежде первосвященникамъ, принадлежали нераздѣльно обѣ власти, духовная и свѣтская. Народъ свергнулъ иго Божіе; первосвященникъ уже не былъ намѣстникомъ Бога. Самъ Богъ изъявилъ согласіе на перемѣну правленія. Народъ говорилъ Самуилу: Поставь надъ нами царя, дабы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ (1 Цар VIII, 5), и Богъ сказалъ Самуилу: Послушай голоса народа сего, что онъ говоритъ тебѣ: ибо онъ не тебя оскорбляетъ, а Меня, требуя, чтобы Я пересталъ царствовать надъ нимъ (7). Слѣдовательно, съ того времени, какъ израильскій народъ отвергъ Бога, подъ властью Котораго царствовали первосвященники, авторитетъ священниковъ палъ, и они не имѣли иного значенія, кромѣ того, какое давалъ имъ царь: это значеніе усиливалось или уменьшалось, смотря по тому, религіозенъ былъ царь или безбоженъ. Гражданская власть, разумѣется, вполнѣ принадлежала царю. Народъ говорилъ: И будемъ и мы какъ всѣ народы: и будетъ судить насъ царь нашъ, и поведетъ насъ, и побѣдитъ враговъ нашихъ (1 Цар. VIII, 20). Слѣдовательно, Евреи ввѣрили своимъ царямъ всю военную и гражданскую

власть. Духовная власть была частью этой верховной власти, потому что въ то время не было иныхъ религіозныхъ уставовъ, кромѣ Моисеева закона; а этотъ законъ былъ у Евреевъ гражданскимъ закономъ. Кромѣ того, извѣстно, что Соломонъ лишилъ Авіаѳара первосвященства (3 Цар. II, 27). Слѣдовательно, Соломонъ имѣлъ право распоряжаться священствомъ, и первосвященники были такими же подданными царя, какъ и остальной народъ. Стало-быть, царю несомнѣнно принадлежало главенство въ церкви. Извѣстно также, что Соломонъ самъ освятилъ храмъ, благословилъ народъ и произнесъ ту превосходную молитву, которая до сихъ поръ читается при освященіи церквей. Это также ясно показываетъ, что царь былъ главою церкви. Далѣе, когда возникъ вопросъ о книгѣ закона, найденной въ развалинахъ храма, дѣло рѣшилъ не первосвященникъ, а царь Іосія: онъ послалъ первосвященника съ нѣкоторыми другими лицами спросить объ этомъ пророчицу Олдану (4 Цар. XXII); это также доказываетъ церковное главенство царя. Наконецъ, въ Писаніи говорится, что Давидъ поставилъ Асавію и братьевъ его, Хевронитовъ, надъ собираніемъ Израиля за Іорданомъ противъ запада, на всякую службу Господню, и на дѣланіе царево (1 Парал. XXVI, 30). Другихъ Хевронитовъ постави Давидъ царь надъ Рувимомъ, и Гадомъ, и надъ половиною колѣна Манассіина (то были Израильтяне, жившіе за Іорданомъ), во всякое повелѣніе Господне и слово царево (1 Пар. XXVI, 32). Не есть ли это полная верховная власть, какъ временная, такъ и духовная, какъ называютъ ее желающіе раздѣлить ее? Церковное главенство отъ самого начала Царства Божія до плѣненія всегда было нераздѣльно съ верховной гражданской властью, и по избраніи въ цари Саула священство было не господствующимъ, а подчиненнымъ званіемъ.

Мы доказали, что верховная гражданская и церковная власть была по праву нераздѣльна; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы народъ понималъ это право. Народъ руководствуется здравымъ смысломъ только въ частныхъ дѣлахъ и повинуется правителямъ только тогда, если они творятъ передъ нимъ чудеса или если онъ видитъ въ нихъ (что стоитъ чуда) высокій умъ или необыкновенное счастье. Вотъ почему по смерти Моисея и Іисуса Евреи забыли всякое уваженіе къ первосвященникамъ и къ ихъ бѣсѣдамъ съ Богомъ, начали роптать то на свою религію, то на правленіе и перестали повиноваться властямъ; отсюда возникли смуты, мятежи и бѣдствія, наконецъ погубившіе Израильтянъ. По смерти Елеазара и Іисуса Іудеи, не видя чудесъ, не понимая, что обязываетъ ихъ къ повиновенію завѣту священническаго царства, и не уважая Моисеевыхъ законовъ, принялись дѣлать все, что каждому казалось справедливымъ, и повиновались только тѣмъ, кого считали способными освободить ихъ отъ притѣсненій сосѣднихъ народовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они перестали обращаться къ Богу и стали совѣщаться съ разными гадателями и ворожеями, начали повиноваться имъ и почитали ихъ пророками Божіими.

Наконецъ они потребовали себѣ по обычаю язычниковъ царя, однако удержали прежнее богопочитаніе и не отмѣнили левитскихъ обрядовъ. Они захотѣли отдаться подъ власть царя потому только, что отчаялись получить правосудіе отъ сыновей Самуила. Это обстоятельство доставляло имъ впослѣдствіи разные юридическіе и религіозные предлоги отказывать правителямъ въ должномъ повиновеніи. Самуилъ выразилъ народу негодованіе за его отступничество отъ Бога и за обращеніе къ царю. Когда потомъ Саулъ пренебрегъ его совѣтомъ убить, по повелѣнію Божію, Агага, онъ явно взбунтовался и помазалъ на царство другаго— Давида, который лишилъ наслѣдниковъ Саула престола. Позднѣе мятежники нашли даже религіозный предлогъ обратиться отъ вѣрующаго Ровоама къ язычнику Іеровоаму, хотя въ дѣйствительности причиной мятежа было неудовольствіе на правленіе царя. При всѣхъ позднѣйшихъ царяхъ израильскихъ и іудейскихъ безпрестанно являлись пророки, позволявшіе себѣ порицать государей нетолько за религіозные проступки, но и за гражданскія дѣйствія. Такъ пророкъ Іиуй упрекалъ царя Іосафата за то, что онъ помогъ израильскому царю въ войнѣ противъ Сирійцевъ; Исайя укорялъ Іезекію за то, что этотъ царь показалъ свои сокровища вавилонскимъ посламъ. Итакъ, цари, хотя имѣли право управлять гражданскими и духовными дѣлами, но не могли пользоваться этимъ правомъ, не встрѣчая порицаній со стороны народа. Славу пріобрѣли только тѣ цари, которые обладали или страшнымъ могуществомъ, или удивительнымъ счастьемъ. Но право царей не подлежитъ сомнѣнію; стало-быть, народъ, а главное, пророки не понимали его, и потому несправедливо отвергать права царей на основаніи примѣровъ, заимствованныхъ у невѣжественнаго народа или изъ ученія крамольныхъ пророковъ.

Во время плѣненія у Евреевъ не было государства, а по возвращеніи изъ плѣна они хотя возобновили завѣтъ съ Богомъ, но не обѣщали повиновенія ни Эздрѣ, ни кому другому. Вскорѣ они были покорены Греками; греческая демонологія въ смѣшеніи съ ученіемъ кабалистовъ значительно исказила ихъ религію; въ правленіи и религіи Евреевъ господствовалъ въ это время такой хаосъ, что нельзя составить вѣрнаго понятія о положеніи у нихъ верховной власти.

Итакъ, общій выводъ нашъ будетъ тотъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ верховная гражданская власть и духовное главенство всегда были нераздѣльно соединены въ одномъ лицѣ.

ГЛАВА XLI.

О служеніи Спасителя.

Троякое служеніе Спасителя. Спаситель является въ Св. Писаніи въ троякомъ служеніи. Во первыхъ, Онъ нашъ Искупитель или Спаситель; во вторыхъ,— Пастырь, Совѣтникъ или Провозвѣстникъ, т. е. пророкъ, посланный Богомъ для обращенія избранныхъ; въ третьихъ,— Царь, Царь Вѣчный, хотя состоящій подъ властью Своего Отца, подобно Моисею и первосвященникамъ. Этимъ тремъ сторонамъ Его служенія соотвѣтствуютъ и три эпохи. Въ первомъ своемъ пришествіи Онъ искупилъ насъ, принеся Себя на крестѣ въ жертву за наши грѣхи. Потомъ Онъ обратилъ насъ къ спасенію частью Самъ Своимъ ученіемъ, когда былъ на землѣ, частью обращаетъ теперь черезъ Своихъ служителей. По второмъ Своемъ пришествіи Онъ будетъ царствовать надъ избранными, и царству Его не будетъ конца.

Искупительное служеніе Спасителя. Служеніе Искупителя, т. е. уплата цѣны искупленія, требовало, чтобы Христосъ сдѣлался жертвой, понесъ на Себѣ наши грѣхи и тѣмъ загладилъ бы наши неправды. Не должно однако думать, чтобы смерть одного человѣка, хотя бы самаго праведнаго, могла удовлетворить строгимъ правиламъ правосудія; жертва Христа выражаетъ только, что Онъ уплатилъ ту цѣну искупленія, которую всемилосердый Богъ требовалъ по закону. Въ Ветхомъ Законѣ Богъ предписалъ очищать грѣхи Израиля, какъ народа, такъ и священниковъ, слѣдующимъ способомъ: Ааронъ долженъ былъ принести въ жертву за себя и за священниковъ тельца и, взявъ у народа два козла, одного принести въ жертву за народъ, а другаго отпустить; послѣдній назывался козломъ отпущенія. Передъ отпущеніемъ его первосвященникъ возлагалъ на него руки и, исповѣдавъ грѣхи народа, переносилъ ихъ на голову козла; потомъ, при помощи человѣка, предназначеннаго нарочно для этого дѣла, отпускалъ козла въ пустыню, чтобы онъ убѣжалъ и унесъ на себѣ грѣхи народа. Жертвоприношеніе другаго козла служило достаточной цѣной искупленія за Израиля, потому что Богъ больше не требовалъ; такъ и смерть Христа послужила удовлетвореніемъ за грѣхи всего человѣческаго рода, потому что Богъ удовольствовался ею. Утверждаютъ даже, что эти обряды съ козлами служили прообразованіемъ страданій Спасителя, и дѣйствительно, подобное прообразованіе не менѣе ясно, чѣмъ жертвоприношеніе Исаака и прочія ветхозавѣтныя прообразованія исторіи Спасителя. Въ Христѣ мы видимъ черты, прообразованныя нетолько жертвеннымъ козломъ, но и козломъ очищенія, потому что Исаія говоритъ: Онъ истязуемъ былъ, но онъ смирилъ себя и не отверзалъ устъ своихъ; какъ агнецъ веденъ былъ на заколеніе и какъ овца предъ стригущими ее безгласна; и не отверзалъ устъ своихъ (Ис. LIII, 7). Это — указаніе на жертвеннаго козла, а тотъ же пророкъ или, скорѣе, евангелистъ уподобляетъ Христа и козлу отпущенія: Онъ принялъ на себя наши болѣзни, и наши страданія на себѣ несъ; Іегова возвергъ на него вину всѣхъ насъ (Ис. LIII, 4, 6). Далѣе слова: Онъ сѣкается съ земли живыхъ за преступленія народа моего, преемлетъ казнь ихъ (Ис. LIII, 8)—опять указываютъ на жертвеннаго козла. О козлѣ отпущенія упоминается еще разъ въ словахъ: И вины ихъ на себѣ понесетъ (Ис. LIII, 11). Такимъ образомъ значенія двухъ козловъ совмѣщаются въ одномъ Агнцѣ Божіемъ, Который принесъ Себя въ жертву на крестѣ, побѣдилъ смерть, будучи своевременно воскрешонъ Отцомъ, и былъ вознесенъ съ земли живымъ.

Проповѣдь Спасителя. Но искупитель не имѣетъ на искупленнаго никакого права, пока не уплатилъ цѣны искупленія; поэтому до смерти Своей Спаситель не могъ быть царемъ искупленныхъ. Но теперь, когда искупленіе совершено, всякій крещаемый обязуется завѣтомъ, возобновляемымъ при крещеніи, повиноваться Христу, какъ царю (впрочемъ подъ верховной властью Его Отца), какъ скоро Ему будетъ угодно начать Свое царское служеніе. Вотъ почему Спаситель такъ положительно говорилъ: Царство мое не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36). Такъ какъ будущій міръ съ новой землей и новымъ небомъ возникнетъ послѣ этого міра, то очевидно, что царство Христово начнется только по воскресеніи. Спаситель сказалъ объ этомъ: Пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Отца Своего съ Ангелами Своими: и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его (Мѳ. XVI, 27). Воздавать каждому по дѣламъ его—значитъ управлять царствомъ, и потому Христосъ не будетъ царствовать, пока не пріидетъ во славѣ Отца, т. е. до всеобщаго воскресенія. Когда Христосъ говоритъ: На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи.—Все что они велятъ вамъ

наблюдать, наблюдайте и дѣлайте (Мѳ. XXIII, 2, 3), то не ясно ли, что Онъ предполагаетъ верховную власть за книжниками и фарисеями, а не за Собой? Кромѣ того Онъ сказалъ: Кто Меня поставилъ судить или дѣлить васъ (Лук. XII, 14); и еще: Я пришолъ не судить міръ, но спасти міръ (Іоанн. XII, 47). Однако Христосъ пришелъ въ міръ, чтобы царствовать и сотворить судъ надъ будущимъ міромъ. Онъ былъ Мессія, т. е. помазанный священникъ и верховный пророкъ Божій; слѣдовательно, Ему нужно было имѣть всю ту власть, которая принадлежала пророку Моисею, первосвященникамъ и преемникамъ ихъ, царямъ. Св. Іоаннъ также говоритъ: Отецъ никого не судитъ и предоставилъ весь судъ Сыну (Іоан. V, 22). Это не противорѣчитъ тексту: Я пришелъ не судить міръ. Послѣдній текстъ говоритъ о настоящемъ мірѣ, а первый — о будущемъ, подобно тому, гдѣ Христосъ сказалъ: Истинно говорю вамъ, вы послѣдовавшіе за мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ (Мѳ. XCX, 28).

Но — спросятъ, быть можетъ, — если Христосъ, живя на землѣ, не имѣлъ царства въ этомъ мірѣ, то зачѣмъ Онъ приходилъ? Онъ приходилъ для того, чтобы новымъ завѣтомъ возстановить для Бога Отца то царство, которое было отвергнуто народомъ при избраніи Саула. Для этой цѣли Ему нужно было возвѣстить людямъ проповѣдью и ученіемъ, что Онъ — Мессія, обѣщанный пророками, готовый принести Себя въ жертву за человѣческіе грѣхи, и, если Его не примутъ Іудеи, призвать къ повиновенію всѣхъ, кто увѣруетъ въ Него между язычниками. Итакъ, служеніе Спасителя на землѣ было двояко: во первыхъ, Онъ возвѣщалъ, что Онъ Христосъ; во вторыхъ, ученіемъ и чудесами убѣждалъ и приготовлялъ людей къ жизни, достойной безсмертія, которымъ будутъ наслаждаться вѣрующіе при второмъ Его пришествіи. По той-то причинѣ Онъ Самъ называетъ время своей проповѣди возрожденіемъ. Возрожденіе не царство, и, слѣдовательно, не можетъ служить основаніемъ для обязательства повиноваться возродителю. Христосъ повелѣлъ повиноваться даже тѣмъ, которые сидѣли тогда на Моисеевомъ сѣдалищѣ и платить дань цезарю. Въ то время народъ не состоялъ въ царствѣ Божіемъ; вѣрующіе имѣли только залогъ вступленія въ будущее царство Божіе, и потому это состояніе называется иногда царствомъ благодати, т. е. царствомъ небеснымъ не по обладанію, а по праву на обладаніе.

Вотъ почему Христосъ не дѣлалъ и не говорилъ ничего, что могло бы нарушить права гражданскихъ властей, еврейскихъ или цезарскихъ. Евреи ожидали пришествія Христа и возобновленія царства Божія; если

такъ, то, стало-быть, ихъ гражданскій законъ, дозволявшій это ожиданіе, не запрещалъ Христу открыть Себя по Своемъ пришествіи. Но Христосъ и не дѣлалъ ничего иного, кромѣ того, что старался проповѣдью и чудесами доказать, что Онъ есть Мессія; слѣдовательно, Онъ и не дѣлалъ ничего противнаго іудейскимъ законамъ. Царство, которое Онъ требовалъ Себѣ, находится въ иномъ мірѣ; кромѣ того Онъ училъ оказывать повиновеніе лицамъ, занимавшимъ Моисеево сѣдалище; Онъ подтверждалъ, что слѣдуетъ платить дань цезарю, и не принялъ званія судьи. Какимъ же образомъ Его слова или дѣйствія могли показаться возмутительными или направленными къ разрушенію гражданскаго правленія? Но Богъ, предопредѣлившій Его въ жертву для приведенія избранныхъ къ прежней покорности Себѣ, воспользовался для этой цѣли злобой и неблагодарностью невѣрныхъ. Что Спаситель не нарушилъ цезарскихъ законовъ, еще очевиднѣе. Хотя Пилатъ для снисканія расположенія Іудеевъ предалъ Его на распятіе, но самъ торжественно объявилъ Его невиннымъ.

Царское достоинство Спасителя.

Что касается до царскаго служенія Господа Іисуса, то мы уже показали, что царство Его начнется не прежде суднаго дня. Тогда Онъ сдѣлается царемъ нетолько какъ Богъ, но и какъ человѣкъ, въ силу новаго завѣта, заключаемаго при крещеніи. Вотъ почему Спаситель говоритъ, что Его апостолы возсядутъ на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, когда Сынъ человѣческій сядетъ на престолѣ славы своей (Мѳ. XIX, 28), и еще: Прійдетъ Сынъ человѣческій во славѣ Отца Своего съ Ангелами Своими (Мѳ. XVI, 27). Тоже находимъ и у Евангелиста Марка (XIII, 26; XIV, 62). Еще яснѣе говорится объ этомъ въ Евангеліи Св. Луки: Но Я завѣщеваю вамъ, такъ какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой, царство, да ядите и піете за трапезою Моею, во царствіи Моемъ, и сядете на престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ (Лук. XXII, 29, 30). Ясно, что царство, завѣщанное Христу Отцомъ, наступитъ не прежде, какъ когда Сынъ человѣческій придетъ во славѣ и дастъ Своимъ апостоламъ власть судить двѣнадцать колѣнъ. При этомъ можно спросить, дѣйствительно ли люди будутъ ѣсть и пить въ царствѣ небесномъ, между тѣмъ какъ тамъ нѣтъ браковъ, или что иное слѣдуетъ разумѣть здѣсь подъ ѣдою и питьемъ? Это объясняетъ намъ Спаситель: Старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческій (Іоанн. VI, 27). Слѣдовательно, ѣда и питье за трапезой Христовой означаютъ вѣчную жизнь, т. е. древо жизни, которое будетъ находиться въ царствѣ Сына человѣческаго. Эти

тексты достаточно доказываютъ, что Христосъ въ Своей человѣческой природѣ будетъ управлять Своимъ царствомъ по воскресеніи.

Но и тогда Онъ будетъ царствовать не иначе, какъ подъ верховной властью Своего Отца, подобно Моисею въ пустынѣ, первосвященникамъ до воцаренія Саула и, послѣ нихъ, царямъ. Богъ сказалъ Моисею: Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ, какъ тебя, и вложу слово Мое въ Его уста (Второз. XVIII, 18). Это сходство съ Моисеемъ обнаруживается и въ дѣйствіяхъ Спасителя. Какъ Моисей избралъ двѣнадцать начальниковъ колѣнъ, управлявшихъ народомъ подъ его властью, такъ Спаситель избралъ двѣнадцать апостоловъ, которые будутъ сидѣть на двѣнадцати престолахъ и судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ. Какъ Моисей далъ семидесяти старѣйшинамъ власть пророчествовать предъ народомъ, такъ Спаситель нашъ послалъ на проповѣдь семьдесятъ учениковъ. Какъ Моисей, когда нѣкто доносилъ ему, что въ обществѣ есть люди, которые пророчествуютъ, не принадлежа къ числу семидесяти старѣйшинъ, одобрилъ поступокъ этихъ людей; такъ Спаситель, когда Іоаннъ жаловался Ему, что нѣкто во имя Его изгоняетъ бѣсовъ, одобрилъ это, сказавъ: Не запрещайте, ибо кто не противъ васъ, тотъ за васъ (Лук. IX, 50).

Въ учрежденіи таинствъ допущенія въ царство Божіе и воспоминанія Спаситель также подражалъ Моисею и Аврааму. У Израильтянъ таинствомъ допущенія въ царство Божіе служилъ обрядъ обрѣзанія; христіане вмѣсто него имѣютъ таинство крещенія, которымъ первоначально пользовался Іоаннъ, когда принималъ въ царство Мессіи вѣровавшихъ въ пришествіе Его. Тотъ же обрядъ, по повелѣнію Спасителя, употребляли апостолы, и употребляютъ до настоящаго времени всѣ служители Христовы. Св. Писаніе не объясняетъ происхожденія этого обряда. Правдоподобно, что онъ былъ подражаніемъ Моисееву закону о прокаженныхъ. Этотъ законъ повелѣвалъ прокаженнымъ жить внѣ общества, пока священникъ не объявитъ ихъ чистыми; тогда они торжественно омывались и снова вступали въ общество; слѣдовательно, омовеніе можетъ служить прообразованіемъ крещенія, гдѣ очищенные вѣрою отъ проказы грѣха принимаются въ Церковь. Другіе выводятъ крещеніе изъ одного языческаго обряда. Но этотъ обрядъ употреблялся очень рѣдко; а именно: когда какой-нибудь мнимоумершій возвращался къ жизни, то прочіе изъ страха избѣгали его, какъ призрака, пока онъ не былъ принятъ въ человѣческое общество такимъ же способомъ, какимъ новорожденные младенцы омываются отъ родовыхъ нечистотъ. Это считалось какъ-бы новымъ рожденіемъ. Этотъ обрядъ, кажется, проникъ въ Іудею, когда надъ ней господствовали Александръ и его

преемники. Но трудно предположить, чтобы Спаситель удостоилъ чести подражанія языческій обрядъ; поэтому мнѣ кажется вѣроятнѣе, что обрядъ крещенія былъ подражаніемъ Моисееву закону. Таинство Вечери Господней, очевидно, составляетъ подражаніе древней пасхѣ Евреевъ. Вкушеніе пасхальнаго агнца служило воспоминаніемъ объ освобожденіи Израильскаго народа отъ египетскаго рабства; такъ и на Господней Вечери преломленіе таинственнаго хлѣба и возліяніе вина есть воспоминаніе объ освобожденіи человѣческаго рода Христовой смертью отъ рабства грѣху.

Власть Моисея была второстепенная власть; Моисей былъ намѣстникъ царя-Бога; такъ и Христосъ, власть котораго, какъ человѣка, равносильна власти Моисея, будетъ царствовать подъ верховной властью Отца. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слова той молитвы, которой Онъ Самъ научилъ насъ: Отче нашъ, да пріидетъ царствіе Твое; Твое есть царство и сила и слава; далѣе Его изреченіе: Ибо пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Отца Своего (Мѳ. XVI, 27); слова Св. Павла: А затѣмъ уже конецъ, когда Онъ отдастъ царство Богу и Отцу (1 Кор. XV, 24), и другіе тексты.

ГЛАВА XLII.

О церковной власти.

Чтобы понять, въ чемъ состоитъ и кому принадлежитъ церковная власть, надо раздѣлить время отъ вознесенія Христова до нашей эпохи на два періода: время до обращенія государей, когда гражданская власть преслѣдовала вѣрующихъ, и время по обращеніи ихъ. Болѣе трехъ сотъ лѣтъ протекло отъ вознесенія Христова до перваго государя, принявшаго христіанскую вѣру и дозволившаго проповѣдывать ее.

Въ первомъ періодѣ церковная власть принадлежала, какъ извѣстно, апостоламъ, а отъ нихъ перешла къ тѣмъ служителямъ Евангелія, которыхъ они поставили приводить людей къ вѣрѣ во Христа и удерживать обращенныхъ на пути спасенія. Они въ свою очередь рукополагали себѣ преемниковъ. Рукоположеніемъ они хотѣли выразить, что пере-

даютъ этимъ служителямъ Св. Духъ для распространенія и утвержденія царства небеснаго. Стало быть, возложеніе рукъ было ничто иное, какъ печать ввѣряемой власти проповѣдывать Христа и преподавать Его ученіе. Оно было введено въ подражаніе Моисею, который рукоположеніемъ поставилъ своего служителя, Іисуса Навина, вождемъ Божіихъ войскъ: И Іисусъ сынъ Навинъ исполнился духа премудрости, потому что Моисей возложилъ на него руки свои (Второз. XXXIV, 9). Спаситель сообщилъ апостоламъ Свой Духъ въ промежутокъ времени между Своимъ воскресеніемъ и вознесеніемъ, сперва дунувъ и сказавъ: Пріимите Духъ святъ (Іоан. XX. 22), а потомъ, по вознесеніи Своемъ на небо, ниспославъ на нихъ шумъ съ небеси, какъ-бы отъ несущагося сильнаго дыханія вѣтра, и явились имъ раздѣляющіеся языки, какъ бы огненные (Дѣян. II, 2, 3). Христосъ не возлагалъ на нихъ рукъ, какъ и Богъ не рукополагалъ Моисея.

Итакъ, можно считать несомнѣннымъ, что до обращенія правительствъ въ христіанство церковная власть принадлежала апостоламъ и рукоположеннымъ ими преемникамъ ихъ. Чтобы сдѣлать ихъ способными къ такой власти, имъ сообщался Св. Духъ, называемый также Утѣшителемъ или Помощникомъ.

Кардиналъ Беллярминъ въ третьей книгѣ своихъ «Религіозныхъ Споровъ» *) разбираетъ много вопросовъ относительно церковной власти римскаго первосвященника. Первый изъ этихъ вопросовъ состоитъ въ томъ, есть ли церковная власть монархическая, аристократическая или демократическая. Но все это различные виды верховной власти, и каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ принудительную власть; поэтому всѣ разсужденія Беллармина потеряютъ всякій смыслъ, если окажется, что Спаситель далъ Своимъ апостоламъ не принудительную власть, а только власть проповѣдывать Царя Христа, убѣждать людей подчиниться Его Царству и научать обращенныхъ снискивать царство небесное. Тогда мы увидимъ, что апостолы и позднѣйшіе служители Евангелія вовсе не властители наши и что правила ихъ—не законы; они только учители, и правила ихъ имѣютъ значеніе только совѣтовъ.

Въ предъидущей главѣ мы показали, что Царство Христово—не отъ міра сего; слѣдовательно, служители Его, за исключеніемъ царей, не могутъ по праву требовать себѣ повиновенія во имя Его. Если

*) Книга Беллармина называется: De controversiis fidei hujus temporis (О религіозныхъ спорахъ нашего времени). *Пр. Пер.*

самъ Христосъ, по праву котораго они требуютъ себѣ верховной власти, не имѣлъ царства въ этомъ мірѣ, то какое право имѣютъ они на власть? Христосъ говоритъ: Какъ Меня послалъ Отецъ, такъ Я посылаю васъ (Іоанн. XX, 22). Но Христосъ былъ посланъ, чтобы воззвать Іудеевъ и призвать язычниковъ въ Царство Божіе, а не для того, чтобы царствовать раньше суднаго дня.

Время между вознесеніемъ Христовымъ и общимъ воскресеніемъ никогда не называется Царствомъ, а носитъ имя возрожденія, т. е. воспитанія и приготовленія людей къ второму славному пришествію Христову, именно ко дню суда, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Спасителя: Вы послѣдовавшіе за мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ (Мѳ. XIX, 28) и изъ словъ св. Павла: Станете, препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню правды, и обувши ноги въ твердость Евангелія мира (Ефес. VI, 14, 15).

Христосъ сравниваетъ дѣло Своихъ служителей не съ охотой на дикихъ звѣрей, а съ рыбной ловлей; это значитъ, что имъ было назначено приводить людей къ покорности совѣтами и увѣщаніями, а не принужденіемъ и наказаніями. Дѣло служителей Христовыхъ—благовѣствовать, т. е. проповѣдывать Христа и приготовлять людей къ второму Его пришествію, подобно тому, какъ благовѣсть Іоанна Крестителя была приготовленіемъ людей къ первому пришествію Его.

Далѣе, обязанность служителей Христовыхъ въ этомъ мірѣ—внушать людямъ вѣру въ Христа. Но вѣра не предписывается и не навязывается силой, а внушается только убѣжденіемъ и доказательствами, основанными на здравомъ смыслѣ или на существующихъ предразсудкахъ. Слѣдовательно, служители Христовы въ этомъ мірѣ не имѣютъ власти наказывать людей за невѣріе или за противорѣчіе ихъ ученію. Какъ служители Христовы, они, повторяю, не имѣютъ принудительной власти. Но если служитель Христа вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскій правитель государства, то имѣетъ право наказывать за противорѣчіе своему ученію, изложенному въ законахъ. Св. Павелъ говоритъ о самомъ себѣ и о прочихъ проповѣдникахъ его времени: Не то сіе значитъ, будто мы беремъ власть надъ вѣрою вашею; но мы споспѣшествуемъ радости вашей (2 Кор. I, 24).

Власть, предоставленная Христомъ всѣмъ правителямъ, нетолько христіанскимъ, но и языческимъ, также доказываетъ, что служители Его не имѣютъ въ этомъ мірѣ правъ власти. Св. Павелъ говоритъ: Дѣти, будьте послушны родителямъ своимъ во всемъ: ибо

сіе благоугодно Господу; рабы, во всемъ будьте послушны Господамъ вашимъ по плоти, не въ глазахъ только служа имъ, какъ человѣкоугодники, но въ простотѣ сердца, боясь Бога (Кол. III, 20, 22). Эти слова сказаны рабамъ, у которыхъ господа были язычники; несмотря на это, апостолъ повелѣваетъ повиноваться имъ во всемъ. О повиновеніи правителямъ Св. Писаніе говоритъ: Ибо начальникъ есть слуга Божій, тебѣ на добро; если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно мечъ носитъ: онъ Божій слуга, грозный отмститель дѣлающему злое, и потому надобно повиноваться нетолько изъ страха наказанія, но и по совѣсти (Римл XIII, 4, 5); Итакъ будьте покорны всякому человѣческому постановленію для Господа, и царю, какъ верховной власти; и правителямъ, какъ отъ него посылаемымъ, для наказанія преступниковъ, и для награжденія дѣлающихъ добро, ибо такова есть воля Божія (1 Петр. II, 13, 14, 15); Напоминай имъ повиноваться и покоряться начальству и властямъ (Римл. III, 1). Всѣ начальства и власти, о которыхъ говорятъ здѣсь св. Петръ и Павелъ, были язычники. Тѣмъ болѣе, стало-быть, обязаны мы, христіане, повиноваться своимъ христіанскимъ властямъ. Имѣемъ ли мы, слѣдовательно, право повиноваться служителю Христову, если онъ повелѣваетъ или учитъ дѣлать что-нибудь противное предписаніямъ царя или вообще правительства? Очевидно, что Христосъ не далъ своимъ служителямъ никакихъ правъ власти, если они не облечены гражданскою властью.

Но, спросятъ, неужели же мы должны повиноваться, если царь, сенатъ или вообще верховная власть запретитъ намъ вѣровать въ Христа? На это я отвѣчу, что подобное запрещеніе само по себѣ нелѣпо; потому что вѣра или невѣріе не подчиняются человѣческимъ повелѣніямъ, и правительство не можетъ знать, вѣруемъ ли мы или нѣтъ, а еслибы и знало, то не могло бы измѣнить этого. Вѣра есть даръ Божій, котораго человѣкъ не можетъ ни дать, ни отнять ни наградами, ни угрозами. Но, быть можетъ, рѣчь идетъ только о томъ, слѣдуетъ ли повиноваться приказу верховной власти сказать, что мы не вѣруемъ въ Христа. Что касается до этого, то звуки человѣческаго голоса—вещь внѣшняя и не болѣе выражаютъ покорность произносящаго, чѣмъ любое другое тѣлесное движеніе. Христіанинъ имѣетъ въ этомъ отношеніи такую же свободу, какую пророкъ Елисей далъ Нееману Сиріянину. Нееманъ обратился въ сердцѣ своемъ къ Богу Израилеву и сказалъ: Не сотворитъ отселѣ рабъ твой всесожженія и жертвы богамъ инымъ, но Господу единому. По глаголу сему и о словеси семъ, и очиститъ Господь раба твоего, егда внидетъ господинъ мой въ домъ Реммановъ на поклоненіе тамо: и той почіетъ на руку моею, и поклонюся въ дому Реммани, внегда кланятися ему въ дому Реммани и очиститъ Господь раба твоего по словеси сему. Пророкъ дозволилъ ему это, сказавъ: Иди съ миромъ (4 Цар. Ѵ, 18, 19). Нееманъ въ сердцѣ вѣровалъ въ истиннаго Бога, но поклонялся Ремману и хотѣлъ казаться невѣрующимъ въ Іегову, чтобы не оскорбить своего царя. Что же послѣ того отвѣтимъ мы на слова Спасителя: Кто отречется отъ Меня предъ человѣками, отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ Моимъ, сущимъ на небесахъ (Мѳ. X, 33). Мы отвѣтимъ на нихъ, что если правитель принуждаетъ подданнаго, какъ Неемана, противъ воли отречься отъ Бога и если подданный изъ покорности отечественнымъ законамъ повинуется, то поступокъ его вмѣняется не ему, а правительству и его законамъ, и выходитъ, что не онъ, а правительство его отвергло Христа. Если кто возразитъ, что подобное ученіе несогласно съ чистымъ христіанствомъ, я спрошу его, какъ рѣшитъ онъ слѣдующій вопросъ: Положимъ, что въ христіанскомъ государствѣ живетъ мухаммеданинъ и пользуется правомъ гражданства; какъ поступить ему, если правительство, подъ страхомъ смерти, прикажетъ ему почтить истиннаго Бога въ церкви по христіанскому обряду? Обязанъ ли онъ по совѣсти скорѣе потерпѣть смерть, чѣмъ оказать повиновеніе закону своего отечества? Если мой противникъ скажетъ, что онъ долженъ умереть, то ему придется допустить, что частные граждане вольны въ религіозныхъ дѣлахъ отказывать въ повиновеніи законнымъ правительствамъ, хотя бы религія ихъ была ложная. Если же онъ скажетъ, что мухаммеданинъ обязанъ повиноваться и почтить Бога по христіанскому обряду, то не можетъ уже требовать для себя правъ, въ которыхъ отказываетъ другимъ, ибо и Спаситель сказалъ: Итакъ во всемъ какъ хотите, чтобы поступали съ вами люди, такъ и вы поступайте съ ними (Мѳ. VII, 11); да и вѣчный законъ природы повелѣваетъ дѣлать другимъ то, чего желаешь себѣ.

Что же сказать о всѣхъ мученикахъ, герояхъ исторіи церкви и другихъ легендъ? Неужели они пожертвовали жизнью напрасно? Мы замѣтимъ прежде всего, что изъ числа людей, умерщвленныхъ за религію, одни были призваны и посланы на проповѣдь и приняли на себя обязанность явно исповѣдывать Царство Христово, а другіе не были призваны и были обязаны только сами вѣрить. Первые, потерпѣвъ смерть за то, что свидѣтельствовали о воскресеніи Іисуса изъ мертвыхъ, называются мучениками въ собственномъ смыслѣ (Μάρτυρ,

martyr—свидѣтель), т. е. свидѣтелями воскресенія Христова; такими свидѣтелями могли быть только тѣ, кто лично зналъ Спасителя на землѣ или видѣлъ Его по воскресеніи, ибо свидѣтель долженъ самъ видѣть то, о чемъ свидѣтельствуетъ; иначе его свидѣтельство не имѣетъ силы. Другіе называются мучениками (свидѣтелями) Христовыми не въ собственномъ смыслѣ, какъ видно изъ словъ св. Петра: Итакъ, надобно, чтобы кто-нибудь изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда прибывалъ и обращался съ нами Іисусъ Христосъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, какъ Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его (Дѣян. I, 21, 22). Это ясно значитъ, что свидѣтель воскресенія Христова долженъ былъ лично видѣть Христа и навѣрно знать, что Онъ воскресъ: въ противномъ случаѣ этотъ свидѣтель можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что слышалъ отъ своихъ предшественниковъ, и есть уже свидѣтель свидѣтельства, т. е. свидѣтель второстепенный.

Человѣкъ, который осмѣлится нарушать гражданскіе законы изъ-за какого-нибудь ученія, которое самъ вывелъ изъ исторіи жизни Христовой, изъ дѣяній или изъ посланій апостольскихъ, или принялъ отъ другаго частнаго лица, далеко не заслуживаетъ чести называться мученикомъ Христовымъ, нетолько первостепеннымъ, но и второстепеннымъ. Единственный догматъ, смерть за который даетъ славное имя мученика, состоитъ въ томъ, что Іисусъ есть Христосъ, т. е. нашъ Искупитель, что Онъ придетъ опять и дастъ намъ вѣчную жизнь въ царствѣ небесномъ. Но мы необязаны умирать за всякій вздоръ, который проповѣдуютъ служители церкви ради своихъ выгодъ и честолюбія; званіе мученика дается не самымъ мученичествомъ, а цѣлью его; такъ какъ мученикъ первоначально значилъ свидѣтель, то уже эта этимологія доказываетъ, что сущность мученичества не въ смерти мученика, а въ томъ, о чемъ свидѣтельствуетъ эта смерть.

Замѣтимъ притомъ, что человѣкъ, непризванный проповѣдывать вышеуказанный главный догматъ христіанства, хотя бы былъ дѣйствительнымъ свидѣтелемъ дѣяній Христа, Его апостоловъ, учениковъ и ихъ преемниковъ, вовсе однако необязанъ претерпѣвать смерть ради свидѣтельства, ибо никто не поручалъ ему свидѣтельствовать; поэтому онъ не имѣетъ права жаловаться, если не получитъ ожидаемой награды за свое мученичество. Чтобы быть непосредственнымъ или второстепеннымъ свидѣтелемъ и мученикомъ Христа, мало быть даже дѣйствительнымъ очевидцемъ Его дѣяній: надо еще имѣть полномочіе и право проповѣдывать Христа, полномочіе, столь же опредѣленное и положительное, какое имѣютъ напр. миссіонеры, отправляемые Церковью къ язычникамъ. Притомъ свидѣтели нужны не вѣрующимъ, а тѣмъ, кто отвергаетъ Христово ученіе, сомнѣвается въ немъ или еще не слышалъ о немъ. Христосъ посылалъ Своихъ апостоловъ и учениковъ не къ вѣрующимъ: Онъ сказалъ имъ: Посылаю васъ какъ овецъ къ волкамъ (Матѳ. X, 16); въ противномъ случаѣ Онъ сказалъ бы: посылаю васъ какъ овецъ къ овцамъ.

Теперь посмотримъ, далъ ли Христосъ своимъ служителямъ какія-нибудь права власти надъ народомъ.

Апостолы были, во первыхъ, посланы къ погибшимъ овцамъ дома Израилева (Мѳ. X, 6). Что же было поручено имъ проповѣдывать? Проповѣдуйте, говоря: близко царство небесное (Мѳ. X, 7). Слѣдовательно, имъ было поручено возвѣщать пришествіе Христа: это дѣло не учителя, а просто глашатая, должность котораго—возглашать о приближеніи царя. Глашатай не имѣетъ никакой власти. Семьдесятъ учениковъ были высланы на жатву, какъ работники, а не какъ господа; имъ было повелѣно проповѣдывать, что приблизилось къ вамъ царство Божіе (Лук. X, 2, 9). Когда ученики Спасителя спорили между собой о достоинствѣ, Онъ убѣждаетъ ихъ, что ихъ дѣло служить, а не повелѣвать, какъ и Самъ Онъ пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы служить (Мѳ. XX, 28). Слѣдовательно, назначеніе проповѣдниковъ евангелія не учить, а служить. И не называйтесь наставниками, говоритъ Господь, ибо у васъ одинъ наставникъ, Христосъ (Мѳ. XXIII, 10).

Во вторыхъ, Господь повелѣлъ апостоломъ научать всѣ народы (Мѳ. XXVIII, 19). Дѣйствительно, ученіе и проповѣдь стоятъ между собою въ связи, потому что провозглашающіе царя съ тѣмъ вмѣстѣ научаютъ, по какому праву Онъ царствуетъ. Такъ св. Павелъ поучалъ Ѳессалоникійскихъ Іудеевъ: Павелъ по обыкновенію своему пришелъ къ нимъ и по три субботы говорилъ съ ними изъ писанія, открывая и доказывая, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ, и что сей Христосъ есть Іисусъ (Дѣян. XVII, 2, 3). Но учить на основаніи Ветхаго Завѣта, что Іисусъ есть Христосъ и что онъ воскресъ изъ мертвыхъ, вовсе не значитъ внушать вѣрующимъ повиновеніе къ учителямъ наперекоръ законамъ государства; это значитъ лишь убѣждать ихъ ожидать пришествія Христова съ терпѣніемъ, вѣрою и съ должнымъ повиновеніемъ правительству.

Въ третьихъ, Христосъ повелѣлъ апостоламъ крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мѳ. XXVIII, 19). Что такое креще-

ніе? Погруженіе въ воду. Что же значитъ это погруженіе во имя Отца, Сына и Св. Духа? Оно служитъ знакомъ возрожденія, залогомъ того, что погружаемый будетъ вѣрнымъ гражданиномъ въ Царствѣ Божіемъ, т. е. въ Царствѣ Бога Отца, Основателя церкви, Бога Сына, Искупителя церкви, Бога Духа, Освятителя церкви. Таковъ нашъ завѣтъ. Онъ не лишаетъ земныхъ царей власти до суднаго дня; апостолъ Павелъ прямо подтверждаетъ это: Какъ Адамомъ всѣ умираютъ, такъ Христомъ всѣ оживаютъ, каждый въ своемъ порядкѣ, первенецъ Христосъ, потомъ христовы, вѣрующіе въ пришествіе его. А затѣмъ уже конецъ, когда Онъ отдастъ царство Богу и Отцу, когда прекратитъ всякое начальство, всякую власть и силу (1 Кор. XV, 22, 23, 24). Такимъ образомъ, при крещеніи мы не подчиняемъ себя никакой внѣшней власти, а только обѣщаемъ направлять нашу жизнь на путь вѣчнаго спасенія сообразно съ ученіемъ апостоловъ.

Въ четвертыхъ, Христосъ далъ своимъ служителямъ власть снимать и оставлять грѣхи, т. е. вязать и рѣшить; эта власть называется также ключами царства небеснаго и стоитъ въ связи съ полномочіемъ крестить. Крещеніе есть знакъ вступленія въ царство Божіе. Вѣчная жизнь была утрачена вслѣдствіе грѣха, поэтому и пріобрѣтать ее нужно черезъ отпущеніе грѣховъ. Слѣдовательно, цѣль крещенія состоитъ въ отпущеніи грѣховъ. Св. Петръ, когда обращенные имъ въ день Пятидесятницы спрашивали его, что имъ дѣлать для полученія вѣчной жизни, отвѣчалъ: Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ (Дѣян. II, 38). Крестить—значитъ объявить, что крещенный принятъ въ царство Божіе, а отказать въ крещеніи—значитъ объявить, что человѣкъ исключается изъ царства Божія; изъ этого слѣдуетъ, что апостоламъ и ихъ преемникамъ дана власть принимать въ царство Божіе и исключать изъ него. Спаситель, дунувъ на апостоловъ, сказалъ: Примите Духъ Святой. Кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся (Іоанн. XX, 22, 23). Этими словами Онъ далъ имъ власть отпускать и удерживать грѣхи, но не просто и безусловно, какъ отпускаетъ и удерживаетъ грѣхи Богъ, Который видитъ самыя внутреннія движенія человѣческаго сердца и искренность покаянія, а условно, именно съ условіемъ, чтобы раскаяніе грѣшника было искренно. Если покаяніе притворно, то разрѣшеніе ихъ недѣйствительно и не даетъ спасенія, хотя бы разрѣшающій очень желалъ спасти грѣшника; мало того, при подобномъ условіи разрѣшеніе еще усиливаетъ грѣхъ. Слѣдовательно, апостолы и ихъ преемники, отпуская грѣхи, должны были руководствоваться только внѣшними признаками покаянія;

при существованіи такихъ признаковъ они не имѣли права отказать въ отпущеніи и не могли разрѣшить грѣховъ, если грѣшникъ ничѣмъ не проявлялъ раскаянія. Такъ и въ крещеніи. Апостолы не имѣли права ни отказать въ крещеніи обратившемуся къ вѣрѣ Іудею или Греку, ни крестить необращеннаго. Но тутъ надо замѣтить, что люди могутъ узнавать искренность покаянія другихъ людей только по внѣшнимъ признакамъ; поэтому возникаетъ вопросъ, кому быть судьей внѣшнихъ признаковъ покаянія? Самъ Христосъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: Если же погрѣшитъ противъ тебя братъ твой, поди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата твоего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, чтобы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое дѣло; если же не послушаетъ ихъ, объяви церкви; а если и церкви не послушаетъ, тогда будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь (Мѳ. XVIII, 15, 16, 17). Итакъ, право судить объ искренности покаянія принадлежало не одному человѣку, а церкви, т. е. собранію вѣрныхъ или его представителя. По окончаніи суда необходимо объявлять рѣшеніе; право объявлять рѣшеніе принадлежало апостолу или какому-нибудь пастырю, какъ представителю собранія. Въ этомъ смыслѣ должно понимать слова Христа: Что вы свяжете на земли, будетъ связано на небеси, и что разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небеси (Мѳ. XVIII, 18). И св. Павелъ говоритъ: А я отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у васъ духомъ, положилъ уже какъ бы находясь у васъ, чтобы вы сдѣлавшаго сіе, въ собраніи вашемъ во имя Господа нашего Іисуса Христа, обще съ моимъ духомъ, властью Господа нашего Іисуса Христа, предали сатанѣ (1 Кор. V, 3, 4, 5). Предать сатанѣ—значитъ извергнуть изъ церкви, потому что грѣхи этого человѣка не могутъ быть отпущены. Здѣсь Павелъ объявляетъ рѣшеніе уже принятое церковью по изслѣдованіи дѣла. Онъ говоритъ далѣе: Я писалъ вамъ въ письмѣ не сообщаться съ блудниками. Впрочемъ не вообще съ блудниками міра сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями: ибо иначе надлежало бы вамъ выдти изъ міра сего. Но я писалъ вамъ не сообщаться съ тѣмъ, кто, называясь братомъ, есть блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или злорѣчивъ, или пьяница, или хищникъ: съ таковымъ даже и не ѣсть вмѣстѣ. Ибо что мнѣ судить внѣшнихъ? Не внутреннихъ ли вамъ судить надлежитъ? (1 Кор. V, 9, 10, 11, 12). Мы видимъ здѣсь, что св. Павелъ возвѣ-

стилъ рѣшеніе, но судила церковь. Такъ было до обращенія правителей.

Эта часть церковной власти называется отлученіемъ, ἀποσυνάγωγον ποιεῖν. Этотъ обрядъ употреблялся и у Евреевъ, но, кажется, уже послѣ Вавилонскаго плѣна, ибо исторія не говоритъ, чтобы до этого времени кто-нибудь былъ извергнутъ изъ синагоги. Въ Новомъ Завѣтѣ говорится только объ отлученіи за безнравственность, производящую въ церкви соблазнъ.

До тѣхъ поръ, когда гражданская власть стала поддерживать церковное отлученіе своимъ насиліемъ, оно состояло на практикѣ только въ томъ, что вѣрующіе должны были избѣгать отлученнаго. Для отлученнаго было бы слишкомъ слабымъ наказаніемъ, еслибы церковь обращалась съ нимъ просто какъ съ язычникомъ, никогда небывшимъ христіаниномъ: поэтому вѣрующимъ строго запрещалось всякое общеніе съ нимъ, запрещалось даже ѣсть съ нимъ, тогда какъ съ язычниками это дозволялось.

Но никто не имѣлъ права исключать отлученнаго изъ собранія или синагоги помимо мѣстнаго правителя, былъ ли онъ христіанинъ или язычникъ. Право на всѣ мѣста въ государствѣ принадлежитъ верховной власти; поэтому нетолько отлученные, но и некрещенные могли входить въ синагогу, если были уполномочены на это верховной властью: такъ Павелъ до своего обращенія вошелъ въ собраніе христіанъ въ Дамаскѣ, чтобы, по повелѣнію первосвященника, схватить ихъ и, связавъ, отвести въ Іерусалимъ.

Послѣ этого понятно, что церковное отлученіе было недѣйствительно тамъ, гдѣ гражданская власть преслѣдовала церковь или не покровительствовала ей; тамъ отлученіе не имѣло на христіанъ, отпавшихъ отъ христіанской религіи, никакого вліянія; оно не могло ни вредить имъ, ни устрашать ихъ. Отпавъ отъ религіи, они тѣмъ болѣе привязывались къ свѣту и не заботились о будущей жизни и ея наказаніяхъ. Напротивъ того, если отлученіе кому-нибудь вредило въ этомъ мірѣ, то только самой церкви, потому что отлученіями она возбуждала противъ себя враговъ.

Отлученіе оказывало вліяніе только на вѣровавшихъ въ возвращеніе Іисуса Христа въ славѣ, въ грядущее царство Его и въ будущій судъ надъ живыми и мертвыми. Кто вѣрилъ въ это, тотъ, разумѣется, боялся отлученія, думая, что Христосъ исключитъ отлученнаго изъ Своего царства. Св. Павелъ сказалъ, что отлученный предается сатанѣ, ибо послѣ суднаго дня всѣ царства, внѣ Христова царства, будутъ принадлежать сатанѣ. Въ то время, когда христіанская религія еще не пользовалась покровительствомъ гражданской власти, отлученіе употреблялось для ис-

правленія только нравовъ, а не мнѣній; оно было наказаніемъ, чувствительнымъ только для вѣрующихъ и ожидающихъ втораго пришествія Спасителя. Подобные люди были истинные христіане, и если нужно было что исправлять въ нихъ, то не мнѣнія, а развѣ нравы.

Въ тѣ времена христіанинъ могъ быть отлученъ отъ церкви за несправедливость: Если же погрѣшитъ передъ тобой братъ твой, поди и обличи его между тобою и имъ однимъ. Если онъ послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата твоего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, чтобы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое дѣло; если же не послушаетъ ихъ, объяви церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь (Мѳ. XVIII, 15, 16, 17). Отлучали и за соблазнительный образъ жизни: Если кто, называясь братомъ, есть блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или злорѣчивъ, или пьяница, или хищникъ: съ таковымъ даже и не ѣсть вмѣстѣ (1 Кор. V, 11). Но ни Писаніемъ, ни примѣрами апостоловъ, ни другими авторитетами нельзя доказать, что можно отлучить человѣка, твердо соблюдающаго основной членъ вѣры: Іисусъ есть Христосъ, только за то, что онъ держится какого-нибудь мнѣнія, хотя бы несогласнаго съ ученіемъ церкви, но ненарушающаго этого основанія. Св. Павелъ говоритъ: Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся (Тит. III, 10). Но еретикомъ называется тотъ, кто, оставаясь членомъ церкви, распространяетъ ученіе, запрещенное церковью; отрицаться его—значитъ не отлучать, а перестать убѣждать его и не разсуждать съ нимъ болѣе. Тотъ же апостолъ говоритъ: Отъ глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній уклоняйся (2 Тим. II, 23), что вовсе не предполагаетъ необходимости проклинать эти состязанія. Онъ же говоритъ: Глупыхъ же изысканій и родословій, и споровъ, и распрей о законѣ удаляйся, ибо они безполезны и суетны (Тит. III, 9). Но въ св. Писаніи нельзя найти ничего, что давало бы основаніе отлучать вѣрныхъ, соблюдающихъ основанія вѣры, за какое нибудь особенное мнѣніе, принятое, можетъ быть, съ добрымъ и благочестивымъ намѣреніемъ. Увѣщанія апостола избѣгать глупыхъ и безполезныхъ препирательствъ относились только къ пастырямъ Тимоѳею и Титу, именно для того, чтобы они не увлекались пустыми спорами и не сочиняли бы новыхъ догматовъ, не обременяли бы безъ необходимости человѣческую совѣсть и не вынуждали бы людей избѣгать общенія съ цер-

вовью. Апостолы Петръ и Павелъ очень рѣзко противорѣчили другъ другу, однако не отлучали другъ друга отъ церкви.

Чтобы подвергнуть человѣка отлученію, требуется много условій. Во первыхъ, онъ долженъ быть членомъ какого-нибудь собранія, какой-нибудь христіанской законной церкви, имѣющей власть разбирать дѣла. Гдѣ нѣтъ общества, тамъ не можетъ быть и отлученія, а гдѣ нѣтъ власти разбирать дѣла, тамъ не можетъ быть и рѣшенія.

Отсюда слѣдуетъ, что одна церковь не можетъ отлучить другую. Еслибы онѣ имѣли равное право взаимно отлучать другъ друга, то отлученіе вмѣсто исправленія производило бы только расколъ. Если же одна церковь подчинена другой, то онѣ составляютъ одну церковь, и отлученію подлежатъ не церкви, а частные люди.

Итакъ, въ отлученіи всего важнѣе, чтобы общество избѣгало общенія съ отлученнымъ; поэтому верховная власть въ государствѣ не можетъ подлежать отлученію. Законъ природы обязываетъ гражданъ являться предъ верховнаго правителя по его приказу; они не имѣютъ права запретить ему входъ въ какое-нибудь священное или не священное мѣсто, принадлежащее къ его владѣніямъ. Безъ позволенія властителя граждане не должны удаляться изъ его владѣній, а тѣмъ болѣе не могутъ отказываться ѣсть съ государемъ, если онъ удостоитъ ихъ чести такого приглашенія. Что касается до взаимныхъ отношеній правителей, то они и безъ отлученія избѣгаютъ другъ друга; самое положеніе ихъ, какъ правителей разныхъ государствъ, кладетъ между ними непроходимую преграду.

Отлученіе не имѣетъ никакой силы даже надъ простымъ гражданиномъ, если онъ добрый христіанинъ и послушный подданный своего государства. Всякій духъ, который признаетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога (1 Іоан. IV, 2); кто исповѣдуетъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій, въ томъ пребываетъ Богъ и онъ въ Богѣ (1 Іоан. IV, 15). Но понятно, что человѣкъ, который есть отъ Бога, который пребываетъ въ Богѣ и въ которомъ Богъ пребываетъ, ничего не можетъ потерять отъ человѣческихъ отлученій; а кто не вѣруетъ въ этотъ догматъ, тотъ не христіанинъ.

Далѣе, нельзя запретить человѣку общеніе съ отлученнымъ отцомъ или съ отлученной матерью. Это все равно, что запретить ѣсть, потому что дѣти большею частью питаются на счетъ родителей; кромѣ того, это равносильно запрещенію повиноваться родителямъ и господамъ, а такое запрещеніе противно апостольской заповѣди.

Вообще нельзя распространять право отлученія дальше предѣловъ, поло-

женныхъ въ повелѣніяхъ Христа апостоламъ и пастырямъ. Предѣлы эти состоятъ въ томъ, чтобы они не властвовали и не насильствовали, а учили и указывали бы пути къ спасенію въ будущемъ мірѣ. Здѣсь, какъ во всякой наукѣ, учитель можетъ бросить ученика, пренебрегающаго его правилами, но не можетъ обвинить его въ несправедливости, потому что ученикъ никогда не принималъ въ отношеніи его никакихъ обязательствъ. Проповѣдникъ христіанства можетъ покинуть ученика, который упорно продолжаетъ вести жизнь, недостойную христіанина, но не можетъ осуждать его. Если учитель жалуется на своеправіе ученика, ему можно отвѣтить словами Бога на подобную жалобу Самуила: не тебя оскорбляютъ, а Меня (1 Цар. VIII, 7). Слѣдовательно, если отлученіе происходитъ отъ лица, необлеченнаго гражданскою властью, то его нечего бояться; оно также безцѣльно, какъ отлученіе одного верховнаго правителя другимъ. Высокопарное выраженіе «громы отлученія» выдумано испорченнымъ воображеніемъ какого-нибудь римскаго епископа, который, считая себя царемъ царей, пустился въ подражаніе языческимъ поэтамъ, говорившимъ о громахъ Юпитера. Эти нелѣпыя представленія возникли изъ двухъ важныхъ заблужденій: во первыхъ, думали, что царство Христово относится къ настоящему міру, вопреки словамъ самого Христа: царство мое не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36); во вторыхъ, римскій епископъ захотѣлъ быть намѣстникомъ Христа и верховнымъ властителемъ не только надъ своими подданными, но и надъ всѣми прочими христіанами; мы докажемъ ниже, что это желаніе далеко не оправдывается Св. Писаніемъ и совершенно несправедливо.

Теперь перейдемъ къ толкователямъ Писанія. Св. Павелъ, въ бытность въ Ѳессалоникахъ, входитъ въ тамошнюю іудейскую синагогу и по три субботы говорилъ съ ними изъ Писанія, открывая и доказывая, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ, и что сей Христосъ есть Іисусъ (Дѣян. XVII, 2, 3). Книги, на которыя онъ ссылался, были святое еврейское писаніе, т. е. Ветхій Завѣтъ. Люди, которымъ онъ доказывалъ, что Іисусъ есть Христосъ и что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, были также Іудеи и признавали Писаніе словомъ Божіимъ: нѣкоторые изъ нихъ увѣровали (Дѣян. XVII, 4), а другіе не повѣрили. Всѣ они одинаково вѣрили Писанію, но не всѣ повѣрили Павлу: отъ чего зависѣло это, какъ не отъ разногласія въ толкованіи Писанія? Одни приняли толкованіе св. Павла, а другіе толковали Писаніе по своему. Почему же такъ вышло? Потому что св. Павелъ явился къ нимъ безъ повелѣнія правительства, пришелъ, какъ частный человѣкъ, не повелѣвать, а убѣждать. Чтобы

убѣдить, ему было необходимо или творить чудеса, подобно тому, какъ Моисей въ Египтѣ доказалъ Израильтянамъ свою власть, или разсуждать съ ними въ синагогѣ на основаніи Писанія, признаваемаго Іудеями, и подтверждать истину своего ученія Словомъ Божіимъ. Но разсуждая на основаніи началъ, изложенныхъ въ Писаніи, мы необходимо дѣлаемъ нашего собесѣдника судьей этихъ началъ. Еслибы ѳессалоникійскіе Евреи не могли судить о словахъ Св. Писанія, которыя приводилъ имъ св. Павелъ, то къ чему послужили бы разсужденія апостола? Если онъ одинъ могъ судить о значеніи текстовъ Писанія, ему не было бы надобности пускаться въ разсужденія, а довольно было бы сказать: «вотъ что написано въ вашемъ законѣ, и это значитъ то-то; это говорю вамъ я, котораго самъ Богъ поставилъ истолкователемъ.» Но такъ какъ апостолъ разсуждалъ съ Евреями и убѣждалъ ихъ, то, стало быть, его толкованіе не было закономъ, а просто частнымъ мнѣніемъ, и ѳессалоникійскіе Евреи не были обязаны непремѣнно удовлетвориться имъ; всякій изъ нихъ имѣлъ право вѣрить или не вѣрить апостолу, смотря по тому, казалось ли ему его мнѣніе доказаннымъ или недоказаннымъ. Вообще надо признать общимъ правиломъ, что, предпринимая доказывать что нибудь, мы дѣлаемъ собесѣдника судьей нашего доказательства.

Разсуждать по Св. Писанію для обращенія язычниковъ, которые презирали и самихъ Евреевъ, и Писаніе ихъ, было бы совершенно напрасно. Поэтому апостолы опровергали ихъ идолопоклонство оружіемъ здраваго смысла, почерпая доказательства изъ природы, потомъ, опровергнувъ ихъ ложную религію, старались привести ихъ къ вѣрѣ въ Христа посредствомъ свидѣтельства, представляемаго жизнью и воскресеніемъ Христа. Слѣдовательно, здѣсь не могло быть и спора о томъ, кому принадлежитъ право толковать Писаніе; невѣрующіе язычники были необязаны принимать толкованій какихъ бы то ни было писаній, кромѣ правительственнаго толкованія своихъ гражданскихъ законовъ.

Посмотримъ теперь, не обязывало ли самое обращеніе принимать какое-нибудь толкованіе Писанія. Обращаемые обращались ни къ чему иному, какъ къ вѣрѣ въ ученіе, которое проповѣдывали апостолы. Апостолы же проповѣдывали только, что Іисусъ есть Христосъ, т. е. царь, который спасетъ людей и будетъ царствовать надъ ними въ будущемъ мірѣ; что, слѣдовательно, Онъ не умеръ, а воскресъ изъ мертвыхъ и придетъ опять судить міръ и воздать каждому по его дѣламъ. Но никто изъ нихъ не проповѣдывалъ, что всѣ, желающіе быть истинными христіанами, обязаны удовлетворяться ихъ толкованіями Св. Писанія. Право толковать законы принадлежитъ царствующимъ; но апо-

столы не царствовали; напротивъ того, они, а за ними и всѣ пастыри, просили тогда: да пріидетъ царство небесное—и убѣждали обращенныхъ язычниковъ повиноваться своимъ властямъ. Новый Завѣтъ еще не былъ обнародованъ въ полномъ своемъ составѣ. Всякій евангелистъ толковалъ только свое евангеліе и всякій апостолъ—только свои посланія. О Ветхомъ Завѣтѣ Христосъ говорилъ Евреямъ: Изслѣдуйте писанія, ибо вы сами думаете имѣть чрезъ нихъ жизнь вѣчную, а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ (Іоан. V, 39). Это ясно значитъ, что онъ хотѣлъ, чтобы они сами толковали Писаніе.

Въ случаѣ какого-нибудь затрудненія, апостолы и пресвитеры обыкновенно собирались и рѣшали, что проповѣдывать, чему учить и какъ толковать Писаніе народу; но они никого не лишали свободы читать Писаніе и понимать его по своему. Они писали въ назиданіе церквамъ посланія и другія сочиненія; они не дѣлали бы этого, еслибы церкви не имѣли права толковать ихъ слова. Если толкованіе Писанія было дозволено людямъ во время апостоловъ, то не слѣдуетъ и теперь запрещать его, пока цари не сдѣлаются учителями или учители царями; тогда, конечно, они могутъ узаконить извѣстное толкованіе или извѣстнаго толкователя.

Писаніе можетъ называться каноническимъ въ двоякомъ смыслѣ. Канонъ есть правило, а правило есть заповѣдь, служащая руководствомъ въ дѣйствіяхъ. Хотя бы заповѣдь давалась учителемъ ученику или совѣтникомъ просящему совѣта и хотя бы принудительная власть не заставляла исполнять ее, она все таки остается канономъ, потому что составляетъ правило для руководства. Но если заповѣдь дается законной властью, то она уже нетолько канонъ, а законъ. Стало быть, все дѣло теперь въ вопросѣ, кто властенъ обращать Писаніе въ законъ?

Десятисловіе есть часть Писанія, обращенная въ законъ. Раньше его не было писаннаго закона Божія, потому что Богъ еще не избралъ себѣ особеннаго народа и не давалъ еще людямъ иныхъ законовъ, кромѣ естественныхъ. Десятисловіе состоитъ изъ двухъ таблицъ. Первая содержитъ уставъ царскаго права Бога. Именно, во первыхъ, повелѣніе народу не почитать языческихъ боговъ и не служить имъ: да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене (Исх. XX, 2). Этими словами запрещается повиноваться или воздавать честь иному царю или правительству, кромѣ Того, Который говорилъ съ Евреями чрезъ Моисея. Во вторыхъ, народу запрещалось творить себѣ кумиры, т. е. не выдумывать себѣ верховныхъ существъ собственнаго воображенія и повиноваться одному Моисею. Въ третьихъ, народъ не долженъ былъ при-

*

нимать имя Господа Бога всуе, т. е. говорить о своемъ царѣ необдуманно и оспаривать Его царское право или повелѣнія Моисея. Въ четвертыхъ, ему повелѣвается не работать по седьмымъ днямъ и посвящать ихъ богослуженію. Вторая таблица содержитъ уставъ взаимныхъ обязанностей гражданъ, какъ то: чти родителей, не убій, не прелюбы сотвори, не украдь; не вреди правосудію ложнымъ свидѣтельствомъ, не пожелай даже въ сердцѣ твоемъ нанести какую-нибудь обиду ближнему. Теперь спрашивается: кто далъ обязательную силу этимъ заповѣдямъ? Несомнѣнно, что законами сдѣлалъ ихъ Самъ Богъ. Но извѣстно, что люди необязаны повиноваться закону, если не знаютъ, кѣмъ онъ данъ, царемъ или нѣтъ; почему же израильскій народъ былъ обязанъ повиноваться законамъ Моисея? Вѣдь мы знаемъ, что ему было запрещено приступать къ Синайской горѣ и слушать, что Богъ говоритъ Моисею? Въ отвѣтъ на это надо сказать, что половина этихъ законовъ, именно вторая таблица, содержитъ въ себѣ естественные, вѣчные, божественные законы, которые сами по себѣ имѣютъ обязательную силу. Относительно первой таблицы отвѣтъ, можетъ быть, былъ бы труднѣе, еслибы народъ самъ не обязался повиноваться Моисею въ слѣдующихъ словахъ: Говори ты съ нами, и да не говоритъ съ нами Богъ, чтобы намъ не умереть (Исх. XX, 19). Такимъ образомъ для израильскаго государства десятисловіе сдѣлалъ закономъ Моисей, а послѣ него эта власть принадлежала первосвященникамъ, бывшимъ верховными властителями государства. Итакъ, во всякомъ случаѣ право узаконять Писаніе принадлежало верховной государственной власти.

Даже всѣ судебные законы, т. е. законы, предписанные Богомъ израильскимъ сановникамъ относительно судебнаго вѣдомства и разбора тяжбъ, и законъ левитскій, т. е. предписанныя Богомъ правила относительно обрядовъ и церемоній богослуженія, были даны Моисеемъ и составляли законы потому, что Іудеи обѣщали повиноваться Моисею, который имѣлъ у нихъ верховную гражданскую власть.

Когда Израильтяне пришли изъ страны іерихонской въ область моавитскую и готовились вступить въ обѣтованную землю, Моисей прибавилъ къ прежнимъ законамъ другіе, которые называются Второзаконіемъ, т. е. вторыми законами, и о которыхъ говорится: Вотъ слова завѣта, который Господь повелѣлъ Моисею поставить съ сынами израилевыми въ землѣ Моавитской кромѣ завѣта, который Господь поставилъ съ ними на Хоривѣ (Второз. XXIX, 1). Объяснивъ въ началѣ книги Второзаконія первые законы, Моисей дополняетъ ихъ этими вторыми, изложеніе которыхъ начинается въ

XII главѣ и оканчивается въ XXVI главѣ книги. Это тѣ законы, которые было повелѣно начертать на камняхъ при переходѣ чрезъ Іорданъ, которые были написаны потомъ на свиткѣ самимъ Моисеемъ и переданы израильскимъ священникамъ и старѣйшинамъ для храненія въ ковчегѣ завѣта; израильскимъ царямъ велѣно было имѣть экземпляры этого закона; впослѣдствіи онъ былъ долго затерянъ и наконецъ найденъ въ храмѣ въ царствованіе Іосіи, который опять велѣлъ признавать его закономъ Божіимъ. Какъ Моисей, написавшій этотъ законъ, такъ и Іосія, возстановившій его, оба обладали верховной гражданской властью.

До возвращенія изъ плѣна Израильтяне не имѣли другой книги закона, кромѣ этой. Пророки за немногими исключеніями жили во время плѣна; пророчества ихъ далеко не считались законами; лжепророки и цари даже преслѣдовали и истязали истинныхъ пророковъ. При взятіи Іерусалима, Второзаконіе, найденное и признанное закономъ царемъ Іосіей, было снова потеряно со всѣми прочими священными книгами, какъ видно изъ словъ: Понеже законъ твой сожженъ есть, того ради никто же знаетъ, яже отъ тебе сотворена суть, или яже начнутся дѣла (2 Эздр. XIV, 21). Съ того времени, какъ въ первый разъ затерялась книга закона (Св. Писаніе не означаетъ времени этого событія, но, кажется, это случилось при Ровоамѣ, когда египетскій царь Сусакимъ ограбилъ храмъ) до Іосіи, когда она была найдена, Евреи вовсе не имѣли писаннаго слова Божія; ими управляли цари по своему усмотрѣнію или по совѣтамъ лицъ, почитаемыхъ пророками.

Такимъ образомъ нынѣшнее наше Св. Писаніе у Евреевъ не было каноническимъ; оно не было и закономъ, пока Евреи не возобновили при Эздрѣ своего завѣта съ Богомъ, по возвращеніи своемъ изъ плѣна въ Іудею. Съ этого времени оно всегда считалось закономъ, было переведено на греческій языкъ семидесятью іудейскими учеными и положено для храненія въ александрійскую библіотеку. Эздра былъ первосвященникъ и, слѣдовательно, верховный правитель Евреевъ. Стало быть, и тутъ Св. Писанію давалъ силу закона никто иной, какъ государь.

Изъ сочиненій древнихъ отцевъ, жившихъ до Константина Великаго, извѣстно, что христіане считали тогда Новый Завѣтъ произведеніемъ Св. Духа и потому признавали его правиломъ вѣры: такъ высоко уважали они своихъ учителей. Такъ писанія св. Павла и другихъ апостоловъ къ основаннымъ ими церквамъ признавались этими церквами и другими людьми, которыхъ апостолы обращали въ христіанство, за истинное христіанское ученіе. Но въ томъ-то и дѣло, что принятіе этихъ писаній зависѣло не отъ власти учителей, а отъ вѣры слушателей;

стало-быть, не апостолы возводили Новый Завѣтъ въ законъ, а каждый обращенный самъ ставилъ его себѣ въ законъ.

Но вопросъ не въ томъ, что вмѣнялъ самъ себѣ каждый христіанинъ въ канонъ или въ законъ; это неважно уже потому, что каждый былъ воленъ отвергнуть законъ, который самъ себѣ поставилъ. Дѣло въ томъ, отчего Писаніе сдѣлалось для людей такимъ закономъ, котораго они не могутъ преступить безъ нарушенія справедливости. Закономъ въ этомъ смыслѣ Новый Завѣтъ не могъ быть до Константина Великаго, потому что это противорѣчило бы сущности закона. Законъ, какъ я часто говорилъ выше, есть повелѣніе верховнаго правительства, которому въ государствѣ исключительно принадлежитъ право издавать законы и наказывать ихъ нарушителей. Если кто-нибудь кромѣ правительства предписываетъ гражданамъ какія нибудь правила, то правила эти не законы, а совѣты, которые могутъ не соблюдаться безъ нарушенія справедливости и не взирая на то, хороши они или худы; съ другой стороны, они не могутъ быть приняты безъ нарушенія справедливости, если противорѣчатъ существующимъ законамъ государства, также не взирая на то, хороши они или дурны. Вообще нельзя безъ нарушенія справедливости слѣдовать совѣтамъ, которые противны гражданскимъ законамъ, хотя можно, сколько угодно вѣрить частнымъ учителямъ, уважать ихъ и желать, чтобы ученіе ихъ было дозволено закономъ. Внутреннее убѣжденіе неуловимо и потому изъято отъ человѣческаго суда. Спаситель, сказавъ, что царство Его не отъ міра сего, что Онъ пришелъ не судить, а спасти міръ, тѣмъ самымъ подчинилъ насъ всякимъ гражданскимъ законамъ, какъ положительно подчинилъ Евреевъ Моисеевымъ законамъ, объявивъ, что пришелъ не разорить, а исполнить ихъ (Мѳ. Ѵ, 17). Итакъ, Христосъ и Его апостолы принесли намъ не новый законъ, обязательный для насъ въ этомъ мірѣ, а лишь новое ученіе для приготовленія насъ къ будущему міру. Новый Завѣтъ, въ которомъ содержится это ученіе, не былъ закономъ, пока властители и законодатели не повелѣли соблюдать его; до этого онъ былъ только вѣрный совѣтъ, указывавшій людямъ путь къ спасенію; всякій могъ принять или отвергнуть его съ опасностью для своего спасенія, но безъ нарушенія справедливости.

Далѣе, Спаситель повелѣлъ апостоламъ и ученикамъ своимъ проповѣдывать приближеніе царства Божія, учить всѣ народы и крестить вѣрующихъ, отрясать съ своихъ ногъ прахъ того города, который не приметъ ихъ, но не призывать огонь съ неба на пагубу невѣрующихъ и не принуждать мечомъ къ вѣрѣ во Христа. Это не властители, а совѣтники. Христосъ послалъ ихъ какъ овецъ къ волкамъ, а не какъ

царей къ подданнымъ. Имъ было поручено не повелѣвать, а повиноваться существующимъ законамъ и учить другихъ повиновенію. Слѣдовательно, апостолы не могли дать своему ученію силу закона безъ согласія верховныхъ властей. Новый Завѣтъ могъ имѣть силу закона только тамъ, гдѣ былъ возведенъ въ законъ верховною гражданскою властью. Правители, подчиняясь этому закону, подчинялись не обратившему ихъ апостолу или учителю, а непосредственно самому Богу и Сыну Его, Іисусу Христу.

Можетъ показаться, что рѣшенія христіанскихъ соборовъ могли доставить Новому Завѣту значеніе закона, даже пока Церковь еще не пользовалась покровительствомъ гражданской власти. Постановленія апостольскаго собора начинаются такъ: Благоугодно было Духу Святому и намъ, чтобы никакого болѣе бремени не возлагать на васъ, кромѣ сихъ необходимыхъ обязанностей (Дѣян. XѴ, 28). Это какъ будто доказываетъ нѣкоторую власть налагать на вѣрующихъ бремя, т. е. обязывать ихъ; изъ этого многіе заключаютъ, что постановленія этого собора имѣли силу законовъ. Но они были законами не болѣе, чѣмъ заповѣди: покайтесь, креститесь, соблюдайте заповѣди, вѣруйте въ Евангеліе, грядите по мнѣ (Мѳ. IѴ, 9); все, что имѣешь, продай раздай нищимъ, и иди за мной (Лук. XѴIII, 22). Все это не повелѣнія, а призывъ людей къ христіанству, подобно словамъ Исайи: О вы, жаждущіе, всѣ идите къ водамъ, и вы, у коихъ нѣтъ сребра, прійдите купите и ядите; итакъ, идите, покупайте безъ сребра и безъ денегъ вино и млеко (Ис. LѴ, 1). Апостолы имѣли не больше власти, чѣмъ Самъ Христосъ; они могли только приглашать въ царство Божіе, о которомъ сами проповѣдывали, что оно принадлежитъ не настоящему, а будущему времени; но кто въ данное время не царствуетъ, тотъ не можетъ и давать законовъ. Кромѣ того, если бы постановленія тогдашнихъ соборовъ были законами, то отказывать имъ въ повиновеніи было бы грѣхомъ. Но нигдѣ не говорится, чтобы люди, не хотѣвшіе принять Христова ученія, совершали этимъ самымъ грѣхъ; говорится только, что они умерли въ своихъ грѣхахъ, т. е. что имъ не были отпущены ихъ грѣхи противъ законовъ, которымъ они были обязаны повиноваться, а именно, противъ законовъ природы и противъ гражданскихъ законовъ. Итакъ, тягости, которыя, какъ говорится въ Писаніи, апостолы возлагали на вѣрующихъ, были не законы, а условія, которыя предлагались ищущимъ спасенія и которыя всякій могъ по произволу принять или отвергнуть безъ новаго грѣха, хотя съ опасностью быть исключеннымъ изъ царства Божія за прежніе грѣхи. Вотъ почему Св. Іоаннъ говоритъ, о невѣр-

ныхъ, что гнѣвъ Божій не придетъ, а пребываетъ на нихъ, и что они не будутъ осуждены, а уже осуждены (Іоан. III, 18). Притомъ могла ли бы вѣра давать отпущеніе грѣховъ, еслибы вредъ, происходящій отъ невѣрія, не состоялъ именно въ неотпущеніи грѣховъ?

Для чего же, спросятъ, быть можетъ, собирались апостолы и пастыри Церкви разсуждать, чему учить народъ, если рѣшенія ихъ ни для кого не были обязательны? Нѣтъ, рѣшенія ихъ были обязательны именно для нихъ самихъ: апостолы и пресвитеры, присутствовавшіе на соборѣ, обязывались учить, какъ постановитъ соборъ, если только гражданскіе законы не обяжутъ ихъ къ противному. Цѣлью ихъ собранія было не издать какое-нибудь повелѣніе, а рѣшить для самихъ себя, чему поучать; повелѣній они не могли издавать, не имѣя законодательной власти. Всѣ люди обязаны считать Слово Божіе закономъ; но никто необязанъ признавать Словомъ Божіимъ все, что объявляется во имя Божіе людьми; нельзя также распространять ученіе, противное гражданскимъ законамъ, соблюдать которые повелѣлъ Самъ Богъ.

Если даже постановленія апостольскихъ соборовъ не были законами, то тѣмъ болѣе нельзя считать законами постановленія другихъ соборовъ, происходившихъ также помимо гражданской власти. Св. Писаніе, хотя совершеннѣйшее руководство христіанскаго ученія, не могло однако обратиться въ законъ безъ согласія верховныхъ правителей.

Неизвѣстно, на какомъ соборѣ Св. Писаніе въ первый разъ получило каноническое значеніе. Собраніе апостольскихъ каноновъ приписывается Клементу, первому римскому епископу послѣ Петра; но это до настоящаго времени составляетъ предметъ спора. Хотя въ этомъ собраніи перечисляются св. книги, но слова: вы, клирики и міряне, должны уважать книги и пр.—указываютъ уже на различіе между клириками и мірянами, чего въ то время еще не могло быть.

Во время апостоловъ церковныя должности раздѣлялись на учительскія и служебныя. Учительскою должностью было проповѣданіе евангелія, совершеніе таинствъ и богослуженія вообще, наставленіе обращенныхъ въ правилахъ вѣры и благочестія. Служебной была должность діаконовъ, т. е. лицъ, управлявшихъ мірскими дѣлами церкви въ то время, когда христіане кормились на добровольныя приношенія вѣрующихъ, составлявшія общее достояніе.

Первой и величайшей изъ учительскихъ должностей было апостольство. Апостоловъ было первоначально двѣнадцать; всѣ они были избраны и поставлены Самимъ Христомъ. Ихъ должность состояла въ томъ, чтобы проповѣдывать, учить, крестить и съ опасностью жизни свидѣтельствовать о воскресеніи Христовомъ. Это свидѣтельство было

особеннымъ и существеннымъ признакомъ апостольства. Поэтому, когда надлежало избрать апостола на мѣсто Іуды Искаріотскаго, св. Петръ сказалъ въ собраніи: И такъ надобно, чтобы кто нибудь изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, какъ Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его (Дѣян. I, 21, 22). Слѣдовательно, апостолу было необходимо свидѣтельствовать о воскресеніи Христовомъ.

Изъ апостоловъ Матѳій былъ поставленъ не Самимъ Христомъ. Онъ былъ избранъ слѣдующимъ образомъ: въ Іерусалимѣ собралось около ста двадцати христіанъ; они указали два лица, Матѳія и Іосифа, и рѣшили избрать одного изъ нихъ въ апостолы по жребію. Жребій палъ на Матѳія, и онъ былъ причисленъ къ апостоламъ. Стало быть, право избирать въ апостолы принадлежало Церкви, а не Петру и прочимъ апостоламъ.

Послѣ Матѳія были избраны въ апостолы Павелъ и Варнава; ихъ избраніе описывается такъ: Въ Антіохійской церкви находились нѣкоторые пророки и учители: Варнава, Симеонъ, называемый Нигеръ, и Луцій Киренеянинъ, Манаилъ, совоспитанникъ четверовластнику Ироду, и Савлъ. Когда они пребывали въ служеніи Господу и въ постѣ, Духъ Святой сказалъ: отдѣлите Мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому Я призвалъ ихъ. Тогда они, совершивъ постъ и молитву, возложили на нихъ руки и отпустили ихъ (Дѣян. XIII, 1, 2, 3).

Такимъ образомъ, хотя Павелъ и Варнава были избраны Св. Духомъ, но призваны антіохійскою церковью. Они были призваны именно къ апостольскому служенію: это видно изъ того, что оба называются апостолами (Дѣян. XIV, 14). Они были апостолами именно въ силу этого призванія, что ясно показываетъ св. Павелъ, называя себя апостоломъ избраннымъ (ἀφωρισμένος — отдѣленнымъ) на благовѣстіе Божіе, и намекая этимъ на слова Св. Духа: отдѣлите (ἀφορίσατε) Мнѣ Варнаву и Савла. Но апостолъ долженъ былъ свидѣтельствовать о воскресеніи Христа; поэтому можетъ показаться страннымъ, какъ могъ свидѣтельствовать объ этомъ св. Павелъ, который никогда не видалъ Спасителя. На это легко отвѣтить, что Самъ Христосъ по своемъ вознесеніи являлся Павлу съ неба и избралъ его пронести Свое имя къ народамъ, царямъ и сынамъ израилевымъ. Увидавъ воскресшаго Господа, Павелъ сдѣлался способенъ свидѣтельствовать о воскресеніи. Варнава же былъ непосредственнымъ ученикомъ Христа.

Епископомъ (т. е. инспекторомъ или надзирателемъ) называлось вообще управляющее лицо, а въ частности пастырь или стражъ овецъ; метафорически это слово употребляется для обозначенія царя или иного правителя, управляющаго посредствомъ законовъ или даже посредствомъ ученія. Каждый апостолъ былъ епископомъ; поэтому апостольство Іуды названо епископствомъ (Дѣян. I, 20). По учрежденіи пресвитеровъ они также назывались епископами. Тимоѳей былъ пресвитеромъ и вмѣстѣ епископомъ. Св. Іоаннъ, бывшій нетолько епископомъ, но и апостоломъ, называетъ себя пресвитеромъ. Стало быть, во [времена апостоловъ не было разницы между званіями епископа, пастыря, пресвитера, учителя, потому что въ то время церковь управлялась не властью, а ученіемъ и убѣжденіемъ. Царство Божіе принадлежало тогда другому міру, и пастыри не могли никого принуждать, потому что ни одно государство не приняло еще христіанской вѣры.

Кромѣ апостоловъ, пастырей, епископовъ, пресвитеровъ и учителей, не было еще никакого учительскаго званія. Названія евангелиста и пророка относятся не къ служенію, а выражаютъ особенные дары благодати, которыми ученики Христовы служили церкви. Евангелисты, апостолы св. Матѳій и Іоаннъ, ученики, св. Маркъ и Лука и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Ѳома и Варнава, описали жизнь и дѣянія Спасителя. Въ церкви были въ то время и пророки, которымъ Богъ далъ благодать толковать Ветхій Завѣтъ, а иногда и пророчествовать. Но не эти дары и не даръ языковъ, не даръ изгонять бѣсовъ, исцѣлять болѣзни, а призваніе и избраніе возводили въ званіе учителя и наставника въ церкви.

Я сказалъ, что церковь поставляла даже апостоловъ, какъ Іерусалимская церковь Матѳія, а Антіохійская—Павла и Варнаву; пресвитеры и пастыри избирались также церквами. Въ Дѣяніяхъ сказано, что Павелъ и Варнава поставляли для церквей пресвитеровъ (Дѣян. XIV, 23); это можно понять такъ, будто они прямо давали пресвитерамъ власть; но если справиться съ греческимъ текстомъ, то дѣло приметъ иной видъ. Пресвитеры избирались посредствомъ χειροτονια, т. е. поднятія рукъ, какъ въ то время такимъ образомъ почти всюду избирались и гражданскіе сановники. Слѣдовательно, всякая церковь сама избирала своихъ пресвитеровъ. Апостолы созывали собранія христіанъ, предсѣдательствовали на нихъ, собирали голоса, объявляли избраннаго и благословляли или, какъ говорятъ теперь, посвящали, но не избирали его. Такимъ образомъ пастыри избирались во всѣхъ церквахъ; поэтому, когда говорится, что апостолы устроили пресвитера—κατάσ τησης κατὰ πόλιν

πρεσβιτέρους (Тит. I, 5), то устроеніе значитъ χειροτονησαι, т. е. избраніе подачей голосовъ посредствомъ поднятія рукъ или посредствомъ жребія или камешковъ, бросаемыхъ въ урну. Въ городахъ, гдѣ никогда не видали иного способа избранія, всякій другой родъ выбора привелъ бы всѣхъ гражданъ, какъ христіанъ, такъ и язычниковъ, въ удивленіе. И впослѣдствіи церковь каждаго города сама избирала себѣ епископа, пока эти избранія не стали возбуждать междоусобій.

Это подтверждается и долговременнымъ родомъ избранія самихъ римскихъ епископовъ. Еслибы епископъ, переходя на другой престолъ или умирая, имѣлъ право назначать себѣ преемника, то римскіе епископы скорѣе всѣхъ другихъ пользовались бы этимъ правомъ; однако они никогда не могли избирать себѣ преемниковъ. Ихъ избирали граждане римскаго государства. Это очевидно изъ слѣдующаго происшествія: однажды при выборахъ епископа произошло разногласіе; одни выбрали Дамаса, а другіе Урсина; дѣло дошло до драки, и поднялся такой безпорядокъ, что префектъ Ювенцій, послѣ тщетныхъ стараній сохранить между гражданами миръ, былъ принужденъ удалиться изъ города, и въ дракѣ церковь лишилась болѣе ста человѣкъ убитыми. Впослѣдствіи римскіе епископы избирались сперва римскимъ духовенствомъ, потомъ кардиналами, но никогда не назначались своими предшественниками. Но если римскіе папы не могли назначать даже своихъ преемниковъ, то тѣмъ менѣе могли они поставлять преемниковъ другихъ епископовъ, особенно помимо мѣстныхъ гражданскихъ властей.

Діаконъ, Διάκονος, значитъ служитель, т. е. исполняющій дѣла другаго человѣка. Отъ раба служитель отличается тѣмъ, что рабовъ самое состояніе рабства обязываетъ исполнять повелѣнія господъ, а служители добровольно берутъ на себя эту обязанность и сверхъ принятаго обязательства необязаны дѣлать ничего. Поэтому и тѣ, которые проповѣдуютъ слово Божіе, и тѣ, которые управляютъ мірскими дѣлами церкви, суть служители, но служители различныхъ лицъ. Пастыри, называемые служителями Слова (Дѣян. VI, 4), суть служители Христа, слово Котораго проповѣдуютъ; діаконъ же—служитель церкви, и его служеніе называется служеніемъ трапезамъ (Дѣян. VI, 2). Поэтому, кромѣ Христа никто, даже сама Церковь, не можетъ назвать своего пастыря своимъ служителемъ; но Церковь имѣетъ право называть своимъ служителемъ діакона, который служилъ только трапезамъ, т. е. раздавалъ христіанамъ пищу, когда они жили общинами; кромѣ того онъ имѣлъ попеченіе о храмѣ Господнемъ и завѣдывалъ имуществомъ церкви.

Но діаконы не упускали случаевъ проповѣдывать и защищать христіанское ученіе по мѣрѣ благодати, которую Богъ давалъ каждому, какъ напримѣръ св. Стефану; они могли и крестить, подобно св. Филиппу. Этотъ Филиппъ, который проповѣдывалъ Евангеліе въ Самаріи и крестилъ евнуха (Дѣян. VIII, 5. 26—39), былъ не апостолъ Филиппъ, а діаконъ. Когда Филиппъ проповѣдывалъ въ Самаріи, апостолы находились въ Іерусалимѣ: Находившіеся въ Іерусалимѣ апостолы, услышавъ, что жители Самаріи приняли слово Божіе, послали къ нимъ Петра и Іоанна (Дѣян. VIII, 14) возложить руки на крещенныхъ Филиппомъ и сообщить имъ благодать Св. Духа. Для полученія Св. Духа было необходимо, чтобы крещеніе было совершено или утверждено служителемъ слова, а не церкви. Крещеніе пастыремъ сообщало въ тѣ времена дары Св. Духа, которые состояли въ слѣдующемъ: Именемъ Моимъ будутъ бѣсовъ изгонять, будутъ говорить новыми языками; будутъ брать руками змѣй, и хотя выпьютъ что смертоносное, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здравы (Марк. XVI, 17, 18). Филиппъ не могъ сообщать этихъ даровъ, но апостолы могли и дѣйствительно сообщали истинно вѣрующимъ. Современные пастыри не могутъ дѣлать этого.

Діаконы избирались также Церковью, а не апостолами. Двѣнадцать апостоловъ созвали учениковъ и сказали имъ: Неприлично намъ, оставя Слово Божіе, пещись о трапезахъ. Итакъ, братія, выберите изъ себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святого Духа и мудрости; ихъ поставимъ на это дѣло (Дѣян. VI, 2, 3). Изъ этого разсказа очевидно, что апостолы только предложили избрать діаконовъ, а избирало ихъ собраніе: Сіе предложеніе одобрено всѣмъ собраніемъ, и избрали Стефана, мужа исполненнаго вѣры и Духа Святаго и т. д. (Дѣян. VI, 5).

Теперь посмотримъ, изъ какихъ источниковъ содержались служители церкви. Въ Ветхомъ Завѣтѣ только колѣно Левіино имѣло право на священство и на занятіе другихъ церковныхъ должностей. Обѣтованная земля была раздѣлена между всѣми колѣнами, за исключеніемъ Левіина. Прочихъ колѣнъ было двѣнадцать, такъ какъ потомство Іосифа раздѣлялось на два колѣна Ефремово и Манассіино. Такимъ образомъ колѣно Левіино не имѣло удѣла; ему было только отведено на жительство нѣсколько городовъ съ ихъ округами. Въ замѣнъ удѣла Богъ отдалъ левитамъ Свою собственную долю, т. е. десятую часть всѣхъ плодовъ; на содержаніе священниковъ была назначена десятая часть этой десятины, кромѣ добровольныхъ приношеній и жертвъ. Богъ сказалъ Аарону: Въ землѣ ихъ не будешь имѣть удѣла, и части не будетъ тебѣ между ними: Я часть твоя и удѣлъ твой среди сыновъ Израилевыхъ (Числ. XVIII, 20). Богъ царствовалъ надъ Израильтянами и, назначивъ колѣно Левіино служить Себѣ, предоставилъ ему для пропитанія доходы, опредѣленные Имъ собственно для Себя—десятину и приношенія, о которыхъ говоритъ: Я часть твоя и удѣлъ твой. Стало быть, левиты правильно назывались клиромъ, потому что клиръ, κλῆρος, значитъ удѣлъ или наслѣдіе; это не значитъ, чтобы они были исключительными наслѣдниками царства небеснаго предпочтительно предъ всѣми прочими людьми, а показываетъ только, что наслѣдіемъ или удѣломъ ихъ въ народѣ былъ удѣлъ Божій. Такъ какъ въ то время царемъ Израильтянъ былъ Самъ Богъ, а Его намѣстниками были Моисей и первосвященники, то очевидно, что право духовенства получать десятины и приношенія обязано своимъ происхожденіемъ гражданской власти.

О средствахъ пропитанія Христа и апостоловъ извѣстно только, что они имѣли ковчежецъ, который хранился у Іуды Искаріотскаго. Апостолы занимались каждый своимъ ремесломъ. Спаситель, посылая двѣнадцать апостоловъ на проповѣдь, запретилъ имъ пріобрѣтать золото и серебро, ибо трудящійся достоинъ пропитанія (Мѳ. X, 9, 10). Это даетъ поводъ думать, что ихъ средства существованія соотвѣтствовали ихъ служенію, о которомъ имъ сказано: Даромъ получили, даромъ и давайте (Тамъ же 8); такимъ образомъ и пропитаніе они получали даромъ, т. е. отъ даровыхъ добровольныхъ приношеній вѣрующихъ, въ томъ числѣ отъ нѣкоторыхъ исцѣленныхъ Спасителемъ: Нѣкоторыя женщины, которыхъ Онъ исцѣлилъ отъ злыхъ духовъ и болѣзней, Марія, называемая Магдалиною, изъ которой вышло семь бѣсовъ, и Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и другія многія; которыя служили Ему имѣніемъ своимъ (Лук. VIII, 2, 3).

По вознесеніи Спасителя, христіане жили въ каждомъ городѣ на общій счетъ; община пріобрѣтала средства продажей частныхъ имуществъ членовъ; каждый членъ вносилъ все свое имущество въ общую кассу, къ ногамъ апостоловъ, но не по обязанности, а добровольно. Петръ сказалъ Ананіи: Непроданное не тебѣ ли принадлежало, и продажею пріобрѣтенное не въ твоей ли власти находилось? (Дѣян. V, 4). Значитъ, Ананіи не было надобности прибѣгать ко лжи, чтобы удержать за собой свое имѣніе или деньги, потому что онъ былъ необязанъ отдавать ихъ. Нетолько въ апостольскій вѣкъ, но и впослѣдствіи, до принятія христіанства императорами, епископы и пастыри содержались на добровольныя приношенія вѣрующихъ. До обращенія хри-

стіанства въ государственную религію о десятинахъ нѣтъ и помину. При Константинѣ и его сыновьяхъ вѣрующіе были очень преданы своимъ пастырямъ. Амміанъ Марцеллинъ, описывая смуты между римскими христіанами, возбужденныя соперничествомъ Дамаса и Урсина, говоритъ, что епископство стоитъ того, чтобы драться изъ-за него; и дѣйствительно, благодаря щедрости паствы и благосклонности матронъ, епископы вели роскошную жизнь, ѣздили на колесницахъ, имѣли превосходный столъ и великолѣпно одѣвались. Однако о десятинахъ все-еще нѣтъ рѣчи.

Быть можетъ, спросятъ, имѣли ли тогда пастыри положительное право получать приношенія и пожертвованія? Св. Павелъ говоритъ: какой воинъ служитъ когда либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Или кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святыни? И служащіе жертвеннику берутъ часть отъ жертвенника? Такъ Господь повелѣлъ и проповѣдникамъ благовѣствованія жить отъ благовѣствованія (1 Кор. IX, 7, 13, 14). Изъ этихъ словъ можно заключить, что паства была обязана пропитывать своего пастыря, но нельзя выводить, чтобы пастыри могли сами опредѣлять, что и сколько имъ слѣдуетъ получать или брать что-нибудь произвольно. Получать средства къ жизни они могли или отъ частныхъ лицъ, или отъ всей церкви, какъ отъ одного лица. Но церковь не могла дѣйствовать, какъ самостоятельная личность, потому что составляла общество незаконное, и ея постановленія не имѣли законнаго значенія. Слѣдовательно, пока императоры и верховныя власти не издали законовъ о содержаніи пастырей, послѣдніе существовали только на добровольныя приношенія частныхъ лицъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ служители алтаря жили на приношенія; по этому примѣру и въ Новомъ Завѣтѣ служителямъ евангелія было позволено принимать приношенія отъ паствы. Но какъ могли они требовать себѣ содержанія какъ должнаго? Повести противъ паствы гражданскій искъ? Въ какой же судъ они обратились бы съ такимъ искомъ? Тогда не было другихъ судовъ, кромѣ гражданскихъ, а они были языческіе и не признавали ни пастырей, ни церквей. Стало-быть, пастыри могли получать опредѣленное содержаніе отъ своихъ церквей только, когда постановленія церквей обратились въ законы, что могло случиться лишь по принятіи христіанства императорами и вообще правительствами, которые одни могли возвести каноны въ законы. Моисеевъ законъ о десятинахъ не могъ относиться къ служителямъ евангелія, потому что

Моисей и первосвященники имѣли верховную гражданскую власть только надъ Евреями, а надъ христіанами царствовали императоры.

Мы показали значеніе пастырей; показали, что поручилъ имъ Христосъ—именно, проповѣдывать, учить, крестить и предсѣдательствовать въ собраніяхъ; какую силу имѣетъ церковное отлученіе тамъ, гдѣ христіанская религія запрещена государствомъ—здѣсь избѣгаютъ общенія съ отлученнымъ; тамъ, гдѣ она вооружена государственнымъ закономъ—здѣсь отлученнаго изгоняютъ; кѣмъ избираются пастыри и служители—церквами; кто посвящаетъ ихъ—предстоятели церквей; на что они содержатся—своимъ имуществомъ, трудомъ и добровольными приношеніями вѣрующихъ. Теперь разсмотримъ, какое значеніе имѣетъ въ церкви христіанская верховная власть государства.

Прежде всего припомнимъ доказанное нами положеніе (см. гл. XVIII), что верховной власти безусловно принадлежитъ право судить, какія ученія пригодны для сохраненія мира и должны быть преподаваемы народу. Всякій дуракъ знаетъ, что люди поступаютъ такъ или иначе въ виду ожидаемаго блага или вреда; слѣдовательно, кто находитъ повиновеніе гражданской власти вреднымъ для себя, тотъ склоненъ нарушать законы, разрушать гражданскій порядокъ и возбуждать междоусобія, устраненіе которыхъ составляетъ цѣль учрежденія государства. Поэтому правители даже въ языческихъ государствахъ всегда назывались пастырями, ибо безъ ихъ разрѣшенія нельзя было учить народъ ничему.

Нѣтъ основанія думать, чтобы языческіе правители утратили это право по своемъ обращеніи въ христіанство. Христосъ не хотѣлъ лишать правителей власти за то, что они увѣровали въ Него; Онъ не хотѣлъ ни подчинять ихъ кому-нибудь другому, ни отбирать у нихъ власть охранять миръ между подданными и защищать ихъ отъ враговъ. Поэтому христіанскіе правители и теперь остаются верховными пастырями своихъ подданныхъ и имѣютъ право назначать второстепенными пастырями, кого находятъ способными поучать народъ.

Въ апостольскія времена право избирать пастырей принадлежало церкви; но теперь оно должно принадлежать правителямъ, которые представляютъ лицо государства, т. е. лицо церкви, и потому безъ нихъ церковь была бы нѣма. Когда какое-нибудь собраніе въ христіанскомъ государствѣ избираетъ себѣ пастыря, то въ сущности его избираетъ верховная власть, какъ при избраніи народомъ городскаго претора, его въ сущности избираетъ верховная власть. Всякое подобное дѣйствіе принадлежитъ тому, безъ чьего согласія оно недѣйствительно. Стало-быть, всѣ историческіе примѣры избранія пастырей народомъ или клиромъ не могутъ служить возраженіемъ противъ правъ верховной

власти; во всѣхъ этихъ примѣрахъ пастыри избирались въ сущности правительствомъ.

Итакъ, во всякомъ христіанскомъ государствѣ верховный правитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ верховный пастырь, а прочіе пастыри получаютъ свое званіе только по его волѣ. Отсюда слѣдуетъ, что они такіе же служители верховной власти, какъ начальники городовъ, провинцій и крѣпостей. Дѣло въ томъ, что ученики ихъ—подданные правителя; стало-быть, учители должны быть подчинены ему, хотя бы сами не были подданными. Правитель можетъ допустить въ пастыри своихъ подданныхъ другаго иностраннаго правителя, какъ напр. многіе христіанскіе государи допустили въ пастыри своихъ подданныхъ римскаго папу; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ и самъ подчинился ему или призналъ его верховнымъ пастыремъ своихъ подданныхъ, если только не хочетъ лишить самого себя верховной гражданской власти. Поэтому, если пастырей поставляетъ посторонняя власть, то это не значитъ, что она имѣетъ право на это; она дѣйствуетъ здѣсь второстепенно, по полномочію государственной власти. Чужіе пастыри допускаются въ государство, какъ берутся учители; правитель государства можетъ взять для своихъ дѣтей учителей по посторонней рекомендаціи, но не по чужому приказанію, особенно если замѣтитъ, что навязываемые ему учители преподаютъ ученія, клонящіяся не къ его, а къ ихъ пользѣ.

Первосвященники и старѣйшины спрашивали Спасителя: Какою властью ты это дѣлаешь? И кто тебѣ далъ такую власть— власть крестить и проповѣдывать? На подобный вопросъ христіанскій пастырь долженъ отвѣтить, что получилъ эту власть отъ государства и дѣлаетъ это въ силу полномочія правительства. Всѣ пастыри, кромѣ верховнаго, дѣйствуютъ на основаніи гражданскаго права, тогда какъ правители дѣйствуютъ въ силу божественнаго. Поэтому они одни именуются въ титулахъ «Божіею милостью»; епископы же должны писаться «милостью правительства». Замѣчу кстати, что выраженія: «Божіе соизволеніе» и «Божія милость» значатъ одно и тоже.

Но если всякій христіанскій правитель есть вмѣстѣ верховный пастырь своихъ подданныхъ, то онъ, очевидно, имѣетъ право не только проповѣдывать (чего, быть можетъ, никто не отвергнетъ), но и крестить, совершать таинства, освящать храмы и посвящать священниковъ. Однако это отрицаютъ, и сами правители не совершаютъ этихъ священнодѣйствій, а если совершаютъ, то лишь по рукоположеніи епископомъ или пресвитеромъ. Чтобы убѣдиться, что христіанскіе правители могутъ совершать священнодѣйствія, слѣдуетъ разсмотрѣть, почему они не совершаютъ

ихъ и какимъ образомъ могутъ они, если захотятъ, совершать ихъ съ полнымъ правомъ безъ рукоположенія.

Если правитель хорошо знаетъ какую-нибудь науку, то несомнѣнно, что онъ можетъ преподавать ее съ такимъ же правомъ, какъ всѣ, кто преподаетъ ее по его полномочію. Но такъ какъ на немъ лежитъ попеченіе о всемъ государствѣ, то онъ не можетъ безъ вреда для общественныхъ дѣлъ тратить время на такія маловажныя занятія. Правитель могъ бы, еслибы захотѣлъ, заниматься гласнымъ разборомъ и рѣшеніемъ гражданскихъ тяжбъ съ такимъ же правомъ, какъ тѣ, которые судятъ въ силу его полномочія; но попеченіе о государствѣ заставляетъ его посвящать свой трудъ на болѣе важныя дѣла, предоставляя другимъ разборъ частныхъ вопросовъ. Такъ и Спаситель, хотя, конечно, могъ крестить, не крестилъ никого (Іоан. IV, 2), а крестили въ силу Его полномочія апостолы и ученики. Необходимость проповѣдывать въ различныхъ мѣстахъ, далеко другъ отъ друга отстоящихъ, освобождала и св. Павла отъ обязанности самому совершать крещеніе. Чтобы посвятить себя важнѣйшему дѣлу, управленію церковью, надо быть свободнымъ отъ менѣе важныхъ. Вотъ почему христіанскіе правители обыкновенно сами не совершаютъ крещенія; причина, стало быть, та же, по которой теперь епископы такъ рѣдко крестятъ сами, а папы еще рѣже.

Теперь разсмотримъ, въ какой мѣрѣ нужно правителямъ рукоположеніе, чтобы имѣть право крестить и совершать другія священнодѣйствія.

Рукоположеніе есть очень древній еврейскій обрядъ, имѣвшій и общественное, и частное значеніе. Имъ указывалось лицо или вещь, предназначаемая для какой-нибудь особой цѣли, напр. на молитву, на благословеніе, для жертвоприношенія, для осужденія, или къ которому обращалось привѣтствіе. Такъ Іаковъ благословилъ сыновъ Іосифа: Израиль простеръ правую руку свою и положилъ на голову Ефрему, хотя сей былъ меньшій, а лѣвую на голову Манассіи (Быт. XLVIII, 14). Онъ сдѣлалъ это для показанія присутствующимъ, что даетъ меньшему больше благословенія. Такъ Аарону Богъ повелѣваетъ возложить руки свои на голову тельца (Исх. XXIX, 10) и далѣе—возложить руки свои на голову овну (Исх. XXIX, 15). Моисей, назначая Израильтянамъ вождя, возложилъ на него руки свои и далъ ему наставленіе, какъ говорилъ Господь (Числ. XXVII, 23), показавъ этимъ народу, кому онъ долженъ повиноваться на войнѣ. Богъ говоритъ также о посвященіи левитовъ: И приведи левитовъ предъ скинію собранія и собери все общество сыновъ Израилевыхъ, и приведи левитовъ предъ Господа, и

пусть возложатъ сыны Израилевы руки свои на левитовъ (Числ. VIII, 9, 10), и объ осужденіи богохульниковъ: Выведи злословившаго вонъ изъ стана, и всѣ слышавшіе пусть положатъ руки свои на голову его, и все общество побьетъ его камнями (Лев. XXIV, 14). Послѣдній текстъ особенно знаменателенъ: руки на преступника велѣно полагать не священникамъ, не левитамъ, не служителямъ правосудія, а всѣмъ слышавшимъ богохульство: почему такъ? Потому что рукоположеніе выражаетъ указаніе, что такой-то богохульствовалъ и заслужилъ смерть, и стало-быть, тотъ и долженъ указывать, кто самъ слышалъ. Рукоположеніемъ человѣкъ или вещь указывается гораздо яснѣе, чѣмъ наименованіемъ.

Этотъ обрядъ былъ тогда такъ общепринятъ, что, благословляя цѣлое собраніе, просто поднимали руки (Лев. IX, 22), потому что весь народъ нельзя было благословить рукоположеніемъ.

Этотъ обрядъ употреблялъ и Іисусъ Христосъ, возлагая руки на исцѣляемыхъ и благословляемыхъ.

Апостолы, пресвитеры и даже собранія пресвитеровъ (πρεσβυτέριον) возлагали руки на лицъ, назначаемыхъ въ пастыри, и молили о ниспосланіи на нихъ Св. Духа. Иногда одинъ и тотъ же пастырь подвергался рукоположенію дважды, во второй разъ при переводѣ на новое служеніе. Но цѣль рукоположенія всегда состояла въ одномъ, а именно, въ точномъ указаніи лица, избраннаго на пастырское служеніе. Апостолы возложили руки на семь первыхъ діаконовъ не для того, чтобы дать имъ Св. Духъ (они были исполнены Его еще до избранія), а для того, чтобы этимъ выразить ихъ назначеніе на служеніе (Дѣян. VI, 3, 6). Рукоположеніе совершалось епископами и пресвитерами; діаконы не дѣлали этого. Обращенныхъ діакономъ Филиппомъ въ Самаріи рукоположили апостолы Петръ и Іоаннъ (Дѣян. VIII, 17). Пресвитеръ Тимоѳей также возлагалъ руки; св. Павелъ убѣждалъ его: Рукъ ни на кого не возлагай поспѣшно (1 Тим. V, 22). Самъ Тимоѳей былъ рукоположенъ собраніемъ пресвитеровъ (1 Тим. IV, 14). Но какъ могло собраніе возлагать руки? Когда говорится о рукоположеніи собраніемъ пресвитеровъ, это надо понимать такъ, что собственно руки возлагалъ предстоятель собранія; предстоятелемъ собранія, рукоположившаго Тимоѳея, былъ, кажется, св. Павелъ; онъ пишетъ Тимоѳею: Напоминаю тебѣ, чтобы ты воспламенялъ даръ Божій, который въ тебѣ отъ моего рукоположенія (2 Тим. I, 6). Должно замѣтить, что подъ даромъ Божіимъ здѣсь надо разумѣть не Св. Духа, третье лице Св. Троицы, а божественные дары благодати, сообщенные св. Павломъ Тимоѳею. Въ книгѣ Дѣяній дважды упоминается о рукоположеніи Павла:

въ первый разъ онъ былъ рукоположенъ при крещеніи Ананіей (Дѣян. IX, 17, 18), а потомъ въ Антіохіи, когда его посылали на проповѣдь. Слѣдовательно, этотъ обрядъ употреблялся при посвященіи пастырей для обозначенія, кому дается эта должность. Теперь понятно, что рукоположеніе не можетъ ничего доставить человѣку, который и до него имѣлъ право учить и крестить. Стало-быть, государи, обладавшіе верховной властью до обращенія своего въ христіанство, не пріобрѣтали черезъ рукоположеніе никакихъ новыхъ правъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ, пока первосвященникъ былъ верховнымъ правителемъ, онъ одинъ имѣлъ право посвящать; но это измѣнилось, какъ скоро народъ подчинился царямъ. Соломонъ благословилъ народъ, освятилъ храмъ и прочелъ молитву (3 Цар. VIII). Стало-быть, онъ имѣлъ полную власть нетолько управлять церковью, но и совершать всѣ священнодѣйствія.

Но, спросятъ меня, что если верховная власть принадлежитъ женщинѣ? Неужели и женщина можетъ имѣть право проповѣдывать въ церквахъ и совершать таинства? Дѣйствительно, у насъ женщинамъ запрещено говорить въ церкви; но это не препятствуетъ женщинѣ назначать церковныхъ служителей, если эта женщина—королева. Въ отношеніи правъ верховной власти нѣтъ различія между мужчиной и женщиной; права правительницы одинаковы съ правами правителя. Слѣдовательно, женщины, хотя не могутъ сами исполнять всѣхъ должностей, но могутъ назначать на всѣ должности. Королева Елисавета въ первый годъ своего царствованія, присвоивъ себѣ главенство въ англиканской церкви, закономъ повелѣла всѣмъ служителямъ церкви присягнуть ея главенству, угрожая въ противномъ случаѣ лишеніемъ должностей. Многіе присягнули, а иные нѣкоторое время противились единственно изъ опасенія, чтобы своей присягой не подтвердить права королевы на совершеніе въ церкви таинствъ и другихъ священнодѣйствій. Когда королева публичнымъ актомъ обѣщала не дѣлать этого, они признали ея главенство. Но именно это колебаніе и доказываетъ, что всѣ они были убѣждены, что съ главенствомъ въ церкви нераздѣльно право на совершеніе всѣхъ пастырскихъ служеній, и только находили неприличнымъ, чтобы ихъ совершала женщина. Королева, соглашаясь съ послѣднимъ, нетолько не совершала священнодѣйствій, но даже особымъ актомъ предоставила все церковное управленіе собранію епископовъ съ участіемъ нѣсколькихъ свѣтскихъ совѣтниковъ своихъ.

Итакъ, духовная власть неразрывно соединена въ христіанскихъ правителяхъ съ гражданской. Такимъ образомъ они обладаютъ и въ духовныхъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ самой полной властью, какую только можетъ имѣть человѣкъ надъ людьми.

*

Слѣдовательно, государь или верховное собраніе могутъ, если захотятъ, поручить управленіе церковными дѣлами въ своихъ владѣніяхъ посторонней власти, что мы и видимъ теперь во многихъ странахъ. Но въ такомъ случаѣ эта власть правитъ церковью по праву гражданскому, а не по божественному, и потому можетъ быть отставлена на основаніи того же права, по которому получила его, если верховная власть сочтетъ это нужнымъ для общаго блага. Верховная власть можетъ, если хочетъ, поручить попеченіе о религіи своему подданному или собранію подданныхъ и уполномочить ихъ давать пастырямъ какіе угодно титулы и постановлять какіе угодно законы относительно награжденія и содержанія ихъ, только поступая при-этомъ по совѣсти, о чемъ впрочемъ судить одному Богу. Верховная власть имѣетъ также право назначать толкователей Св. Писанія, потому что Писаніе обращается въ законъ только властью правительства. Правительство же придаетъ значеніе церковнымъ отлученіямъ посредствомъ своихъ уголовныхъ законовъ, которые должны обуздывать и возвращать къ церкви упорныхъ развратниковъ. Наконецъ, оно имѣетъ верховную власть во всѣхъ дѣлахъ, какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ, поскольку они подлежатъ внѣшнему вліянію, т. е. поскольку выражаются въ словахъ и дѣйствіяхъ; обвинять и наказывать можно только за слова и поступки, потому что только ихъ можно узнавать; а совѣсть и убѣжденія, незаявленныя ни словомъ, ни дѣломъ, можетъ знать и судить только Богъ.

Хотя все сказанное до сихъ поръ совершенно ясно, и несомнѣнно доказываетъ, что правителямъ принадлежитъ верховная власть и въ церкви; но римскіе папы присвоиваютъ себѣ эту власть во всѣхъ государствахъ. Кардиналъ Беллярминъ въ своемъ сочиненіи «О верховной власти папы» отстаиваетъ эти притязанія; поэтому я нахожу нужнымъ изслѣдовать основанія и силу его доказательствъ.

Сочиненіе Беллармина раздѣляется на пять книгъ. Первая содержитъ рѣшенія трехъ вопросовъ. Во первыхъ, какая форма правленія—лучшая: монархія, аристократія или демократія. Рѣшеніе состоитъ въ томъ, что лучшая форма правленія—четвертая, смѣшанная изъ этихъ трехъ. Во вторыхъ, спрашивается, какая изъ этихъ формъ лучше примѣнима къ управленію церкви, и вопросъ рѣшается въ пользу смѣшанной, съ тѣмъ, чтобы въ ней было болѣе монархическихъ, чѣмъ другихъ началъ. Третій вопросъ состоитъ въ томъ, занималъ ли св. Петръ въ этой смѣшанной монархіи мѣсто монарха. Что касается перваго рѣшенія, то мы уже (см. гл. XVIII) показали, что, какова бы ни была форма правленія, верховная власть всегда проста и абсолютна, а не смѣшана и не ограничена. Въ монархіи вся правительственная власть принадлежитъ одному человѣку; поэтому какую бы власть ни пріобрѣлъ другой, онъ пріобрѣтаетъ ее лишь по волѣ перваго, можетъ владѣть ею только пока первый позволяетъ, и долженъ пользоваться ею отъ имени настоящаго властителя. Въ аристократіи и демократіи царствуетъ верховное собраніе; оно имѣетъ такую же верховную власть, какую въ монархіи государь; слѣдовательно, и здѣсь власть не смѣшана, а абсолютна. Чтобы допустить смѣшанную монархію, надо предположить смѣшаннымъ и монарха, что верхъ безсмыслицы. Гдѣ уже существуетъ одна изъ трехъ формъ правленія, тамъ не слѣдуетъ спорить о томъ, которая изъ нихъ лучше, ибо тамъ должно предпочитать, защищать и считать лучшею существующую. Гражданинъ, оскорбляющій существующую форму правленія, нарушаетъ естественные и положительные божественные законы. Надо еще замѣтить, что для пастыря, неимѣющаго владѣній, совершенно все равно, какая форма правленія будетъ признана лучшей. Пастыри должны управлять людьми не властью и силой, а ученіемъ и доказательствами. Монархія же, аристократія и демократія—все это виды власти, а не проповѣди; это имена трехъ властителей, а не учителей.

Слѣдовательно, второй вопросъ, о лучшей формѣ церковнаго управленія, не имѣетъ никакого отношенія къ власти римскаго папы внѣ его мірскихъ владѣній. Въ чужихъ владѣніяхъ онъ имѣетъ власть только пастырскую.

Въ доказательство третьяго рѣшенія, именно того, что св. Петръ былъ монархомъ церкви, Беллярминъ приводитъ, во первыхъ, слѣдующій текстъ: Ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго: и что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ; а что разрѣшишь на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ (Мѳ. XVI, 18, 19). Но этотъ текстъ доказываетъ только, что единственнымъ основаніемъ церкви служитъ тотъ членъ вѣры, который здѣсь исповѣдуетъ св. Петръ отъ имени апостоловъ, а именно, что Іисусъ есть Христосъ. Это исповѣданіе подало Спасителю поводъ сказать приведенныя слова. Для болѣе яснаго уразумѣнія ихъ, нужно принять во вниманіе, что Спаситель и Самъ, и устами Іоанна Крестителя и апостоловъ проповѣдывалъ въ области религіи только, что Онъ—Христосъ. Іоаннъ проповѣдывалъ только, что приблизилось царство небесное (Мѳ. III, 2). Тоже проповѣдалъ самъ Спаситель (Мѳ. IV, 17); и тоже повелѣлъ проповѣдывать своимъ двѣнадцати апостоламъ (Мѳ. X, 17). Этотъ догматъ былъ основнымъ членомъ христіанской вѣры. Когда апостолы возвратились къ Христу съ проповѣди

этого догмата, Христосъ спросилъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, а не одного Петра: За кого люди почитаютъ Меня, Сына человѣческаго? (Мѳ. XVI, 13). Они отвѣчали: Нѣкоторые за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремію или за котораго нибудь изъ пророковъ (Мѳ. XVI). Тогда Іисусъ спросилъ ихъ, также всѣхъ, а не одного Петра: А вы за кого Меня почитаете? На это св. Петръ отвѣчалъ за всѣхъ: Ты Христосъ, сынъ Бога живаго (Мѳ. XVI, 15, 16). Этотъ догматъ, какъ я сказалъ, есть основаніе вѣры всей церкви. Поэтому-то Христосъ и сказалъ ему: Ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою и пр. Очевидно, что подъ основнымъ камнемъ церкви разумѣется здѣсь ничто иное, какъ этотъ основный членъ вѣры. Но въ какомъ же смыслѣ, спросятъ, Христосъ сказалъ: Ты Петръ? Для объясненія этого нужно вспомнить, что Христосъ прозвалъ этого апостола Кифой, т. е. по-гречески πέτρα, πέτρος—камень. Вотъ почему, когда Петръ исповѣдалъ этотъ членъ вѣры, Спаситель, намекая на его имя, сказалъ: Ты Петръ, и на семъ камнѣ и пр. Этими словами Онъ хотѣлъ сказать, что догматъ: Іисусъ есть Христосъ,—дѣлающій церковь христіанскою, имѣетъ основное или существенное значеніе. Еслибы онъ хотѣлъ сдѣлать тогда Петра царемъ, то могъ бы выразить это прямо, въ ясныхъ словахъ.

Словами: дамъ тебѣ ключи царства небеснаго—Петру дается не болѣе, чѣмъ прочимъ ученикамъ въ словахъ: что свяжете на земли, будетъ связано на небесахъ и что разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ (Мѳ. XVIII, 18). Какъ ни толковать эти слова, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что даваемая ими власть принадлежитъ всѣмъ христіанскимъ правительствамъ. Поэтому еслибы св. Петръ или даже Самъ Спаситель обратилъ кого-нибудь изъ правителей въ христіанскую вѣру, то предоставилъ бы ему одному обращать своихъ подданныхъ, такъ какъ царство Христово не отъ міра сего; еслибы Онъ не далъ правителю этого права, то, значитъ, лишилъ бы его власти, ибо съ правительственной властью нераздѣльно право учить и проповѣдывать. Этого достаточно для опроверженія первой книги, гдѣ Беллярминъ старался доказать, что св. Петръ былъ монархомъ вселенской церкви, т. е. всѣхъ христіанъ.

Вторая книга содержитъ два положенія: во первыхъ—св. Петръ былъ епископомъ въ Римѣ и тамъ умеръ; во вторыхъ—римскіе папы—преемники Петра. Оба эти положенія теперь оспариваются и подвергаются сомнѣнію. Но допустимъ даже, что они справедливы: что же изъ этого слѣдуетъ? Если подъ римскимъ епископомъ разумѣть монарха церкви или верховнаго пастыря всѣхъ христіанъ, то такимъ монархомъ былъ не Сильвестръ, а Константинъ Великій. Какъ Константинъ, такъ и всѣ прочіе христіанскіе императоры были по праву епископами римской имперіи, притомъ только римской имперіи, а не вселенной, ибо и тогда существовали христіанскіе народы, невходившіе въ составъ Римской имперіи. Это пусть послужитъ отвѣтомъ на вторую книгу.

Въ третьей книгѣ Беллярминъ разбираетъ вопросъ, антихристъ ли папа? Признаюсь, мнѣ никогда не случалось читать доказательствъ, что папа антихристъ.

Извѣстно, что пророки Ветхаго Завѣта предсказали, а Іудеи ожидали Мессію, т. е. Христа, который долженъ былъ придти для возстановленія отвергнутаго царства Божія. Это ожиданіе подвергало народъ обманамъ со стороны честолюбивыхъ людей, которые хотѣли господствовать и обладали искусствомъ обманывать его ложными чудесами, лицемѣрной жизнью или льстивыми рѣчами и ученіями. По этой причинѣ Спаситель и апостолы убѣждали народъ не вѣрить слѣпо лжепророкамъ и лжехристамъ. Подъ лжехристомъ разумѣлся тотъ, кто ложно выдавалъ себя за Христа; обыкновенно такіе люди назывались антихристами въ томъ смыслѣ, въ какомъ, во время расколовъ, одинъ изъ соискателей папства назывался антипапой. Антихриста можно узнать по двумъ существеннымъ признакамъ: во первыхъ, онъ отрицаетъ, что Іисусъ есть Христосъ, во вторыхъ, утверждаетъ, что самъ—Христосъ. О первомъ признакѣ говоритъ св. Іоаннъ: Всякой духъ, который не признаетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога; но это есть духъ антихристовъ (1 Іоан. IV, 3). Указаніе на другой признакъ находимъ въ словахъ Спасителя: Многіе пріидутъ подъ именемъ моимъ, говоря: я Христосъ, и многихъ прельстятъ (Мѳ. XXIV, 5); и еще: Когда ежели кто вамъ скажетъ: вотъ здѣсь Христосъ или тамъ: не вѣрьте (Мѳ. XXIV, 23). Слѣдовательно, антихристъ будетъ лжехристомъ, т. е. будетъ ложно выдавать себя за Христа, отрицая, что Іисусъ былъ Христосъ и выдавая за Христа себя; антихристъ, очевидно, долженъ быть врагъ истиннаго Христа. Изъ многихъ антихристовъ одинъ будетъ по преимуществу ὁ ἀντιχριστος. Такъ какъ римскій папа не выдаетъ себя за Христа и не отрицаетъ, что Іисусъ былъ Христосъ, то я не понимаю, въ какомъ смыслѣ можно называть его антихристомъ, потому что антихристъ долженъ называть себя не намѣстникомъ Христовымъ, а самимъ Христомъ. Св. Писаніе даетъ указаніе на время пришествія главнаго антихриста: Когда увидите мерзость запустѣнія, предреченную пророкомъ Даніиломъ, стоящую на святомъ мѣстѣ. Тогда будетъ скорбь

великая, какой не бывало отъ начала міра донынѣ и не будетъ. И еслибы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть. Такой великой скорби еще не было: И вдругъ послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небеси, и силы небесныя поколеблятся. Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси: и тогда восплачутся всѣ племена земныя, и узрятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою (Мѳ. XXIV, 15, 21, 22, 29, 30). Слѣдовательно, антихристъ еще не приходилъ, а папъ перебывало уже множество. Правда, они присвоиваютъ себѣ законодательную власть въ чужихъ владѣніяхъ и верховныя права царства; но это царство ихъ относится къ здѣшнему міру, и они заявляютъ на него притязаніе не какъ христы, а какъ намѣстники Христовы. Такимъ образомъ у нихъ нѣтъ ничего общаго съ антихристомъ.

Въ четвертой книгѣ, въ доказательство того, что римскій папа есть верховный судья во всѣхъ вопросахъ вѣры и нравственности (а это значитъ тоже, что называть его абсолютнымъ монархомъ всѣхъ христіанъ), Беллярминъ приводитъ три положенія. Онъ говоритъ, во первыхъ, что папскій судъ непогрѣшимъ,—во вторыхъ, что папа имѣетъ въ христіанскихъ владѣніяхъ право давать законы и наказывать преступниковъ,—въ третьихъ, что Спаситель передалъ всю церковную судебную власть римскому папѣ.

Въ пользу непогрѣшимости папскихъ рѣшеній Беллярминъ приводитъ многія мѣста Св. Писанія, и прежде всего слова: Симонъ, Симонъ, се сатана просилъ, чтобы сѣять васъ какъ пшеницу. Но я молился за тебя, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратясь, утверди братьевъ своихъ (Лук. XXII, 31). Изъ этого текста Беллярминъ выводитъ, что Христосъ далъ Симону Петру двѣ привилегіи: во первыхъ, чтобы ни онъ, ни его преемники никогда не ослабѣвали въ вѣрѣ, и во вторыхъ, чтобы они никогда не опредѣляли касательно вѣры и нравственности ничего ложнаго или противнаго опредѣленію своихъ предшественниковъ. Но если внимательно разсмотрѣть все это мѣсто, то, по моему мнѣнію, оно докажетъ совершенно противное тому положенію, которое хочетъ доказать имъ Беллярминъ. Священники и книжники намѣревались умертвить Спасителя, и Іуда замышлялъ предать его. Христосъ явился на праздникъ и, празднуя съ апостолами пасху, сказалъ, что не будетъ болѣе праздновать этого праздника, пока не придетъ царство Божіе; при-этомъ Господь сказалъ также, что одинъ изъ учениковъ предастъ Его. Апостолы думали,

что Христосъ воцарится до ближайшей пасхи, и спорили между собою о томъ, кто изъ нихъ долженъ почитаться большимъ. По этому поводу Спаситель сказалъ: Цари господствуютъ надъ народами, и обладающіе ими благодѣтелями называются. А вы не такъ: но кто изъ васъ больше, будь, какъ меньшій, и начальствующій, какъ служащій. Я завѣщеваю вамъ, такъ какъ завѣщалъ Мнѣ Отецъ Мой, царство, да ядите и піете за трапезою Моею во царствіи Моемъ: и сядете на престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ (Лук. XXII, 1—31). (Замѣтимъ, что царство это еще предстояло купить кровью Христа и Его мучениковъ). Потомъ, обратившись къ Петру, Господь произнесъ вышеприведенныя слова: Симонъ, Симонъ и пр. Этими словами онъ высказалъ, что сатана, чтобы ослабить вѣру апостоловъ въ грядущее царство, внушилъ имъ надежду на господство въ настоящемъ мірѣ, и что Спаситель молится за Петра, дабы не ослабѣла вѣра его; Спаситель повелѣлъ Петру, чтобы онъ, убѣдившись, что царство Божіе не отъ міра сего, утвердилъ въ этой вѣрѣ и братьевъ своихъ. Итакъ, очевидно, что св. Петру нетолько не было дано никакой власти, но еще было повелѣно научить и прочихъ апостоловъ, что они не имѣютъ права на власть. О непогрѣшимости св. Петра, а тѣмъ болѣе его преемниковъ въ этомъ текстѣ нѣтъ ни слова; скорѣе онъ доказываетъ противное, потому что въ немъ говорится, что сатана хочетъ сѣять многихъ, а Христосъ молится за одного Петра: молился за тебя.

Беллярминъ приводитъ также слова: Ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ея (Мѳ. XVI, 18). Но мы уже доказали, что изъ этого текста нельзя ничего выводить, кромѣ того, что врата адовы не одолѣютъ Петрова догмата: Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій.

Въ третьихъ, кардиналъ ссылается на слова: Паси овецъ моихъ (Іоан. XXI, 16, 17). Но въ нихъ заключается порученіе не властвовать, а учить, и притомъ только до появленія христіанскихъ правительствъ, которыя соединятъ въ себѣ право учить съ правами гражданской власти. Богъ далъ эту власть съ этимъ правомъ Аврааму (Быт. XVIII, 19) и сказалъ, что не отъ наемника, а отъ него самого потребуетъ отчета въ ея употребленіи. Такъ потребуетъ Онъ отчета въ управленіи государствами у самихъ правителей, а не у слугъ и наемниковъ ихъ.

Въ четвертыхъ, Беллярминъ приводитъ слѣдующій текстъ: На наперсникъ суда возложи уримъ и туммимъ, и они будутъ у сердца Ааронова (Исх. XXVIII, 30). Семьдесятъ толковниковъ пере-

вели слова уримъ и туммимъ словами δήλωσιν καὶ ἀλήθειαν, т. е. очевидность и истина. Беллярминъ заключаетъ изъ этого, что первосвященнику даны свѣтъ и истина. Но чтобы ни значили уримъ и туммимъ, во всякомъ случаѣ изъ текста видно, что они даны первосвященнику, который имѣлъ верховную власть въ израильскомъ государствѣ. Слѣдовательно, этотъ текстъ говоритъ въ пользу верховной гражданской власти и противъ церковнаго главенства римскаго папы.

Въ доказательство непогрѣшимости папскихъ рѣшеній относительно нравственности Беллярминъ ссылается на слова: Когда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину (Іоан. XVI, 13). Но если лишить правительства права рѣшать всѣ вопросы вѣры и нравственности, то что имъ останется дѣлать? Какіе законы будутъ они давать, когда нѣтъ ниодного закона, который не былъ бы правиломъ нравственности, напримѣръ: не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй, не будь лжецомъ, скупымъ и подоб., или правиломъ богопочитанія. Притомъ вникнемъ въ слова текста: Духъ истины наставитъ васъ на всякую истину. Можно ли выводить отсюда, что одинъ папа имѣетъ право судить о нравахъ гражданъ въ чужомъ государствѣ? Что общаго между истиной и нравами? Истина принадлежитъ только словамъ, а нравы принадлежатъ людямъ, живущимъ подъ законами. Первосвященникъ можетъ учить нравственности, но внѣ своихъ владѣній не долженъ судить, хороши или худы нравы людей. Допустимъ, что папа не можетъ заблуждаться; но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ имѣетъ право суда въ чужихъ владѣніяхъ?

Далѣе, Беллярминъ прибѣгаетъ къ доводамъ разсудка и хочетъ здравымъ смысломъ доказать папскую непогрѣшимость: еслибы папа — разсуждаетъ онъ — могъ заблуждаться въ томъ, что необходимо для спасенія, то изъ этого слѣдовало бы, что Христосъ недостаточно озаботился о безопасности церкви, ибо Онъ повелѣлъ намъ слѣдовать ученію папы. Но Беллярминъ не указываетъ, гдѣ и когда Христосъ повелѣлъ это или вообще гдѣ Онъ говорилъ о папѣ. Положимъ даже, что всѣмъ папамъ дано все данное св. Петру; но Св. Писаніе нигдѣ не повелѣваетъ вѣрующимъ повиноваться св. Петру; стало-быть, было бы преступно повиноваться повелѣніямъ даже самого Петра, еслибы онъ приказывалъ что-нибудь противное отечественнымъ законамъ.

Наконецъ, ни сами папы, ни церковь никогда не говорили, чтобы папамъ принадлежала верховная гражданская власть во всемъ христіанскомъ мірѣ. Стало-быть, христіане необязаны признавать судебную власть папъ въ нравственныхъ вопросахъ. Верховная гражданская власть нераздѣльна съ правомъ верховнаго суда нравственныхъ вопросовъ;

правительства нетолько рѣшаютъ, что справедливо и что несправедливо въ поступкахъ, но своими законами опредѣляютъ и самую справедливость. Если въ нравахъ есть что-нибудь справедливое или несправедливое, то только потому, что такъ рѣшилъ считать гражданскій законъ.

Въ доказательство правъ папы на законодательную власть въ чужихъ государствахъ, Беллярминъ приводитъ слѣдующій текстъ: Кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго тамъ въ служеніи предъ Іеговою, Богомъ твоимъ, или судіи, который будетъ въ тѣ дни, тотъ долженъ умереть, и такимъ образомъ истреби зло отъ Израиля (Второз. XVII. 12). Но Беллярминъ забылъ, что первосвященникъ имѣлъ тогда верховную гражданскую власть и поставлялъ подчиненныхъ ему судей. Слѣдовательно, его текстъ доказываетъ только, что слѣдуетъ казнить ослушниковъ верховной гражданской власти, что прямо противорѣчитъ выводу кардинала.

Во вторыхъ, онъ приводитъ текстъ: что свяжешь на земли и пр. (Мѳ. XVI, 19), объясняя его въ томъ смыслѣ, будто власть вязать и рѣшить есть законодательная власть. Но цитируемый текстъ прямо приписываетъ эту власть правительству: на сѣдалищѣ Моисеевомъ сидѣли тогда книжники и фарисеи, а не Петръ, и потому вязать значило не тоже, что давать законъ.

Третій текстъ: паси овцы мои (Іоан. XXI, 16) говоритъ не о законномъ принужденіи, а о поученіи.

Четвертый цитируемый имъ текстъ: Какъ Меня послалъ Отецъ, такъ Я посылаю васъ (Іоан. XX, 21) доказываетъ противное выводамъ Беллярмина. Богъ послалъ Христа искупить Своею смертью вѣрующихъ въ Него и приготовить ихъ Своею проповѣдью и проповѣдью Своихъ Апостоловъ къ царству небесному въ будущемъ мірѣ. Слѣдовательно, если Богъ Отецъ не посылалъ Своего Сына въ міръ законодательно, то тѣмъ болѣе Онъ не далъ этого права св. Петру. Такимъ образомъ этотъ текстъ доказываетъ нераздѣльность церковнаго главенства съ гражданской властью, какъ разъ противное тому, что хочется доказать Беллярмину.

Въ пятыхъ, Беллярминъ ссылается на слова: Благоугодно было Святому Духу и намъ, чтобы никакого болѣе бремени не возлагать на васъ, кромѣ сихъ необходимыхъ обязаностей, чтобы удерживаться отъ идоложертвеннаго, отъ крови, удавленины и блуда (Дѣян. XV, 28, 29). Беллярминъ понимаетъ подъ возложеніемъ бремени законодательную власть. Хотя онъ былъ порядочный латинистъ, однако плохо понялъ это мѣсто или, если понялъ, то намѣ-

ренно извратилъ его смыслъ въ пользу папской власти. Обязанность, налагаемая закономъ, конечно, можетъ быть названа бременемъ, если она тяжела. Даже лекарство, предписываемое врачемъ больному, можетъ быть названо бременемъ, если его трудно употреблять. Бремя, налагаемое закономъ, налагается для блага властителя, т. е. для общаго блага, и потому тотъ, на кого оно налагается, обязанъ выносить его по мѣрѣ своихъ силъ. Но бремя, налагаемое медикомъ, налагается для блага самого больнаго, и есть ничто иное, какъ условіе, предписываемое ему для возвращенія здоровья: оно называется бременемъ только въ томъ смыслѣ, что тяжело. Предписанія врачей и пастырей, неподкрѣпленныя гражданской властью, не законы, а совѣты, и всякій воленъ послѣдовать имъ или пренебрегать ими, какъ ему угодно. Таково было и то бремя, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ текстѣ и которое состояло въ томъ, чтобы обращенные язычники воздерживались отъ употребленія въ пищу животныхъ, принесенныхъ въ жертву идоламъ, удавленины и крови. Но если запрещеніе употреблять въ пищу кровь составляетъ законъ, который всѣ христіане обязаны соблюдать, то почему теперь всѣ ѣдятъ кровь, даже въ самомъ Римѣ? Итакъ, Беллярминъ не доказалъ этимъ текстомъ, что постановленія апостольскаго собора были законы.

Въ шестыхъ, онъ ссылается на слова: Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога (Рим. XIII, 1). Онъ хочетъ разумѣть здѣсь подъ властями нетолько мірскихъ властителей, но церковныхъ. Въ отвѣтъ на это я повторю то, что часто говорилъ прежде,—именно: кромѣ правительства въ государствѣ нѣтъ и никогда не было никакихъ другихъ властей. Еслибы апостолъ захотѣлъ подчинить насъ нетолько нашимъ правительствамъ, но и папѣ, властелину постороннему, то поставилъ бы насъ въ положеніе нетолько затруднительное, но совершенно безвыходное, т. е. заставилъ бы насъ, какъ говоритъ Христосъ, въ одно время служить двумъ господамъ. Хотя св. Павелъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: Для того я и пишу сіе въ отсутствіи, чтобы въ присутствіи не употребить строгости, по власти, данной мнѣ Господомъ къ назиданію, а не къ разоренію (2 Кор. XIII, 10); но подъ данной ему властью онъ разумѣлъ не власть убивать, заключать въ темницу, посылать въ изгнаніе, бичевать, штрафовать, а только право отлучать, т. е. убѣгать отлученнаго, что часто для отлучающаго тяжелѣе, чѣмъ для отлученнаго.

Въ седьмыхъ, Беллярминъ ссылается на слова: Чего вы хотите? Съ палкою ли придти къ вамъ, или съ любовью и въ духѣ

кротости? (1 Кор. IV, 21). Здѣсь опять св. Павелъ говоритъ не о наказаніи, а о церковномъ отлученіи, которое само по себѣ не наказаніе, а только угроза наказанія въ будущей жизни. Слѣдовательно, и этимъ Беллярминъ не доказалъ законодательной власти римскаго папы.

Въ восьмыхъ, онъ ссылается на текстъ: Епископъ долженъ быть одной жены мужъ (1 Тим. III, 2). Но этотъ текстъ доказываетъ, если считать предписанія апостоловъ законами, что апостолъ Павелъ имѣлъ такую же законодательную власть, какъ и Петръ. Какъ же послѣ этого утверждать, что законодательная власть въ церкви принадлежитъ одному Петру? На это, пожалуй, скажутъ, что это предписаніе дано Павлу Петромъ; но на чемъ это основано? И во всякомъ случаѣ это не предписаніе, а совѣтъ, потому что Тимоѳей былъ не подданный, а ученикъ Петра и Павла.

Въ девятыхъ, кардиналъ указываетъ на текстъ: Обвиненіе на пресвитера не иначе принимай, какъ если будетъ два или три свидѣтеля (1 Тим. V, 19). Я отвѣчаю, какъ часто отвѣчалъ и прежде, что это совѣтъ, а не законъ.

Въ десятыхъ, Беллярминъ приводитъ слова: Слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающій васъ Меня отвергаетъ (Лук. X, 16). Несомнѣнно, что Христосъ отвергнетъ всякаго, кто отвергаетъ Его посланниковъ. Но вопросъ въ томъ, кто эти посланники, кто законные пастыри? Вопросъ въ томъ, имѣетъ ли кто въ христіанскомъ государствѣ право поставлять въ законные пастыри, кромѣ верховной государственной власти? Изъ этого текста можно заключить только, что слушающій свое христіанское правительство слушаетъ Христа, а отвергающій ученіе, утвержденное законами правительства, отвергаетъ Христа. Даже правитель, если дѣйствуетъ только какъ пастырь или учитель гражданъ, не даетъ своимъ ученіямъ силы законовъ. Законы обязываютъ, а никто не можетъ быть обязанъ вѣрить въ то или другое; людей можно обязать только къ словамъ и къ дѣйствіямъ, а не къ убѣжденіямъ. Изъ этого опять слѣдуетъ, что церковные законы, постановляемые правительствомъ въ своемъ государствѣ, суть вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскіе законы.

Въ одиннадцатыхъ, Беллярминъ злоупотребляетъ текстомъ апостола, гдѣ, вмѣсто словъ, выражающихъ чистое понятіе совѣта, употреблены слова, соединяющія съ понятіемъ совѣта понятіе власти. Такъ апостолъ называетъ повиновеніемъ слѣдованіе совѣту: Хвалю васъ, братія, что вы все мое помните, и преподанное мною держите (1 Кор. XI, 2). Но это далеко не значитъ, чтобы преподанное Павломъ было закономъ или вообще чѣмъ-нибудь, кромѣ совѣта.

Текстъ: Вы знаете, какія мы дали вамъ заповѣди (1 Сол. IV, 2)—по-гречески читается такъ: *οἴδατε γὰρ τίνας παραγγελίας ἐδώκαμεν ὑμῖν*, а слово *παραγγελία* значитъ «преподаніе», т. е. не законъ, а совѣтъ. Словомъ *ὑπακούει* (послушаетъ) въ текстѣ: Если кто не послушаетъ словъ нашихъ, въ семъ посланіи, таковаго имѣйте на замѣчаніи и не сообщайтесь съ нимъ, дабы устыдить его. Впрочемъ не почитайте его за врага, а исправляйте какъ брата (2 Сол. III, 14, 15).—Беллярминъ хочетъ доказать, что посланіе къ Ѳессалоникійцамъ было закономъ. Посланія императоровъ были законами. Еслибы еще и посланія св. Павла были законами, то мы были бы обязаны повиноваться двумъ господамъ. Но греческое слово «*ὑπακούα*» означаетъ нетолько исполненіе повелѣній того, кто имѣетъ власть наказать насъ за ослушаніе, но и слѣдованіе совѣту того, кто даетъ намъ здравый совѣтъ къ нашему благу. Поэтому Павелъ запрещаетъ считать врагомъ того, кто не послушаетъ, и повелѣваетъ только убѣждать его, какъ брата, т. е. запрещаетъ бить его, заключать въ темницу, штрафовать, что дозволялось законодателямъ. Изъ этого видно только, что христіане боялись своихъ пастырей изъ уваженія къ нимъ, а не потому, чтобы они имѣли надъ ними власть.

Наконецъ Беллярминъ ссылается на слова: Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ, такъ какъ должны будутъ дать отчетъ (Евр. XIII, 17). Но здѣсь повиноваться опять значитъ слушать совѣта; желая доказать, что мы должны повиноваться нашимъ пастырямъ, апостолъ указываетъ не на власть ихъ, а на пользу, которую они намъ приносятъ, именно, на спасеніе нашихъ душъ. Кромѣ того извѣстно, что мы не вправѣ разбирать и осуждать обязательные для насъ законы, а о пастырскихъ заповѣдяхъ св. Іоаннъ говоритъ: Возлюбленные, не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они (1 Іоан. IV, 1). Изъ этого видно, что христіане могутъ разбирать и оспаривать ученія своихъ пастырей. Оспаривать законы верховной гражданской власти для подданныхъ преступно. Иначе было бы напрасно и учреждать государство; миръ и справедливость уничтожились бы, несмотря ни на какіе законы, божескіе и человѣческіе. Итакъ, никакими текстами Св. Писанія нельзя доказать, чтобы опредѣленія римскихъ папъ были законами за предѣлами временныхъ владѣній ихъ.

Слѣдовательно, послѣдній выводъ Беллярмина, состоящій въ томъ, что кромѣ папъ никто не имѣетъ судебной власти въ церкви, чуждъ отношенія къ спору папъ съ христіанскими правительствами о церковномъ главенствѣ и касается только вопроса объ отношеніи папы къ прочимъ епископамъ. Беллярминъ говоритъ сперва, что судебная власть епископовъ, по крайней мѣрѣ вообще, основывается на божественномъ правѣ, т. е. на правѣ, происходящемъ отъ Самого Бога. Въ доказательство этого онъ приводитъ слова св. Павла: Онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями (Еф. IV, 11),—и заключаетъ изъ нихъ, что всякій епископъ имѣетъ судебную власть по божественному праву, но исходящему не непосредственно отъ Бога, а черезъ папу, которому принадлежитъ непосредственно. Допустимъ даже это. Но существуетъ ли въ христіанскомъ государствѣ какая-нибудь законная, хотя бы чисто гражданская власть, которая не основывалась бы на божественномъ правѣ? Христіанскіе правители получили свою гражданскую власть также непосредственно отъ Бога, какъ папа, если даже справедливы его притязанія на непосредственно божественное происхожденіе его церковной власти. Стало-быть, дѣятельность служителей государства, основанная на правительственномъ полномочіи, относится къ божественному праву точно также, какъ дѣятельность епископовъ, основанная на папскомъ рукоположеніи. Всякая законная власть дается Богомъ: верховнымъ властителямъ—непосредственно, а служителямъ ихъ—посредственно, черезъ властителей. Слѣдовательно, или надо согласиться, что всякій, даже самый ничтожный служитель государственной власти пользуется своею властью на основаніи божественнаго права, или надо отвергнуть и то, чтобы власть епископовъ, за исключеніемъ папы, была основана на этомъ правѣ.

Но спорить о томъ, принадлежитъ ли верховная судебная власть въ церкви, внѣ папскихъ временныхъ владѣній, одному папѣ или всѣмъ епископамъ—все равно, что спорить о козлиномъ молокѣ, потому что ни папа, ни епископы не имѣютъ никакой судебной власти. Судебная власть ничто иное, какъ законная власть разбирать и рѣшать тяжбы между гражданами; она не можетъ принадлежать никому, кромѣ правительства, которое одно можетъ предписывать правила справедливости и несправедливости, т. е. давать законы и насиліемъ принуждать ослушниковъ къ повиновенію.

Беллярминъ указываетъ еще, что Спаситель созвалъ своихъ учениковъ и двѣнадцать изъ нихъ наименовалъ апостолами; но это доказываетъ только, что Христосъ далъ имъ власть проповѣдывать, а не рѣшать тяжбы между согражданами. Самъ Христосъ отказался отъ этой власти, сказавъ: Царство Мое не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36); и въ другомъ мѣстѣ: кто Меня поставилъ судить или дѣлить

васъ? (Лук. XII, 14). Такимъ образомъ Онъ не присвоивалъ Себѣ власти разбирать и рѣшать споры между гражданами. Онъ только далъ апостоламъ право проповѣдывать и крестить всюду, гдѣ это окажется возможнымъ безъ нарушенія гражданскихъ законовъ: припомнимъ снова, что апостолы и Христосъ постоянно учили повиновенію гражданскимъ законамъ.

Всѣ доказательства, которыми Беллярминъ старается доказать, что епископы получаютъ свою судебную власть отъ римскаго папы, не имѣютъ силы, такъ какъ и самъ папа не имѣетъ судебной власти въ чужихъ владѣніяхъ. Но такъ какъ они доказываютъ, что судебная власть епископовъ происходитъ отъ верховной гражданской власти, то я считаю ихъ достойными вниманія.

Первое доказательство взято изъ XI главы книги Числъ и состоитъ въ слѣдующемъ: когда Моисей оказался не въ состояніи управлять израильскимъ царствомъ, Богъ повелѣлъ избрать семьдесять мужей изъ израильскихъ старѣйшинъ, чтобы сообщить имъ часть Моисеева духа. Это не значитъ, чтобы Богъ отнялъ у Моисея часть духа: въ такомъ случаѣ Богъ не возвысилъ бы его, а понизилъ, а Онъ хотѣлъ показать, что власть старѣйшинъ основана на власти Моисея, какъ правильно и остроумно объясняетъ это мѣсто самъ Беллярминъ. Но Моисей имѣлъ у Евреевъ гражданскую власть; слѣдовательно, и семьдесятъ мужей получили свою власть отъ верховной гражданской власти. Итакъ, это мѣсто доказываетъ, что судебная власть епископовъ въ христіанскомъ государствѣ зависитъ отъ верховной гражданской власти, подобно тому, какъ во временныхъ владѣніяхъ папы она зависитъ отъ его власти.

Второе доказательство основано на сущности монархіи. Въ монархіи всякая власть первоначально принадлежитъ одному человѣку; власть всѣхъ прочихъ происходитъ отъ единой власти монарха. Беллярминъ признаетъ церковное правленіе монархическимъ и заключаетъ отсюда, что другіе епископы получаютъ свою судебную власть отъ римскаго епископа. Но каково бы ни было правительство церкви, монархія или, какъ онъ называлъ ее прежде, смѣшанная монархія, во всякомъ случаѣ его разсужденіе говоритъ въ пользу правительствъ. Они неограниченные государи своихъ подданныхъ, т. е. церквей, существующихъ въ ихъ владѣніяхъ, такъ какъ церковь и христіанскій народъ—одно и тоже. Посторонній человѣкъ имѣетъ въ государствѣ не начальственныя права, а развѣ учительскія. Богъ принимаетъ покорность не вынужденную, а добровольную.

Третье доказательство взято изъ св. Кипріана, который называетъ

престолъ Св. Петра главою, источникомъ, корнемъ и солнцемъ, изъ которыхъ проистекаетъ всякая епископская власть. Повидимому, Беллярминъ не зналъ, что вопросовъ права нельзя рѣшать на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Законы природы—лучшее руководство для различія между правомъ и неправдой—указываютъ, что голова, источникъ, корень и солнце всякой судебной власти—правительство, и потому судебная власть епископовъ происходитъ отъ гражданской власти.

Четвертое доказательство Беллярминъ основываетъ на неравенствѣ судебныхъ властей. Онъ говоритъ, что еслибы другимъ епископамъ Богъ также непосредственно далъ судебную власть, то всѣ они имѣли бы равную власть. Но мы видимъ, что одни изъ нихъ бываютъ епископами одного только города, другіе—сотни городовъ, а третьи—цѣлыхъ провинцій. Этихъ степеней Писаніе не полагаетъ; слѣдовательно, все зависитъ оттого, получена ли власть непосредственно или посредственно. Это разсужденіе имѣло бы силу, еслибы предварительно было доказано, что римскій епископъ имѣетъ всеобщую судебную власть надъ всѣми христіанами. Но этого не было и не можетъ быть доказано. Извѣстно, что та обширная власть, которую имѣли римскіе епископы, дана имъ тѣмъ, кто дѣйствительно имѣлъ ее, а именно, римскимъ императоромъ, хотѣвшимъ соединить въ одномъ мѣстѣ столицы имперіи и религіи. Слѣдовательно, епископы получаютъ судебную власть отъ правительства той области, гдѣ живутъ, и самъ папа обязанъ своею властью за предѣлами своихъ временныхъ владѣній правительствамъ государствъ, въ которыхъ пользуется ею.

Пятое доказательство кардинала состоитъ въ слѣдующемъ: еслибы епископы получали свою судебную власть непосредственно отъ Бога, то никто не могъ бы лишать ихъ ея, ибо противъ божественнаго постановленія люди не могутъ идти. Это совершенно вѣрно. Но папа,—говоритъ Беллярминъ—можетъ низлагать епископовъ и часто дѣлалъ это. Дѣйствительно, это бывало и въ папскихъ владѣніяхъ, и даже въ чужихъ, въ послѣднихъ, конечно, съ согласія мѣстнаго правительства. Но нельзя согласиться, чтобы папа могъ поступать такъ вездѣ по праву своего римскаго епископства. Эта власть составляетъ часть власти правительства государства и существенно связана съ верховной гражданской властью. До воцаренія надъ Израилемъ Саула верховная гражданская власть принадлежала первосвященнику, и онъ одинъ могъ низлагать священниковъ. Потомъ, когда эта власть стала принадлежать царямъ, священниковъ могъ низлагать царь. Соломонъ низложилъ Авіаѳара и поставилъ на его мѣсто Садока, и Богъ не осудилъ его за это. Слѣдовательно, только царямъ принадлежитъ власть поставлять и низ-

лагать епископовъ въ своихъ владѣніяхъ, если они сочтутъ это нужнымъ для блага народа.

Шестое доказательство состоитъ въ томъ, что еслибы судебная власть принадлежала епископамъ по непосредственному божественному праву, то это подтверждалось бы Св. Писаніемъ; но они не могутъ доказать этого Писаніемъ. Доказательство хорошо, и я ничего не скажу противъ него. Но оно же доказываетъ, что и папа не имѣетъ никакой судебной власти въ чужихъ владѣніяхъ, потому что паписты не могутъ доказать этого Словомъ Божіимъ.

Наконецъ, Беллярминъ приводитъ свидѣтельство двухъ папъ, Иннокентія и Льва. Я не сомнѣваюсь, что въ этомъ случаѣ онъ могъ бы сослаться на всѣхъ почти папъ послѣ Петра. Властолюбіе такъ нераздѣльно съ человѣческой природой, что немудрено, если папы стараются доказать свои права на власть. Но въ своемъ дѣлѣ свидѣтельство не принимается.

Пятая книга содержитъ четыре положенія: первое, что папа не властелинъ всего міра; во вторыхъ, что папа не властелинъ всего христіанскаго міра; въ третьихъ, что въ чужихъ владѣніяхъ папа не имѣетъ временной судебной власти прямо. Эти три положенія легко допустить. Но нельзя согласиться съ четвертымъ, которое состоитъ въ томъ, что папа имѣетъ верховную временную власть въ чужихъ владѣніяхъ непрямо. Впрочемъ, если подъ этимъ выраженіемъ понимать, что папы пріобрѣли въ нѣкоторыхъ государствахъ власть кривыми путями, то съ этимъ можно согласиться. Но насколько я понимаю мысль кардинала, онъ хочетъ сказать, что папѣ принадлежитъ эта власть по нѣкоторому праву, стоящему въ необходимой связи съ его пастырской властью, такъ какъ безъ нея онъ не можетъ пользоваться своею пастырскою властью, называемой духовною. Подъ этимъ предлогомъ Беллярминъ приписываетъ папѣ право смѣнять правительства, отдавать царства то одному, то другому, смотря по тому, кто ему покажется болѣе способствующимъ спасенію душъ.

Прежде, чѣмъ разсматривать его доказательства, я нахожу нелишнимъ вкратцѣ показать важность этого положенія. Правительства должны хорошенько взвѣсить его, старательно обдумать, можетъ ли оно быть полезно для блага ихъ подданныхъ, въ которомъ имъ прійдется отдать отчетъ, и можно ли допускать его, не подвергаясь опасности.

Беллярминъ отрицаетъ, что папа имѣетъ въ чужихъ владѣніяхъ верховную власть прямо. Это у него значитъ, что папы получаютъ эту власть не такъ какъ правительства, т. е. не черезъ договорное подчиненіе управляемыхъ. Но папа присвоиваетъ себѣ ту же власть другимъ

путемъ, даже не спрашивая согласія народа, а какъ даръ Божій, даваемый ему при его возшествіи на папство. Но какимъ бы путемъ онъ ни получилъ ее, власть всегда останется одной и той же, и въ силу этой власти, если ее допустить, онъ можетъ по праву лишать властителей владѣній, какъ скоро это покажется ему ведущимъ къ спасенію душъ, т. е. когда ему вздумается. Право судить о томъ, ведетъ ли чтонибудь къ спасенію душъ или нѣтъ, онъ присвоиваетъ себѣ одному. Это ученіе защищаетъ нетолько Беллярминъ въ своей книгѣ и преподаютъ многіе другіе учители въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ, но подтверждали даже нѣкоторые соборы своими рѣшеніями и при удобныхъ случаяхъ прилагали къ дѣлу. Латеранскій соборъ при Иннокентіи III постановилъ слѣдующій канонъ: если правитель, несмотря на убѣжденія папы, не очиститъ свое царство отъ еретиковъ и, будучи за это отлученъ, впродолженіе года не удовлетворитъ требованію папы, то подданные его разрѣшаются отъ покорности (De haereticis, cap. 3). Это ученіе осуществлялось какъ прежде, такъ и послѣ этой буллы. Такъ до нея былъ низложенъ Хильперикъ, король Галліи, папою Захаріемъ; Римская имперія была передана Карлу Великому; король Іоаннъ подвергся преслѣдованіямъ въ Англіи; а послѣ нея королевство Наварра было передано королю Испаніи, и недавно духовныя особы вступили въ заговоръ съ вельможами Франціи противъ короля Генриха III. Я думаю, немногимъ государямъ понравятся подобные поступки. Но этого мало: правительства должны наконецъ рѣшить, хотятъ ли они быть государями или подданными. Народъ не можетъ служить двумъ господамъ. Правительства должны защищать свою власть, удерживая ее за собой въ цѣлости, или окончательно передать ее папѣ. Раздѣленіе власти на духовную и свѣтскую— пустое слово; допущеніе косвенной посторонней власти производитъ такое же опасное раздѣленіе, какъ и вмѣшательство посторонней прямой власти. Но обратимся къ разбору доводовъ Беллармина.

Первый доводъ его состоитъ въ слѣдующемъ: гражданская власть по существу своему ниже духовной. Слѣдовательно, тотъ, кто имѣетъ верховную духовную власть, можетъ повелѣвать свѣтскимъ властителямъ и располагать ихъ мірскими дѣлами согласно духовнымъ интересамъ. Чтобы отвѣтить на это, надо подумать сперва, въ какомъ смыслѣ можно сказать, не впадая въ нелѣпость, что свѣтская власть подчинена духовной. Когда говорятъ, что одна власть подчинена другой, это значитъ, что или одинъ властитель подчиненъ другому, или что одна власть подчинена другой, какъ средство—цѣли. Мы не можемъ представить, чтобы одна власть или одно право имѣли власть или право надъ другой властью или правомъ. Подчиненіе, сила, право и власть

принадлежатъ не властямъ, а лицамъ. Одна власть можетъ быть подчинена другой, какъ средство цѣли, какъ напр. сѣдельное ремесло подчинено наѣздничеству. Итакъ, можно допустить, что гражданская власть подчинена духовной, какъ средство для достиженія духовнаго блаженства; но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что если гражданская власть принадлежитъ правительству, а духовная—папѣ, то правительство обязано повиноваться папѣ болѣе, чѣмъ сѣдельный мастеръ наѣзднику. Изъ второстепеннаго значенія одного ремесла въ сравненіи съ другимъ нельзя заключать, чтобы первый ремесленникъ былъ подчиненъ второму; такъ и изъ второстепеннаго значенія одного вѣдомства власти передъ другимъ нелѣпо выводить, что первый властитель подчиненъ второму. Но Беллярминъ, говоря, что гражданская власть подчинена духовной, имѣетъ именно въ виду сказать, что гражданское правительство подчинено духовному владыкѣ. Слѣдовательно, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: верховная гражданская власть подчинена верховной духовной власти; поэтому духовный властитель имѣетъ право повелѣвать свѣтскимъ правителямъ, и правительства—подданные папы. Стало-быть, въ выводѣ у него только повторяется то, что сказано въ посылкахъ, и потому положеніе остается недоказаннымъ. Далѣе впрочемъ онъ старается доказать свою основную мысль, говоря, что правители и папы, клиръ и народъ, составляютъ одно государство, т. е., одну церковь; но что во всякомъ тѣлѣ органы подчинены другъ другу. Только духовная область не зависитъ отъ физической; слѣдовательно, временное зависитъ отъ духовнаго и потому подчинено ему. Въ этомъ разсужденіи скрываются двѣ довольно грубыя ошибки. Во первыхъ, Беллярминъ говоритъ, что правители, папы и всѣ прочіе христіане составляютъ одно государство. Но всякій знаетъ, что Испанія—одно государство, Франція—другое, Венеція—третье и пр. Каждое изъ этихъ государствъ состоитъ изъ христіанъ и, слѣдовательно, каждое составляетъ особую церковь. Каждое имѣетъ особое правительство, дѣйствующее какъ одно лицо, съ которымъ можно говорить, совѣтоваться, дѣйствовать и проч. Весь христіанскій міръ не имѣетъ на землѣ подобнаго общаго представителя; а еслибы имѣлъ, то этотъ представитель обладалъ бы полной духовной и свѣтской властью надъ всѣми христіанами. Папа не можетъ считаться такимъ общимъ представителемъ и монархомъ, потому что не имѣетъ трехъ вещей, которыхъ не далъ ему Спаситель, именно, права повелѣвать, права судить и права наказывать. Если даже допустить, что папа есть единственный намѣстникъ Христа на землѣ, то все-таки онъ не можетъ пользоваться своимъ намѣстничествомъ, пока Спаситель не пріидетъ въ послѣдній день и не начнетъ царствовать; но и тогда не папа, а самъ св. Петръ съ прочими апостолами будетъ судить міръ.

Вторая ошибка этого разсужденія состоитъ въ томъ, будто всѣ члены государства зависятъ одинъ отъ другаго, подобно органамъ естественнаго тѣла. Нельзя отрицать, что члены государства стоятъ во взаимной связи; но зависятъ они только отъ верховной власти, то есть, отъ души государства. Съ ея исчезновеніемъ исчезаютъ и они, такъ что никодинъ человѣкъ не связанъ съ другимъ, когда нѣтъ верховнаго властителя, отъ котораго зависятъ всѣ прочіе люди. Такъ и члены естественнаго тѣла разлагаются и разсыпаются въ прахъ, какъ скоро тѣло покинетъ сдерживавшая ихъ душа. Слѣдовательно, это сравненіе даетъ понятіе не о зависимости народа отъ духовенства или свѣтскихъ служителей государства отъ духовныхъ, а о зависимости тѣхъ и другихъ отъ верховной власти. Законодатель обязанъ направлять законы къ спасенію душъ; но онъ обязанъ этимъ не передъ людьми, а лишь передъ Богомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ неудачно сравненіе Беллармина, которымъ онъ думаетъ увлечь читателя, неумѣющаго различить подчиненія средства цѣли отъ подчиненія другъ другу лицъ, выполняющихъ эти средства. Средства для всякой цѣли опредѣляются или природой, или сверхъестественно Самимъ Богомъ; но власть принуждать людей пользоваться средствами всюду по законамъ природы принадлежитъ верховной гражданской власти.

Второе доказательство состоитъ въ слѣдующемъ: Государство можетъ давать приказаніе другому государству, неподчиненному ему прямо, можетъ силою принуждать его измѣнять образъ правленія и даже, что еще важнѣе, низлагать свое правительство и возводить на его мѣсто другое; всякое государство имѣетъ право дѣйствовать подобнымъ образомъ въ отношеніи другого, если не имѣетъ иного средства оградить себя отъ оскорбленій съ его стороны; тѣмъ болѣе духовное государство можетъ повелѣвать свѣтскому измѣнить у себя образъ правленія, низложить властителя, поставить на его мѣсто другого, если иначе не можетъ охранить духовнаго блага христіанъ.

Дѣйствительно, нельзя отвергать, и я доказалъ это выше, что государство можетъ дѣлать все это для своей обороны отъ обидъ. Справедливо, что правитель независимаго духовнаго государства, если бы такое существовало, могъ бы принимать всѣ мѣры для огражденія себя отъ оскорбленій и для вознагражденія нанесенныхъ ему потерь, и за неимѣніемъ другихъ средствъ имѣлъ бы полное право воевать съ противниками, низлагать ихъ, убивать, подчинять и вообще совершать противъ нихъ всякія враждебныя дѣйствія. Но на томъ же основаніи

и свѣтскій владѣтель можетъ также поступать съ оскорбляющимъ его независимымъ духовнымъ правителемъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Это ли желалъ доказать кардиналъ?

Однако это еще не все: въ здѣшнемъ мірѣ духовнаго царства не существуетъ въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ Беллярминъ. Его духовное царство тождественно съ царствомъ Христа, а Христосъ воцарится только по второмъ пришествіи, когда воскреснутъ умершіе, вѣровавшіе во Христа. Пока государства состоятъ изъ живыхъ гражданъ, а не изъ воскресшихъ мертвецовъ, о духовномъ царствѣ Христа не можетъ быть и рѣчи.

Третье доказательство Беллярмина таково: Христіане не должны терпѣть надъ собой правителя невѣрующаго или еретика, если онъ старается отвращать ихъ отъ вѣры. Право же судить, старается ли онъ или нѣтъ склонять подданныхъ къ ереси, принадлежитъ папѣ. Слѣдовательно, папа имѣетъ право рѣшать, должны ли подданные низложить правителя или сохранить вѣрность ему.

Это доказательство состоитъ изъ двухъ ложныхъ положеній. Ложно, во первыхъ, чтобы христіанинъ обязанъ былъ въ какомъ бы то ни было случаѣ отлагаться отъ своего правительства. Бунтъ противенъ естественнымъ и положительнымъ божественнымъ законамъ. Во вторыхъ, ложно, чтобы кто-нибудь, кромѣ верховной гражданской власти, могъ судить ересь. Ересь есть ничто иное, какъ частное мнѣніе, упорно защищаемое вопреки законамъ государства. Слѣдовательно, еретическимъ никакъ не можетъ быть мнѣніе допущенное или предписанное законами государства.

Желая доказать, что христіане не должны терпѣть правителя невѣрующаго или еретика, Беллярминъ ссылается на Второзаконіе (XVII, 15), гдѣ запрещается избирать въ цари иностранца. Отсюда онъ заключаетъ, что христіанину непозволительно избирать себѣ въ цари нехристіанина. Конечно, христіанинъ, то есть, тотъ, кто однажды обязался признавать Спасителя и служить Ему, тяжко оскорбилъ бы Бога, если бы избралъ себѣ въ цари человѣка, который, какъ ему навѣрно извѣстно, будетъ стараться отвлечь его отъ вѣры. Но, говоритъ Беллярминъ, избрать въ цари нехристіанина также опасно, какъ не свергнуть уже избраннаго невѣрнаго. Кардиналъ упускаетъ изъ вида, что вопросъ здѣсь вовсе не объ опасности, а о правѣ избирать и низлагать. Избирать въ цари невѣрнаго грѣшно; но низложить избраннаго, хотя бы невѣрнаго — всегда преступно, потому что противно принятому обязательству. Исторія показываетъ, что ни въ вѣкъ апостоловъ, ни во времена римскихъ императоровъ христіане не проповѣдовали подобнаго ученія, пока не

возвысилось папство. Беллярминъ отвѣчаетъ на это свидѣтельство исторіи, что древніе христіане только потому не низложили ни Нерона, ни Діоклетіана, ни Юліана, ни аріанина Валента, что были еще слишкомъ слабы. Пусть будетъ такъ. Но неужели и Христосъ не имѣлъ достаточно силы, чтобы низложить цезаря или, по крайней мѣрѣ, Пилата, который безвинно предалъ Его Іудеямъ на распятіе? Положимъ, что апостолы были безсильны низложить Нерона; но зачѣмъ же въ своихъ посланіяхъ они учили обращенныхъ оказывать должное повиновеніе властямъ (именно, Нерону и другимъ цезарямъ), и не только изъ страха, но и по совѣсти. Неужели они говорили противъ совѣсти, изъ страха, потому что были слабы? Предположить этого нельзя, и стало быть, они терпѣли языческихъ и еретическихъ государей не по слабости, а потому, что было бы грѣшно не терпѣть. Беллярминъ утверждаетъ, будто св. Павелъ заповѣдалъ вѣрующимъ избирать своихъ судей, помимо языческихъ, поставленныхъ правительствомъ; но это неправда. Св. Павелъ убѣждаетъ только Коринѳянъ рѣшать свои споры частнымъ образомъ, через посредниковъ изъ вѣрующихъ, вмѣсто того, чтобы судиться въ языческихъ судахъ. Это совѣтъ здравый, полный любви и достойный подражанія въ лучшихъ христіанскихъ государствахъ. Но подданный не можетъ судить заблужденій государя и рѣшать, опасенъ ли правитель для религіи; если бы подданные могли судить объ этомъ, то и во временныхъ владѣніяхъ самого папы граждане имѣли бы право судить своего государя и его ученіе.

Четвертое доказательство Беллярминъ основываетъ на томъ, будто, принимая крещеніе, государи подчиняютъ свои державы Христу и обѣщаютъ соблюдать и охранять христіанскую вѣру. Это справедливо, потому что христіанскіе государи сами подданные Христа; но это не мѣшаетъ имъ быть равными папамъ.

Пятое доказательство Беллярминъ заимствуетъ изъ словъ Христа: паси овецъ моихъ (Іоан. XXI, 16, 18). Онъ говоритъ, что въ этихъ словахъ папѣ дана вся власть, необходимая для пастыря, какъ-то власть отгонять волковъ, то есть еретиковъ, держать въ заключеніи свирѣпыхъ барановъ, которые бодаютъ стадо, то есть злыхъ, хотя бы и христіанскихъ правителей, кормить свое стадо и проч. Вотъ какую власть, говоритъ онъ, далъ Христосъ св. Петру. Здѣсь подъ властью кормить (духовною пищею) разумѣется ничто иное, какъ право проповѣдывать. Въ доказательство власти отгонять еретиковъ Беллярминъ ссылается на слова: Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные (Мѳ. VII, 15). Но еретики не лжепророки, и апостоламъ

предписывается не убивать ихъ, хотя бы они и были волками, и не низлагать ихъ, если они правители, а лишь уклоняться отъ нихъ, остерегаться и убѣгать ихъ. И это сказано Христомъ не св. Петру и не апостоламъ, а толпѣ Евреевъ, слѣдовавшей за Нимъ на гору и большею частью еще необращенной. Что касается власти усмирять свирѣпыхъ барановъ и отдѣлять ихъ отъ стада, то Самъ Спаситель отказался отъ этой власти въ настоящемъ мірѣ, повелѣвъ пшеницѣ и плевеламъ расти вмѣстѣ до суднаго дня. Послѣ этого само собою разумѣется, что Онъ не далъ ее св. Петру, а потому св. Петръ не могъ дать своимъ преемникамъ. Петру и прочимъ пастырямъ было повелѣно только считать Христiанъ, неслушающихъ церковь, язычниками и мытарями. А такъ какъ папа не имѣетъ власти надъ язычниками, то не имѣетъ ея и надъ тѣми, которые должны считаться язычниками.

Кромѣ того Беллярминъ изъ права проповѣдывать выводитъ для папы принудительную власть въ отношенiи къ правителямъ. Дѣло пастыря, говоритъ онъ, пасти стадо; слѣдовательно, папа можетъ принуждать правителей исполнять свой долгъ. Отсюда слѣдуетъ, что папа, будучи пастыремъ христiанъ, есть въ то же время царь царей. Предоставляю самимъ правителямъ судить можно ли допускать подобное ученiе.

Шестое и послѣднее доказательство состоитъ изъ примѣровъ. Но примѣры ничего не доказываютъ. Притомъ примѣры Беллармина особенно неудачны. Первосвященникъ Iодай умертвилъ царицу Гоѳолiю (4 Цар. XI): если онъ сдѣлалъ это по приказанiю царя Iоаса, то объ этомъ нечего и толковать, а если онъ поступилъ самовольно, то совершилъ великое преступленiе, потому что въ то время первосвященникъ уже не былъ государемъ. Отлученiе императора Ѳеодосiя св. Амвросiемъ было, по правдѣ сказать, уголовнымъ преступленiемъ, оскорбленiемъ величества. Примѣры рѣшенiй папъ Григорiя I, Григорiя II, Захарiи и Льва III не имѣютъ силы, потому что все дѣло именно въ томъ, законны ли подобныя папскiя рѣшенiя. Несомнѣнно, что поступки, основанные на нихъ, какъ напр. поступокъ папы Захарiи, суть величайшiя преступленiя, какiя только можетъ совершить человѣкъ.

Этимъ я могу заключить изслѣдованiе о церковной власти. Я не сталъ бы такъ распространяться и вдаваться въ столь подробный разборъ папскаго ученiя, еслибы не имѣлъ противникомъ Беллармина, главнаго бойца папства противъ христiанскихъ правительствъ.

ГЛАВА XLIII.

Объ условiяхъ принятiя въ Царство Небесное.

Трудность согласовать повиновенiе Богу съ послушанiемъ людямъ.

Предлогомъ къ возмущенiямъ и къ междоусобiямъ чаще всего служилъ вопросъ о согласованiи повиновенiя Богу съ послушанiемъ людямъ. Этотъ предлогъ нельзя считать уничтоженнымъ, пока будетъ казаться, что законы Бога противорѣчатъ человѣческимъ. Трудность состоитъ не въ вопросѣ, кому больше повиноваться—Богу или людямъ, а въ томъ, что никогда нельзя узнать, исходитъ ли извѣстное повелѣнiе, даваемое во имя Божiе, дѣйствительно отъ Бога или отъ людей, злоупотребляющихъ именемъ Божiимъ для собственной выгоды. Такъ въ древней iудейской церкви являлись многiе лжепророки, прiобрѣтавшiе благосклонность народа вымышленными снами и видѣнiями. Точно также и въ Христовой церкви являются ложные учители и стараются прiобрѣсти уваженiе народа ложными и нелѣпыми ученiями съ намѣренiемъ прiобрѣсти влiянiе на народъ и извлечь изъ него разныя выгоды.

Она разрѣшается познанiемъ условiй принятiя въ Царство Небесное.

Кто способенъ разсудить, какiя условiя нужны человѣку для принятiя въ Царство Божiе, для того этого затрудненiя не существуетъ, тотъ можетъ согласовать повиновенiе Богу съ послушанiемъ верховной гражданской власти. Если я знаю, что повелѣнiе верховной власти можетъ быть соблюдаемо безъ опасности для вѣчнаго спасенiя, то не повиноваться ему было бы съ моей стороны преступленiемъ. Апостолъ говоритъ: Дѣти, слушайте своихъ родителей (Ефес. VI, 1); рабы, слушайте своихъ господъ (Ефес. VI, 5). И Спаситель сказалъ: На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи: все что они велятъ вамъ, наблюдайте и дѣлайте (Мѳ. XXIII, 3). Если же повелѣнiе таково, что повиноваться ему невозможно, не подвергаясь вѣчному осужденiю, то повиновенiе было бы безумiемъ. Въ такомъ случаѣ должно слѣдовать совѣту Спасителя: Не бойтесь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить душу (Мѳ. X, 28). Поэтому всякiй желающiй избѣжать и каръ настоящаго мiра за нарушенiе гражданскихъ законовъ, и каръ будущаго мiра за сопротивленiе Богу, долженъ твердо знать, что именно необходимо для вступленiя въ Царство Небесное.

Вѣра и послушаніе — единственныя условія.

Все необходимое для вѣчнаго спасенія заключается въ двухъ условіяхъ—въ вѣрѣ во Христа и въ повиновеніи законамъ. Достаточно было бы даже одной второй добродѣтели, еслибы она была совершенна. Но такъ какъ всѣ мы виновны въ ослушаніи Богу не только въ первобытномъ ослушаніи Адама, но и въ нашихъ личныхъ проступкахъ, то кромѣ повиновенія Богу намъ необходимо еще получить отпущеніе этихъ проступковъ, которое дается намъ вѣрою. Ничего другаго не нужно для спасенія. Это очевидно изъ того, что царство Божіе закрыто только нарушителямъ законовъ, но отворяется даже имъ, какъ скоро они раскаются и увѣруютъ въ догматы христіанской вѣры, необходимые для спасенія.

Богъ обѣщалъ вмѣнять намъ желаніе въ совершеніе, такъ что относительно повиновенія отъ насъ требуется только искреннее желаніе повиноваться. Вотъ почему повиновеніе часто предписывается намъ подъ именемъ благости и любви; благость и любовь выражаютъ просто лишь желаніе повиноваться. Спаситель называетъ любовь къ Богу и ближнему исполненіемъ всего закона. Иногда вмѣсто повиновеніе Писаніе говоритъ правда, потому что правда состоитъ въ желаніи воздавать каждому свое, т. е., повиноваться законамъ. Иногда даже повиновеніе называется раскаяніемъ, потому что покаяніе значитъ отвращеніе отъ грѣха, т. е., желаніе возвратиться къ повиновенію. Слѣдовательно, всякій желающій отъ полнаго и чистаго сердца исполнять повелѣнія Бога, всякій искренно кающійся въ грѣхахъ и любящій Бога отъ всего сердца, а ближняго какъ самого себя, соблюдаетъ все повиновеніе, необходимое для вѣчнаго спасенія. Еслибы Богъ требовалъ полной невинности, то никто не могъ бы спастись. Но Богъ принимаетъ правду человѣческую, т. е., волю, покорную Богу, и требуетъ только, чтобы мы старались сохранить невинность.

Какимъ же повелѣніямъ Божіимъ необходимо повиноваться? Всѣ ли Моисеевы законы божественны? Если они — законы Божіи, то почему насъ, христіанъ, не учатъ повиноваться имъ. Если же они не божественны, то есть ли какіе-нибудь другіе божественные законы, кромѣ законовъ природы? Спаситель не далъ намъ никакихъ новыхъ законовъ, но училъ соблюдать прежніе, т. е. законы природы и законы гражданскіе. Законъ Божій, повелѣвающій повиноваться гражданскимъ законамъ, повелѣваетъ, стало быть, повиноваться и всѣмъ заповѣдямъ св. Писанія. Но Писаніе составляетъ законъ только тамъ, гдѣ оно принято въ число законовъ гражданской властью; безъ этого его заповѣди лишь совѣты, которымъ всякій воленъ слѣдовать или не слѣдовать, по своему усмотрѣнію.

Объяснивъ, въ чемъ состоитъ повиновеніе, необходимое для вѣчнаго спасенія, и кому должно повиноваться, разсмотримъ теперь вѣру, т. е., кому и почему мы вѣримъ и въ какіе догматы необходимо вѣровать, чтобы спастись. Во первыхъ, мы вѣримъ лицу, которое что нибудь говорило намъ; но если мы не знаемъ, что именно сказано, то вѣрить нельзя. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей и пророки вѣрили Богу, Который говорилъ съ ними сверхъестественнымъ образомъ. Апостолы и ученики вѣрили Христу, потому что слышали Его говорящимъ. Но нельзя сказать, что Богу вѣрятъ тѣ, съ которыми ни Богъ, ни Христосъ никогда Сами не говорили; эти люди вѣрятъ не Богу, а апостоламъ, пастырямъ и учителямъ, которые передаютъ имъ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта. Итакъ, по вознесеніи Христа вѣра христіанъ основывалась сперва на довѣріи къ проповѣдникамъ, а потомъ на авторитетѣ тѣхъ, которые обратили Св. Писаніе въ правило вѣры; а это могли сдѣлать только правительства. Стало быть, правительства — верховные пастыри, и въ настоящее время христіане слышатъ Слово Божіе только изъ ихъ устъ, кромѣ развѣ тѣхъ, съ кѣмъ Богъ и теперь бесѣдуетъ непосредственно сверхъестественнымъ образомъ, если только подобныя лица существуютъ. Слѣдовательно, такъ какъ право изслѣдовать ученія принадлежитъ верховной власти, то она же должна опредѣлять и вѣру подданныхъ.

Причины, по которымъ мы вѣримъ въ христіанское ученіе, различны. Вѣра есть даръ Божій, и Богъ возбуждаетъ ее въ людяхъ различными путями, какими Ему угодно. Чаще всего ближайшая причина вѣры въ какой-нибудь догматъ заключается въ предвзятомъ убѣжденіи, что Св. Писаніе есть слово Божіе. Вопросъ, почему мы вѣруемъ, что Св. Писаніе есть слово Божіе, служитъ предметомъ многихъ споровъ, какъ всегда бываетъ, когда вопросы задаются въ нелѣпой формѣ. Обыкновенно спрашиваютъ не о томъ, почему мы вѣруемъ, а о томъ, откуда мы знаемъ, какъ будто вѣровать и знать одно и тоже. Поэтому одна сторона старается основать свое знаніе на непогрѣшимости церкви, а другая — на свидѣтельствѣ своего частнаго духа, и ни та, ни другая ничего этимъ не доказываютъ. Вѣра въ непогрѣшимость церкви сама основана на вѣрѣ въ непогрѣшимость Писанія; стало быть, на нее ссылаться нелогично. Что касается свидѣтельства частнаго духа, то подъ этимъ безсмысленнымъ выраженіемъ скрывается просто или слѣпое слѣдованіе чужому авторитету, или собственныя измышленія пустого самодовольства. Въ Св. Писаніи ни однимъ словомъ не намекается даже на непогрѣшимость церкви; тѣмъ болѣе въ немъ нѣтъ ничего въ пользу непогрѣшимости какихъ нибудь частныхъ выдумокъ.

Итакъ, христіане очевидно не знаютъ, что Св. Писаніе есть слово Божіе, а только вѣруютъ въ это, и причина этой вѣры чаще всего основана на довѣріи къ авторитету учителей. Св. Павелъ говоритъ объ этомъ: Итакъ вѣра отъ слуха; — и еще: Какъ вѣровать въ того, о комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдника? (Рим. X, 17, 14)? Ясно, стало быть, что мы вѣруемъ въ божественность Св. Писанія по той же причинѣ, по которой вѣримъ во всѣ прочіе догматы, а именно потому, что такъ говорятъ намъ наши законные авторитеты—дома родители, а въ церквахъ—пастыри. Въ христіанскихъ государствахъ всѣ вѣруютъ или по крайней мѣрѣ исповѣдуютъ вѣру въ божественность Св. Писанія, а въ прочихъ государствахъ этому вѣруютъ очень немногіе. Почему это такъ, если не потому, что въ христіанскихъ государствахъ этому учатъ съ дѣтства, а въ нехристіанскихъ внушаютъ противное?

Но если причина вѣры — ученіе, то почему есть невѣрующіе? Очевидно, потому, что вѣра есть даръ Божій, который дается не всѣмъ. Однако, хотя вѣра дается Самимъ Богомъ, но дается черезъ учителей, и потому непосредственная причина вѣры все-таки заключается во внушеніи. Такъ, въ школѣ, гдѣ много учениковъ, одни успѣваютъ, а другіе отстаютъ, и эта разница не всегда зависитъ отъ учителя. Всѣ блага происходятъ отъ Бога, но обыкновенно путемъ естественнымъ. Слѣдовательно, недолжно безразсудно вѣрить всякому, кто выдаетъ свое ученіе за сверхъестественный даръ Божій; всякое ученіе должно быть предварительно разсмотрѣно церковью.

Впрочемъ для нашего вопроса все равно, на чемъ основано наше убѣжденіе въ божественности Св. Писанія, на знаніи, на вѣрѣ или на предположеніи; какъ бы то ни было, но если я покажу ясными словами самого Писанія, какія вѣрованія единственно необходимы для вѣчнаго спасенія, то прійдется согласиться, что только эти вѣрованія важны; тогда будетъ совершенно все равно, знаемъ ли мы остальные догматы, или вѣримъ въ нихъ, или предполагаемъ ихъ.

Единственный безусловно необходимый для вѣчнаго спасенія догматъ состоитъ въ признаніи, что Іисусъ есть Христосъ. Подъ именемъ Христа разумѣется Тотъ Царь, Котораго Богъ устами ветхозавѣтныхъ пророковъ обѣщалъ послать въ міръ, чтобы Онъ воцарился надъ Іудеями и другими народами, которые увѣруютъ въ Него и возвратилъ намъ вѣчную жизнь, утраченную нами черезъ Адама. Доказавъ это, я покажу, въ какой мѣрѣ необходимы нѣкоторые другіе догматы.

Доказать, что вся вѣра, необходимая для спасенія, состоитъ въ одномъ догматѣ: Іисусъ есть Христосъ — очень нетрудно: это явствуетъ изъ самой цѣли Евангелія. Цѣлью Евангелія было, описавъ жизнь Спасителя, утвердить этотъ одинъ догматъ. Содержаніе Евангелія отъ Матѳія слѣдующее: Іисусъ происходилъ изъ колѣна Давидова, родился отъ дѣвы; волхвы приходили признать Его царемъ іудейскимъ и поклониться Ему; Иродъ старался убить Іисуса, чтобы помѣшать Его воцаренію; Іоаннъ Креститель провозгласилъ Его царемъ; Самъ Христосъ и Его апостолы проповѣдывали, что Онъ царь; Онъ училъ закону не какъ книжники, а какъ верховный повелитель; Онъ исцѣлялъ болѣзни однимъ словомъ и совершалъ другія чудеса, которыя долженъ былъ совершать Христосъ по предсказанію пророковъ; убѣждалъ учениковъ не вѣрить другимъ, которые объявятъ себя христами; былъ взятъ подъ стражу, обвиненъ и убитъ за то, что называлъ Себя царемъ; на Его крестѣ было написано: Іисусъ Назорянинъ, Царь Іудейскій (Іоан. XIX, 18). Все это направлено къ увѣренію людей, что Іисусъ есть Христосъ. Таково содержаніе Евангелія, написаннаго Матѳіемъ. Остальные евангелисты имѣли ту же цѣль. Іоаннъ ясно говоритъ о своемъ Евангеліи въ концѣ его: Сіе же написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій (Іоан. XX, 31).

Вторымъ доказательствомъ можетъ служить предметъ апостольскихъ проповѣдей, какъ до, такъ и по вознесеніи Христа. До Своего вознесенія Онъ послалъ апостоловъ проповѣдывать царство Божіе (Лук. IX, 2), и заповѣдалъ имъ только слѣдующее: И куда прійдете, проповѣдуйте, говоря: близко царствіе небесное (Мѳ. X, 7), т. е., что Іисусъ есть Мессія, Христосъ, Царь, Который долженъ былъ прійти. По вознесеніи Христовомъ они проповѣдовали тоже: Повлекли Іасона и нѣкоторыхъ братьевъ къ городскимъ начальникамъ, крича: эти всесвѣтные возмутители пришли и сюда, а Іасонъ принялъ ихъ: и всѣ они поступаютъ противъ повелѣній кесаря, почитая царемъ другого, Іисуса.—Павелъ по обыкновенію своему пришелъ къ нимъ и по три субботы говорилъ съ ними изъ Писанія, открывая и доказывая, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ, и что сей Іисусъ есть Христосъ, Котораго я проповѣдую вамъ. (Дѣян. XVII, 6, 7, 2, 3).

Третье доказательство можно основать на текстахъ Св. Писанія, гдѣ говорится, что вѣра, необходимая для спасенія, очень легка. Еслибы необходимо требовалось искреннее согласіе ума на всѣ догматы вѣры, которые преподаетъ церковь и большинство которыхъ теперь оспаривается, то не было бы ничего труднѣе, какъ быть христіаниномъ. А между тѣмъ разбойникъ на крестѣ получилъ спасеніе только за то, что сказалъ: Помяни меня Господи, когда прійдешь въ царствіе

Твое (Лук. XXIII, 42); онъ спасся, потому что въ этихъ словахъ исповѣдалъ догматъ, что Іисусъ есть Христосъ. Еслибы требовалось больше вѣры, Христосъ не могъ бы сказать: Иго мое благо, и бремя мое легко (Мѳ. XI, 30);—не могъ бы назвать дѣтей вѣрующими въ Него (Мѳ. XVIII, 6), и Павелъ не могъ бы сказать: Благоугодно было Богу спасти вѣрующихъ невѣжествомъ проповѣди (I Кор. I, 21); онъ самъ не могъ бы такъ внезапно сдѣлаться христіаниномъ, а тѣмъ болѣе такимъ великимъ учителемъ, никогда ничего не слыхавъ о пресуществленіи, о чистилищѣ и прочихъ догматахъ, которыми изобилуетъ нынѣшняя церковь, еслибы все это было необходимо для спасенія.

Четвертый доводъ основанъ на нѣсколькихъ текстахъ, смыслъ которыхъ никогда не подвергался сомнѣнію. Таковы слова: Изслѣдуйте Писанія, ибо вы сами думаете черезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную, а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ (Іоанн. V, 39). Писаніе, о которомъ здѣсь говорится, есть Ветхій Завѣтъ, такъ какъ Новый Завѣтъ былъ еще ненаписанъ. Но Ветхій Завѣтъ не содержитъ въ себѣ о Христѣ ничего, кромѣ примѣтъ и указаній, по которымъ по пришествіи Его можно было узнать въ Немъ Мессію. Такъ здѣсь сказано, что Онъ произойдетъ изъ колѣна Давидова, родится въ Виѳлеемѣ отъ дѣвы и совершитъ великія чудеса. Слѣдовательно, вѣровать, что Іисусъ есть Христосъ достаточно для вѣчной жизни; а вѣровать болѣе, чѣмъ достаточно, нѣтъ необходимости, и стало-быть, необходимъ только это догматъ. Іоаннъ говоритъ: И всякой живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ (Іоанн. XI, 26). Вѣрить въ Іисуса значитъ вѣрить, что Онъ—Христосъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ: Вѣришь ли сему? Она (Мароа) говоритъ Ему: Такъ, Господи, я вѣрую, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, Которому надлежало придти въ міръ (Іоан. XI, 27). Слѣдовательно, для спасенія достаточно одного этого догмата. Слова: Сіе же написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и дабы, вѣруя, имѣли жизнь во имя Его (Іоанн. XX, 31)—опять значатъ тоже, т. е. что вѣры въ божественность Іисуса достаточно для полученія вѣчной жизни. Тотъ же смыслъ имѣютъ и другіе тексты: Всякой духъ, который признаетъ Іисуса Христа пришедшаго во плоти, есть отъ Бога (1 Іоанн. IV, 2); Всякой вѣрующій, что Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ. Кто побѣдитель міра, какъ не тотъ, кто вѣруетъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій (1 Іоанн. V, 1, 5). И евнухъ сказалъ Филиппу: Вотъ вода: что препятствуетъ мнѣ креститься? Филиппъ сказалъ: можно если вѣруешь отъ всего сердца. Онъ сказалъ въ отвѣтъ: вѣрую, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій (Дѣян. VIII, 36, 37). Слѣдовательно, одного вѣрованія, что Іисусъ есть Христосъ, достаточно для крещенія, т. е. для принятія въ царство Божіе, и стало-быть, только это вѣрованіе необходимо. Вообще всюду, гдѣ Христосъ говоритъ: Вѣра твоя спасла тебя (Лук. XVII, 19, XVIII, 42 и пр.)—Онъ говоритъ это по поводу какого-нибудь заявленія, прямо или косвенно выражавшаго признаніе Его божественности.

Послѣднее доказательство мы можемъ заимствовать изъ тѣхъ текстовъ Писанія, въ которыхъ этотъ догматъ прямо называется основаніемъ вѣры. Къ числу такихъ текстовъ принадлежатъ, во первыхъ, слова: Тогда ежели кто вамъ скажетъ: вотъ здѣсь Христосъ или тамъ, не вѣрьте. Ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки, и явятъ великія знаменія и чудеса и пр. (Мѳ. XXIV, 23). Отсюда видно, что вѣру въ божественность Іисуса должно хранить, хотя бы отрицающіе это совершали великія чудеса. Во второмъ текстѣ говорится: Но хотя бы и мы или ангелъ съ небеси сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема (Гал. I, 8). Павелъ и прочіе апостолы благовѣствовали именно, что Іисусъ есть Христосъ; слѣдовательно, не слѣдуетъ вѣрить даже ангелу съ неба, нетолько смертному человѣку, если они будутъ учить противному. Стало-быть, этотъ догматъ есть основаніе христіанской вѣры. Третій текстъ гласитъ: Возлюбленные, не всякому духу вѣрьте... Всякій духъ, который признаетъ Іисуса Христа пришедшаго во плоти, есть отъ Бога (1 Іоанн. IV, 1, 2); отсюда очевидно, что этотъ догматъ есть мѣрило и руководство, по которому мы можемъ судить о всѣхъ прочихъ догматахъ, и потому онъ основной догматъ. Въ четвертыхъ, къ числу этихъ текстовъ принадлежитъ отвѣтъ Христа на слова Петра: Ты Христосъ, Сынъ Божій:—Ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою. (Мѳ. XVI, 18, 16). Итакъ, этотъ догматъ есть основаніе, на которомъ созданы всѣ прочіе. Пятый текстъ слѣдующій: Ибо никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ. Итакъ, строитъ ли кто на семъ основаніи изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, дерева, сѣна, соломы, каждаго дѣло окажется, ибо день обнаружитъ, потому что огонь открываетъ; и огонь испытаетъ каждаго дѣло, каково оно. Чья работа, которую онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ плату, а чья работа сгоритъ, тотъ потеряетъ; впрочемъ самъ спасется, но такъ какъ изъ огня (1 Кор. III, 11—15). Эти слова отчасти ясны и понятны, но отчасти замысловаты и причудливы. На-

сколько они ясны, изъ нихъ можно заключить, что пастыри могутъ дѣлать какіе угодно нелѣпые выводы изъ основнаго догмата божественности Іисуса; людямъ вообще свойственно городить чепуху; но если только они вѣрятъ этому основному догмату, то будутъ спасены, равно какъ и ученики ихъ, какимъ бы нелѣпостямъ ни научились отъ нихъ. Итакъ, этого догмата достаточно для спасенія, и слѣдовательно, онъ одинъ необходимъ.

Что касается замысловатыхъ иносказаній о какомъ-то огнѣ, которымъ испытывается работа, то это, должно быть, намекъ на пророчество Захаріи: И будетъ на всей землѣ, говоритъ Іегова, двѣ части на ней будутъ посѣчены, умрутъ, а третья часть останется на ней. И сію третью часть введу въ огонь; и переплавлю ихъ, какъ плавятъ серебро, и испытаю ихъ, какъ испытываютъ золото. Онъ будетъ призывать имя Мое, и Я отвѣчу ему и скажу: онъ народъ Мой; а онъ скажетъ: Іегова Богъ мой (Зах. XIII, 8, 9). Все это относится къ дню суда, т. е. къ дню возстановленія царства Божія; а въ этотъ день міръ будетъ горѣть, по свидѣтельству св. Петра (2 Петр. III, 7 и пр.). Въ этомъ пожарѣ нечестивые погибнутъ, а остальные, которыхъ Богъ захочетъ спасти, пройдутъ чрезъ огонь невредимыми, подвергшись въ немъ испытанію, какъ испытываютъ золото и серебро, и, очистившись отъ идолослуженія, призовутъ имя Бога Истиннаго. Намекая на эти слова, св. Павелъ говоритъ, что день, т. е. день суда, великій день возстановленія царства Божія, подвергнетъ испытанію ученія пастырей, и тогда окажется, чисты ли они, какъ золото и серебро, или презрѣнны, какъ сѣно и дрова: тогда учителя, воздвигавшіе на истинномъ основаніи ложныя и нелѣпыя ученія, увидятъ ихъ осужденіе, но сами спасутся и невредимо перейдутъ черезъ этотъ огонь въ вѣчную жизнь, чтобы призвать имя Бога Истиннаго. Въ этомъ толкованіи нѣтъ ничего противнаго христіанской вѣрѣ, хотя оно несогласно съ ученіемъ о чистилищѣ.

Быть можетъ, спросятъ, не такъ ли же необходимо для спасенія вѣровать, что Богъ всемогущъ, что Онъ—Творецъ міра, что Іисусъ Христосъ воскресъ, что всѣ люди воскреснутъ въ послѣдній день, какъ вѣрить въ божественность Іисуса. Конечно, эти догматы и многіе другіе необходимы для спасенія; но дѣло въ томъ, что всѣ они содержатся въ догматѣ божественности Іисуса. Кто вѣритъ, что Іисусъ есть Сынъ Всемогущаго Бога, тотъ, разумѣется, вѣритъ и въ то, что Богъ есть Всемогущій Творецъ всѣхъ вещей. Съ другой стороны, кто не вѣритъ въ воскресеніе Іисуса изъ мертвыхъ, тотъ не можетъ вѣровать и въ то, что Іисусъ есть царь, который будетъ царствовать вѣчно.

Умершій не можетъ царствовать: такимъ образомъ вѣра въ основной догматъ божественности Іисуса подразумѣваетъ вѣру во всѣ выводы изъ него, хотя бы вѣрующій не понималъ даже логичности вывода. Слѣдовательно, надо признать за несомнѣнную истину, что вѣрованія въ одинъ этотъ догматъ достаточно кающемуся для спасенія, и потому онъ одинъ необходимъ.

Мы показали выше, что повиновеніе, требуемое для вѣчнаго спасенія, состоитъ въ намѣреніи по возможности исполнять законъ Божій, т. е. въ покаяніи грѣшниковъ. Потомъ мы доказали, что вѣра, необходимая для спасенія, состоитъ въ признаніи одного только догмата божественности Іисуса. Теперь мнѣ остается доказать текстами Писанія, что все собственно необходимое для спасенія состоитъ въ соединеніи вѣры съ повиновеніемъ. Св. Петръ своею проповѣдью обратилъ нѣкоторыхъ въ христіанскую вѣру въ первую пятидесятницу по вознесеніи Спасителя; эти обращенные спросили его и прочихъ апостоловъ: Братія, что намъ дѣлать? Св. Петръ отвѣчалъ имъ: Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ: и получите даръ Святаго Духа (Дѣян. II, 37, 38). Слѣдовательно, все необходимое для спасенія состоитъ въ крещеніи во имя Іисуса Христа и въ покаяніи. Когда нѣкто изъ знати спросилъ Христа: Учитель благій, что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?—Спаситель отвѣчалъ: Ты знаешь заповѣди: не прелюбодѣйствуй; не убій, не укради; не лжесвидѣтельствуй; чти отца твоего и мать твою. Тотъ на это замѣтилъ: Все это я сохранилъ отъ юности моей. Іисусъ отвѣчалъ ему: Еще одного тебѣ не достаетъ: все, что имѣешь, продай, и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небеси: и приходи, слѣдуй за Мной (Лук. XVIII, 18 — 22), т. е. вѣруй, что Я царь. Итакъ, исполнять законъ и вѣрить, что Іисусъ есть царь—вотъ все, что требуется для полученія вѣчной жизни. Кромѣ того св. Павелъ говоритъ: праведный вѣрою живъ будетъ (Римл. I, 17); но замѣтимъ—праведный, а не всякій; слѣдовательно, для спасенія кромѣ вѣры необходима правда; но вмѣстѣ ихъ достаточно. Спаситель проповѣдывалъ: Приблизилось Царствіе Божіе: покайтесь и вѣруйте въ евангеліе (Марк. I, 15). Итакъ, покаянія и вѣры въ Царство Іисуса Христа достаточно для спасенія.

Итакъ, для оправданія необходимы и вѣра, и послушаніе вмѣстѣ; стало быть, нелѣпо спорить о томъ, что изъ нихъ важнѣе. Впрочемъ небезполезно объяснить, въ какомъ смыслѣ они оправдываютъ. Если подъ послушаніемъ, соблюденіемъ заповѣдей, разумѣть праведность дѣлъ, то

стоитъ, стало-быть, только однажды нарушить правду, чтобы безвозвратно лишиться спасенія. Слѣдовательно, подъ послушаніемъ надо понимать лишь стараніе исполнять законъ Божій, ибо Богъ вмѣняетъ намѣреніе въ исполненіе. Называть человѣка праведнымъ можно только въ этомъ ограниченномъ смыслѣ; желающій исполнять законъ имѣетъ право на имя праведнаго; но это названіе не значитъ, чтобы человѣкъ дѣйствительно вполнѣ соблюлъ законъ до такой степени, что его нельзя и наказать безъ несправедливости.

Если защита подсудимаго недостаточна, но тѣмъ неменѣе онъ оправдывается, то его оправданіе называется извиненіемъ. Такъ напр. люди могутъ оправдывать себя передъ Богомъ тѣмъ, что желали, старались исполнить законъ и сами осудили свои грѣхи. Богъ принимаетъ такую защиту и извиняетъ людей, вмѣняя имъ намѣреніе въ исполненіе, если только они вѣруютъ въ Іисуса Христа. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что оправдываетъ одна вѣра. Но въ сущности спасеніе дается и вѣрой, и послушаніемъ, которыя находятся между собой въ неразрывной связи.

Показавъ, что̀ необходимо для спасенія, намъ нетрудно примирить покорность Богу съ повиновеніемъ людямъ, т. е. собственно правительствамъ. Правительство можетъ быть христіанское или невѣрующее. Въ первомъ случаѣ оно, конечно, никого не принуждаетъ отвергать догматъ, что Іисусъ есть Христосъ; оно только справедливо и съ полнымъ правомъ заставляетъ повиноваться гражданскимъ законамъ, въ которыхъ содержатся всѣ естественные законы, а естественные законы, какъ я доказалъ, божественны. Слѣдовательно, повинуясь своему христіанскому правительству, мы не встрѣчаемъ никакого препятствія повиноваться и Богу. Но еслибы даже христіанскій правитель, соблюдающій основной догматъ, что Іисусъ есть Христосъ, началъ выводить изъ него какія-нибудь нелѣпости и повелѣлъ бы преподавать ихъ и слѣдовать имъ, то подданные и тутъ должны повиноваться ему. Повиноваться ему можно безъ опасности для спасенія души, а судить самому о собственномъ долгѣ гражданскаго повиновенія нельзя; никто не можетъ рѣшать, нелѣпо или истинно ученіе правительства; притомъ судить о вопросахъ вѣры можетъ только церковь, т. е. ея представитель, который никто иной, какъ христіанское правительство государства.

Но положимъ, что правитель—невѣрный. Тѣмъ неменѣе подданный, который сталъ бы противиться ему, согрѣшилъ бы противъ Бога, потому что нарушилъ бы божественные законы природы. Онъ оказалъ бы кромѣ того пренебреженіе совѣту апостоловъ во всемъ повиноваться властямъ, родителямъ и господамъ. Но что касается внутренней чело-

вѣческой совѣсти, по существу своему невидимой и неуловимой, то въ этомъ отношеніи всякій воленъ поступить, какъ Нееманъ, и не имѣетъ надобности подвергать себя опасностямъ. Еслибы даже пришлось пострадать, то награды за страданіе должно ожидать въ Царствѣ Божіемъ и ни въ какомъ случаѣ не обвинять правителя, а тѣмъ болѣе не возставать противъ него. Впрочемъ надо еще замѣтить, что едвали какой-нибудь хотя бы невѣрный правитель сталъ мучить подданнаго за ожиданіе Другаго Царя, если знаетъ, что Этотъ Соперникъ ожидается только за гробомъ, на томъ свѣтѣ.

Я сказалъ о Царствѣ Божіемъ и о духовной политикѣ все, что было нужно для цѣли моего сочиненія. Все это основано на Св. Писаніи, притомъ на самыхъ ясныхъ и безспорныхъ текстахъ его. Все сказанное мною выведено непосредственно изъ началъ христіанской политики, заключенныхъ въ Библіи, для разъясненія правъ верховной власти и обязанностей подданныхъ. Это согласно и съ цѣлью всего Св. Писанія, написаннаго для возстановленія во Христѣ Царства Божія. Чтобы понимать Писаніе, надо имѣть въ виду не букву его, а общій духъ и общую цѣль; выхватывая отрывочные тексты, нельзя ничего понять; этимъ только еще болѣе затемняется смыслъ всякаго разсужденія; въ подобныхъ разсужденіяхъ Писаніе употребляется какъ пыль для пусканія въ глаза противнику, чтобы омрачить его. Такъ пользуются имъ софисты, которые ищутъ не истины, а своихъ выгодъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

О ЦАРСТВѢ МРАКА.

КНИГА IV.

О ЦАРСТВѢ МРАКА.

ГЛАВА XLIV.

Объ умопомраченіи вслѣдствіе ложнаго толкованія Писанія.

Царство мрака.

Кромѣ божественной и человѣческой верховныхъ властей, которыя мы до сихъ поръ разсматривали, въ Св. Писаніи упоминается еще третье владычество. О немъ говоритъ св. Павелъ: Наша брань не съ кровью и плотью, по съ начальствами, властями, съ міроправителями тьмы вѣка сего, съ поднебесными духами злобы (Ефес. VI, 12). О той же державѣ говорится въ евангеліи: Если сатана сатану изгоняетъ, то онъ раздѣлился самъ съ собою: какъ же устоитъ царство его? (Мѳ. XII, 26). Онъ изгоняетъ бѣсовъ через князя бѣсовскаго (Мѳ. IX, 33), т. е. разгоняетъ воздушные призраки, вслѣдствіе чего и сатана называется княземъ, господствующимъ въ воздухѣ (Ефес. II, 2); а такъ какъ онъ царствуетъ во мракѣ здѣшняго міра, то называется также княземъ міра сего (Іоан. XVI. 11). Согласно этому, люди, послушные его власти, называются сынами мрака въ отличіе отъ вѣрныхъ, называемыхъ сынами свѣта. Вельзевулъ есть царь призраковъ, населяю-

щихъ воздухъ и觉 мракъ, такъ что выраженія: сыны мрака, демоны, призраки, духи лжи—всѣ имѣютъ одинаковый аллегорическій смыслъ. Такимъ образомъ изъ смысла всѣхъ этихъ выраженій и текстовъ Св. Писанія вытекаетъ слѣдующее понятіе Царства Мрака: Царство Мрака есть союзъ обманщиковъ съ цѣлью погасить свѣтъ разума и Откровенія посредствомъ ложныхъ и темныхъ ученій и покрыть духовной тьмой путь вѣчнаго спасенія, дабы пріобрѣсти себѣ владычество на землѣ.

Церковь не вполнѣ чужда мракобѣсія.

Какъ слѣпорожденные, никогда невидавшіе свѣта, не имѣютъ понятія о немъ; какъ никто изъ зрячихъ не можетъ вообразить бо́льшаго свѣта, чѣмъ видѣлъ въ дѣйствительности: такъ и въ области духовнаго свѣта люди не могутъ представить себѣ ни въ Откровеніи, ни въ естественномъ разумѣ понятій болѣе свѣтлыхъ, чѣмъ существующія въ ихъ собственныхъ умахъ. Они не замѣчаютъ, что бродятъ во мракѣ, пока не убѣдятся въ этомъ тяжкимъ опытомъ своихъ претыканій и паденій. Разумѣется, самый густой мракъ господствуетъ за предѣлами Царства Божія, т. е. между невѣрными, гдѣ сатана владычествуетъ безраздѣльно; но нельзя сказать, чтобы и въ церкви былъ полный свѣтъ, какой нуженъ для исполненія всего заповѣданнаго Богомъ. Въ противномъ случаѣ христіане не губили бы другъ друга почти со временъ апостоловъ безпрерывными внѣшними и внутренними войнами. Они не сокрушались бы такъ при всякой своей неудачѣ и, что еще хуже, при всякомъ чужомъ успѣхѣ: они не избирали бы такихъ различныхъ окольныхъ путей для достиженія одной общей цѣли—счастья. Все это доказываетъ, что они находятся во мракѣ или по крайней мѣрѣ въ густомъ туманѣ. Въ церкви христіанской еще господствуетъ тьма.

Въ темной ночи нашего естественнаго невѣжества врагъ посѣялъ плевелы духовныхъ заблужденій. Онъ гаситъ предъ нами свѣтъ Писанія: мы заблуждаемся, потому что не понимаемъ Писанія. Онъ создалъ демонологію языческихъ поэтовъ, т. е. разныя выдумки про демоновъ, про призраки, духи, привидѣнія, словомъ, про всѣ произведенія разстроеннаго воображенія, и люди вѣрятъ въ подобныя бабьи сказки. Онъ перемѣшалъ Св. Писаніе съ остатками нелѣпой религіи и философіи грековъ, особенно Аристотеля. Наконецъ, онъ распространилъ ложныя, вымышленныя и глупыя преданія. Такимъ образомъ мы заблуждаемся, слушаясь духовъ обольстителей и ученія бѣсовскаго, черезъ притворство лжецовъ, сожженныхъ въ совѣсти своей (1 Тим. IV, 1, 2), т. е. людей, лгущихъ завѣдомо и сознательно, противъ

собственной совѣсти. Въ этой главѣ я буду говорить о мракобѣсіи, распространяемомъ ложнымъ толкованіемъ Св. Писанія.

Лжетолкованія о царствѣ Божіемъ.

Величайшее злоупотребленіе Писанія, изъ котораго вытекаютъ или съ которымъ связаны всѣ прочія, состоитъ въ извращеніи Писанія для доказательства, что Царство Божіе, о которомъ въ немъ столько разъ упоминается, есть нынѣшняя церковь, т. е. всѣ нынѣ живущіе на землѣ христіане. Между тѣмъ извѣстно, что царство Божіе было учреждено Богомъ черезъ Моисея только надъ евреями, которые по этой причинѣ называются въ Писаніи собственнымъ народомъ Божіимъ, и что это царство прекратилось по избраніи въ цари Саула. Съ тѣхъ поръ на землѣ не было царства Божія по завѣту. Богъ обѣщалъ лишь евреямъ черезъ пророковъ снова принять ихъ въ Свое царство, если они обратятся къ Нему съ покаяніемъ; на этомъ условіи Онъ пригласилъ къ Себѣ и прочіе народы, обѣщавъ послать въ міръ своего Сына, который смоетъ грѣхи людей Своею кровью и Своимъ ученіемъ и приготовитъ ихъ къ царству Божію, долженствующему основаться лишь въ день Суда.

Извращая все это и утверждая, будто нынѣшняя церковь есть уже истинное царство Христово, приходятъ къ новому заблужденію, будто Спаситель, пребывая на небесахъ, управляетъ этимъ царствомъ, даетъ людямъ законы и говоритъ съ ними черезъ земныхъ представителей или намѣстниковъ. Таково основаніе притязаній папы на верховную власть надъ всѣми христіанами, а въ нѣкоторыхъ странахъ такое притязаніе заявляютъ собранія пастырей. Въ жару спора они гасятъ свѣтъ природы и распространяютъ въ человѣческихъ умахъ такое помраченіе, что подданные сами не могутъ разобрать, кому обѣщали повиноваться.

Признаніе папы общехристіанскимъ намѣстникомъ Христа даетъ поводъ къ дальнѣйшимъ заблужденіямъ. Такъ, отсюда выводятъ, что всякій христіанскій государь долженъ быть коронованъ какимъ-нибудь епископомъ, какъ будто только эта церемонія придаетъ его власти Божественное право и присвоиваетъ ему титулъ: «Божіею милостью». Такимъ образомъ выходитъ, что онъ получаетъ свое царство отъ Бога не иначе, какъ черезъ намѣстника Божія, папу. Кромѣ того, всякій епископъ, посвящаясь, клянется въ безусловномъ повиновеніи папѣ, безъ вниманія къ своему государю. Изъ этого ученія произошелъ и декретъ Латеранскаго собора при Иннокентіи III: «Если государь, несмотря на убѣжденія папы, не очиститъ свое царство отъ еретиковъ и, будучи за это отлученъ, не удовлетворитъ въ годичный срокъ требованію папы, то подданные его разрѣшаются отъ долга повиновенія» (De Haereticis, cap. III). Вслѣдствіе этого, когда между папой и какимъ-нибудь христіанскимъ

государемъ возникаетъ несогласіе (что часто случается), то подданныхъ государя постигаетъ такое помраченіе, что они не могутъ отличить посторонняго человѣка, вторгающагося на царскій престолъ, отъ настоящаго правителя, котораго они сами же возвели на него; въ своемъ ослѣпленіи они начинаютъ драться между собой, не разбирая друзей отъ враговъ.

Другое послѣдствіе ложнаго ученія, будто настоящая церковь есть царство Божіе, состоитъ въ раздѣленіи общества на духовенство и мірянъ. Пастыри и служители церкви присвоиваютъ себѣ названіе клира, а прочихъ христіанъ называютъ мірянами, т. е. просто народомъ. Клиръ значитъ собственно жребій или удѣлъ; во время царствованія Бога надъ Израилемъ клиромъ, т. е. удѣломъ, назывались люди, содержимые на общественные сборы, предназначенные спеціально Богу, т. е. на жертвоприношенія. Богъ отдалъ эту долю Свою служителямъ Своимъ, левитамъ, и потому они назывались удѣломъ или клиромъ. Папа, имѣя притязаніе быть въ христіанскомъ мірѣ тѣмъ, чѣмъ былъ первосвященникъ въ еврейскомъ царствѣ Божіемъ, требуетъ подобной доли себѣ и своему духовенству и хочетъ, чтобы священники назывались клиромъ. На этомъ основаніи служители церкви давно присвоили себѣ право взимать съ христіанъ десятину, принадлежавшую левитамъ въ царствѣ Божіемъ, и берутъ ее не въ силу гражданскаго права, а въ силу своего мнимаго божественнаго права. Такимъ образомъ народъ во всемъ католическомъ мірѣ платитъ двойную подать, одну—государству, а другую—римскому духовенству.

Далѣе, нелѣпое установленіе тождества между христіанскимъ обществомъ и царствомъ Божіимъ приводитъ къ ложному раздѣленію законовъ на гражданскіе и каноническіе. Законами гражданскими называются распоряженія правительствъ въ своихъ владѣніяхъ, а каноническими—распоряженія папы. До Карла Великаго распоряженія папъ были не законами, а совѣтами, которымъ государи были вольны не слѣдовать. Но впослѣдствіи даже сами императоры были вынуждаемы признавать ихъ за предписанія, чтобы избѣжать худшихъ золъ, которыя могло навлечь на нихъ ослѣпленіе народовъ.

Эти заблужденія доводятъ до того, что нѣкоторыя христіанскія государства, признающія власть папы, даютъ терпимость евреямъ и туркамъ, насколько можно согласовать ее съ существующими гражданскими постановленіями, а христіанъ принуждаютъ слѣдовать исключительно римскому исповѣданію. Это объясняется тѣмъ, что папа считаетъ всѣхъ христіанъ своими подданными и не допускаетъ въ нихъ отклоненія отъ своей власти. Конечно, это вопіющая несправедливость. Правительство,

болѣе снисходительное къ невѣрнымъ, чѣмъ къ христіанамъ, забываетъ принципъ: кто не противъ Христа, тотъ за Христа.

Пользуясь этими лжеученіями, духовенство, священники и монахи успѣли во всѣхъ христіанскихъ государствахъ, признающихъ власть папы, доставить себѣ изъятіе отъ платежа податей и отъ гражданской отвѣтственности. Это тѣмъ вреднѣе, что во многихъ странахъ ихъ такъ много, что въ случаѣ надобности изъ нихъ однихъ можно бы составить цѣлую армію, а вся воинствующая церковь могла бы полчищами своихъ поповъ и монаховъ побѣдить любаго христіанскаго монарха.

Смѣшеніе освященія съ колдованіемъ.

Другое важное злоупотребленіе Писанія происходитъ отъ смѣшенія освященія съ заклинаніемъ или колдованіемъ. Освящать въ Св. Писаніи значитъ приносить, отдавать или посвящать Богу какую-нибудь вещь, т. е. устранять ее изъ общаго употребленія, назначая исключительно для богослуженія и сопровождая это соотвѣтствующими словами или знаками; такимъ образомъ освященный предметъ принадлежитъ Богу и тѣмъ людямъ, которыхъ Богъ сдѣлалъ своими общественными служителями, какъ мы подробно объясняли въ XXXV главѣ. Освященіе не измѣняетъ природу освящаемаго предмета, а только даетъ ему другое назначеніе,—вмѣсто мірскаго, обыденнаго—святое, исключительно богослужительное. Сказать, что измѣнились природа и качества предмета, значитъ сказать, что тутъ совершилось уже не освященіе, а сверхъестественное дѣло Божіе, чудо, или просто нечестивое шарлатанство, колдовство. Но признающіе подобное измѣненіе самой природы вещей утверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно совершается ежедневно; стало-быть, его нельзя считать чудомъ или сверхъестественнымъ дѣломъ Божіимъ. Слѣдовательно, оно ничто иное, какъ заклинаніе или колдовство, имѣющее цѣлью обмануть, возбудить вѣру въ вымышленное превращеніе, вопреки свидѣтельству глазъ и всѣхъ прочихъ органовъ чувствъ. Напримѣръ, увѣряютъ, что при освященіи хлѣба и вина на вечери Господней, которая есть только воспоминаніе страданія Христова на крестѣ ради нашего искупленія,—по произнесеніи священникомъ словъ: Сіе есть тѣло Мое и сія есть кровь Моя, природа хлѣба и вина исчезаетъ, и они превращаются въ настоящее тѣло и настоящую кровь Христовы, хотя на глаза и прочія чувства остаются совершенно такими же, какъ были до произнесенія этихъ словъ. Египетскіе волхвы превращали свои жезлы въ змѣй, а воду въ кровь; хотя конечно, они просто обманывали чувства зрителей какими-нибудь фокусами, однако Св. Писаніе называетъ ихъ колдунами. Но какимъ именемъ слѣдовало бы назвать ихъ, еслибы ихъ жезлы не принимали вида змѣй, а ихъ вода—вида крови, а они тѣмъ неменѣе безстыдно утвер-

ждали бы предъ царемъ, что жезлы, которые кажутся ему жезлами,—въ сущности змѣи, что вода, которая кажется ему водою,—въ сущности кровь? Имя имъ было бы уже не колдуны, а просто наглые лгуны. Католическіе священники ежедневно лгутъ подобнымъ наглымъ образомъ, обращая священныя слова Спасителя въ волшебный заговоръ и безстыдно утверждая, что превращаютъ хлѣбъ въ мясо человѣка, мало того—Бога, хотя не умѣютъ даже сдѣлать порядочнаго фокуса, чтобы обмануть зрѣніе и вкусъ; тѣмъ неменѣе они повелѣваютъ чтить кусокъ хлѣба, какъ будто онъ Самъ Спаситель нашъ и Богъ! Невозможно придумать болѣе грубаго идолопоклонства. Если священнику достаточно сказать, что хлѣбъ не хлѣбъ, а Богъ, чтобы онъ дѣйствительно сталъ Богомъ, то почему бы Египтяне не могли подобнымъ же образомъ объяснить свое обожаніе лука и чеснока, сказавъ, что знаютъ заговоръ, отъ котораго лукъ и чеснокъ перестаютъ быть лукомъ и чеснокомъ и дѣлаются Самимъ Богомъ, сохраняя видъ этихъ овощей. Слова: сіе есть тѣло Мое и сія есть кровь Моя—значатъ: это представляетъ Мое тѣло, а это—Мою кровь. Эта форма выраженія очень употребительна, и понимать его буквально значитъ злоупотреблять Писаніемъ. Но допустимъ даже, что Спаситель сказалъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ: все таки Онъ сказалъ это только о томъ хлѣбѣ и о той крови, которые освятилъ собственными руками. Онъ не говорилъ, что всякій хлѣбъ и всякое вино будутъ подвергаться такимъ превращеніямъ, кто бы ни произнесъ надъ ними слова: сіе есть тѣло Мое. Догматъ пресуществленія установленъ римскою церковью только при Иннокентіи III, т. е. менѣе пяти сотъ лѣтъ тому назадъ, когда папская власть была особенно сильна и мракъ особенно глубокъ.

Такія же колдованія употребляются римскими священниками и въ таинствѣ крещенія, причемъ злоупотребляютъ Именемъ Божіимъ, Каждой Ипостасью въ частности, Всею Троицею вообще и крестнымъ знаменіемъ. При освященіи воды священникъ говоритъ: Заклинаю тебя, созданіе воды, во имя Бога Отца Всемогущаго, и во имя Іисуса Христа, Сына Его Единороднаго, Господа нашего, и въ силу Св. Духа, да будешь ты водой заклятой для отогнанія и истребленія власти врага и пр. Потомъ, благословляя соль, которую кладутъ въ воду, говоритъ: Да будешь солью заклятой, да бѣжатъ и отъидутъ всѣ призраки и нечестивые обманы діавола отъ того мѣста, на которомъ ты будешь посыпана, и да будетъ всякій нечистый духъ заклятъ Тѣмъ, Кто придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Далѣе, благословляя елей, говоритъ: Да будутъ прогнаны симъ созданіемъ елея вся власть врага, все войско діавола и призраки сатаны. Младенецъ передъ крещеніемъ также неоднократно заклинается. Сперва священникъ въ дверяхъ церкви дуетъ младенцу въ лицо, говоря: Изыди изъ него, духъ нечистый, и уступи мѣсто Святому Духу Утѣшителю, какъ будто всѣ младенцы до дуновенія священника одержимы демонами. Далѣе, предъ входомъ въ церковь священникъ говоритъ: Заклинаю тебя и пр., выйдти и отступить отъ этого раба Божія. Такія же заклятія повторяются и передъ крещеніемъ младенца.

Другіе обряды, какъ-то бракъ, елеосвященіе, посѣщеніе больныхъ, освященіе церквей и кладбищъ, также не обходятся безъ заговоровъ; при нихъ употребляется заговорная вода и масло и злоупотребляются крестное знаменіе и слова Писанія: «Окропилъ меня иссопомъ». Католики думаютъ или хотятъ другихъ увѣрить, что все это можетъ отгонять призраки и воображаемыхъ духовъ.

Надо замѣтить, что во всѣхъ этихъ заклинаніяхъ нечистые духи или демоны называются призраками. Стало-быть, сама римская церковь не считаетъ нечистыхъ духовъ реальными существами или, какъ говорятъ, субстанціями, а лишь фантазіями (идолами), т. е. ничѣмъ.

Непониманіе значенія вѣчной жизни и вѣчной смерти.

Еще одно общее заблужденіе происходитъ отъ непониманія словъ: вѣчная жизнь, вѣчная смерть и вторая смерть. Въ Св. Писаніи ясно говорится, что Богъ поставилъ Адама въ такое положеніе, что онъ могъ бы жить вѣчно, если-бы соблюлъ повелѣніе Божіе. Это безсмертіе было не присущимъ свойствомъ человѣческой природы, а давалось употребленіемъ въ пищу древа жизни. Но съ давнихъ поръ возникло и существуетъ понынѣ другое ученіе, а именно, что всякій человѣкъ по природѣ своей можетъ жить вѣчно, ибо одаренъ безсмертной душой, такъ что мечъ ангела у входа въ рай могъ помѣшать Адаму вкушать плоды древа жизни, но не могъ лишить его безсмертія. Отсюда слѣдуетъ, что искупленіе Христовой смертью было ненужно людямъ, потому что нечестивые и язычники пользуются вѣчной жизнью наравнѣ съ вѣрующими христіанами. Во избѣжаніе этого неудобнаго заключенія, схоласты говорятъ, что подъ вѣчною смертью надо разумѣть не смерть, а тоже вѣчную жизнь, но жизнь въ мученіяхъ; они объясняютъ, что жизнь называется у нихъ смертью ради метафоры, которая впрочемъ никѣмъ никогда не употреблялась и крайне нелѣпа.

Это воззрѣніе основывается на нѣкоторыхъ темныхъ мѣстахъ Новаго Завѣта; но если обратить вниманіе на цѣль всего Св. Писанія, то окажется, что эти мѣста легко объяснить въ разумномъ смыслѣ. Человѣкъ умираетъ, и отъ него не остается ничего, кромѣ трупа; но почему же

Богъ, создавшій человѣка изъ праха однимъ словомъ Своимъ, не можетъ тѣмъ же словомъ оживить трупъ и сообщить ему способность жить вѣчно? Душа въ Св. Писаніи всегда синонимъ жизни или живаго существа; соединеніе души съ тѣломъ всегда значитъ просто живое тѣло. Въ пятый день творенія Богъ сказалъ: Да изведутъ воды гады душъ живыхъ... И сотвори Богъ киты великія, и всякую душу животныхъ гадовъ (Быт. I, 20, 21); но у насъ это переводятъ просто: да породятъ воды пресмыкающихся животныхъ... И сотворилъ Богъ большія морскія чудовища и животныя пресмыкающіяся. О сотвореніи человѣка говорится: И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли и вдуну въ лице его дыханіе жизни: и бысть человѣкъ въ душу живу (Быт. II, 7). Когда Ной вышелъ изъ ковчега, Богъ сказалъ ему: И помяну завѣтъ мой, иже есть между Мною и вами, и между всякою душою, живущею во плоти (Быт. IX, 15). Во Второзаконіи говорится даже: Кровь бо есть душа его (XII, 23). По закону Моисееву прикоснувшійся къ умершей душѣ, т. е. къ трупу, считался нечистымъ. Во всѣхъ этихъ текстахъ Писанія душой называется ничто иное, какъ самое животное или его жизнь; но нигдѣ нѣтъ и помина о безсмертной душѣ, о безтѣлесной, т. е. отдѣльной отъ тѣла субстанціи. Слова духъ и вѣчная жизнь встрѣчаются въ Писаніи безпрестанно. Въ главѣ XXXVIII на основаніи Писанія доказано, что души вѣрующихъ по воскресеніи будутъ жить вѣчно, но не по своей природѣ, а по особой благодати Божіей. Если же въ Новомъ Завѣтѣ говорится, что есть Нѣкто, Могущій и тѣло, и душу повергнуть въ геенну огненную, то это значитъ, что Онъ можетъ повергнуть одушевленное тѣло.

Вотъ окно, черезъ которое въ міръ проникли темныя ученія о вѣчныхъ мукахъ, о наказаніяхъ чистилища и, какъ слѣдствіе этого, о духахъ умершихъ, блуждающихъ въ священныхъ, уединенныхъ и темныхъ мѣстахъ, о заговорахъ и заклинаніяхъ призраковъ, о призываніи умершихъ святыхъ, объ индульгенціяхъ, т. е. объ освобожденіи отъ чистилищнаго огня, въ которомъ, по мнѣнію католиковъ, безтѣлесныя субстанціи очищаются и приготовляются къ раю. До пришествія Спасителя большинство людей, слышавшее ученіе о демонахъ или греческую демонологію, полагало, что человѣческія души суть субстанціи, отличныя и отдѣльныя отъ тѣлъ, и что слѣдовательно, по смерти человѣка, былъ ли онъ добрый или злой, душа его должна существовать гдѣ-нибудь по собственной природѣ, безъ помощи божественной благодати. Поэтому отцы церкви первыхъ вѣковъ иногда задавали себѣ вопросъ, гдѣ пребываютъ души въ ожиданіи возсоединенія своего съ тѣлами по воскресеніи, и нѣкоторые думали, что онѣ покоятся подъ алтарями. Но наконецъ римская церковь нашла для себя болѣе выгоднымъ отвести имъ пребываніе въ чистилищѣ.

Посмотримъ, говоритъ ли Писаніе что-нибудь такое, что могло бы давать основаніе этимъ нелѣпостямъ. Я уже отвѣтилъ на доводы Беллармина, которыми онъ старался доказать, что царство Божіе есть римская церковь, управляемая въ этомъ мірѣ папой. Я показалъ, что царство Божіе, учрежденное при Моисеѣ, прекратилось при избраніи въ царя Саула, и что еврейскіе первосвященники не могли низлагать царей. Поступокъ первосвященника съ царицей Гоѳоліей былъ совершенъ не по его произволу, а по приказу царя Іоаса, внука Гоѳоліи. Но царь Соломонъ по своему произволу низложилъ первосвященника Авіаѳара и поставилъ на его мѣсто другого. Самое трудное мѣсто въ доказательство того, что царство Божіе существуетъ теперь на землѣ, приводитъ не Беллярминъ, а Беза. Онъ утверждаетъ, что царство Божіе началось съ воскресенія Христа, и потому верховная церковная власть въ христіанскихъ государствахъ принадлежитъ пресвитеріямъ, какъ называется духовное управленіе въ Женевской республикѣ. Но пресвитеріанскія церковныя управленія, въ родѣ женевскаго, не разъ отлучали своихъ государей и вообще оказывались въ своихъ притязаніяхъ нисколько не умѣреннѣе папы.

Беза приводитъ слѣдующій текстъ: Истинно говорю вамъ, нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ (Марк. IX, 1). Но это значитъ просто, что стоящіе около Христа еще живы, и не можетъ значить, чтобы они дожили до втораго пришествія, потому что этому противорѣчитъ другой текстъ: когда апостолы по воскресеніи Христовомъ, передъ самымъ вознесеніемъ Его, спросили Его, не въ сіе ли время, Господи, возстановишь Ты царство Израилю?—Спаситель отвѣчалъ: Не ваше дѣло знать времена или сроки, которые Отецъ предоставилъ Своей власти; но вы получите силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святой; и будете Моими свидѣтелями во Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и въ Самаріи и даже до послѣдняго края земли (Дѣян. I, 6, 7, 8): т. е. «Мое царство еще не пришло, и вы не узнаете заранѣе, когда оно придетъ, потому что оно придетъ, какъ воръ ночью; но на васъ найдетъ сила Св. Духа и, укрѣпляемые ею, вы будете свидѣтельствовать обо Мнѣ, о Моихъ дѣлахъ и о Моемъ ученіи, чтобы люди вѣровали въ Меня и ожидали вѣчной жизни, когда Я возвращусь.» Я не понимаю, какъ можно говорить послѣ этого, что царство Христово настало при воскресеніи Его, особенно въ

виду словъ св. Павла: Вы обратились къ Богу отъ идоловъ, чтобы служить Богу Живому и Истинному, и ожидать съ небесъ Сына Его (1 Θесс. I, 9, 10). Здѣсь ожидать Христа съ небесъ значитъ ожидать, когда Онъ придетъ царствовать во славѣ, что было бы лишнее, еслибы царство Его уже существовало; кромѣ того, если царство Божіе началось по воскресеніи Христовомъ, то почему христіане до сихъ поръ молятся: Да пріидетъ царствіе Твое? Очевидно, стало-быть, что приводимыя Безой слова Евангелія св. Марка имѣютъ не тотъ смыслъ, который онъ имъ приписываетъ и который дѣйствительно прямо вытекаетъ изъ нихъ: Нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь,—говоритъ Христосъ—не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ. Еслибы царство Христа должно было придти при воскресеніи Его, то почему же Онъ сказалъ «нѣкоторые», а не «всѣ», потому что вѣдь не «нѣкоторые», а всѣ дожили до Его воскресенія?

Объясненію этого мѣста немало способствуютъ слова Спасителя св. Петру о св. Іоаннѣ: Если Я хочу, чтобы онъ оставался, пока Я приду, что тебѣ до этого? Ты иди за мною. Итакъ, пронеслось слово сіе между братіями, что ученикъ тотъ не умретъ (Іоанн. XXI, 22). Этихъ словъ никто не отвергалъ и не подтверждалъ, и они остались на произволъ толкованія. Впрочемъ, судя по тому, что мы находимъ у св. Луки, можно думать, что слова Спасителя о «нѣкоторыхъ, которые увидятъ Христа во славѣ», относятся къ Его преображенію. Въ Евангеліи отъ Луки приводятся тѣ же самыя слова, и вслѣдъ за ними описывается преображеніе: Послѣ сего разговора, дней черезъ восемь, взявъ Петра, Іоанна и Іакова, взошелъ Онъ на гору помолиться. И когда молился, видъ лица Его измѣнился, и одежда Его сдѣлалась бѣлою, блистающею. И се два мужа бесѣдовали съ Нимъ, которые были Моисей и Илія. Явясь во славѣ (Лук. IX, 28—31). Также повѣствуетъ и Матθей (XVII, 1—9). Такимъ образомъ, обѣщаніе Христа (нѣкоторые отъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ царствіе Божіе, пришедшее во славѣ), исполнилось въ видѣніи. Что преображеніе было видѣніе, можно заключить изъ слѣдующаго: Петръ же и бывшіе съ нимъ были отягчены сномъ (Лук. XI, 32); Іисусъ заповѣдалъ имъ: Не сказывайте никому о видѣніи (Мθ. XVII, 9). Но каковъ бы ни былъ смыслъ текста, приводимаго Безой, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что царство Божіе началось до суднаго дня.

Паписты приводятъ еще много доказательствъ въ пользу папскаго главенства. Такъ они говорятъ, будто два меча, бывшіе у апостоловъ, означаютъ мечъ духовный и свѣтскій, и Христосъ отдалъ оба Петру; будто изъ двухъ свѣтилъ—солнце изображаетъ папу, а луна—царя. Отвѣчать на это не стоитъ. Этимъ способомъ они могли бы доказывать, что въ первомъ стихѣ Библіи подъ небомъ должно понимать папу, а подъ землей—царя. Разсуждать такимъ образомъ значитъ не толковать Писаніе, а бранить и оскорблять правительства. Оно такъ и есть. Увѣрившись въ своемъ непоколебимомъ навсегда величіи, папы начали презирать христіанскихъ правителей, торжествовали надъ императорами и дерзали осмѣивать и государей, и самое Писаніе, цитируя на смѣхъ имъ слова: На аспида и василиска наступилъ, и побѣдилъ льва и змія (Псал. XC, 13).

Что касается обрядовъ освященія, то они большею частью основаны не на Писаніи, а учреждены по усмотрѣнію правителей церкви. При этомъ правители должны, конечно, наблюдать, чтобы обряды соотвѣтствовали представляемой ими идеѣ; церемоніи, слова, тѣлодвиженія должны быть нетолько приличны, но и знаменательны или, по крайней мѣрѣ, сообразны съ смысломъ обряда. Моисей, освящая скинію свидѣнія, алтарь и сосуды, принадлежащіе къ нимъ, помазалъ ихъ елеемъ, который Богъ повелѣлъ приготовить для этой цѣли, и они сдѣлались святыми. При этомъ освященіи не было никакихъ заклинаній для прогнанія призраковъ. Моисей, имѣвшій у Израильтянъ верховную власть, посвящая брата своего Аарона въ первосвященники, омылъ его и его сыновей водой, но не заклятой, облачилъ и помазалъ елеемъ. Такимъ образомъ, они были посвящены къ священническому служенію предъ Господомъ. Дѣйствія, совершенныя надъ ними Моисеемъ, служили просто къ тому, чтобы очистить и украсить ихъ, прежде чѣмъ они предстанутъ предъ Господа. Царь Соломонъ, также имѣвшій надъ Израильтянами верховную власть, освящая храмъ, всталъ, вышелъ къ народу, благословилъ его, возблагодарилъ Бога за то, что онъ положилъ на сердце Давиду, отцу его, создать храмъ, а ему далъ довершить его; потомъ помолился Богу, чтобы Онъ принялъ этотъ домъ, хотя онъ не соотвѣтствуетъ Его величію, и услышалъ бы молитвы рабовъ своихъ, которые будутъ молиться въ немъ; взаключеніе онъ принесъ жертву, и храмъ былъ освященъ. Здѣсь не было никакихъ процессій—царь все время стоялъ на одномъ мѣстѣ, ни заклятой воды, ни окропиши мя, ни иныхъ неумѣстныхъ цитатъ словъ, сказанныхъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ и въ совершенно

иномъ смыслѣ; весь обрядъ состоялъ въ приличной, разумной, согласной съ дѣломъ рѣчи.

Такъ и св. Іоаннъ Креститель не заклиналъ воду Іордана или Филиппъ—воду рѣки, въ которой крестилъ евнуха. Писаніе не говоритъ, чтобы во время апостоловъ пастыри плевали въ ноздри крещаемымъ, приговаривая: въ вони благоуханія. Никакой авторитетъ не защититъ этотъ обрядъ отъ обвиненія въ неопрятности, а приложеніе къ такому неопрятному дѣлу священныхъ словъ—въ легкомысліи.

Есть нѣсколько текстовъ, которые, повидимому, доказываютъ, что души живутъ отдѣльно отъ тѣлъ вѣчно, и нетолько души избранныхъ, по особой благодати, но и души отверженныхъ, по присущему свойству человѣческой природы.

Таковы, во первыхъ, слова Соломона: Духъ возвратится къ Богу, Который далъ его (Еккл. XII, 7). Эти слова можно понимать въ томъ смыслѣ, что кромѣ Бога никто не знаетъ, откуда берется духъ человѣческій и куда дѣвается. По этому, нѣтъ никакой необходимости заключать изъ этихъ словъ, что души отверженныхъ возвращаются къ Богу, Даровавшему ихъ. Тотъ же Соломонъ говоритъ въ той же книгѣ: Ибо участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ, одна и та же участь ихъ; какъ умираютъ эти, такъ умираютъ тѣ,—и духъ одинъ у всѣхъ, и нѣтъ человѣку преимущества передъ скотами. Все это въ одно мѣсто идетъ, все это произошло изъ персти, и все это возвращается въ персть. Кто знаетъ духъ сыновъ человѣческихъ, который горѣ восходитъ, и духъ скота, который внизъ въ землю идетъ (Екклез. III, 19—21). Библія говоритъ о Энохѣ: И ходилъ Энохъ предъ Богомъ, и не стало его, потому что Богъ взялъ его (Быт. V, 24); также и апостолъ: Вѣрою Энохъ преселенъ такъ, что не видѣлъ смерти; и не стало его, потому что Богъ взялъ его (Евр. XI, 5). Эти тексты доказываютъ, что душа и тѣло могутъ быть равно безсмертны, но доказываютъ также, что это чудо совершается только по благодати Бога, съ людьми угодными Ему, а не по свойству самой природы человѣка. Но что отвѣтить на слова Соломона: Касательно сыновъ человѣческихъ, я сказалъ въ сердцѣ своемъ: на то есть Богъ, чтобы раздѣлить ихъ и чтобы видѣли, что они скотъ въ самихъ себѣ (Еккл. III, 19). Въ этихъ словахъ отрицается безсмертіе души по природѣ, но не отрицается возможность безсмертія по благодати. Еще Соломонъ говоритъ: И призналъ я покойниковъ тѣхъ, которые уже умерли, болѣе счастливыми, нежели живущихъ, которые живы еще. А тѣхъ и другихъ счастливѣе тотъ, кто еще не существуетъ, кто не видѣлъ дѣла злого, которое дѣлается подъ этимъ солнцемъ (Екклез. IV, 2, 3). Нельзя же думать, что мудрецъ считаетъ неродившагося человѣка счастливѣе того, кто наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ. Живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые ничего не знаютъ, и нѣтъ имъ возмездія, потому что и имя ихъ забывается (Екклез. IX, 5). Эти слова несомнѣнно—великая истина; однако они оказались бы ложью, если допустить, что люди безсмертны.

Вѣрѣ въ естественное безсмертіе души благопріятствуютъ еще, повидимому, слова Спасителя, что Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ еще живы. Но они живы по обѣтованію Божію, а не въ дѣйствительности, живы потому, что имъ несомнѣнно предстоятъ вѣчная жизнь и воскресеніе, т. е. они записаны въ книгѣ жизни и живутъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ Адамъ умеръ въ тотъ самый день, какъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода. Нѣкоторые въ доказательство естественнаго безсмертія души ссылаются еще на притчу о богатомъ и Лазарѣ; но притча ничего не можетъ доказывать, и какъ бы то ни было, остается тотъ фактъ, что ни въ Св. Писаніи, ни въ нашей литургіи не встрѣчается выраженія: безсмертная душа.

Въ Новомъ Завѣтѣ есть тексты, повидимому, приписывающіе безсмертіе даже отверженнымъ. Въ немъ ясно говорится, что они воскреснутъ для послѣдняго суда, пойдутъ въ огонь вѣчный, подвергнутся вѣчнымъ наказаніямъ, что червь совѣсти никогда не умретъ въ нихъ. Многіе хотятъ разумѣть все это и подъ выраженіемъ: вѣчная смерть. Но, по моему мнѣнію, едвали можно говорить, что Богъ желаетъ наказывать человѣческіе грѣхи величайшими мученіями, мученіями выше всякаго воображенія, и вдобавокъ безконечно: вѣдь Богъ—Отецъ любви; Онъ дѣлаетъ на небѣ и на землѣ все, что хочетъ; въ Его рукахъ сердца всѣхъ людей; отъ Него зависятъ въ людяхъ всѣ желанія и дѣйствія, и безъ Его благодати никто не можетъ имѣть ни наклонности къ добру, ни отвращенія къ злу. Поэтому, посмотримъ, не можетъ ли вѣчный огонь и другія подобныя выраженія означать что-нибудь иное.

О праведникахъ дѣйствительно говорится, что они воскреснутъ съ тѣлами духовными и славными, будутъ жить вѣчно, не принимая ни пищи, ни питья и не вступая въ бракъ; но о нечестивыхъ этого не говорится, а сказано, что они умрутъ второй смертью, которая продолжится вѣчно. Этому не противорѣчитъ то, что говорится объ огнѣ, вѣчныхъ мученіяхъ и червѣ совѣсти, потому что въ этихъ случаяхъ вѣчность значитъ просто до конца своего вѣка. Римляне называли

вѣкомъ — saeculum, столѣтній періодъ, полагаемый нормальнымъ продолженіемъ человѣческой жизни. Но у евреевъ слово вѣкъ имѣло иное значеніе; подъ нимъ они разумѣли міровые періоды: такъ, одинъ вѣкъ былъ отъ сотворенія міра до потопа; другой вѣкъ продолжается отъ потопа до мірового пожара въ пришествіе Мессіи; третій отъ пришествія Мессіи продолжится вѣчно. Этотъ третій вѣкъ называется вѣкомъ вѣковъ. Такимъ образомъ, отверженные могутъ быть наказываемы до конца нынѣшняго вѣка, т. е. до конца міра, когда умрутъ второю смертью, которая поэтому можетъ быть названа вѣчной. Св. Павелъ, говоря о воскресеніи, разумѣетъ воскресеніе только къ вѣчной жизни, а не къ вѣчному наказанію: Сѣется тлѣнное, воскресаетъ нетлѣнное; сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное; сѣется немощное, воскресаетъ сильное. Сѣется тѣло душевное, воскресаетъ тѣло духовное (1 Евр. XV, 42, 43, 44). Но всего этого нельзя сказать объ отверженныхъ. И Христосъ, говоря о воскресеніи, разумѣетъ только воскресеніе къ вѣчной жизни: Чада вѣка сего—говоритъ Онъ—женятся и выходятъ замужъ; а сподобившіеся улучить тотъ вѣкъ и воскресеніе изъ мертвыхъ не женятся, ни замужъ не выходятъ. Ибо и умирать уже не могутъ; ибо они подобны ангеламъ, и суть сыны Божіи, ставъ сынами воскресенія (Лук. XX, 34, 35, 36). Въ этихъ словахъ должно замѣтить три обстоятельства. Во первыхъ, Господь называетъ время до воскресенія однимъ вѣкомъ, а время по воскресеніи—другимъ. Во вторыхъ, Онъ поставляетъ между сынами сего міра и сынами міра будущаго то различіе, что сыны будущаго міра не могутъ опять умереть, и этимъ намекается, что отверженные умрутъ опять. Въ третьихъ, Онъ не говоритъ, что сыны міра сего достойны воскресенія изъ мертвыхъ, и называетъ сыновъ Божіихъ равными ангеламъ, потому что они суть сыны воскресенія. Изъ этого слѣдуетъ, что отверженные воскреснутъ только для второй смерти. Одни сыны Божіи суть вмѣстѣ съ тѣмъ и сыны воскресенія.

Это ученіе о естественномъ безсмертіи душъ, отдѣлившихся отъ тѣлъ, послужило основаніемъ ученію о чистилищѣ, тогда какъ, если предположить, что вѣчная жизнь принадлежитъ однимъ вѣрнымъ и дается благодатью, то до воскресенія не можетъ быть никакого безсмертія. Въ подтвержденіе ученія о чистилищѣ Беллярминъ приводитъ слѣдующія мѣста Писанія: во первыхъ, Давидъ постился по поводу смерти Саула и Іонаѳана (2 Цар. I, 12); потомъ онъ же постился по поводу смерти Авенира (2 Цар. III, 35). Беллярминъ говоритъ, что Давидъ постился съ цѣлью испросить для нихъ у Бога какого-нибудь блага по ихъ смерти. Но почему же Давидъ постился, молясь за своего больнаго сына, и принялъ пищу, какъ только узналъ, что онъ умеръ? Беллярминъ объясняетъ это такъ: душа существуетъ отдѣльно отъ тѣла; если она уже находится на небѣ или въ аду, то постомъ нельзя ничего исходатайствовать для нея; если Давидъ тѣмъ неменѣе ходатайствовалъ за души нѣкоторыхъ умершихъ, это доказываетъ, что онѣ не находились ни на небѣ, ни въ аду; слѣдовательно, должны были находиться въ какомъ-нибудь третьемъ мѣстѣ, т. е. въ чистилищѣ. Но несправедливо, чтобы Давидъ постился съ цѣлью испросить чего-нибудь для Саула и Іонаѳана. Извѣстно, что обряды траура и поста по поводу смерти людей, жизнь которыхъ была безполезна или даже вредна для соблюдающаго эти обряды, составляютъ пустую формальность. Оплакивать смерть друзей и людей, необходимыхъ для насъ, вовсе не то, что выказывать знаки соболѣзнованія по требованію приличія. Давидъ почтилъ память Саула и Іонаѳана постомъ—это было оффиціальное выраженіе соболѣзнованія. Но когда у него занемогъ сынъ, онъ старался постомъ и молитвою испросить у Бога выздоровленія ему, и прекратилъ постъ, когда онъ не помогъ.

Прочіе тексты, приводимые Беллярминомъ, не имѣютъ и тѣни доказательства. Богословы толковали въ пользу чистилища всѣ мѣста Писанія, гдѣ только упоминается объ огнѣ, ярости, горѣніи, очищеніи и т. под., и паписты считаютъ всѣ эти натяжки неопровержимыми аргументами. Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене (Псал. XXXVII, 1)—какое отношеніе могли бы имѣть эти слова къ чистилищу, еслибы Августинъ въ проповѣди не сравнилъ ярость съ огнемъ геенны, а гнѣвъ—съ огнемъ чистилища? Какое отношеніе къ чистилищу имѣютъ слова: Проидохомъ сквозѣ огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой (Псал. LXV, 12)? Проповѣдники прибѣгали къ такимъ сравненіямъ ради краснорѣчія, а не догматически.

Беллярминъ ссылается и на нѣкоторыя мѣста Новаго Завѣта, довольно непонятныя. Если кто скажетъ слово на сына человѣческаго, простится ему: если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (Мѳ. XII, 32); въ этомъ текстѣ Беллярминъ находитъ, что чистилище есть будущій вѣкъ. Но будущій вѣкъ начнется съ суднаго дня, а всѣ согласны, что тогда уже не будетъ никакого чистилища. Что же значатъ эти слова Спасителя? Этого я не знаю, но знаю, что въ нихъ о чистилищѣ нѣтъ и помина. Св. Духъ, Третье Лицо св. Троицы, посланъ Утѣшителемъ присутствовать въ церкви до конца міра, и по-

тому хула на церковь можетъ быть справедливо названа хулой на Св. Духа. Итакъ, здѣсь, повидимому, Спаситель сравниваетъ свою кротость и готовность прощать грѣхи со строгостью пастырей церкви къ неуважающимъ ихъ авторитетъ. Онъ какъ-бы говоритъ: вы, отвергающіе Мою власть, вы, распявшіе Меня, почувствуете Мое милосердіе, когда раскаетесь и обратитесь ко Мнѣ чрезъ покаяніе; но когда впослѣдствіи вы захотите отвергнуть притязанія церкви, она будетъ неумолима къ вамъ, не проститъ вамъ въ здѣшнемъ мірѣ и постарается сдѣлать все зависящее отъ нея, чтобы подвергнуть васъ наказанію и въ будущемъ мірѣ. Итакъ, эти слова Спасителя можно считать предсказаніемъ или пророчествомъ о строгости церкви подъ владычествомъ папы. Белларминъ ссылается еще на слова: Иначе, что дѣлаютъ крестящіеся для мертвыхъ? Если вовсе мертвые не воскресаютъ, то зачѣмъ и креститься для мертвыхъ? (1 Кор. XV, 29). Гдѣ же тутъ чистилище? Изъ этихъ словъ можно только заключить, что во время св. Павла былъ обычай крестить уже крещеныхъ вмѣсто умершихъ некрещеныхъ; какъ теперь вѣрующіе, крестя дѣтей, поручаются за будущую вѣру младенцевъ, еще неспособныхъ къ вѣрѣ, такъ тогда, принимая крещеніе вмѣсто умершихъ, вѣрующіе ручались за то, что по воскресеніи они послѣдуютъ за Христомъ. Но никакъ нельзя придумать никакого вывода изъ этого текста въ пользу чистилища или въ доказательство того, что для душъ, отдѣлившихся отъ тѣлъ, или для души Лазаря въ тѣ четыре дня, когда онъ былъ мертвъ, нужно какое-нибудь мѣсто. Богъ, Который могъ даровать праху жизнь, можетъ и возвратить ее умершему,

Белларминъ приводитъ также текстъ, въ которомъ говорится о строящихъ на основаніи дровъ, сѣна, соломы, что дѣло ихъ погибнетъ, а сами они спасутся, но такъ какъ изъ огня (1 Кор. III, 15). Белларминъ хочетъ, чтобы этотъ огонь обозначалъ огонь чистилища. Но мы выше показали, что этотъ текстъ намекаетъ на слова Захаріи: И сію третью часть введу въ огонь, и переплавлю ихъ, какъ плавятъ серебро, и испытаю ихъ, какъ испытываютъ золото (Зах. XIII, 9) и сказаны о пришествіи Христовомъ въ силѣ и славѣ, т. е. въ день суда, когда сгоритъ нынѣшній міръ.

Изъ вышеприведеннаго текста о крещеніи за умершихъ (1 Кор. XV, 29) Белларминъ заключаетъ, что и молитва за умершихъ не безполезна, и отсюда опять выводитъ существованіе чистилищнаго огня. И то, и другое вздоръ. Изъ многихъ значеній слова «крещеніе» онъ непремѣнно хочетъ приписать ему значеніе покаянія; такъ, люди будто-бы крещаются, когда постятся, молятся, подаютъ милостыню. Но въ

этомъ смыслѣ крещеніе не употребляется ни въ Св. Писаніи, ни въ обыкновенной рѣчи какого бы то ни было языка. Крещеніемъ называется погруженіе въ кровь; такъ крестились Христосъ на крестѣ и Его мученики, свидѣтели. Но что общаго между погруженіемъ и молитвой, постомъ и милостынею? Слова Іоанна Крестителя: Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ (Мѳ. III, 11) относятся не къ чистилищу, а къ снисшествію Св. Духа на апостоловъ, когда явились имъ раздѣляющіеся языки, какъ-бы огненные (Дѣян. II, 3). Предсказаніе Іоанна Крестителя исполнилось надъ апостолами.

Белларминъ указываетъ и на другое объясненіе крещенія за умершихъ, именно на то, которое я привелъ выше, какъ самое вѣроятное, и выводитъ изъ него пользу молитвъ за умершихъ. Если, говоритъ онъ, въ царство Божіе могутъ быть принимаемы неслышавшіе имени Христова или невѣровавшіе въ Христа, то ихъ друзьямъ не безполезно молиться о нихъ. Но допустимъ даже, что по молитвамъ вѣрующихъ Богъ спасаетъ иногда неслышавшихъ Евангелія, которые поэтому самому не могли и отвергнуть Христа; но слѣдуетъ ли изъ этого что-нибудь въ пользу чистилища? Воскреснуть къ жизни отъ смерти совсѣмъ не то, что воскреснуть къ жизни изъ чистилища, потому что послѣднее значитъ воскреснуть къ жизни отъ жизни же, отъ несчастной жизни къ жизни блаженной.

Вотъ еще текстъ, приводимый Белларминомъ: Мирись скорѣе съ соперникомъ твоимъ, пока находишься съ нимъ на пути, чтобы соперникъ не отдалъ тебя судьѣ, и судья не отдалъ бы тебя тюремному приставнику, и не ввергли бы тебя въ темницу. Истинно говорю тебѣ: не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдней полушки (Мѳ. V, 25, 26). Здѣсь оскорбившій ближняго есть грѣшникъ; судья и соперникъ—Богъ; путь—настоящая жизнь; темница—гробъ, изъ котораго грѣшникъ воскреснетъ не къ вѣчной жизни, а для второй смерти, если не воздастъ послѣдней полушки или не воздастъ за него Своимъ страданіемъ Христосъ. Слѣдовательно, эти слова нисколько не относятся къ чистилищу.

Далѣе, текстъ: А Я говорю вамъ: всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду, а кто скажетъ брату своему: рака—подлежитъ верховному судилищу; кто же скажетъ: безсовѣстный—подлежитъ гееннѣ огненной (Мѳ. V, 22). Изъ этихъ словъ Белларминъ заключаетъ, что существуетъ три рода грѣшниковъ и три рода наказаній. Только послѣдній родъ грѣха подвергается наказанію въ гееннѣ; слѣдовательно, меньшіе грѣхи наказы-

ваются въ чистилищѣ. Это доказательство слишкомъ слабо. Для разбора грѣховъ по смерти не будетъ учреждено различныхъ судовъ, въ родѣ еврейскихъ инстанцій суда и верховнаго судилища. Всякій судъ будетъ принадлежать Христу и апостоламъ. Стало-быть, чтобы объяснить себѣ этотъ текстъ, надо разсматривать его не отдѣльно, а въ связи съ предшествующими и послѣдующими словами. Спаситель толкуетъ въ этой главѣ Моисеевъ законъ. Во то время Евреи считали, что достаточно исполняютъ его, если не нарушаютъ грамматическаго смысла его, хотя бы дѣйствовали противъ духа его и противъ намѣренія законодателя. Такъ они считали, что для исполненія шестой заповѣди достаточно не убивать, для соблюденія седьмой—не блудить съ посторонней женщиной. Но Спаситель учитъ ихъ, что и несправедливый гнѣвъ на ближняго есть человѣкоубійство. Вы слышали, говоритъ Онъ, въ законѣ Моисеевомъ сказано: не убій, и что всякій убійца будетъ осужденъ судьями; но Я вамъ говорю, что и несправедливо гнѣваться на ближняго, бранить его ракой или безсовѣстнымъ составляетъ человѣкоубійство и заслуживаетъ огня геенны, когда Христосъ и апостолы возсядутъ на престолахъ. Слѣдовательно, Христосъ не установляетъ тутъ разныхъ судебныхъ инстанцій для суднаго дня, а просто запрещаетъ оскорблять ближняго. При чемъ же тутъ чистилище?

Пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители (Лук. XVI, 9). Беллярминъ считаетъ возможнымъ доказать этимъ текстомъ необходимость призыванія святыхъ. Но текстъ этотъ очевидно имѣетъ тотъ смыслъ, что, раздавая наши богатства бѣднымъ, мы пріобрѣтаемъ себѣ ихъ молитвы за насъ, пока живемъ на землѣ.

Помяни меня, Господи, когда пріидешь во Царствіе твое (Лук. XXIII, 42). Беллярминъ говоритъ, будто изъ этого текста слѣдуетъ, что грѣхи могутъ быть отпускаемы и по смерти. Но это заключеніе неосновательно. Спаситель отпустилъ разбойнику грѣхи при жизни, сказавъ, что воскреситъ его къ вѣчной жизни въ день суда.

Св. Петръ сказалъ о Христѣ: Богъ воскресилъ Его, расторгнувъ узы смерти; потому что невозможно было ей удержать Его (Дѣян. II, 24). Изъ этихъ словъ Беллярминъ считаетъ возможнымъ вывести, будто Христосъ сходилъ въ чистилище, чтобы освободить души обитателей его отъ мученій. Но совершенно ясно, что отъ смертныхъ узъ былъ разрѣшенъ и не могъ быть удержанъ смертью Самъ Христосъ, а не кто-нибудь, бывшій въ чистилищѣ.

ГЛАВА XLV.

О демонологіи и о другихъ остаткахъ языческой религіи.

Происхожденіе демонологіи.

Освѣщенные предметы, вліяя на органы зрѣнія въ прямомъ направленіи или лучами, отраженными отъ другихъ непрозрачныхъ тѣлъ или наконецъ преломленными въ прозрачныхъ средахъ, вызываютъ въ животныхъ, одаренныхъ этими органами, представленія объектовъ, производящихъ эти впечатлѣнія. Имѣть эти представленія называется видѣть, и представленія кажутся самими объектами, производящими ихъ. Подобнымъ же образомъ, если сильно надавить глазъ, человѣку представляется свѣтъ, котораго кромѣ его никто не видитъ и который вызванъ не внѣшнимъ объектомъ, а движеніемъ въ самомъ органѣ. Это движеніе и производимое имъ представленіе могутъ продолжаться и по прекращеніи вліянія объекта или давленія, и это свойство называется воображеніемъ или памятью; они могутъ возбудиться и во снѣ вслѣдствіе какого-нибудь разстройства органа болѣзнью или давленіемъ, и тогда является сновидѣніе. Обо всемъ этомъ мы говорили вкратцѣ во II и III главахъ.

Древніе философы не знали этой сущности зрѣнія. Не обладая положительнымъ знаніемъ, они не могли представить себѣ явленія, существующія въ чувствахъ и въ умѣ, иначе, какъ реальными существами; но не зная, какъ и откуда они берутся, видя ихъ неуловимость, неосязаемость, они представляли ихъ себѣ совершенно невещественными, безтѣлесными, т. е. формами безъ вещества, цвѣтами и очертаніями безъ цвѣтныхъ и очерченныхъ тѣлъ; они думали, что эти существа облекаются въ воздушныя тѣла, какъ въ одежду, чтобы сдѣлаться видимы нашимъ тѣлеснымъ глазамъ. Другіе же говорили, что эти существа тѣлесны, одарены жизнью, но что тѣла ихъ состоятъ изъ воздуха или изъ еще болѣе тонкой эѳирной матеріи, которую они сгущаютъ, когда хотятъ сдѣлаться видимы намъ. Всѣ единогласно называли ихъ демонами. Это все равно, что увидѣть во снѣ покойника и счесть его не обитателемъ нашего собственнаго воображенія, а духомъ, обитающимъ въ воздухѣ, на небѣ или въ аду,—увидѣть себя въ зеркалѣ и счесть свое отраженіе своей душой,—увидѣть отраженія звѣздъ въ водѣ и счесть

ихъ душами звѣздъ; все равно, что считать видимое нами солнце величиной съ дно рюмки—демономъ или духомъ великаго свѣтила, освѣщающаго весь видимый міръ. Эти демоны, какъ существа невѣдомыя, возбуждали страхъ, и имъ приписывалось безконечное могущество вредить и помогать. Языческія правительства воспользовались этимъ страхомъ, чтобы въ видахъ упроченія мира и покорности подданныхъ установить демонологію, развитую и усовершенствованную поэтами — этими жрецами языческой религіи; такимъ образомъ явились добрые и злые демоны, одни — награждавшіе послушаніе, а другіе — каравшіе неповиновеніе.

Объ этихъ демонахъ подробно говоритъ Гезіодъ въ своей теогоніи и другіе древнѣйшіе греческіе поэты и историки. Я уже упоминалъ о нихъ въ XII главѣ этого сочиненія.

Греки своими побѣдами и колоніями распространили свои сочиненія и свой языкъ между народами Азіи, Египта и Италіи. Между прочимъ и Евреи, какъ въ самой Іудеѣ, такъ и разсѣянные въ Александріи и въ другихъ мѣстахъ, приняли бредни демонологіи или, по выраженію св. Павла, ученіе бѣсовское (1 Тим. IV, 1). Однако они не называли, подобно Грекамъ, всѣхъ духовъ, добрыхъ и злыхъ, демонами; такъ назывались у нихъ только злые духи. Добраго демона они называли духомъ Божіимъ, а людей, одержимыхъ добрымъ духомъ,—пророками. Всякое необыкновенное и чрезвычайное благо называлось духомъ Божіимъ, а всякое особенное зло — бѣсомъ, демономъ и какодемономъ. Безумныхъ, сумасшедшихъ, лунатиковъ, эпилептиковъ и даже косноязычныхъ они называли бѣсноватыми, одержимыми демонами. О нечистомъ человѣкѣ они выражались, что онъ имѣетъ нечистаго духа, а о нѣмомъ — нѣмаго духа. Іоаннъ Креститель постился особеннымъ образомъ и потому о немъ говорили, что онъ имѣетъ демона. Когда Спаситель сказалъ: Кто соблюдетъ слово Мое, тотъ не узритъ смерти во вѣкъ, Іудеи замѣтили: Теперь узнали мы, что бѣсъ въ Тебѣ; Авраамъ умеръ и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдетъ слово Мое, тотъ не узритъ смерти во вѣкъ (Іоанн. VIII, 51, 52). Въ другой разъ, когда Іисусъ спросилъ: За что ищете убить Меня?—народъ отвѣчалъ: Не бѣсъ ли въ тебѣ? Кто хочетъ убить тебя? (Іоанн. VII, 19, 20)? Это доказываетъ, что въ это время Евреи раздѣляли мнѣнія Грековъ о реальности умственныхъ представленій, будто-бы существующихъ сами по себѣ, независимо отъ воображенія.

Если это ученіе ложно, возражаютъ нѣкоторые, почему же Христосъ не опровергалъ его? Почему Онъ Самъ прибѣгалъ къ оборотамъ, повидимому, подтверждавшимъ это ученіе? Въ отвѣтъ на это скажу, во первыхъ, что когда Іисусъ говоритъ: Духъ плоти и костей не имѣетъ (Лук. XXIV, 39),—Онъ, хотя утверждаетъ, что духи существуютъ, но не отрицаетъ, что они тѣлесны. Когда св. Павелъ говоритъ, что избранные воскреснутъ съ духовными тѣлами (1 Кор. XV, 44), онъ, хотя признаетъ природу духовъ, но тѣлесную. Воздухъ и другія вещи, хотя не суть ни плоть, ни кровь, хотя для зрѣнія нечувствительны, однако все-таки тѣла. Спаситель, правда, повелѣвалъ демону выйдти изъ бѣсноватаго; можно ли понимать здѣсь подъ демономъ какую-нибудь болѣзнь, какъ-то безуміе, эпилепсію; можно ли считать эти обращенія къ бѣсамъ метафорами? Вѣдь болѣзни не слышатъ; какой же духъ можно изгонять изъ живаго организма? Развѣ есть какіе-нибудь духи—не тѣла и не идеи? Очевидно, что слова Спасителя—метафора, не болѣе странная, чѣмъ обращенія Его съ запрещеніями къ горячкѣ, вѣтру, морю; горячка, море, вѣтеръ также не имѣютъ слуха, и обращаться къ нимъ съ приказаніями нисколько не невозможнѣе, чѣмъ повелѣвать свѣту, тверди, солнцу и звѣздамъ, прежде чѣмъ все это получило существованіе, какъ дѣлалъ Богъ при сотвореніи міра. Эти повелѣнія доказывали только могущество Божественнаго слова. Слѣдовательно, и повелѣнія, которыя Христосъ давалъ безумію, болѣзнямъ, вѣтру и морю, также имѣли именно тотъ смыслъ, что показывали Его божество.

О Спасителѣ говорится, что Онъ былъ отведенъ Духомъ въ пустыню для искушенія отъ діавола (Мѳ. IV, 1); что Онъ, исполненный Духа Святаго, возвратился отъ Іордана и поведенъ Духомъ въ пустыню (Лук. IV, 1). Здѣсь подъ духомъ разумѣется Св. Духъ, но вовсе не предполагается, чтобы Онъ одержалъ Спасителя или владѣлъ Имъ. Далѣе разсказывается, что діаволъ опять беретъ Его на весьма высокую гору и показываетъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ (Мѳ. IV, 8); но и изъ этого нельзя заключать, чтобы діаволъ принуждалъ Христа и велъ Его, куда хотѣлъ, или чтобы существовала такая гора, съ которой можно было видѣть всѣ царства міра. Эти слова очевидно описываютъ просто видѣніе. Такъ Павелъ былъ восхищенъ на третье небо, гдѣ видѣлъ чудеса, восхищенъ, конечно, не тѣломъ, а духомъ.

И св. Лука говоритъ объ Іудѣ Искаріотскомъ: Вошелъ же сатана во Іуду, призваннаго Искаріотъ, одного изъ числа двѣнадцати учениковъ. И онъ пошелъ и говорилъ съ первосвященниками и начальниками, какъ Его предать имъ (Лук. XXII, 3,4). Это можно понимать такъ: въ Іудѣ явилось враждебное и вѣроломное намѣреніе предать и продать своего Господа и Бога врагамъ. Какъ подъ

Св. Духомъ въ Св. Писаніи разумѣются дары благодати и силы, сообщаемыя Св. Духомъ, такъ водвореніе сатаны въ человѣкѣ означаетъ нечестивыя мысли и злодѣйскія намѣренія враговъ Христовыхъ; но нельзя сказать, чтобы діаволъ вошелъ въ Іуду прежде, чѣмъ въ немъ явилось намѣреніе продать Христа. Такимъ образомъ, подъ сатаной здѣсь, повидимому, разумѣется просто злобное намѣреніе самого Іуды.

Наконецъ, еслибы существовалъ какой-нибудь безтѣлесный или невещественный духъ, то, безъ сомнѣнія, слова безтѣлесность, невещественность встрѣчались бы гдѣ-нибудь въ Ветхомъ или въ Новомъ Завѣтѣ. Но ихъ нигдѣ не встрѣчается.

Но если невещественнаго духа не существуетъ, то возникаетъ другой вопросъ, почему ни Спаситель, ни Его апостолы не сказали этого людятъ такъ ясно, чтобы не оставалось больше сомнѣнія. Такіе вопросы недостойны христіанина и совершенно безполезны для спасенія. Это все равно, что спрашивать, отчего Христосъ, имѣя возможность дать всѣмъ вѣру, благочестіе и всѣ добродѣтели, отказалъ въ нихъ многимъ; отчего Онъ не вложилъ во всѣхъ людей познаніе естественныхъ законовъ, а предоставилъ пріобрѣтать его трудомъ. Такихъ вопросовъ можно придумать безчисленное множество, и можно отвѣтить на нихъ благочестивымъ и основательнымъ образомъ.

Какъ Богъ, вводя Израильтянъ въ обѣтованную землю, не подчинилъ имъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ, чтобы они могли безопасно владѣть этой землей, но оставилъ нѣкоторые изъ этихъ народовъ, какъ шипы по сторонамъ своего народа, чтобы возбуждать его къ благочестію и подвигамъ; такъ Спаситель, вводя избранныхъ Своихъ въ царство Божіе, не уничтожилъ всѣхъ затрудненій естественныхъ вопросовъ, а оставилъ многіе для упражненія естественнаго разума людей. Спаситель имѣлъ при этомъ единственною цѣлью указать людямъ правильный и ровный путь къ вѣчному спасенію, состоящій въ вѣрѣ въ Его божественность и искупительное служеніе, въ Его грядущее пришествіе въ величіи и въ царство Его надъ избранными. Разсужденія о тѣлесности духовъ не имѣли никакого отношенія къ этой цѣли. Если мы станемъ требовать отъ Св. Писанія рѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые могутъ препятствовать христіанину исполнять повелѣнія Божіи, то отчего не жаловаться намъ и на Моисея, который, объясняя твореніе неба, земли и прочихъ вещей, не сказалъ ни слова о созданіи духовъ? Мы находимъ въ Св. Писаніи упоминовеніе объ ангелахъ и духахъ, добрыхъ и злыхъ, но не безтѣлесныхъ, потому что это видѣнія, сны, призраки, а не субстанціи.

Но ученіе о существованіи безтѣлесныхъ духовъ такъ долго господствовало въ церкви, что наконецъ сочли необходимымъ установить особые обряды заговоровъ противъ демоновъ. Вслѣдствіе этого нелѣпаго суевѣрія въ первые вѣка церкви было также много бѣсноватыхъ, одержимыхъ демонами, какъ теперь умалишенныхъ и лунатиковъ, и также мало сумасшедшихъ, какъ теперь бѣсноватыхъ. Но отчего во время апостоловъ пастыри церкви часто исцѣляли эти болѣзни, а теперь онѣ неизлечимы? Отчего теперь истинно вѣрующіе не могутъ дѣлать того, что дѣлали вѣрующіе въ древности, какъ то: именемъ Христовымъ изгонять бѣсовъ, говорить новыми языками, брать руками змѣй, безвредно пить ядъ и возложеніемъ рукъ исцѣлять больныхъ? На этотъ труднѣйшій вопросъ я не могу дать вѣрнаго отвѣта; но быть можетъ эти дары были даны церкви только навремя, пока у христіанъ не было писаннаго евангельскаго ученія, а потомъ Богъ восхотѣлъ, чтобы Писаніе считалось непреложнымъ закономъ и чтобы уваженіе къ нему основывалось уже не на чудесахъ, отъ которыхъ Самъ Христосъ и Его апостолы предостерегали вѣрующихъ, чтобы не поддаться на обманы лжехристовъ и лжепророковъ. Вотъ истинно благочестивое разрѣшеніе этого труднаго вопроса.

Другой остатокъ язычества въ церкви есть почитаніе иконъ, запрещенное Моисеемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, Христомъ и апостолами въ Новомъ. Оно не внесено въ церковь язычниками, а осталось неуничтожено въ тѣхъ, которые приняли имя христіанъ, сохранивъ языческія понятія. Пока Спаситель не открылъ истинной вѣры, содержаніемъ всѣхъ языческихъ религій и какъ-бы сущностью религіи было почитаніе демоновъ, т. е. обожаніе идоловъ, представленій, фантазій или призраковъ; язычники считали эти фантазіи реальными существами, но Павелъ училъ, что они—ничто (1 Кор. VIII, 4). Однако и Павелъ не считалъ ничѣмъ золотыя, серебряныя, каменныя, деревянныя изображенія этихъ мнимыхъ существъ; онъ говорилъ только, что представленія, изображаемыя этими идолами, суть ничто, т. е. чистые вымыслы, неимѣющіе ни мѣста, ни обиталища, ни движенія, ни существованія. Люди, почитающіе идоловъ, т. е. воздающіе имъ божескія почести, называются въ Писаніи идолопоклонниками и врагами Бога. Еслибы въ царствованіе надъ Евреями Бога и намѣстниковъ Его, первосвященниковъ, народу было дозволено чтить образы, т. е. вымыслы, то народъ былъ бы необязанъ вѣровать въ своего Бога и повиноваться служителямъ Его — Моисею и первосвященникамъ; такимъ образомъ, всякій жилъ бы по своему усмотрѣнію на погибель государства. Вотъ почему первый божественный законъ запрещалъ Израильтянамъ чтить языческихъ боговъ и повелѣвалъ чтить Одного Истиннаго Бога, Который далъ имъ черезъ Моисея законы и правила для мирнаго

Иконопочитаніе.

сожительства въ обществѣ и для обороны отъ враговъ. Второй законъ состоялъ въ томъ, чтобы Израильтяне не дѣлали себѣ кумировъ и не чтили ихъ. Преступно покидать своего царя и подчиняться другому, хотя бы это было сдѣлано не по своему произволу, а по чужому.

Въ пользу почитанія иконъ, живописныхъ и изваянныхъ, приводятъ два свидѣтельства Св. Писанія: во первыхъ, надъ ковчегомъ Завѣта въ Святая Святыхъ были воздвигнуты два херувима; во вторыхъ, по повелѣнію Бога въ пустынѣ былъ сдѣланъ мѣдный змій, и люди молились, взирая на него. Кромѣ того приводится нѣсколько текстовъ, повелѣвающихъ чтить разныя священныя вещи по отношенію ихъ къ Богу. Но прежде чѣмъ изслѣдовать силу этихъ доказательствъ, нужно объяснить значеніе словъ почитаніе, идолъ и образъ.

Въ главѣ XX было показано, что честь ничто иное, какъ уваженіе къ чьему-нибудь могуществу и что это понятіе относительное. Такъ какъ никакое могущество не можетъ сравниться съ Божіимъ, то было бы богохульствомъ какъ-нибудь приписывать Богу конечную честь. Почитаніе есть внѣшнее выраженіе чести или уваженія, питаемаго въ душѣ. Просить, клясться кѣмъ-нибудь, повиноваться, усердно служить, наконецъ произносить слова и совершать дѣйствія, выражающія опасеніе не понравиться или желаніе понравиться,—все это составляетъ почитаніе, не взирая на то, искренно ли оно или притворно.

Почитаніе гражданское и богопочитаніе.

Почитаніе, оказываемое людямъ, какъ-то царямъ и служителямъ царей, есть почитаніе гражданское. Преклоненіе предъ царемъ есть почитаніе гражданское, если преклоняющійся считаетъ его не Богомъ, а человѣкомъ. Всѣ знаки почитанія, изъявляемые въ храмѣ, выражаютъ богопочитаніе, потому что храмъ считается домомъ Божіимъ. Нѣкоторые установляютъ различіе между богопочитаніемъ и гражданскимъ почитаніемъ на основаніи разницы словъ *δουλεία* и *λατρεία*; но это ложно. Рабы бываютъ двоякаго рода; одни безусловно находятся во власти своихъ господъ—таковы плѣнники и ихъ потомство; тѣла ихъ принадлежатъ не имъ, а господамъ, и ихъ можно продавать, какъ неразумныхъ животныхъ. Греки называли ихъ *δοῦλοι*, а положеніе ихъ—*δουλεία*. Другіе рабы также служатъ и дѣлаютъ тоже, что первые, но по своей волѣ и только ради награды, притомъ не будучи обязаны дѣлать болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по договору съ господами. Греки называли ихъ *θῆτες*. Общее названіе тѣхъ и другихъ рабовъ—*λάτρις*, а общее имя рабства—*λατρεία*. Св. Писаніе не соблюдаетъ этого различія, особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о рабахъ Божіихъ, такъ какъ Богу должно оказывать всякій родъ повиновенія.

Образъ.

Образъ въ собственномъ и строжайшемъ значеніи есть подобіе какой-нибудь видимой вещи, т. е. призракъ, отраженіе, отблескъ или представленіе тѣла, являющееся прямо, отраженно или преломленно или воображаемое во снѣ. Мы уже знаемъ, что эти представленія не имѣютъ реальнаго существованія. Они называются идеями и «идолами» отъ греческаго слова *εἴδω*, что значитъ вижу.

Теперь очевидно, что безконечное не можетъ имѣть образа. Образъ всякаго видимаго предмета имѣетъ форму, а форма есть количество, со всѣхъ сторонъ опредѣленное. Стало-быть, не можетъ быть образа Безконечнаго Бога; не можетъ быть образовъ невидимыхъ духовъ и души.

Невиданная вещь, какъ напр. несуществующая, можетъ представляться намъ; но образъ ея всегда слагается изъ частей видѣнныхъ нами твореній, какъ напр. образъ центавра, химеры и пр.

Въ обширнѣйшемъ смыслѣ образъ значитъ матеріальное изображеніе предмета, иногда впрочемъ вовсе непохожее на вещь, которую должно изображать. Иногда образомъ предмета называется какой-нибудь другой предметъ, по виду неимѣющій съ нимъ ничего общаго. Такъ царей называютъ образами Божіими; сановниковъ — образами царей; Христосъ называется Образомъ Божіей Ипостаси (Евр. I, 3). Даже идолопоклонники не всегда считали идоловъ образами боговъ въ строгомъ смыслѣ и чтили ихъ не потому, что они подобны богамъ, а потому, что представляютъ ихъ.

Наконецъ Св. Писаніе употребляетъ слово образъ, идолъ въ совершенно особенномъ смыслѣ, называя этимъ именемъ всякій предметъ, которому воздается богопочитаніе, будь то солнце, звѣзда и вообще всякій объектъ, а не только идея или изображеніе его.

Идолопоклонство.

Показавъ, что̀ такое богопочитаніе и образъ, посмотримъ, что̀ значитъ идолопоклонство или иконослуженіе.

Мы почитаемъ образъ, если добровольно выражаемъ внутреннее уваженіе къ веществу, изъ котораго образъ состоитъ, какъ то: къ дереву, камню, металлу и тому подобному, или къ той идеѣ, къ тому представленію, по подобію или для изображенія котораго образовано это вещество.

Стоять съ непокрытой головой предъ человѣкомъ, обладающимъ могуществомъ и гражданскою властью, или предъ царскимъ трономъ—значитъ почитать извѣстнаго человѣка или властителя гражданскимъ почитаніемъ. Этотъ знакъ почитанія относится не къ мѣсту, не къ трону, а къ человѣку, и потому не составляетъ идолопоклонства. Но еслибы кто-нибудь относилъ свое почитаніе къ трону, то это было бы богопочитаніемъ, слѣдовательно, идолопоклонствомъ.

Просить царя и испрашивать у него чего-нибудь зависящаго отъ власти человѣка, хотя бы повергаясь при этомъ на землю, значитъ воздавать лишь гражданское почитаніе, потому что этимъ царю не приписывается никакого могущества, кромѣ человѣческаго. Но если мы просимъ его дать намъ дождь или ясную погоду или вообще что-нибудь такое, что можетъ дать только Богъ, это будетъ богопочитаніемъ и потому идолопоклонствомъ. Это не будетъ идолопоклонствомъ только въ томъ случаѣ, если дѣлается по приказанію царя, подъ угрозой смертной казни или другаго тяжкаго наказанія. Вынужденное почитаніе будетъ выражать уже не внутреннее уваженіе, а просто страхъ смерти. Слѣдовательно, оно не идолопоклонство и даже вообще не почитаніе. Оно не можетъ произвести и соблазна, потому что никто не подумаетъ, что вынужденный поступокъ былъ пріятенъ совершившему его.

Почитать Бога въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ или обратившись лицемъ къ какому-нибудь мѣсту или образу—значитъ почитать не самое мѣсто или самый образъ, а Бога, Которому они посвящены. При этомъ мы не думаемъ, что посвященіе Богу дало мѣсту или образу какое-нибудь особенное качество, а лишь новое отношеніе къ Богу, и стало-быть, мы не совершаемъ идолопоклонства, какъ со стороны Евреевъ не было идолопоклонствомъ взирать на мѣднаго змія или обращаться, молясь на чужбинѣ, въ сторону Іерусалима. Но думать, что Богъ обитаетъ въ извѣстномъ мѣстѣ или въ какомъ-нибудь образѣ, привязывая такимъ образомъ Безконечнаго Бога къ ограниченному пространству, есть идолопоклонство, потому что конечные боги ничто иное, какъ идолы или вымыслы. Было бы идолопоклонствомъ даже почитать Бога въ извѣстномъ образѣ или мѣстѣ, неосвященномъ общественной властью, хотя бы и не считая Его исключительно присутствующимъ въ нихъ, а единственно въ воспоминаніе какого-нибудь дѣла Божія; это было бы нарушеніемъ заповѣди: Не сотвори себѣ кумира и пр. Моисей воздвигъ мѣднаго змія не по своему произволу, а по повелѣнію Бога; слѣдовательно, онъ не нарушилъ второй заповѣди. Но когда Ааронъ и народъ сдѣлали себѣ золотаго тельца безъ повелѣнія Божія, это было идолослуженіемъ именно потому, что они поступили въ этомъ случаѣ произвольно, безъ позволенія Царя своего и намѣстника Его, Моисея.

Что же сказать о почитаніи святыхъ, ихъ мощей, образовъ и прочихъ принадлежностей, почитаніи, которое до сихъ поръ господствуетъ въ Римской церкви? Считать ли это идолопоклонствомъ, несмотря на то, что въ Св. Писаніи встрѣчаются случаи, когда образа были воздвигаемы по повелѣнію Божію? Конечно, это идолопоклонство. Богъ повелѣвалъ воздвигать образа не для того, чтобы ихъ почитали. Левиты не почитали херувимовъ и мѣднаго змія; напротивъ, Езекія даже уничтожилъ мѣднаго змія, когда народъ началъ почитать его. Этотъ царь понималъ разницу между назначеніемъ образовъ, предписаннымъ Богомъ, и обожаніемъ ихъ людьми.

Но католическое духовенство на основаніи другихъ мѣстъ Св. Писанія находитъ по крайней мѣрѣ позволительнымъ дѣлать изображенія ангеловъ и Бога. Оно указываетъ, что Богъ ходилъ въ райскомъ саду, что Іаковъ видѣлъ Его или по крайней мѣрѣ ангеловъ, восходящихъ и нисходящихъ по лѣстницѣ, утвержденной отъ земли до неба, и на другіе сны и видѣнія. Но Безконечный Богъ не гуляетъ, а видѣнія и сны, какъ естественные, такъ и сверхъестественные, все-таки чистыя фантазіи. Изображать же свои фантазіи значитъ не изображать Бога, а дѣлать идола. Я не говорю, что вообще грѣшно изображать свои фантазіи, но грѣшно изображать ихъ съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ предметъ почитанія. Тоже должно сказать объ изображеніяхъ ангеловъ и умершихъ людей, если эти изображенія не служатъ только памятниками. Но изображать усопшаго святаго, котораго никогда не видѣли, и потому, какъ можно предполагать, дѣлать это съ цѣлью почитать его и молиться ему, какъ будто онъ слышитъ молитвы, и такимъ образомъ приписывать ему сверхчеловѣческое могущество—составляетъ идолопоклонство. Иконопочитаніе запрещено и въ Ветхомъ, и въ Новомъ Завѣтѣ; поэтому нельзя приписывать его ошибочному пониманію Писанія. Остается предположить, что оно удержалось въ церкви потому, что новообращенные христіане сохранили въ душѣ языческія понятія и изображенія языческихъ боговъ у себя дома.

Причина этого состояла въ томъ, что эти изображенія были очень цѣнны. Ихъ владѣтели хотя перестали почитать ихъ, но удержали ихъ у себя подъ предлогомъ почитанія Христа, Дѣвы Маріи, апостоловъ и другихъ пастырей первобытной церкви. Легко было, перемѣнивъ только имена, сдѣлать изъ изображенія Венеры и Купидона изображеніе св. Дѣвы и ея Сына; изъ Юпитера—Варнаву, изъ Меркурія—Павла. Пастыри, желая изъ честолюбія нравиться новымъ христіанамъ, сами постепенно дошли до почитанія изображеній Христа и святыхъ. Впрочемъ послѣ Константина были нѣкоторые императоры, епископы и соборы, старавшіеся отмѣнить почитаніе иконъ; но было уже поздно.

Канонизація святыхъ также принадлежитъ къ остаткамъ язычества, а не возникла изъ неправильнаго пониманія Писанія и есть не новое изобрѣтеніе римской церкви, а обычай не менѣе древній, чѣмъ само римское государство. Первый канонизованъ былъ въ Римѣ Ромулъ. Юлій

Прокулъ поклялся предъ сенатомъ, будто видѣлъ его послѣ его смерти и будто онъ сказалъ ему, что живетъ на небѣ, называется тамъ Квириномъ и обѣщалъ покровительствовать Римлянамъ. Сенатъ объявилъ Ромула богомъ. Послѣ него были канонизованы и названы божественными Юлій Цезарь и нѣкоторые другіе императоры.

Папы заимствовали у римскихъ язычниковъ и титулъ великаго первосвященника (pontifex maximus). Они приняли его не прежде, какъ когда имперія утратила свою силу въ Италіи; потому что первосвященство было важной отраслью верховной власти. Августъ Цезарь, измѣнивъ римскій образъ правленія изъ демократическаго въ монархическій, принялъ только два титула—народнаго трибуна и великаго первосвященника, которые давали ему полную власть въ дѣлахъ гражданскихъ и духовныхъ; послѣдующіе императоры сохраняли эту власть до конца имперіи. Константинъ Великій поставилъ римскаго епископа выше всѣхъ прочихъ не потому, что онъ былъ преемникомъ Петра, какъ главы апостоловъ, а потому, что Римъ былъ столицею имперіи. Понятно, стало-быть, почему константинопольскій епископъ началъ спорить съ папой о первенствѣ, когда столицей имперіи былъ объявленъ Константинополь.

Къ остаткамъ язычества принадлежатъ ходы, шествія или процессіи, причемъ по городамъ носятъ изображенія Христа и святыхъ. Употребленіе свѣчъ въ знакъ богопочитанія ведетъ свое начало отъ подобнаго же языческаго обряда.

Употребленіе благословенной воды въ церквахъ происходитъ отъ очистительной воды (aqua lustralis) язычниковъ. Гулянки, даваемыя слугамъ за нѣсколько дней до великаго поста, составляютъ подражаніе сатурналіямъ древняго Рима; а крестные ходы по межѣ селъ послѣ Пасхи суть подражанія римскому празднику ambarvalia. Я не сомнѣваюсь, что и многія другія церемоніи остались въ церкви отъ язычества послѣ перваго обращенія язычниковъ, а римскіе учители или по небрежности, или по честолюбію наполнили эти ветхіе мѣха новымъ христіанскимъ виномъ, отъ котораго они когда-нибудь наконецъ лопнутъ.

ГЛАВА XLVI *)

О помраченіи вслѣдствіе философскихъ бредней и нелѣпыхъ преданій.

Философія.

Читатель напрасно ожидалъ бы найти въ этой главѣ выходки противъ философіи и философовъ. Что же намѣренъ я сказать въ ней? Я хочу положить различіе между философами и лжефилософами, между истинной философіей, мудрѣйшей наставницей жизни, единственной отрадой человѣка, и той нарумяненной и наряженной блудницей, которая такъ ложно принимается за философію. Истинная философія есть основанное на разумѣ знаніе началъ вещей, выведенное изъ свойствъ ихъ, и свойствъ ихъ—выведенное изъ началъ ихъ, съ цѣлью производить нужныя для людей явленія, насколько это доступно человѣческимъ усиліямъ. Такъ, геометръ, строя фигуры, открываетъ въ нихъ разныя свойства и, изучая эти свойства, находитъ новые способы построенія; онъ дѣлаетъ это съ цѣлью измѣрять сушу и воды и удовлетворять множеству другихъ человѣческихъ надобностей. Такъ, астрономъ, наблюдая положеніе, отношенія и движеніе солнца и звѣздъ въ разныхъ частяхъ неба, узнаетъ причины дня и ночи и временъ года; черезъ это онъ получаетъ возможность измѣрять время; такова же философія и другихъ отраслей знанія.

Изъ этого опредѣленія очевидно, что начало всякаго знанія, опытъ и разсчетъ, далеко не то, что философія; въ нихъ разумъ не участвуетъ, и они общи человѣку съ животными; они состоятъ только въ памяти, въ запоминаніи послѣдовательности прошлыхъ событій, при чемъ забвеніе и пропускъ малѣйшаго обстоятельства обманываетъ ожиданіе самаго разсчетливаго человѣка. Ибо всякое явленіе есть плодъ общей, вѣчной и неизмѣнной истины, а не частнаго совпаденія.

Нелѣпыя заключенія никакъ не могутъ принадлежать философіи; разсуждая правильно и понимая, что говоришь, никогда нельзя придти къ нелѣпости.

Философія не имѣетъ ничего общаго съ такъ-называемымъ сверхъ-

---

*) Въ этой главѣ англійскій и латинскій оригиналы очень значительно расходятся; мы слѣдуемъ первому.

естественнымъ откровеніемъ, потому что послѣднее основано не на разумѣ.

Нельзя также назвать философскимъ разсужденіе, основанное на чужомъ книжномъ авторитетѣ, потому что оно не заключаетъ ни о явленіяхъ по причинамъ, ни о причинахъ по явленіямъ; это не знаніе, а вѣра.

Начало и успѣхи философіи.

Способность разсуждать вытекла прямо изъ рѣчи; поэтому первыя истины, добытыя разсужденіемъ, необходимо должны быть почти современны древнѣйшей рѣчи. Американскіе дикари уже нелишены нѣкоторыхъ превосходныхъ нравственныхъ положеній; они имѣютъ уже начатки математики, умѣютъ слагать и дѣлить небольшія числа; но ихъ еще нельзя назвать философами. Такъ, прежде чѣмъ человѣкъ узналъ свойства злаковъ и винограда, прежде чѣмъ научился употреблять ихъ въ пищу и разводить ихъ на нивахъ и въ виноградникахъ, они росли въ небольшомъ количествѣ на поляхъ и въ лѣсахъ, а человѣкъ питался еще кореньями и пилъ воду; точно также искони существовали въ человѣческомъ разумѣ его естественныя произведенія—разныя истинныя, общія и полезныя воззрѣнія. Но вначалѣ ихъ было мало; человѣкъ руководствовался лишь грубымъ опытомъ; метода не существовало, т. е. не было знанія, развиваемаго, воздѣлываемаго самостоятельно, особнякомъ отъ плевелъ и лебеды заблужденій и суевѣрій. Причиной этого было отсутствіе праздности, досуга отъ заботъ о насущныхъ потребностяхъ жизни, о самозащитѣ отъ ближнихъ; до возникновенія большихъ государственныхъ обществъ такой досугъ былъ невозможенъ. Праздность—мать философіи, а государство—основа мира и праздности. Гдѣ прежде всего возникли большія и цвѣтущія государства, тамъ раньше явилась и философія. Гимно-софисты Индіи, маги Персіи и жрецы Халдеи и Египта считаются древнѣйшими философами; и въ тѣхъ же странахъ образовались древнѣйшія государства. Пока въ Греціи и вообще на западѣ государства не превышали силою какую-нибудь Лукку или Женеву; пока силы ихъ были одинаковы — мира въ нихъ не могло быть, а съ нимъ не было и досуга. Но когда война соединила греческія государства и подчинила ихъ немногимъ главнымъ; когда эти главныя державы усилились—тогда семеро человѣкъ въ разныхъ частяхъ Греціи заслужили названіе мудрецовъ—одни своимъ нравственнымъ и политическимъ ученіемъ, а другіе—усвоеніемъ халдейской и египетской науки—астрономіи и геометріи. Но въ то время не было еще и рѣчи о философскихъ школахъ.

Аѳиняне, восторжествовавъ надъ персидскими полчищами, пріобрѣли владычество на морѣ и власть надъ всѣми островами и городами Архипелага въ Азіи и въ Европѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ они чрезвычайно обогатились. Тогда праздные граждане, ненаходившіе себѣ занятія ни дома, ни въ обществѣ, убивали время въ собраніяхъ, гдѣ, по выраженію евангелиста, въ томъ только и проводили время, что говорили или слушали что-нибудь новое (ни во что же ино упражняхуся развѣ глаголати что или слышати новое) (Дѣя. XVII, 21), или разсуждали о философіи передъ городской молодежью. Каждый учитель выбиралъ себѣ особое мѣсто для своихъ бесѣдъ. Такъ, Платонъ училъ на одномъ публичномъ гульбищѣ, называемомъ Академіей, по имени нѣкоего Академа; Аристотель — въ аллеѣ храма Пана, называемаго лицеемъ; иные подъ стоями, т. е. крытыми колоннадами, гдѣ купцы выставляли свои товары; другіе въ другихъ мѣстахъ, гдѣ можно было убивать свой досугъ въ спорахъ и разговорахъ и куда городская молодежь собиралась слушать эти препирательства. Карнеадъ, прибывъ въ Римъ посланникомъ, завелъ-было и тамъ подобное времяпрепровожденіе; но Катонъ убѣдилъ Сенатъ поскорѣе спровадить его, чтобы онъ не развратилъ молодежь, находившую удовольствіе слушать его.

Мѣста, гдѣ происходили эти бесѣды и пренія, назывались школами, что̀ по-гречески значитъ досугъ; а самыя пренія—діатрибами, т. е. времяпрепровожденіемъ. Сами философы и партіи ихъ получали наименованія по названіямъ этихъ школъ; такъ, послѣдователи Платона назывались академиками, Аристотеля—перипатетиками, Зенона—стоиками; это все равно, какъ еслибы у насъ называли по Собору Павла, по Казначейству, или по Биржѣ людей, имѣющихъ привычку бить баклуши и болтать подлѣ этихъ зданій.

Обычай этотъ такъ понравился людямъ, что быстро распространился по всей Европѣ и по просвѣщеннымъ странамъ Африки; во всѣхъ государствахъ основывали и поощряли публичныя школы съ ихъ лекціями и диспутами.

У Евреевъ задолго до Спасителя и послѣ него также были школы; но предметомъ ученія ихъ былъ только еврейскій законъ. Онѣ назывались синагогами, т. е. народными собраніями. Въ нихъ каждую субботу читался, объяснялся и подвергался спорамъ и разборамъ законъ, такъ что онѣ отличались отъ прочихъ школъ не сущностью, а только названіемъ; синагоги были не въ одномъ Іерусалимѣ, а во всѣхъ городахъ, даже языческихъ, гдѣ жили Евреи. Такова была дамасская школа, куда ходилъ препираться Павелъ. Таковы же были школы въ Антіохіи, Иконіи и Ѳессалоникахъ, гдѣ онъ также диспутировалъ. Наконецъ, такова была синагога либертинцевъ, киринеевъ, александрійцевъ, киликійцевъ и азійцевъ; такъ называлась въ Іерусалимѣ синагога Евреевъ-

иностранцевъ, т. е. не іерусалимскихъ уроженцевъ, и въ ней происходило преніе съ св. Стефаномъ (Дѣян. VI, 9).

Безплодность греческихъ школъ.

Но какую пользу принесли всѣ эти школы? Обогатили ли чѣмъ-нибудь науку ихъ разглагольствованія и препирательства? Что касается матери всѣхъ знаній—геометріи, мы ничѣмъ не обязаны въ ней школамъ. Лучшій греческій философъ, Платонъ, не принималъ въ свою школу никого, кто не зналъ геометріи настолько же, какъ онъ самъ. Многіе древніе ученые занимались этой наукой къ великой пользѣ человѣчества; но они не составляли школъ; геометрическихъ школъ не было; были только философскія. Въ нихъ развивали философію природы, болѣе похожую на сонный бредъ, чѣмъ на науку, и развивали на безсмысленномъ и нелѣпомъ школьномъ языкѣ. Истинная философія не дается безъ большихъ предварительныхъ познаній въ геометріи. Въ природѣ все основано на движеніи, а движенія нельзя изучать, не зная свойствъ и отношеній линій и фигуръ. Что касается такъ-называемой нравственной философіи, это ничто иное, какъ описаніе личныхъ страстей философовъ. Внѣ государства людьми управляютъ законы природы, и только государственный законъ опредѣляетъ, что честно и что подло, что справедливо и что несправедливо, что вообще благо и что зло. Но то, что выдаютъ за благо и зло моралисты,—ничто иное, какъ личные вкусы и антипатіи ихъ; однако въ этомъ отношеніи люди такъ расходятся между собой, что ни одному моралисту не удастся навязать свои вкусы всѣмъ; усилія ихъ доставить преобладаніе тому, что имъ кажется благомъ, ведутъ только къ нарушенію общественнаго спокойствія. Ихъ логика, т. е. изобрѣтаемые ими методы разсужденія, есть просто игра словами и крючкотворство, искусство выдумывать затрудненія для противниковъ и ставить ихъ въ тупикъ. Словомъ, нѣтъ ничего нелѣпѣе древнихъ философовъ, которые, по словамъ одного изъ нихъ, Цицерона, совершенно безплодны. Не знаю, есть ли что-нибудь въ философіи природы нелѣпѣе такъ-называемой Метафизики Аристотеля; что-нибудь болѣе противное общественному порядку, чѣмъ его Политика; что-нибудь невѣжественнѣе большей части его Этики.

Безплодность синагогъ.

Синагоги Евреевъ были первоначально школами закона Моисеева. Второзаконіе (XXXI, 10) предписываетъ читать законъ всему народу по окончаніи каждыхъ семи лѣтъ въ праздникъ кущей, дабы онъ слушалъ и поучался. Послѣ плѣненія вошло въ обычай читать законъ каждую субботу, съ цѣлью познакомить народъ съ заповѣдями, которымъ онъ долженъ былъ повиноваться, и объяснить ему писанія пророковъ. Упреки Спасителя доказываютъ однако, что синагоги извращали смыслъ Писанія своими ложными толкованіями и нелѣпыми преданіями и дотого не понимали пророковъ, что не признали Спасителя, несмотря на дѣла Его, предреченныя пророками. Поученія и пренія синагогъ превратили законъ Моисея въ какую-то фантастическую философію съ дикими умствованіями о непостижимой сущности Бога и о духахъ; учители смѣшали законъ Моисея съ лжефилософіей и теологіей Грековъ, припутали собственныя бредни, воспользовавшись сомнительными мѣстами Писанія, и перетолковали его въ угоду своимъ выгодамъ, окончательно помрачивъ его смыслъ баснословными легендами предковъ.

Университеты.

То, что называется теперь у насъ Университетами, есть соединеніе и сліяніе подъ общимъ управленіемъ нѣсколькихъ общественныхъ школъ города. Они раздѣляются на три главныя отдѣленія для преподаванія Римской религіи, Римскаго права и Врачебнаго искусства. Для философіи въ нихъ нѣтъ особаго отдѣленія; она преподается заодно съ религіей и состоитъ только въ пережовываніи Аристотеля; слѣдовательно, это не философія, а Аристотелія, потому что истинная философія не зависитъ отъ какого-нибудь одного автора. Что касается геометріи, то до самаго послѣдняго времени ей вовсе не было мѣста въ университетахъ, потому что она годна лишь для отысканія точнѣйшей истины. Если кому по природной способности удавалось пріобрѣсти познанія въ этой наукѣ, его обыкновенно считали чародѣемъ, а науку его—дьявольскимъ искусствомъ *).

Вредъ Аристотелевой метафизики для науки.

Посмотримъ теперь, какой мракъ распространили въ университетахъ, а оттуда въ церкви ложная философія Аристотеля и тупоуміе ея послѣдователей. Но прежде посмотримъ, что такое эта философія. Ее считаютъ, такъ сказать, за philosophia prima—основную философію, изъ которой должна вытекать всякая другая. Она состоитъ главнымъ образомъ въ назначеніи именамъ и названіямъ значеній, совершенно отличныхъ отъ общепринятыхъ, съ цѣлью произвести двусмысленность и безсмысленность въ разсужденіяхъ; это въ ней называется давать опредѣленія; такимъ образомъ опре-

*) Въ латинскомъ текстѣ объ этомъ говорится такъ: «Только математическія науки были оставлены въ сторонѣ, не потому, чтобы онѣ содержали въ себѣ что-либо противное христіанству, а по непримиримому противорѣчію между наукой и невѣжествомъ. Прежде занятіе математикой считалось достаточнымъ основаніемъ не допускать человѣка къ сану епископа, если онъ, изучивъ физико-математическія науки, утверждалъ, что земля кругла и что существуютъ такъ-называемые антиподы».

дѣляетъ она тѣло, время, мѣсто, вещество, форму, сущность, субъектъ, субстанцію, свойство, силу, актъ, конечное, безконечное, качество, количество, движеніе, дѣйствіе, страсть и другія слова, необходимыя для выраженія человѣческихъ представленій о природѣ и происхожденіи тѣлъ. Объясненіе, т. е. установленіе значенія этихъ и другихъ подобныхъ терминовъ, называется въ схоластикѣ Метафизикой, которая составляетъ отдѣлъ философіи Аристотеля, озаглавленный этимъ словомъ. Но у него это значитъ просто: книги, написанныя или помѣщенныя въ собраніи послѣ отдѣла о физикѣ или философіи природы, а схоласты воображаютъ, что это значитъ: книги о сверхъ естественной философіи. Впрочемъ дѣйствительно, содержаніе этихъ книгъ дотого безтолково и такъ противорѣчитъ здравому смыслу, что если хотѣть предположить въ нихъ какой-нибудь смыслъ, то развѣ сверхъестественный.

Эта метафизика, которая въ перемежку съ Писаніемъ составляетъ школьный оракулъ, утверждаетъ между прочимъ, что въ мірѣ существуютъ особыя субстанціи, отдѣльныя отъ тѣлъ. Она называетъ ихъ отвлеченными эссенціями и субстанціальными формами. Чтобы уразумѣть эту безсмыслицу, надо вооружиться особеннымъ вниманіемъ и терпѣніемъ, такъ что я прошу извиненія у читателя, непривыкшаго слушать такой вздоръ, за разборъ этихъ безсмыслицъ. Міръ, т. е. не одна земля, называемая человѣческимъ міромъ, а вся вселенная, т. е. все существующее,—міръ этотъ тѣлесенъ, т. е. въ немъ все—тѣло, все имѣетъ измѣреніе въ длину, ширину и вышину, и каждая часть его также тѣло и также имѣетъ эти измѣренія; что не тѣло, то не составляетъ части вселенной, а такъ какъ вселенная есть все существующее, то все, что не тѣло—не существуетъ, есть ничто. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы духи были непремѣнно ничто; если они имѣютъ измѣренія и суть тѣла, то, стало-быть, существуютъ, хотя бы были невидимы и неосязаемы; ибо въ просторѣчіи неправильно называютъ тѣломъ только то, что видимо и осязаемо, т. е. что имѣетъ извѣстную степень плотности. Но толковать о духахъ безтѣлесныхъ можно не со смысломъ, а развѣ съ благочестіемъ, называя такимъ образомъ Бога для вящшаго прославленія Его; этимъ мы только выражаемъ, что не постигаемъ Его природы и желаемъ лишь получше выразить свое благоговѣніе къ Нему.

Чтобы понять теперь, что разумѣютъ схоласты подъ своими отвлеченными эссенціями и субстанціальными формами, надо обратить вниманіе на значеніе словъ вообще. Назначеніе словъ—давать намъ возможность запоминать самимъ и обнаруживать другимъ наши мысли и

представленія. Слова обозначаютъ, во первыхъ, воспринимаемые мыслью предметы; таковы названія всѣхъ тѣлъ, вліяющихъ на чувства и оставляющихъ впечатлѣнія въ умѣ. Во вторыхъ, названія самыхъ представленій, т. е. идей или мысленныхъ образовъ всѣхъ вещей, которыя мы видѣли и запомнили. Въ третьихъ, названія именъ разныхъ родовъ рѣчи, какъ то: общій, множественный, единственный—названія именъ; опредѣленіе, утвержденіе, отрицаніе, вѣрный, ложный, силлогизмъ, вопросъ, обѣщаніе, договоръ—названія формъ рѣчи. Иныя слова служатъ для выраженія соотношеній между именами, ихъ согласованія или противорѣчія; такъ, если сказать: человѣкъ есть тѣло, то этимъ выражается, что названіе тѣла необходимо слѣдуетъ за названіемъ человѣкъ, т. е. что человѣкъ и тѣло—два разныя наименованія одного и того же предмета, и это отношеніе выражается соединеніемъ этихъ именъ словомъ есть, is по-англійски, est по-латыни, Ἐστι по-гречески во всѣхъ его спряженіяхъ. Я не знаю, существуетъ ли во всѣхъ языкахъ слово, соотвѣтствующее этому глаголу у насъ; въ этомъ нѣтъ непремѣнной необходимости. Значеніе дается словамъ обычаемъ, и обычай можетъ указывать, чтобы соотношеніе словъ обозначалось не глаголами быть и имѣть, а какимъ-нибудь особымъ сопоставленіемъ ихъ.

Стало-быть, можетъ существовать языкъ безъ глаголовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ быть и имѣть, и на этомъ языкѣ люди точно также могутъ утверждать, заключать и вообще разсуждать, какъ Греки и Латиняне. Какое же значеніе имѣютъ слова бытіе, сущность, эссенція и прочія, производимыя отъ этихъ глаголовъ? Очевидно, они—не названія вещей, а знаки, которыми мы выражаемъ наши понятія объ отношеніяхъ именъ или принадлежностей другъ къ другу; говоря: человѣкъ есть живое тѣло—мы не думаемъ, что человѣкъ—одинъ предметъ, живое тѣло—другой, а есть или быть—третье; словомъ есть мы только выражаемъ наше заключеніе: если предметъ—человѣкъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и живое тѣло. Такимъ же образомъ слова и выраженія быть тѣломъ, ходить, быть говорящимъ, жить, видѣть и равнозначащія—тѣлесность, ходьба, говореніе, жизнь, зрѣніе и тому подобныя не обозначаютъ никакого предмета; это имена несуществующаго, ничего.

Но къ чему эти тонкости, спросятъ меня, въ сочиненіи, имѣющемъ предметомъ ученіе о правленіи и повиновеніи? Для того, чтобы люди не позволяли больше дурачить себя ученіемъ объ отдѣльныхъ эссенціяхъ, которое взято изъ аристотелевской лжефилософіи, и не отпугивались бы безсмысленными словами отъ повиновенія законамъ своей страны, какъ люди отпугиваютъ птицъ отъ посѣва пустымъ кафтаномъ,

шапкой и гнутой палкой. Эти безсмыслицы заставляютъ вѣрить, что когда человѣкъ умеръ и погребенъ, душа его, т. е. жизнь, можетъ отдѣлиться отъ его тѣла, разгуливать и сидѣть по ночамъ на его гробницѣ. По той же причинѣ люди доходятъ до того, что утверждаютъ, будто кусокъ хлѣба можетъ остаться по фигурѣ, цвѣту, вкусу кускомъ хлѣба, но сущность куска хлѣба можетъ выйдти изъ него и замѣниться другой. Та же причина доводитъ до нелѣпости думать, что вѣра, мудрость и другія человѣческія добродѣтели вливаются или вдуваются въ людей съ неба, какъ будто добродѣтельный человѣкъ—предметъ самъ по себѣ, а его добродѣтель—сама по себѣ; много говорится другихъ подобныхъ глупостей, которыя всѣ ведутъ къ подрыву зависимости подданныхъ отъ своего правительства. Ибо какъ подданному слушаться законовъ, если онъ еще ждетъ, чтобы послушаніе влилось или вдулось въ него съ неба? Какъ ему не слушаться попа больше, чѣмъ государя, даже больше, чѣмъ Самого Бога, если этотъ попъ можетъ стряпать Бога? Если онъ боится духовъ, то какъ не уважать ему того, кто можетъ сейчасъ сдѣлать святую воду, отъ которой всѣ духи разбѣгутся? Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы судить, какія заблужденія занесены въ церковь сущностями и эссенціями Аристотеля. Эта лжефилософія вполнѣ согласуется только съ лжерелигіей язычниковъ и съ сократовскимъ страхомъ привидѣній.

Глупая выдумка отдѣльныхъ эссенцій необходимо влечетъ за собой разныя другія нелѣпицы. Принимая эссенціи за нѣчто реальное, приходится отвести имъ какое-нибудь мѣстопребываніе. Но съ одной стороны сами схоласты говорятъ, что эти эссенціи безтѣлесны и не имѣютъ никакихъ измѣреній, а съ другой всѣмъ извѣстно, что мѣсто есть измѣреніе и что оно можетъ быть выполнено только чѣмъ-нибудь тѣлеснымъ; чтобы вывернуться изъ этого затрудненія, схоласты выдумали различіе, говоря, что эссенціи существуютъ не circumscriptivè, а definitivè; но это пустые звуки, слова, въ настоящемъ случаѣ безсмысленныя, нелѣпость которыхъ только потому не бросается въ глаза, что они написаны по латыни. Въ самомъ дѣлѣ, circumscriptio, очертаніе предмета, есть ничто иное, какъ опредѣленіе, definitio его мѣста; стало-быть, той разницы, какую полагаютъ въ этихъ терминахъ схоласты, не существуетъ. Такъ, насчетъ эссенціи, т. е. какъ они ее называютъ, души человѣка, они утверждаютъ, будто она находится въ извѣстной части тѣла, напр. въ мизинцѣ, а не во всемъ тѣлѣ. Кто повѣритъ, что такими глупостями можно угодить Богу? А между тѣмъ, если допустить существованіе безтѣлесной души, отдѣльной отъ тѣла, то придется повѣрить и во всю остальную чепуху, которая изъ этого вытекаетъ.

Когда ихъ спрашиваютъ, какимъ образомъ безтѣлесная субстанція можетъ страдать и мучиться въ огнѣ ада или чистилища, они ничего не умѣютъ сказать въ отвѣтъ кромѣ того, что для насъ непостижимо, какъ огонь жжетъ душу.

Далѣе, несомнѣнно, что движеніе есть перемѣна мѣста; но безтѣлесныя субстанціи не имѣютъ мѣста; это затрудняетъ схоластовъ объяснить, какъ можетъ душа безъ тѣла подниматься на небо, повергаться въ адъ или въ чистилище; какимъ образомъ души людей и, прибавлю я, одеждъ, въ которыхъ эти души являются, могутъ блуждать ночью по церквамъ, кладбищамъ и другимъ погребальнымъ мѣстамъ? Я не знаю, что могутъ они отвѣтить на это, кромѣ развѣ того, что души бродятъ definitivè, а не circumscriptivè, духовно, а не временно; дѣйствительно, эти остроумныя различія одинаково пригодны для разрѣшенія какихъ угодно затрудненій.

Подъ именемъ вѣчности они не хотятъ разумѣть безконечное теченіе времени, потому что это противорѣчило бы ихъ разсужденіямъ о предвидѣніи Божіемъ, которое должно предшествовать Его предопредѣленію, какъ производящая причина предшествуетъ слѣдствію, какъ агентъ дѣйствію; вообще такое понятіе о вѣчности очень неудобно для всѣхъ ихъ сумасбродныхъ разглагольствованій о непостижимой природѣ Бога. Поэтому они проповѣдуютъ, что вѣчность есть остановившееся настоящее—nunc-stans, какъ они говорятъ на своемъ школьномъ языкѣ; такое объясненіе также умно и понятно, какъ еслибы они опредѣляли безконечное протяженіе мѣста остановившимся здѣсь—hic-stans.

Люди могутъ мысленно дѣлить тѣло, исчисляя его части; исчислять части тѣла значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ исчислять части занимаемаго имъ мѣста, т. е. также дѣлить это мѣсто на части; умножая части, мы должны умножать и мѣста для этихъ частей, потому что умъ человѣческій не можетъ допустить больше или меньше мѣстъ, чѣмъ сколько существуетъ частей, т. е. не можетъ допустить, чтобы одно и то же тѣло находилось въ данный моментъ въ разныхъ мѣстахъ или чтобы нѣсколько тѣлъ пребывали одновременно въ одномъ мѣстѣ. Но схоласты хотятъ увѣрить насъ, что Всемогущій Богъ можетъ сдѣлать это и что для признанія божественной власти необходимо утверждать, что существующее не существуетъ, а несуществующее существуетъ. Но это еще самая малая доля всѣхъ безсмыслицъ, которыя имъ приходится утверждать вслѣдствіе ихъ страсти разсуждать и спорить о неисповѣдимой природѣ Божества вмѣсто того, чтобы просто удивляться и поклоняться Ей. Всѣ качества, которыя мы приписываемъ Ей, могутъ выражать только желаніе наше почтить Ее самыми лестными наименованіями, какія мы толь-

ко можемъ придумать. Но схоласты, въ тщетныхъ усиліяхъ отыскать смыслъ въ этихъ почетныхъ наименованіяхъ, на первомъ же шагу губятъ свой собственный смыслъ и потомъ безъ конца и безъ числа проваливаются изъ одной глупости въ другую. Такъ человѣкъ, незнакомый съ придворными церемоніями, будучи призванъ передъ высокую особу, смущается и, входя, спотыкается; стараясь удержаться отъ паденія, онъ сдергиваетъ съ себя плащъ; удерживая плащъ, роняетъ шляпу и, изъ одной неловкости впадая въ другую, обнаруживаетъ свое смущеніе и свой провинціализмъ.

Естествознаніе, т. е. познаніе второстепенныхъ причинъ естественныхъ явленій, ограничивается у нихъ наборомъ пустыхъ словъ. Если вы захотите узнать, какія тѣла естественно падаютъ на землю и какія естественно поднимаются, схоласты скажутъ вамъ по Аристотелю, что падаютъ тѣла тяжелыя и что опускаться ихъ заставляетъ тяжесть. Если вы спросите, что же такое эта тяжесть, они отвѣтятъ, что это стремленіе отправиться къ центру земли. Выходитъ, что предметы падаютъ, потому что желаютъ быть внизу, т. е. что они опускаются и поднимаются потому, что опускаются и поднимаются. Или они разскажутъ вамъ, что центръ земли есть мѣсто покоя и сохраненія для всѣхъ тяжелыхъ предметовъ, поэтому они и хотятъ идти къ нему; такимъ образомъ камни и металлы имѣютъ желанія и разбираютъ мѣста, какъ люди; они, какъ люди, любятъ спокойствіе; хоть бы подумали, что куску стекла гораздо спокойнѣе и безопаснѣе сидѣть въ оконной рамѣ, чѣмъ валяться на улицѣ.

Если намъ захочется знать, отчего тѣло бываетъ то больше, то меньше, хотя къ нему ничего не прибавляется, они объявятъ, что когда тѣла уменьшаются, это значитъ, что они сгущаются, а когда увеличиваются,—разрѣжаются. Но что такое сгущеніе и разрѣженіе? Тѣло сгущается, когда количество вещества его увеличивается; оно разрѣжается, когда количество вещества уменьшается. Всякое вещество имѣетъ опредѣленное количество, потому что количество есть ничто иное, какъ опредѣленіе вещества, т. е. опредѣленіе, что одно тѣло настолько больше или меньше другаго. Такъ, смотря по тому, хотимъ ли мы уменьшить или увеличить плотность тѣла, мы убавляемъ или прибавляемъ количество его вещества.

О душѣ человѣческой они выражаются такъ: creatur infundendo и creando infunditur, т. е. она создана изліяніемъ или излита въ созданіе.

Чувства они объясняютъ вездѣсущностью видовъ, т. е. призраковъ или явленій объектовъ; когда эти призраки являются глазамъ — они видѣнія; если являются ушамъ — слухи; нёбу — вкусы; ноздрямъ — запахи; прочимъ частямъ тѣла—осязанія.

Причина воли, по ихъ мнѣнію, также особенный актъ, который они называютъ Volitio—хотѣніе и приписываютъ ему отправленіе возбуждать въ человѣкѣ волю, т. е. способность желать того или другаго; у нихъ причина всякаго явленія — какая-нибудь сила. Поэтому причина хорошихъ или дурныхъ поступковъ человѣка заключается въ его способности желать добра или зла.

Обыкновенно причиной естественныхъ явленій они полагаютъ свое собственное невѣжество, но облеченное въ разныя другія названія; такъ они говорятъ, что случайныя вещи, т. е. вещи, причину которыхъ они не знаютъ, имѣютъ причиной судьбу; нѣкоторыя явленія они приписываютъ тайнымъ причинамъ, causae occultae, т. е. неизвѣстнымъ имъ причинамъ; сами не зная ихъ, они воображаютъ, что и всѣ остальные не могутъ узнать ихъ. Таковы ихъ симпатіи, антипатіи, антиперистазисы, специфическія сродства и свойства и тому подобныя слова, необъясняющія ни производящаго агента, ни способа производства.

Если подобная метафизика и физика не лжефилософія, то я не знаю, что это такое; предостереженіе ап. Павла избѣгать ея совершенно излишне.

Нравственная и политическая философія схоластовъ, если возможно, еще нелѣпѣе. Богъ, говорятъ они, есть первая причина всякаго закона и, слѣдовательно, всѣхъ послѣдствій его; но если человѣкъ дѣлаетъ несправедливость, т. е. совершаетъ поступокъ противозаконный, нарушающій законъ, то причина этой несправедливости не Богъ, а несовмѣстность поступка съ закономъ. Это чепуха. Это все равно, что сказать: одинъ сдѣлалъ прямую линію и кривую линію, а другой сдѣлалъ несовмѣстность ихъ. Такова философія людей, разсуждающихъ о выводахъ, не зная началъ, имѣющихъ притязаніе понимать непостижимое, принимающихъ почетныя наименованія за естественныя качества и желающихъ всѣми этими хитросплетеніями поддержать свое ученіе о свободѣ воли, т. е. о волѣ человѣка, неподчиненной волѣ Бога.

Аристотель и другіе языческіе философы опредѣляютъ добро и зло склонностью человѣка. Это совершенно вѣрно, пока мы разсматриваемъ человѣка управляемымъ лишь собственнымъ произволомъ; въ этомъ положеніи онъ не имѣетъ иныхъ законовъ, кромѣ своихъ склонностей, и потому общихъ правилъ добра и зла не можетъ быть. Но въ государствѣ эта мѣрка оказывается ложной; здѣсь правиломъ служитъ не частная склонность, а законъ, который есть воля и склонность государства.

Этому ученію до сихъ поръ слѣдуютъ втихомолку; люди судятъ о качествѣ своихъ и чужихъ поступковъ и о дѣйствіяхъ самого государства по собственнымъ страстямъ; всякій называетъ добромъ или зломъ то, что ему самому кажется таковымъ, безъ вниманія къ общественнымъ законамъ. Такъ поступаютъ всѣ, кромѣ нѣсколькихъ монаховъ, обязанныхъ обѣтомъ слѣпо повиноваться своимъ начальникамъ, какъ всякій гражданинъ долженъ бы считать себя обязаннымъ естественнымъ закономъ повиноваться своему гражданскому правительству. Ученіе о частномъ мѣрилѣ добра въ государствѣ нетолько ложно, но въ высшей степени пагубно.

Точно также ложно и глупо утверждать, что супружескій актъ противенъ цѣломудрію или воздержанію и обращать его въ порокъ, какъ утверждаютъ приводящіе въ основаніе запрещенія духовенству брака—цѣломудріе и воздержаніе. Они сами сознаются, что это запрещеніе есть ничто иное, какъ уставъ церкви, требующей, чтобы святыя особы, безпрестанно приближающіяся къ алтарю и совершающія таинство эвхаристіи, воздерживались отъ сообщенія съ женщинами, и это воздержаніе называется цѣломудріемъ, непорочностью, невинностью. На этомъ основаніи они считаютъ законное сожительство съ женой недостаткомъ цѣломудрія и воздержанія, обращаютъ бракъ въ грѣхъ или по крайней мѣрѣ находятъ его нечистымъ, позорнымъ, дѣлающимъ человѣка недостойнымъ служить алтарю. Если запрещеніе брака духовенству основано на томъ, что сожительство съ женщиной вообще есть невоздержанность и порокъ, то, стало-быть, всякій бракъ порочепъ; но если для всѣхъ людей бракъ естественъ, необходимъ и честенъ, а позоренъ и нечистъ только для священниковъ, то единственнымъ основаніемъ этого можетъ быть то, что священники похотливѣе и развратнѣе обыкновенныхъ людей.

Тайная причина запрещенія духовенству браковъ состоитъ не въ нелѣпомъ заблужденіи, на которомъ основаны другіе промахи въ нравственной философіи, не въ отвращеніи къ брачной жизни и не въ предпочтеніи ей холостой, ведущихъ свое начало отъ мудраго ап. Павла, который находилъ неудобнымъ въ тѣ времена гоненія, чтобы проповѣдники евангелія, безпрестанно вынуждаемые бѣгать изъ страны въ страну, обременяли себя заботой о женѣ и дѣтяхъ; причина этого запрещенія—желаніе папъ и духовенства позднѣйшихъ временъ изображать собой исключительныхъ наслѣдниковъ царства Божія на землѣ; для этого надо было отказаться отъ брака, ибо Спаситель сказалъ, что въ грядущемъ царствіи Его сыны божіи не будутъ жениться и посягать, а будутъ жить, какъ ангелы Божіи на небеси, т. е. будутъ жить духовно. Очевидно, что супружеское сожительство было несовмѣстно съ духовнымъ существованіемъ, на которое они имѣли притязаніе.

Политическая философія Аристотеля научила схоластовъ называть всѣ виды правительства, кромѣ демократіи (которая господствовала въ его время въ Аѳинахъ),—тираніей. Всѣхъ государей они называютъ тиранами; аристократическое правительство Тридцати, учрежденное въ Аѳинахъ по завоеваніи ихъ Лакедемонянами, называлось тридцатью тиранами. Напротивъ того, положеніе народа подъ демократическимъ правленіемъ они называютъ свободой. Тиранъ вначалѣ значило просто монархъ. Но когда монархія была отмѣнена въ большей части Греціи, это названіе стало ненавистно демократическимъ правительствамъ и получило ругательное значеніе. Такъ, въ Римѣ по изгнаніи царей титулъ царя сдѣлался ненавистнымъ, потому что людямъ вообще свойственно питать отвращеніе ко всему вражескому и представлять себѣ всѣ свойства непріятеля величайшими гнусностями. Тѣ же люди, когда неудовольствію ихъ подвергались аристократическое и демократическое правленія, не лѣзли въ карманъ за бранными словами, чтобы выразить свое отвращеніе и страхъ къ нимъ; они называли ихъ ругательными именами анархіи и олигархіи или тираніи меньшинства. Во всякомъ правительствѣ народу не нравится именно то, что оно правительство, т. е. что оно управляетъ не такъ, какъ каждому хочется, а какъ заблагоразсудится ему самому, общественному представителю, монарху или верховному собранію. Недовольный этимъ произволомъ, народъ даетъ разныя бранныя клички своимъ правителямъ, образумливаясь лишь на короткое время послѣ какого-нибудь страшнаго междоусобія. Онъ не разсуждаетъ, что безъ этого произвола междоусобіе было бы вѣчно и что законамъ даютъ силу и вѣсъ не слова и обѣщанія, а люди и оружіе.

Другая нелѣпость Аристотелевой политики состоитъ въ положеніи, что въ благоустроенномъ государствѣ управляютъ не люди, а законы. Но кто, обладая здравымъ смысломъ, можетъ сказать или написать, что имъ можно повелѣвать, не внушая ему страха, не имѣя возможности убить или какъ-нибудь наказать его за неповиновеніе? Кто повѣритъ, что законъ самъ по себѣ можетъ наказывать? Вѣдь законъ—слова и бумага; у него нѣтъ ни рукъ, ни меча. Это одно изъ пагубнѣйшихъ заблужденій: оно побуждаетъ людей, какъ скоро правительство не нравится имъ, возставать противъ него, какъ противъ тираніи, въ увѣренности, что такое возстаніе справедливо; эта вредная чепуха нерѣдко проповѣдывалась духовенствомъ даже съ каѳедръ.

Но при всей своей нелѣпости ни Аристотель, ни Цицеронъ и никто изъ языческихъ философовъ не проповѣдывалъ той возмутительной безсмы-

слицы, которой отличается мнимая политическая философія школъ. Они учатъ, что сила законовъ, служащихъ правилами лишь дѣйствій, простирается на мысли и на совѣсть людей и что поэтому, каковы бы ни были рѣчи и поступки людей, надо еще подвергать изслѣдованію, инквизиціи, что сидитъ у нихъ въ головахъ. Вслѣдствіе этого людей наказываютъ за искреннее исповѣданіе своихъ убѣжденій или принуждаютъ говорить не то, что они думаютъ. Правда, гражданская власть, имѣя надобность избрать народнаго учителя, можетъ спросить кандидата, согласенъ ли онъ проповѣдывать то-то и то-то и въ случаѣ отказа можетъ отказать ему въ должности. Но принуждать человѣка самому обвинять себя въ своихъ мнѣніяхъ, если поступки его не противны законамъ, — противорѣчитъ законамъ природы, особенно, если принять въ соображеніе, что эти инквизиторы утверждаютъ, будто за ложное мнѣніе о какомъ-нибудь догматѣ христіанской религіи люди осуждаются на вѣчныя нестерпимыя муки. Если заблужденіе сопряжено въ этомъ случаѣ съ такой опасностью, то не должно ли чувство самосохраненія скорѣе положиться на собственное сужденіе, чѣмъ на мнѣніе посторонняго человѣка, который незаинтересованъ въ его спасеніи?

Далѣе, схоласты говорятъ, что всякому частному человѣку можно самому толковать законы безъ дозволенія государства, т. е. его представителя. Эта нелѣпость также незаимствована ими ни у Аристотеля, ни у другихъ языческихъ философовъ, которые никогда не отрицали, что право толковать законы нераздѣльно съ правомъ законодательства. И Св. Писаніе, насколько оно имѣетъ законную силу, обязано ею государственному авторитету и, слѣдовательно, составляетъ часть гражданскаго закона.

Очевидно, стало-быть, что человѣкъ, котораго въ этомъ отношеніи государство не стѣсняетъ, не можетъ быть стѣсненъ частнымъ лицомъ, т. е. если законъ дозволяетъ человѣку проповѣдывать, то никто не можетъ запретить ему. Если государство даетъ мнѣ волю, т. е. не запрещаетъ мнѣ учить или проповѣдывать, то никто въ свѣтѣ не можетъ лишить меня этой свободы. Неужели христіанину, хотя бы и не священнику, попавшему къ американскимъ язычникамъ, нельзя проповѣдывать Іисуса Христа, пока не получитъ полномочіе изъ Рима? Неужели, проповѣдуя, ему нельзя разрѣшать ихъ сомнѣнія, объяснять имъ Св. Писаніе, словомъ, учить ихъ? Схоласты говорятъ, что въ подобныхъ случаяхъ настоятельная необходимость можетъ служить законнымъ разрѣшеніемъ даже совершить таинство; это правда; но дѣло въ томъ, что гдѣ нѣтъ законнаго запрещенія, тамъ ненужно никакого разрѣшенія. Запрещать то, что дозволяетъ верховная власть, значитъ

покушаться на законную свободу, что противно истиннымъ гражданскимъ началамъ.

Можно было бы набрать еще много примѣровъ нелѣпостей, внесенныхъ въ религію учеными школьнаго богословія; но предоставляю это желающимъ. Прибавлю только, что сочиненія схоластовъ большею частью ничто иное, какъ безсмысленный наборъ дикихъ и варварскихъ словъ или простыхъ латинскихъ словъ, но принятыхъ въ самомъ необычайномъ смыслѣ, совсѣмъ не въ томъ, какой они обыкновенно имѣютъ, какой имъ усвоенъ Цицерономъ, Варрономъ и другими писателями древняго Рима. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только перевести схоластическую латынь на какой-нибудь новѣйшій языкъ, французскій, англійскій или другой; понятно, что безсмыслица на живомъ языкѣ остается безсмыслицею на латинскомъ. Безсмысленность схоластической рѣчи нетолько помрачаетъ истину, но поселяетъ еще въ людяхъ вредную увѣренность, что они нашли истину и что больше нечего искать ее.

Наконецъ не мало заблужденій посѣяно ложными исторіями и преданіями о мнимыхъ чудесахъ въ житіяхъ святыхъ, о явленіяхъ, привидѣніяхъ и тому подобными росказнями римско-католическихъ богослововъ, которые стараются подкрѣпить ими свое ученіе объ адѣ, чистилищѣ, силѣ заклятій и другихъ пустякахъ, неоснованныхъ ни на разумѣ, ни на Писаніи. Они называютъ эти легенды переданнымъ Словомъ Божіимъ; но въ сущности это бабьи сказки. Иногда онѣ дѣйствительно заимствованы изъ сочиненій древнихъ отцевъ церкви; но отцы церкви были люди и, слѣдовательно, могли повѣрить ложнымъ слухамъ. Ссылаться на ихъ свидѣтельство въ удостовѣреніе истины того, чему они вѣрили, также безполезно, какъ приводить ихъ авторитетъ въ защиту притязаній Римской церкви, злоупотребленія которой были имъ частью неизвѣстны, а частью выгодны; вспомнимъ при этомъ совѣтъ апостола испытывать духовъ (Іоанн. 1 посл. IV, 1). Впрочемъ легковѣріе ихъ не можетъ считаться недостойнымъ ихъ и подвергать сомнѣнію ихъ свидѣтельство въ другихъ случаяхъ; самые честные люди могутъ попадать въ просакъ, если не знаютъ, подобно этимъ отцамъ, физическихъ причинъ явленій, и даже именно лучшіе люди больше всего способны вдаваться въ обманъ. Папа Григорій, св. Бернардъ и нашъ Беда говорятъ о явленіяхъ духовъ изъ чистилища; вѣроятно, они передаютъ это съ чужихъ словъ; однако, еслибы даже они увѣряли насъ, что сами видѣли нѣчто подобное, ихъ увѣренія не заставили бы насъ повѣрить такому вздору, а послужили бы въ нашихъ глазахъ лишь доказательствомъ ихъ скудоумія или недобросовѣстности.

Кромѣ распространенія лжи, мы видимъ еще угнетеніе разума и истин-

ной философіи этими людьми, которыхъ ни законная власть, ни образованіе не дѣлаютъ компетентными судьями истины. Путешественники дознали, и теперь въ каждомъ учебникѣ говорится, что существуютъ антиподы; ежедневно становится все очевиднѣе, что смѣна дней и ночей обусловливается движеніемъ земли. А между тѣмъ духовная власть подвергала наказаніямъ людей, которые въ своихъ сочиненіяхъ защищали эти положенія, разбирая доводы за и противъ нихъ. На какомъ же основаніи поступала она такъ? Потому ли, что мнѣнія эти противорѣчатъ истинной религіи? Это невозможно, если только религія эта дѣйствительно истинная. Пусть прежде компетентные судьи разсмотрятъ, справедливы ли эти мнѣнія, или пусть опровергнутъ ихъ тѣ, которые имѣютъ притязаніе навѣрное знать справедливость противнаго. Или можетъ быть, эти мнѣнія противорѣчатъ установленной религіи? Пусть тогда ихъ запретитъ тотъ законъ, которому обязаны повиноваться проповѣдующіе ихъ, т. е. гражданскій законъ, потому что истинное ученіе можно тогда только законно наказать, какъ непослушаніе, если оно преподается вопреки законному запрещенію. Или, наконецъ, мнѣнія эти клонятся къ разстройству въ правленіи, къ возбужденію мятежа или бунта? Въ такомъ случаѣ пусть ихъ запретитъ и пусть накажетъ учителей ихъ та власть, которой ввѣрена забота объ общественномъ спокойствіи, т. е. гражданское правительство. Но если духовная власть будетъ присвоивать себѣ право, называемое ею божественнымъ, самой распоряжаться въ этихъ дѣлахъ, она явится похитительницей законной власти.

ГЛАВА XLVII.

О пользѣ, извлекаемой изъ этого мрака.

Принципъ cui bono.

Цицеронъ очень хвалитъ одного изъ Кассіевъ, строгаго римскаго судью, за то, что онъ взялъ себѣ за правило въ уголовныхъ дѣлахъ, за недостаткомъ свидѣтельскихъ указаній, спрашивать обвинителей: cui bono?—т. е. какую выгоду, честь или другой интересъ могъ получить обвиняемый изъ преступленія. Онъ полагалъ, что виновника всего яснѣе указываетъ выгода. Я возьму этотъ принципъ въ руководство, чтобы разобрать, кого должно считать виновникомъ распространенія въ христіанскомъ мірѣ ученій, противныхъ началамъ общественности.

Римская церковь первая стала учить, что воинствующая церковь есть царство Божіе.

Первое такое ученіе состоитъ въ томъ, что **нынѣшняя воинствующая на землѣ церковь есть Царство Божіе** (т. е. Царство Славы или земля обѣтованія, а не царство благодати или лишь обѣтованіе земли). Мы видимъ, что съ этимъ заблужденіемъ связаны разныя земныя выгоды. Во первыхъ, пастыри и учители церкви получаютъ черезъ него значеніе общественныхъ служителей Бога, а съ нимъ и право управлять церковью; но такъ какъ церковь и государство—одно и тоже, то правители церкви обращаются въ правителей государства. На этомъ основаніи папа убѣждаетъ подданныхъ всѣхъ христіанскихъ государей вѣрить, что ослушаться его значитъ ослушаться Самого Христа и, очаровывая ихъ словами **духовная власть**, склоняетъ ихъ въ распряхъ между нимъ и ихъ государями покидать своихъ законныхъ правителей, что доставляетъ ему верховное господство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Папскій титулъ **Великій Первосвященникъ**, Pontifex Maximus, доказываетъ, что сначала папа былъ только верховнымъ учителемъ христіанскаго ученія въ предѣлахъ Римской имперіи, подъ властью христіанскихъ императоровъ и по ихъ назначенію; ибо это титулъ древне-римскаго чиновника, подчиненнаго гражданскому правительству. Но когда имперія раздѣлилась и разрушилась, папамъ было нетрудно придать себѣ въ глазахъ одураченнаго народа другое, болѣе важное значеніе, опираясь на право св. Петра, и нетолько удержать за собой эту похищенную власть, но и распространить ее на всѣ христіанскія области, хотя уже несоединенныя воедино, какъ было при Римской имперіи. Слѣдовательно, благодаря этому ученію, папы достигли всемірной монархіи; принимая въ соображеніе человѣческую страсть властолюбія, мы имѣемъ, стало-быть, полное основаніе предположить, что папы—первые изобрѣтатели ученія, которое доставило имъ ее, т. е. ученія, что нынѣшняя земная церковь есть Царство Божіе. Отсюда слѣдуетъ, что папа есть намѣстникъ Христа, Который даетъ черезъ него Свои приказанія.

Когда нѣкоторыя церкви отвергли вселенскую власть папъ, можно было ожидать, что гражданскія правительства этихъ церквей возвратятъ себѣ свои права, столь безразсудно уступленныя. У насъ, въ Англіи, такъ и было, хотя лица, черезъ которыхъ короли управляютъ церковнымъ вѣдомствомъ, продолжаютъ стараться, если не похитить главенство, то по крайней мѣрѣ пріобрѣсти независимость отъ граж-

данской власти, основывая свое служенiе на божественномъ правѣ и отрицая право королей отрѣшать ихъ отъ должности.

Всюду, гдѣ духовенству удалось прiобрѣсти это значенiе, удержались нѣкоторыя ученiя римской церкви, между прочимъ то, что царство Христа уже наступило со времени Его воскресенiя, тогда какъ другiе римскiе догматы запрещены. Cui bono?—Кому отъ этого выгода? И какой выгоды ожидаетъ отъ этого ученiя наше духовенство? Той же, какой ожидали папы—верховной власти надъ народомъ. Пресвитерiанское духовенство поступаетъ почти также, какъ поступали папы. Оно также отлучаетъ своего законнаго короля, изгоняетъ его изъ всѣхъ мѣстъ общественнаго богослуженiя въ его собственномъ королевствѣ, силою противится ему, проклинаетъ его подданныхъ, лишаетъ ихъ законной свободы и похищаетъ незаконную власть надъ ними. Таковъ мракъ, распространяемый въ религiи римскимъ и пресвитерiанскимъ духовенствомъ.

Непогрѣшимость. Сюда же отношу я и всѣ прочiя ученiя, служащiя духовенству для прiобрѣтенiя духовнаго владычества. Таковъ, во первыхъ, догматъ, что папа въ предѣлахъ своего общественнаго служенiя не можетъ ошибаться. Очевидно, что если вѣрить этому, то нельзя не повиноваться всѣмъ его приказанiямъ.

Подчиненность епископовъ. Во вторыхъ, говорятъ, что всѣ епископы всѣхъ государствъ получаютъ свои права не отъ Бога непосредственно и посредственно не отъ правительствъ, а только отъ папы. Вслѣдствiе этого ученiя въ каждомъ государствѣ оказывается цѣлый сильный классъ людей, зависящiй отъ иностраннаго государя, папы, который имѣетъ такимъ образомъ возможность возбуждать въ государствѣ междоусобiе, если правительство поступаетъ не такъ, какъ папѣ хочется или выгодно.

Изъятiе отъ подсудности. Въ третьихъ, изъятiе епископовъ и всѣхъ прочихъ священниковъ и монаховъ изъ-подъ власти гражданскихъ законовъ. Въ каждомъ государствѣ существуетъ такимъ образомъ значительная часть народонаселенiя, которая пользуется всѣми выгодами законовъ, получаетъ покровительство отъ правительственной власти, но въ то же время не несетъ ни малѣйшей доли общественныхъ расходовъ, не подлежитъ за свои преступленiя наказанiямъ, какъ прочiе подданные, и потому никого не боится, кромѣ папы; завися отъ него одного, она всѣми силами поддерживаетъ его вселенскую державу.

Названiе священнослужителей. Въ четвертыхъ, духовныя лица, называемыя въ Евангелiи пресвитерами, т. е. старѣйшинами, присвоили себѣ у насъ названiе священнослужителей. Этотъ титулъ носилъ гражданскiй правитель и его общественные служители у Евреевъ, когда Самъ Богъ былъ ихъ царемъ. Слѣдовательно, придавать его нынѣшнему духовенству значитъ внушать народу, что папа имѣетъ теперь надъ всѣми христiанами такую же власть, какую Моисей и Ааронъ имѣли надъ Евреями, т. е. полную гражданскую и духовную верховную власть.

Таинство брака. Въ пятыхъ, придавая браку значенiе таинства, духовенство присвоиваетъ себѣ власть судить о законности браковъ и дѣтей, а слѣдовательно, распоряжаться правомъ наслѣдiя въ наслѣдственныхъ монархiяхъ.

Безбрачiе духовенства. Въ шестыхъ, запрещенiе брака духовенству служитъ къ упроченiю власти папы надъ королями: если король—священникъ, онъ не можетъ жениться и передать королевство потомству; если онъ не священникъ, то папа имѣетъ притязанiе на верховную духовную власть надъ нимъ и надъ его народомъ.

Тайная исповѣдь. Въ седьмыхъ, тайная исповѣдь также упрочиваетъ власть духовенства, давая ему болѣе вѣрныя свѣдѣнiя о намѣренiяхъ государей и высокихъ свѣтскихъ особъ, чѣмъ правители могутъ прiобрѣсти о его намѣренiяхъ.

Канонизацiя святыхъ. Въ восьмыхъ, право причислять къ лику святыхъ и возводить въ санъ мучениковъ даетъ духовенству сильное орудiе подстрекать простяковъ къ неповиновенiю законамъ и повелѣнiямъ правительства, если папа предастъ правительство проклятiю и объявитъ еретикомъ или врагомъ церкви.

Пресуществленiе и проч. Въ девятыхъ, тѣ же выгоды представляетъ власть, приписываемая каждому священнику дѣлать Христа, власть налагать покаянiе, отпускать грѣхи и проч.

Чистилище и проч. Въ десятыхъ, ученiе о чистилищѣ, объ оправданiи внѣшними дѣлами и объ индульгенцiяхъ обогащаетъ духовенство.

Заклятiя. Въ одиннадцатыхъ, своей демонологiей, заклятiями и всѣмъ прочимъ, сопряженнымъ съ вѣрою въ дьявола, духовенство крѣпче держитъ народъ въ своей власти или, по крайней мѣрѣ, разсчитываетъ на это.

Схоластическое богословiе. Наконецъ, Аристотелевская метафизика, этика и политика, безсмысленныя различiя, варварскiе термины, туманныя выраженiя схоластовъ въ ихъ университетахъ, основанныхъ и организованныхъ папскою властью,—все это служитъ духовенству къ тому, чтобы предохранять свою ложь отъ обличенiя и поставить людей въ невозможность отличить блудящiй огонь лжефилософiи отъ свѣта Евангелiя.

Виновники духовнаго мрака. Если этихъ примѣровъ недостаточно, можно указать много другихъ ученій мракобѣсія, имѣющихъ очевиднымъ результатомъ доставленіе духовенству незаконной власти надъ законными государями христіанскаго народа, поддержаніе этой власти, когда она приходитъ въ упадокъ, пріобрѣтеніе богатства, почестей и вліянія. По вышеуказанному принципу cui bono мы можемъ справедливо признать виновниками всего этого духовнаго мрака папу и римское духовенство, распространившихъ ложное ученіе, будто нынѣшняя земная церковь есть то самое Царство Божіе, о которомъ говоритъ Библія.

Однако нельзя считать безупречными и государей, которые по непредусмотрительности и неумѣнію понять виды духовенства допустили такія заблужденія и посягательства, внесшія смуты въ ихъ владѣнія и нарушившія спокойствіе ихъ подданныхъ. Они сами виноваты въ этомъ общественномъ злѣ, потому что ихъ дѣло было смотрѣть, чтобы не проповѣдывалось такихъ мятежныхъ ученій. Они должны были принять противъ нихъ мѣры на самыхъ первыхъ порахъ, ибо разъ, что народъ поддался этимъ внушеніямъ, не было силъ человѣческихъ помочь такому злу. Полагаться же на сверхъестественную помощь, разсчитывать, что Богъ не преминетъ разрушить всѣ ухищренія враговъ вѣры—нельзя, потому что Богъ часто долго терпитъ торжество своихъ враговъ, пока нахальство ихъ не откроетъ людямъ глаза, помраченные лукавствомъ ихъ предшественниковъ; тогда только люди разрушаютъ ихъ ухищренія, какъ разорвался неводъ апостола Петра, слишкомъ переполненный добычей. Пока этого не случилось, пока народъ не открылъ глазъ, излишняя торопливость въ борьбѣ съ этими посягательствами, когда они уже пріобрѣли силу, можетъ только болѣе усилить ихъ. Вотъ почему я не порицаю императора Фридриха за то, что онъ унизился передъ стременемъ нашего соотечественника, папы Адріана; ибо настроеніе его подданныхъ было таково, что не сдѣлай онъ этого, ему было бы трудно наслѣдовать имперію. Но я порицаю всѣхъ государей, которые еще вначалѣ, когда власть ихъ не была поколеблена, допустили подобныя ученія выработаться въ подвластныхъ имъ университетахъ; этимъ они унизились передъ стременемъ всѣхъ послѣдующихъ папъ, допустили ихъ взобраться на всѣ христіанскіе престолы и помыкать государями и подданными.

Но всѣ человѣческія изобрѣтенія ткутся и потомъ распускаются, проходя тотъ же путь, но въ обратномъ порядкѣ. Такъ, здѣсь въ основу ткани кладутъ мудрость, смиреніе, честность и другія добродѣтели апостоловъ, которымъ обращенный народъ повинуется не по принужденію, а изъ уваженія. Совѣсть народа свободна; его слова и поступки не подлежатъ ничьей власти, кромѣ власти гражданскаго правительства. Но потомъ, когда стадо Христово умножилось, пресвитеры собираются разсуждать, чему учить его, и обязываютъ сами себя не проповѣдывать ничего противнаго постановленіямъ своихъ собраній, принуждая и народъ слѣдовать этимъ ученіямъ и въ случаѣ отказа отлучая его, т. е. исключая изъ общества, но не за невѣріе, а за неповиновеніе: это первый узелъ, наложенный на его свободу. Потомъ число пресвитеровъ возрастаетъ; пресвитеры главныхъ городовъ получаютъ власть надъ учителями второстепенныхъ и присвоиваютъ себѣ титулъ епископовъ: это второй узелъ на ткани христіанской свободы. Наконецъ, римскій епископъ, пользуясь значеніемъ державнаго города, титуломъ Pontifex Maximus, уступками государей а впослѣдствіи, когда государи спохватились, авторитетомъ св. Петра, пріобрѣтаетъ власть надъ всѣми епископами имперіи: это третій и послѣдній узелъ, а весь ходъ этого учрежденія—синтезъ, построеніе папской власти.

Тѣмъ же путемъ слѣдовалъ ея анализъ или разложеніе. Онъ начался съ послѣдняго наложеннаго узла, какъ мы видѣли при паденіи римско-католической церкви въ Англіи. Королева Елисавета совершенно уничтожила папскую власть, и епископы, управлявшіе прежде именемъ папы, стали управлять именемъ королевы и ея преемниковъ, хотя, сохранивъ фразеологію божественнаго права, утверждали, что получаютъ свою власть непосредственно отъ Бога: такъ былъ разрѣшенъ третій узелъ. Потомъ, недавно, пресвитеріанцы въ Англіи отмѣнили епископатъ и тѣмъ разрѣшили и второй узелъ. Наконецъ, въ послѣднее время, и пресвитеріане лишились власти, и стало быть мы возвратились къ независимости первобытнаго христіанства, когда можно было слѣдовать, смотря по вкусу, Павлу, Кифѣ или Аполлосу, не препираясь объ ученіи Христа и не руководствуясь личнымъ расположеніемъ къ тому или другому проповѣднику (въ чемъ апостолъ упрекаетъ Коринѳянъ), а слѣдуя своимъ убѣжденіямъ. Даже Писаніе не должно владычествовать надъ человѣческимъ сознаніемъ: люди не могутъ сойтись въ мнѣніяхъ о растеніяхъ и водѣ; какъ же сойтись имъ въ мнѣніи о Самомъ Творцѣ? Притомъ духовенство поступало безразсудно, уча, что малѣйшая ошибка сопряжена съ великими опасностями, и при этомъ условіи требуя, чтобы люди отказались руководиться собственнымъ разумомъ и положились на чужой, какъ-будто самый вѣрный способъ спастись—пустить свое спасеніе въ лотерею. Духовенство не должно роптать на упадокъ своего значенія. Ему слѣдуетъ знать, что власть сохраняется тѣми же достоинствами, которыя доставили ее, т. е. мудростью, смиреніемъ, честностью, ясностью ученія, а не по-

давленіемъ естественныхъ наукъ и морали здраваго смысла, не безсмысленной болтовней, не блестками мнимаго знанія, не поддѣльными чудесами, не другими ошибками, которыя въ пастыряхъ Божіей Церкви не просто ошибки, а скандалы, только ускоряющіе ихъ паденіе.

Сравненіе папства съ царствомъ фей. Когда въ мірѣ установилось ученіе о томъ, что нынѣ воинствующая церковь есть Царство Божіе, возвѣщенное въ Библіи, тогда за управленіе этимъ царствомъ, особенно за великую должность Христова намѣстника, поднялись такія распри и правители церкви стали такъ роскошествовать, что разсѣялось всякое уваженіе къ ихъ пастырскому служенію; всѣ умные люди возстали противъ нихъ, такъ что правительствамъ почти не пришлось припуждать подданныхъ отречься отъ повиновенія имъ. Такимъ образомъ римскій епископъ съ своими притязаніями на вселенское главенство по наслѣдству отъ святаго Петра, со всей іерархіей своего Царства Мрака уподобился призрачному царству, о которомъ разсказываютъ у насъ старыя бабы. Само папство при внимательномъ разборѣ оказывается просто призракомъ покойной Римской имперіи, возсѣдающимъ съ короной на головѣ на ея могилѣ. Оно, какъ привидѣніе, внезапно явилось на развалинахъ этой языческой державы.

Папство говоритъ въ своихъ церквахъ и актахъ на латинскомъ языкѣ, неупотребляемомъ ни однимъ современнымъ народомъ: его языкъ—призракъ мертваго римскаго языка.

Всѣ народы, вѣрующіе въ существованіе призраковъ, приписываютъ имъ общаго царя, котораго наши поэты называютъ королемъ Оберономъ, а Писаніе—Веельзевуломъ, княземъ бѣсовъ. Такъ и духовенство, къ какой бы націи ни принадлежало, признаетъ единственнымъ царемъ папу. Священники называютъ себя духовенствомъ, духовными отцами. Феи и призраки называются духами. Они живутъ въ-потьмахъ, въ уединеніи, на могилахъ. Духовенство также блуждаетъ въ мракобѣсіи, въ монастыряхъ, въ церквахъ и на кладбищахъ.

Духовенство имѣетъ свои соборы, воздвигаемые въ городахъ посредствомъ святой воды и разныхъ чаръ, называемыхъ заклинаніями; эти соборы имѣютъ волшебную силу обращать города, въ которыхъ воздвигнуты, въ престольные города, т. е. въ столицы державъ. Феи также имѣютъ свои заколдованные замки, и нѣкоторые гигантскіе духи владычествуютъ на большомъ пространствѣ вокругъ своихъ жилищъ.

Духи неуловимы и неотвѣтственны за причиняемое зло. Такъ и духовенство неподвѣдомственно гражданскому суду.

Духовенство лишаетъ молодежъ употребленія разсудка посредствомъ разныхъ чаръ, составленныхъ изъ метафизики, чудесъ, преданій и злоупотребленія Писанія; этими средствами оно дѣлаетъ юношей ни къ чему негодными, кромѣ того, чтобы исполнять его приказанія. Феи также портятъ дѣтей въ колыбели, дѣлаютъ ихъ идіотами или, какъ говоритъ народъ, порченными, впрочемъ, склонными къ злу.

Старыя бабы не объясняютъ подробно, въ чемъ состоитъ чарующій процессъ фей; зато въ университетахъ, содержимыхъ въ католическомъ духѣ, обстоятельно объясняются процессы колдовства духовенства.

Говорятъ, что когда феи кѣмъ-нибудь недовольны, онѣ насылаютъ своихъ эльфовъ досаждать ему. Духовенство, будучи недовольно какимъ-нибудь правительствомъ, проповѣдуетъ мятежъ и такимъ образомъ насылаетъ на него своихъ порченныхъ—т. е. суевѣрныхъ, очарованныхъ подданныхъ—досаждать правителю; или зачаровываетъ другаго правителя досаждать первому.

Духи не женятся; однако большинство ихъ—incubi, т. е. имѣютъ плотскія сообщенія. Духовенство также безбрачно.

Духовенство собираетъ съ страны сливки, благодаря своимъ десятинамъ и завѣщаніямъ боящихся его невѣждъ. Въ сказкахъ о феяхъ говорится, что онѣ залетаютъ въ молочни и спиваютъ съ молока сливки.

Исторія не сообщаетъ, какая монета ходитъ въ царствѣ фей. Что касается духовенства, оно принимаетъ всякую монету, какая существуетъ, но само платитъ канонизаціями, индульгенціями и обѣднями.

Въ довершеніе сходства между папствомъ и царствомъ фей можно прибавить, что феи существуютъ только въ воображеніи невѣжественнаго народа, куда занесены росказнями старыхъ бабъ и старыхъ поэтовъ; духовная власть папы внѣ предѣловъ его собственныхъ владѣній состоитъ также лишь въ страхѣ одураченнаго народа къ его отлученіямъ; этотъ страхъ поселенъ въ немъ росказнями о чудесахъ, выдуманными легендами и лжетолкованіями Св. Писанія.

Генриху VIII и королевѣ Елисаветѣ нетрудно было разогнать это мракобѣсіе своими заклинаніями. Теперь римскій духъ отправился искать себѣ жертвы на безплодныхъ нивахъ Китая, Японіи и Индіи, которыя не обѣщаютъ ему обильныхъ плодовъ. Немудрено, поэтому, что онъ захочетъ вернуться къ намъ. Извѣстно что духи, изгнанные изъ дома, нерѣдко возвращаются и водворяются въ немъ еще въ большемъ числѣ и съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде. Притомъ, не одно римское духовенство выдаетъ нынѣшній свѣтъ за Царство Божіе и желаетъ забрать въ немъ власть независимо отъ гражданскаго правительства.

Этимъ я кончаю мое политическое ученіе. Мнѣ остается еще разъ обозрѣть его и потомъ предоставить на судъ моихъ соотечественниковъ.

ОБЗОРЪ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ быть одинаково хорошо расположенъ къ исполненію всѣхъ своихъ гражданскихъ обязанностей, потому что въ естественныхъ свойствахъ человѣческаго ума, въ страстяхъ людей и даже въ словахъ ихъ существуетъ непримиримое противорѣчіе. Строгость разсудка—говорятъ они—дѣлаетъ человѣка нетерпимымъ, несклоннымъ прощать заблужденія и слабости прочихъ, а съ другой стороны, быстрота теченія мыслей не позволяетъ ему строго отличать права отъ безправія. Далѣе, во всѣхъ обсужденіяхъ и разборахъ необходимо руководствоваться строгимъ разсудкомъ, потому что иначе заключенія будутъ поспѣшны и рѣшенія несправедливы; гдѣ вниманіе привлекаетъ и дѣло рѣшаетъ сила краснорѣчія, тамъ участіе ума слабо. Разсудокъ и краснорѣчіе—начала противоположныя. Разсудокъ руководствуется истиной; сила краснорѣчія основана на предвзятыхъ понятіяхъ, часто ложныхъ, на страстяхъ и интересахъ людскихъ, всегда несогласныхъ и непостоянныхъ.

Такъ, храбрость и трусость несовмѣстны въ одномъ лицѣ, говорятъ они; но результаты ихъ въ этомъ отношеніи одинаковы. Храбрость, т. е. презрѣніе къ ранамъ и къ насильственной смерти, побуждаетъ человѣка къ частной расправѣ и часто къ нарушенію общественнаго мира, а трусость заставляетъ другаго покидать общество въ опасности.

Вообще, утверждаютъ они, видя противоположность человѣческихъ понятій и обычаевъ, невозможно и думать о сохраненіи между людьми постояннаго гражданскаго согласія, потому что частныя заботы каж-

даго и всѣхъ безпрерывно стремятся разрушить его; эти заботы состоятъ въ постоянномъ соперничествѣ за почести, богатство и власть.

Да, отвѣчу я, устроить миръ очень трудно, однако не невозможно. Воспитаніе и направленіе могутъ примирить людей и иногда примиряютъ. Разсудокъ и воображеніе могутъ ужиться въ одномъ лицѣ, только дѣйствуя поочередно, смотря по тому, что больше соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Такъ, Израильтяне въ Египтѣ то сходились на работу дѣлать кирпичи, то расходились собирать солому; такимъ же образомъ и разсудокъ можетъ то сосредоточиваться на какой-нибудь идеѣ, то разгуливать въ мечтахъ по всему свѣту. Слѣдовательно, разсудокъ не исключаетъ и краснорѣчія, только не въ естествознаніи, а въ морали. Ибо если краснорѣчіе можетъ иногда побудить отдать предпочтеніе заблужденію, то тѣмъ болѣе можетъ оно склонить и одушевить къ истинѣ. Нѣтъ также противорѣчія между страхомъ закона и безбоязнью передъ общественной опасностью, между честностью и снисходительностью. Гражданскія обязанности не такъ несовмѣстны съ природой человѣка, какъ думаютъ иные. Я знавалъ такое сочетаніе ясности разсудка съ шириною воображенія—строгаго ума съ изящнымъ краснорѣчіемъ—мужества на войнѣ и трепета передъ закономъ: таковъ былъ мой благородный и уважаемый другъ, мистеръ Сидни Годольфинъ; никого не ненавидя, никѣмъ не ненавидимый, онъ былъ, къ несчастью, убитъ неизвѣстной рукой въ общественныхъ смутахъ въ началѣ нашей междоусобной войны.

Въ XV главѣ я исчислилъ Законы Природы. Теперь я прибавлю къ нимъ еще одинъ: Каждый человѣкъ естественно обязанъ въ случаѣ войны защищать всѣми силами верховную власть, которая защищаетъ его въ мирное время. Если человѣкъ имѣетъ естественное право защищать свое тѣло, то никакъ нельзя считать естественнымъ правомъ разрушать то, что даетъ ему защиту: это было бы очевидное противорѣчіе. Этотъ законъ вытекаетъ самъ собою изъ исчисленныхъ выше; но по нынѣшнимъ временамъ необходимо почаще напоминать его.

Нѣкоторые современные писатели высказывали мысль, что наша междоусобная война не разрѣшила многихъ вопросовъ, какъ-то: когда подданные дѣлаются обязанными покоряться завоевателю? Что такое завоеваніе? Почему люди обязаны повиноваться законамъ? Чтобы разрѣшить эти недоумѣнія, я скажу, что люди дѣлаются подданными завоевателя въ тотъ моментъ, когда, получивъ свободу подчиниться кому угодно, выражаютъ словами или другими ясными знаками свое желаніе поступить къ нему въ подданство. Выше, въ концѣ XXI главы, я по-

казалъ, когда люди вольны подчиниться вмѣсто своего правительства другому; а именно, обязанности ихъ къ прежнему правительству прекращаются, какъ скоро ихъ средства къ жизни попали во власть непріятеля и какъ скоро они находятъ себѣ покровительство не въ прежней власти, а въ ея противникѣ. Но если человѣкъ, кромѣ общихъ обязанностей подданнаго, принялъ на себя обязательство воина, онъ не можетъ подчиняться новой власти, пока прежняя еще держится и пока она содержитъ его въ арміи или въ гарнизонѣ; въ этомъ случаѣ человѣкъ не можетъ жаловаться на недостатокъ покровительства и средствъ къ жизни. Только когда прежняя власть окончательно падетъ, воинъ можетъ искать другаго покровительства и обратиться туда, гдѣ надѣется найти самое прочное; тогда только можетъ онъ законно подчиниться новому властелину. Пока не насталъ этотъ моментъ, подданный долженъ хранить вѣрность законному правительству, потому что законный договоръ нельзя нарушать, не совершая беззаконія.

Теперь понятно, что значитъ быть завоеваннымъ, что такое завоеваніе и въ чемъ состоятъ права завоевателя, ибо первый разсмотрѣнный вопросъ подразумѣваетъ всѣ остальные. Завоеваніе есть не самая побѣда, а пріобрѣтеніе побѣдой правъ надъ человѣческими личностями. Убитый врагъ побѣжденъ, но не завоеванъ; плѣнникъ, брошенный въ тюрьму или закованный въ цѣпи, побѣжденъ, но не завоеванъ; онъ можетъ еще убить побѣдителя и спастись; но кто принялъ обязательство повиноваться, оставшись живымъ и на свободѣ, тотъ завоеванъ, тотъ сдѣлался подданнымъ, но не прежде, какъ принявъ это обязательство. Римляне, говоря о своихъ завоеваніяхъ, выражались, что такой-то полководецъ умиротворилъ такую то провинцію; говорили, что страна умиротворена побѣдой, если ея народонаселеніе приняло обязательство imperata facere—дѣлать то, что повелитъ римскій народъ; вотъ что такое завоеваніе. Обязательство повиноваться можетъ быть выражено или подразумѣваемо—выражено обѣщаніемъ, подразумѣваемо—если обнаружено какими-нибудь другими знаками. Такъ напр., по незначительности человѣка, у него, можетъ быть, не спрашивали формальнаго обязательства; но если онъ живетъ въ завоеванной странѣ открыто, то выражаетъ этимъ, что покорился; если же онъ проживаетъ тайно, то, значитъ, состоитъ въ подданствѣ у другаго правительства и служитъ здѣсь ему шпіономъ; слѣдовательно, онъ врагъ здѣшняго правительства, и хотя не совершаетъ прямаго беззаконія, потому что прямымъ беззаконіемъ называется только явное возстаніе, однако можетъ быть справедливо преданъ смерти. Точно также, если человѣкъ былъ въ отсутствіи, когда отечество его подверглось завоеванію, то его нельзя

считать ни завоеваннымъ, ни подданнымъ завоевателя. Но если онъ возвратится, то этимъ самымъ признаетъ себя подданнымъ и завоеваннымъ и приметъ обязательство повиноваться новому правительству. Итакъ, завоеваніе есть пріобрѣтеніе верховныхъ правъ побѣдой. Эти права даются подчиненіемъ народа, который заключилъ съ побѣдителемъ договоръ, обязавшись повиноваться ему за сохраненіе жизни и свободы.

Въ главѣ XXIX въ числѣ причинъ распаденія государствъ я указалъ на недостатокъ въ ихъ учрежденіи, состоящій въ отсутствіи безусловной и произвольной законодательной власти, вслѣдствіе чего верховное правительство вынуждено дѣйствовать мечемъ правосудія непослѣдовательно, какъ будто онъ жжетъ ему руки. Я забылъ упомянуть, что это происходитъ, между прочимъ, отъ желанія правительствъ оправдать ту войну, которая вначалѣ создала ихъ власть и отъ которой, какъ они думаютъ, происходятъ всѣ ихъ права, а не отъ владѣнія. Такъ напр., права королей Англіи зависятъ будто-бы отъ справедливости дѣла Вильгельма Завоевателя и его прямыхъ наслѣдниковъ; но подобныя основанія въ настоящее время далеко не могутъ обязать подданныхъ къ повиновенію государямъ; воображая оправдать этими доводами самихъ себя, правительства оправдываютъ только мятежи, во всѣ времена возбуждаемые честолюбіемъ противъ нихъ и ихъ преемниковъ. Поэтому, одною изъ важнѣйшихъ причинъ гибели государствъ можно считать желаніе завоевателей добиться отъ подданныхъ нетолько повиновенія въ настоящемъ и будущемъ, но и одобренія всѣхъ прошлыхъ дѣйствій своихъ, хотя едвали найдется хотя одно правительство въ мірѣ, начало котораго можно было бы по совѣсти оправдать.

Тиранія значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ просто верховная власть, въ комъ бы она ни вмѣщалась, въ одномъ ли лицѣ, или во многихъ; вся разница въ томъ, что толкующій о тираніи выражаетъ этимъ свое отвращеніе къ верховной власти; другими словами, тиранія—ругательный синонимъ верховной власти; стало-быть, допускать заявленія ненависти къ тираніи значитъ допускать заявленія ненависти къ верховной власти, къ государству вообще. Понятно защищать дѣло завоевателя отъ упрековъ побѣжденнаго; но защищать его въ доказательство обязанностей завоеванныхъ—значитъ губить значеніе правительства.

Вотъ все, что я счелъ нужнымъ прибавить къ I и II частямъ моего трактата.

Въ XXXV главѣ я достаточно доказалъ изъ Писанія, что въ еврейскомъ царствѣ царемъ былъ Самъ Богъ на основаніи договора съ народомъ, который назывался поэтому избраннымъ народомъ Божіимъ въ отличіе отъ остальнаго міра, гдѣ Богъ царствуетъ не по договору, а по Своему всемогуществу. Моисей былъ въ этомъ царствѣ намѣстникомъ Бога на землѣ, и ему было открыто, какіе законы учредить для управленія народомъ. Но я забылъ сказать объ органахъ исполнительной власти, особенно объ исполнителяхъ уголовнаго правосудія; я не придалъ сначала этому такой важности, какую вижу въ этомъ вопросѣ теперь. Извѣстно, что во всѣхъ государствахъ казни совершаются тѣлохранителями государя или вообще войсками или такъ-называемыми палачами, людьми, дотого бѣдными, равнодушными къ чести и жестокосердыми, что способны исполнять такую должность. Но у Израильтянъ существовалъ положительный законъ, данный Монархомъ ихъ, Богомъ, чтобы уличенныхъ преступниковъ казнилъ самъ народъ побіеніемъ камнями; свидѣтели должны были первые бросить камни, а за ними весь народъ. Этотъ законъ повелѣвалъ народу быть самому исполнителемъ казней; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякій могъ бросать камни въ другаго, пока онъ не изобличенъ и не осужденъ обществомъ. Прежде чѣмъ приступить къ казни, необходимо было выслушать свидѣтелей, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ преступленіе было совершено передъ всѣмъ обществомъ или передъ законными судьями, когда, кромѣ ихъ самихъ, другихъ свидѣтелей не требовалось. Этотъ порядокъ былъ ложно понятъ, перетолкованъ и сдѣлался источникомъ опаснаго мнѣнія, будто въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно убить человѣка по праву изъ религіознаго рвенія, какъ будто въ древнемъ царствѣ Божіемъ преступниковъ казнили не по приговору верховной власти, а по частному произволу; между тѣмъ тексты Писанія доказываютъ совершенно противное.

Во первыхъ, левиты, напавъ на народъ и избивъ въ немъ три тысячи человѣкъ за поклоненіе золотому тельцу, послѣдовали приказанію Бога, данному черезъ Моисея, какъ явствуетъ изъ Исх. XXXII, 27. Сынъ израильтянки хулилъ Бога; однако, слышавшіе его слова не убили его, а привели къ Моисею, который велѣлъ посадить его подъ стражу, пока Богъ не рѣшитъ, что дѣлать съ нимъ (Левитъ, XXIV, 11, 12). Финеесъ убилъ Зимрія и Хазву (Числ. XXV, 6, 7) не по праву частнаго рвенія: ихъ преступленіе было совершено передъ всѣмъ народомъ; недостатка въ свидѣтеляхъ не было; законъ былъ извѣстенъ; самъ Финеесъ былъ наслѣдникъ верховной власти; наконецъ, что̀ всего важнѣе, законность его поступка совершенно зависѣла отъ послѣдующаго одобренія его Моисеемъ, а Финеесъ былъ увѣренъ, что получитъ это одобреніе. Иногда для спасенія государства необходимо дѣйствовать безъ полномочія, разсчитывая, что дѣйствіе будетъ узаконено потомъ. Такъ,

если въ странѣ вспыхнулъ мятежъ, и человѣкъ можетъ подавить его въ самомъ началѣ своими частными мѣрами, онъ поступитъ законно, если, не имѣя на это полномочія, приметъ всѣ зависящія мѣры, которыя будутъ утверждены и одобрены впослѣдствіи. Числ. XXXV, 30, прямо говорится: Если кто убьетъ человѣка, то убійцу должно убить по свидѣтельству одного человѣка; но отбираніе показанія у свидѣтеля предполагаетъ формальное судебное слѣдствіе, и, стало-быть, эти слова опровергаютъ мнимое jus zelotarum, право ревнителей. Моисеевъ законъ (Второз. XIII, 6—9) запрещаетъ соглашаться съ человѣкомъ, который склоняетъ къ идолопоклонству, что̀ въ царствѣ Божіемъ было равносильно возстанію противъ верховной власти; законъ повелѣваетъ обвинить его и по приговорѣ бросить въ него первый камень, но не говоритъ, чтобы можно было убивать его до приговора. Въ XVII главѣ Второзаконія (4, 5, 6 и 7) подробно изложено, какъ должно вести процессъ противъ идолопоклонниковъ; здѣсь Богъ говоритъ народу, какъ Судья и повелѣваетъ, въ случаѣ обвиненія человѣка въ идолопоклонствѣ, тщательно изслѣдовать дѣло, и если обвиненіе окажется вѣрнымъ, побить виновнаго камнями съ тѣмъ, чтобы свидѣтель бросилъ въ него первый камень. Очевидно, это не частная расправа, а общественная казнь. Подобнымъ же образомъ говорится (Второз. XXI, 18, 21), что непокорнаго сына отецъ долженъ привести передъ городскихъ судей и городской народъ, дабы онъ побилъ его камнями. Такъ и св. Стефанъ былъ побитъ камнями не частнымъ рвеніемъ, а по законному приговору, потому что передъ казнью дѣло его разбиралось первосвященникомъ. Вообще въ Библіи нигдѣ не говорится, что можно убивать изъ частнаго рвенія; это выдумка невѣжества и фанатизма, враждебная миру и правосудію въ государствѣ.

Въ главѣ XXXVI я сказалъ, что въ Библіи не говорится, какимъ образомъ Богъ бесѣдовалъ сверхъестественно съ Моисеемъ, кромѣ какъ въ снахъ, видѣніяхъ и въ необыкновенномъ гласѣ, какъ и съ другими пророками. О бесѣдахъ Бога съ Моисеемъ гласомъ съ крышки ковчега обстоятельно говорится въ Числ. VII, 89: Когда Моисей входилъ въ скинію собранія, чтобы говорить съ Нимъ, слышалъ голосъ Господа, говорящій ему съ крышки, которая надъ ковчегомъ откровенія среди двухъ херувимовъ, и говорилъ ему. Но въ Библіи не объясняется именно то, въ чемъ состояло превосходство способа бесѣды Бога съ Моисеемъ надъ способомъ бесѣдъ Его съ другими пророками, напр. Самуиломъ и Авраамомъ, съ которыми Онъ также говорилъ гласомъ (т. е. видѣніемъ); вѣроятно, разница состояла въ степени ясности видѣнія. Ибо выраженія лицемъ къ лицу, устами къ устамъ—нельзя понимать буквально, такъ какъ Богъ безконеченъ и непостижимъ.

Ученіе, изложенное въ этой книгѣ, основано на вѣрныхъ и ясныхъ началахъ, подкрѣпленныхъ твердыми доводами. Ибо я основываю гражданское право правительствъ, обязанности и вольности подданныхъ на извѣстныхъ естественныхъ склонностяхъ людей и на законахъ природы, которыхъ не можетъ не знать ни одинъ человѣкъ, имѣющій притязаніе хотя на долю разсудка, необходимую для управленія своими частными семейными дѣлами. Что касается до церковной власти правительствъ, я основываю ее на текстахъ Писанія, ясныхъ сами по себѣ и согласныхъ съ общимъ духомъ Слова Божія. Поэтому я не сомнѣваюсь, что кто станетъ читать этотъ трактатъ только съ цѣлью научиться, научится. Но для кого всѣ сочиненія, рѣчи и событія служатъ только подстреканіемъ къ отстаиванію противоположныхъ идей, тому и мое сочиненіе покажется неудовлетворительнымъ. Въ подобныхъ условіяхъ человѣку естественно, читая книгу, въ тоже время напрягать все свое вниманіе на отыскиваніе возраженій на нее. Въ настоящее время интересы людей такъ измѣнились, что мое ученіе не можетъ найти много послѣдователей, потому что не всякое ученіе о новыхъ государственныхъ началахъ согласно съ намѣреніями разрушающихъ старыя начала.

Въ разсужденіи о христіанскомъ государствѣ я позволилъ себѣ высказать нѣкоторыя новыя воззрѣнія, которыя подданному было бы преступно раскрывать, еслибы въ государствѣ были закономъ установлены противоположныя мнѣнія; тогда это было бы незаконнымъ посягательствомъ на званіе учителя. Но теперь, когда ученія, которыя я считаю истинными, очевидно служащими къ упроченію мира и повиновенія, къ возвышенію уваженія къ предмету ихъ, не противорѣчатъ порядку, почитаемому мирнымъ и истиннымъ, я могу предлагать ихъ, какъ новое вино въ новыхъ мѣхахъ, что̀ предохраняетъ и вино, и мѣхи. Я не считаю людей дотого преданными старинѣ, чтобы предпочитать старыя заблужденія новымъ дознаннымъ истинамъ, если новизна не можетъ нарушить спокойствія общества.

Больше всего не довѣряю я моему краснорѣчію, хотя знаю, что пишу понятно. Но я пренебрегъ украшеніями изъ цитатъ древнихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, хотя эти украшенія теперь въ такой модѣ; я предпочелъ основывать свои положенія на собственномъ разсудкѣ и на разумныхъ доводахъ. Справедливость ученія можетъ быть доказываема разсудкомъ или Писаніемъ; и то, и другое даетъ ученію опору, но краснорѣчивыя цитаты—никогда. Во вторыхъ, я разбиралъ въ своей книгѣ вопросы права, а не факта, а въ такихъ вопросахъ свидѣтели не

умѣстны. Притомъ нѣтъ ни одного древняго писателя, который не противорѣчилъ бы иногда самъ себѣ и остальнымъ; стало-быть, свидѣтельство ихъ не заслуживаетъ уваженія. Въ третьихъ, изреченія, авторитетъ которыхъ основанъ только на древности, не имѣютъ обыкновенно никакой внутренней связи съ идеями цитирующаго ихъ; они переносятся изъ устъ въ уста, точно зѣвки. Въ четвертыхъ, люди нерѣдко съ злымъ умысломъ прикрываютъ свои ложныя ученія клочками чужаго ума. Въ пятыхъ, сами древніе писатели, которыхъ они цитируютъ, не имѣли привычки украшаться цитатами изъ своихъ предшественниковъ. Въ шестыхъ, выкладывая безъ разбору непереваренныя въ головѣ греческія и латинскія цитаты, писатели только обнаруживаютъ этимъ разстройство пищеваренія въ своемъ мозгу. Наконецъ, признавая даже, что древніе писатели умно и успѣшно искали истину и вывели насъ на лучшій путь къ ней, я нахожу справедливымъ почитать ихъ, но не древность ихъ, потому что, если рѣчь идетъ о первенствѣ эпохъ, то, конечно, современная эпоха самая старшая и болѣе всего заслуживаетъ уваженія. Если же дѣло идетъ о возрастѣ писателей, то я не знаю, были ли прославляемые старинные авторы, когда сочиняли свои произведенія, старше меня, когда я началъ писать. Впрочемъ, все это пустяки: старинныхъ авторовъ хвалятъ не потому, чтобы эти покойники возбуждали къ себѣ особенное уваженіе, а потому, что живые писатели соперничаютъ между собой и завидуютъ другъ другу.

Въ заключеніе скажу, что, по моему убѣжденію, ни въ настоящемъ сочиненіи *), ни въ моей латинской книгѣ о томъ же предметѣ нѣтъ ничего противнаго Слову Божію и нравственности, ничего могущаго нарушить общественное спокойствіе. Поэтому я нахожу, что его полезно напечатать и что было бы еще полезнѣе преподавать это ученіе въ университетахъ, если они согласны съ нимъ. Университеты—это колодцы политическаго и нравственнаго ученія; проповѣдники и образованные люди черпаютъ оттуда воду, какую находятъ, и съ каѳедръ, въ книгахъ, въ разговорахъ брызжутъ ею на общество; стало-быть, необходимо имѣть попеченіе, чтобы она была чиста, свободна отъ примѣси яда языческихъ публицистовъ и міазмъ шарлатановъ. Если бы это ученіе познакомило большинство съ его обязанностями, люди не такъ легко склонялись бы служить честолюбію меньшинства проходимцевъ въ ихъ замыслахъ противъ государства; они меньше роптали бы на тяжесть налоговъ, необходимыхъ для ихъ же мира и защиты; а правители не имѣли бы нужды содержать къ обремененію гражданъ больше войска, чѣмъ сколько необходимо для защиты общественной независимости противъ нападеній и посягательствъ внѣшнихъ враговъ.

*) Т. е. въ англійскомъ изданіи «Левіаѳана».

Кончаю трактатъ мой о Гражданскомъ и Церковномъ Правленіи, вызванный нынѣшними смутами. Я писалъ его безпристрастно, безъ задней мысли, безъ всякаго иного намѣренія, кромѣ того, чтобы показать людямъ соотношеніе между покровительствомъ и повиновеніемъ,—соотношеніе, соблюдать которое предписываютъ всѣ условія человѣческой природы и всѣ божественные законы, естественные и положительные. Хотя для истинъ этой категоріи выйти въ свѣтъ въ революціонную эпоху значитъ родиться подъ неблагопріятнымъ созвѣздіемъ; хотя разрушители стараго порядка смотрятъ на нихъ съ ужасомъ, а учредители новаго отворачиваются отъ нихъ: однако, я не могу думать, чтобы ихъ осудилъ общественный судья ученій или вообще человѣкъ, дорожащій миромъ въ обществѣ. Въ этой надеждѣ возвращаюсь къ моему прерванному разсмотрѣнію естественныхъ тѣлъ. Если Богъ поможетъ мнѣ окончить его, я надѣюсь, новые взгляды найдутъ тамъ больше одобренія, чѣмъ въ настоящемъ трактатѣ объ искусственномъ организмѣ, гдѣ они всегда встрѣчаются недоброжелательно. Физическія истины не нарушаютъ ничьихъ выгодъ, ничьихъ наслажденій, и потому всѣ готовы привѣтствовать ихъ.

КОНЕЦЪ.